

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Белорусский государственный университет иностранных языков»

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОММУНИКАЦИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статьи по результатам международной научной конференции

Минск, 17–18 октября 2025 г.

Минск БГУИЯ
2025

УДК 81'1+81'27(63)
ББК 81.000.2+81.022.5+95.4
Ф 947

Р е к о м е н д о в а н ы Редакционным советом Белорусского государственного университета иностранных языков. Протокол № 5/79 от 19.11.2025 г.

Р е ц е н з е н т ы: зав. кафедрой романо-германских языков международной профессиональной деятельности, кандидат педагогических наук, доцент *М. Ф. Арсентьева* (БГУ); профессор кафедры фонетики и практики английской речи факультета английского языка, доктор филологических наук, доцент *О. А. Артёмова* (БГУИЯ).

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я : Е. В. Зуевская (*отв. редактор*), А. В. Сытько, О. А. Лойко.

Функциональная лингвистика и коммуникация : вызовы и перспективы : Статьи по результатам международной научной конференции. Минск, 17–18 октября 2025 г. / редкол. : Е. В. Зуевская [и др.]. – Минск: БГУИЯ, 2025. – 409 с.

ISBN 978-985-28-0334-2

В издании освещаются проблемы функционирования системных единиц языка в тексте и дискурсе, особенности динамики языковых процессов, результаты лингвокультурологических и сопоставительных исследований на современном этапе.

Адресуется специалистам в области семантики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и дискурса, функциональной грамматики, аспирантам и магистрантам гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.000.2

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке БГУИЯ
по ссылке **e-lib.bsuf.by/** или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0334-2

© УО «Белорусский государственный университет
и иностранных языков», 2025

Барабашёва Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук

г. Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный

технический университет

e-mail: barabashyova@corp.nstu.ru

Irina Vladimirovna Barabasheva

Cand. of Sc. (Pedagogy)

Novosibirsk, Russia

Novosibirsk State Technical Universi-

ty

e-mail: barabashyova@corp.nstu.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению роли образовательных технологий в профессиональной подготовке будущих специалистов на этапе обучения в высшем учебном заведении. Представлен аналитический обзор современных профессионально-ориентированных образовательных технологий, даны характеристики наиболее часто используемых технологий, обоснован выбор технологии «Профессиональное портфолио», как одной из наиболее результативных, благодаря ее профессиональной направленности, ориентации на личность будущего специалиста, его интересы, склонности и способности. На примере опыта Новосибирского государственного технического университета продемонстрирован потенциал использования данной технологии в процессе подготовки будущих учителей иностранного языка. Доказано, что технология «Профессиональное портфолио» позволяет выпускнику оценить уровень сформированности собственных профессиональных компетенций на основе имеющихся рефлексивных умений с использованием предложенного комплекса диагностик, дает возможность наглядно представить личностные и профессиональные достижения на момент окончания вуза, а также определить вектор дальнейшего профессионального развития.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; будущие учителя; иностранные языки; профессионально-ориентированные технологии; профессиональное портфолио.

PROFESSIONALLY ORIENTED TECHNOLOGIES IN PRE-SERVICE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' TRAINING

This article is devoted to the study of the role that educational technologies play in future specialists' professional training when getting higher education. An analytical review of modern professionally oriented educational technologies is presented, the characteristics of the most frequently used technologies are given, and the choice of the «Professional Portfolio» technology is justified as one of the most efficient, due to its professional focus, orientation on the future specialists' personality, their interests, inclinations and abilities. The experience of the Novosibirsk State Technical University demonstrates the potential of introducing this technology in the process of pre-service foreign language teachers' training. The «Professional Portfolio» technology allows graduates to assess the level of their professional competencies based on existing reflexive skills and using the proposed set of diagnostics. Moreover, it gives students the opportunity to clearly present their remarkable personal and professional achievements got by the moment they graduate from the university, and to determine the vector of further professional development.

Key words: professional training; pre-service teachers; foreign languages; vocationally-oriented technologies; professional portfolio.

Актуальность настоящего исследования обусловлена результатами анализа современных требований к обучению иностранным языкам (ИЯ) в системе

высшего образования, выявленной необходимостью переосмысления использования принципов и методов обучения с обязательным применением новых моделей и технологий обучения для максимального раскрытия социально-развивающего потенциала изучаемой дисциплины [1, с. 39]. Включение в учебный процесс современных образовательных технологий позволяет результативно решать проблему целеполагания при обучении иностранным языкам в профессиональных целях [2, с. 30], использование информационно-коммуникационных технологий и проектной деятельности в процессе профессиональной подготовки призвано обеспечить результативность изучения ИЯ через вовлечение обучающихся в аутентичную языковую среду, повышение творческой активности в процессе аудиторной и внеаудиторной работы, обеспечения индивидуальной образовательной траектории студентов и их последующего профессионального развития [3, с. 265].

В справочно-энциклопедической литературе понятие «технология» толкуется по-разному, самое общее определение представлено как совокупность приемов, используемых в каком-то мастерстве, деле [4]. В сфере образования также не существует единого подхода к толкованию понятий «технология», «образовательная технология» или «педагогическая технология». В нашем исследовании за основу берется определение, предложенное академиком Г.К. Селевко, который уравнивает понятия «образовательная технология» и «педагогическая технология» в контексте единства их процессуально-действенного, научного и процессуально-описательного аспектов, автор определяет их как систему функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенную на научной основе, запрограммированную во времени и приводящую к намеченным результатам [4].

Применительно к методике преподавания иностранных языков, образовательные технологии понимаются как совокупность приемов работы педагога и обучаемых, направленных на изучение предмета. В качестве разновидностей образовательных технологий рассматриваются различные тренинговые, игровые и компьютерные технологии, используемые для устойчивого овладения видами иноязычной речевой деятельности [5].

К числу современных образовательных технологий, используемых в учебном процессе вуза, относят деятельностные технологии обучения в виде моделирования профессиональной деятельности в учебном процессе, предметно-ориентированные технологии (технология полного усвоения знаний, концентрированного обучения, уровневой дифференциации, создания «шпаргалки»), технологию «УниверСАМ» инноваций, технологию модульного и проблемно-модульного обучения, поисково-исследовательскую технологию и др. Особая роль отводится технологиям профессионально-ориентированного обучения (технологии учебного диалога, игровые технологии, технологии контекстного и витагенного обучения, проектные технологии, кейс-технологии, эвристические технологии и др.) [6, с. 172].

Целью настоящего исследования, посвященного подготовке будущих учителей иностранных языков в вузе, является изучение потенциала профессионально-ориентированных образовательных технологий для повышения резуль-

тативности учебного процесса с учетом профессиональной направленности будущего специалиста, а также с ориентацией на его личность, интересы, склонности и способности [7, с. 174].

Выделяются следующие ключевые характеристики профессионально-ориентированных технологий: результативность (достижение высоких результатов каждым обучающимся), экономичность (усвоение значительного объема учебного материала за небольшую единицу времени при сравнительно небольших трудо- и временных затратах со стороны участников образовательного процесса), психогигиеничность (обстановка сотрудничества, отсутствие перегрузок и переутомления, положительный эмоциональный микроклимат), высокая мотивация к изучению предмета [1, с. 5–7].

В качестве примера использования профессионально-ориентированных технологий в практике подготовки будущих учителей иностранного языка рассмотрим более подробно технологию «Портфолио», под которой в справочно-энциклопедической литературе понимается форма и процесс организации образцов и продуктов учебно-познавательной деятельности обучаемого, соответствующих информационным материалам из внешних источников, предназначенных для их последующего анализа, всесторонней количественной и качественной оценки уровня обученности ученика и дальнейшей коррекции процесса обучения [4]. При обучении иностранным языкам часто используется так называемый «Языковой портфель», который рассматривается и как средство обучения, и как показатель уровня владения иностранным языком [5]. В нашем исследовании мы предлагаем обратиться к потенциалу подвида данной технологии – «Профессиональному портфолио», как к средству профессионального становления и развития будущих учителей иностранного языка на этапе обучения в вузе, и ознакомиться с вариантами его использования в образовательном процессе.

Технология «Профессиональное портфолио» используется в качестве ведущей технологии в процессе освоения дисциплины «Профессиональное развитие преподавателя иностранного языка», изучаемой в восьмом (заключительном) семестре, студентами четвертого курса направления подготовки 45.03.02 Лингвистика (профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур») Новосибирского государственного технического университета. Использование данной технологии позволяет выпускнику оценить уровень сформированности собственных профессиональных компетенций на основе комплекса диагностик, а также, используя рефлексивные умения, определить вектор дальнейшего профессионального развития и наглядно представить личностные и профессиональные достижения на момент окончания вуза.

Структура «Профессионального портфолио» будущего учителя ИЯ представлена тремя основными разделами:

- Рефлексивно-диагностический портфолио;
- Рабочий портфолио;
- Демонстративный портфолио.

Первый раздел «Рефлексивно-диагностический портфолио» позволяет студентам провести комплексную самодиагностику с целью определения и демонстрации уровня сформированности компонентов собственной профессиональной компетентности. Данный раздел включает четыре подраздела: профессиональный компонент, личностный компонент, личностно-профессиональный портрет учителя ИЯ и пакет проведенных диагностик.

Профессиональный компонент представлен результатами проведенных диагностик будущего учителя в следующих аспектах его профессиональной деятельности:

- знание иностранного языка (Pre-test формат международных экзаменов),
- уровень сформированности общепрофессиональной компетентности (аналитический, прогностический, проективный, рефлексивный, организаторский и коммуникативный аспекты),
- владение методикой обучения иностранным языкам (диагностика на основе профессиональной программы современного учителя ИЯ [8]),
- уровень сформированности цифровой компетентности педагога (общепользовательской, общепедагогической, предметно-педагогической, отражающих профессиональную ИКТ-компетентность),
- мотивационный портрет педагога (коммуникативные и социальные мотивы, профессиональные и учебно-познавательные мотивы, мотивы творческой самореализации и т.д.).

Личностный компонент рефлексивно-диагностического раздела профессионального портфолио включает результаты диагностики

- профессиональной направленности личности студента (педагогическая, административная, научная, техническая),
- определение его предрасположенности к конкретному стилю педагогического общения,
- наличие определенных педагогических способностей,
- уровня сформированности профессионально-значимых качеств будущего учителя ИЯ,
- уровня сформированности гибких навыков специалиста (например, навыки тайм-менеджмента и т.д.)

Личностно-профессиональный портрет учителя ИЯ формируется на основе двух компонентов:

- текстово-графического варианта портрета, который разрабатывается с использованием графических генеративных нейросетей с обязательным внесением в раздел промпта запроса, указанием используемой нейросети и демонстрацией полученного результата,
- портрета учителя с учетом региональных характеристик, который формируется студентами на основе поискового анализа требований к подготовке учителя ИЯ с точки зрения работодателя в конкретном регионе страны.

Пакет проведенных диагностик включает ссылки на анкеты, опросы, тесты, диагностические методики и т.д., а также результаты проведенных диагностических мероприятий, их анализ, наглядная презентация в виде графиков, диаграмм, гистограмм и т.д. и рефлексивные выводы по полученным результатам.

Второй раздел «Рабочий портфолио» представлен разработками студентов траекторий собственного профессионального развития с использованием комплекса традиционных и инновационных технологий (кейс-технологии, мастер-классы, технология бинарного преподавания, технология сетевого взаимодействия, технология «Профессионально-педагогическое содействие» и т.д.) на основе анализа

- собственных навыков профессионального, карьерного, личностного, социального и навыкового целеполагания (по SMART-стратегиям),
- существующих у студента барьеров к саморазвитию,
- уровня готовности к работе в инновационной образовательной среде.

Третий раздел «Демонстративный портфолио» включает пакет документов, отражающих значимые достижения студентов за время обучения в вузе в научной, профессиональной, культурной, спортивной и другой деятельности:

- резюме,
- документы об образовании (свидетельства / удостоверения о переподготовке, повышении квалификации, сдаче языковых экзаменов и т.д.),
- документы предметных достижений (грамоты, дипломы, сертификаты, подтверждающие участие в конкурсах, конференциях, олимпиадах и т.д. по профилю подготовки),
- принты научных публикаций (РИНЦ, ВАК, SCOPUS, WOS),
- документы, подтверждающие победу в конкурсе грантов и именных премий / стипендий,
- документы личностных достижений (грамоты, дипломы, сертификаты участия в культурных и спортивных мероприятиях) и т.д.

Защита разработанных «Профессиональных портфолио» будущими учителями ИЯ проводится в формате круглого стола на последнем занятии по дисциплине. Предварительно разделившись на группы по 3–4 человека, студенты изучают работы друг друга на предмет:

- соответствия структурным требованиям к разработке портфолио,
- соответствия содержательным требованиям к разработке портфолио,
- корректности и лаконичности оформления,
- наличия творческого подхода к проведению работы.

Результаты проведенного структурно-содержательного анализа портфолио представляются в виде коллективных презентаций и обсуждаются участниками групп, которые делятся общими впечатлениями о проведенной работе, акцентируют ее сильные стороны, обозначают перспективы для доработки.

Подводя итог, отметим, что используемая технология позволяет преподавателю дисциплины не только усилить личностную заинтересованность и повысить учебную мотивацию выпускников, благодаря их активному включению в реальный профессиональный контекст учебной деятельности, но и дает возможность оценить содержательное наполнение учебного плана с точки зрения полученных практических результатов, и, соответственно, внести необходимые коррективы для актуализации содержания дисциплин профессионального цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитренко Т. А. Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования. М. : МПГУ, 2020. 164 с.
2. Мелёхина Е. А. Проблема целеполагания в обучении иностранным языкам для профессиональных целей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 109. С. 28–35.
3. Игнатович А. А., Казачихина И. А. Обучение студентов – будущих переводчиков профессионально-ориентированному иностранному языку // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр.: в 9 ч. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. Ч. 8. С. 264–267.
4. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1. М. : НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
5. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
6. Барабашёва И. В. Современные образовательные технологии в формировании учебной мотивации студентов лингвистов // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов 9 междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 24–26 марта 2021 г. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. С. 171–174.
7. Барабашёва И. В., Кириченко М. П. Профессионально-ориентированные технологии в обучении иностранным языкам в вузе // Язык. Общество. Образование : Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Томск, 10–12 ноября 2021 года / Под редакцией Ю. В. Кобенко. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2021. С. 171–175.
8. Профессиограмма современного учителя иностранного языка / А. Л. Бердичевский, Е. Г. Тарева, Н. В. Языкова. М. : ФЛИНТА, 2021. 48 с.

Безменова Елизавета Сергеевна
преподаватель
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: bzmnv@gmail.com

Elizaveta Sergeevna Bezmenova
teacher
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: bzmnv@gmail.com

«I WILL KILL YOU»: МЕНАСИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГРОЗЫ В НАРРАТИВЕ

Статья посвящена лингвопрагматическому анализу менасивных предикатов как ядерных элементов речевых актов угрозы в художественном дискурсе. Демонстрируются семантико-синтаксические модели вербализации угрозы, их прагматические функции и роль в структуре нарратива. Особое внимание уделяется противопоставлению угроз-предупреждений, направленных на модификацию поведения адресата, и угроз-наказаний как актов возмездия за совершенные действия. Исследование демонстрирует, что, несмотря на ключевую роль менасивных предикатов в идентификации интенции, успешная реализация угрозы обеспечивается комплексом факторов: синтаксической структурой, паралингвистикой, широким контекстом и характеристиками персонажей. В заключении отмечается, что прямые угрозы с эксплицитными предикатами характерны для конфликтов, демонстрирующих властную доминанту, в то время как в иных ситуациях доминируют имплицитные стратегии.

Ключевые слова: менасивные предикаты; менасивные высказывания; речевой акт угрозы; семантика физического насилия.

«I WILL KILL YOU»: MENASIVE PREDICATES AS A TOOL FOR THREAT CONSTRUCTION IN NARRATIVE

The article undertakes a linguopragmatic analysis of menasive predicates as fundamental components of speech acts of threat within artistic discourse. This study examines the semantic-syntactic models of threat verbalization, alongside their pragmatic functions and significance in narrative structure. Special emphasis is placed on the dichotomy between threats-warnings, which aim to modify the addressee's behavior, and threats-punishments, which serve as retaliatory acts in response to prior actions. The research demonstrates that, while menasive predicates play a critical role in conveying intention, the effective realization of threats is contingent upon a confluence of factors, including syntactic structure, paralinguistic elements, contextual breadth, and character attributes. The study concludes with the observation that direct threats featuring explicit predicates typically manifest in conflicts exhibiting dominant power dynamics, whereas implicit strategies are more prevalent in alternative contexts.

Key words: menasive predicates; menasive utterances; speech act of threat; semantics of physical violence.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью менасивных предикатов в идентификации речевых актов угрозы (далее – РАУ), а также необходимостью их комплексного анализа в широком контексте для точной интерпретации интенции говорящего и сложностью разграничения угрозы от смежных актов (предупреждение, обещание).

Цель исследования состоит в верификации угрозы через анализ семантико-синтаксических моделей с менасивными предикатами (на материале английского языка), с учетом их взаимодействия с контекстом.

Для достижения цели исследования в работе применяются следующие методы: семантико-синтаксический анализ структуры предложения, синтаксический анализ при определении структурного и коммуникативного типа предложения, контекстуальный анализ.

Менасивное высказывание представляет собой лингвопрагматический феномен, реализуемый посредством комплекса вербальных конструкций, объединенных общей иллокутивной целью – оказанием воздействия на адресата. Ядром данного речевого акта является декларация потенциальных негативных последствий или санкций, актуализируемая в случае невыполнения предъявляемого требования. Воздействие направлено на каузацию определенного поведения (совершения или прекращения действий) через активацию в когнитивном пространстве реципиента фреймов, ассоциированных с переживанием аффекта или психологического дискомфорта [1].

Подход к анализу РАУ предполагает выделение базовой семантико-синтаксической структуры, обычно реализующейся через условные конструкции с явным или имплицитным комиссивным (намерением причинить вред) и директивным компонентами. Поясним это на примере исходя из словарной дефиниции глагола *threaten* ‘угрожать’: *to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want* ‘сказать, что вы доставите неприятности, причините кому-то вред и т.д., если не получите то, что хотите’ [2]. Данное определение позволяет смоделировать высказывание со значением угрозы. Например, *I will cause trouble / hurt you if you do not do what I want* ‘Я причиню тебе вред, если ты не сделаешь то, что я хочу’. Дефиниция глагола *threaten* подтверждает, что в ситуации угрозы ожидаются как минимум два участника: адресант (говорящий) и адресат (слушающий). Подлежащее *I* ‘я’ выполняет роль семантического агента и соответствует коммуникативной роли адресанта, который является и исполнителем действия. Дополнение *you* ‘ты’ выступает в качестве пациенса и соответствует адресату – получателю угрозы. В придаточном условия подлежащее *you* является семантическим субъектом второй пропозиции. Двухкомпонентная структура угрозы реализуется через сложноподчиненное предложение с придаточным условия, двойственность менасива следует из комиссивной природы главного предложения и директивной – придаточного [3].

С точки зрения лингвопрагматики менасивы принято делить на две основные категории: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. Согласно А.Н. Баранову, первый тип характерен для коммуникативных контекстов, где адресат совершил действие, противоречащее интересам и/или воле адресанта, что провоцирует последнего оповестить о неизбежности ответных санкций. Угроза-наказание семантически нацелена на то, чтобы вызвать у адресата страх наказания. В ситуациях с вероятностью рецидива она приобретает дополнительную превентивную функцию, а также может выполнять воспитательную роль, аналогично самому наказанию. Иначе обстоит дело с угрозами-

предупреждениями, которые используются в ситуациях, когда говорящий, предвидя потенциально нежелательные действия адресата, стремится вербально предотвратить их реализацию. Важно подчеркнуть, что угроза-предупреждение, в отличие от первого типа, относится к побуждениям (но остается косвенным речевым актом) [4].

Существенную роль играет анализ коммуникативной ситуации, поскольку, успешная реализация РАУ напрямую зависит от условий коммуникативной ситуации, под которыми понимается совокупность внешних обстоятельств взаимодействия. К базовым компонентам данной ситуации относятся: участники общения, их коммуникативные цели, средства и способы коммуникации, а также место коммуникации.

Несмотря на наличие широкого спектра экстралингвистических факторов, одним из барьеров для отнесения угрозы к какому-либо из классов является отсутствие у нее канонического перформативного выражения. В частности, глагол *угрожать* – один из ключевых репрезентантов класса менасивов – квалифицируется как квазиперформативный (т.е. не способен употребляться в форме первого лица в настоящем времени). Тем не менее нельзя полностью исключать возможность оформления угрозы перформативно через другие глаголы. Следовательно, необходимым представляется анализ конкретных маркеров – менасивных предикатов, обслуживающих разные иллокутивные модели угрозы. Анализ материала на английском языке позволяет выделить несколько классов менасивных предикатов:

1. Прямые предикаты причинения вреда. Глаголы прямо называют вредоносное действие (*to kill, to hurt, to smash* и т.д.). Угроза максимально эксплицитна, особенно в сочетании с модальными глаголами обязательства или будущего времени (*must, shall, will*).

2. Косвенные предикаты-предостережения. Глаголы описывают не действие, а его результат для адресата, часто снимая с говорящего прямую ответственность (*to regret, to be sorry, not to like* и т.д.).

3. Каузативные предикаты. Глаголы указывают на причинно-следственную связь: вред будет причинен не самим говорящим, но по его воле или вследствие его действий (*make you pay, have you killed* и т.д.).

4. Предикаты возможности/невозможности. Угроза реализуется через модальные конструкции, выражающие запрет или невозможность какого-либо действия для адресата (*cannot let, will not allow, not going to happen* и т.д.).

Анализ менасивных предикатов представляет особую ценность в силу их прагматической неоднозначности. Вне контекста высказывание лишено конкретной иллокутивной силы: например, фраза *You will be sorry* 'Ты пожалеешь' может функционировать и как угроза, и как упрек в соответствующей обстановке. Прагматический потенциал данных предикатов раскрывается только в конкретных условиях коммуникации и определяется такими факторами, как статус коммуникантов, предшествующий дискурс и т.д.

Задача верификации угрозы заключается в установлении соответствия высказывания ряду прагматических условий ее успешности: наличия у говорящего реальной возможности причинить вред, восприятия адресатом высказывания

как менасива и существования контекстуальных предпосылок для угрожающей интерпретации. Указанные условия успешности предполагают необходимость анализа менасивных высказываний в полноценном коммуникативном контексте, где все компоненты эксплицированы или легко восстанавливаются.

В фокусе настоящей работы находятся предикаты менасивного значения, представляющие собой семантически маркированную группу глаголов, выражающих интенцию причинения физического ущерба адресату. Выбор предикатов именно физической угрозы обусловлен их семантической определенностью и относительно четкими критериями идентификации в тексте, обеспечивая надежность верификации менасивного значения. Кроме того, подобные предикаты образуют ядро функционально-семантического поля угрозы, что позволяет на их основе выявлять синтаксические модели и прагматические стратегии, характерные для речевого акта угрозы в целом. К числу наиболее репрезентативных предикатов данной группы относится, в частности, глагол *to kill* ‘убивать’. Рассмотрим примеры.

(1) “*One more thing.*” *She leaned forward again so that her face was only a couple of inches from his. “If you ever touch me again, I will kill you. And that’s a promise.”* ‘И ещё кое-что, – Она снова наклонилась вперед, так что ее лицо оказалось в нескольких дюймах от его. – Если ты когда-нибудь снова прикоснешься ко мне, я убью тебя. Обещаю’ [5].

Высказывание *I will kill you* представляет собой каноническую реализацию менасивного речевого акта с ярко выраженной структурой угрозы. Семантические роли напрямую соответствуют коммуникативным: в главной клаузе *I will kill you* ‘я убью тебя’ адресант однозначно занимает позицию агенса, инициирующего насильственное действие, а адресат становится пациентом – объектом воздействия. В условной клаузе *if you ever touch me again* ‘если ты когда-нибудь снова прикоснешься ко мне’ происходит временная инверсия: адресат маркируется как потенциальный агент нарушения запрета, что подчеркивает причинно-следственную связь между его действием и санкцией. Предикат *will kill* ‘убью’ выступает ядерным элементом высказывания, эксплицитно вербализующим интенцию физической расправы над адресатом. Условие, выраженное в придаточной клаузе, выполняет директивную функцию, устанавливая абсолютный запрет на действие, нарушение которого приведет к реализации санкции. Перформативный компонент *that’s a promise* ‘обещаю’ усиливает иллокутивную силу угрозы, придавая ей характер клятвенного обязательства и тем самым исключая возможность метафорической интерпретации. Прагматический контекст ситуации определяет данную угрозу как акт символического восстановления власти: адресант (Саландер), ранее бывшая жертвой насилия, демонстрирует полный контроль над адресатом (Бьюрманом) – *Lie rather still because this is the first time I’ve used this equipment* ‘Лежи неподвижно – я впервые пользуюсь этим инструментом’; *The message was written in caps over five lines that covered his belly, from his nipples to just above his genitals: I AM A SADISTIC PIG, A PERVERT, AND A RAPIST* ‘Надпись была выполнена заглавными буквами в пять строк, покрывающих его живот от сосков до самой линии гениталий: «Я – САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ИЗВРАЩЕНЕЦ И НАСИЛЬНИК»’. Языковые сред-

ства в описываемой коммуникативной ситуации максимально эксплицитны, а их прагматическая реализация подтверждается невербальными и паралингвистическими маркерами.

Примечательно то, что данное высказывание *If you ever touch me again, I will kill you. And that's a promise* пусть и направлено на предотвращение будущих действий адресата (злоупотребление его положением, действия насильственного характера по отношению к адресанту, а также к другим предполагаемым жертвам), в то же время во многом является реакцией на уже совершенные им противоправные действия. Однако мы склонны интерпретировать данное высказывание преимущественно как угрозу-предупреждение, поскольку его иллокутивная сила в большинстве своем направлена на модификацию будущего поведения адресата. Ключевым аргументом в пользу такой интерпретации выступает наличие у говорящего перечня требований, определяющих желаемые модели действий (*Each month you will prepare a report about your non-existent meetings with me* 'Каждый месяц ты будешь готовить отчёт о наших несуществующих встречах'; *In a year or so, let's say two, you will initiate negotiations in the district court to have my declaration of incompetence rescinded* 'Год-два, ну пусть два, и ты инициируешь в районном суде пересмотр решения о моей недееспособности').

Противоположная ситуация наблюдается в случае угрозы-наказания, где коммуникативная интенция говорящего смещена с предотвращения будущего действия на реализацию акта возмездия за действие уже свершившееся. В отличие от условной структуры предупреждения, такая угроза обладает характерной чертой безусловности и часто функционирует как перформативная декларация неизбежной расправы.

(2) *Stand still, do not move! I gave you life, I will also kill you!* 'Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью' [6].

Анализируемый пример демонстрирует реализацию угрозы-наказания, что кардинально отличает его от условных предупреждений. Данное высказывание построено по принципу каузативной декларации: санкция представлена не как потенциальная возможность (т.е. сложноподчиненным предложением с придаточным условием), а как неизбежный и безусловный итог, следующий за уже совершенным проступком – предательством (*To think that you should be such a traitor! that you should betray your faith! betray your comrades!* 'Так продать? продать веру? продать своих?'). Семантика высказывания подчеркивает эту безусловность: императивные команды (*Stand still, do not move!*) функционально эквивалентны аресту, лишая адресата возможности избежать наказания, а антитеза *I gave you life, I will also kill you* актуализирует абсолютную власть адресанта над жизнью и смертью адресата. Предикат *will kill* 'убью' выступает здесь не угрозой будущего действия, а перформативной констатацией приговора, где адресант (Тарас) однозначно маркируется как агенс-каратель, а адресат (Андрей) – как пациент, лишенный права на выбор. Прагматически иллокутивная сила высказывания направлена не на модификацию поведения, а на реализацию возмездия, что подтверждается немедленным перлокутивным эффектом – приведением приговора в исполнение. Контекст (немедленный выстрел –

Taras fired ‘Тарас выстрелил’) снимает любую возможность метафорической интерпретации, превращая языковое действие в прямое физическое. Таким образом, высказывание функционирует как акт символического правосудия, где язык – инструмент обоснования уже принятого карательного решения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Менасивные предикаты, безусловно, выступают семантическим ядром и основным строительным блоком для вербализации прямой угрозы. Однако иллокутивная сила и перлокутивная успешность речевого акта угрозы как целостного действия конструируются на уровне нарратива – через синтаксические структуры, паралингвистическое сопровождение, предысторию персонажей и конкретные условия коммуникативной ситуации. В художественных текстах угроза реализует не только коммуникативную, но и ключевую сюжетообразующую и характеризующую функцию, выступая инструментом развития конфликта и раскрытия властных отношений между персонажами. Прямые угрозы с эксплицитными менасивными предикатами характерны для определенных типов персонажей (наделенных властью, готовностью к действию) и острых конфликтов, в то время как в иных контекстах доминируют имплицитные и косвенные стратегии вербализации агрессии. Таким образом, угроза предстает не как статичный речевой акт, а как динамический нарративный конструкт, чья форма и прагматическая функция детерминированы широким контекстом произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). М. : ИЯ РАН; Тверь: Твер. ГСМА, 2013. 165 с.
2. Oxford Dictionary [Electronic source]. London, 2000. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 12.08.2025).
3. Карчевски Р. И. Прагмакоммуникативные характеристики языковых средств выражения угрозы в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Карчевски Роман ; МГЛУ. Минск, 2005. 122 с.
4. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Диалог : ежегод. Междунар. конф. Москва : Изд-во РГГУ, 2013. Вып. 12 : Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Т. 1. С. 84–94. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vollweb.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
5. Larrson, S. The Girl with the Dragon Tattoo. Canada : Penguin Canada, 2005. 480 p.
6. Gogol, N. V. Taras Bulba. New York : Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 308 p.

Беляева Мария Вячеславовна
кандидат филологических наук
г. Москва, Россия
Московский городской
педагогический университет
e-mail: beljaeva-mv@mail.ru

Maria Vyatcheslavovna Belyaeva
PhD in Philology
Moscow, Russia
Moscow City University
e-mail: beljaeva-mv@mail.ru

ТОПОНИМИКА БЕРЛИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Рассмотрены топонимы Берлина – столицы Германии с целью показать гетерогенность наименований, их связь с культурным наследием и историей страны и города. Выявлены некоторые закономерности урбанистической картины Берлина, свидетельствующие о ее своеобразии, что представляет интерес и с лингвистических позиций.

Ключевые слова: топоним; социокультурный аспект исследования; антропоцентрический подход; компоненты топонимов.

TOPONYMY OF BERLIN IN THE SOCIO-CULTURAL ASPECT

The toponyms of Berlin, the capital of Germany, are considered in order to show the heterogeneity of names and their connection with the cultural heritage and history of the country and the city. Some patterns of the urban picture of Berlin have been identified, indicating its uniqueness, which is also of interest from a linguistic point of view.

Key words: toponym; socio-cultural aspect of research; anthropocentric approach; components of toponyms.

Топонимика представляет собой актуальный аспект изучения лингвистических, исторических и социокультурных особенностей страны, с которой осуществляется знакомство в процессе обучения иностранному языку. Топонимы рассматриваются комплексно как определенные коды, в которых как раз и зашифрована информация об обществе и его культурно-исторических корнях, причем, используя различные методы исследования (диахронический или синхронический, историко-генетический или этимологический, а также сравнительно-статистический) можно создать достоверную картину социокультурного ландшафта города или страны.

Топонимика рассматривается в науке и как значимый ресурс когнитивной лингвистики (подробнее [3]). Можно выделять топонимические концепты, рассматривать язык и ментальность в их взаимосвязи, а также анализировать на основе антропоцентрического подхода восприятие человеком окружающей его географической действительности [1]. Одним из принятых в современной лингвистике аспектов изучения топонимов является социокультурный, позволяющий на основе таких методов, как описательный (сбор, обработка и систематизация топонимического материала), структурный анализ (структура моделей топонимов с помощью словообразовательного метода) и семантический анализ (интерпретация внутренней формы слова) составить представление о языковой картине мира носителей языка.

В центре внимания лингвистов, изучающих различные топонимы, находится весьма широкий круг географических объектов, не является исключением и топонимика Германии, включая обращения к топонимам Берлина, столицы государства. Можно найти многочисленные публикации, которые анализируют различные версии происхождения топонима Берлин (славянское происхождение, производное от слова *Bär* ‘медведь’ и т.д.). Наиболее интересным, однако, является романтический топоним-метафора «*Spree-Athen*» – «Афины на Шпрее», которым подчеркивается культура и красота города – сравнение с древнегреческими Афинами.

Актуальность избранной темы не утрачена, поскольку Берлин представляет собой сплетение истории и культуры, социальных изменений в стране и городе. С позиций топонимики могут быть интересны изменения в названиях улиц и площадей Берлина на определенных исторических этапах, а также до и после объединения Германии. Изучение карты города свидетельствует, что изменений в городских топонимах в связи с объединением Германии практически не существует: сохранены исторически обусловленные названия улиц и площадей, что отражает антропоцентрический подход к восприятию географии города – незыблемость исторической организации урбанистической среды. В Берлине многие улицы и площади носят имена исторических и культурных деятелей как Германии, так и других государств. Для нас интересен факт сохранения культурных связей между Германией и Россией, закрепленных в целом ряде топонимов. Например, Глинкаштрассе до 1951 г. называлась Каноништрассе (Пушкарская или Артиллерийская улица), а переименовали ее, так как Глинка прожил на этой улице последние месяцы своей жизни, название сохранено и в объединенной Германии. Улицы Бородинштрассе и Чайковскиштрассе сохранили свои названия, что является свидетельством признания заслуг русских композиторов в мировой музыкальной культуре. Следует отметить наличие улиц, носящих имена русских писателей и поэтов: Пушкина, Бориса Пастернака, М. Горького, Л. Толстого, В. Маяковского (*Puschkinallee*, *Boris-Pasternak-Weg*, *Majakowskiring*, *Gorkistraße*, *Tolstoistraße*).

В Берлине насчитывается 9700 площадей и улиц и 20 из них названы в честь деятелей русской истории и культуры [4].

Топонимика города представляет собой отражение всех культурно-исторических этапов его развития, являясь своего рода увлекательной книгой, читая которую можно почерпнуть много интересных фактов. Так, например, в прямо за Бранденбургскими воротами перед Унтер-ден-Линден расположена Парижская площадь (*Pariser Platz*), получившая свое название в 1814 году в связи с завоеванием Парижа немецкими войсками. Это название площадь сохранила и до наших дней.

Специфику топонимики Берлина можно увидеть в существовании целых городских районов, в которых улицы названы, например, именами только великих композиторов: Брамсштрассе, Хендельштрассе, Рихард-Вагнер-Штрассе, Шуберт-Штрассе, Моцарт-Штрассе, Бетховен-Штрассе, Верди-Штрассе, Себастьян-Бах-Штрассе и многих других.

Такой топонимический феномен является реализацией социокультурного аспекта в большом районе города. Этот район получил название Компонистенфиртель ('район композиторов'), и он имеет свою интересную историю – это часть жилого района Панков в Вайсензее, застраивавшегося в течение длительного периода, начиная с 1870-х годов. Сначала это был Французский район, связанный с победой Германии в немецко-французской войне 1870/71 годов, но в связи с определенными историческими и политическими событиями после второй мировой войны в 1951 году произошло переименование района, и улицы получили названия по именам известных композиторов, что сохранилось и до сих пор, сформировав оригинальный топонимический облик данного района. Например, Седанштрассе стала Бизештрассе, Эльзасштрассе – Малерштрассе и т.д. [7].

Топонимика Берлина отличается и другими не менее яркими особенностями, к числу которых следует отнести использование в наименовании улиц и площадей имен исторических, политических и культурных деятелей.

Германия – единственная страна, где в столице центральная площадь носит имя главы зарубежного государства. Чтобы заключить с Фридрихом III союз против Наполеона, осенью 1805 года в Берлин приехал русский император Александр I. В честь него и назвали площадь – Александрплац, до этого площадь носила имя «Площадь Королевских ворот» ('Königs Tor Platz'). С именем Александра I связан и топоним Королевская улица ('Kaiserstraße'), хотя по сути это должна была быть «царская улица», т.к. это название она получила в 1805 году, поскольку здесь во время своего визита в Берлин проезжал русский царь.

Нельзя не отметить при анализе топонимических особенностей Берлина такие названия улиц и площадей, как Бебельплац, Мерингплац, Энгельсплац, Карл-Маркс-Алле (на территории бывшего Восточного Берлина) и Карл-Маркс-Штрассе (на территории бывшего Западного Берлина), Роза-Люксембург-Платц (Бывший Восточный Берлин) и Роза-Люксембург-Штрассе (бывший Западный Берлин). Сравнение на карте Берлина топонимов восточной и западной его частей позволяет увидеть, что в Берлине память о ряде исторических политических деятелях одинаково хорошо сохранена в названиях улиц [5].

С позиций структурного анализа обращают на себя внимание словообразовательные модели в наименовании улиц города с использованием компонентов Allee, Weg, Straße, Gasse, Ring, Damm, Zeile, Steig/Stieg, Pfad (аллея, дорога, улица, проулок, кольцо, дамба или мостовая, ряд/линия, узкая улица, спуск, подъем, тропа/небольшая узкая улица), что типично для топонимики как Берлина, так и городов Германии. Эти лексемы могут рассматриваться как полусуффиксы, т.к. они выступают в качестве топонимообразующих компонентов с семантикой величины и значимости географического объекта. Как правило, названия с этими полусуффиксами обозначают давно проложенные и застроенные улицы в центре города, но, судя по карте Берлина, подобные названия улиц есть в различных частях города и применяются для обозначения их пространственных характеристик. Компонент Damm чаще встречается в северной части Германии и в Берлине, чем в другой местности страны. Так, в Берлине достаточно много топонимов-локаций типа Borsigdamm 'борзигдамм',

Reichweindamm ‘райхвайндамм’, Nonnendamm ‘ноннендамм’ и других, из которых наиболее известно название одной из престижных улиц столицы Kurfürstendamm (‘Курфюрстова дамба’), сокращённо – Кудамм (Ku’damm). Подобные сокращения наименований урбанистических объектов также являются особой приметой топонимики Берлина [2] и подчеркивают отношение жителей города к своему месту проживания, реализуя таким образом топонимическую словообразовательную модель: Alex – Alexanderplatz (‘Александрплатц’), Potse – Potsdamer Straße (‘Потсдамская улица’), Stuti – Stuttgarter Platz (‘Штутгартская площадь’).

На примере двух округов Берлина (центрального исторического и более молодого удаленного) рассмотрим подробнее социокультурный аспект и его языковую реализацию в топонимах. Первый – это Шарлоттенбург-север (‘Charlottenburg-Nord’). Здесь названия улиц и площадей составлены преимущественно из имен людей, сыгравших определенную роль в культуре, науке, истории и политике, и компонентов, указывающих на географическую локацию, геометрическую форму или иную особенность расположения, например: Geitelsteig (гейтельштейг/спуск – по имени физика, появилась на карте города в 1937 г.), Schweiggerweg (улица им. Швейггера – математика и физика, на карте города с 1937 г.), Hüttigpfad (улица им. Гуттига – антифашиста, появилась в 1950 г.) и другие (подробнее см. [6]).

На примере округа Марцан (‘Marzahn’), появившегося в период существования ГДР в 1980-е годы прошлого века, рассмотрим некоторые топонимы с перечисленными выше компонентами. Наиболее часто встречаются названия улиц с компонентом Straße ‘штрассе’: Рауль-Валленберг-Штрассе (по имени шведского дипломата, спасшего жизни венгерских евреев в период Холокоста), Отто-Нагель-Штрассе (по имени немецкого живописца и графика – одного из наиболее известных художников ГДР), Леа-Грундиг-Штрассе (по имени известной художницы-графика, культурного деятеля ГДР), Хайнрих-Грюбер-Штрассе (по имени немецкого богослова и пастора) и многие другие, носящие имена как исторических, так и культурных деятелей. В названиях небольших улиц присутствуют как компоненты Weg ‘вег’, так и Straße ‘штрассе’: бурхард-вег, фридолинвег, зигмарштрассе, элизабетштрассе и т.д. Можно предположить, что в более современном урбанистическом контексте стирается семантическое различие между «вег» и «штрассе», что подтверждает переход самостоятельных лексем в статус грамматических элементов, компоненты «аллее» и «ринг» в названиях улиц также демонстрируют определенную семантическую нейтрализацию. Так, в названиях многих улиц утрачена сема округлости в слове «ринг» (‘кольцо’) и улица показана как прямая на карте города.

Еще одной топонимической особенностью Берлина является наличие улиц с соответствующей нумерацией, например, Straße 133, 134, 150; 109, 156 или Privatstraße (‘частная улица’) 1, 2, 3. Эти улицы расположены соответственно вблизи друг от друга, расположены как в восточной, так и западной частях города. Такие цифровые наименования улицы получали в период застройки районов, часть была переименована, но другая часть еще сохранила свою цифровую маркировку.

Подводя итог, можно отметить, что топонимическая картина Берлина весьма разнообразна. В названиях улиц и площадей отражены географические объекты (например: Augsburger Straße – ‘Аугсбургская улица’, Eisenacher Straße – ‘Айзенахская улица’, Leipziger – ‘Лейпцигская улица’, Greifswalder Straße – ‘Грайфсвальдская улица’, Petersburger Straße – ‘Петербургская улица’, Moskauer Straße – ‘Московская улица’, Afrikanische Straße – ‘Африканская улица’), культурно-исторические вехи развития (например: Scharlottenburger Straße – напоминание о замке Шарлоттенбург, Kurfürstendamm и Kurfürstenstraße – напоминание о дорогах, по которым верхом на лошади курфюрсты ездили от Городского дворца до замка Груневальд, HansasträÙe – напоминание о ганзейском союзе государств для торговли и др.), названия улиц с ландшафтной характеристикой (Parkstraße – есть парковые улицы как в бывшем Западном, так и Восточном Берлине; Kirschblütenweg – улица цветущей вишни). Проведенное исследование показывает, что подавляющее большинство улиц и площадей носит имена культурных и политических деятелей, ученых и исторических лиц различных периодов существования Германии. Топонимика Берлина дает, таким образом, возможность исследовать социокультурные аспекты прошлого и настоящего Германии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 128–133.
2. Беляев А.Н. Немецкие топонимы как порождение и отражение культуры // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №3. С. 683-687. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-toponimy-kak-porozhdenie-i-otrazhenie-kultury>
3. Ковлакас Е.Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте// Современные исследования социальных проблем. 2021. Том 13. № 4. Часть 2. URL: <http://soc-journal.ru>
4. Прямо из Берлина URL: <https://directfromberlin.wordpress.com/2025/06/12/berlin-streets-and-squares-named-after-figures-of-russian-history-and-culture/>
5. Берлин (карта) URL: <https://yandex.ru/maps/org/238124678592/?ll=13.413945%2C52.521014&z=1>
6. Liste der Straßen und Plätze in Berlin-Charlottenburg-Nord. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_Straßen_und_Plätze_in_Berlin-Charlottenburg-Nord.
7. WiKi URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Komponistenviertel_\(Berlin-Weißensee\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Komponistenviertel_(Berlin-Weißensee)).

УДК 811.112'373:811.112'25

Богданова Наталия Альбертовна

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: albertowna@mail.ru

Natallia Bahdanava

PhD in Philology

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: albertowna@mail.ru

РОЛЬ КОЭФФИЦИЕНТА ДАЙСА И КОЛЛОКАЦИОННОЙ ЧАСТОТНОСТИ ДЛЯ РАСЧЕТА ИНДЕКСА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОСОДИИ СЛОВА

В статье рассматривается корпусной подход к описанию лексического значения слова, основанный на явлении совстречаемости лексических единиц. Описывается возможность изучения семантической просодии слова – его тональной окраски, вызванной особенностями сочетания узлового слова с коллокатами различной тональности. На основе коэффициента Дайса и коллокационной частотности лексических единиц предлагается формула расчета индекса семантической просодии слова (SPI), описывается способ подсчета веса каждого коллоката, взвешенного вклада тональности каждого коллоката и возможности нейтрализации больших коллокационных частот. Предложенная формула апробируется на немецких глаголах с каузальным значением: *verursachen*, *bewirken*, *auslösen*, описывается методика определения тональности слова и рассчитывается индекс семантической просодии для каждого глагола.

Ключевые слова: семантическая просодия; коллокация; узловое слово; коллокат; тональность.

THE ROLE OF THE DICE COEFFICIENT AND COLLOCATION FREQUENCY IN CALCULATING A WORD'S SEMANTIC PROSODY INDEX

The article discusses a corpus-based approach to describing the lexical meaning of a word based on the phenomenon of co-occurrence of lexical units. It describes the possibility of studying the semantic prosody of a word – its tonal colouring caused by the peculiarities of combining a key word with collocations of different tonality. Based on the Dice coefficient and the collocation specificity of lexical units, a formula for calculating the semantic prosody index (SPI) of a word is proposed, and a method for calculating the weight of each collocation, the weighted contribution of the tonality of each collocation, and the possibility of neutralising high collocation frequencies is described. The proposed formula is tested on German verbs with a causal meaning: *verursachen*, *bewirken*, *auslösen*. The methodology for determining the tonality of a word is described, and the semantic prosody index is calculated for each verb.

Keywords: semantic prosody; collocation; key word; collocates; tonality.

Стремительное развитие корпусной лингвистики привело к возникновению новых способов изучения языка и речи и вместе с тем к пересмотру некоторых базовых концепций лингвистики, лексикографии, лингводидактики. Одна из таких инноваций касается подхода к определению границ значения слова. Данные больших текстовых коллекций показывают, что значение слова существует в сложном переплетении контекста, традиций употребления и тонких

смысловых оттенков, которые часто не фиксируются в словарях, хотя могут интуитивно осознаваться носителями языка. В этой связи интересным представляется изучение **семантической просодии** слова – устойчивой **коннотативной ауры** слова или словосочетания, проявляющейся в его типичном окружении. Тенденция слова сочетаться преимущественно с лексикой позитивной или негативной окраски обуславливает восприятие тональности самого слова (изначально нейтрального) в позитивном или негативном ключе, что влияет на восприятие всего высказывания. Невнимание к семантической просодии слова – **скрытый источник коммуникативных неудач и переводческих ошибок**. Игнорирование семантической просодии слова может привести к тому, что носитель языка подсознательно воспримет фразу как стилистически неуклюжую, эмоционально неадекватную или даже оскорбительную, хотя формально она может быть построена грамматически верно.

Концепция семантической просодии была введена в 1990-х годах британским лингвистом Джоном Синклером. В своей работе «Corpus, Concordance, Collocation» Дж. Синклер показал, что значение слова нельзя понять вне его контекста: именно частотность сочетаний формирует скрытую оценку слова [3]. Дж. Синклер и его последователи показали, как слова приобретают устойчивые эмоциональные/оценочные оттенки через типичное окружение. Например, английский глагол *to commit* демонстрирует тенденцию к сочетанию с существительными негативной окраски (*commit a crime, commit suicide, commit an offence*). Употребление его в нейтральном или позитивном контексте (*commit a good deed*) звучит неестественно или иронично.

Доступ к огромным электронным базам текстов позволил объективно выявлять статистически значимые закономерности сочетаемости слов, лежащие в основе семантической просодии. Анализ миллионов коллокаций показал, что многие слова обладают устойчивой, интуитивно улавливаемой носителями языка, но часто неочевидной для неносителей языка эмоциональной окраской.

Работ по семантической просодии слов на данном этапе пока еще крайне мало, в основном авторы фиксируют свое внимание на выявлении отрицательной семантической просодии через анализ наиболее частотных коллокатов исследуемых слов, а также устанавливают ограничения по семантической просодии на основании закрепленности тональности не за леммой в целом, а за определенной грамматической формой [1, 2, 4, 5].

Думается, что коль скоро в корпусных менеджерах имеются специальные встроенные метрики, указывающие не только на частотность вхождения в корпуса определенных лемм по отдельности и в составе коллокациях, но и метрики, указывающие на силу связи коллокатов, можно попробовать формализовать процедуру исследования семантической просодии слова, предложив формулу для вычисления индекса семантической просодии слова (SPI).

Для составления формулы индекса семантической просодии слова обратимся к данным корпуса DWDS, а именно к его разделу «Профиль слова» (Wortprofil). Текущая версия этого раздела (2025 года) основана на корпусах объемом около 13 миллионов текстов, содержащих 283 миллиона предложений и 7 миллиардов слов. Профили слов предоставлены для 400 000 лемм, для в

общей сложности 22,5 миллиона различных коокуорренций с почти 1 миллиардом вхождений в корпусе. Эмпирическую базу составили, с одной стороны, пользующиеся общенациональным признанием актуальные ежедневные и еженедельные газеты, а с другой стороны, тексты художественной литературы, научно-популярной литературы, научных работ и прессы из корпуса «Базовый корпус», восходящие к началу XX века. При этом важно отметить, что в профиле слов отображены только статистически значимые словосочетания, то есть имеющие минимальную частоту вхождения $F = 5$ и значение $\logDice > 0$ (Рис.1)

hat Akkusativ-Objekt ↕		logDice ↓ ^q	Freq. ↓ ^q
1. Schaden	M W A	9.4	12414
2. Unfall	M W A	9.0	7141
3. Kosten	M W A	8.7	12760
4. Verkehrsunfall	M W A	7.7	1381
5. Sachschaden	M W A	7.5	1177
6. Mehrkosten	M W A	7.5	1185
7. Lärm	M W A	7.3	1269
8. Schmerz	M W A	7.2	1504
9. Aufregung	M W A	7.1	1135
10. Wirbel	M W A	7.1	893

Рисунок 1 – Наиболее частотные коллокаты глагола «verursachen»

В профиле слова корпуса DWDS представлены две метрики: $\logDice$ и F . $\logDice$ – это статистическая мера силы связи между узлом и коллокатом в корпусе, которая рассчитывается по формуле:

$\logDice = 14 + \log_2([2 * f_{(X,Y)}] / [f_{(X)} + f_{(Y)}])$, где: $f_{(X,Y)}$ – частота совместной встречаемости слов X и Y ; $f_{(X)}$, $f_{(Y)}$ – частотность каждого слова отдельно.

F – это показатель абсолютной частоты встречаемости данной коллокации в корпусе. Чем больше значение F , тем чаще встречается эта коллокация в корпусе.

SPI, таким образом, должен учитывать следующие показатели:

1. $S(i)$ Тональность коллоката. Под тональностью мы будем понимать оценку по шкале «хорошо» – «нейтрально» – «плохо» со значениями -1, 0, +1 соответственно. В практике sentiment-анализа разработаны алгоритмы анализа тональности фраз и текстов, а также специальные sentiment-словари, по которым можно проверить тональность слова. Для немецкого языка существуют словарь SentiWS, в котором перечислены слова с положительной и отрицательной полярностью, взвешенные в интервале [-1; 1]. Он имеет ряд ограничений, однако будет полезен при определении тональности коллокатов.

2. $L(i)$ – $\logDice$. Это главный показатель силы связи между узлом и коллокатом. Чем больше значение $\logDice$, тем крепче привязан коллокат к узлу в языке.

3. $F(i)$ – частотность заданной коллокации, которая показывает сколько раз этот конкретный узел и этот коллокат встретились вместе в большом собра-

нии текстов. Так как мы имеем дело с корпусными данными, где частотность может быть очень высокой, то для расчета SPI используем логарифм абсолютной частоты по основанию 10, чтобы большие значения F не подавляли остальные показатели. Поскольку в наших данных минимальная частотность коллоката $F(i) \geq 5$, то $\log_{10}(5) = 0,699$, что является допустимым числом и проблем с $\log_{10}(0)$ не возникнет.

4. Далее важно учесть, что каждый коллокат вносит определенный вклад в семантическую просодию слова. Вес коллоката $W(i)$ вычислим как произведение $L(i)$ и $\log_{10}(F(i))$. Это комбинированный вес или важность коллоката для определения семантической просодии слова. Если связь очень сильная, но коллокация встречается редко (то есть большое значение $\logDice$, но низкая частотность), вес будет умеренным. Если же связь сильная и коллокация частотная (большое значение $\logDice$ и высокая частотность), вес будет очень большим. Если же связь слабая, то даже высокая частотность коллокации не даст большого значения $W(i)$. Умножение балансирует силу связи и распространенность коллокации, так как только высокочастотные коллокации с сильной связью оказывают существенное влияние на семантическую просодию слова.

5. Взвешенный вклад тональности коллокации: $S(i) * W(i)$. Это вклад конкретной коллокации в общую семантическую просодию слова, учитывающий ее тональность и вес. При этом если тональность коллоката положительная, то и взвешенный вклад будет положительным, если отрицательная, то, соответственно, отрицательным, но если тональность нейтральная ($S=0$), то взвешенный вклад тональности коллоката обнулится вне зависимости от силы связи между узлом и коллокатом и частотности коллокации. Это, однако, не означает, что данная коллокация вообще никак не повлияет на семантическую просодию слова, так как она будет учтена далее при нормировании показателей.

6. Числитель формулы SPI представим как сумму всех взвешенных вкладов по всем коллокатам: $\sum (S(i) * W(i))$. Если сумма большая положительная, то семантическая просодия слова положительная. Если большая отрицательная, то семантическая просодия слова будет также отрицательной. Если значения колеблются в районе нуля, то такую просодию можно считать нейтральной.

7. Знаменатель формулы SPI представим как сумму всех весов по всем коллокатам $\sum W(i)$. Это нормировочный множитель. Он нужен, чтобы привести итоговый индекс SPI к удобному диапазону $[-1, +1]$, независимо от того, насколько велики сами веса. Здесь и будут учтены те коллокации, которое не вносят вклад в положительную или отрицательную семантическую просодию слова, оставаясь нейтральными.

Учитывая все вышесказанное, формула SPI выглядит следующим образом:

$$SPI(i) = \sum (S(i) * L(i) * \log_{10}(F(i)) / \sum (L(i) * \log_{10}(F(i)))$$

Для примера возьмем немецкие глаголы со значением причинности: *verursachen*, *erwecken*, *bewirken* и рассчитаем SPI для каждого из них. Для этого найдем в корпусе DWDS по 20 коллокатов, отсортированных по значению $\logDice$ от большего к меньшему, присвоим каждому коллокату показатель тональности: 1 (позитивный), 0 (нейтральный), (-1) – негативный, рассчитаем

взвешенный вклад тональности каждой коллокации, суммируем полученные результаты и вычислим SPI.

Глагол *verursachen* демонстрирует самые сильные связи с коллокатами *Schaden, Unfall, Kosten, Verkehrsunfall, Sachschaden, Mehrkosten, Lärm, Schmerz, Aufregung, Wirbel, Brand, Krebs, Stau, Leid, Millionenschaden, Chaos, Emission, Elfmeter, Ärger, Störung*. Здесь очевидно преобладание коллокатов негативной тональности. В случае сомнений мы обращались к словарю SentiWS, а при отсутствии слова в словаре к словарным дефинициям. Так, неоднозначно определение тональности существительных *Aufregung, Elfmeter, Wirbel*. В словаре SentiWS существительное *Aufregung* имеет негативную окраску, слова *Elfmeter* тональный словарь не содержит. Словарная дефиниция слова *Elfmeter* показала также негативную тональность существительного, так как данная мера в футболе является штрафной и связана с нарушениями в игре. В случае со словом *Wirbel*, которое отсутствует в словаре SentiWS и в словарной дефиниции явно не представлена информация, дающая основания для обозначения тональности, существительному была присвоена нейтральная тональность и вклад коллокации был нейтрализован. В результате расчета $SPI_{(verursachen)} = -0,9533$, что можно трактовать как сильную негативную семантическую просодию.

Глагол *erwecken* демонстрирует самые сильные связи с коллокатами *Eindruck, Anschein, Fossil, Mitleid, Misstrauen, Assoziation, Verdacht, Neid, Argwohn, Aufmerksamkeit, Illusion, Vertrauen, Sympathie, Neugier, Gefühl, Tote, Interesse, Schein, Hoffnung, Bewunderung*. Тут уже нет явных предпочтений по коллокатам негативной или позитивной тональности. Кроме того, есть нейтральные коллокаты *Eindruck, Assoziation, Anschein, Schein*, которые могут приобретать различную тональность в зависимости от контекста употребления. В целом, среди выделенных коллокатов преобладают коллокаты с положительной тональностью, однако эта картина «размывается» нейтральными коллокатами, поэтому $SPI_{(erwecken)} = 0,058544$ и семантическая просодия глагола *erwecken* может быть описана как нейтрально-положительная.

Глагол *bewirken* сочетается с такими существительными как *Gegenteil, Veränderung, Wunder, Umdenken, Positiv, Gut, Sinneswandel, Wandel, Verhaltensänderung, Groß, Änderung, Verbesserung, Umschwung, Rückgang, Verschiebung, Effekt, Stimmungsumschwung, Anstieg, Meinungsumschwung, Wende*. Здесь ситуация совсем иная: 16 из 20 коллокатов нейтральны, что не даст результатов по явной положительной и отрицательной семантической просодии глагола, однако за счет четырех коллокатов позитивной тональности (*Gut, Positiv, Verbesserung, Wunder*) и при одновременном отсутствии коллокатов негативной тональности $SPI_{(bewirken)} = 0,246105$, что позволяет трактовать семантическую просодию глагола как положительно-нейтральную.

Безусловно, это только предварительный этап изучения семантической просодии слова, имеющий ряд спорных моментов:

- неотработанная методика определения тональности. Распределения весов 1, 0, -1 явно недостаточно для описания тональности различных слов. И хотя разница в тональности может интуитивно ощущаться носителем и неносителем языка, нужны четкие и максимально объективные критерии ее определения.

- ограниченный набор коллокатов. Для примера расчета SPI были взяты первые 20 коллокатов глагола, отобранные по критерию logDice. Возможно, при учете большего количества коллокатов индекс семантической просодии слова может измениться.

- учет одной меры силы связи. Кроме logDice существуют и другие меры описания коллокационной связи (MI и его варианты, t-score, log-likelihood), их привлечение также может помочь усовершенствовать подсчет SPI.

Прояснение этих и других вопросов будет способствовать повышению объективности в изучении семантической просодии слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева М. В. Денисова И. В. Изучение семантической просодии слова на базе анализа корпусов // Вестник нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.а. Добролюбова. Серия: Языкознание. – 2012. – № 10 (697). – С. 86–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17778203> (дата обращения: 01.01.2025).

2. Hauser D., Schwarz N. Semantic Prosody: How Neutral Words With Collocational Positivity/Negativity Color Evaluative Judgments // Journal of Experimental Psychology: General. – 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/368725854_Semantic_Prosody_How_Neutral_Words_With_Collocational_Positivity_Negativity_Color_Evaluative_Judgments (accessed: 01.01.2025).

3. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.

4. Stewart, D. Semantic Prosody: A Critical Evaluation. – London: Taylor & Francis, 2010. – 193 p.

5. Stubbs M. Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. – Oxford: Blackwell Publishing, 2001. – 287 p.

УДК 378

Будько Антонина Филипповна

кандидат педагогических наук, профессор

г. Минск, Республика Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: budjko2010@yandex.by**Курьян Владимир Владимирович**

кандидат педагогических наук

г. Минск, Республика Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: braunschweig@mail.ru**Antonina Filippovna Budko**

Cand. of Sc. (Pedagogy), professor

Minsk, Republic of Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: budjko2010@yandex.by**Vladimir Vladimirovich Kuryan**

Cand. of Sc. (Pedagogy)

Minsk, Republic of Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: braunschweig@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ УЧИТЕЛЕМ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ

Статья посвящена проблеме использования искусственного интеллекта для организации контроля и оценки формирования лексической и грамматической компетенций.

В качестве методологической основы исследования применяется системно-деятельностный подход, который позволяет рассмотреть контроль и оценку как систему (цели, объекты, средства) и как деятельность. На основе системно-деятельностного подхода сформулированы требования к формулировке установок для искусственного интеллекта: указание целей контроля и оценки процесса и результата обучения, описание объектов контроля и оценки. Проведенный анализ сгенерированных искусственным интеллектом (ИИ) заданий выявил как их соответствие поставленным целям (постепенное нарастание сложности, комплексность), так и определенные недостатки: неточности в инструкциях, несоответствие языкового материала программе, отсутствие коммуникативных задач в формулировках.

Ключевые слова: контроль и оценка; лексическая и грамматическая компетенции; системно-деятельностный подход; искусственный интеллект; средства контроля и оценки.

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY TEACHERS TO DEVELOP TOOLS FOR ASSESSING STUDENTS' LEXICAL AND GRAMMATICAL COMPETENCE

The article addresses the issue of using artificial intelligence to organize the assessment and evaluation of the formation of lexical and grammatical competences. The methodological basis of the study is the system-activity approach, which makes it possible to consider assessment and evaluation both as a system (goals, objects, tools) and as an activity. Based on the system-activity approach, requirements have been formulated for setting instructions for artificial intelligence: specifying the goals of assessing and evaluating the process and results of learning, and describing the objects of assessment. The analysis of AI-generated tasks revealed both their alignment with the stated goals (gradual increase in complexity, comprehensiveness) and certain shortcomings: inaccuracies in instructions, inconsistency of the language material with the curriculum, and the absence of communicative tasks in the formulations.

Key words: assessment and evaluation; lexical and grammatical competences; system-activity approach; artificial intelligence; assessment tools.

Информатизация и технологизация являются в настоящее время одними из ведущих направлений развития методики обучения иностранным языкам. Распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), основывающихся на использовании ИИ обусловлено возможностями ИКТ обрабатывать значительные объемы информации, проводить поиск, систематизацию и оценку данных, автоматизировать и индивидуализировать взаимодействие учителя и учащегося и др., что представляет значительный интерес не только для обучения, но и для организации контроля и оценки успешности формирования компетенций, в особенности лексической и грамматической компетенций (ЛГК).

Ряд исследований указывают на возможность посредством ИИ оценивать лексическую и грамматическую правильность, разнообразие использованных языковых средств при анализе устных или письменных высказываний, что позволяет экономить время и усилия учителя, проводить контроль и оценку в формате учащийся – компьютер – учитель. В представленных учёными экспериментальных данных отмечались возможности ИИ распознавать избыточность языковых конструкций, определять пропуски слов, неправильное употребление артикля, временных форм глаголов, а также пунктуационные и графические ошибки и др. Модели ИИ обучались находить ошибки, соответствующие тому или иному уровню языковой подготовки, выбирать из созданного банка тестовые задания, соответствующие общеевропейской шкале уровней владения иностранным языком [1], [2], [3].

Вместе с тем, признавая преимущества использования ИИ для контроля и оценки успешности формирования ЛГК, следует отметить наличие ряда нерешенных вопросов, обусловленных многомерностью и разнообразием ИКТ, с одной стороны, и вероятностью неточности оценки ИИ владения лексическими и грамматическими навыками, с другой. К наиболее актуальным вопросам использования ИИ для контроля и оценки ЛГК можно отнести следующие:

- каким требованиям должны соответствовать ИКТ, использующие ИИ, позволяющие учителю создавать и использовать различные средства для контроля и оценки формирования ЛГК;

- каковы основные типы контрольно-оценочных средств (КОС), сгенерированных ИИ, могут быть использованы для выявления успешности формирования ЛГК, как КОС соотносятся с объектами контроля и оценки формирования ЛГК.

- какие умения должны быть сформированы у учителя и учащихся, чтобы эффективно строить контрольно-оценочную деятельность на основе ИИ.

Изучение перечисленных вопросов побудило авторов данной статьи проанализировать некоторые возможности использования ИИ при создании учителем средств контроля и оценки формирования ЛГК учащихся.

В основу любого научного исследования положен методический подход, который позволяет выявить и обосновать существенные характеристики объекта

и предмета исследования [4, с. 200]. В качестве такой теоретической основы был определен системно-деятельностный подход. Системная составляющая данного подхода позволяет рассмотреть контроль и оценку как систему. Деятельная составляющая системно-деятельностного подхода позволяет проанализировать особенности контроля и оценки как контрольно-оценочной деятельности учителя и учащихся.

Рассмотрение контроля и оценки как системы и как деятельности предполагает установление связей между такими компонентами, как цели, объекты, с одной стороны, и средства контроля и оценки, а также процедуру их разработки посредством ИИ, с другой.

При определении целей контроля и оценки будем исходить из позиции, что контроль и оценка направлены процесс и результат обучения. Контроль и оценка процесса обучения – это установление успешности усвоения учащимися формы, значений лексических единиц и грамматических явлений; сформированности навыков употребления лексических единиц и грамматических конструкций в зависимости от ситуаций общения на различных этапах обучения. Под контролем и оценкой результата будем понимать проверку и оценку владения всем комплексом лексико-грамматических навыков.

Цели процесса и результата обучения, находясь в системных связях с КОС будут определять особенности промптов (установок) для генерации заданий ИИ. Промпт должен содержать задачу, например, создай задание на проверку и оценку владения знаниями формы, значения лексических единиц *sich veranstalten, sorgen, unterstützen* по теме по теме „Jugend und Gesellschaft“; или сгенерируй задание на контроль употребления *Plusquamperfekt* по теме „Jugend und Gesellschaft“. Интегративное свойство результата предусматривает формулировку промптов по генерации заданий, предусматривающих комплексное использование лексико-грамматических средств: создай лексико-грамматическое задание на контроль употребления слов *sorgsam, zielstrebig, stolz, bewusst* и формы *Plusquamperfekt* для решения коммуникативной задачи по теме „Jugend und Gesellschaft“.

Далее рассмотрим, как объекты контроля и оценки определяют создание учителем КОС с помощью ИИ. Объектами контроля и оценки в данном исследовании выступают лексическая и грамматическая компетенции как составные части языковой компетенции. Будучи многокомпонентной категорией, компетенция состоит из совокупности знаний, навыков о правилах функционирования языковых средств, владение которыми формирует способность учащегося использовать лексические и грамматические средства для решения коммуникативных задач [5, с. 131-132]. Поскольку конкретное содержание ЛИК определяется целями и задачами обучения в каждом отдельном классе, то при выборе объектов контроля мы проанализировали на примере 10 класса активный словарь, который учащиеся должны использовать в собственной речи и существенные грамматические знания в рамках таких тем, как, множественное число существительных, *Plusquamperfekt*, придаточные предложения времени с союзами *wenn, als, nachdem*, относительные придаточные предложения.

Информация об объектах контроля и оценки важна учителю для конкретизации своего взаимодействия с ИИ. В частности, зная объекты контроля и оценки 10 класса учитель может спланировать, сколько заданий должен сгенерировать ИИ, определить, что задания должны выявлять успешность усвоения знаний о форме, значении лексических единиц, о способах образования грамматических конструкций, о комплексном использовании языковых средств при решении поставленных задач.

Далее с целью проверки теоретических выводов об особенностях формулировок промптов для ИИ с учетом целей, объектов контроля и оценки мы сгенерировали с помощью ИИ несколько контролирующих заданий для выявления успешности владения лексическими, грамматическими знаниями и навыками, а также способности комплексного использования лексико-грамматических навыков для решения коммуникативных задач. Для этого использовались следующие 3 промпта:

1) *Erstell 3 Aufgaben für Kontrolle der Kenntnisse folgender Lexik: Jugend, launisch, unabhängig, selbstbewusst, sich engagieren, die Gesellschaft. 'Составь три задания для контроля знаний следующей лексики: молодежь, капризный, независимый, самоуверенный, заступаться за кого-либо, общество'.*

2) *Erstell 3 Aufgaben für Kontrolle der Anwendungsfertigkeiten von Plusquamperfekt. Gebrauche Lexik zum Thema „Jugend und Gesellschaft“. 'Составь задания для контроля навыков употребления Plusquamperfekt. Используй лексику по теме «Молодежь и общество»'.*

3) *'Erstell 3 lexikalisch-grammatische Aufgaben für Kontrolle der Anwendungsfertigkeiten von Lexik „Jugend“, „launisch“, „unabhängig“, „selbstbewusst“ und Plusquamperfekt bei der Lösung der kommunikativen Aufgabe zum Thema „Jugend und Gesellschaft“. 'Составь три лексико-грамматических задания на контроль навыков употребления лексических единиц «молодежь», «капризный», «независимый», «самостоятельный», «самоуверенный» при решении коммуникативной задачи по теме «Молодежь и общество»'.*

Представим в таблице примеры сгенерированных заданий.

Таблица 1 – Примеры контролирующих заданий, сгенерированных искусственным интеллектом.

Сгенерированное ИИ задание в соответствии с запросом 1	Сгенерированное ИИ задание в соответствии с запросом 2	Сгенерированное ИИ задание в соответствии с запросом 2
Aufgabe: Definitionen zuordnen Anleitung: Ordnen Sie jedem Begriff die richtige Definition zu. Begriffe: 1. die Jugend 2. launisch 3. unabhängig 4. selbstbewusst 5. sich engagieren 6. die Gesellschaft	Aufgabe: Satzverbindung (Adverbien und Konjunktionen) Verbinde die beiden Sätze mithilfe der vorgegebenen Konjunktion/des Adverbs zu einem Satzgefücht. Achte auf die korrekte Verwendung des Plusquamperfekts. Beispiel: Sie fühlte sich sicher in der Gruppe. Sie hatte viele	Aufgabe: <u>Vervollständige</u> den folgenden Blogeintrag eines Jugendlichen sinnvoll. Verwende die Wörter aus der Wortbank in der richtigen Form und setze die Verben in der Klammer im Plusquamperfekt ein. Wortbank: die Jugend, launisch, unabhängig, selbstbewusst

Definitionen: A. Die Gesamtheit der Menschen, die zusammen in einer Gemeinschaft leben. B. <u>Sein</u> Verhalten aus eigenem Antrieb bestimmen können; <u>nicht von anderen beeinflusst</u> . C. Eine Stimmung, die schnell und ohne erkennbaren Grund wechselt. D. Sich aktiv und freiwillig für eine Sache oder eine Gruppe einsetzen. G. Die Lebensphase zwischen Kindheit und Erwachsensein.	Freunde gefunden. (weil) → Sie fühlte sich sicher in der Gruppe, weil sie viele Freunde gefunden hatte. 1) Die Diskussion war sehr produktiv. 2) Alle Teilnehmer hatten sich gut vorbereitet. (weil) 3) Er war sehr selbstbewusst in dem Vorstellungsgespräch. Er hatte ein Praktikum in einem <u>ähnlichen</u> Bereich absolviert. (da) 4. Ein junges Mädchen hielt eine leidenschaftliche Rede. Sie hatte wochenlang an <u>ihren</u> Argumenten <u>gefeilt</u> . (nachdem).	"Oft wird gesagt, dass (1) unberechenbar und (2) <u>sei</u> . Aber das ist ein Klischee. In meinem Leben war es anders: Bevor ich meinen ersten großen Konflikt mit meinen Eltern (3. lösen) _____, (4. ich – lange – nachdenken) _____. Meine Mutter (5. mich – immer – für – halten) _____, aber plötzlich zeigte ich mich von einer neuen Seite. Erst als ich (6. mich – endlich – fühlen) _____, konnte ich auch vernünftig mit ihnen reden.

По запросу 1 ИИ сгенерировал три задания: на соотнесение формы слова и его значения, представленного в виде дефиниции; задание на заполнение пропусков в предложениях словами из предложенного списка; задание на самостоятельное конструирование учащимися предложений с использованием заранее указанных лексических единиц. Сгенерированные задания характеризует последовательное нарастание трудности от проверки владения отдельными знаниями, до навыков применения усвоенных лексических единиц при создании упражнений. Задания соответствуют выделенным объектам, целям контроля и оценки.

Вместе с тем, задания содержат неточности в инструкции, например, вместо термина «задача», ИИ использовал термин «введение». Не все дефиниции отличаются точностью формулировок (неточности подчеркнуты в примере 1).

На запрос 2 ИИ сгенерировал также 3 задания: на поиск и исправление ошибок в исходных предложениях; составление предложений из отдельных слов, написание небольшого текста (5-6 предложений) с описанием подготовки молодежного проекта. Один из примеров заданий представлен в таблице 1. Сгенерированные задания также отличает постепенное нарастание трудности, нацеленность на контроль формы образования формы Plusquamperfekt.

В соответствии с запросом 3 ИИ сгенерировал 3 задания: заполнение пропусков лексики и образование форм Plusquamperfekt, исправление ошибок в интервью молодежи, подготовка сообщения для дискуссии «Молодежь прежде и сегодня». Все задания отличает комплексный характер, от учащегося требуется продемонстрировать владение как грамматическими, так и лексическими навыками. Можно отметить, что задания соответствуют как цели контроля и оценки результата обучения, так и учитывают комплексность объектов контроля и оценки. Вместе с тем, в инструкциях сформулированы только языковые задачи, отсутствуют коммуникативные задачи. Некоторый языковой материал (под-

черкнут в Табл. 1.) не соответствует содержанию 10 класса, что обуславливает необходимость доработки контролирующих заданий учителем.

Проанализировав все задания, можно наблюдать применение схожих типов КОС: исправление ошибок, заполнение пропусков, составление предложений из отдельных слов. ИИ самостоятельно предложены данные типы заданий исходя из заданных в промптах сведений о целях и объектах контроля и оценки.

Таким образом, ИИ становится значимым инструментом, помогающим учителю решать задачи по организации контроля и оценки формирования ЛИК. Он обладает возможностями генерации различных типов контролирующих заданий с учетом заданной в промптах информации, достаточно успешно справляется с подбором заданий под цели и объекты контроля. Вместе с тем, эффективность ИИ будет достигнута только при условии его системного применения учителем: указаний целей, объектов контроля, языкового материала, а также обучения учащегося взаимодействию с ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкашина Е. Л., Жамалетдинов Р.И. Автоматизированный анализ речи с применением методов машинного обучения для оценки языковых компетенций в экзамене по русскому языку как иностранному. Информатика и образование. 2025;40(1):82–94. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2025-40-1-82-94>
2. Разработка и перспективы развития национальной интеллектуальной системы тестирования общеязыковых компетенций (ИСТОК) на базе нейросетевых решений / Е. М. Базанова, А. В. Горизонтова, Н. Н. Грибова, Т. М. Чикаке, А. В. Самосюк // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 147–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-147-166
3. Weir C.J. Language Testing and Validation: An Evidence-Based Approach. Houndgrave, Hampshire, UK: Palgrave-Macmillan. 2005. 316 p. URL: [https://ztcprep.com/library/tesol/Language_Testing_and_Validation/Language_Testing_and_Validation_\(www.ztcprep.com\)](https://ztcprep.com/library/tesol/Language_Testing_and_Validation/Language_Testing_and_Validation_(www.ztcprep.com)) (дата обращения: 14.09.2025).
4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
5. Будько А.Ф. Языковая компетенция как способность обучающегося владеть иностранным языком в условиях межкультурного речевого общения // Функциональная лингвистика: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] : материалы круглого стола, посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Т. С. Глушак, Минск, 12 окт. 2018 г. – Минск : МГЛУ, 2020. С. 131–135. URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/5130> (дата обращения: 14.09.2025).

УДК 811.112.2

Булгакова Марина Павловна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: mpbulgakova@yandex.ru
Кураш Алина Андреевна
студент
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: alinakuras122@gmail.com

Marina Pavlovna Bulgakova
Cand. of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: mpbulgakova@yandex.ru
Kurash Alina Andrejevna
student
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: alinakuras122@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно семантическая организация концепта «красота» в немецком языке, анализируются лексические единицы, вербализирующие концепт в немецком языке, сопоставляются структурные связи между этими единицами.

Ключевые слова: концепт; когнитивная лингвистика; полевая структура; лексические единицы.

LEXICAL MEANS OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “BEAUTY” IN THE GERMAN LANGUAGE

The article covers the structural and semantic organization of the concept "beauty" in the German language, analyzes lexical units, verbalizing the concept in the German language, compares structural connections between these units.

Key words: concept; cognitive linguistics; field structure; lexical units.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении лексических единиц, вербализующих концепт «красота» в немецком языке, в описании их семантических характеристик, в определении структурно-семантических связей, организующих лексические единицы в изучаемом концепте. Данная цель рассматривается как первый этап последующего сопоставительного анализа средств репрезентации данного концепта в немецком, английском и белорусском языках.

Феномен «красота», являясь сложно структурированным психоментальным образованием, основным концептом эстетики, включающим образные и ценностные признаки, активно подвергается структуральному и лингвокультурологическому анализу в различных языках. Весьма актуальными являются проблемы соотношения эстетического и прагматического в разных сферах жизни человека: материальной, интеллектуальной, нравственной. При этом, однако, лингвокультурная специфика понятия «красота» остается малоизученной.

Так, например, в каноническом исследовании О. Духачека предпринято описание лексико-семантического поля «красота» во французском языке, к которому автор отнес 316 слов всех знаменательных частей речи (84 существительных, 113 прилагательных, 31 глагол, 58 причастий, 30 наречий) [1].

Выражение эстетических оценок в словаре изучалось также многими другими лингвистами: Г. Юзи (на материале немецкого языка), Ю.А. Найда (на материале английского языка), Т.В. Писанова (на материале испанского языка) и др.

Развитие концептологии открывает новые возможности для изучения сложных оценочных феноменов с точки зрения их репрезентации в языке.

В последнее время интерес лингвистов фокусируется на контрастивных и сопоставительных исследованиях концептов, проведенных на материале разных языков: Ю.В. Мещерякова, Ю.В. Клинцева, И.О. Окунева, Ю.С. Бокова (английский и русский языки), Г.А. Садриева (английский, русский и татарский языки), А.О. Пак (китайский и русский языки), Н.В. Летуновская (немецкий и русский языки), М.А. Шарданова (английский, русский и кабардино-черкесский языки) и др. Методы исследования, отбора, описания и интерпретации материала, используемые авторами, отличаются разнообразием, что может быть обусловлено отчасти различиями в структурной организации сопоставляемых языков. Тем не менее можно выделить несколько универсальных приемов, используемых большинством авторов при анализе семантической и структурной организации концепта.

В литературе многократно подчеркивается полевая организация концепта, из чего следует, что выявление лексических средств вербализации концепта следует начинать с описания ядра (центральной части) лексико-семантического поля с последующим анализом семантики и валентности формирующих ядро лексем. С этой целью выявляются базовые лексемы, представляющие изучаемый концепт в языке. В нашем случае это лексема *Schönheit* – эквивалент слова *красота* в немецком языке. Наличие базового слова позволяет далее для выявления структурной организации концепта применить методику идентификации лексико-семантического поля на основе определенного признака, соответствующего «неразложимой единице мысли – конкретному представлению или абстрактному понятию», иначе говоря, на основе идентифицирующего слова, по терминологии Ш. Балли [2, с. 128–141].

Идея идентифицирующего слова получила развитие в работах И.В. Арнольд, предложившей для отбора лексики процедуру «трансформации объяснения» [3, с. 88–94]. Под этим подразумевается объединение в одно лексико-семантическое поле слов, имеющих связи в словарных толкованиях, которые проявляются наличием в дефиниционном материале общих компонентов. Это делает соответствующие слова соотнесенными по смыслу. Подобные приемы описаны также в работах И.А. Стернина, а также А.А. Уфимцевой, которая называет такую общую для ряда лексических единиц часть словарной дефиниции идентифицирующим предикатом. В нашем случае такими идентификаторами являются базовые для изучаемого концепта слова *Schönheit*, *schön*.

Таким образом, исходя из семантики идентифицирующего слова (базовая

лексема *Schönheit*), путем применения метода компонентного анализа выявляются ядерные для изучаемого концепта лексические единицы. На данном этапе анализ проводился на материале толковых, переводных и тематических словарей.

Так, переводной немецко-русский (основной) словарь приводит 2 значения слова *Schönheit* – 1) ‘красота; краса’ 2) ‘красавица’.

Такие же данные приводятся и в толковом словаре PONS:

1. «(kein Plur.) die Eigenschaft, dass jmd. oder etwas schön ist» *Wir bewundern die Schönheit der Landschaft.*

2. «eine Frau, die schön ist» *Sie ist eine Schönheit.*

В словаре Duden приводится еще одно значение базовой лексемы:

«alles, was [an einer Sache, Gegend] schön ist»: *die landschaftlichen Schönheiten kennenlernen; sie zeigte ihm die Schönheiten der Stadt, des Landes, der Umgebung.*

Синонимами этого словоупотребления базовой лексемы являются слова – *Attraktion* 1) ‘притяжение, притягивание, тяготение; аттракция’ 2) ‘привлекательность’ 3) ‘гвоздь программы; боевик; притягательный центр; самое привлекательное; эффектный номер; эффектный аттракцион’;

Sehenswürdigkeit ‘достопримечательность’.

Используя идентифицирующую формулу, выстраиваем на основе словарных дефиниций синонимические ряды слов, наиболее близких к базовому слову:

Anmut ‘грация, прелесть, привлекательность’,

Glanz ‘блеск, сияние; лоск, глянец’,

Herrlichkeit ‘великолепие, величие’,

Pracht ‘великолепие, величие’.

Данные лексемы составят ядро изучаемого концепта. Их последующий анализ позволит выявить ближайшую и удаленную периферию концепта «красота».

В тематическом словаре лексема *Schönheit* находится в одном разделе со словами *Wohlgefallen* ‘удовлетворение; удовольствие, симпатия, сочувствие’ и *Bewundern* ‘любование, восхищение’, что говорит о их тематической близости.

В этой же статье приводятся следующие синонимы: *Reiz* ‘прелесть’, *Huld* ‘приязнь’, *Liebreiz* ‘обаяние, очарование’, *Augenweide* ‘загляденье’, *Augentrost* ‘отрада’, *Ideal* ‘идеал’, *Ebenmaß* ‘гармоничность, пропорциональность’, *Eleganz* ‘изящество, элегантность’, *Holdseligkeit* ‘очарование’, *Reiz* ‘прелесть’ и другие слова, которые можно отнести к ближайшей периферии лексико-семантического поля, вербализующего изучаемый концепт.

Помимо существительных, связанных с базовым словом, в качестве лексем-репрезентантов концепта «красота» рассматриваются и другие слова всех знаменательных частей речи, а также фразеологизмы. Для их выявления используется такая же методика, что и для выявления существительных.

Так у прилагательного *schön* словари указывают следующие значения:

1. «sehr angenehm, ästhetisch auf die Sinne wirkend; von vollendeter Gestalt, sodass es Anerkennung, Gefallen, Bewunderung findet».

В этом значении лексема имеет следующие синонимы: *adrett, ansehnlich, ansprechend, anziehend, apart, attraktiv, berückend (geh.), bezaubernd, charmant, ebenmäßig, elegant, entzückend, fein, gefällig, geschmackvoll, gutaussehend, herrlich (emotional), hübsch, paradiesisch, prächtig, prachtvoll, reizend, schick, toll, (ugs.), wundervoll*.

Исходя из того, что данное значение приводится как первое, основное, правомерным представляется отнесение данных синонимов к ближайшей периферии исследуемого лексико-семантического поля.

Более дальнюю периферию составят синонимы базового прилагательного в значении:

2. «nicht getrübt; angenehm, herrlich».

И это прилагательные *ausgezeichnet, einmalig (emotional), erfreulich, exzellent, famos (ugs.), fein, genial, grandios, großartig, gut, herrlich (emotional), hervorragend, köstlich, perfekt, prächtig, prima, sehr gut, spitze (ugs.), unübertrefflich, vortrefflich, vorzüglich, wohltuend*.

Следует отметить, что использование слов лексико-семантического поля «красота» для оценки погоды, промежутков времени в русском языке также широко используется, но отдается предпочтение в таких сочетаниях прилагательному *прекрасный*.

В следующем значении прилагательное *schön* используется как выражение положительной общей оценки применительно как к материальным, так и к нематериальным объектам.

3. «in einer Zustimmung und Zufriedenheit in Bezug auf etwas hervorruhenden Weise; so beschaffen, dass Lob durchaus angebracht ist». Например: *das war schön von dir* ‘это было мило с твоей стороны’; *sie hat eine schöne Arbeit geschrieben* ‘она написала хорошую работу’; *das hast du aber schön gemacht!* ‘Ты это хорошо сделал’.

Данное значение связано синонимическими связями со следующими словами *angenehm, entgegenkommend, freundlich, gefällig, gut, gütig, herzlich, jovial, konzilient (bildungsspr.), lieb, liebenswert, liebenswürdig, nett, sympathisch, verbindlich*.

Прилагательное *schön* используется также как интенсификатор, подчеркивая количественную характеристику объекта.

4. «(ugs.) im Hinblick auf Anzahl, Menge, Ausmaß beträchtlich».

Примечательно, что в данном значении словари приводят прилагательное *schön* в функции обстоятельства, что в эквивалентах русского языка соответствует наречиям: *Wenn sie das macht, wir mussten uns ganz schön anstrengen, beeilen*. ‘Если она это сделает, нам нужно будет хорошенько напрячься, поторопиться’. *Das geht mir ganz schön auf den Geist!* ‘Это мне довольно сильно действует на нервы’.

В сфере интенсификаторов прилагательное эстетической оценки имеет следующие синонимы: *gehörig, ordentlich (ugs.), tüchtig (ugs.)*.

Словари отдельно приводят также употребление прилагательного *schön* в переносном смысле: *das ist (ja) eine schöne [nette, reizende] Bescherung!* ‘вот так сюрприз!, вот тебе и на!, извольте радоваться!’; *da haben Sie was Schönes*

[Nettes] *angerichtet!* ‘ну и наделали же вы дел!’; а также в качестве интенсифицирующей частицы: *seid schön vorsichtig!* ‘Будьте-ка поосторожнее!’

К репрезентантам исследуемого концепта следует отнести также и глаголы:

beeindrucken ‘впечатлять’
berauschen ‘опьянять, восторгать’
betören ‘очаровывать, соблазнять’
bezaubern ‘очаровывать, заколдовывать’
blühen ‘цвести, расцветать’
erregen ‘возбуждать, волновать’
faszinieren ‘очаровывать, восхищать’
gefallen ‘нравиться’
glänzen ‘блестеть, сиять’
imponieren ‘импонировать, впечатлять’
leuchten ‘светить, сиять’
prangen ‘красоваться, блистать’
strahlen ‘излучать, сиять’ и др.

Всего в результате анализа словарей на данном этапе выявлено 255 лексических единиц-репрезентантов концепта «красота» в немецком языке. С точки зрения представленности частей речи наибольшей численностью обладают имена прилагательные. Следует отметить, что именно прилагательные в лексикографических источниках в наименьшей степени структурированы и классифицированы, что обусловлено, вероятно, спецификой их семантики. Трудности при отборе и классификации лексического материала, вербализующего изучаемый концепт, обусловлены многослойностью и сложностью организации семантического пространства концепта «красота». В качестве следующего этапа анализа семантической организации концепта «красота» рассматривается структурирование сфер, соотносящихся с эстетической оценкой, и семантических сфер, использующих лексемы-репрезентанты исследуемого концепта в коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ducháček, O. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960. 215 p.
2. Балли, Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л.: Просвещение, 1966. 192 с.

Внук Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук
г. Минск, Республика Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: vnouktati@yandex.ru

Tatyana Vladimirovna Vnuk
Cand. Sc. (Philology)
Minsk, Republic of Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: vnouktati@yandex.ru

ИГРА СЛОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В данной статье исследуется игра слов (языковая игра) в белорусской наружной социальной рекламе как источник социальнокультурного воздействия на реципиента. Игра слов проявляется в фонетических и стилистических приемах (аллитерация, ассонанс, повторы, тавтологические конструкции, рифма и др.), особых грамматических конструкциях, обыгрывании прямого и переносного значения слов и выражений, аллюзии (намеке) на прецедентный текст. Кроме того, игра слов реализуется на основе фразеологических оборотов в их окказиональной или модифицированной форме. В большинстве текстов социальной рекламы вербальная часть усиливается за счет невербальных средств (картинка, шрифт, сочетание цветов, знаки пунктуации). В результате симбиоза языковой игры и невербальной составляющей социальной рекламы возникает игра смыслов. Для успешной декодировки имплицитной и эксплицитной социокультурной информации в текстах социальной рекламы требуются определенные интеллектуальные усилия со стороны реципиента, поскольку языковая игра является высоко интеллектуальной формой выражения эмоций.

Ключевые слова: социальная реклама; социокультурный компонент; игра слов.

WORDPLAY AS A SOCIAL-CULTURAL COMPONENT OF BELORUSSIAN SOCIAL ADVERTISING

This article examines wordplay (play on words) in Belorussian outdoor social advertising as a source of socio-cultural influence on a receiver. Wordplay appears as a result of using phonetic and stylistic devices (alliteration, assonance, repetition, tautologic constructions, rhyming etc.), special grammatical constructions, twists on literal and figurative meanings of words and expressions, and allusions (hints) to precedent texts. Furthermore, wordplay actualizes based on phraseological units in their occasional or modified form. In most social advertising texts the verbal part is enhanced by non-verbal means (imagery, font, colour combinations, punctuation marks). As a result, the symbiosis between wordplay and non-verbal components of advertising creates a play on meaning. To successfully decode implicit and explicit socio-cultural information in such texts requires certain intellectual effort on the part of the receiver, as wordplay is a highly intellectual form of expressing emotions.

Key words: social advertising; socio-cultural component; wordplay.

Социальная реклама является разновидностью рекламного дискурса и представляет собой особую форму продвижения социальных идей, проектов, практик, способствующих достижению отдельных целей, полезных с точки зрения общественного блага. Она призвана сформировать или изменить отношение представителей общества к существующим явлениям или проблемам [1,

с. 6]. Для того чтобы потенциальный реципиент социальной рекламы не только принял к сведению содержащуюся в ней информацию, но и сделал ее личностно важной, последовал советам, рекомендациям и т.д., составители текстов социальной направленности используют различные вербальные и невербальные средства.

В данной статье проанализированы 20 текстов белорусской наружной социальной рекламы, размещенные на рекламных щитах или в общественном транспорте. Целью исследования было выявление и описание языковой игры (и возникающей на ее основе игры смыслов) в данных текстах. Для исследования использовались методы сплошной выборки, сравнительного анализа и обобщения, а также метод количественных подсчетов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами: во-первых, возрастающей ролью социальной рекламы в белорусском обществе. Во-вторых, для расширения международных контактов и интенсивного информационного обмена необходимо понимание этно- и социокультурной специфики коммерческой и некоммерческой рекламы в каждой стране.

Основными заказчиками социальной рекламы являются государственные институты, общественные организации, благотворительные учреждения, а также отдельные коммерческие организации и профессиональные объединения. Социальная реклама, как правило, ориентирована либо на все общество или на его значительную часть [2, с. 32], поскольку затрагиваются общечеловеческие проблемы, например, безопасность жизни, борьба с насилием, терроризмом, охрана окружающей среды, здоровый образ жизни, борьба с наркоманией, помощь бездомным людям или животным и другие темы.

Социальная реклама способствует передаче и распространению социальных норм и ценностей благодаря своей тиражности, многообразию, лаконизму и эмоциональной наполненности, которая зачастую создается за счет яркой картинки и игры слов.

Среди различных форм языковой игры как разновидности речетворчества В.И. Шаховский выделяет нонсенсы, пародии, парадоксы, анекдоты, шутки, палиндромы, заумь, каламбуры, интертекстуальную импликацию, а также такие малоизвестные и малоизученные языковые формы как межъязыковая омофония, концептуальные, лексические или синтаксические бренды, малапропизмы, звуковая транспозиция, обратный слэнг, палиндром, нонсенс, словообразовательное балагурство, подмена букв (снуперизм), эффект обманутого ожидания и др. [3, с. 353-360].

Тексты социальной рекламы «оживают» благодаря образным средствам языка: тропам (аллегория, гипербола, ирония, метафора, метонимия, олицетворение, перифраза, синекдоха, сравнение, эпитет), стилистическим фигурам (анафора, антитеза, бессоюзные конструкции, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, эллипсис, эпифора) [4, с. 204].

Вербальная составляющая социальной рекламы непосредственно связана с ее невербальной частью, которая представлена фотографиями, рисунками, графическими средствами (набор шрифтов, выбор цветового фона, пунктуация и

др.). Иллюстрация должна привлечь внимание реципиента и, в конечном итоге, оказать на него воздействие [2, с. 32].

Основными тематическими блоками в белорусской социальной рекламе являются следующие: «Безопасность дорожного движения» (осторожность при переходе дороги, опасность вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, необходимость использования ремней безопасности), «Безопасность жизни» (контроль за детьми, пропаганда здорового образа жизни, кибербезопасность), «Соблюдение законов» (противодействие коррупции и незаконной торговле), «Социальная активность» (защита окружающей среды, помощь бездомным животным, участие в социальных проектах, толерантное отношение к людям с физическими и психическими особенностями), «Патриотизм» (любовь к стране и родному языку).

Анализ 20 текстов белорусской социальной рекламы, содержащих языковую игру, свидетельствует о многообразии и комплексности используемых приемов.

Пример 1: *Покупаешь с рук –
Получаешь недуг!*

В данном примере аллитерация в сочетании с конечной рифмой способствует быстрому запоминанию слогана.

Пример 2: *Drug
это не друг.*

В данном коротком тексте омофоны, основанные на сходстве звучания английского слова *drug* ‘наркотик’ и русского слова *друг* создают псевдоповтор.

Пример 3: *Родите ли
Курение вызывает бесплодие*

Игра слов создается омофонами *родители* и *родите ли*. Данное фонетическое явление поддерживается невербальным компонентом – изображением струи дыма, которая разделяет глагол *родите* и частицу *ли*.

Пример 4: *Едешь ты с друзьями –
Пристегнись ремнями!*

Данный текст построен на рифме, помогающей запомнить важную информацию.

Пример 5: *Завяжи с курением в постели*

В данном контексте глагол *завяжи* актуализирует одновременно и прямое значение (‘сделать узел; соединить, закрепить концы чего-л. узлом’) и переносное значение (разг. ‘изменить прежний (обычно пагубный) образ жизни’), что поддерживается и изображением завязанной в узел сигареты.

Примеры 6 и 7: *Чемпион по езде без тормозов
Чемпион в рывке через дорогу*

Слово *чемпион*, обычно использующееся в положительном значении, в сочетании с фотографиями людей с разными серьезными травмами, приобретает ироническое значение, на котором и основывается воздействующий эффект данной социальной рекламы.

Пример 8: *Коррупция как сыр в мышеловке*

В данном примере используется сокращенный вариант поговорки *Бесплатный (бывает) только сыр в мышеловке*. На картинке изображена заряженная мышеловка, на которой лежит приоткрытый конверт. Достаточно одного неловкого движения, и мышеловка захлопнется.

Пример 9: *Не теряй голову на переходе!
Посмотри налево
Посмотри направо
Благодарим внимательных пешеходов.*

Синтаксический параллелизм создает алгоритм поведения при переходе дороги. Картинка способствует двойной актуализации фразеологического оборота *терять голову*: на пешеходном переходе валяются расколотый арбуз и мобильный телефон с треснувшим экраном. Арбуз здесь символизирует голову, поскольку голова на сленге называется арбузом. Кроме того, красная мякоть арбуза ассоциируется с кровью.

Пример 10: *Наша забота,
а не енота
Раздельный сбор отходов*

На рекламном щите изображен енот с желтыми полосками (в цвет контейнеров для пластика). Поговорка *не твоя/не моя забота!* окказионально изменена ради создания рифмы.

Пример 11: *Дай пяць за чысціню!
Сартуй адходы*

На картинке три веселых енота, соприкасаясь ладошками («пятерней»), танцуют на фоне желтого контейнера для отходов.

Пример 12: *Маё першае слова «Дзякуй».
Якім будзе тваё першае слова на роднай мове?*

Грамматический параллелизм (*маё першае слова* и *тваё першае слова*) создает повтор и выступает средством побуждения реципиента рекламы к изучению белорусского языка.

Пример 13: *Нам не нужен пакет –
Нас упаковала природа*

Данный текст базируется на олицетворении и грамматическом повторе (*нам, нас*). На картинке изображены фрукты в авоське – самой экологичной сумке.

Пример 14: *Счастья много не бывает
Не допусти аборт
Позвони – поможем*

Вербальная часть данного сообщения построена на модифицированном варианте поговорки *Денег много не бывает* и поддерживается изображением беременной женщины, которую обнимают двое ее детей.

Пример 15: *Твой малыш дома один?
Уже спички нашел и с ними играет?
Быть беде!
Здесь чудес не бывает...*

Воздействующий эффект данной социальной рекламы основывается на рифме, а также использовании знаков пунктуации и поддерживается цветовым решением. Желтый и красный цвета напоминают цвета светофора: желтый сигнализирует о потенциальной опасности (*дома один, и с ними играет*), красный – повышенный уровень опасности (*спички нашел, быть беде*).

Пример 16: *О чем молчат смартфоны*

Платите безопасно:

телефон не расскажет номер Вашей карты

В основе данного текста – модифицированное название фильма «О чем молчат девушки» (реж. Карен Оганесян). Изображение помогает прийти к оригинальному названию, поскольку на переднем плане находится улыбающийся женский телефон.

Пример 17: *Не жди белочку –*

Туши окурок!

На картинке – белочка тушит окурок о крышку жестяной банки, заполненную окурками. Однако благодаря обыгрыванию прямого и переносного значения слова *белочка* ‘белая горячка’ (например, в выражениях *дождаться белочку, поймать белочку, пришла белочка*) создается незабываемая игра слов.

Пример 18: *Персональные данные*

Беречь, нельзя терять!

Фраза *Беречь, нельзя терять!* отсылает к мультфильму «Вовочка в тридевятом царстве». Там нужно было правильно поставить запятую в предложении «Казнить нельзя помиловать». В данной социальной рекламе запятая поставлена после глагола *беречь*, что передает главную идею: персональные данные нельзя терять.

Как видно из приведенных выше примеров, в социальной рекламе преобладают простые предложения, они придают динамичность, экспрессивность, максимальную приближенность к разговорной речи. Восклицательные предложения играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию. Они придают живость и эмоциональность высказыванию.

Примеры 19 и 20: *Вам на месяц? Мне на полгода. Хочу подработать. Найди работу, когда захочешь. rabota.by*

Выходить будете? С понедельника. Найди работу, пока ты в пути. rabota.by

Данные примеры демонстрируют взаимодействие коммерческой и социальной рекламы, а также эффект обманутого ожидания. Тексты строятся как диалоги, при этом реплики берутся из одной сферы жизни, а видеоряд – из другой. В первом случае кажется, что речь идет о покупке проездного абонеента на месяц (молодой человек со смартфоном у кассы метро), во втором случае – о выходе из транспортного средства (мужчина со смартфоном у дверей автобуса). На самом деле в обоих текстах рекламируется возможность найти временную или постоянную работу с помощью онлайн-газеты *rabota.by*.

Приведенные выше примеры доказывают, что языковая игра является высоко интеллектуальной формой выражения эмоций [3, с. 366]. Декодирование прецедентных импликаций рассчитано на определенные интеллектуальные

усилия реципиента и определенные, общие с автором текста, знания и усилия по активизации и восстановлению прецедентных высказываний [3, с. 381].

Таким образом, предпринятый в рамках данного исследования анализ 20 текстов белорусской наружной социальной рекламы свидетельствует о том, что авторы социальной рекламы прибегают к широкому арсеналу языковых средств (фонетических, лексических, грамматических, стилистических) с целью привлечения внимания реципиента и изменения модели его поведения, а в некоторых случаях – создание новых социальных ценностей. Языковая игра – результат оригинального, нестандартного варьирования языковых и речевых норм. В качестве объекта такой рекламы выступают социальные продукты: идеи, ценности, отношения. Вербальный компонент активно взаимодействует с невербальным. Невербальная составляющая социальной рекламы основывается на актуализации символов как с положительной, так и с отрицательной коннотацией.

Язык социальной рекламы формирует восприятие определенной информации адресатом с учетом социокультурных и лингвокультурологических особенностей конкретного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев А. В., Социальная реклама. Теория и практика рекламной деятельности / А. Н. Мудров, В. С. Мейер, А. Н. Александров, С. М. Павлов, И. В. Лебедева, М. А. Алексеева [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://adindustry.ru/doc/1132> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Пядышева Т. Г. Вербальные составляющие в структуре рекламного текста // Вестник ТГУ. Выпуск 1 (5). 2016. С. 29–38.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 418 с.
4. Куликова Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского ун-та. 2008. № 4. С. 197–205.

Гарифуллина Альбина Фатиховна

кандидат политических наук

г. Уфа, Россия

ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологии»

e-mail: albina.garifullina.86@bk.ru

Кобызева Светлана Владимировна

кандидат филологических наук

г. Уфа, Россия

ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологии»

e-mail: ooo.cno@mail.ru

Albina Fatikhovna Garifullina

Candidate of Political Sciences

Ufa, Russia

Ufa University of Science
and Technology

e-mail: albina.garifullina.86@bk.ru

Kobyzeva Svetlana Vladimirovna

PhD in Philology

Ufa, Russia

Ufa University of Science
and Technology

e-mail: ooo.cno@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

В условиях стремительно развивающейся цифровой среды модернизация преподавания иностранных языков в вузе приобретает особую значимость. В статье рассматриваются инновационные образовательные технологии, обеспечивающие повышение эффективности языковой подготовки студентов: цифровые платформы, искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности, а также методы геймификации. Подчёркивается их потенциал в формировании языковой, когнитивной и коммуникативной компетенции обучающихся. Представлены результаты анализа научных исследований 2020–2024 гг., посвящённых использованию мобильных приложений, адаптивных систем и иммерсивных образовательных сред. Отмечены преимущества интеграции ИИ-инструментов (Grammarly, ChatGPT, ELSA Speak) и VR-технологий в практику вузовского преподавания, а также их влияние на мотивацию и индивидуализацию учебного процесса. Особое внимание уделяется проблемам цифровизации: дефициту цифровой грамотности педагогов, техническим ограничениям инфраструктуры и этическим вопросам работы с персональными данными. Делается вывод о высокой дидактической ценности инновационных технологий и необходимости научно обоснованной методической базы для их внедрения. Намечены перспективные направления исследований, связанные с разработкой гибридных моделей смешанного обучения и применением доказательной педагогики.

Ключевые слова: иностранный язык; высшее образование; инновационные технологии; цифровизация обучения; искусственный интеллект.

INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT THE UNIVERSITY

In the rapidly developing digital environment, the modernization of foreign language teaching at universities is becoming increasingly significant. The article examines innovative educational technologies that enhance the effectiveness of students' language training, including digital platforms, artificial intelligence, virtual and augmented reality technologies, as well as gamification methods. Their potential in shaping students' linguistic, cognitive, and communicative competence is emphasized. The results of analyzing scientific studies from 2020–2024 are presented, focusing on the use of mobile applications, adaptive learning systems, and immersive educational environments. The advantages of integrating AI tools (Grammarly, ChatGPT, ELSA Speak) and VR tech-

nologies into university teaching practice, as well as their impact on student motivation and the individualization of the learning process, are highlighted. Particular attention is given to the challenges of digitalization: insufficient digital literacy of teachers, technical limitations of infrastructure, and ethical issues related to the use of personal data. The article concludes that innovative technologies possess high didactic value and require a scientifically grounded methodological framework for successful implementation. Promising directions for further research include the development of hybrid blended learning models and the application of evidence-based pedagogy.

Key words: foreign language; higher education; innovative technologies; digitalization of learning; artificial intelligence.

Современная система высшего образования в условиях цифровой трансформации сталкивается с необходимостью радикального переосмысления методов преподавания, в том числе в сфере языковой подготовки. Иностранные языки в вузе выполняют не только прикладную коммуникативную функцию, но и становятся средством профессионализации, академической мобильности и научной социализации. В этой связи возникает настоятельная потребность в адаптации образовательного процесса к условиям постиндустриального информационного общества, что требует внедрения инновационных педагогических и цифровых технологий.

Развитие таких направлений, как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, адаптивные обучающие системы, обуславливает качественные изменения в образовательной среде вуза. Необходимость освоения новых технологий диктуется не только внешними вызовами, но и внутренними потребностями студенческой аудитории, ориентированной на гибкие, индивидуализированные и интерактивные формы обучения. В данном контексте становится важным научно обоснованное изучение дидактических возможностей инновационных средств в обучении иностранным языкам и их интеграции в академическую практику.

Анализ научной литературы последних лет показывает, что цифровизация высшего образования представляет собой комплексное педагогическое и организационное явление, затрагивающее как содержательную, так и методологическую составляющие образовательного процесса. В исследованиях подчеркивается значимость индивидуализации обучения, интерактивного взаимодействия и использования мультимодальных цифровых ресурсов в формировании языковой компетенции студентов [2, с. 86-88; 3, с. 84-91].

Методологическая база настоящего исследования включает системный, аналитический и сравнительный подходы, опирающиеся на эмпирические данные, представленные в международных и отечественных рецензируемых изданиях.

Одним из ключевых направлений инновационной трансформации является использование цифровых платформ, ориентированных на автономное и смешанное обучение. Такие ресурсы, как Duolingo, LingQ, Busuu и Quizlet, становятся частью учебной практики вуза, обеспечивая непрерывный доступ к учебным материалам, автоматическую проверку знаний и персонализированную траекторию обучения. В отличие от традиционного репродуктивного подхода, цифровые платформы позволяют организовать учебный процесс по принципу

деятельностного и компетентностного подходов, что соответствует целям высшего образования.

По данным исследования Ю.В. Оларь, регулярное использование мобильных приложений в учебной среде вуза способствует не только развитию речевых навыков, но и формированию метапредметных компетенций, включая самоорганизацию, критическое мышление и цифровую грамотность [4, с. 138–141]. Использование адаптивных систем обучения позволяет эффективно учитывать уровень подготовки студентов, их стиль усвоения информации, темп и когнитивные особенности.

Таблица 1 – Примеры цифровых платформ и их педагогические функции

Платформа	Основная функция	Адаптивность	Применение в вузе
Duolingo	Геймифицированное обучение	Высокая	Да
LingQ	Аутентичные тексты и подкасты	Средняя	Да
Quizlet	Работа с лексикой и терминами	Средняя	Да

Развитие технологий искусственного интеллекта открыло новые горизонты для лингвистического образования. Программные решения, основанные на ИИ (например, Grammarly, ChatGPT, ELSA Speak), находят широкое применение в практике вузовского преподавания, особенно при формировании письменной и устной речи. Эти инструменты способны автоматически генерировать языковые задания, анализировать тексты, корректировать ошибки и предлагать оптимальные варианты языкового выражения.

В исследовании А.И. Зудиной подчеркивается, что применение ИИ в вузах не только способствует повышению точности языкового выражения, но и позволяет разрабатывать индивидуализированные программы обучения [1, с. 12–19]. В отличие от автоматизированных систем предыдущего поколения, современные ИИ-инструменты демонстрируют высокую степень контекстной осведомленности и обучаемости, что делает их эффективными помощниками как для преподавателей, так и для студентов.

Особую перспективу представляет использование технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), которые создают иммерсивную среду для развития коммуникативных навыков. Эти технологии позволяют воспроизводить аутентичные языковые ситуации, моделировать профессиональные и бытовые диалоги, а также развивать навыки межкультурного общения.

В рамках вузовской практики успешно реализуются проекты, в которых студенты участвуют в виртуальных турах, профессиональных симуляциях или ролевых играх с участием цифровых аватаров. По результатам систематического обзора [3, с. 84–121], VR способствует формированию устойчивых когнитивных связей, снижает тревожность при говорении и увеличивает мотивацию к изучению языка.

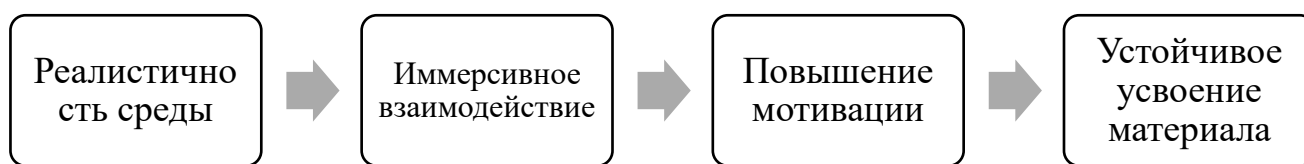

Схема 1 – Принципы использования VR в обучении языкам

Геймификация как педагогическая стратегия показывает высокую результативность в вузовской языковой подготовке, особенно на младших курсах. Основной эффект достигается за счёт создания позитивной эмоциональной среды, стимулирующей участие студентов в учебном процессе. В рамках геймифицированного обучения используются баллы, уровни, бейджи, лидерборды, что усиливает соревновательность и персональную вовлеченность.

Исследование А.У. Казаковой и М.Н. Кузнецовой демонстрирует, что внедрение игровых механик в контекст вузовского обучения способствует не только повышению мотивации, но и углублённому усвоению материала за счёт множественных повторений и активного взаимодействия [2]. Однако важно подчеркнуть, что эффективность геймификации зависит от правильного соотношения игровых элементов с содержанием и целями дисциплины.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации вузовского образования сопряжен с рядом вызовов. Среди них можно выделить недостаточный уровень цифровой грамотности преподавательского состава, технические ограничения образовательной инфраструктуры, а также проблемы этического и юридического характера, связанные с использованием ИИ и персональных данных. Кроме того, существует риск фрагментации учебного процесса при чрезмерной зависимости от технологий, что требует баланса между инновациями и педагогическим здравым смыслом.

Анализ практики и научных источников позволяет сделать вывод о высокой дидактической ценности инновационных технологий в процессе преподавания иностранных языков в вузе. Наиболее перспективными инструментами на данном этапе развития являются цифровые платформы с адаптивной логикой, искусственный интеллект, а также иммерсивная VR-среда. Их использование повышает эффективность языковой подготовки, развивает когнитивные и коммуникативные навыки, формирует индивидуальные образовательные траектории. Вместе с тем, внедрение инноваций требует научно обоснованной методической базы, регулярной переподготовки преподавателей и системной поддержки со стороны образовательных учреждений. Перспективой дальнейших исследований является разработка интегративных моделей смешанного и гибридного обучения, сочетающих традиционные и цифровые подходы на основе доказательной педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зудина, А. И. Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции через использование технологии смешанного обучения (Blended learning) / А. И. Зудина // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–21. DOI 10.12731/2658-4034-2022-13-3-7-21.
2. Казакова, У.А. Профессионально-коммуникативная подготовка студентов технологического вуза в контексте инновационного образования / У.А. Казакова, М.Н. Кузнецова // Управление устойчивым развитием. 2023. № 6(49). С. 84–90. DOI 10.55421/2499992X_2023_6_84.
3. Нос, Н. И. Обучение профессионально-ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов с имплементацией инновационных образовательных технологий : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Нос Наталья Ивановна, 2023. 193 с.
4. Оларь, Ю. В. Анализ отечественного и зарубежного опыта организации коллаборативного обучения иностранным языкам в вузе / Ю. В. Оларь, Т. В. Хильченко, Д. Е. Андреев // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2(50). С. 136–142. – DOI 10.52772/25420291_2021_2_136.

УДК 378.147

Гарифуллина Альбина Фатиховна

кандидат политических наук

г. Уфа, Россия

ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологии»*e-mail:* albina.garifullina.86@bk.ru**Ковшечникова Вероника****Александровна**

старший преподаватель

г. Уфа, Россия

ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологии»*e-mail:* ooo.cno@mail.ru**Albina Fatikhovna Garifullina**

Candidate of Political Sciences

Ufa, Russia

Ufa University of Science
and Technology*e-mail:* albina.garifullina.86@bk.ru**Veronika Aleksandrovna****Kovshechnikova**

Senior Lecturer

Ufa, Russia

Ufa University of Science
and Technology*e-mail:* ooo.cno@mail.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современная цифровая трансформация образования стимулирует активное использование интерактивных методов преподавания иностранных языков в дистанционном формате. В статье рассматриваются методологические и практические основания применения таких технологий, как кейс-метод, обучение в сотрудничестве, проектная деятельность и геймификация. Показано, что данные подходы способствуют развитию языковой и коммуникативной компетенции, повышают мотивацию и вовлечённость студентов, формируют навыки критического мышления и командной работы. На основе анализа российских и зарубежных исследований 2020–2024 гг. обобщён опыт внедрения цифровых платформ (Moodle, Яндекс Документы, VK WorkSpace, Boardmix и др.), обеспечивающих диалогичность и персонализацию учебного процесса. Особое внимание уделено трудностям внедрения интерактивных моделей: неоднородности цифровой грамотности, ограниченным ресурсам технической поддержки и рискам снижения мотивации при длительном онлайн-взаимодействии. Делается вывод о целесообразности комбинированного использования онлайн и офлайн форматов, расширения применения элементов искусственного интеллекта и разработки адаптивных электронных курсов. Полученные результаты позволяют конкретизировать методические рекомендации для вузов и расширяют научное понимание эффективности дистанционного иноязычного образования.

Ключевые слова: дистанционное обучение; иностранный язык; интерактивные методы; геймификация.

INTERACTIVE METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN DISTANCE EDUCATION

The modern digital transformation of education stimulates the active use of interactive methods in teaching foreign languages in a distance format. The article examines the methodological and practical foundations of applying such technologies as the case method, collaborative learning, project-based activities, and gamification. It is shown that these approaches contribute to the development of linguistic and communicative competence, enhance students' motivation and engagement, and foster critical thinking and teamwork skills. Based on the analysis of Russian and international studies from 2020–2024, the experience of implementing digital platforms (Moodle, Yandex Doc-

uments, VK WorkSpace, Boardmix, etc.) that ensure dialogic interaction and personalization of the learning process is summarized. Particular attention is paid to the difficulties of introducing interactive models, including heterogeneous levels of digital literacy, limited technical support resources, and risks of reduced motivation during prolonged online interaction. The conclusion is made about the feasibility of combining online and offline formats, expanding the use of artificial intelligence elements, and developing adaptive electronic courses. The findings specify methodological recommendations for universities and broaden the scientific understanding of the effectiveness of distance foreign language education.

Key words: distance learning; foreign language; interactive methods; gamification.

Расширение дистанционного образования в последние годы стало глобальной тенденцией, трансформирующей принципы и практики преподавания, особенно в сфере языковой подготовки. Переход к онлайн-форматам обучения, вызванный как технологическим развитием, так и эпидемиологическими обстоятельствами, акцентировал внимание научного сообщества на необходимости адаптации методик обучения иностранным языкам к условиям удалённого взаимодействия. В данной связи особую значимость приобретают интерактивные методы, ориентированные на активизацию познавательной деятельности обучающихся, вовлечение в рефлексивное и креативное взаимодействие, а также формирование прочных коммуникативных навыков.

В условиях дистанционного формата эффективность обучения во многом зависит от того, насколько образовательный процесс обеспечивает взаимодействие участников, эмоциональную вовлеченность и мотивацию к самостоятельной работе. При этом традиционные формы лекционного и объяснительно-иллюстративного обучения теряют свою актуальность, уступая место интерактивным моделям, основанным на диалоге, сотрудничестве, симуляциях и цифровой обратной связи.

Исследование выполнено на основе системного и сравнительно-аналитического подходов, позволяющих определить педагогическую эффективность интерактивных методов в дистанционном обучении иностранному языку. В качестве эмпирической базы использованы данные более 80 рецензируемых источников, опубликованных в 2020–2024 гг. в ведущих научных журналах, индексируемых в РИНЦ. Особое внимание уделялось исследованиям, содержащим результаты педагогических экспериментов, внедрения электронных курсов и анализа цифрового поведения студентов.

Методы включали: теоретический анализ научной литературы, контент-анализ цифровых платформ (Moodle, Яндекс Документы, Яндекс Телемост, VK WorkSpace, P7-Офис, Jazz by Sber, Видеозвонки Mail.ru, Padwork.ru, TrueConf, Эсборд» (sBoard), Microboard, Flip, Boardmix, Holst , Битрикс24 Доски, Pruffme, МТС Линк Доски, Эсборд, ClickUp, Microboard, Flip, Boardmix), обобщение педагогического опыта преподавателей российских и зарубежных вузов, а также элемент сравнительного анализа применяемых методик. Были рассмотрены конкретные кейсы реализации интерактивных подходов в вузах России, Германии, Южной Кореи и Финляндии [5, с. 18-25].

Интерактивные методы базируются на гуманистической и деятельностной педагогике, где основное внимание уделяется субъектной активности обучающегося, рефлексии, социальному взаимодействию и мотивации. Согласно рабо-

те Э.Н. Диденко, интерактивное обучение в онлайн требует переформатирования не только дидактического материала, но и ролей преподавателя и студента [2, с. 41–43]. Преподаватель трансформируется в фасилитатора, модератора и куратора цифрового взаимодействия.

В дистанционном формате ключевую роль играют технологии, обеспечивающие интерактивность: онлайн-доски, видеоконференцсвязь, совместные цифровые проекты, геймифицированные ресурсы, чат-боты и элементы искусственного интеллекта. Исследования Н.У. Амирхажиева, А.Ш. Давлетукаевой подтверждают, что вовлечение студентов в активную деятельность в цифровой среде способствует более прочному усвоению языкового материала, чем традиционные формы репродуктивного обучения [1, с. 231–233].

Интерактивные методы в дистанционном обучении реализуются через различные педагогические стратегии, каждая из которых обладает своей структурой, дидактическими целями и инструментарием. Наиболее распространённые из них включают:

Кейс-метод, при котором студенты анализируют проблемные ситуации, требующие применения лексико-грамматических навыков в реальном контексте [3, с. 140]. В условиях дистанционного обучения кейсы сопровождаются цифровыми ресурсами: видео, интерактивными картами, таблицами и форумами. Пример: работа с деловой корреспонденцией в рамках курса «Деловой английский».

Обучение в сотрудничестве реализуется через парную и групповую работу на платформах типа Яндекс Телемост и Видеозвонки Mail.ru с применением Яндекс Документы, VK WorkSpace, Boardmix и др. (табл. 1). Такой формат позволяет развивать коммуникативную и межкультурную компетенцию.

Проектные методики направлены на долгосрочную деятельность студентов с цифровым продуктом на выходе: презентацией, видеороликом, подкастом или онлайн-газетой. Примеры удачного внедрения проектного метода приводятся в исследованиях И. Н. Никифоровой и Г.А. Краснощековой, А.О. Чубий [3, 4].

Геймификация – интеграция игровых механизмов (баллов, уровней, квизов, сценариев) в обучение через платформы типа ClickUp, Microboard, Flip, Boardmix. Это повышает мотивацию, снижает тревожность и усиливает закрепление материала за счёт многократных повторений в игровой форме.

Таблица 1 – Примеры интерактивных методов и их цифровая реализация

Метод	Цифровые инструменты	Эффект обучения
Кейс-метод	Moodle, Яндекс Документы, Яндекс Телемост, VK WorkSpace, P7-Офис, Jazz by Sber, Видеозвонки Mail.ru и др.	Развитие критического мышления
Обучение в сотрудничестве	Padwork.ru, TrueConf, Эсборд» (sBoard), Microboard, Flip, Boardmix, Holst и др.	Устная речь, командная работа
Проектная деятельность	Битрикс24 Доски, Pruffme, МТС Линк Доски, Эсборд	Письменная речь, креативность
Геймификация	ClickUp, Microboard, Flip, Boardmix	Повторение, игровая мотивация

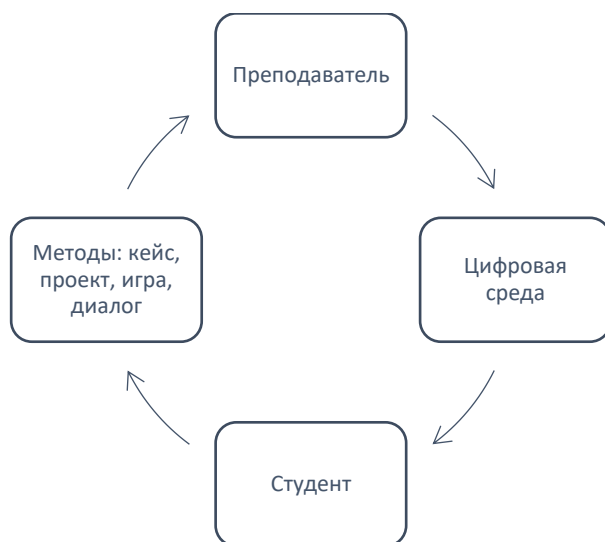

Схема 1 – Модель взаимодействия
в дистанционном языковом обучении

Несмотря на значительные преимущества, внедрение интерактивных методов в дистанционное обучение сопровождается рядом трудностей. Ключевые из них включают недостаточную техническую оснащённость отдельных студентов, неравномерный уровень цифровой компетентности преподавателей, а также сложности в обеспечении полноценной обратной связи. Кроме того, наблюдается снижение мотивации при длительном онлайн-обучении без очного взаимодействия, что требует дополнительных стимулов и педагогических решений.

Интерактивные методы преподавания иностранного языка в дистанционном образовании представляют собой действенный инструмент, позволяющий обеспечить высокую степень вовлечённости обучающихся, поддерживать диалогическую природу языкового взаимодействия и развивать навыки 21 века. Их эффективность подтверждается как эмпирическими исследованиями, так и педагогической практикой, особенно в условиях гибкой цифровой образовательной среды. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка гибридных форматов с сочетанием онлайн и офлайн элементов, применение искусственного интеллекта в интерактивной лингводидактике, а также создание платформенных решений, способных адаптироваться к индивидуальным образовательным траекториям студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирхажиев, Н. У. Методы обучения английскому языку как инструмент глобализации образования в российских вузах / Н. У. Амирхажиев, А. Ш. Давлетукаева // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 12–2(73). С. 228–235. DOI 10.25726/o7246-1530-0751-h.

2. Диденко, Э. Н. Повышение эффективности онлайн-обучения иностранным языкам как многоуровневый процесс в рамках цифровизации образовательной среды / Э. Н. Диденко // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 36–43.

3. Краснощекова, Г. А. Онлайн-курсы как средство повышения качества преподавания языков в условиях цифровизации образования / Г. А. Краснощекова, А. О. Чубий // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6(98). С. 137–144. DOI 10.24158/spp.2022.6.19.

4. Никифорова, И. Н. Новые возможности использования активных и интерактивных методов при обучении иностранному языку / И. Н. Никифорова // Человек и образование. 2022. № 4(73). С. 125–134. DOI 10.54884/S181570410023843-2.

5. Полубиченко, Л. В. Тенденции развития иноязычного образования в рамках неязыкового вуза / Л. В. Полубиченко, И. В. Харламенко // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2021. № 1. С. 16–31. DOI 10.51314/2073-2635-2021-1-16-31.

Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук
г. Москва, Россия
Московский государственный
лингвистический университет
e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

Alexey Ivanovich Gorozhanov
Dr of Sc. (Philology)
Moscow, Russia
Moscow State
Linguistic University
e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ WESTDEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG)

В настоящем исследовании ставится цель установить параметры использования предлогов в электронных текстах крупнейшей региональной газеты ФРГ «Westdeutsche Allgemeine Zeitung» (Эссен, Северный Рейн-Вестфалия), организованных в репрезентативный сбалансированный лингвистический корпус объемом 1 329 992 токенов или 84 496 предложений с помощью специализированного программного обеспечения, разработанного в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета. Методология исследования включает корпусный анализ и синтез. Рассматривается общий частотный список предлогов, список предлогов, управляющих генитивом, анализируются частные случаи употребления некоторых предлогов, которые демонстрируют отличия от кодифицированной в немецких словарях нормы. Больше внимание уделяется предлогам с генитивом, уникальное количество которых в корпусе составляет 41 единицу. Формулируется предположение о том, что ряд выявленных нетипичных случаев употребления предлогов может быть обусловлен региональными факторами.

Ключевые слова: прикладная лингвистика; предлоги; сбалансированный лингвистический корпус; немецкоязычные СМИ.

FEATURES OF THE USE OF PREPOSITIONS IN MODERN GERMAN- LANGUAGE MEDIA (BASED ON THE MATERIAL OF THE NEWSPAPER WESTDEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG)

The present study aims to establish the parameters of preposition use in electronic texts of the largest regional newspaper of Germany, Westdeutsche Allgemeine Zeitung (Essen, North Rhine-Westphalia), organized into a representative balanced linguistic corpus of 1,329,992 tokens or 84,496 sentences applying specialized software developed at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education at Moscow State Linguistic University. The research methodology includes corpus analysis and synthesis. The general frequency list of prepositions, the list of prepositions governing the genitive are considered, and special cases of the use of some prepositions that demonstrate differences from the norm codified in German dictionaries are analyzed. More attention is paid to prepositions with the genitive, the unique number of which in the corpus is 41 units. An assumption is formulated that a number of the identified atypical cases of preposition use may be due to regional factors.

Key words: applied linguistics; prepositions; balanced linguistic corpus; German-language media.

В настоящей статье осуществляется анализ употребления предлогов в электронных текстах крупнейшей региональной газеты ФРГ «Westdeutsche Allgemeine Zeitung». Цель работы – установить параметры использования предлогов в текстах газеты. При этом более подробно рассматриваются предлоги, управляющие генитивом.

Актуальность исследования обусловлена высоким интересом ученых-лингвистов к немецкоязычному публицистическому дискурсу в целом [1; 2; 3] и к проблеме употребления немецких предлогов в частности [4; 5].

В качестве материала привлекается сбалансированный лингвистический корпус новостных статей газеты «Westdeutsche Allgemeine Zeitung», собранный в период с 21.10.2024 по 22.03.2025 посредством программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (свидетельство Роспатент № 2023683209). Объем корпуса составил 1 329 992 токенов или 84 496 предложений сплошного текста, что говорит о его достаточной репрезентативности.

Итак, поиск по опции корпусного менеджера «Частотный список 2» позволил обнаружить более 100 уникальных предлогов или квалифицированных в таком качестве корпусом лексем (например, отглагольные прилагательные ‘entsprechend’ и ‘übersät’ или наречие ‘währenddessen’), что составило некоторую допустимую погрешность поиска. Неудивительно, что самыми частотными оказались следующие десять предлогов, управляющие дативом, аккузативом и двойного управления:

1. in : 32232
2. mit : 11284
3. von : 10933
4. an : 10216
5. auf : 10150
6. für : 10015
7. zu : 9521
8. bei : 6414
9. aus : 4679
10. nach : 4413

Отнеся ‘entsprechend’ к отглагольным прилагательным, мы, тем не менее, зафиксировали одно его «предложное» употребление с генитивом, несмотря на то что словарь DWDS указывает на управление дативом в случае употребления в значении ‘gemäß’:

Denn die Produkte in unseren Apotheken und Drogerien sind überprüfte Präparate entsprechend aktueller Qualitätsvorgaben.

Среди достаточно неожиданных для нас случаев также отметим ‘gen’ (четыре употребления), который квалифицируется DWDS как «поэтический», например:

Sie verabschiedete sich gen USA und studierte am New York Institut of English and Business Buchhaltung und Wirtschaftsentwicklung.

или «книжный» ‘qua’ (одно употребление):

Mindestlohnverstöße und Schwarzarbeit können qua Gesetz mit einer Geldbuße bis zu 500.000 Euro sanktioniert werden.

Предлог 'nah' был выявлен исключительно в «дополнительной» форме 'nahe' (согласно DWDS, в то время как в словаре Duden online первичной формой идет 'nahe'):

Nahe des Evangelischen Krankenhauses in Oberhausen soll im Januar eine Straße abgerissen und eine Straße gesperrt werden.

или

Es ist in einer alten Villa und einem modernen Erweiterungsbau nahe des Stadtparks untergebracht.

Этот пример фиксирует управление генитивом, хотя согласно DWDS, предлог 'nah' управляет дативом, а в Duden online генитив указан как редкое управление и на предлоге стоит пометка «возвышенный».

Предлог 'binnen' встретился в определенно нейтральных контекстах с генитивным управлением, что является «возвышенным» употреблением, согласно словарю DWDS:

Zum Vergleich: Anfang des Jahres kostete die Unze Gold (31,1 Gramm) noch 2050 Dollar – binnen eines dreiviertel Jahres ist der Wert also um gut 20 Prozent gestiegen.

или

Trump verspricht, die Kosten für Strom, Heizung, Lebensmittel und Zinsen binnen eines Jahres um die Hälfte zu senken.

Группу относительной погрешности образуют составные предлоги типа «ADP + von», например: 'innerhalb + von', 'außerhalb + von', 'zugunsten + von', 'anstelle + von', 'inmitten + von'.

Заметим, что тот же 'innerhalb' в 108 случаях из 163 употребляется без 'von', например:

Der Riss verläuft nicht nur innerhalb der Bundesregierung, in der sich etwa die FDP gegen die SPD-Forderungen nach einer anlasslosen Vorratsdatenspeicherung wehrt.

или

Auch die Deutsche Industrie- und Handelskammer (DIHK) rechnet mit einem deutlichen Job-Abbau innerhalb der Automobilbranche.

Сходное положение наблюдается и с 'außerhalb':

Rund 3000 Personen Menschen mussten in der norditalienischen Region Emilia Romagna die Nacht außerhalb ihrer Häuser verbringen, nachdem große Teile der Provinz Bologna überschwemmt wurden.

или

In Schweden wurde sie erstmals außerhalb Afrikas nachgewiesen.

Предлог 'zugunsten' употребляется 14 раз, из них только один раз в сочетании с 'von':

Mittlerweile gibt es einige Urteile zugunsten von Phishing-Opfern, die zeigen, dass sich eine Klage lohnen kann.

Предлог ‘anstelle’ имеет также 14 употреблений и девять из них с ‘von’:

Anstelle der typischen Lasagneplatten kommen hier gefüllte Ravioli zum Einsatz – eine köstliche und kreative Abwandlung.

но

Pistorius könnte auch anstelle von seiner Parteikollegin Nancy Faeser Innenminister werden.

Предлог ‘inmitten’ показывает 14 употреблений, из них только два с ‘von’:

Ich selbst stand schon einmal inmitten von Phosphorbomben – und als ein Bagger plötzlich einen Meter neben mir eine Signalbombe aus dem Boden zog, dachte ich für ein paar Sekunden: Das war es jetzt.

и

Um die Krise zu bewältigen, bestreute man die Körper der geopferten Kinder mit blauem Pigment, Muscheln und kleinen Vögeln und platzierte sie inmitten von elf Skulpturen aus Vulkangestein.

Перечислим все встретившиеся нам предлоги с генитивом в алфавитном порядке: ‘abseits, abzüglich, angesichts, anhand, anlässlich, anstatt, anstelle, aufgrund, außer [Landes], außerhalb, bezüglich, binnen, dank, entgegen, entlang, entsprechend, gemäß, hinsichtlich, infolge, inmitten, innerhalb, jenseits, laut, mangels, mithilfe, mittels, nahe, ob, oberhalb, seitens, statt, trotz, ungeachtet, voller, während, wegen, zufolge, zugunsten, zulasten, zuzüglich, zwecks’.

Общая доля употребления предлогов с генитивом, с учетом погрешности корпусного менеджера, составляет не более 2 % от числа употреблений всех предлогов в корпусе.

Важно подчеркнуть, что приведенные данные были получены автоматически, путем формирования различных запросов к корпусному менеджеру. Кроме упомянутой опции «Частотный список 2» использовался поиск по последовательности токенов (РЗС – ручной запрос специальный), например:

```
tokenlemma='inmitten'#1;;tokenlemma='von'#1
```

Здесь в корпусе запрашиваются сочетания из двух токенов: ‘inmitten’ + ‘von’.

Для получения массива предлогов, за которыми следуют какие-либо части речи в определенном падеже, использовалась формула:

```
tokenpos='ADP'#1;;tokenattr LIKE '%=gen%'#1
```

В этом случае берется любой один предлог и один токен, имеющий в своих атрибутах характеристику ‘gen’. Далее уже из общего списка исключается погрешность, что значительно экономит время работы оператора.

Таким образом, используемый программный комплекс показал свою пригодность для решения поставленной в исследовании проблемы анализа употребления предлогов.

В заключение заметим, что поскольку «Westdeutsche Allgemeine Zeitung» является региональной газетой (Эссен, Северный Рейн-Вестфалия), ряд выявленных нами особенностей может быть обусловлен региональными употреблениями, что требует дальнейшего, более детального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова, Г. В. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023–2024 гг.) / Г. В. Денисова, И. А. Гусейнова, А. И. Горожанов // *Terra Linguistica*. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 67–78. – DOI 10.18721/JHSS.15405. – EDN PJWEBZ.
2. Козырева, И. В. Языковая агрессия в немецком публицистическом дискурсе / И. В. Козырева // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2022. – № 3. – С. 157–158. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.18. – EDN JOFWIE.
3. Шитикова, А. В. Структурно-грамматические модификации пословиц в немецком публицистическом дискурсе / А. В. Шитикова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1484–1489. – DOI 10.30853/phil20240215. – EDN WDFBGB.
4. Кондратенко, П. И. In, bei oder auf YouTube? Опыт корпусного исследования сочетаемости названий интернет-ресурсов с предлогами / П. И. Кондратенко, А. М. Дубина // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. – 2024. – Т. 14. – С. 475–489. – DOI 10.21638/spbu33.2024.125. – EDN APLNKU.
5. Архипова, И. В. Мультипликативные и итеративные девербативы как средство таксисной актуализации (на материале немецкого языка) / И. В. Архипова // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 145–151. – DOI 10.18287/2542-0445-2023-29-1-145-151. – EDN SANTFI.

УДК 372.881.111.1

Григорьева Маргарита Алексеевна

аспирант

г. Минск, Беларусь

ГУО «Академия образования»

e-mail: marritam21@gmail.com

Margarita A. Grigorieva

postgraduate student

Minsk, Belarus

Academy of Education

e-mail: marritam21@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Статья посвящена теоретическому обоснованию необходимости интеграции аксиологического компонента в процесс формирования межкультурной коммуникативной компетенции учащихся 10-11 классов при обучении английскому языку. Рассматривается модель ценностных ориентаций, включающая общенациональные и общечеловеческие ценности, а также методический инструментарий для их освоения через работу с культурными концептами. Особое внимание уделяется сравнительно-сопоставительным методам анализа культурных явлений в безоценочном ключе. Представлена структура интегративных личностных качеств, формируемых на основе синтеза национального и общечеловеческого образовательных контекстов, обеспечивающих эффективное взаимодействие в поликультурном пространстве.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция; содержание обучения иностранному языку; аксиологический компонент; ценностные ориентации; культурные концепты; межкультурная коммуникация.

THE AXIOLOGICAL ORIENTATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS' INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION

The article focuses on theoretical justification for integrating an axiological component into the process of developing intercultural communicative competence in 10th-11th grade students learning English. It examines a model of value orientations that includes national and universal values, as well as methodological tools for their acquisition through work with cultural concepts. Special attention is paid to comparative methods of analyzing cultural phenomena in a non-judgmental manner. The structure of integrative personal qualities formed through the synthesis of national and universal educational contexts, which ensure effective interaction in a multicultural environment, is presented.

Key words: intercultural communicative competence; foreign language teaching content; axiological component; value orientations; cultural concepts; intercultural communication.

В современных условиях взаимозависимости культур мира и расширения межкультурных контактов система обучения иностранным языкам претерпевает изменение в целевых ориентирах: от овладения языком как инструментом перевода и усвоения грамматических структур – к подготовке личности выпускника, способного к полноценному, равноправному и духовно обогащающему диалогу с представителями иных лингвокультурных сообществ. В этой связи особенно актуальным становится формирование *межкультурной коммуникативной компетенции* учащихся, обеспечивающей осуществление эффек-

тивного взаимодействия в поликультурном пространстве и развитие способности быть полноправным участником диалога культур. Однако эффективная межкультурная коммуникация невозможна без ценностно-смысловой основы, определяющей этические и культурные ориентиры личности. В этом контексте ключевая роль отводится аксиологическому компоненту, который закладывает систему ориентиров для понимания как собственной культурной идентичности, так и для толерантного восприятия культурных различий. Особую значимость эта проблема приобретает на третьей ступени общего среднего образования, когда происходит активное становление мировоззренческих ориентиров будущих выпускников, формирование у них гражданской и культурной идентичности, осознанное построение жизненных траекторий.

Цель данного исследования заключается в теоретическом обосновании и определении содержания аксиологического компонента в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции у учащихся старших классов, направленного на развитие системы ценностных ориентаций, необходимых для эффективного межкультурного взаимодействия.

Материал и методы исследования.

В качестве методологической основы исследования выступили: концепция коммуникативного иноязычного образования Е. И. Пассова «Развитие индивидуальности в диалоге культур», теоретические положения Б. Т. Лихачева о двухаспектной природе ценностей, исследование языковых средств репрезентации культурных концептов Е. С. Пивовар и др. Для достижения цели исследования был применен комплекс теоретических методов: анализ и синтез методической и психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; систематизация и концептуализация ключевых аксиологических категорий; моделирование структуры аксиологического компонента содержания образования.

Основные результаты исследования.

Приоритетной задачей в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции является становление высокодуховной, нравственно зрелой личности учащегося, способной к диалогу и взаимопониманию в межкультурном пространстве. Такой подход предполагает выход за узкопрагматические рамки овладения иностранным языком и обращение к аксиологической направленности образовательного процесса. Именно аксиологический компонент выступает системообразующим фактором, наполняющим обучение языку личностным смыслом и культурным содержанием, обеспечивающим духовно-нравственное становление учащегося.

Проведенный анализ позволил определить аксиологический компонент как ценностно-смысловую основу образовательного процесса, направленную на формирование у учащихся системы ценностных ориентаций и личностных качеств, предопределяющих успешность межкультурного взаимодействия. Его сущность раскрывается через два взаимосвязанных аспекта: социально-значимый, который отражает значимость тех или иных объектов действительности (идей, явлений, норм) для устойчивого развития и функционирования общества как целостной системы; и личностный (субъективный) аспект, кото-

рый проявляется в процессе интериоризации социально значимых ценностей личностью и выражается в системе ее устойчивых ценностных ориентаций, убеждений и мотивационных установок.

В рамках исследования, с опорой на концепцию Е. И. Пассова [1], была разработана модель ключевых групп ценностных ориентаций, формируемых у учащихся старших классов:

1. *Общациональные ценности (на примере Республики Беларусь).*

Данная группа является фундаментом для формирования культурной идентичности и включает воспитание зрелого патриотизма, понимаемого как деятельная любовь к Родине, активное участие в ее развитии. Сюда же отнесены: любовь к родному языку и национальной культуре, гордость своим происхождением, цельность исторической памяти. Важным результатом является вывод о том, что именно через глубокое освоение национальной системы ценностей происходит естественное и осмысленное знакомство с общечеловеческими ценностями, составляющими вторую группу в данной классификации.

2. *Общечеловеческие ценности.*

Данная группа ценностей представляет собой универсальный аксиологический пласт, транслирующий универсальные, общезначимые смыслы, выходящие за рамки конкретной культурной традиции. Их интеграция обеспечивает формирование самой возможности глобального диалога. В структуре данной группы выделяются:

1) *Ценность истины*, подразумевающая приоритет рационально-критического мышления, научного познания и объективного знания, а также признание верховенства универсальных этических принципов;

2) *Ценность жизни* во всех ее проявлениях, включая безусловное признание ценности человеческой жизни, здоровья и достоинства, что формирует основу для гуманистического миропонимания;

3) *Ценность мировой культуры*, понимаемая как причастность к общемировому культурному наследию, развитие установок интернационализма, толерантности и способности к диалогу культур на основе взаимного уважения и признания равноправия;

4) *Ценность общения и сотрудничества*, выражаемая в способности к продуктивному взаимодействию несмотря на культурные различия.

Аксиологическая направленность образовательного процесса требует применения специфического методического инструментария, выходящего за рамки традиционной репродуктивной передачи знаний. Его практическая реализация предполагает целенаправленную работу с культурными концептами – ключевыми для данной лингвокультуры смысловыми единицами, которые являются концентрированным выражением системы ценностей того или иного народа. Среди таких концептов выделяют, например, концепты *freedom* ‘свобода’, *privacy* ‘приватность’, *enterprise* ‘предприимчивость’ для американской культуры; *ordnung* ‘порядок’, *befehl* ‘приказ’, *angst* ‘страх’ для немецкой культуры. Особенно необходимым представляется не только ознакомление учащихся с концептами культур стран изучаемого языка, но и формирование глубокой осведомленности о ключевых концептах родной культуры и о средствах их вы-

ражения на иностранном языке. Согласно исследованиям, к основным элементам белорусской концептосферы являются концепты: Радзіма, сям'я, перамога, гасціннасць, дабрабыт, памяць, хата (дом), бусел, хлеб, вёска, Ф. Скарына, Е. Полацкая, Янка Купала, Якуб Колас, Хатынь и другие [2].

Для глубокого анализа и присвоения этих смыслов необходимо применение сравнительно-сопоставительных методов обучения, позволяющих учащимся выявить общее и особенное в ценностных картинах мира родной и изучаемой культур. Принципиально важным является проведение такого сопоставления в безоценочном ключе, что подразумевает отказ от категорий «лучше/хуже» или «правильно/неправильно» при сравнении культурных явлений. Задача заключается не в ранжировании культур по степени их развития или привлекательности, а в понимании их внутренней логики, исторической и социальной обусловленности. Это формирует у учащихся установку на равноправный диалог культур, а не на противопоставление «своей» (как правило, положительной) и «чужой» (отрицательной) моделей мира. Эффективным средством являются проблемные задания и дискуссии, стимулирующие личностную рефлексия, критическое осмысление предлагаемых ценностей и выработку собственной позиции. В этой связи особую актуальность приобретает моделирование проблемно-ориентированного обучения, при котором усвоение языкового материала и ценностных смыслов происходит в контексте решения значимых, реальных или смоделированных, коммуникативных и этических задач.

В результате такого комплексного воздействия происходит формирование у учащихся комплекса интегративных личностных качеств, которые можно структурировать по двум взаимодополняющим группам:

- *Качества, детерминированные национальной культурой.* Данная группа формируется на основе интериоризации общенациональных ценностей и обеспечивает психологическую устойчивость личности, сохранение ее культурной идентичности и преемственность традиций. Учитывая белорусский менталитет, к таким качествам относятся: трудолюбие, уважение к старшим, патриотизм и др [3].

- *Качества, обеспечивающие эффективность межкультурного взаимодействия.* Эта группа качеств, формируемая на стыке национального и общечеловеческого ценностного компонентов, направлена на обеспечение успешности коммуникации в глобальном мире. К ним относятся: толерантность, открытость, межкультурная сенситивность, гибкость и др.

Выводы исследования. Проведенное исследование демонстрирует, что процесс формирования межкультурной коммуникативной компетенции у учащихся старших классов должен иметь выраженную аксиологическую направленность. Его ядром является интеграция в образовательный процесс специально структурированного аксиологического компонента, представленного иерархией общенациональных и общечеловеческих ценностей, а также комплексом взаимосвязанных личностных качеств.

Принципиально важным является не простое информирование о ценностях, а их интеграция в целостную систему ценностно-смысловых ориентаций личности учащегося. Это позволяет старшекласснику не пассивно адаптиро-

ваться к межкультурным ситуациям, а активно участвовать в созидании диалогического пространства между культурами, что и составляет суть подлинной межкультурной коммуникативной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М. : Просвещение, 2000. 161 с.
2. Півавар К. С. Крытэрыі вылучэння ключавых канцэптаў пры мадэляванні нацыянальных канцэптасфер // Весці БДПУ. 2023. № 4. С. 105–108.
3. Алейникова С. М. Ценностный портрет современного белорусского общества. Минск : Друк-С, 2021. 56 с.

Задворная Елена Геннадиевна
доктор филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: egz0201@gmail.com

Yelena Gennadievna Zadvornaya
Dr of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: egz0201@gmail.com

МОТИВИРОВОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В работе рассматриваются мотивировочные компоненты, усложняющие структуру различных типов речевых актов. Выявляются причины избирательности речевых актов по отношению к мотивировкам, а также специфика мотивировочных компонентов в составе различных речевых актов.

Ключевые слова: мотивировочный компонент; речевой акт; структура речевого акта; инициатива говорящего; инициатива слушающего.

MOTIVATIONAL COMPONENTS IN THE STRUCTURE OF VARIOUS SPEECH ACT TYPES

The paper explores motivational components that complicate the structure of various speech act types. It identifies the factors influencing selectivity of speech acts with regard to motivation, as well as the specific features of motivational components within structures of different speech acts.

Key words: motivational component; speech act; speech act structure; speaker's initiative; listener's initiative.

Одним из важнейших функциональных свойств речевых актов (далее РА) является ситуативно-контекстуальная возможность усложнения их структуры за счет различных вспомогательных коммуникативных ходов – метакоммуникативов, ориентированных на привлечение / удержание внимания или эксплицирующих иллокутивную функцию, речезыкетных элементов, апеллятивов и под. К числу таких усложняющих элементов относятся мотивировочные компоненты, т. е. коммуникативные ходы, объясняющие причину совершения соответствующего речевого действия и конституирующие речевые действия, построенные по модели «Я сообщаю тебе, что Р (прошу тебя сделать Р / спрашиваю тебя о Р), так как ...».

Экспликация мотивировочных компонентов (далее МК) реализуется в двух вариантах. Во-первых, она может осуществляться по инициативе самого говорящего (в монологических жанрах либо в рамках одной реплики в диалоге), что приводит к образованию сложных РА (в другой терминологии – коммуникативных макропоступков, речевых микрожанров и под.), ср.:

(1) *Вот что я хотел тебе объяснить: нет ничего бесплоднее, как те страдания, которые причиняет неумеренное самолюбие. Я это говорю потому, что сам вечно страдал тем же и тоже никогда не был доволен теми ре-*

зультатами, которых достиг. [П. И. Чайковский. Дневник (1878)] (здесь и далее в качестве материала анализа выступают контексты, отобранные из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru));

(2) ***felis_marmorata***: ... Хочу уточнить: что конкретно имеют в виду мамы, когда говорят, что ребенок плохо переносит температуру? **Спрашиваю, так как подозреваю, что критерии оценки могут разниться.** [Форум: Сбивать или не сбивать? (2013.02)].

Во-вторых, такая экспликация может осуществляться по инициативе слушающего, вследствие чего образуются сложные диалогические единства:

(3) **Бессемёнов**: Отец твой был... да! Грязный, оборванный, лишенный всякого порядочного подобия... Но все-таки ты его должна уважать...

Поля: Я уважаю... **Почему вы это... говорите?**

Бессемёнов: Чтoб ты понимала... Твой отец бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить из его воли... [М. Горький. Мещане (1901)];

(4) **Назавтра снова звонит**:

– Слушай. А почему ты сказала, что мы с тобой больше не увидимся?

Я даже не помню, что произносила такие слова.

– А почему ты спрашиваешь?

– Да мне тут скоро предстоит хирургическое вмешательство... [Игорь Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)].

Подчеркнем, что традиционно в данном аспекте рассматривались практически только директивные РА [1; 2; 3]; среди немногочисленных исключений можно назвать работу О. С. Рыбчинской, посвященную мотивировкам интеррогативов [4]. Между тем, на наш взгляд, в полной мере специфика актуализации причинно-следственных связей, значимых для реализации интенций коммуникантов, может быть исследована только при условии вовлечения в анализ максимально широкого круга РА. Таким образом, целью настоящей работы является выявление специфики включения МК в структуру речевых актов различного типа.

В этом плане наиболее актуальными представляются два аспекта анализа: а) выявление факторов избирательности МК (очевидно, что они способны органично встраиваться в структуру далеко не всех типов РА); б) определение семантико-прагматических особенностей, которые демонстрируют МК, «монтируясь» с различными иллокутивными актами.

Избирательность МК по отношению к различным типам РА и, соответственно, «резистентность» определенных типов РА по отношению к МК, на наш взгляд, обусловлена в первую очередь степенью очевидности причин совершения того или иного речевого действия. Как представляется, именно очевидность этих причин для всех участников коммуникативного взаимодействия объясняет избыточность МК при реализации таких ритуально-клишированных РА, как декларативы, экспрессивы, а также при осуществлении комиссивов, причем невосприимчивость каждого из названных типов РА к МК имеет специфический характер.

Так, реализация декларативов подчиняется общеизвестным и общепринятым конвенциям, что избавляет говорящего от необходимости обосновывать

совершение речевого действия, ср. **Я открываю конференцию открытой, так как ...*; **Объявляю вас мужем и женой, потому что...*; понятно, что экспликация мотивировки в подобных случаях не требуется в силу обладания говорящим соответствующими институциональными полномочиями, которые признаются адресатом / адресатами.

Аналогичным образом в объяснении причин не нуждается реализация экспрессивов (мы используем наименование «экспрессив», следуя терминологической традиции Дж. Серля и ограничивая этот класс речевыми действиями), ср. неестественность высказываний типа **Поздравляю тебя с днем рождения и желаю счастья и здоровья, так как...* или **Приветствую вас, потому что...* (Интересно, что, моделируя развернутую структуру извинений, И. Гоффман включает в нее пять элементов, среди которых мотивировка отсутствует: 1) выражение неудобства и огорчения, 2) понимание того, как надо было себя вести, и принятие наказания (отрицательных санкций), 3) словесно выраженное самоосуждение, 4) обещание вести себя впредь хорошо, 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину [5, р. 140–144]). Ограничения такого типа, впрочем, не означают полной блокировки возможности включения МК в структуру экспрессивных РА. Во-первых, расширение структуры некоторых экспрессивов вполне допустимо при необходимости конкретизации причины совершения речевого действия; если приветствия и прощания в таких уточнениях не нуждаются, то по отношению к РА благодарности и извинения они могут оказаться вполне уместными, ср.:

(5) *Самое интересное, что бедный Дерек не спал всю ночь, провозился с нами до трех-четырех часов утра, а ему утром на работу в Манхэттен, мне было неловко перед ним, и когда я ему стала говорить: «Ради Бога, Дерек, извини, спасибо тебе большое», он меня остановил такой фразой: «Лада, **это тебе спасибо, потому что** Бог и ты дали мне шанс искупить какой-то мой грех».* [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)];

(6) *Товарищ, – возразил больной, – **я прошу у тебя прощения, потому что** виноват пред тобою; между тем как Вильгельм предо мною. Но он готов просить прощения.* [П. Р. Фурман. Саардамский плотник (1849)].

Кроме того, расширение структуры экспрессивов за счет МК возможно в тех случаях, когда речь идет о нарушении определенных речеповеденческих стереотипов как общего (*Почему ты опять с ним / со мной здороваешься? Вроде уже сегодня виделись...*), так и индивидуального характера, ср. возможность запросов типа *Почему ты вдруг с ним / со мной поздоровался / Почему ты меня поздравляешь с днем рождения?* в ситуациях, если, например, говорящий на протяжении длительного времени отказывался от общения с каким-то лицом.

По сходной причине обсуждаемые компоненты не встраиваются в структуру обещаний: применительно к комиссивам МК также, как правило, избыточны, но в данном случае отсутствие необходимости мотивировки связано с их реактивной природой: как известно, обещания обычно являются реакцией на РА просьбы:

(7) *А я обещала подождать Алину.*

– *Она не придет!* – сказала я Леве. – *Ей противны классическая музыка, и твой кларнет, и Малый зал Консерватории... И даже Большой тоже противен! Но я подожду. Раз ты просишь, я подожду!* [Анатолий Алексин. *Мой брат играет на кларнете* (1967)], –

или упрека/неодобрения:

(8) *Марина, чувствуя неладное, ходила вокруг и слегка поругивала за вчерашний загул.*

– *Ну нельзя же так!*

– *Больше не буду. В последний раз. Обещаю!* [Ю. М. Поляков. *Любовь в эпоху перемен* (2015)]

В обоих случаях мотивировка коррелирует с иницирующей репликой адресанта («Я обещаю сделать Р, потому что ты просишь»; «Я обещаю не делать Р, так как это вызывает у тебя негативные переживания / недовольство»), что делает избыточной ее экспликацию в реактивной реплике адресата (хотя это и не исключает возможности дублирования МК, см. фрагмент 7).

Таким образом, для трех рассмотренных типов РА МК могут быть интерпретированы как избыточные, но с некоторыми различиями в основаниях этой избыточности: для декларативов она обусловлена наличием институциональных полномочий, для экспрессивов – коммуникативными конвенциями, связанными с реализацией категории вежливости, для комиссивов – семантико-прагматической зависимостью от предшествующей реплики в рамках диалогического единства.

Соответственно, круг речевых актов, для которых экспликация МК закономерна и естественна, сужается до трех типов: репрезентативов, директивов и интеррогативов. При этом актуализация МК применительно к данным разновидностям РА также существенно различается.

Во-первых, это касается такой характеристики МК, как его реализация по инициативе говорящего или по инициативе слушающего. Как отмечалось выше, экспликация МК может быть обусловлена либо самостоятельным решением говорящего (см. контексты 1, 2), либо запросом собеседника (см. контексты 3, 4). При этом наиболее выразительный контраст между двумя типами актуализации наблюдается в использовании интеррогативов: для данного типа РА, по данным Национального корпуса русского языка, «добровольная» актуализация МК наблюдается почти в 3,5 раза реже, чем «вынужденная» (на запрос *Я спрашиваю, потому что* корпус предлагает 38 контекстов, на запрос *Почему ты / вы спрашиваете / спрашиваете* – 112). Иначе говоря, задавая вопрос, говорящий относительно редко (в сравнении с репрезентативами и директивами) считает нужным объяснять причину совершаемого речевого действия, что, в свою очередь, обуславливает соответствующий запрос собеседника. В то же время два обсуждаемых вида актуализации МК у репрезентативов и директивов носят относительно паритетный характер.

Во-вторых, любопытные различия наблюдаются в разновидностях МК, задействованных при реализации анализируемых типов РА.

Наиболее типичными для всех типов РА являются мотивировки рационального типа (эмоциональные мотивировки менее употребительны и относи-

тельно маловариативны; все их разновидности сводятся к двум крупным блокам: апелляциям к отношениям и апелляциям к эмоциональным состояниям). Данный тип мотивировок различается при встраивании в структуру обсуждаемых РА по ряду параметров, в том числе по параметру бенефициарности речевого действия. Рациональные мотивировки директивов и интеррогативов включают такой вариант, как ссылка на отсутствие у говорящего, выступающего в качестве бенефициара, необходимого ресурса – информационного для интеррогативов и, как правило, материального или временного для директивов. Очевидно, что такой вариант не входит в круг мотивировок репрезентатива, при осуществлении которого говорящий не находится в статусе бенефициара – соответственно, здесь гораздо более естественным является вариант, «отзеркаливающий» мотивировку интеррогатива, ср. «Спрашиваю, потому что не знаю, но хочу знать» – «Говорю, потому что считаю, что ты не знаешь и тебе нужно (полезно, интересно) будет знать...».

Не менее интересна и специфика реализации периферийных, т. е. относительно малочастотных разновидностей МК, к которым относятся «опустошенные» в семантико-прагматическом отношении мотивировки, не проясняющие причин совершения речевого действия, ср. использование клишированных формул типа *просто интересно, просто так, ну сказал и сказал (спросил и спросил)*:

(9) – *Нина, в какой школе вы учитесь?*

– *Я в гимназии имени Ушинского учусь, можно на автобусе две остановки проехать, а можно через парк пешком пройти. А что?*

– **Просто интересно**, – улыбнулся Антон. [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

(10) *Рассказчика спрашивают, к чему он это рассказал. Он отвечает: «Как к чему? Да просто так сказал...»* [Н. К. Михайловский. Г. И. Успенский как писатель и человек (1886)].

Если для репрезентативов и интеррогативов это вполне распространенный вариант реакции на запрос о мотивировке, то для директивов он не характерен, хотя может встречаться в качестве средства дезавуирования речевого действия:

(11) – *А может быть, ты... хм... ты... хм... не пойдешь? – предложил Андрей.*

Я хмыкнула в ответ, совсем как Андрей, – хм... В принципе хмы бывают разные – задумчивый хм, милый хм, согласный хм... а может быть агрессивный возмущенный хм, означающий «если ты не хочешь спать в Эрмитаже, почему я не должна идти на концерт?!».

– *Иди, конечно, я просто так сказал*, – грустно сказал Андрей, – *ну, а завтра ты что делаешь?* [Е. В. Колина. Дневник измены (2011)].

Сходная картина наблюдается и относительно мотивировок, которые обосновывают совершение речевых действий, заполняющих нежелательные паузы (в отличие от предыдущей разновидности, МК данного типа практически всегда носят скрытый характер, т. е. осознаются, но не эксплицируются говорящим). Здесь также органичны репрезентативы и интеррогативы и почти не востребованы директивы:

(12) *Алексей смотрел на металлический строительный забор, ограждавший место, где совсем недавно стоял дом его бабушки.*

– *Интересно, что теперь здесь будет?* – сказала Кира, **чтобы что-нибудь сказать**. [А. А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)];

(13) *Она постаралась улыбнуться как можно теплее и ласковее, надеясь этой вымученной улыбкой отогнать от себя охватившую ее внезапную неприязнь к человеку, которого она любила и который только что проявил такой невероятный цинизм.*

– *Галина Ивановна вчера звонила,* – сказала она, только **чтобы что-нибудь сказать**. По-моему, она совсем плоха. [Александра Маринина. Чужая маска (1996)].

В целом же можно согласиться с О. Г. Исуповой, которая, осмысляя сущность конверсационного анализа, отмечает, что «взаимные интерпретации причин поведения друг друга, осуществляемые участниками на “поверхности” разговора, являются лишь стартовой точкой для интерпретативной и аналитической работы исследователей, а не представляют собой окончательного объяснения смысла того, в чем заключаются понимание ситуации участниками разговора и / или их намерения» [6, с. 35], – но тем не менее такие интерпретации, безусловно, представляют собой важный эвристический ресурс изучения причинно-следственных связей, организующих весь процесс речевого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blum-Kulka Sh., Hause J., Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics: Request and Apologies. Norwood : Ablex Publ. Corp., 1989. P. 1–34.

2. Rintell E. Sociolinguistic Variation and Pragmatic Ability: A Look at Learners // International Journal of the Sociology of Language. The Hague : Mouton Publishers, 1981. № 27. P. 11–34.

3. Мельникова Л. С. Особенности реализации мотивировочного компонента в побудительных речевых актах (на материале итальянского языка) // Вестник Белор. гос. ун-та. 2014. №3 (4). С. 26–30.

4. Рыбчинская О. С. Мотивировочные компоненты интеррогативов в разговорном и институциональном диалоге // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика. Минск, 2022. С. 121–126.

5. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth : Penguin, 1972. 460 p.

6. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 33–52.

Задворная Елена Геннадиевна
доктор филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: egz0201@gmail.com
Пурмале Диана Александровна
выпускник
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: dorohehedoro@gmail.com

Yelena Gennadievna Zadvornaya
Dr of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: egz0201@gmail.com
Diana Alexandrovna Purmale
Graduate
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: dorohehedoro@gmail.com

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ УСЛОВИЯХ

Работа посвящена рассмотрению вариантов реализации лингвопрагматической категории дистанцирования. На материале разговорного, художественного и научного дискурсов показана специфика конфигураций таких вариантов, обусловленная дискурсивными условиями.

Ключевые слова: дистанцирование; говорящий; слушающий; авторство; содержание сообщения; ответственность; дискурс.

DISTANCING CATEGORY: SPECIFICS OF REALIZATION IN VARIOUS DISCOURSE SETTINGS

The paper is devoted to distancing as and pragmalinguistic category and examines possible variants of its realization. The research is based on the material of colloquial, literary, and scientific discourse and demonstrates specific configurations of such variants determined by discourse settings.

Key words: distancing; speaker; listener; authorship; message content; responsibility; discourse.

Лингвопрагматическая категория дистанцирования интерпретируется в современных исследованиях весьма вариативно, что обусловлено как ее сложностью и многоплановостью, так и разнообразием используемых по отношению к ней исследовательских подходов. Можно согласиться с Е. С. Кулаковой, которая полагает, что все эти подходы целесообразно объединить в рамках двух основных позиций, предполагающих трактовку дистанцирования либо как отстранение от собеседника и / или ситуации общения, либо как снятие с себя ответственности за сообщаемое [1].

При этом каждый из этих подходов позволяет – с учетом как классических работ [2; 3; 4], так и более поздних исследований, в которых высказанные ранее идеи и положения получили глубокое и содержательное развитие [5; 6; 7; 8 и

др.], – в несколько обобщенном виде выделить следующие варианты воплощения обсуждаемого феномена.

Дистанцирование-1 (от собеседника и / или ситуации) включает три разновидности.

1А. Дистанцирование, понимаемое вслед за П. Браун и С. Левинсоном (в рамках концепции негативной вежливости, в свою очередь восходящей к идеям И. Гоффмана) как отсутствие коммуникативного давления и уважение к границам личного пространства собеседника:

(1) – *Простите, что беспокою вас, Борис Иванович! – сказала я, выходя в полосу света. – Я студентка. Работаю по изучению здешнего края. Очень бы хотела побеседовать с вами, если у вас есть время.* [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936-1979)] (здесь и далее иллюстративный материал приводится преимущественно по Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru)).

1Б. Дистанцирование в смысле Г. Джайлса, см. концепцию коммуникативной адаптации, в рамках которой выделяется так называемая дивергентная адаптация [4], ориентированная на акцентирование существующих между говорящим и слушающим различий в статусе, компетентности, авторитетности и под.:

(2) – *Ну, как твое мнение?*

Чернаков, успевший под рассказ Мурашова измерить давление и осмотреть больную, пожал плечами:

– *Тебе виднее, ты ведь дирижер, а я тапер. С моей позиции, состояние пока стабильное. Давление держит. Пока.* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)];

(3) – *Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?*

– *Вы кого спрашиваете?*

– *Вас, мыслителей...*

– *А вы готовы?*

– *Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем.* (В. М. Шукшин. Срезал).

1В. Дистанцирование, интерпретируемое как некооперативное речевое поведение, которое, в частности, реализуется в форме демонстративно-конфронтационного отказа от коммуникации:

(4) *В другое время он начал бы лгать и изворачиваться, но сейчас нервы были слишком обнажены, внутри все горело.*

– *Оставь меня, – выдохнул он. – Да, так отдыхал! Отвяжись от меня, слышишь!* [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].

Необходимо подчеркнуть, что три выделенные разновидности дистанцирования-1 не всегда надежно дифференцируются: так, например, дивергентная адаптация (1Б) может носить как кооперативный, так и некооперативный ха-

раक्टर, в первом случае сближаясь, соответственно, с негативной вежливостью (1А), а во втором – с агрессивно-конфликтным речевым поведением (1В); см. также контекст 3, который может быть интерпретирован как реализующий дивергентную адаптацию в комплексе с имплицитной конфликтностью.

Дистанцирование-2 также неоднородно и включает ряд разновидностей.

2А. Дистанцирование только от авторства транслируемых сведений, но не от содержания передаваемого сообщения.

Отметим, что данная разновидность исключается некоторыми исследователями из круга контекстов, реализующих категорию дистанцирования (такую точку зрения высказывает, в частности, А. В. Кулешова [6]). Представляется, что интенция дистанцирования как отказа от авторства сообщаемых сведений / оценок / интерпретаций, в контекстах данного типа все же присутствует, ср.:

(5) – Ты говорил, что в пятидесятые годы музей переживал не лучшие времена. Тогда пропали какие-то работы?

– Это не я говорил, это Анна Львовна рассказывала, – сказал Саша, подумав. – Работы во время войны пропали, а в пятидесятые их стали возвращать! Музей долго восстанавливали! (Т. В. Устинова. Чудны дела твои, Господи!).

2Б. Дистанцирование только от содержания высказывания (но не от авторства), реализуемое при помощи индикаторов эпистемического значения мнения-предположения:

(6) «Поэт пост-революционного катарсиса». Это верно лишь в отношении текстов поэта, опубликованных литературными журналами. В книгу же вошли и другие стихи. **Не уверен, но подозреваю:** автор был бы не прочь их напечатать в периодических изданиях, однако, редакторы эти стихи отвергли. [Андрей Пермяков. Мастер йода // «Волга», 2013].

2В. Дистанцирование как от авторства, так и от содержания транслируемого сообщения:

(7) Крупинки аэролита считались положительно универсальным лекарством. Распространились **нелепые слухи** о «чудесном исцелении», требования на «христов камень» усилились; счастливый владелец метеорита пользовался случаем и продавал камешек чуть не на вес золота, выказывая при этом слабости настоящего завязтого аптекаря. [Алмаз // «Химия и жизнь», 1965].

Здесь также возможны промежуточные случаи, когда говорящий дистанцируется от авторства, но сохраняет нейтральность по отношению к содержанию сообщения, ср. вариант, когда использование дистанцирования оказывается для адресанта способом ввести в дискурс неприятную / нежелательную для собеседника информацию, при этом не обременяя себя принятием ответственности за нее, хотя, скорее всего, говорящий с передаваемым мнением согласен (иными словами, контекст сложно идентифицировать однозначно: он допускает интерпретацию и в смысле 2А, и в смысле 2В):

(8) – Ну смотри, я тебя предупредил, – равнодушно протянул Клетчатый, – как бы потом худо не было. Да, кстати, это, конечно, не мое дело, но в народе ходят слухи, что это ты Колотого убрал.

– А тебе-то что за дело?

– *Я тебе не судья, а только многим это может не понравиться. Сам знаешь, кто на вора руку поднимает, тот долго не живет.* [Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)].

Кроме того, отдельного обсуждения заслуживает и такая разновидность обсуждаемой категории, как рефлексивное дистанцирование, т. е. дистанцирование говорящего от самого себя. В определенном смысле рефлексивность можно усмотреть в варианте 2Б, где говорящий фиксирует неуверенность в истинности (точности, обоснованности) сообщаемой информации или высказываемого мнения, – но в таких случаях речь идет все же о дистанцировании от информации, пусть и сообщаемой самим адресантом. Применительно к рефлексивному варианту дистанцирования имеется в виду некоторое отстранение от собственной личности, которое наиболее эксплицитно выделяется во французской традиции исследования категорий субъектности, авторства и дистанцирования, в частности в работах О. Дюкро и Ж. Женетта (см. подробнее в [1]). Данный вариант дистанцирования предполагает отдаление / отделение говорящего от собственного опыта, создание некоей границы между собой и сказанным, «абстрагирование» от самого себя.

Одним из наиболее интересных и важных аспектов анализа категории дистанцирования является дискурсивный ракурс ее рассмотрения: очевидно, что любой языковой или речевой феномен способен демонстрировать существенные модификации, определяемые дискурсивной системой координат, в рамках которой он реализуется. Этот постулат актуален и по отношению к дистанцированию, особенно с учетом того обстоятельства, что, насколько нам известно, на настоящий момент наблюдается тенденция интерпретации обсуждаемой категории в пределах одной дискурсивной сферы (повседневного общения [5], художественного дискурса [6], газетных текстов [7] и др.).

Наиболее широкий диапазон вариантов дистанцирования представлен в разговорном дискурсе (см. примеры выше). В данной дискурсивной сфере нет каких-либо факторов (кроме, разумеется, ситуативных), которые могли бы заблокировать реализацию перечисленных выше вариантов реализации данной категории, т. е. препятствовали бы использованию говорящим каких-либо типов моделирования дистанции между собой и адресатом, собой и транслируемой информацией, наконец, различными позициями / ипостасями самого себя.

Совершенно иная картина наблюдается в художественном дискурсе (понятно, что речь не идет о художественном диалоге, который протекает в рамках вектора «персонаж – персонаж» и имеет применительно к обсуждаемой категории те же характеристики, что и реальное диалогическое взаимодействие). Здесь, на наш взгляд, наиболее релевантны два варианта дистанцирования. Во-первых, это рефлексивный вариант, реализующийся в феномене дистанцирования автора от повествователя (ср. выделение таких вариантов, как «ненадежный», «каверзный», «ограниченный» рассказчик [9, с. 216]). По-видимому, как разновидность рефлексивного дистанцирования может рассматриваться и «отчуждение» автора «от главного объекта повествования и от описываемых событий» [6, с. 6]. Во-вторых, это феномен дистанцирования на уровне «автор – читатель», что особенно характерно для постмодернистских, игровых стратегий

моделирования взаимоотношений с читателем, предполагающих построение сложных систем загадок, ложных ключей, изысканных и неоднозначно интерпретируемых аллюзий, обманутых ожиданий, открытых финалов и подобных приемов (такая игра может быть рассматриваться как дискурсивно специфичный вариант дивергентной адаптации).

Что же касается институциональных типов дискурса, то здесь конфигурация реализуемых разновидностей дистанцирования определяется, во-первых, общими прагматическими установками дискурса, а во-вторых, жанровыми характеристиками текстов. Так, например, в диалогических жанрах научного дискурса возможны практически все перечисленные выше разновидности дистанцирования – за исключением разновидности 1В, что обусловлено воздействием глобальной целеустановки научного дискурса, а именно ориентированностью его субъектов на совместный и кооперативный поиск истины. Впрочем, и такой вариант в случае резкого обострений противоречий между участниками дискуссии и повышении «градуса» полемического накала тоже возможен, хотя и носит характер редкой девиации (см. фрагмент дискуссии, состоявшейся в ходе обсуждения открытой лекции М. Дзюбенко «Актуальность Тургенева»):

(9) – ...Там, где речь шла о разного рода интертекстуальных связях и о том, что это нам дает в понимании текстов, в данном случае – текстов Тургенева, там было понятно. А вот классификация душевных и духовных героев, признаться, вызывает большие вопросы. Можете ли вы разделить представителей светской русской литературы: кто из них специализировался на героях душевных, кто – на героях духовных?

– Что значит «специализировался»? Советская литература – она по определению описывает внешнего человека. Она же не может описывать исключительно духовный опыт. В этом – ее известная ограниченность. В математике есть область значений и область определения, так вот это – область определения. **Я никакими классификациями заниматься не буду и на этот вопрос, поставленный в такой, немного комичной форме, отвечать не стану.**

В то же время в монологических письменных жанрах научного дискурса востребован только второй тип дистанцирования (ссылки на авторов идей, концепций, суждений; использование некатегоричных утверждений; критическое обсуждение идей, с которыми адресант не согласен). При этом конфигурация частных разновидностей данного типа может существенно различаться в зависимости от конкретных жанров: например, если в обзорной статье с высокой степенью вероятности будет доминировать разновидность 2А, то в оценочных жанрах – рецензии, отзыве, экспертном заключении – на первый план, как правило, выходит вариант 2Б.

Таким образом, дистанцирование, реализуясь в различных дискурсивных условиях, демонстрирует существенные отличия в конфигурации своих разновидностей, что обуславливает важность дальнейшего исследования данной категории в дискурсивном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова Е. С. Дистанцирование как объект языкознания // *Lingua mobilis*. 2014. № 2 (48). С. 60–62.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : АСТ, 2024. 448 с.
3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 17th ed. Cambridge, 1987. 345 p.
4. Giles H., Coupland N., Coupland J. Accomodation theory: Communication, context, and consequence // *Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics*. Cambridge, 1991. P. 1–68.
5. Глушак В. М. Речевое поведение коммуникантов в ситуациях повседневного общения. Новосибирск : ЦРНС, 2009. 165 с.
6. Кудачинова, Ч. В. Коммуникативная стратегия дистанцирования в авторском построении текста (на материале романа К. Манна «Мефистофель. История одной карьеры») : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
7. Кулешова, А. В. Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. М., 2008. 23 с.
8. Ладонина, Н. А. Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Корбина) // *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12, № 1. С. 123–134.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Зохраб-Меджид Месма Якуб кызы

кандидат филологических наук

г. Баку, Азербайджан

Азербайджанский

Университет Языков

e-mail: z.mesma@yahoo.com

Mesma Yakub Zohrab-Majid

PhD in Philology

Baku, Azerbaijan

Azerbaijan

University of Languages

e-mail: z.mesma@yahoo.com

ВУЛЬГАРНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Основное внимание данного исследования сосредоточено на роли вульгарной лексики в языке и обществе. Язык является фундаментальным инструментом для выживания и развития общества, обеспечивая взаимопонимание и коммуникацию между людьми. Лексические единицы обогащают язык и придают ему выразительную силу в различных контекстах. В то же время вульгарная лексика представляет собой совокупность нормативно отклоняющихся и непристойных выражений в лексическом слое языка. Несмотря на присутствие в разговорной речи, она не соответствует нормам литературного языка и преимущественно используется в неформальном общении.

В ходе исследования **выявлено**, что вульгарная лексика выполняет важные социальные и культурологические функции, отражая табуированные темы, классовые различия и особенности идентичности.

Определено, что вульгаризмы используются в различных коммуникативных контекстах – в литературе, повседневной речи и цифровой коммуникации.

Установлено, что вульгарная лексика играет двойственную роль – усиливает эмоциональную выразительность, но одновременно нарушает эстетические и нормативные языковые стандарты.

Описано, что вульгарная лексика способствует формированию социальной идентичности и отражает изменения в общественных нормах, особенно в современных цифровых средах, таких как социальные сети.

Кроме того, исследование показывает, что вульгарная лексика отражает не только индивидуальные эмоции, но и более широкие социальные трансформации. Она играет важную роль в развитии неформальных регистров языка и способствует демократизации языкового выражения.

Ключевые слова: вульгарные слова; стилистические функции; контекст; бранная лексика; номинативная функция.

VULGAR LEXICON AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON

The main focus of this research is the role of vulgar lexicon in language and society. Language is a fundamental tool for the survival and development of society, enabling mutual understanding and communication among people. Lexical units enrich the language and provide expressive power in different contexts. Vulgar lexicon, however, includes non-normative and obscene expressions within the lexical layer of language. Although present in spoken language, it does not conform to literary language norms and is mainly used in informal speech.

This study has **revealed** that vulgar lexicon functions not only as a means of expressing emotions and attitudes but also as a significant cultural phenomenon reflecting societal taboos, class distinctions, and identity. The cultural and social functions of vulgarisms have been **defined** in various

communicative contexts, including literature, everyday speech, and digital communication. It has been **established** that vulgar lexicon holds a dual role: enriching emotional expressiveness while simultaneously challenging aesthetic and normative language standards. The research also **describes** how vulgarisms contribute to social identity formation and reflect shifting societal norms, especially in contemporary digital environments such as social networks. Furthermore, the study demonstrates that vulgar lexicon acts as a mirror reflecting not only individual emotional states, but also broader societal transformations. It plays an instrumental role in the evolution of informal language registers and contributes to the democratization of linguistic expression.

Key words: vulgar words; stylistic intentions; context; invective lexicon; nominative function.

Relevance of the Topic: Vulgar lexicon is widely employed to convey specific meanings in various contexts, to express emotions and attitudes, and to facilitate the organization of social relationships. The relevance of non-normative lexical units underscores their functional role in human communication and social interaction. Moreover, vulgar lexicon highlights the importance of recognizing linguistic diversity within language use, while maintaining respect for social norms and values.

The objective of the research: The primary objective of this research is to precisely identify the functional role of vulgar lexicon in human communication and social interactions. Additionally, the effects of vulgarisms on the speech process will be analyzed within the context of contemporary social and cultural realities.

Methods used in the research: The research was conducted based on a qualitative approach. Various electronic information sources and literature were reviewed, and methods such as surveys and textual analysis were employed. To identify examples and topics related to the use and functions of non-standard lexical units in different contexts and discourses, the collected data were analyzed thematically.

Language holds immense significance for the survival and development of society. Through language, individuals comprehend one another and enter the sphere of mutual understanding. Without such mutual understanding, the evolution and advancement of humanity would not be possible. Language is considered a fundamental aspect of communication and continuously evolves to adapt to different contexts. Moreover, as a social phenomenon, language is subject to ongoing investigation, which uncovers new insights.

One of the most intriguing domains attracting scholarly attention within language is its lexical units. Lexical units of language can be categorized into two main groups:

1. Common (standard) lexical units
2. Invectives or non-standard lexical units.

Within the lexical layer of language, the most extensive segment is occupied by common vocabulary. Based on their usage range, it is easily established that common vocabulary constitutes the largest stylistic stratum. These words primarily stem from the core lexicon and are universally understood and utilized by all speakers. Such lexical units typically exhibit relatively low expressiveness and are employed primarily in a nominative sense.

However, this by no means implies that common vocabulary does not participate in poetry and prose. To claim so would be erroneous. In reality, all conceptual

frameworks are formed on the basis of such words. Poetic devices and other stylistic layer units actualize the poetic, literary-scientific, vulgar, and other stylistic intentions of the utterance.

The next category of lexical units in language encompasses vulgar lexicon. Vulgar lexicon refers to a group of lexical units that express rudeness and impoliteness. *Vulgarisms are more than just socially unacceptable words; they represent a cultural phenomenon that reflects the values, emotions, and social dynamics of a community. These expressions often convey strong feelings, such as anger or frustration, that formal language cannot fully capture. Over time, some vulgarisms become normalized in everyday speech, showing how language evolves alongside culture. They also serve as a way for individuals to express identity, solidarity, or rebellion within certain social groups. In media like movies, music, and social networks, vulgar language can create authenticity or emphasize emotional intensity. Studying vulgarisms helps us understand cultural taboos and the boundaries of polite speech. They reveal how language functions not only as a communication but also as a social and cultural tool.*

Therefore, vulgarisms hold significant value in linguistic and cultural studies. For instance “*He was so mad, he yelled, ‘Get out of my face, you idiot’*”, another example “*After the game, she muttered, ‘That was a damn good shot!’*”

Vulgar lexicon is also classified as invective lexicon. The term "vulgarism" originates from the Latin word *vulgaris*, meaning "common," "coarse," or "base" [1, 34]. Historically, this term was associated with the language and behavior of lower social strata and uneducated masses; however, over time and within a certain temporal frame, the term began to apply to all social layers of society regardless of their social status or educational background.

As is well known, the colloquial style is characterized by informality. This style does not rely on scientific evidence or factual proof. Discussions on any topic within this style tend to be conditional in content, with presented ideas often subjective rather than objective, and typically favor concise and brief responses.

Simultaneously, communication also occurs in formal and serious environments – for example, in meetings, scientific discussions, webinars, and the like. In such contexts, the participants in communication are not friends or family members such as father and son, but rather, academics and students, or rectors and ordinary employees. Thus, it is natural that the aforementioned principles are often violated in interactions involving intellectuals. In such scientific settings, ideas expressed are usually more logical, persuasive, clear, objective, and grounded in real facts than in informal communication.

Since the inception of language, the use of vulgar lexicon has been an integral part of human communication. In certain cultures, the use of specific groups of words was considered prohibited because they were associated with bodily functions, religious or cultural taboos. These words were regarded as indecent and therefore excluded from formal speech, being classified as taboo language. However, it is incorrect to equate taboos directly with vulgar words. The distinction lies in the fact that taboos pertain to forbidden topics such as bodily functions, religion, and culture, and encompass word groups deemed inappropriate or offensive in these contexts. Such

words and expressions are not used in formal discourse. In contrast, vulgar words are those considered rude and offensive in any context. Vulgarisms can be divided into two categories:

Although vulgar words are used in everyday speech, they do not exist within the lexicon of the standard literary language and remain outside the domain of formal spoken language. Typically, vulgar words are characteristic of artistic or colloquial style and do not conform to the norms of the literary language. The vulgar lexicon encompasses indecent words, which sometimes include curses and invectives. Vulgarisms, constituting the lowest stylistic layer of language, degrade speech by rendering it meaningless and cluttered.

In literary language, some vulgar words, when semantically acceptable, are employed not as part of the author's own language but as tools to reveal the internal world of a literary image. Additionally, vulgarisms help to emphasize the negative traits of a character and to define their cultural or moral qualities. For example, in the sentence, “Take this letter, you rotten devil,” Sam shouted.

It should be noted that vulgar words have a stronger impact than poetic words (poetisms). This is because offensive or indecent language tends to affect a person more powerfully than praise. Vulgarisms survive through oral transmission and are typically absent from dictionaries. Thus, vulgar lexicon varies according to its functions and stylistic nuances.

The non-compliance of vulgar lexicon with the norms of the literary language can be explained by its free usage in everyday speech. The natural use of vulgarisms in language arises from the development of the literary language under specific social conditions. It should be noted that it is impossible for all individuals in society to communicate exclusively in cultured speech; that is, manifestations of uncultured or non-normative speech are inevitable. Therefore, uncultured speech, which belongs to non-normative lexicon, constitutes an integral part of the language system. Rather than eliminating it, it is more beneficial to study and analyze it.

This approach is justified by the fact that in studying a nation's history, lifestyle, and culture, not only the common lexicon but also the vulgar lexicon plays a significant role. This underscores the relevance and importance of the subject matter.

In the world we live in, there are many people with whom our interactions are unpleasant. Sometimes, a person's character, temperament, a certain stance, or reaction to an event or situation is disagreeable to us. Additionally, some individuals' inappropriate words, expressions, or attitudes toward a situation may be unpleasant to us. Unfortunately, we are compelled to coexist in the same world with people possessing these traits.

In such circumstances, heightened emotions and feelings often lead to the use of profanity and insults. People sometimes curse one another either intentionally or un-

intentionally. At times, without conscious intent, we may utter vulgar or harsh words to someone. In such instances, we are using vulgarisms, which form a branch of invective lexicon. For instance, in Dostoevsky's work by name "*Crime and Punishment*", the character Svidrigailov often uses harsh and vulgar language to disclose his morally ambiguous and crude nature. He exclaims: *Damn all those cursed people!*" This phrase includes the vulgar intensifier "damn", which emphasizes his frustration and bitterness, making the character more vivid and realistic.

Vulgarisms, which belong to the colloquial style, represent a form of uncultured speech. Vulgar words do not conform to the norms of the literary language. Nevertheless, vulgarisms are frequently employed in artistic literature. Writers deliberately use vulgarisms to highlight the distinctive characteristics of characters and draw the reader's attention to them. Vulgarisms disrupt the order and aesthetic harmony of language. If human speech is conceptualized as an organism, vulgarisms can be regarded as parasites that damage this organism. While language becomes refined and pleasing when it adheres to rules and norms, the use of vulgarisms pollutes the language and renders it distorted.

Vulgarisms often appear in literary works to portray characters realistically, express strong emotions, or reflect the social environment. Writers use such language to add depth and authenticity to dialogues and narratives, showing how people speak in everyday life or under stress. This makes the cultural and emotional context of the story more vivid. Vulgar expressions in literature can also highlight social tensions or individual rebellion. Their use is a cultural phenomenon that reveals the intersection of language, society and art. By studying these expressions in literature, we better understand how language evolves and influences culture. In Ernest Hemingway's "The Sun Also Rises", the character Jake Barnes says, "*Goddamn it, Brett, why can't you be like other girls?*" This expression shows his frustration and adds realism to the dialogue.

It is important to emphasize that vulgar words are widely used on social networks. This phenomenon can be explained by the fact that virtual spaces fulfill and maintain the function of anonymity. People using social networks easily conceal their identities and thereby insult, offend, and degrade others. Undoubtedly, with the aid of technical means, it is possible to identify users and investigate anonymous communications; however, such investigations fall within the exclusive jurisdiction of specialized state authorities.

The ease with which people use vulgar lexicon on social networks has transformed the virtual world into a breeding ground for invective lexicon.

It is well known that aggressive behavior is frequently observed on social networks. For example, behaviors and actions considered ordinary and normal in everyday life are often met with vulgar language on social media platforms. Such posts may be viewed simultaneously by thousands of people. Individuals possess diverse ways of thinking and different psychological states. Social networks also serve as spaces where people share their problems and sorrows, and vent their anger. Thus, any type of activity, news, or even the death of a person may be met with insults or unpleasant comments.

In short, people freely express themselves in writing on social networks. Spoken language and spontaneous, relaxed speech are manifested through written communication online. This freedom is reflected in their writing. Nonetheless, people use various punctuation marks and emojis to convey their thoughts and intentions. Deviant social groups and uncultured elements employ non-ethical words and expressions that violate social ethics. For instance, *“What are you even talking about? It is like your brain is made of stone!”* (The Bombay Times and Journal of Commerce).

However, it is not accurate to classify every harshly expressed word as a vulgarity. Sometimes, incorrect grammar, improper pronunciation, or the misuse of words and phrases are the underlying causes of perceived rudeness. In such cases, the issue should be regarded not as vulgar lexicon but as impoliteness or coarseness in human speech. The use of such words disrupts the elegance and fluency of discourse.

Both phonetic and grammatical methods play a fundamental role in the emergence of emotionality and expressiveness. The lexical stock and grammatical structure of a language form a dialectical unity, interacting and influencing each other reciprocally.

It should be noted that grammatical, morphological, and semantic tools also play a significant role in generating emotional and expressive nuances within the lexical layer of language. These are manifested through the following methods:

1. Repetition of adjectives; *“You are the devil of a business. The devil of a business.”* (Agatha Christie)

2. Repetition of exclamations; *“He is no damned silly boy! Not silly.”* [2,64]
Substitution with synonyms; *“You are the son of the bitch here, silly, idiot, fool.”*
Since these types of words in the examples carry expressive connotations within specific situational and syntactic contexts, it is more appropriate to consider them as lexical-syntactic means [3].

The study shows that vulgar lexicon enriches the emotional and expressive nuances of speech, conveyed through both phonetic and grammatical means. Nevertheless, the use of vulgar words reduces the politeness and refinement of speech, lowering the cultural level of communication. Despite this, vulgar lexicon should be studied as part of language and plays an important role in reflecting the socio-cultural conditions of society.

This subject is important for the study of both language and culture. Research on vulgar lexicon reveals the connection between language and social realities and opens new perspectives in linguistics. It highlights the complex and dynamic nature of language and emphasizes the complementary role of its various stylistic layers.

Conclusion: This study has revealed the multifaceted and dynamic nature of language, highlighting its complex role in the construction and negotiation of social norms and values. It underscores that exploring vulgar and non-standard lexical items is essential for gaining a comprehensive understanding of how language is used and varies across different communicative settings.

As society continues to evolve, the analysis of such linguistic phenomena will remain vital for understanding the ever-shifting norms that shape human expression.

At the same time, it is necessary to recognize that such lexical elements may provoke controversy or raise ethical concerns. Their interpretation often depends on

subjective perception and contextual factors, and in some instances, they may be perceived as offensive or marginalizing. Therefore, analyzing these expressions requires a careful and empathetic approach, taking into account their possible implications for diverse speech communities.

As language continues to evolve in response to ongoing social and technological transformations, the role of non-standard lexis in shaping and reflecting societal norms is expected to persist. Accordingly, further academic inquiry is needed to deepen our understanding of the intricate relationship between language and social identity, and to develop inclusive linguistic strategies that respect diversity.

In summary, this thesis has contributed to a more nuanced appreciation of language as a socially and structurally complex system, and of the pivotal role non-standard lexical items play in the ongoing negotiation of collective values and norms.

LITERATURE

1. Akhundov A.A., *Language and Culture*. Baku, 1976, 104 s.
2. Patridge E., *British and American English since 1900*. London, 1960.
3. Əfəndiyeva T., *Lexical Stylistics of the Azerbaijani Language*, Baku, "Elm", 1980.
4. Арнолд И.В. Стилистика Современный английский язык. М. 2012, 210 с.

УДК 811.112.2

Зуевская Елена Викторовна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: sujewskaja@yandex.by

Elena Zuevskaya
PhD in Philology
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: sujewskaja@yandex.by

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТРЕВЕЛ-БЛОГАХ

Статья посвящена анализу функционирования разноуровневых средств выражения темпоральности в немецкоязычных тревел-блогах. Исследование демонстрирует, что доминирующей временной формой в данном жанре является презенс, который выполняет ключевую роль в создании эффекта непосредственного присутствия и описания вневременных характеристик мест. Перфект служит для передачи личного опыта и впечатлений автора, создавая субъективное, живое повествование, в то время как претеритум используется лишь ограниченно. Формы будущего времени и плюсквамперфект встречаются крайне редко. Наряду с временными формами глаголов в тревел-блогах регулярно используются темпоральные наречия и существительные, которые структурируют повествование. Выбор временных форм и временных детерминаторов коррелирует с жанровыми особенностями тревел-блогов, сочетающих функции гида в реальном времени и личного рассказа.

Ключевые слова: тревел-блог; темпоральность; временная форма; временные детерминаторы; наречия времени.

THE FUNCTIONING OF MULTI-LEVEL MEANS OF EXPRESSING TEMPORALITY IN GERMAN-LANGUAGE TRAVEL BLOGS

This article analyzes the functioning of multi-level means of expressing temporality in German-language travel blogs. The study demonstrates that the dominant tense in this genre is Präsens, which plays a key role in creating the effect of immediate presence and describing the timeless characteristics of places. The Perfekt tense serves to convey the author's personal experiences and impressions, creating a subjective, lively narrative, while Präteritum is used only sparingly. Future tense forms and Plusquamperfekt are extremely rare. Along with verb tenses, temporal adverbs and nouns are regularly used in travel blogs, structuring the narrative. The choice of tenses and temporal determiners correlates with the genre's characteristics of travel blogs, which combine the functions of a real-time guide and a personal narrative.

Key words: travel blog; temporality; tense form; temporal determiners; temporal adverbs.

Под тревел-блогом традиционно понимается специфический вид текста, одна из разновидностей блога, основной контент которого посвящен путешествиям и личным впечатлениям автора о них. По сути, это рассказ о конкретном путешествии или серии путешествий, часто дополненный фотографиями и другими медиа-материалами.

Предшественниками современных тревел-блогов являлись путевые заметки (травелоги), особо популярные в XVII–XIX вв., среди которых «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Фрегат "Паллада"» И.А. Гон-

чарова, «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль"» Ч. Дарвина, «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова и многие другие. Определенное сходство наблюдается также и с путеводителями, описывающими достопримечательности, обычаи и маршруты для путешественников, журналами о путешествиях (GEO, National Geographic, Вокруг света и др.), веб-сайтами и приложениями для путешественников (Tripadvisor, Foursquare, Visit a City, Lonely Planet и др.). Тревел-блоги в их современном понимании появились благодаря нескольким факторам: широкому распространению интернета, появлению такого жанра как личные онлайн-дневники на его просторах и последующему возникновению терминов «weblog» и «blog» в конце 1990-х годов для обозначения регулярных онлайн-записей. Активному созданию тревел-блогов способствовало появление также таких интернет-платформ, как Blogger, LiveJournal, WordPress и их более поздних аналогов, а также возникновение лоукостеров, либерализация визовых режимов и глобализация, которые сформировали аудиторию, желавшую не сухих справочных данных, а живых, личных историй и практических советов от непрофессионалов. Первопроходцами стали именно энтузиасты-путешественники, которые хотели делиться опытом с друзьями и семьей и интуитивно перенесли в сферу интернета форматы травелогов, дневников и путеводителей, добавив интерактивность через комментарии и обратную связь.

Таким образом, тревел-блог – это закономерный этап эволюции нарратива о путешествиях, адаптированный под технологии и запросы общества XXI века, где каждый может быть не только потребителем, но и создателем историй о путешествиях. Фактически этот жанр представляет собой уникальное слияние личного дневника, путеводителя и журналистского репортажа, обогащенное мультимедийными элементами и интерактивными возможностями.

Ввиду возрастающей популярности тревел-блогинга как инструмента продвижения туристических услуг и мест, а также создания сообществ путешественников, актуальным становится также исследование его лингвистических и жанровых особенностей, в частности специфики использования временных форм и иных средств выражения темпоральности, что и явилось целью настоящего исследования.

Для анализа современных немецкоязычных тревел-блогов были отобраны блоги 10 наиболее популярных блогеров, содержащие описательные и рекомендательные тексты.

В ходе анализа средств выражения темпоральности на себя обратил внимание тот факт, что независимо от автора, такого рода описательные тексты, как правило, написаны в форме презенс (81,1% всех временных форм), так как с ее помощью описываются места и их особенности:

Sevilla ist eine lebendige Stadt...

Bali ist ein beliebtes Reiseziel für Strandliebhaber.

Der Name von Maltas Hauptstadt, Valletta, wiederum klingt italienisch.

Die Wüste ist voller Geheimnisse

Lissabon ist eine Stadt der sieben Hügel.

Часто данная временная форма служит для описания вневременных явлений, философских обобщений:

Hier gibt es keine Eile, nur den Rhythmus der Gezeiten.

Die Wüste lehrt uns Geduld.

Reisen verändert nicht nur Orte, sondern uns selbst.

Jeder Schritt fühlt sich wie eine Entscheidung an.

Ей же оформляются советы:

Hier kannst du authentische Tapas probieren.

Mehr Quilotoa-Wander-Feeling findet Ihr bei Steffi vom Blog Gipfelglück, mit der ich in Ecuador unterwegs war.

Использование формы презенс позволяет автору описать происходящее так, как будто оно происходит прямо сейчас, даже если путешествие уже завершено, что стирает грань между прошлым опытом и настоящим моментом чтения:

Wir schlendern durch die engen Gassen von Valletta und spüren den Hauch der Geschichte.

Wir tauschen Stadt gegen Landschaft. Die Farben sind die gleichen.

Также данная временная форма используется для сообщения информации, которая является актуальной для описываемого места / региона (режим работы, цены, исторические справки):

Die Straßenbahn 28 fährt durch die malerischsten Viertel.

Der Eintritt kostet 10 Euro.

Eine einfache Fährfahrt von der Valletta Waterfront nach Cospicua kostet 1,50 Euro, die Hin- und Rückfahrt 2,80 Euro.

Von Valletta sind es elf Kilometer nach Marsaxlokk. Von Sliema fahren Ausflugsboote nach Marsaxlokk.

Второй по частотности использования в тревел-блогах (12,2%) является форма перфект, которая, как правило, указывает на личные впечатления автора, его опыт:

Ich habe diese Route selbst ausprobiert und kann sie empfehlen.

Ich habe diesen Ort besucht und war begeistert.

Перфект оказывается временной формой, идеально подходящей для передачи личных переживаний и впечатлений, что делает повествование более субъективным и живым:

Gestern habe ich den atemberaubenden Sonnenuntergang über der Blauen Grotte erlebt.

Формой перфект могут оформляться целые пассажи тревел-блога, описывающие события, следующие друг за другом: *Gestartet ist meine kleine Kreuzfahrt durch die Ostsee in Stockholm. Nach einem Stopp auf den Åland-Inseln bin ich weiter gefahren nach Helsinki, von dort nach Tallinn und wieder zurück nach Stockholm. Ich bin durch duftende Kiefernwälder und vorbei an gelben Stoppelfeldern geradelt, habe unzählige Fotos von roten Holzhäusern geschossen. Habe jeden Tag mindestens eine Zimtschnecke gegessen, in Landcafés in den Tag hinein geträumt und meine Vorliebe für finnische Lakritz entdeckt. Bin nach dem Saunagang in einem eiskalten Meerpool mit Blick auf den weißen Dom von Helsinki geschwommen.*

Habe gelernt, wo der finnische Punk geboren wurde und das Gespür der Finnen für moderne Architektur und Design bewundert. Bin auf den Spuren der Hanse durch die mittelalterliche Altstadt Tallinns gebummelt. Habe sämtliche Türme und Hügel erklimmen, um mir die charakteristischen roten Ziegeldächer der Tallinner Altstadt von oben anzuschauen. Und war erneut hin und weg vom einzigartigen schwedischen Lebensgefühl und „Scandi Chic“ in Stockholm.

Также часто происходит быстрое переключение между формой презенс (описание места) и перфект (действие, событие) в рамках одного абзаца, что создает динамичный ритм: *In diesem Café trinkt man den besten Kaffee der Stadt. Ich habe dort gestern zwei Tassen getrunken und war begeistert.*

Другие формы прошедшего времени практически не используются, лишь иногда встречается претеритум (5,9%), в основном, в исторических справках, которые не связаны с личным опытом автора:

Die Kathedrale wurde im 15. Jahrhundert erbaut.

1733 erbaut, wurde er 1898 von einem adeligen Bankier und Philanthropen gekauft und umfassend aufgehübscht.

Die kleinen Holzhäuser unterhalb der rötlichen Klippen wurden nie abgerissen, stattdessen wurde das Gelände in einen Freizeitpark umgewandelt.

Die Stadt wurde im 16. Jahrhundert von den Rittern gegründet.

Bis zur Vermessung des Mount Everest galt der Chimborazo als höchster Berg der Welt.

In der ältesten Apotheke Europas am Rathausplatz wurde Marzipan früher übrigens als Medizin verkauft.

В данной форме также традиционно в разговорном повествовании используются некоторые глаголы (например, sein, haben, wissen, finden, модальные глаголы): *Das Wetter war perfekt. Wir hatten Glück.*

Крайне редко форма претеритум используется для описания личных воспоминаний: *Ich stand damals an diesem Kai und wusste nichts von dem Sturm.*

Форма будущего времени (футур I) иногда (0,6% всех временных форм) используется для прогнозов, обещаний и советов:

Du wirst diese Stadt lieben!

Wer hierher kommen wird, wird die Spuren unserer Anwesenheit finden.

Ich werde sicher wieder hierher kommen.

Du wirst diese Reise genießen!

Wer diese Route geht, wird früher oder später an diesem wunderschönen See landen.

Ich werde definitiv noch einmal hierher zurückkehren.

Форма футурум II является крайне редко используемой в тревел-блогах и встретилась лишь в 0,2% отобранных форм для передачи предположения в прошлом:

Wer auf einer Landkarte den Bottnischen Meerbusen schon mal genauer unter die Lupe genommen hat, wird festgestellt haben, dass sich ziemlich genau in der Mitte zwischen Schweden und Finnland eine Anhäufung kleinerer Landmassen befindet.

Из временных детерминаторов наиболее часто используются наречия, указывающие на временной период, без точной временной отнесенности:

früh – *Komm früh, um Warteschlangen zu vermeiden.*

spät – *Die Bars sind bis spät in die Nacht geöffnet.*

oft – *Hier findet oft Live-Musik statt.*

morgens – *Markt ist morgens am lebendigsten.*

normalerweise – *Normalerweise ist es im Sommer sehr voll.*

В первую очередь такого рода наречия служат для уточнения времени посещения, длительности. Аналогичным образом используются и существительные, указывающие на определенные временные отрезки:

Abend – *Am Abend wird die Kathedrale beleuchtet.*

Tag – *Ein Tag reicht nicht, um alles zu sehen.*

Saison – *In der Hochsaison ist es überfüllt.*

Использование отдельных глаголов с семантикой времени демонстрирует зависимость от вида тревел-блога: в описательных повествованиях преимущественно используются глаголы, указывающие на начало, окончание и продолжительность действия, т.е. структурирующие поездку, например: *Die Führung beginnt um 10 Uhr. / Die Show dauert zwei Stunden. / Die Wanderung dauert den ganzen Tag.* В блогах, описывающих личные впечатления и выполняющих функцию репортажей, предпочтение отдается глаголам, позволяющим описать личные впечатления и эмоции: *Die Zeit verging wie im Flug. / Ich habe so viel erlebt. / Manchmal musste ich stundenlang warten.* При этом их использование демонстрирует четкую корреляцию с преимущественным выбором формы прошедшего времени.

Таким образом, можно отметить, что авторами описательных тревел-блогов преимущественно используется форма настоящего времени для создания эффекта непосредственного присутствия, так как блог выполняет функцию «гида» в реальном времени, что помогает читателю представить себя в путешествии. Наречия времени, существительные и глаголы с семантикой времени помогают читателю сориентироваться и структурируют повествование, делая его более практичным и полезным для планирования поездки. Только лишь в жанре тревел-сторителлинга используемые наречия времени передают эмоции и чувства (*plötzlich, endlich*), а глаголы и существительные служат для описания личных впечатлений.

Ильянкова Дарья Олеговна
преподаватель
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: doilyankova@gmail.com

Darya Olegovna Ilyankova
teacher
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: doilyankova@gmail.com

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАКАТОВ ПАРТИЙ)**

В статье приводится анализ лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов в немецкоязычных политических лозунгах. Изучение основывается на классификации ЛСГ, предложенной Е. И. Шендельс, и фокусируется на выделении ключевых типов глаголов в политической рекламе. Рассматриваются особенности употребления различных типов глаголов, таких как глаголы действия, процесса и состояния. Выбор глаголов в политических лозунгах зависит от прагматических целей текста и общей направленности политической риторики, ориентированной на активное вовлечение аудитории и выражение динамичности предлагаемых изменений.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; немецкоязычная политическая реклама; немецкоязычные предвыборные лозунги.

**LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF VERBS
IN GERMAN-LANGUAGE ELECTION SLOGANS
(BASED ON THE ANALYSIS OF ELECTION POSTERS OF PARTIES)**

The article examines the analysis of lexical-semantic groups (LSGs) of verbs in German political slogans. The study is based on the classification of LSGs proposed by E.I. Shendels and focuses on identifying key types of verbs in political advertising. The study explores the use of various types of verbs, such as action, process, and state verbs. The choice of verbs in political slogans depends on the pragmatic goals of the text and the overall orientation of political rhetoric, aimed at actively engaging the audience and expressing the dynamism of proposed changes.

Key words: lexical-semantic group; German political advertising; German election slogans.

Языковые единицы не существуют изолированно, а всегда вступают друг с другом в различные отношения. Так, лексемы могут, например, вступать в синтагматические или парадигматические отношения. Кроме того, важной формой организации лексических единиц будут лексико-семантические группы (ЛСГ) – «обширная организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс предметов, процессов, отношений» [2, с. 127]. Внутри групп при этом будут возникать иерархические отношения, образуя уровневую систему суперординатных и субординатных понятий [3].

Существует большое количество классификаций лексико-семантических групп. В данном исследовании хотелось бы обратиться к анализу и классификации ЛСГ глаголов, предложенной исследователями немецкого языка. Сразу следует привести классификацию Е. И. Шендельс, в соответствии с которой

семантические признаки будут во многом определять особенности синтаксического употребления. Ученый предлагает остановиться на двух основных типах глаголов: смысловые и функциональные. При этом функциональные будут подразделяться на модальные, копулятивные, вспомогательные, акциональные и собственно функциональные глаголы. Полнозначные глаголы, в свою очередь, будут делиться на:

1. Глаголы-действия (Handlungsverben);
2. Глаголы-процессы (Vorgangsverben);
3. Глаголы-состояния (Zustandsverben);
4. Глаголы бытия (Geschehensverben);
5. Глаголы, описывающие погодные явления (Witterungsverben) [4].

Также в контексте данного исследования важно отметить работу Дж. Лайонза, который в своем труде «Лингвистическая семантика: Введение» также выделял подобные типы предикатов: действия, состояния, процессы, акты и события. В основе классификации исследователя лежат два основных критерия: динамичность/статичность и управляемость/неуправляемость, а акты и события помимо этого отличаются от предыдущих типов еще и скоростью протекания [1]. Разделение предикатов на основе указанных параметров позволяет более точно описывать семантические свойства глаголов, что особенно важно при прагматическом анализе высказываний, попытка которого будет приведена в статье.

Так, чтобы выявить глаголы каких лексико-семантических групп используются в немецкоязычной политической рекламе чаще всего, было проанализировано 157 простых предложений и 23 сложных предложения с плакатов пяти партий: Зеленые (Die Grünen), Левая (die Linke), Альтернатива для Германии (AfD), Христианско-демократический союз (CDU/CSU), Свободная демократическая партия (FDP), – с выборов 2017 и 2021 годов.

В ходе исследования было обнаружено, что большинство высказываний лозунгов не поддаются классификации по данному критерию, то есть выявление принадлежности глаголов к той или иной лексико-семантической группе оказывается нерелевантным в 56% случаев, так как в данных высказываниях глагол не вербализован, что объясняется 1) принципом редукционизма *Kein Geld für ÖPNV?*, 2) стремлением к созданию эффекта «объективности» и некоторой «отстраненности» (*Man muss*) *Für unsere Kinder (kämpfen)*, 3) стратегией хеджирования (смягчение тона высказывания): *Statt das ganze Land (muss): Regierung in den Lockdown!*.

Следует отметить, что во всех проанализированных предложениях, содержащих глагол, имеются полнозначные глаголы *Von weniger Europa hat keiner mehr.*; *Rassismus gehört ausgegrenzt*, в то время как вспомогательные глаголы присутствуют лишь в 16% высказываний: *Integration muss man umsetzen.*; *Zukunft wird aus Mut gemacht*. Это можно объяснить тем, что использование только полнозначных глаголов с опусканием вспомогательных позволяет избежать избыточности и сосредоточиться на ключевых аспектах сообщения, создавая более динамичные, многозначные и выразительные высказывания.

Анализ лозунгов, содержащих предикат-глагол, позволяет сделать вывод, что в 69% случаев используются глаголы со значением активной деятельности, то есть действие динамично и контролируется продуцентом высказывания, например, глаголы «stoppen», «schützen», «machen»: *Verdrängung stoppen.*;

Frauen schützen!; Denken wir neu. При этом наиболее частотными среди них являются глаголы «machen» ‘делать’ и «(ver)ändern» ‘менять’ (5 употреблений): *Schulranzen verändern die Welt.; Deutschland gemeinsam machen.* Далее следуют глаголы «wählen» ‘выбирать’ (4 употребления), «schützen» ‘защищать’ и «schaffen» ‘создавать’ (3 употребления). Глаголы «bauen» ‘строить’, «haben» ‘иметь’, «stimmen» ‘голосовать’, «stoppen» ‘останавливать’ использовались по два раза.

Употребление именно этих глаголов может объясняться особенностью тематики данного рода текста: являясь агональным жанром, лозунги преследуют основную цель – закрепить в сознании реципиентов идеи, связанные с улучшениями, которые может предложить партия (менять, строить, останавливать, защищать, создавать): *Frieden schaffen ohne Waffen.*, а также призвать людей отдать свой голос именно за них, проявить гражданскую инициативу, поучаствовать в выборах (голосовать, выбирать): *Jetzt AfD wählen.* Так, можно говорить о выделении 2-х основных подгрупп: глаголы преобразования и глаголы призыва. При этом касательно глаголов первой группы важно отметить, что они также подчеркивают активную позицию продуцентов высказываний и их намерение взять на себя (со)ответственность за осуществление изменений: *Deutschland gemeinsam machen.* Лозунги, содержащие такие глаголы, создают ощущение вовлеченности и возможности совместного влияния на окружающий мир.

Дальнейшее исследование показало, что оставшиеся проценты составляют глаголы-процессы (18%) и глаголы-состояния (13%): *Wofür mein Vater damals nach Deutschland kam?; Zwischen Umwelt und Wirtschaft gehört kein Oder.* Интересно, что самым частотным глаголом-процессом является глагол «kommen» (5 случаев из 11), а после него на втором месте стоит «gehen» (4 случая из 11). При этом глагол «приходить» употребляется как для констатации факта, так и для выражения призыва. Сравнить, *Gesundes Essen kommt nicht aus einer kranken Natur* и *Kommt, wir ändern die Politik.* Глаголы-состояния оказываются более разнообразными и не повторились в выборке более одного раза.

Сравнение результатов исследования лозунгов с основными глаголами, которые были использованы для составления программ партий, показало следующее. Во-первых, более активно используются вспомогательные и модальные глаголы, что отвечает общим теоретическим установкам: в текстах программ составляются полные, грамматически законченные предложения. Так, в программах 2017 года самыми частотными оказываются вспомогательный глагол «werden» (2844 употреблений: *Nun erleben wir, wie sie hierzulande, in Europa und vielen Teilen der Welt massiv infrage gestellt werden.*) и модальный глагол «wollen» (2126 употреблений: *Wir wollen die Folgen des demografischen Wandels nicht dem Schicksal überlassen, sondern das Beste daraus machen...*).

Во-вторых, среди смысловых глаголов на первом месте также стоят глаголы-действия: «stärken» (357: *Deshalb stärken wir das Band, das unsere Gesellschaft eint und zusammenhält.*), «setzen» (387: *Wir setzen uns ein für den Frieden statt Rüstungsspiralen, für die Menschenrechte und eine global gerechte Entwicklung statt Unterdrückung und Ausbeutung.*). Даже в программах ориентированность на динамичные и контролируемые действия оказывается значимой. На третьем месте по употребляемости оказывается глагол-состояния «leben» – 292 употребления: *Auch in der Landwirtschaft muss man von der Arbeit gut leben können.*

В 2021 году в программах наблюдается схожая ситуация, на первом месте также оказываются глаголы «werden» (3104) и «wollen» (2191). Среди смысло-

вых те же «stärken» 544 и «setzen» (511). Несмотря на явное увеличение объема текста, лидирующие позиции все еще остаются за теми же лексическими единицами без изменений, что свидетельствует о стремлении к более детальному изложению своих идей и предложений при сохранении основных концептуальных ориентиров.

Так, несмотря на различия в частотности употребления слов между программами 2017 и 2021 годов, сохраняются идеологически значимые понятия. Более того, сохраняются синтаксические структуры, используются те же функциональные глаголы. Это подтверждает, что партии именно в программных текстах сохраняют стабильность в своей политической риторике, несмотря на более активное изменение формата подачи информации в рекламе, в частности, в лозунгах.

Таким образом, лексико-семантические характеристики глаголов, используемых при формулировании предвыборных немецкоязычных лозунгов, отражает основную цель данного жанра: кратко сформулированные идеи нацелены на то, чтобы убедить реципиентов, что, если выберут ту или иную партию, она изменит ситуацию в стране. Так, для достижения этого, в первую очередь, будут использоваться глаголы-действия, отражающие динамичность и контролируемость совершаемых поступков. В отличие от них, глаголы-процессы и состояния, хотя и выполняют важную семантическую функцию, оказываются менее востребованными с точки зрения реализации субъектно-ориентированной активности, подчеркивание которой оказывается важной прагматической составляющей политического рекламного дискурса. При этом, в первую очередь, будут использоваться две группы глаголов-действий: глаголы преобразования и глаголы призыва. Они отражают не только активный, преобразующий характер предложенных действий, но и стратегическую направленность лозунгов на вовлечение аудитории в процесс изменений. Те же тенденции будут проявляться и в текстах программ: несмотря на то, что в них явно преобладают функциональные единицы, самыми частотными смысловыми глаголами оказываются глаголы-действия, указывающие на намерение партий не просто реагировать на вызовы времени, но и активно формировать будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лайонз Дж., Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского; под общ. ред. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
2. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003.
4. Шендельс Е. И., Практическая грамматика немецкого языка: Для I–III курсов ин-тов и фак-тов иностр. яз. Учебник. 2-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1982. 400 с.

Кондракова Светлана Викторовна

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: s_kondrakova@mail.ru

Svetlana Viktorovna Kondrakova

Cand. of Sc. (Philology)

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: s_kondrakova@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВИРОВАННОГО ИНФИНИТИВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию функциональных особенностей субстантивированного инфинитива в современных немецкоязычных художественных и научных текстах. Цель работы заключается в выявлении специфики функционирования данных языковых единиц, обусловленной прагматикой разных функциональных стилей. Несмотря на изученность субстантиватов, их прагмакоммуникативный потенциал в различных типах текстов остается актуальной научной проблемой. Материалом для анализа послужили произведения современных немецких авторов и научно-лингвистические труды. В исследовании применялся комплекс методов, включая метод контекстного анализа, валентностный и сопоставительный анализ, а также метод количественных подсчетов. Установлено, что функциональная нагрузка субстантивированного инфинитива варьируется в зависимости от стиля. В художественных текстах он усиливает экспрессию, создает динамизм и устраняет монотонность повествования, выступая средством сцепления смысловых фрагментов. В научных текстах его роль принципиально иная: он обеспечивает языковую экономию, упрощает синтаксическую структуру при передаче сложной информации, формирует компактные терминологические обозначения и эффективно выполняет анафорическую функцию, связывая части текста.

Ключевые слова: субстантивированный инфинитив; валентность; прагматика; научный текст; художественный текст.

FUNCTIONAL PROPERTIES OF THE SUBSTANTIVIZED INFINITIVE IN GERMAN-LANGUAGE LITERARY AND SCIENTIFIC TEXTS

The article is devoted to the study of the functional features of the substantivized infinitive in modern German-language literary and scientific texts. The aim of the work is to identify the specifics of the functioning of these linguistic units, determined by the pragmatics of different functional styles. Despite the existing research on substantivized forms, their pragma-communicative potential in various text types remains a relevant scientific problem. The analysis was based on works by contemporary German authors and scientific-linguistic publications. The study employed a set of methods, including contextual analysis, valency analysis, comparative analysis, as well as quantitative calculation methods.

It has been established that the functional load of the substantivized infinitive varies depending on the style. In literary texts, it enhances expressiveness, creates dynamism, and eliminates narrative monotony, serving as a means of linking semantic fragments. In scientific texts, its role is fundamentally different: it ensures linguistic economy, simplifies syntactic structure when conveying complex information, forms compact terminological designations, and effectively performs an anaphoric function by linking parts of the text.

Key words: substantivized infinitive; valency; pragmatics; scientific text; literary text.

Целью предпринятого исследования является выявление специфики функционирования субстантивированного инфинитива в современных немецкоязычных художественных и научных текстах, обусловленной прагматикой данных этих типов текстов. Несмотря на изученность данных отглагольных существительных, актуальным является их функциональный аспект, а именно реализуемый ими прагмакоммуникативный потенциал в текстах различных функциональных стилей.

Базу анализа составили тексты, относящиеся к двум функциональным стилям современного немецкого языка – художественному и научному. Источниками выборки из художественного стиля явились произведения современных немецких писателей Herta Müller «Atemschaukel» и Martin Mosebach «Der Mond und das Mädchen. Для научного стиля выборка производилась из современной научно-лингвистической литературы на немецком языке (Rainer Dietrich «Psycholinguistik» и Harald Walach «Psychologie»). Методами исследования послужили метод теоретического анализа, валентностный анализ, метод текстовых проб, описательный метод, метод контекстуального анализа и интерпретации, сопоставительный метод и метод количественных подсчетов.

Сущность семантической стороны субстантивации усматривается “в обеспечении потребности человека в выражении мысли имеющимися языковыми средствами, без создания единиц с новым морфемным составом” [1, с. 3]. Субстантивация сопровождается изменением категориальной семантики, усложнением семантической структуры слова, “сгущением мысли, сверткой информации” [2, с. 236]. Важно добавить, что “осложнение уже существующих форм дополнительными смыслами и значениями, составляющее сущность транспозиции, является своеобразным механизмом, позволяющим расширять выразительные возможности языка...” [1, с. 7]. Благодаря такому переосмыслению изменяются статус слова, его функции в речи, сфера употребления, а также сочетаемость с другими словами и роль в предложении. Главным двигателем при этом является “исключительно семантический сдвиг ... в производной единице по сравнению с производящей” [3, с. 48].

Субстантивированный инфинитив является лексическим продуктом широко действующего в немецком языке процесса транспозиции, в основе которого лежит семантический сдвиг. Ингерентная глагольная семантика этих лексических единиц, не исчезая, включается в частеречное категориальное значение предметности, претерпевая уже в этом статусе дальнейшее развитие в языке. Реализация субстантивированных инфинитивов отмечена такими главными чертами, как их частеречный статус и валентность, которая проявляется контактно в словосочетаниях и предложениях и дистантно в единицах более широкого диапазона – фрагментах текста.

При дистантной реализации валентности статус субстантивированных инфинитивов выходит за рамки синтагматического и включается в когезийно-текстовый диапазон. Тот факт, что валентностные связи субстантиваторов способны воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т.е. к непосредственному участию в связывании текста.

В художественных текстах субстантивированный инфинитив способен усиливать экспрессию, служить созданию динамизма и устранению монотонности повествования. Такой эффект достигается благодаря созданию кратких номинативных предложений, чередованием глагольного выражения с именным, например:

*Max fuhr durch die Stadt. Rotes Licht. Grünes Licht. **Schalten. Anfahren.** Fußgängerüberweg* [4, с. 22].

Внешне текстообразующие свойства субстантивированного инфинитива проявляются двупланово – через создание лексических и синтаксических маркеров связи. При создании лексических маркеров связности текста важная роль принадлежит словообразовательным потенциям самой модели. Субстантивация инфинитива подготавливается, как правило, предшествующим контекстом, например:

*Ich drückte ihren Kopf weg, und sie **sprang** auf den Boden. Beim **Springen** gab es kein Geräusch, sie kam auf den Boden wie ein Tuch* [5, с. 266].

Благодаря параллельному функционированию однокоренных глаголов и субстантиватов, в тексте возникает лексический повтор, использование практически одного и того же значения, представленного разными языковыми формами. Еще важнее их роль в осуществлении внутренней, т.е. семантической связности текста. Она проявляется в том, что субстантивированные инфинитивы выступают как ключевые слова, или слова-темы, обеспечивающие смысловое объединение отдельных предложений. Они способствуют также выделению какой-то важной, проводимой через весь микротекст мысли, например:

*Danach **zählte** ich mein Geld, 1 Rubel und 6 Kopeken. Das reichte nicht mehr für Zucker, nicht einmal für Salz. Die Frau mit den Dörrpflaumen hatte mir beim **Zählen** zugeschaut mit einem braunen Auge und einem ganz weißen, ohne Pupille, wie eine Bohne* [5, с. 131].

Субстантивированный инфинитив *das Zählen* оказывается здесь номинационным результатом действия, сообщенного в предыдущей информации (*zählen*), и обеспечивает при этом линейное развитие текста.

Валентностные текстообразующие свойства субстантивированного инфинитива обусловлены дистантным способом его связи с актантами, например:

*Außerdem legte jeder seinen **Stein** auch ein bisschen anders hin. Jeder trug ihn mit den Händen auf einem Brettchen. Von den vielen nassen Steinen waren auch die Brettchen gequollen, rissig und löchrig.*

***Das Tragen** war ein langer Balanceakt, 40 Meter Weg von der Presse zum Trockenareal* [5, с. 145].

Для научно-лингвистических текстов характерными единицами являются субстантивированные инфинитивы, которые воплощают абстрактные понятия в форме среднего рода: *das Verhalten, das Auftreten, das Einsetzen* и т.д., например:

*Insofern **das psycholinguistische Bemühen dem Wissen und Denken** gilt, empfinden wir uns zudem auf eine zweite Weise blind* [6, с. 15].

Использование отглагольных существительных, в частности субстантивированных инфинитивов, в научной литературе отмечается их способностью в

сочетании с предлогом заменять придаточные предложения и предотвращать их нагромождение при передаче сложной информации. Также такие существительных способны образовывать многокомпонентные сложные слова, чем обеспечивают компактное обозначение специальных понятий, например:

*Dennoch ergibt sich **beim Durcharbeiten** dieses Textes mehr Plastizität, wenn man sein Kommunikationsverhalten mit der Kommunikation im Tierreich im Übrigen hie und da vergleicht* [6, с. 5].

В зависимости от того, осуществляет ли субстантивированный инфинитив связь с предшествующим или последующим текстом, он является соответственно средством связи с анафорической (левосторонней) и катафорической (правосторонней) направленностью.

Если субстантивированный инфинитив, как средство межфразовой связи, стоит в начале предложения и граничит с предшествующим текстом, то он выполняет левостороннюю (анафорическую) связь, например:

*Vorläufig genügt es festzuhalten, dass dem Artikulieren der Äußerung Denkvorgänge, also kognitive Prozesse, vorangehen. Der Sprecher plant offenbar bei jeder Äußerung, an wen sie gerichtet ist, was mitgeteilt werden soll, welchem Ziel die Äußerung dienen soll, z.B. einer Bitte, einer Frage, einer Aufforderung etc. Das alles lässt sich unter das sprachliche **Verhalten** unterordnen* [7, с. 8].

В приведенном примере субстантивированный инфинитив *das Verhalten* выражает контекст предшествующих предложений и контактно связан с ними.

Отсылочные инфинитивы как единицы-сигналы указывают, как последующие или предыдущие высказывания должны логически включаться в процесс коммуникации, а значит демонстрируют умение автора текста строить логическую проекцию на адресата. В научном тексте это является формой воздействия на адресата, обращение к его памяти, интеллектуальной способности воспринимать и перерабатывать доводы, переходя к другим теоретическим положениям, чтобы акцептировать заключения и обобщения.

Субстантивированные инфинитивы часто выступают ядерным компонентом сложных слов. В основное понятие, содержащееся в самом субстантивате, за счет меняющегося первого компонента, привносятся различного рода уточняющие, детализирующие признаковые характеристики либо добавляются актуализирующие его различные семантические оттенки, например:

*Das sprachliche Wissen ist weniger beeinträchtigt als das sprachliche **Verhalten**... Das **Kommunikationsverhalten** entwickelt sich im Adressatenbezug verzögert, was sich u.a. in einem auffälligen Mangel im **Feed-back-Verhalten** dokumentiert* [6, с. 293].

К субстантивированному инфинитиву *das Verhalten* в приведенном выше примере добавляются различные первые компоненты. Благодаря таким модификациям формируется система внутритекстовых связей в виде определенной цепочки, а сами имена в разных сочетаниях служат важным лексическим средством осуществления связности микротекста.

Отличительной чертой всех отглагольных имен является их способность аккумулировать содержание, что приводит к достижению языковой экономии в научном стиле. Имена создают своеобразные «зоны уплотнения смысла», информативные участки текста и могут обладать в текстах научного стиля высо-

кой информационной насыщенностью. Во многих случаях элементами, передающими, по существу, тот же объем информации, что и полное, развернутое построение, выступают субстантивированные инфинитивы [8, с. 263].

Таким образом, в художественных текстах субстантивированный инфинитив усиливает экспрессию, служит достижению эффекта динамизма, устранению монотонности повествования, является средством сцепления фрагментов содержания посредством дистантной валентности и выполняет тем самым текстосвязующую функцию.

В научных текстах субстантивированный инфинитив упрощает структуру высказывания при передаче сложной информации и обеспечивает компактное обозначение специальных понятий. Особенно значимы субстантивированные причастия отсылочного характера с анафорической направленностью связи, эффективно выполняющие когезийно-когерентную функцию. Включение этих единиц в научный текст вписывается в отражение рационального мышления, доминирующего в содержании данного типа текстов, как и в науке вообще.

Резюмируя вышесказанное, правомерно сформулировать главный вывод таким образом, что субстантивированный инфинитив по-разному реализуют свой прагмакоммуникативный потенциал в проанализированных художественных и научных текстах, согласующийся с общей прагматической установкой типа текстов, мотивированной сферой общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Редькина, О.В. Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Редькина. Н. Новгород, 2003. 22 с.
2. Гречко, В.А. Теория языкознания: учеб. пособие / В.А. Гречко. М.: Высш. шк., 2003. 375 с.
3. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова; отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1981. 200 с.
4. Mosebach, M. Der Mond und das Mädchen / M. Mosebach. Carl Hanser Verlag, 2014. 173 S.
5. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – Carl Hanser Verlag, 2009. 304 S.
6. Dietrich, R. Psycholinguistik / R. Dietrich. –Verlag J.B. Metzler Stuttgart, 2007. 326 S.
7. Walach, H. Psychologie/ H. Walach. –Verlag W. Kohlhammer, 2013. 425 S.
8. Большаков, И. И. Проявление текстообразующих свойств безаффиксных девербативов в научных текстах немецкого языка / И.И. Большаков // Опыт, проблемы и перспективы развития технического сервиса в АПК: доклады Междунар. науч. – практ. конф., посвящ. 55-летию со дня образования БГАТУ и 100-летию со дня рождения д-ра техн. наук, проф. Суслова В. П., Минск, 15–18 апреля 2009 г.: В 2 ч. Ч. 2. Минск: БГАТУ, 2009. С. 258–264.

УДК 811.112

Кондратьева Елизавета Михайловна

магистр лингвистики

г. Калининград, Россия

Балтийский федеральный

университет им. И. Канта

e-mail: kongrateva99@gmail.com

Elizaveta Mikhailovna Kondratyeva

Master of Linguistics

Kaliningrad, Russia

Immanuel Kant Baltic

Federal University

e-mail: kongrateva99@gmail.com

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема перевода некоторых феноменологических концептов, вербализованных существительными современного немецкого и финского языка. Феноменологический концепт – сложное культурное явление, продиктованное уникальным опытом представителей той или иной культуры. Следовательно, в процессе перевода возникает трудность при передаче культурно-специфической составляющей таких лексических единиц. Анализ выбранных лексических единиц проводится с помощью структуры событийного фрейма, выделяются концептуальные категории, такие как состояние, процесс, действие, явление, характеристика и смешанная категория, рассматриваются возможные стратегии и варианты перевода феноменологических концептов, вербализованных существительными немецкого и финского языка.

Ключевые слова: феноменология; неперевожимая лексика; феноменологический концепт; проблемы письменного перевода; событийный фрейм.

THE PHENOMENOLOGICAL UNTRANSLATABLES AS A TRANSLATION CHALLENGE

The paper examines the challenge of translation of some phenomenological concepts verbalized by nouns of the modern German and Finnish language. A phenomenological concept is a complex cultural phenomenon dictated by the unique experience of the representatives of a particular culture. Thus, in the translation process there is difficulty in conveying the culture-specific component of such lexical units. The selected lexical units are analyzed using the structure of the event frame, some conceptional categories, such as condition, possess, action, characteristic are identified, and possible translation strategies and options are considered.

Key words: phenomenology; untranslatables; phenomenological concept translation; translation challenge; event frame.

В исследованиях языка феноменология лежит на стыке философии, классической, когнитивной лингвистики и культурологии. Именно различия концептуальных языковых картин мира порождают феномен лакунарности. Лексические единицы, основу значения которых составляют феноменологические концепты, при переводе являются безэквивалентными. Существует два типа лакунарности – концептуальная и языковая. Концептуальная лакунарность имеет место, когда носители определённой картины мира не имеют некоего когнитивного опыта, то есть в картине мира отсутствует сам концепт. Языковая лакунарность – феномен, при котором в языке не существует лексической единицы для описания фрагмента когнитивного опыта.

Целью исследования является выявление специфики вербализации лакунарных концептов в переводе с немецкого и финского языков на русский.

В исследовании освещается малоизученная проблема, а именно феноменологические лакуны в переводческой практике. Актуальность работы обусловлена отсутствием системного подхода к классификации и анализу лакунарных концептов, что существенно осложняет процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации. Выявление и структурирование подобных лакун способствует не только углублению теоретических знаний в области переводоведения, но и решению практических задач, связанных с передачей культурно-специфических элементов текста.

Материалом исследования являются лексические единицы современного немецкого и финского языков, в основе значения которых лежат лакунарные феноменологические концепты. Лексические единицы взяты из нескольких корпусов немецкого и финского языков, а именно Мангеймского корпуса, корпуса Лейпцигского университета, Финского национального корпуса. Основными методами исследования являются концептуальный анализ, дискурсивный анализ и лексикографический анализ.

Лексические единицы, основу значения которых составляют феноменологические концепты возможно разделить на шесть концептуальных категорий: состояние, процесс, действие, явление, характеристика. Отметим, что некоторые лексические единицы находятся в зоне пересечения категорий, поскольку описывают состояние и процесс или же действие и состояние. К категории состояния относятся лексические единицы, описывающие внутреннее состояние, чувства и эмоции человека. К этой категории может быть отнесено немецкое существительное *der Weltschmerz* 'тоска по несовершенству мира' и финское существительное *myötähäpeä* 'вторичный стыд'. В категорию процесса вошли лексические единицы, которые описывают длительное действие, которое имеет конкретный результат. Категория действия представлена лексическими единицами, которые описывают кратковременное действие, сюда можно отнести немецкое существительное *das Drachenfutter* 'подарок-искупление вины'. В концептуальную категорию характеристики вошли лексические единицы, которые описывают внешний вид, действия или характер человека, отношения между людьми или являются описанием предмета. К этой категории может быть отнесено немецкое существительное *der Fachidiot* 'знаток одной области'. В концептуальную категорию явления вошли лексические единицы, описывающие явления природы и процессы, происходящие в сознании человека.

При вербализации лакунарных концептов в процессе перевода зачастую используется стратегия описательного перевода. Так, мы вычленим один из признаков концепта, который при вербализации будет понятен носителям «принимающей» культуры, при этом основная задача – сохранение ассоциативных связей концепта. Следовательно, одним из возможных подходов к решению проблемы вербализации феноменологических лакун в переводе может стать когнитивно-эвристическая модель перевода, разработанная Алексеем Минченковым. Согласно этой модели «смысл не является свойством самих языковых единиц, а создаётся в результате мыслительных операций в сознании переводчика в каждый конкретный момент при соприкосновении этого переводчика с исходным текстом, посему процесс перевода – особая разновидность речемыслительной деятельности» [1, с. 213]. В случае перевода лексической единицы, содержащей лакунарный концепт, мы рисуем в голове ситуацию с помощью тех слов-красок, которые нам предоставил язык оригинала.

Проведённый анализ показал, что безэквивалентные существительные, в основе значения которых лежат лакунарные концепты, не имеют чёткой объектной референции, то есть лакунарный концепт представляет собой не концепт отдельного объекта или даже абстрактной сущности, а многоуровневый когнитивный сценарий, концептуальный нарратив, структуру которого можно описать в терминах события. С точки зрения когнитивной лингвистики, в структуре любого события выделяют инициатора действия (агенса) и адресата события (экспериенсера). Любое такое событие может быть структурировано в виде фрейма, слотами которого являются не только агент и экспериенсер, но также присутствуют постэффект, контрагент, а также мотив, инструмент и цель действия.

Таким образом, немецкое существительное *das Drachenfutter* ‘подарок-искупление вины’, которое означает ситуацию, когда один из супругов пытается загладить вину и решить конфликт подарком, может быть проанализировано через структуру событийного фрейма следующим образом: агент – провинившийся человек, адресат – вторая сторона конфликта, которая ожидает извинений. Конфликтная ситуация и чувство вины – это мотив. Цель в этой ситуации – прекращение конфликта, а подарок – средство, которое используется для выполнения действия. Постэффектом в этом случае является снятия чувства вины и налаживание отношений. Контрагентом могут выступать друзья провинившегося, которые уверены в его невиновности и отсутствии необходимости в подарке. Этот пример показывает, что в подобных лексических единицах заложены не отдельные концепты, а они являются событийными фреймами.

Исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Лакунарный концепт представляет собой культурно-специфический феномен, который тесно связан с концептуальной картиной мира. Его формирование обусловлено историческим, социальным, религиозным, философским и иным культурным опытом.

2. Феноменологический лакунарный концепт, будучи элементом когнитивной структуры, воплощается в языке через сценарии – схемы, описывающие последовательность действий или состояний, типичных для определённой культуры. Эти сценарии структурированы и включают определённые роли или слоты, такие как агент, адресат, постэффект, контрагент, мотив, инструмент и цель.

3. Фреймовый анализ лексических единиц, основу значения которых составляют феноменологические лакунарные концепты, позволил описать не только внутреннюю структуру лакунарных концептов, но и предложить когнитивный подход для осуществления их перевода на другой язык. Фрейм, как динамическая структура знания, позволяет выделить ключевые параметры концепта для последующего перенесения в иную культурную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2007. Сер. 9. Вып. 2.

Конькова Алина Сергеевна
старший преподаватель
Москва, Россия
Московский государственный
лингвистический университет
e-mail: malina-a@yandex.ru

Alina Sergeevna Konkova
Senior Lecturer
Moscow, Russia
Moscow State
Linguistic University
e-mail: malina-a@yandex.ru

ПРИЕМЫ АДРЕСАЦИИ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В настоящей статье на материале фрагментов немецкоязычного ток-шоу проводится дискурсивный анализ приемов адресации модератора в рамках текста – вербального компонента дискурса. Выбор используемых автором вербальных и невербальных средств обусловлен ситуацией общения и необходимостью адаптировать информацию под адресата разного уровня. В условиях двойной адресации центральное место отводится массовому адресату, а на первый план выходит ориентация на тот перлокутивный эффект, который впоследствии может проявляться в изменении его модели мировоззрения, что, в свою очередь, является конечной целью стратегического замысла модератора.

Ключевые слова: адресация; двойная адресация; адресант; массовый адресат; дискурс.

ADDRESSING METHODS IN TALK SHOW DISCOURSE (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

The article uses fragments of a German-language talk show to conduct a discursive analysis of the moderator's addressing techniques within the text – the verbal component of the discourse. The author's choice of verbal and non-verbal means is determined by the communicative situation and the need to adapt the information to the addressee of different levels. In the conditions of dual addressing, the central place is given to the mass addressee, and the focus is on the perlocutionary effect, which can subsequently manifest itself in a change in his worldview model, which is the goal of the moderator's strategic plan.

Key words: addressing; dual addressing; addresser; mass addressee; discourse.

Современные исследования, посвященные феномену «дискурс», ведутся на стыке когнитивистики и прагматики. Данный междисциплинарный подход рассматривает, с одной стороны, отражение мышления в языке, с другой стороны, предполагает изучение коммуникативных намерений автора и роли контекста. В связи с этим, представляется возможным, определить дискурс ток-шоу как «межличностную коммуникацию» [1, S. 155-177], указав на моти-вированность и целенаправленность данного «коммуникативного процесса», а также на наличие следующих компонентов: «ситуация общения», «коммуниканты», «текст». Формирующий мнение, задающий ценностные ориентиры, эмоционально настраивающий дискурс ток-шоу имеет значительную силу воздействия, выбирая своей целевой группой находящегося за пределами студии массового адресата – многомиллионного зрителя. В связи с этим встает вопрос об адресован-

ности речи в рамках данного диалогического общения, поскольку текст, направленный на конкретного адресата, имеет большую силу воздействия, чем текст безадресный.

Актуальность выбранной темы определяется необходимостью дальнейшего исследования и систематизации приемов адресации в медийных текстах, где обращение происходит одновременно к нескольким адресатам (экспертам в студии и телезрителю).

Цель данной статьи – выделить и проанализировать приемы адресации, используемые адресантом (ведущим) по отношению к отсутствующему в его пространстве массовому адресату – телезрителю. Данные случаи адресации представляют для нас наибольший интерес и рассматриваются на **материале** фрагментов немецкоязычного ток-шоу.

Понятие «адресация» в лингвистике возникло как коммуникативно-прагматическая категория, связанная с ориентацией текста на читателя и возможностью эксплицитно или имплицитно указывать на него. Предпосылками ее становления послужили зародившиеся в трудах философов и филологов идеи о роли адресата в речевом акте. Так, через призму философского учения под адресацией понималась обращенность «Я» к «Другому» с коммуникативной целью. В рамках теории коммуникации и лингвистической прагматики для описания философских концептов «Я» и «Другой» вводятся термины «адресант» и «адресат» [2, с. 177].

Отметим, что исследования, проводимые в фокусе лингвистической прагматики, акцентируют роль адресата в коммуникативном процессе, рассматривая его как активного участника, формирующего смысл сообщения посредством интерпретационной деятельности. Роль и характеристики адресата в рамках категории «адресация» варьируются в зависимости от типа дискурса, целей коммуникации и прагматических факторов. В этой связи важность приобретает соотношение параметров адресата с параметрами адресанта (социальный статус, пол, возраст и др.) и социальной ситуацией общения [3, с. 358].

В рамках такого адресат-центрированного подхода проблема обращенности речи и коммуникативные особенности адресации привлекали внимание ученых-лингвистов, прежде всего, в контексте научного дискурса (Е. А. Баженова, Н. В. Егоров, Е. В. Садовникова), профетического дискурса (А. Э. Левицкий), религиозного дискурса (Е. М. Верещагин, К. В. Литвинцева, В. И. Постовалова), текстов художественной литературы (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Дмитриев). Так, известны исследования М. М. Бахтина и В. В. Виноградова, посвященные «образу автора» и «образу читателя» в художественной литературе. В. И. Постовалова придерживается лингвофилософского подхода к изучению адресации в религиозном дискурсе и считает адресацию способом осмысления бытия через диалог с тем, что не поддается опытному познанию [2, с. 179]. Адресация «в научном дискурсе отражает взаимодействие автора и читателя и представляет адресата в роли своеобразного «соавтора» научного текста, влияющего на оформление и развитие научной мысли автора-ученого» [4, с. 85]. В рамках дискурса ток-шоу имеет место двойная адресация, когда высказывания ведущего, ориентированные

на непосредственного коммуниканта (эксперта, гостя), главным образом направлены на опосредованного адресата – телезрителя.

В своем исследовании мы исходим из того, что вербальный компонент дискурса ток-шоу «текст» является «комплексным речевым действием, включенным в совместную деятельность коммуникантов и направленным на решение определенных задач в материальной, мыслительной и эмоциональной сферах» [5, с. 19]. Несмотря на то, что адресант и непосредственный адресат в лице гостей и экспертов находятся в одном коммуникативном пространстве, основные усилия ведущего, как автора создаваемого в реальном времени текста, направлены на разделенного с ним пространством – массового адресата.

Рассмотрим приемы адресации на примере программы «Hart aber fair», выходящей в эфир на телеканале «das Erste». Тема программы – «Wer zahlt für den Massen-Tourismus?». Дискуссия построена на столкновении полярных точек зрения, высказываемых приглашенными экспертами. Присутствующая в студии зрительская аудитория не принимает активного участия в коммуникативном процессе и является своеобразным промежуточным звеном между непосредственным и опосредованным адресатом. Так как в круг ее задач входит создание эмоционального фона, ее присутствие в студии также можно считать определенным невербальным средством адресации.

Для обращения к телезрителю и вовлечения его в диалоговое общение у ведущего имеется большой арсенал приемов разного уровня. Они находят свое выражение во всех функциональных частях текста, что обусловлено необходимостью своевременного обращения к массовой аудитории на определенном этапе раскрытия темы. Так, функциональная часть «введение», будучи «сильной позицией» текста, обнаруживает высокую степень фокусирования на опосредованном адресате. Рассмотрим следующий пример:

Schönen guten Abend! Herzlich willkommen zu „Hart aber fair“. Schön, dass Sie dabei sind. Ich möchte zu Anfang etwas klären, damit wir uns nicht falsch verstehen. Es geht nicht darum Ihnen Ihren Sommerurlaub nachträglich miszumachen. Sagen wir mal so, wir wollen nur offen aussprechen, was Sie schon heimlich wahrscheinlich denken: So kann es eigentlich nicht weitergehen. Überfüllung überall da, wo es schön ist bzw mal schön war. Megastress schon am Flieger, wenn er denn überhaupt fliegt und dann das Gefühl Teil eines Ameisehaufens zu sein, wenn man zum Strand will. An dieser Stelle auch schon mal kurz ein Gedanke an die, die da leben, wo wir einfallen. Unser Thema: Wir – Kreuzfahrer und Billigflieger. Wer zahlt den Preis für den Massen-Tourismus? [...]. ‘Добрый вечер! Добро пожаловать на "Hart aber fair". Рады видеть Вас здесь. Я хотел бы прояснить кое-что с самого начала, чтобы мы правильно поняли друг друга. Речь не идет о том, чтобы испортить Вам летний отпуск. Скажем так: мы просто хотим открыто сказать то, о чем Вы, вероятно, уже тайно думаете: так продолжаться не может. Скопление людей везде, где красиво или когда-то было красиво. Огромный стресс уже в самолете, если он вообще полетит. А потом на пляже ощущение себя частью муравейника. А теперь на секунду подумайте о

тех, кто живет там, куда мы вторгаемся. Наша тема: Мы – пассажиры круизных лайнеров и бюджетных авиалиний. Кто заплатит цену за массовый туризм? [...].'

Текстовый блок ведущего открывается словами приветствия *Schönen guten Abend* 'добрый вечер', *Herzlich willkommen* 'добро пожаловать', создающими определенный эмоциональный настрой и дающими телезрителю ощущение себя желанным участником дискуссии. Использование местоименного наречия *dabei* 'при этом' в следующем предложении усиливает иллюзию участия, а не простого присутствия.

В следующей реплике употребляется личное местоимение первого лица множественного числа *wir* 'мы' для создания ощущения единения – слушатели причисляют себя к инициаторам действия. Данный эффект усиливается за счет употребления глагола *sich verstehen* 'понимать друг друга'. Создается впечатление, что модератор договаривается со своим адресатом и хочет избежать недопонимания с его стороны.

Следующим средством адресации является прямое обращение к адресату через личное местоимение *Sie / Ihnen* 'Вы / Вам'. Следует обратить внимание на совместное употребление в рамках одного предложения личных местоимений первого лица множественного числа и вежливой формы для создания эффекта: мы – адресант – хотим донести до Вас – адресата – некоторую информацию. Модератор апеллирует к опыту адресата и использует лексические единицы *schon* 'уже', *heimlich* 'тайно', *wahrscheinlich* 'вероятно' для того, чтобы пробудить интерес к теме дискуссии. Данная лексическая цепочка заставляет адресата почувствовать себя заинтригованным.

Лексемы *Überfüllung* 'неполненность', *Megastress* 'мега стресс', *Ameisenhaufen* 'муравейник' обращаются к внутреннему состоянию адресата и активируют имеющиеся у него пресуппозиции и социокультурный опыт. Все три лексемы несут значение переизбытка, перенасыщения и в данном контексте имеют отрицательную коннотацию.

При непосредственном обозначении темы программы ведущий имплицитно дает понять адресату, что каждый хотя бы раз в жизни «примеряет» на себя роль туриста. Высказывание *Wir – Kreuzfahrer und Billigflieger* 'мы – круизеры и пассажиры бюджетных авиалиний' указывает на принадлежность к одной группе. Личное местоимение *wir* 'мы' употреблено в генерализирующем значении.

Завершает данный текстовый блок директивный вопрос *Wer zahlt den Preis für den Massentourismus* 'Кто заплатит цену за массовый туризм', ориентирующий адресата на проблематику предстоящего диалогического общения.

Основная часть текста способствует раскрытию заданной темы. Приводятся аргументы и контраргументы, а каждое высказывание модератора имеет двойную адресацию. Рассмотрим пример, иллюстрирующий обращение ведущего к телезрителю:

Berlin schafft es nicht. Und wir gucken mal hin, was passiert, wie sich aus Notwehr Gemeinden oder ganze Länder wehren. Da gibt es ein paar Maßnahmen. Und es gibt, Achtung, bei Seehofer auch Obergrenzen. Da schauen wir uns mal an.

‘Берлин не может с этим справиться. Давайте посмотрим, что происходит, как общины или целые земли защищают себя в целях самообороны. Есть несколько мер. И, внимание, у Зеехофера тоже есть предел. Давайте посмотрим на это.

Так, для сокращения дистанции между автором создаваемого текста и адресатом используются обращения *Wir gucken mal hin* ‘давайте посмотрим’, *Da schauen wir uns mal an* ‘давайте посмотрим на это’. Использование синонимов *gucken* ‘смотреть’ и *schauen* ‘видеть’ и синонимичный повтор в форме повелительного наклонения нацелены на удержание внимания адресата и содержат призыв к совместной деятельности. В эти моменты модератор смотрит прямо в камеру. Установление визуального контакта усиливает ощущение собственной важности у адресата и создает иллюзию присутствия в одном коммуникативном пространстве. Лексема *Achtung* ‘внимание’ в реплике ведущего сообщает о том, что сейчас последует важная информация.

Функциональная часть «заключение» также является «сильной позицией» в суперструктуре дискурса ток-шоу. Рассмотрим следующий фрагмент:

*Danke schön für diese tolle Runde [...] **Danke an Sie hier. Sie waren ein wunderbares Publikum** [...].* ‘Большое спасибо за эту замечательную дискуссию [...] Большое спасибо! Спасибо всем Вам. Вы были замечательными зрителями [...].’

При прощании с аудиторией ведущий благодарит как непосредственного, так и опосредованного адресата. Для поощрения адресата он использует прилагательное *wunderbar* ‘замечательный’ в качестве эпитета и дает, таким образом, импульс к «участию» в следующей программе.

Итак, «двойная адресация» является характерной чертой дискурса ток-шоу. Основные приемы адресации (грамматические – обращение через личные местоимения, употребление *wir* ‘мы’ в генерализирующем значении, императив; лексические единицы; метатекстовые элементы; директивные речевые действия; невербальные средства общения – визуальный контакт) направлены на вовлечение телезрителя в коммуникативный процесс с целью влияния на его ментальную сферу и, как следствие, изменения картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kornerding K.P. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53 / E. Felder (Hrsg.). Berlin ; Heidelberg. : Springer-Verlag, 2009. S. 155–177.
2. Постовалова В.И. Адресация в православно-христианском дискурсе: проповедь, исповедь, молитва // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М. : Издательство «Индрик», 2012. С. 177–191
3. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

4. Садовникова Е.В. Грамматические средства взаимодействия автора и читателя в немецкоязычном письменном научном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 83-89. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_83

5. Казанцева Ю.М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы и доклады международной конференции, посвященной памяти профессора О. И. Москальской 24–25 мая 2004 г. М. : МГЛУ, 2004. С. 19–20.

Кострова Ольга Андреевна
доктор филологических наук
г. Самара, Россия
Самарский социально-
педагогический университет
e-mail: olga_kostrova@pgsga.ru

Olga Andreevna Kostrova
Doktor of Sciences (Philology)
Samara, Russia
Samara State University
of Social Sciences and Education
e-mail: olga_kostrova@pgsga.ru

КОНСТРУКЦИЯ *OB ÜBERHAUPT* В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается функционирование конструкции *ob überhaupt* в речах немецких политиков, выступающих в Бундестаге, в текстах Википедии и блогов. Анализируются ее синтаксические функции, модальность, возможности распространения и категориальный статус.

Ключевые слова: конструкция; альтернатива; сомнение; иррелевантность условия; комментарий.

THE CONSTRUCTION *OB ÜBERHAUPT* IN GERMAN DISCOURSE

The article examines the functioning of the construction *ob überhaupt* in speeches of German politicians in the Bundestag, Wikipedia and blogs texts. Its syntactic functions, modality, possibilities of distribution and categorical status are analyzed.

Key words: construction; alternative; doubt; irrelevance of condition; comment.

В грамматике конструкций под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [1, с. 18]. Цельность конструкции как языкового знака проявляется в неразрывном единстве с другими уровнями языка или дискурса [ср. там же, с. 19, 21]. Цель статьи состоит в том, чтобы показать специфику функционирования *ob überhaupt* в немецкоязычном дискурсе, что должно подтвердить или опровергнуть ее категориальный статус как цельной конструкции.

Проблему определения категориального статуса языковых единиц нельзя считать решенной. В частности, возникает вопрос о разграничении понятий грамматикализации конструкций и их перекатегоризации. Представляется, что заявленное исследование будет способствовать разрешению указанной неясности, а также расширению круга конструкций, функционирующих в современном немецкоязычном дискурсе. Кроме того, исследование низкочастотной конструкции может иметь прогностический характер.

Материал исследования составляют высказывания, содержащие конструкцию *ob überhaupt*, извлеченные из текстов речей политиков Бундестага, авторов статей в Википедии и немецких блогеров, которые представлены в немецкоязычном Цифровом корпусе с открытым доступом [2]. Примеры отбирались вручную из сложных предложений с придаточными, вводимыми конструкцией *ob überhaupt*, которые давал автоматический поиск. Критериями отбора служи-

ли факторы выделенности конструкции с помощью скобок, тире, запятых, а также ее распространенность другими средствами, содержащими сочинительный союз и компонент *wenn* или относительные местоимения и наречия с компонентом *w-*. Из 500 просмотренных предложений отобрано 78, удовлетворяющих условиям отбора.

В исследовании применялись следующие методы: синтактико-функциональный анализ придаточных предложений, семантический анализ союза *ob* и наречия *überhaupt* как таковых и при совместном функционировании. Анализ модальности предложений, содержащих конструкции *ob überhaupt*, и дискурсивный анализ этих конструкций. Перейдем к описанию хода и результатов исследования.

В лексиконе немецких союзов семантика союза *ob* (русский эквивалент *ли*) определяется как обозначение альтернативы, при которой говорящий не знает, соответствует пропозиция действительности или нет [3, с. 90]. Сепаратизированное придаточное с этим союзом выражает сомнение: *Ob ich das wohl schaffe?* [3, *ibid.*].

В грамматике серии Duden семантика этого союза описывается как сложная, сочетающая признаки неопределенности пропозиции, обобщенно представляющей 1) сомнительность косвенного высказывания, и в то же время в других контекстах 2) снимающая сомнительность или 3) задающая альтернативу (*“Offenheit eines Sachverhalts global fraglichkeitsdarstellend indirekt, ...fraglichkeitsaufhebend, alternativsetzend”*) [4, с. 787]. Опираясь на эту трактовку, приходим к выводу, что семантика союза *ob* как такового неразрывно связана с контекстами его употребления.

Компонент конструкции *überhaupt* также многозначен. Как наречие он имеет значение «вообще» или «кроме того», а как частица употребляется в разговорной речи, в основном, в вопросах, в смысле *eigentlich, denn* [5]. Конструкция *ob überhaupt* в словаре не зарегистрирована [5]. Тем не менее, она представлена в корпусе с открытым доступом 1773 раза [2], в основном, в развернутых придаточных предложениях, раскрывающих семантику неопределенности или сомнения, которая содержится в главном предложении. Придаточное предложение выступает при этом в синтаксической функции субъекта, объекта или атрибута. Ср. соответственно:

(1) *Der Bundesregierung ist nicht bekannt, ob überhaupt Definitionen in anderen Mitgliedstaaten der EU bestehen* [2]. (1 а) ‘Федеральному правительству не известно, есть ли вообще какие-то дефиниции в других государствах–членах ЕС’ (Здесь и далее перевод мой – О.К.).

(2) *Ich wollte wissen, ob überhaupt Informationen geliefert werden* [2]. (2 а) ‘Я хотел бы знать, поступала ли вообще информация’.

(3) *Es gab Zweifel, ob überhaupt ernsthaft ermittelt worden ist* [2]. (3 а) ‘Были сомнения, исследовалось ли это вообще серьезно’.

Редко встречаются случаи, когда придаточное с *ob überhaupt* передает значение снятой неопределенности, что вытекает из семантики вводящего глагола, в (4) глагола *angeben* (‘указывать’, ‘сообщать’; ‘давать сведения’), ср.:

(4)... *frameborder gibt an, ob überhaupt ein Rand zu malen ist* [2]. (4 a) ‘...*frameborder* указывает, следует ли вообще рисовать границу’.

Пример (4) отличается от первых трех тем, что придаточное предложение нельзя перевести в форму прямого вопроса:

(4 б)* *frameborder gibt an: „Ist ein Rand zu malen?“* [ср. 4, с. 777].

Говоря о модальности придаточных предложений, вводимых рассматриваемыми конструкциями, следует иметь в виду, что эти предложения традиционно относятся к косвенным высказываниям, в которых реализуется специфическая для немецкого языка модальность косвенности. Это означает, что передаваемая ими информация представляет результат когнитивной деятельности субъекта речи [ср. 6, с. 2254], который либо эксплицирован (пример 2), но чаще представлен имплицитно (примеры 1, 3, 4). Во всех приведенных примерах придаточное предложение представляет реферирование ситуации, уже бывшей предметом обсуждения в предтексте [ср. 4, с. 776–777]. Роль вводящей конструкции *ob überhaupt* заключается в том, что она придает высказыванию модальную семантику неопределенности, которая в грамматике Дуден обозначается как “*Offenheit*” с вариантами ‘общая сомнительность реальности пропозиции’ (“*global fraglich gesetzt*”) или ‘наличие альтернатив ее возможной реализации’ (“*als Alternativen gesetzt*”) [4, там же].

Семантика общей сомнительности представлена в примерах (1-3); при реализации альтернативности вводящая конструкция обозначает альтернативу как сомнение в реальности пропозиции, выраженной конкретным косвенным вопросом, и расширяется при этом союзом *oder*, ср.:

(5) *Weshalb oder ob überhaupt sie erst ein Jahr später ausgestrahlt wurden [...], bleibt unklar* [2]. (5 a) ‘Почему они были переданы в эфир только год спустя, [...], остается неясным, если они вообще были переданы в эфир’.

В проекте Института немецкого языка в Маннгейме, обобщающем результаты последних исследований коннекторов, союз *ob* метафорически обозначается как *Einzelgänger* (дословный перевод: ‘одиночка’), обладающий идиосинтаксическими чертами, которые обособляют его от других групп коннекторов, выделяя в классификации как «одиночку». Его особая синтаксичность заключается в том, что, обозначая альтернативу, он приобретает семантику иррелевантной кондициональности [7].

Особенности сочетания союза *ob* с наречием *überhaupt* не рассматриваются в грамматиках. По нашим наблюдениям, есть основания считать, что конструкция *ob überhaupt* передает сомнение субъекта речи, обозначающего нерелевантность условия реализации пропозиции, дополнительно к тому, что было сказано об этой ситуации в предшествующем обсуждении. Предположение основано на том, что эта конструкция может употребляться обособленно, будучи заключенной в скобки или иным образом. В некоторых случаях альтернатива эксплицируется союзом *oder*, ср.:

(6) *Eine verlässliche Prognose darüber, in welchem Umfang (oder ob überhaupt) neu hinzutretende branchengleiche Betriebe einen Mehrumsatz [...] generieren, ist jedenfalls nicht möglich* [2]. (6 a) ‘Во всяком случае невозможно сделать

надежный прогноз относительно того, в каком объеме новые компании в том же секторе будут приносить дополнительный доход, если они вообще получат прибыль’.

Обособление конструкции в ядерной или расширенной форме реализуется через скобки, двойное тире, двойные запятые; таких случаев немного (из 500 просмотренных примеров всего 30), однако, на наш взгляд, они намечают тенденцию развития конструкции, переводя ее из статуса коннектора, вводящего придаточное косвенной речи, в статус комментария говорящего. При этом значение ирреальной кондициональности не выводится из компонентов *ob* и *überhaupt*, что позволяет считать *ob überhaupt* конструкцией в смысле конструкционной грамматики: из коннектора конструкция превращается в комментарий говорящего. Значение кондициональности подтверждается в (7) типичным сочетанием конструкции с эллиптическим выражением *und wenn ja*, ср.:

(7) *Zum jetzigen Zeitpunkt ist somit nicht entschieden, ob überhaupt und wenn ja, welche Kraftwerke Zahlungen erhalten* [2]. (7 а) ‘На данный момент не решено, будут ли производиться какие-либо выплаты и, если да, то какие электростанции их получают’.

В примере (7) пропозиция «какие электростанции получают выплаты» синтаксически оформляется как субъект к предикату «не решено»; в нашем материале пропозиции, вводимые этой конструкцией, в большинстве случаев репрезентированы синтаксическими субъектами (ср. также примеры 1, 5 и далее 9, 11). Согласно О.И. Москальской в таких случаях реализуется отношение не подчинения, а соподчинения [8, с. 314-316]. Тем самым в субъектных придаточных проявляется дополнительный фактор, который подтверждает высказанное выше мнение о том, что конструкция *ob überhaupt* не является коннектором (поскольку для связи подлежащего и сказуемого коннектор не нужен), а выражает сомнение говорящего относительно возможности реализации ситуации решения о выплатах. Компонент *und wenn ja* в обобщенной форме эксплицирует нерелевантное на момент сообщения условие производства выплат – необходимость решения об этом. Перевод, эксплицирующий синтаксические отношения:

(7 б) ‘На данный момент не решено, какие электростанции получают выплаты, если вообще будет решено их произвести’.

Интерпретация в (7 б) показывает обособление комментария говорящего. Комментирующий характер конструкции может дополняться последующим высказыванием говорящего, как в примере из протокола пленарного заседания Бундестага от 03.12.2014 (8):

(8) (Heiterkeit bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90 / DIE GRÜNEN)
Man wird im Ergebnis diskutieren müssen, ob überhaupt und, wenn ja, wie.

Es gibt da ja viele Vorschläge, wie die Einnahmen genutzt werden könnten, etwa für einen Altschuldenfonds oder andere Sachen [2]. (8 а) ‘(Смех членов Альянса 90/Зеленых). В результате придется подискутировать, если это вообще нужно, и если да, то как (подойти к этому вопросу).

Ведь есть много предложений о том, как можно использовать доход, например, для фонда задолженности по наследству или других целей’.

Конструкция может полностью обособляться, как в следующем отрывке из блога, в котором автор в общей форме выражает сомнение; комментарий отделяется от основного текста тире:

(9) *Na endlich hat der Bahnhof auch eine kleine Weihnachtsdeko!*

*Ist ja jedes Jahr spannend, was da kommt – **oder ob überhaupt**.* (9 a) ‘Наконец-то вокзал немного украсили к Рождеству. Каждый год волнительно ждать, что там будет – если вообще что-то будет’.

Другие средства распространения ядерной конструкции: *ob überhaupt und falls ja; ob überhaupt und in welchem Umfang; und ob überhaupt welche; ob überhaupt und unter welchen Umständen; bzw. ob überhaupt welche* и т.п. Распространяющие выражения допускают возможность осуществления пропозиции, ограничивая ее каким-то условием. Открытость реализации пропозиции семантически задается в матричном предложении, в котором часто содержится отрицание *nicht* (примеры 1, 6, 7, 11), другие средства отрицания, например, префикс *un(klar)* (пример 5), предикаты с семантикой сомнения, вопроса, необходимости и т.п. Ср. пример из Википедии (10):

(10) *Es ist bisher völlig offen, welche Technik (**und ob überhaupt eine**) sich im großtechnischen Einsatz durchsetzen könnte* [2]. (10 a) ‘Пока еще совершенно неясно, какая технология сможет преобладать в широкомасштабном использовании, если вообще речь идет о какой-либо технологии’.

В (10) говорящий вообще ставит под сомнение реализацию технологии, о которой идет речь.

Особый категориальный статус ядерной конструкции *ob überhaupt* подтверждается возможностью ее субстантивации (3 примера из 500), ср.:

(11) *Erstens: Zur Diskussion über unsere Verantwortung gehört nicht nur das „ob überhaupt“ und „wo genau“, sondern auch das „wie“... [2].* (11 a) Во-первых, обсуждение нашей ответственности включает в себя не только «если вообще» и «где именно», но и «как».

Отметим, что автоматический переводчик не всегда правильно передает смысл высказываний, содержащих исследуемую конструкцию. Ср. текст Гугл-переводчика:

(12) *In der Rechtswissenschaft ist noch nicht abschließend geklärt, **ob überhaupt und wenn ja** welche konkreten Rechtsfolgen sich aus Artikel 13 Absatz 2 Buchstabe c) ergeben* [2]. (12 a) «Ученые-юристы еще не дали окончательного разъяснения относительно того, вытекает ли статья 13(2)(с) из нее, и если да, то какие именно правовые последствия она влечет» [9].

Правильный перевод, на наш взгляд, такой: (12 б) ‘Ученые-юристы еще не дали окончательного разъяснения относительно того, какие правовые последствия вытекают из статьи 13, второй абзац под буквой с), если вообще из нее могут быть какие-то последствия’.

Последний пример подтверждает необходимость исследования интересующей нас конструкции.

Вывод

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Конструкция *ob überhaupt* имеет в немецком языке довольно устойчивый характер,

будучи востребованной в определенных типах дискурса при выражении мнения субъекта речи. Ее комментирующий характер особенно отчетливо проявляется при обособлении внутри высказывания, сепаратизации и распространении компонентами, обозначающими иррелевантное на момент сообщения условие реализации пропозиции. Общее значение конструкции можно определить как сомнение субъекта речи в истинности положения дел, о котором идет речь. Это значение не вытекает из суммы значений компонентов *ob* и *überhaupt*, что можно расценивать как новый категориальный статус относительно статуса коннектора, функцию которого выполняет союз *ob*. На наш взгляд, происходящее изменение статуса конструкции не грамматикализация, а перекатегоризация (термин Н. Н. Болдырева [10, с. 221-222]), поскольку сохраняется самостоятельная семантика сомнения, которая выражается в комментарии субъекта речи.

Обособление, сепаратизация конструкции, а также ее субстантивация проявляют ее идиоэтничность в немецком языке по сравнению с русским языком, где, как показывают переводы, она, как правило, требует расширения до полного придаточного предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахилина Е.В. (отв. ред.). Лингвистика конструкций. Москва: Азбуковник, 2010. 584 с.
2. DWDS: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl> (accessed: 15.06.2025).
3. Buscha J. Lexikon deutscher Konjunktionen. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989. 159 S.
4. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 S.
5. DWDS: URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 15.06.2025).
6. Zifonun G., Hoffmann L. & Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997. 2569 S.
7. Grammis. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/1188> (accessed: 13.06.2025).
8. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., verbesserte und erweiterte Aufl. Moskau: Vysšaja škola, 1983. 344 S.
9. Гугл-переводчик: URL: <https://translate.google.ru/?sl=de&tl=ru&text=Ist%20ja%20jedes%20Jahr%20spannend%2C%20was%20da%20kommt%20%E2%80%93%20oder%20ob%20%C3%BCberhaupt.%20%0A&op=translate> (accessed: 18.06.2025).
10. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная система языка. Москва: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Курбаленко Наталия Валериевна

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: natalliakurbalenko2@gmail.com

Шабунь Ярослава Валерьевна

выпускник

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: yaroslava.schabun23@gmail.com

Natallia Valerievna Kourbalenko

PhD in Philology

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: natalliakurbalenko2@gmail.com

Yaroslava Valerievna Schabun

Graduate

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: yaroslava.schabun23@gmail.com

ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛЕВОГО, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ТИПОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ КАУЗАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются особенности выражения волевого, эмоционального и физического типов воздействия одно-, двух- и трехконстантными каузативными глаголами немецкого языка. Описаны структурно-семантические характеристики организуемых ими каузативных конструкций.

Ключевые слова: каузация; каузативный глагол; каузативная конструкция; волевое воздействие; эмоциональное воздействие; физическое воздействие.

EXPRESSION OF VOLITIONAL, EMOTIONAL AND PHYSICAL TYPES OF CAUSATION BY GERMAN CAUSATIVE CONSTRUCTIONS

The paper is devoted to the features of expression of volitional, emotional and physical types of causation by one-, two- and three-constant causative verbs of the German language. Structural and semantic characteristics of causative constructions organized by them are described.

Key words: causation; causative verb; causative construction; volitional type of causation; emotional type of causation; physical type of causation.

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей выражения волевого, эмоционального и физического типов воздействия каузативными конструкциями немецкого языка.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, как правило, анализу подвергается какой-нибудь один тип воздействия. Существуют лишь отдельные попытки рассмотреть все виды каузативного воздействия в совокупности, напр. [1]. Комплексный подход к изучению каузации и ее типов обуславливает актуальность и новизну проведенного исследования.

Настоящее исследование базируется на классификации каузативных глаголов (КГ) В. П. Недялкова и Г. Г. Сильницкого, в основе которой лежит понятие каузативной ситуации и пяти ее элементов: 1) отношения каузации или причи-

нения, 2) субъекта каузации, 3) объекта каузации, 4) каузирующего действия/состояния и 5) каузируемого действия/состояния, или результата каузации.

В зависимости от того, какие элементы каузативной ситуации входят в семантику КГ, ученые выделяют следующие группы:

1) одноконстантные КГ, выражающие только отношение каузации (русск. *заставить* и пр.);

2) двухконстантные инструментальные КГ, обозначающие отношение каузации и каузирующее действие (русск. *просить* = каузировать просьбой и т.п.)

3) двухконстантные результативные КГ, передающие отношение каузации и каузируемое действие/состояние (русск. *смешить* = каузировать смех и т.п.)

4) трехконстантные инструментальные результативные КГ, обозначающие отношение каузации, каузирующее и каузируемое действия/состояния (русск. *застрелить* = каузировать смерть выстрелом) [2, с. 8–9].

Построенная на универсальном характере каузативной ситуации, эта классификация применима к любым языкам, в том числе и к немецкому.

Основными методами исследования являются методы структурно-семантического, контекстуального и статистического анализа.

Материалом для анализа послужили новелла Стефана Цвейга “Жгучая тайна” и новелла Томаса Манна “Марио и волшебник”, из которых методом сплошной выборки было извлечено 236 каузативных конструкций (КК) с различными типами каузации, при этом волевое воздействие реализуют 73 КК, эмоциональное воздействие – 80 КК, физическое воздействие – 83 КК.

Многие лингвисты отмечают, что глаголы со значением волевого воздействия занимают особое место в разряде КГ. Однако, нет единого мнения в отношении того, какие глаголы следует относить к данной группе и как их обозначать. Так, по словам Е. Я. Гордон: «Глаголы воздействия на волю лица (*уговаривать, упросить, приказать* и пр.) обозначают каузирующее событие (способ воздействия) и значение каузации, оставляя за своими пределами каузируемое событие и имена двух актантов» [3, с. 16].

Способ осуществления воздействия (*приказать* – каузировать приказом) позволяет лингвистам определить данный тип каузации как *речевую каузацию*.

Е. А. Дадуева, отмечая, что в русском языке волевое воздействие передается лишь небольшой группой глаголов, включает в ее состав наряду с глаголами речевой каузации типа *приказать, велеть, просить* также глаголы *дать, заставить, позволить* и *принудить* [4]. Согласно же Е. Я. Гордон, глаголы типа *дать, заставить, позволить* и *принудить* следует отнести к собственно-каузативным глаголам, поскольку их каузативная семантика не осложнена никакими другими лексическими значениями [3, с. 16].

В этой связи хотелось бы еще упомянуть Г. А. Золотову, которая отмечает, что в обоих рядах (*заставлял его приехать* и *велел ему приехать*) выражается одно и то же семантико-синтаксическое значение, а именно: «... субъект *А* оказывал воздействие на объект *В* с целью вызвать его действие, т.е. чтобы объект *В* стал субъектом действия, названного инфинитивом» [5, с. 280].

Иными словами, глаголы волевого воздействия действительно представляют собой неоднородную группу. Как собственно каузативные глаголы, или в другой терминологии одноконстантные глаголы, так и глаголы речевой каузации, или двухконстантные инструментальные глаголы, можно рассматривать в качестве средства выражения волевого воздействия.

В отобранных для анализа немецкоязычных художественных произведениях для выражения волевого воздействия чаще задействованы одноконстантные глаголы (44 примера из 73, что составляет 60 %) типа *bringen* ‘доводить’, *erlauben* ‘давать, позволять’, *lassen* ‘побуждать, заставляя, давать, позволять’, *nötigen* ‘принуждать’, *setzen* ‘приводить’, *treiben* ‘заставлять, принуждать’, *zwingen* ‘вынуждать, принуждать’ и др.

Двухконстантные инструментальные КГ представлены такими единицами, как *befehlen* ‘приказывать’, *bitten* ‘просить’, *empfehlen* ‘рекомендовать’, *warnen* ‘предостерегать’, *verlangen* ‘требовать’ и др., демонстрирующими широкую палитру побудительности – от угрозы и приказа до просьбы и рекомендации.

Рассматриваемые глаголы обозначают воздействие на волю лица, которое в результате совершает (или все-таки не совершает) желаемое каузируемое действие, обозначаемое в КК другим языковым средством. Поэтому как одно-, так и двухконстантные КГ волевого воздействия образуют четырехкомпонентные КК, включающие в свой состав наряду с глаголом-связкой субъект, объект и результат каузации. Последний, в зависимости от КГ, может быть выражен инфинитивом, именем существительным или придаточным предложением: *Er ... verlangte sofort zu sehen...* ‘Он ... потребовал сразу посмотреть...’ [7]; *... wenn Sie mir die Unterscheidung erlauben wollen* ‘... если Вы мне позволите разграничить...’ [7]; *... erlauben Sie, daß ich es mir bequemer mache!* ‘... разрешите мне устроиться поудобнее!’ [7]. При этом преобладают инфинитивные КК.

Значение каузации волевого воздействия реализуется в КК с одушевленным объектом. Его морфологическое оформление зависит от КГ, организующего КК (винительный или дательный падеж, предложное управление). Объектом каузации также может быть сам субъект КК, на что указывает возвратное местоимение *sich*: *... und darum zwang er sich zur Vorsicht* ‘... и поэтому он заставил себя действовать осторожно’ [6].

В большинстве случаев при двухконстантных инструментальных КГ субъектом является одушевленное имя существительное или заменяющее его личное местоимение, что отражает их основную функцию – передавать сознательный, целенаправленный волевой акт в межличностных отношениях. Немногочисленные примеры с неодушевленным субъектом раскрывают иную природу каузативных отношений, когда абстрактные понятия, события или явления выступают в качестве источника каузации: *Keine Ahnung warnte sie, daß oben im vielverzweigten Dunkel jedem ihrer Schritte gefolgt wurde...* ‘Предчувствие не предупредило ее о том, что вверху, в темноте густых веток, кто-то следит за каждым ее шагом...’ [6].

В качестве субъекта при одноконстантных КГ возможны как одушевленные, так и неодушевленные имена существительные: *... da sie ihn unerhörte Dinge versäumen ließ* ‘... так как она заставляла его пропускать неслыханные

вещи’ [6]; *Aber was für ein furchtbares Geheimnis mußte das sein, das erwachsene Menschen so weit trieb, ihn, ein Kind, zu belügen ...* ‘Но какой же ужасной должно быть была эта тайна, что побуждала взрослых людей обманывать его, ребенка...’ [6].

Таким образом, анализ КГ волевого воздействия в немецком языке показывает сложность и многоплановость данного типа каузации, обусловленные как семантической неоднородностью используемых глаголов, так и синтаксическим разнообразием, организуемых ими КК.

Как отмечалось ранее, в анализируемом материале выявлено 80 примеров КК со значением эмоционального воздействия. Для передачи данного типа воздействованы одноконстантные и двухконстантные результативные КГ. Последние являются более частотными (48 примеров из 80) и образуют характерные для них трехкомпонентные КК, поскольку в семантику таких КГ уже входит каузируемое эмоциональное состояние. В выборке они представлены такими единицами, как *amüsieren* ‘веселить, развлекать’, *bedrücken* ‘огорчать, печалить’, *beglücken* ‘осчастливить’, *beunruhigen* ‘беспокоить, тревожить’, *empören* ‘возмущать’, *enttäuschen* ‘разочаровывать’, *entzücken* ‘восхищать, приводить в восторг’, *erregen* ‘возбуждать, волновать’, *erschrecken* ‘ужасать, пугать’, *reizen* ‘раздражать’, *verängstigen* ‘страшить’, *verärgern* ‘злить, сердить’, *verdrießen* ‘раздражать, огорчать’, *verwirren* ‘смущать’ и др.

Среди одноконстантных КГ для организации КК со значением эмоционального воздействия чаще используется глагол *machen* в каузативном значении ‘заставлять, побуждать’, реже – *bringen*, *lassen*, *setzen* и др.

Одноконстантные КГ организуют четырехкомпонентные КК, поскольку каузация и каузируемое эмоциональное состояние передаются в них расчленено. Эмоциональное состояние выражается преимущественно именем прилагательным (при глаголе *machen*) или существительным (с предлогом или без), что обусловлено выбором КГ: *Dieses Schweigen ... machte sie rasend* ‘Это молчание ... привело ее в бешенство’ [6]; *... Nachlässigkeit, Stümperei erregen Verachtung* ‘... небрежность, халтура вызывают отвращение’ [6]; *... die er dann wohl in Verlegenheit brachte...* ‘... которых он затем возможно засмущал...’ [6].

Только *lassen* образует типичные для него глагольно-инфинитивные КК: *... eine unruhige ... Nacht ließ es ihn bald bereuen, die Minute nicht mit hartem Griff gepackt zu haben* ‘... беспокойная ... ночь заставила его вскоре пожалеть о том, что он не воспользовался решительно моментом’ [6].

Важной характеристикой рассматриваемых КК является преобладание неодушевленных субъектов каузации. Абстрактные понятия и обстоятельства чаще выступают источниками эмоций, чем другие персонажи: *Und diese Ungewißheit ...beunruhigte ihn* ‘И эта неизвестность беспокоила его’ [6]; *Dieses Schweigen verwirrte ihn* ‘Это молчание смущало его’ [6].

Иногда каузатор выражен даже не отдельным существительным, а целым придаточным предложением, подчеркивая ситуативную или абстрактную природу воздействия: *Nur daß seine Mutter nicht ins Zimmer trat, machte ihn wirr* ‘Только то, что его мама не зашла в комнату, смущало его’ [6].

Поскольку эмоции свойственны живым существам, это находит свое отражение в КК, объектом каузации которых становится человек или группа людей: *Das amüsierte den Baron* 'Это развлекло барона' [6]; *Gewisse Menschen belustigt das einfach...* 'Некоторых людей такое просто веселит...' [7].

Однако допустимы метонимические и метафорические употребления, когда формально неодушевленный объект фактически отсылает к человеку: *Der Baron sagte ihm ein paar herzliche Worte, die wieder die Augen des Kindes zum Flackern brachten...* 'Барон сказал ему пару сердечных слов, которые снова заставили вспыхнуть детские глаза...' [6].

Несмотря на широкую палитру обозначаемых эмоциональных состояний, наблюдается преобладание негативных состояний (около 70% случаев), включая базовые эмоции страха и гнева, а также социально обусловленные переживания вроде стыда или вины, что отражает общую тенденцию языка более детально фиксировать конфликтные и психологически напряженные ситуации.

Физическое воздействие передают в первую очередь двухконстантные КГ. В выборке представлены двухконстантные инструментальные КГ (28 примеров из 83), в семантику которых включены каузация и каузирующее физическое действие: *ziehen* 'тянуть, тащить', *bringen* 'приносить, привозить, относить, отвозить', *führen* 'приводить, отводить', *schütteln* 'трясти' и др.

Такие КГ организуют четырехкомпонентные КК, включающие в свой состав наряду с КГ, субъектом и объектом каузации еще и так называемый пространственный локализатор. Его наличие обусловлено спецификой рассматриваемых КГ – каузировать перемещение объекта в пространстве.

В 67,8% случаев пространственный локализатор выражается предложно-именной группой с пространственными предлогами *in*, *von*, *aus*, *zu*, *auf*: ... *den [der Gegenstand] er aus seinem Versteck ziehen ... sollte* '... который [предмет] он должен был вытащить из укрытия' [7]. В некоторых случаях пространственный локализатор может быть выражен наречием: *Bald schob ihn der Portier beiseite...* 'Вскоре портье отодвинул его в сторону...' [6].

Отметим, что не во всех КК данный компонент находит свое языковое выражение, но он всегда понятен из контекста: *Er zog eine Karte und verlangte...* 'Он вытянул карту и потребовал...' [7].

Следующими по частотности являются двухконстантные результативные КГ (27 примеров из 83), в семантику которых наряду с отношением каузации включен результат физического воздействия: *töten* 'убивать', *färben* 'красить', *näßen* 'мочить', *schärfen* 'точить' и др.: *Nichts schärft Intelligenz mehr als ein leidenschaftlicher Verdacht...* 'Ничто не оттачивает так интеллект как страстные подозрения...' [6].

Такие КГ образуют трехкомпонентные конструкции, т.к. результат действия имплицитно содержится в семантике самого глагола.

Далее отметим группу трехконстантных КГ, совмещающих в себе значение причинения, способ и результат каузации: *ausstampfen* 'утрамбовывать, утаптывать', *verbrennen* 'сжигать' и др.: *Daß man die Wahrheit so einfach mit dem Fuß ausstampfen konnte wie ein brennendes Zündholz...* 'Что можно затоптать правду ногой как горящую спичечную древесину...' [7].

Кроме этого, в немецком языке существует возможность включать пространственный локализатор в семантику КГ посредством префикса, полупрефикса и основы сложного слова. Такие глаголы также можно назвать трехконстантными, т. к. к их исходному значению добавляется еще и значение результата каузации (пространственное изменение объекта): ... *und stellte sie [die Tasse] wieder zurück...* ‘... и поставил чашку снова на место...’ [7].

При глаголах физической каузации в качестве субъекта выступает, как правило, активное действующее лицо, которое сознательно либо нечаянно воздействует на другое лицо или на неодушевлённый объект. Последний может представлять собой как самостоятельный предмет, так и находиться в притяжательных отношениях с субъектом: *Er zog eine steinbesetzte Nadel aus dem Schuh einer Engländerin...* ‘Он вытянул иглу, усыпанную камнями, из туфли англичанки...’ [7]; *Der junge Mann hob langsam die Unterarme...* ‘Молодой человек медленно приподнял предплечья...’ [7].

Как показывает наш анализ, что в позиции субъекта могут употребляться и неодушевленные имена существительные. В одних случаях мы имеем дело с метонимическим или метафорическим употреблением глаголов физического воздействия: ... *sie fürchtete sich vor dem Blick des Kindes ... der sie lähmte...* ‘... она испугалась взгляда ребенка, что ее парализовал...’ [6]; *Ihm war, als ... die ganze ratlose Dunkelheit dieser wirren Nacht ... zersprengte ihm die Brust* ‘У него было такое чувство, словно ... вся беспомощная темнота этой сумбурной ночи ... разорвет ему грудь’ [6].

Однако во многих примерах КГ физического воздействия подвергаются переосмыслению и приобретают значение морального или психологического воздействия, что существенно расширяет возможности их употребления в немецком языке: *Sie beschäftigten mich zu lange, stürzten mich in ein irritiertes Nachdenken...* ‘Они занимали меня слишком долго, подтолкнули меня к смущающим раздумьям...’ [7]. Не случайно значение собственно побуждения к действию приобрели некоторые немецкие глаголы физической каузации. В зависимости от того, какое значение они реализуют, такие глаголы могут быть отнесены к одно- и двухконстантным КГ, ср. напр. словарные дефиниции глаголов *bewegen*, *bringen* и *setzen*.

Что касается одноконстантных КГ, то для выражения физического воздействия они используются реже всех (9 примеров) и представлены такими глаголами, как *lassen*, *setzen* и др. Для них типичны четырехкомпонентные глагольно-инфинитивные и глагольно-именные КК: ... *mit der entschlossenen Geste eines Spielers, der sein letztes Goldstück klingend über den Tisch rollen läßt* ‘... с решительным жестом игрока, который заставляет свою последнюю монетку со звоном покатиться по столу’ [6]; *Er ... setzte sie wirklich in Bewegung* ‘Он ... действительно привел их в движение’ [7].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

КК со значением волевого воздействия семантически неоднородны, организованы одно- и двухконстантными инструментальными КГ, представляют собой четырёхкомпонентные структуры с преимущественно одушевлёнными субъектом и объектом каузации.

КК со значением эмоционального воздействия организованы одно- и двухконстантными результативными КГ, представляют собой четырёх- и трехкомпонентные структуры соответственно, сочетаются преимущественно с неодушевлёнными субъектами и одушевленными объектами и часто имеют негативную эмоциональную окраску.

КК со значением физического воздействия организованы преимущественно двухконстантными инструментальными глаголами, представляют собой четырёхкомпонентные структуры, поскольку включают часто в свой состав пространственные локализаторы, сочетаются с одушевлёнными субъектами, объект при этом может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Кроме того, глаголы физической каузации в немецком языке не ограничиваются обозначением прямого физического воздействия, они также активно развивают переносные значения, что существенно расширяет возможности их сочетания и употребления в художественных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976. 383 с.
2. Недеялков, В. П., Сильницкий, Г. Г. Типология морфологического и лексического каузатива // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л. : Наука, 1969. С. 5–19.
3. Гордон, Е. Я. Каузативные глаголы в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1981. 23 с.
4. Дадуева, А. Е. Общая характеристика каузативных глаголов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-kauzativnyh-glagolov/> (дата обращения: 08.11.2023).
5. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1976. 351 с.
6. Zweig, S. Brennendes Geheimnis. URL: <https://www.litres.ru/book/stefan-cveyg/brennendes-geheimnis-erzahlung-36324060/> (дата обращения: 09.01.2024).
7. Mann, T. Mario und der Zauberer. URL: <https://libcats.org/book/2207405> (дата обращения: 23.12.2024).

УДК 372.881.1

Куров Александр Станиславович
аспирант
г. Ярославль, Россия
Ивановский государственный
университет
Государственное образовательное
учреждение дополнительного
образования Ярославской области
«Ярославский региональный
инновационно-образовательный центр
«Новая школа»
e-mail: alexanderkurov@mail.ru

Alexander Stanislavovich Kurov
PhD Student
Yaroslavl, Russia
Ivanovo State University
State Educational Institution
of Additional Education
in the Yaroslavl Region
“Yaroslavl Regional Innovation
and Educational Center
“New School”
e-mail: alexanderkurov@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ «ПОТЕРЯ ВЗРЫВА» И СПОСОБЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассмотрены теоретические сведения о фонетическом явлении «потеря взрыва», изучаемые в системе дополнительного образования ГОУ ДО ЯО ЯРИОЦ «Новая школа», указаны его способы реализации, приведены примеры в русском и английском языках, проанализирован пример, раскрывающий суть данного феномена.

Ключевые слова: фонетика; потеря взрыва; русский язык; английский язык; гортанная смычка.

THE PHONETIC PHENOMENON "EXPLOSION LOSS" AND THE WAYS OF ITS REALIZATION IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article examines the theoretical information of the phonetic phenomenon "explosion loss" studied in the system of additional education in the Yaroslavl region State Educational Institution of additional education "Yaroslavl Regional Innovation and Educational Center "New School", indicates its ways of implementation, provides examples in Russian and English, analyzes an example that reveals the essence of this phenomenon.

Key words: phonetics; loss of explosion; Russian; English; laryngeal bow.

Овладение фонетической системой любого языка – это сложный процесс, но её исследование необходимо для успешной коммуникации. Школьная программа включает в себя базовые знания, но, на наш взгляд, их недостаточно для полного погружения в фонетическую парадигму изучаемых языков. Часто обучающиеся, с которыми мы работаем в системе дополнительного образования, утверждают, что люди, говорящие на английском языке, не произносят те или иные звуки. Но изучающий иностранный язык человек не знает о существующих фонетических явлениях.

Данное исследование актуально по ряду причин:

1. Мы живем в эпоху межкультурного взаимодействия. Правильное произношение играет важную роль для успешной коммуникации. Незнание фоне-

тических явлений, происходящих как в родном, так и в иностранном языках, может создать барьеры во время общения и затруднять восприятие речи.

2. Углубленное изучение фонетических процессов помогает понять особенности работы артикуляционного аппарата, избежать типичных ошибок и улучшить произносительные навыки.

3. Сравнительный анализ русского и английского языков позволит выделить универсальные особенности фонетических явлений, представляющих научный интерес для фонетики и типологии языков.

Представляется важным отметить, что определенное количество обучающихся в системе дополнительного образования ГОУ ДО ЯО ЯРИОЦ «Новая школа» по окончании школы поступает в высшие учебные заведения, в которых активно изучаются иностранные языки. Рассматриваемые на занятиях фонетические явления позволяют углубленно изучать как родной, так и иностранные языки, применить впоследствии полученные знания, например, во время изучения восточных языков: использовать парадигму родного или иностранного языка при исследовании нового иностранного языка.

В данной статье мы исследуем основные теоретические сведения, связанные с фонетическим явлением «потеря взрыва» и его основными способами реализации [6, 7].

В обоих языках выделяют взрывные согласные: [п]/[б] (рис. 1), [т]/[д] (рис. 3), [к]/[г] (рис. 4) в русском, [p]/[b] (рис. 1), [t]/[d] (рис. 2), [k]/[g] (рис. 4) в английском. Рассмотрим, как наш артикуляционный аппарат работает при произнесении согласных.

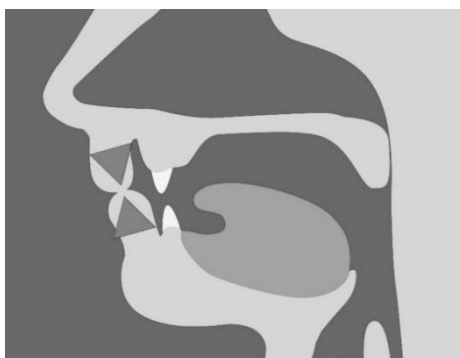

Рисунок 1 – Звуки [п]/[б] и [р]/[b]

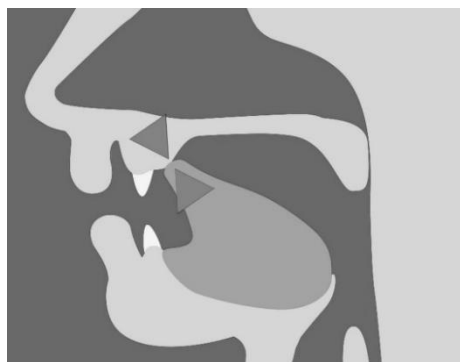

Рисунок 2 – Звуки [т]/[д] (альвеолярные согласные)

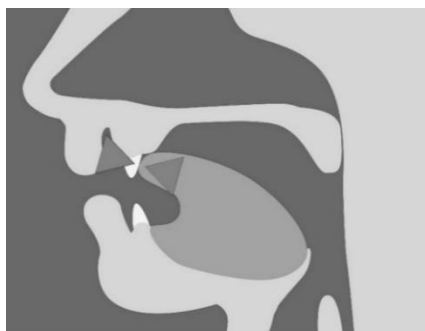

Рисунок 3 – Звуки [т]/[д] (зубно-альвеолярные согласные)

Рисунок 4 – Звуки [к]/[г] и [к]/[г]

Чтобы произнести вышеуказанные согласные, мы проделываем следующие операции: кислород попадает в легкие, а в ротовой полости параллельно язык создает преграду, углекислый газ определенное время не может покинуть легкие (воздушный поток нагнетается), затем углекислый газ покидает легкие и прорывает преграду, в этот момент происходит «взрыв».

Таким образом, взрывными называют согласные, при произнесении которых смычка разрывается [4, с. 36].

При произнесении сочетаний двух смычно-взрывных согласных внутри слова и на стыке слов первый смычно-взрывной звук вследствие их коартикуляции «теряет» свой взрыв [3]. Рассмотрим, как это явление происходит. Нагнетаемый в легких воздушный поток в определенный момент направляется в ротовую полость и перед ним возникает преграда. Существуют два варианта развития событий, и всё зависит от воздушного потока, который либо прорывает преграду, либо не выполняет это действие. Если рассматривать второй вариант, то «взрыв» не происходит. Как в русском, так и в английском языках данное явление происходит. Например, 1) ‘web **b**uilder’, ‘dog **g**roomer’, ‘bad **d**ay’, ‘black **c**at’, ‘put **t**ogether’, ‘top **p**oint’ и ‘друг Гле**б**’, ‘кра**б** большо**й**’, ‘код досту**п**а’, ‘мясник купи**л**’, ‘выкуп пор**т**а’, ‘клиент теряет’; 2) ‘ag**g**ressive’, ‘rob**b**ery’, ‘ad**d**ress’, ‘book**k**eeper’, ‘sup**p**ort’, ‘att**e**ntion’ и ‘наггетс**ы**’, ‘лобб**и**’, ‘поддет**ь**’, ‘аккор**д**’, ‘аттестат**ь**’, ‘аппетит**ь**’.

Если в русском языке «потеря взрыва» возникает на стыке согласных или внутри слова, то в английском данное явление может возникнуть в конце слова. Например, в предложении ‘Jacob**b** had a bug’ согласный может быть произнесён с фазой «взрыв» или без неё [1, с. 25; 2, с. 8; 5, с. 17].

Возникает закономерный вопрос: как отличить слова ‘bad’ и ‘bat’ с «потерей взрыва», когда в конце слова находится звонкий или глухой звук?

Для того чтобы разобраться с данным случаем, нам нужно изучить редкий для русского языка звук «гортанная смычка» [ʔ]. Например, это явление проис-

ходит, когда мы произносим частицу ‘не-а’. Суть данного явления заключается в следующем: воздушный поток перекрывается голосовыми связками, в результате которой возникает пауза, а затем следующий за этим звуком гласный произносится резко.

Каким образом мы можем отличить слова ‘bad’ и ‘bat’? Гласный в слове ‘bat’ произносится резко, возникает микропауза «гортанная смычка» [ʔ] и звук [t] без фазы взрыв – [bæʔt]. Усиливающей гортанной смычки [ʔ] в слове ‘bad’ нет. Гласный произносится дольше, вибрация голосовых связок не прерывается и продолжается определенное время – [bæd].

Наша модель проведения занятия, связанная с фонетическим явлением «потеря взрыва», строится по следующей схеме: 1) в течение первого этапа преподаватель вместе с обучающимися изучает взрывные согласные звуки и выделяет их особенности с артикуляционной точки зрения, 2) на втором этапе обучающимся предлагаются варианты словосочетаний сначала на русском, а затем на английском языках (один из примеров – ‘код доступа’, ‘bad day’), 3) во время третьего этапа преподаватель с обучающимися отрабатывает произношение взрывного согласного в конце слова в английском языке и объясняет нюансы, связанные с различием слов ‘bad’ и ‘bat’. Сложность для обучающихся представляет тот факт, что в русском языке явление «потеря взрыва» происходит только на стыке согласных.

Таким образом, изучение данного фонетического явления позволяет расширить знания в области фонетики, исследовать артикуляционные особенности произношения русских и английских звуков, адаптировать фонетическую парадигму родного языка к аспектам иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялова В.Л., Соболева С.М., Колесниченко М.А., Запорожская Н.М., Бондаренко Л.П. Звуковой строй английского языка: вводно-фонетический курс : учебное пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. 89 с.
2. Кичигина Е.В., Поперекова Р.А., Финаева Т.В., Юртаева Ю.А. Английский язык: учебное пособие по фонетике. Челябинск : Изд. ЮУрГУ, 2002. 113 с.
3. Овчинникова Н.Н., О.М. Ладыга. Практикум по фонетике английского языка: учеб. пособие. 2012. URL: https://ebooks.grsu.by/eng_praktikum/2-9-1-3-poterya-vzryva.htm (дата обращения: 11.07.2020).
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. 357 с.
5. Рябова Е.С. Нормативная фонетика английского языка: практикум. Самара : Издательство Самарского университета, 2023. 72 с.
6. Dilley, L. C., & Pitt, M. A. (2007). A study of regressive place assimilation in spontaneous speech and its implications for spoken word recognition. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 122(4), 2340–2353. <https://doi.org/10.1121/1.2772226>.
7. Rojczyk, A., Porzuczek, A. & Bergier, M. (2013) Immediate and distracted imitation in second-language speech: Unreleased plosives in English. *Research in Language*, 11(1): 3–18. <https://doi.org/10.2478/v10015-012-0007-7>.

УДК 811.112.2'367.3

Куценко Надежда Владимировна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

Nadzeja Vladimirovna Kutsenka
Candidate of Philological Sciences
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ УГРОЗЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются средства различных языковых уровней при выражении угрозы в немецком языке, а также способы их взаимодействия. Для реализации угрозы используются различные структуры: придаточные условия, формы с глаголом в настоящем и будущем времени, вопросительные структуры различных типов, конструкции с наречием *sonst*, описательные структуры, а также форма кондиционалис. Средства синтаксического, лексико-грамматического и лексического уровней вступают в гармоничные и контрастивные отношения с целью создания эмоционального эффекта и оказания давления на собеседника. Говорящий формирует речевой акт угрозы различной степени эксплицитности с учетом социальных характеристик партнеров по коммуникации и обстоятельств общения.

Ключевые слова: речевой акт; контрастивное взаимодействие средств; гармоничное взаимодействие средств; экспликация; конвенциональные средства.

INTERACTION OF LANGUAGE UNITS IN EXPRESSING A THREAT IN GERMAN

The article analyzes the linguistic means of various language levels in the expression of a threat in German, as well as their interaction. Various structures are used to implement a threat: subordinate clauses, structures with a verb in the present and future tense, interrogative structures of various types, constructions with the adverb *sonst*, descriptive structures, and the conditionalis form. The means of the syntactic, lexical-grammatical, and lexical levels enter into harmonious and contrastive relations in order to create an emotional effect and exert pressure on the interlocutor. The speaker forms a speech act of a threat of varying degrees of explicitness, taking into account the social characteristics of the communication partners and the parameters of the communication situation.

Key words: speech act; contrastive interaction of means; harmonious interaction of means; explication; conventional means.

Угроза представляет собой сложный речевой акт, включающий скрытое побуждение высокой степени настоятельности и негативные последствия в случае отказа его выполнить. Дж. Сёрль рассматривал угрозу как сочетание директивного и комиссивного речевых актов [1, с. 182]. Отличительной чертой такого речевого акта является наличие конфликтной ситуации, оказание существенного психологического воздействия на собеседника [2, с. 94]. Говорящий формирует угрозу различной степени эксплицитности, учитывая статусные характеристики коммуникантов и ситуацию общения [3, с. 48]. Исследователи

отмечают, что в языке существуют определенные клишированные языковые единицы, конвенционально используемые для реализации данного намерения [4, с. 24].

Интерес представляет описание взаимодействия языковых средств различных уровней при реализации речевого акта угрозы в немецком языке. Материалом для исследования послужили 96 высказываний с семантикой угрозы, отобранные из немецкоязычной художественной литературы XX–XXI веков.

Рассмотрение практического материала показывает, что для реализации интенции угрозы используются повествовательные (78 %) и вопросительные (22 %) конструкции. Простые повествовательные предложения реализуются достаточно редко (9 % случаев). В подавляющем большинстве случаев (92 %) это конструкции, эксплицирующие негативные последствия с глаголами в форме настоящего и будущего времени, и лишь незначительное количество представлено описательной конструкцией *Ich an deiner Stelle* (6 %) и структурами с формой кондиционалис (2 %).

Простые повествовательные структуры часто являются частью сложного речевого акта, состоящего из нескольких высказываний, одно из которых имеет характер комиссива и эксплицирует негативные последствия отказа выполнить побуждение, например:

Ich will nicht, dass ihr noch mehr Regeln brecht. Sie erwischen euch wieder und wir kriegen noch mehr Ärger. [Remin, S. 143] ‘Я не хочу, чтобы вы еще нарушали правила. Они снова вас поймают, и у нас будет еще больше неприятностей.’

Фиксируя опасность, говорящий стремится внушить собеседнику тревогу и убедить его изменить решение. Угроза в данном случае является проявлением собственной обеспокоенности, заботы о собеседнике, но, с другой стороны, в высказывании содержится достаточно жесткое требование не нарушать правила. Простое повествовательное предложение *Sie erwischen euch wieder und wir kriegen noch mehr Ärger* дополняет предшествующее высказывание и усиливает его директивную семантику, т.е. наблюдается гармоничное взаимодействие языковых средств.

Достаточно часто в таких структурах глагол имеет форму футурум, что подчеркивает направленность в будущее, например:

Noch so eine Nachtwanderung und ich werde persönlich dafür sorgen, dass du von der Schule verwiesen wirst. [Remin, S. 89] ‘Еще одна такая ночная прогулка, и я лично позабочусь о том, чтобы тебя исключили из школы.’

Обещание принять меры усиливает требование, имплицитно присутствующее в конструкции *Noch so eine Nachtwanderung* ‘Еще одна такая ночная прогулка’ и позволяет точнее выразить условие и директивный компонент, т.е. в данном примере наблюдается гармоничное взаимодействие языковых единиц. Полной логической структурой, скрытой в данном высказывании, является *Wenn du noch so eine Nachtwanderung machst...* ‘Если ты еще совершишь такую ночную прогулку....’, за которой имплицитно следует побуждение: не совер-

шай ночные прогулки. Лексема *persönlich* ‘лично’ показывает желание говорящего проконтролировать выполнение побуждения.

Среди простых повествовательных предложений можно выделить описательную конструкцию *Ich an deiner Stelle* ‘Я бы на твоём месте’, представляющую возможный вариант поведения, однако в определенном контексте являющую собой угрозу, например:

Ich an deiner Stelle würde mich vorsehen. Wenn du nicht ein wenig höflicher bist, wird es dir genauso ergehen wie deinem Freund. Der wusste auch nicht, was gut für ihn war. [Kleinst, S. 54] ‘Я бы на твоём месте был осмотрительней. Если ты не будешь немного вежливей, с тобой случится то же самое, что с твоим другом. Он тоже не знал, что для него хорошо.’

Глагол *sich vorsehen* ‘остерегаться, быть осторожней’ свидетельствует о наличии опасности. Говорящий проецирует действие на себя, однако направленность речи на собеседника и лексическое значение языковых единиц свидетельствует о директивном намерении. Вежливая форма конструкции *Ich an deiner Stelle würde mich vorsehen* противоречит семантике лексических единиц в последующих высказываниях, что свидетельствует об их контрастивных отношениях.

Изредка в простых предложениях с семантикой угрозы встречается форма кондиционалис, например:

Du musst weggehen. Ich würde ungern Hunde auf dich hetzen. [Kleinst, S. 45] ‘Ты должен уйти. Я бы не хотела спускать на тебя собак’.

В примере наблюдается отношение контраста между вежливой формой высказывания и наличием угрожающих действий по отношению к собеседнику. Это свидетельствует о состоянии глубоко переживаемых эмоций – обиды, гнева, раздражения, нежелания больше общаться.

Среди повествовательных структур самым распространенным средством реализации угрозы (91 %) являются сложные повествовательные предложения. Они ранжируются на придаточные условные предложения с *wenn* (79 %), с наречием *sonst* (13 %), а также придаточные дополнительные с *dass* (8 %).

Придаточные условия являются конвенциональным, клишированным средством реализации угрозы, так как определяют действия, невыполнение которых может повлечь за собой наказание или негативные последствия, например:

Wenn du das noch mal sagst, werde ich einfach weggehen [Kleinst, S. 254] ‘Если ты еще раз это скажешь, я просто уйду.’

В придаточном предложении условия говорящий эксплицирует действие, которое является нежелательным и может спровоцировать негативную реакцию говорящего. Для усиления эмоционального воздействия нередко используются лексемы *noch mal* ‘еще раз’ или их вариации *mal*, *noch einmal*, а также *wieder* ‘снова’. Во второй части предложения конвенциональным является использование комиссива – речевого акта обещания. При эксплицировании угрозы комиссив имеет свою специфику – он предполагает реализацию негативных санкций. В данном примере фиксируется угроза не очень высокой степени настоя-

тельности, так как общение происходит между коммуникантами равного статуса в обыденной ситуации. Смягчению настоятельности способствует наречие *einfach* 'просто', которое используется при непринужденном характере общения. Данная структура является примером гармоничного взаимодействия языковых средств, так как комиссивная часть предложения усиливает настоятельность директивного потенциала условного придаточного.

Клишированным средством выражения угрозы в исследуемом материале является структура с наречием *sonst* 'иначе', например:

Es ist besser, Sie kommen selbst, sonst bekommen Sie Ihr Geld nie.“
[Remarque, S. 37] 'Будет лучше, если Вы придете сами, иначе Вы никогда не получите свои деньги.'

Наречие *sonst* является лексическим средством выражения угрозы в сложном предложении, которое подчеркивает наличие решения с нежелательными последствиями для адресата. Оценочная конструкция *Es ist besser* 'Будет лучше', содержащая аксиологическую модальность, в сочетании с лексемой *sonst* усиливает настоятельность побуждения, а оба языковых средства являют пример гармоничного взаимодействия. Логическая структура угрозы выглядит в данном случае следующим образом: указание на положительный аспект выполнения побуждения, выражение директивного компонента и экспликация негативных последствий в случае неподчинения.

Придаточные дополнительные предложения с *dass* фиксировались в выборке преимущественно в оптативных конструкциях с модальными глаголами *wollen* и *mögen*, например:

Ich möchte, dass Sie hart trainieren werden, oder ich könnte mir das mit der Bestrafung noch einmal überlegen. [Remin, S. 67] 'Я хотела бы, чтобы вы усердно тренировались, или я могла бы передумать относительно наказания.'

Структура с модальным глаголом *mögen* в сослагательном наклонении является средством выражения оптативной модальности желания, которое является основой для формирования директивного потенциала высказывания. Во второй части предложения используется модальный глагол *können* в сослагательном наклонении, обычно употребляемый в косвенных просьбах, а значение угрозы формируется за счет лексических компонентов. Сослагательное наклонение глагола *können* во второй части фразы контрастирует с семантикой высказывания, так как говорящий высказывается относительно возможного наказания. Вежливость является стилистическим средством создания контраста, «мягким» рычагом давления на собеседника. Семантика модальных глаголов включается в общую семантику фразы, вносит дополнительные значения желательности, возможности совершения действия.

Вопросительные структуры, которые составляют 22 % выборки, являются средством выражения сильной эмоциональности. Для реализации угрозы используются общие (58 % примеров), удостоверительные (34 %) и риторические (8 %) вопросы.

Предложения с общими вопросами в выборке содержат модальные глаголы, которые утрачивают свое основное лексическое значение, например:

“*Möchtest du ins Krankenhaus?*” sagte ich drohend. [Remaraue, S. 109]
‘«Ты хочешь попасть в больницу?» – сказал я с угрозой.’

Семантика желания уступает здесь место апеллятивному аспекту, модальный глагол побуждает адресата к реакции. Правильной интерпретации высказывания помогает авторская ремарка, показывающая характер произнесения фразы.

Удостоверительные вопросы с семантикой угрозы являются специфической синтаксической структурой, содержащей и повествование, и вопрос, например:

Katzinsky wurde ärgerlich. „*Du musst wohl mal abgelöst werden, was? Du hast nicht für achzig Mann, sondern für die zweite Kompanie Furage empfangen. Die gibst du aus! Die zweite Kompanie sind wir.*“ [Remarque, S. 10] ‘Качинский разозлился. «Тебя, похоже, надо заменить, да? Ты получил паек не для восьмидесяти человек, а для второй роты. Ты сейчас все выдашь! Мы – вторая рота».’

Удостоверительные вопросы могут иметь директивный посыл, если логическим следствием первой части высказывания является предлагаемое действие. Такие структуры лишь формально являются вопросительными, чаще всего они используются как инструмент реализации различной семантики.

Довольно эффективным средством выражения угрозы могут быть риторические вопросы, например:

„Ich halte es nicht mehr aus. Ich werde ihm die Wahrheit sagen.“ „*Wozu sollen wir riskieren, dass er uns umbringt?*“ [Kleinst, S. 65] ‘«Я этого больше не выдержу. Я скажу ему правду». «Зачем рисковать, он ведь может нас убить?»’

Риторический вопрос является особой структурой в языке, он не требует ответа адресата. Говорящий выражает отношение к определенной ситуации с сильной эмоциональной составляющей, побуждая партнера по коммуникации задуматься. Логическим следствием риторического вопроса нередко является требование, в данном же случае – указание на потенциальную угрозу и побуждение не говорить правду.

Анализ взаимодействия языковых средств в вопросительных структурах показывает, что вопросительность смягчает побуждение, контрастируя с семантикой лексических единиц, выражающих угрозу. Содержательное наполнение отдельных структур, прежде всего риторических вопросов, вносит в побудительную «палитру» высказывания дополнительные оттенки значения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для реализации угрозы в немецком языке существует достаточно большое количество языковых форм, многие из которых являются конвенциональными. При выражении данного речевого акта языковые единицы вступают в различные отношения. Среди повествовательных структур чаще всего используются придаточные условия и конструкции с *sonst*, в которых наблюдаются гармоничные отношения языковых средств. Семантика лексических единиц таких высказываний усиливает настоятельность синтаксической структуры. В придаточных дополнительных фиксируется контрастивное взаимодействие семантики модальных

глаголов, преимущественно в сослагательном наклонении, и лексической семантики языковых единиц, эксплицирующих возможные негативные последствия. Сослагательное наклонение используется также в описательных конструкциях и в высказываниях с формой кондиционалис. За счет контраста между вежливой формой данных структур и интенцией речевого акта реализуется директивный потенциал высказывания. Вопросительные структуры с семантикой угрозы представляют собой средство апелляции к собеседнику, заставляют его задуматься и побуждают к реакции. В высказываниях, оформленных как общие вопросы, семантика модальных глаголов нейтрализуется, уступая место значению угрозы. В удостоверительных вопросах наблюдается сочетание повествования и вопроса. Риторические вопросы можно рассматривать как средство экспрессии, проявления сильных эмоций с выраженным побудительным подтекстом. Ведущим типом отношений в вопросительных конструкциях также является контрастивное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170–194.
2. Ермакова О. М. Условия реализации речевого акта угрозы и средства его оформления // Вестн. МДПУ им. И. П. Шамякина. Филологические науки. 2010. С. 94–98.
3. Хангерова А. Б., Джамаева И. Р. Угроза как вид речевого акта в английском языке // Заметки ученого. Дагест. гос. ун-т нар. хоз. 2021. № 5. С. 46–50.
4. Габдрахманова Е. В. Речевые акты угрозы в обиходной коммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Сост: Л. М. Гончарова [и др.]. М., 2020. Ч. 2. С. 19–24.

УДК [372.881+371.31]:81'27(045)

Левкович Анна Дмитриевна

преподаватель-стажер

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: levkovich.anya357@yandex.by

Hanna Dmitrievna Liaukovich

Trainee teacher

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: levkovich.anya357@yandex.by

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

В данной статье выделены и конкретизированы методические принципы формирования у учащихся старших классов социокультурной компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению, продемонстрированы способы реализации данных принципов на уроке иностранного языка.

Ключевые слова: социокультурная компетенция; методические принципы; иноязычное общение; культура; проблемные культуроведческие задания; межкультурный подход.

PRINCIPLES OF DEVELOPING SOCIOCULTURAL COMPETENCE IN SENIOR STUDENTS IN THE PROCESS OF TEACHING ORAL FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION

This article identifies and specifies the methodological principles for developing sociocultural competence in senior students during the process of teaching oral foreign language communication. It also demonstrates ways to implement these principles in foreign language lessons.

Key words: sociocultural competence; methodological principles; foreign language communication; culture; problem-based cultural tasks; intercultural approach.

Для успешного осуществления межкультурного общения, в процессе которого происходит «столкновение» разных культурных норм, ценностей и традиций, одно только владение иностранным языком является недостаточным. Для того, чтобы каждая культура смогла раскрыться и обогатиться за счет диалога культур, необходимы знания о национально-культурных особенностях стран изучаемого языка, а также умения выстраивать общение с учетом этих особенностей. Из этого следует, что неотъемлемой частью современного обучения иностранному языку является формирование *социокультурной компетенции*. В Концепции учебного предмета «Иностранный язык» Республики Беларусь социокультурная компетенция понимается как «совокупность знаний о национально-культурной специфике стран изучаемого языка, умений строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой, умений представлять на этой основе свою страну и ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения» [1, с. 5]. В составе социокультурной компетенции, В. В. Сафонова выделяет:

Знания, включающие исторические, географические, политические и экономические сведения; информацию об отношениях эквивалентности и безэквивалентности между единицами изучаемого и родного языков; знания о реалиях, характерных для определенных тематических областей общения; понимание приемлемых способов передачи реалий родного языка на иностранный; особенности речевого и неречевого поведения в инокультурной среде в изучаемых сферах общения; представления об универсальном и специфическом в культуре изучаемых стран и народов, а также об общем и уникальном в их восприятии мира и мировоззрении.

Навыки, которые включают способность выявлять и анализировать культурно маркированные слова, выражения и информацию в устных и письменных текстах; способность распознавать носителей культуроведческой информации.

Умения, такие как ориентация в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды и характеристиках культурных представителей; прогнозирование возможных социокультурных барьеров в межкультурном общении и применение методов их устранения или смягчения; адаптация к инокультурной среде с соблюдением норм вежливости и уважением к традициям и образу жизни других культур; непредвзятое изучение истории и культуры других народов; умение представлять собственную культуру в иноязычной среде.

Способности и личные качества, включающие культуроведческую, лингвокультуроведческую и социолингвистическую наблюдательность, социокультурную восприимчивость и непредвзятость, а также способность к социокультурному обучению [2, с. 188].

Из-за увеличившегося внимания к сохранению связи языка и культуры в обучении иностранным языкам в методике появились различные культуроведческие подходы, направленные на создание лингводидактических стратегий и определяющие методические приоритеты, которые учитывают интеграцию языка и культуры в обучении. По нашему мнению, наиболее перспективным является *межкультурный подход*, который способствует формированию у учащихся глубокого социокультурного понимания, критического осмысления собственной и иной культур, а также развивает способность к эффективному и этически ответственному межкультурному коммуникативному взаимодействию в современных условиях. Главной доминирующей идеей межкультурного подхода является «смещение с пьедестала идеи этноцентризма и культуроцентризма в пользу культурного и этнического равноправия» [3, с. 37]. В процессе изучения иностранного языка и освоения культурных норм и моделей поведения другой страны учащийся расширяет свое понимание мира по двум направлениям. С одной стороны, он получает новые знания и умения, связанные с иной языковой и культурной средой. С другой – начинает глубже осознавать особенности родного языка и культуры, которые раньше воспринимались как само собой разумеющееся и не выделялись сознанием, так как усвоились на бессознательном уровне в ходе ранней социализации. Иностранный язык и культура выступают как своеобразное зеркало, позволяющее увидеть и осмыслить ранее незаметные аспекты собственной культурной и языковой идентичности.

Межкультурный подход реализуется посредством определенных принципов, которые задают содержание, формы организации и методы образовательного процесса, соотносясь с его целями и закономерностями. Изначально межкультурный подход разрабатывался в большей степени для высшей школы, но его эффективность позволяет построить на его основе обучение учащихся учреждений общего среднего образования. Однако при этом необходимо разработать *принципы*, которые бы учитывали особенности данной категории учащихся и специфику изучаемого материала. С учетом проанализированных ранее принципов и наших дополнений, мы можем выделить следующие принципы реализации межкультурного подхода, на основе которых нами были разработаны проблемные культуроведческие задания:

1. *Принцип личностной заостренности*, который акцентирует внимание на внутреннем состоянии человека в процессе межкультурного общения, а также на оценке и анализе реакций и эмоционального состояния учащихся. Важно понимать, как культурные различия могут влиять на эмоциональное состояние людей и как эти чувства могут проявляться в межкультурной коммуникации. Для реализации данного принципа необходимо применять эмоционально-окрашенные тексты, аудио-/видеоматериалы, которые бы могли вызвать культурное удивление или шок у учащихся за счет новизны и необычности узнаваемых фактов. Необходимо узнать отношение учащихся к услышанному, позволить им аргументировать свою реакцию, обозначить причины.

2. *Принцип равноправности и равнопредставленности соизучаемых культур* подразумевает, что в процессе обучения иностранному языку культура изучаемого языка и родных языков учащегося рассматриваются как равнозначные и равноценные объекты познания. Важной задачей является отказ от этноцентризма и доминирования одной культуры над другой. Вместо этого необходимо создавать условия для равноправного диалога культур, где каждая из культур признается ценной и значимой. Такой подход способствует формированию уважительного отношения к обеим культурам, развитию способности видеть и принимать культурные различия без предвзятости и стереотипов. Например, учащиеся готовят проекты, посвященные различным аспектам как родной, так и изучаемых культур, с последующим сравнением и обсуждением («Традиционные праздники в моей стране и в стране изучаемого языка»).

3. *Принцип реактивации родной культуры* предполагает активное вовлечение и осознание учащимися собственной культурной идентичности в процессе изучения иностранного языка. Вместо того чтобы воспринимать родную культуру как пассивный фон или препятствие, данный принцип акцентирует внимание на ее важности как источника самопознания и отправной точки для осмысления и понимания другой культуры. В рамках данного принципа можно предложить учащимся собрать рассказы или провести интервью с членами своей семьи о культурных традициях и ценностях, а затем обсудить эти материалы с точки зрения межкультурного понимания.

4. *Принцип коммуникативной направленности и проблемности в обучении*, который может быть реализован через моделирование межкультурного кон-

фликта, недопонимания между представителями разных культур и разработки вариантов решения проблемы (например, как извиниться, объяснить свое поведение).

5. *Принцип эмпатического отношения к участникам межкультурного общения*, который может реализоваться через ролевые игры. В парах или группах участники меняются ролями (например, турист и местный житель, студент из другой страны и преподаватель), пытаются представить чувства и мотивацию другого человека, а затем обсуждают полученный опыт.

Средством реализации указанных принципов на уроке иностранного языка являются *проблемные культуроведческие задания*, которые представляют собой задания, направленные на активизацию мыслительной и речемыслительной деятельности учащихся в процессе овладения социокультурными знаниями, речевыми навыками и коммуникативно-речевыми умениями [4, с. 32]. Особенностями данных заданий является наличие проблемности, коммуникативная направленность и когнитивная заостренность. При решении проблемных культуроведческих заданий обучающиеся приобретают опыт: выхода из ситуаций коммуникативных и социокультурных сбоев; проведения культуроведческих наблюдений за социокультурным поведением людей в условиях иноязычного/инокультурного общения; варьирования поведенческих коммуникативных сценариев вербального и невербального поведения в условиях изменяющихся функциональных факторов общения [5, с. 118]. На наш взгляд, наиболее приемлемой является классификация, предложенная В. В. Сафоновой. Описывая принципы проектирования поликультурного коммуникативного образования, исследователь выделяет принцип создания проблемно-ориентированной образовательной среды, средствами реализации которого являются проблемные культуроведческие монологические, билингвальные и трилингвальные задания: поисково-игровые, познавательно-поисковые, познавательно-исследовательские [6, с. 280–282].

Приведем примеры разработанных нами проблемных культуроведческих заданий.

Поисково-игровые задания способствуют развитию восприятия, мышления, воображения и памяти, одновременно помогая совершенствовать речевые навыки и развивать умения. Одним из основных видов таких заданий являются задания на тренировку наблюдательности, такие как поиск одинаковых предметов среди схожих, сравнение объектов для нахождения их различий, восстановление изображения предмета по контурам, а также восстановление ситуации по отдельным частям. Активно применяются вербальные загадки, загадки-метафоры, загадки-противопоставления, загадки-описания, загадки-толкования, загадки-сказки. По мнению ряда исследователей, эти задания наиболее эффективны для учащихся I и II ступеней общего среднего образования. В то же время подобные задания могут предлагаться и учащимся III ступени: *look at the photos of the Belarusian Orthodox church and the Catholic cathedral. They are built in different styles, like Gothic and Romanesque. What differences can you see in their shapes, details, and decorations? Which building is Gothic and which is Romanesque?* (рисунок 1).

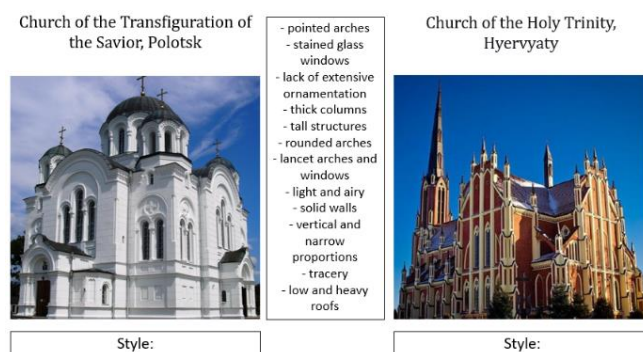

Рисунок 1

Познавательные-поисковые задания направлены на систематизацию и обобщение социокультурной информации. Учащиеся оценивают приемлемость или неприемлемость различных представлений о культурных событиях, явлениях и процессах, наблюдаемых в жизни разных лингвокультурных сообществ: родной страны и стран изучаемого языка. Решение таких заданий предполагает развитие социокультурной наблюдательности для выделения типичных и характерных особенностей, которые затем подлежат обобщению и систематизации. К данному типу заданий можно отнести тематическое анкетирование, культуроведческие викторины и загадки: *take a look at the map of Belarus and tell us what each region of our country is known for. You can also explain the cultural significance of the region or describe important events that took place there* (рисунок 2).

Рисунок 2

Познавательные-исследовательские задания предполагают более высокий уровень самостоятельной учебно-познавательной и исследовательской деятельности учащихся. Примерами таких заданий выступают культуроведческие проекты, вебквесты, ролевые игры, кейсы, дискуссии: *your task is to create a Website about a chosen cultural event (Carnival in Brazil, Lunar New Year in China, etc.). Research the origins, cultural significance, and practices associated with the selected event. Find primary sources, such as interviews with people who participate, videos, articles, and images that illustrate the cultural event. Thus, your Website should include the following pages: historical context and origins, key activities and traditions*

(rituals, food, clothing), impact of the event on national and global culture, reflections on the modern-day adaptation of this tradition (рисунок 3).

Рисунок 3

Таким образом, эффективная реализация разработанных нами принципов формирования у учащихся социокультурной компетенции достигается посредством внедрения в образовательный процесс проблемных культуроведческих заданий. Проблемно-ориентированный характер заданий, их коммуникативная направленность и когнитивная заостренность дают возможность активизировать речемыслительную деятельность обучающихся, что отличает их от более традиционных упражнений. Поисково-игровые, познавательно-поисковые и познавательно-исследовательские задания позволяют обучающимся не только осваивать лексические и грамматические единицы, но и развивают гибкость восприятия культурных различий, учат адаптироваться в условиях межкультурного иноязычного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова Н. П., Бабинская П. К., Демченко Н. В. и др. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» // Минск : Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь. 2015. № 4. С. 3–8.
2. Балютина, С. Е. О содержательном наполнении термина-понятия «Социокультурная компетенция» // Воронеж : Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 3. С. 187–192.
3. Тарева Е. Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов. М. : Языки народов мира, 2021. С. 34–44.
4. Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США) : автореф. дис. ... д-ра педагогических наук : 13.00.02. М., 2004. 48 с.
5. Сафонова, В. В. Принципы коммуникативного образования в контексте диалога культур и цивилизаций : монография // М. : НЕОЛИТ. 2017. 123 с.
6. Сысоев П. В. Задания на культурную рефлексию в рамках проблемных культуроведческих заданий. Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 279–284.

УДК 811.112.2'374

Ленец Анна Викторовна

доктор филологических наук

г. Ростов-на-Дону, Россия

Южный федеральный университет

e-mail: annalenets@sfedu.ru

Anna Viktorovna Lenets

Doctor of philological sciences

Rostov-on-Don, Russian Federation

Southern federal university

e-mail: annalenets@sfedu.ru

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Цель настоящей статьи теоретически обосновать и продемонстрировать методику использования лингвострановедческого словаря для выявления и анализа ключевых элементов языковой картины мира. Лингвострановедческий словарь является релевантным источником для исследования языковой картины мира благодаря целенаправленному отбору культурно-маркированной лексики и наличию развернутого культурологического комментария, эксплицирующего ценностный компонент значения. В статье описана методика анализа лингвострановедческого словаря, позволяющая системно выявлять и описывать лингвокультурные константы как ядро языковой картины мира посредством анализа принципов отбора лемм ЛС; дефиниционного и семантического анализа словарных статей; детального исследования культурологического комментария (выявление ценностных маркеров, культурных стереотипов, исторического контекста); тематического и концептуального анализа корпуса словаря; сравнительного анализа лингвострановедческого словаря разных культур. Материалом исследования явились различные лингвострановедческие словари. В результате делается вывод о том, что лингвострановедческий словарь обладает значительным, недостаточно реализованным научным потенциалом для изучения языковой картины мира. Предложенная методика позволяет объективировать процесс выявления культурных констант и ценностных ориентаций, зафиксированных в лексикографическом дискурсе. Результаты исследования вносят вклад в лингвокультурологию, лексикографию, германистику и теорию межкультурной коммуникации, открывая перспективы для создания цифровых специализированных словарей языковой картины мира и интеграции их данных в преподавание.

Ключевые слова: лингвострановедческий словарь; языковая картина мира; концепт; константа; лингвокультурема.

LINGUISTIC-CULTURAL DICTIONARY IN THE STUDY OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The purpose of this article is to theoretically substantiate and demonstrate the methodology of using a linguacultural dictionary to identify and analyze key elements of the linguistic picture of the world. A linguacultural dictionary is a relevant source for studying the linguistic picture of the world due to the targeted selection of culturally marked vocabulary and the presence of an expanded cultural commentary that explicates the value component of the meaning. The article describes a methodology for analyzing a linguacultural dictionary that allows for a systematic identification and description of linguacultural constants as the core of the linguistic picture of the world through an analysis of the principles of selection of lemmas of the linguistic system; definitional and semantic analysis of dictionary entries; a detailed study of the cultural commentary (identification of value markers, cultural stereotypes, historical context); thematic and conceptual analysis of the dictionary corpus; comparative analysis of the linguistic and cultural dictionary of different cultures. The material of the study was various linguistic and cultural dictionaries. As a result, it is concluded that the linguistic and cultural dictionary has a significant, insufficiently realized scientific potential for

studying the linguistic picture of the world. The proposed methodology allows us to objectify the process of identifying cultural constants and value orientations recorded in lexicographic discourse. The results of the study contribute to linguacultural studies, lexicography, German studies and the theory of intercultural communication, opening up prospects for creating digital specialized dictionaries of the linguistic picture of the world and integrating their data into teaching.

Key words: linguistic and cultural dictionary; linguistic picture of the world; concept; constant; linguaculture.

Исследование языковой картины мира – одного из ключевых понятий современной лингвистики, когнитологии и лингвокультурологии – неизбежно сталкивается с проблемой базы исследования. Каким образом реконструировать систему представлений о мире, закодированную в языке? Действительно уникальным источником и недостаточно оценённым инструментом для исследования является лингвострановедческий словарь [20]. В отличие от традиционных толковых словарей, ориентированных на семантику в рамках языка, лингвострановедческий словарь специально создан для экспликации культурно-специфического компонента значения, его культурных коннотаций и фоновых знаний, необходимых для адекватного понимания и использования лексики в межкультурной коммуникации [8, 10, 14, 20, 21]. В связи с этим лингвострановедческий словарь становится ценнейшим источником для выявления и описания фрагментов языковой картины мира, связанных с национально-культурной спецификой [10, 12, 13]. В связи с вышесказанным **актуальность** настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, теоретической потребностью разработки эффективных методов реконструкции языковой картины мира на основе существующих лингвистических ресурсов и необходимостью объективизации анализа культурно-обусловленных смыслов, где лингвострановедческий словарь выступает своеобразным структурированным корпусом данных, а, с другой стороны, значением межкультурной коммуникации, где понимание языковой картины мира целевой культуры является критически важным, а также появлением лингвострановедческих словарей, требующих осмысления их потенциала в изучении языковой картины мира. В этом смысле лингвострановедческий словарь – это готовый и учебный, и исследовательский ресурс.

Цель статьи – теоретически обосновать лингвострановедческий словарь в качестве эффективного инструмента в современных изысканиях языковой картины мира. Обозначенная цель будет достигнута в результате решения следующих **задач**: анализ существующих словарей и научных работ на эту тему; демонстрация методологии анализа лингвострановедческого словаря для реконструкции фрагментов языковой картины мира; её иллюстрация на конкретных примерах.

Материалом исследования послужили лингвострановедческие словари различных культур [6, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 20, 21]. В общей сложности анализу было подвергнуто более десяти лингвострановедческих словарей по различным лингвокультурам.

Языковая картина мира понимается нами как исторически сложившаяся в сознании носителей определённого языка и закреплённая в системе его единиц (прежде всего в лексике и фразеологии) совокупность представлений о ми-

ре, отражающая опыт и мировидение этноса [8]. Это не зеркальное отражение действительности, а её специфическая интерпретация через призму языка и культуры [1, 9]. Ключевыми понятиями в исследовании языковой картины мира, как известно, являются культурный концепт, лингвокультурема, константы культуры или ключевые слова культуры. Концепт как многомерное ментальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие, вербализуется в языке [11, 17]. Лингвокультурема как элемент культуры находит своё специфическое отражение в языке одного народа, отсутствует или иначе представлена в другом [4]. Константы культуры представляют собой уже устойчивые, базовые концепты, которые определяют ядро национальной языковой картины мира и обладают высокой культурной значимостью, отражённой в языке [17; 3]. Очевидно, что все обозначенные понятия так или иначе находят своё отражение в языке, все изменения в котором записываются и передаются с учётом определённого культурного и исторического контекста в словарях.

По справедливому утверждению И.В. Гальперина словарь способствует тому, чтобы «увидеть многообразие средств познания объективного мира, будит в читателе способность анализировать содержание в его диалектическом единстве с нормой» [7, с. 214–229]. Лингвострановедческий словарь возник на стыке лингвистики, страноведения и методики преподавания иностранных языков [4]. Основная цель лингвострановедческого словаря – описать языковые единицы, обладающие культурно-специфическими компонентами значения (безэквивалентную и фоновую лексику, коннотативно окрашенные слова, имена собственные, фразеологизмы, реалии), и предоставить необходимые культурологические комментарии для их понимания и использования.

Ключевые отличия лингвострановедческого словаря от толкового заключаются в *объекте описания* (в первом зафиксирована культурно-маркированная лексика, а не весь лексикон); в *аспекте изучения* (в первом учитывается не только семантика, но и культурная значимость, культурные коннотации, исторический и социальный контекст употребления); в самой *структуре словарной статьи* (в первом обязательно наличие культурологического компонента или комментария, часто включающего описание реалии/ понятия; историческую справку, культурные ассоциации и стереотипы; ценностные установки, связанные с понятием; примеры употребления в типичных культурных контекстах; сопоставление с близкими (но не тождественными) явлениями в культуре языка-посредника); в выполняемой *функции* (в первом – это обеспечение межкультурной коммуникации и преодоление культурного барьера, во втором получение информации).

Следует заключить, что **лингвострановедческий словарь** является целенаправленно сформированным корпусом данных о культурно-специфических элементах языка. Это позволяет рассматривать словарь как инвентарь *лингвокультурем*, т.к. он явным образом идентифицирует и описывает единицы, несущие специфическую культурную нагрузку, которые являются «кирпичиками» языковой картины мира [12]. В связи с тем, что отбор лемм (культурно-значимые понятия) и содержание комментариев (описание ценностного потенциала, истории, ассоциаций) в лингвострановедческом словаре прямо указыва-

ют на ключевые элементы языковой картины мира, лингвострановедческий словарь справедливо рассматривают и в качестве источника для выявления культурных концептов и констант [15, 18]. А культурологический комментарий неизбежно содержит эксплицитные или имплицитные оценки, указания на нормативность или уникальность явления, тем самым реконструируя аксиологический слой языковой картины мира [13]. Перекрестные ссылки, группировка лексики по тематическим блокам (часто используемая в лингвострановедческом словаре) или указания на связь описываемого понятия с другими культурными концептами в комментарии помогают увидеть фрагменты концептуальной системы культуры. Интересным представляется и сравнение не только концептов, лингвокультурем, констант в лингвострановедческом словаре, но и самих лингвострановедческих словарей различных эпох, что позволяет проследить изменения в восприятии и оценке культурных феноменов, появление новых концептов и исчезновение старых.

Для эффективного использования лингвострановедческого словаря как источника данных о языковой картине мира необходима системная *методология* анализа. Считаем целесообразным выделить следующие ключевые направления и методы работы с лингвострановедческим словарем: анализ отбора лемм; дефиниционный и семантический анализ словарных статей; анализ культурологического комментария; анализ примеров употребления и иллюстраций; тематический и концептуальный анализ всего словаря; сравнительный анализ лингвострановедческих словарей. В рамках настоящей статьи кратко остановимся на каждом из представленных методов и продемонстрируем это на примерах.

Анализ принципов отбора лемм заключается в ответе на следующие вопросы: какие группы лемм представлены (история, политика, быт, искусство, природа, менталитет и т.д.); какие типы единиц преобладают (реалии, абстрактные понятия, фразеология, имена собственные). Ответы на эти вопросы позволяют заключить о языковой картине мира как совокупности представлений составителей (часто носителей или глубоких знатоков культуры) о том, что является культурно-релевантным для изучаемой нации. Преобладание определенных тем указывает на их значимость в национальном сознании. Так, например, в лингвострановедческом словаре Л.Г. Маркина, Е.Н. Муравлёва, Н.В. Муравлёва отмечено преобладание статей на *GEMÜTLICHKEIT*, *ORDNUNG*, *BILDUNG*, *HEIMAT*, *WALD*, что сигнализирует об их статусе ключевых концептов немецкой лингвокультуры [12].

Дефиниционный и семантический анализ словарных статей предполагает анализ толкований, где необходимо установить наличие или отсутствие компонентов, прямо указывающих на культурную специфику (напр., «в Германии считается важным...», «традиционно понимается как...»). А наличие безэквивалентной лексики (*FERNWEH*, *SCHADENFREUDE*) само по себе маркирует уникальный фрагмент ЯКМ. Выявление культурных коннотаций способствуют установлению оценочной составляющей (позитивной или негативной), эмоциональной, а также стилистической окраски (например, коннотация *Ordnung* в немецком языке обладает безусловно позитивной ценностью). Кроме того, сравнение с дефинициями в толковых словарях языка-носителя позволяет вы-

явить специфику именно культурологической интерпретации значения в лингвострановедческом словаре. Работа Воробьева по созданию лингвокультурологического словаря русской культуры демонстрирует глубину такого подхода [5].

Анализ культурологического комментария важен при выявлении ценностных маркеров, где значимую роль играет лексика, прямо указывающая на значимость, нормативность, уникальность, историческую преемственность (например, «важная ценность», «неотъемлемая черта», «предмет гордости», «глубоко укоренено», «традиционно» и т.п.). В качестве примера можно привести концепт *PÜNKTLICHKEIT*, при описании которого приводится следующий комментарий «пунктуальность считается в Германии важнейшей добродетелью, признаком надежности и уважения к партнеру... Опоздание воспринимается крайне негативно...» [12]. Кроме того, данный анализ возможно использовать и при описании культурных стереотипов и ассоциаций (например, связь «*РУССКОЙ ЗИМЫ*» с суровостью в лингвострановедческом словаре русского языка для иностранцев) [21], и при реконструкции исторического контекста, т.е. влияние исторического события на формирование значения и восприятия концепта (например, комментарий *BERLINER MAUER*) и при описании социокультурных практик, т.е. как исследуемый концепт реализуется в повседневной жизни, ритуалах, нормах поведения (например, *MÜLLTRENNUNG* в Германии).

Анализ примеров употребления и иллюстраций позволяет выявить типичные контексты употребления слова, устойчивые словосочетания, пословицы, т.е. отражения коммуникативной функции в рамках языковой картины мира. Идиомы и пословицы – концентрированное выражение культурной мудрости и стереотипов (ср. *Tu sie heute – machst du es morgen*; *Ordnung ist das halbe Leben*). Иллюстрации дополняют вербальное описание, визуализируя культурные реалии и контексты.

Тематический и концептуальный анализ словаря направлен на выявление ключевых тем/ сфер, а также полноты их наполнения (например, в лингвострановедческих словарях по немецкой культуре часто выделяются блоки: *ORDNUNG/ ORGANISATION, GESCHICHTE/ GEDÄCHTNIS, UMWELT/ ÖKOLOGIE, BILDUNG/ VIELFÄLTIGKEIT*). Систематический поиск и анализ статей по концептам, которые имеют большой объем комментария; содержат сильные ценностные маркеры; имеют широкую сеть перекрестных ссылок; описываются как фундаментальные для понимания культуры; репрезентированы в паремиологии и фразеологии, позволяют в результате построить целые фрагменты концептуальной сети (например, в немецком лингвострановедческом словаре устанавливается связь *HEIMAT* с *GEMÜTLICHKEIT, REGION, NATUR, GESCHICHTE*).

И, наконец, при проведении *сравнительного анализа лингвострановедческих словарей* сопоставляются словари разных культур, где выявляются сходства и различия в представлении одних и тех же понятий (например, *FREEDOM, FAMILY, PRIVACY*) [2]. Сопоставление лингвострановедческих словарей одной культуры разных периодов позволяет проследить эволюцию представлений о культурных феноменах и ценностях.

Таким образом, лингвострановедческий словарь, благодаря своей специфической направленности на экспликацию культурно-обусловленного компонента значения и наличию развернутых культурологических комментариев, является мощным и релевантным инструментом для реконструкции фрагментов языковой картины мира, связанных с национально-культурной спецификой. Он позволяет системно выявлять и анализировать: культурно-маркированную лексику (лингвокультуремы), ключевые культурные концепты и константы, аксиологический слой языковой картины мира (ценности, оценки, стереотипы), культурно-специфические ассоциации и исторические контексты, а также фрагменты концептуальных связей в рамках языковой картины мира. Предложенная методика анализа. Предложенная методика анализа представляет собой структурированный подход к получению и интерпретации о языковой картине мира из лингвострановедческого словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 1997. 331 с.
6. Воробьев Ю.А. Возможность унифицированной экспликации фоновых расхождений в лингвострановедческом словаре (на материале немецкого языка) // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 231–234.
7. Гальперин И.В. Избранные труды. – М.: Высшая школа, 2005. – 255 с.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 199 с.
9. Калихайдарова Г.Е. Заяц Т.В. Лингвострановедческий словарь как способ отражения языковой картины мира // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Мат. межд. науч.-практ. конференции, Самара: СГСПУ, 2011. С. 140–143.
10. Кантышева Н.Г. Отражение национально-культурной специфики в лингвострановедческом словаре // Эмиховские чтения: Мат. V межд. науч.-практ. конференции, Тюмень, 15–17 ноября 2017 года. Тюмень: «Агат», 2018. С. 43–52.
11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

12. Маркина Л.Г., Муравлёва Е.Н., Муравлёва Н.В. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 1181 с.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
14. Пасканый В.А., Щепелев А.А. Применение лингвострановедческих словарей при работе с текстами военной направленности // Наука и инновации. Том 2. М.: Инфинити, 2019. С. 58–62.
15. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 215 с.
16. Пунтус А.С. Лингвострановедческий словарь как средство продвижения туристических услуг // Наука и общество в XXI веке: Сб. материалов VII Всероссийского (с международным участием) научно-практического форума, Москва, 16–17 ноября 2023 года. М.: ВУ, 2024. С. 326–329.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
18. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 58–65.
19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 285 с.
20. Фатыхов И.И. Лингвострановедческое лексикографирование как актуальная проблема современной филологии (на материале словарей «Великобритания», «Американа») // Вестник современных исследований. 2018. № 9.3(24). С. 361–363.
21. Mamontov A.S., Boguslavskaya V.V., Ratnikova A.G. The concept of creating a nationally oriented linguistic and country studies educational dictionary for Vietnamese // Russian Language Studies. 2024. Vol. 22, No. 2. P. 157–170.

Лесняк Марина Валерьевна
кандидат филологических наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
Южный федеральный университет
e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru

Marina Valerievna Lesnyak
PhD in Philology
Rostov-on-Don, Russia
Southern Federal University
e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ

Представленная статья посвящена анализу маркетинговой метафоры как эффективному средству речевого воздействия в немецком политическом маркетинговом дискурсе, который рассматривается на стыке маркетинговой лингвистики и политической метафорики. Речевое воздействие приобретает специфическую трактовку, определяемую лингвистическими параметрами данного подвида дискурса, присущими, с одной стороны, маркетинговым коммуникациям, а с другой, характерными для политических дискурсивных практик. Маркетинговая метафора изучается в рамках социального и этнокультурного направлений современных сравнительных исследований. При этом автор подчеркивает необходимость разграничения маркетинговой и экономической метафор в политическом дискурсе, увязывая это с различной прагматической направленностью данных речевых приемов. Выявляется, что, в отличие от экономической метафоры, маркетинговая метафора употребляется с целью трансляции позитивных смыслов, поскольку маркетинг нацелен создание, продвижение и поддержание спроса на политические продукты и услуги.

Ключевые слова: речевое воздействие; маркетинговый дискурс; политические коммуникации.

MEANS OF SPEECH INFLUENCE IN POLITICAL MARKETING DISCOURSE

The present study will analyze the means of speech influence in German political marketing discourse.

Key words: speech influence; marketing discourse; political communication.

Политические дискурсивные практики имеют определяющее влияние на общество не только отдельной нации или страны, но и мира в целом. Наблюдая современную геополитическую ситуацию, становится очевидным, что речевое воздействие активно используется в качестве инструмента управления людьми и является предметом политической борьбы. Поэтому изучение средств речевого воздействия разной направленности представляется *актуальным* в русле исследования политических коммуникаций. Вместе с тем сегодня наблюдается устойчивая тенденция к маркетингизации политического дискурса. Маркетинговая деятельность, как и политическая, нацелена на продвижение продукта посредством языка. Однако характеристики политического дискурса, несомненно, будут влиять на выбор средств речевого воздействия, которые в свою очередь должны изучаться на пересечении маркетинговой лингвистики и политического маркетинга. Поэтому *целью* данной статьи является изучение таких средств речевого воздействия в политическом маркетинговом дискурсе как маркетинговые метафоры.

Для предложенного анализа целесообразными представляются методы политической лингвистики, в частности политической метафорики, методы контекстуального анализа и интерпретации. В качестве материала выступает немецкий предвыборный дискурс, поскольку он видится наиболее очевидным для актуализации маркетинговых коммуникаций в политическом коммуникативном пространстве Германии.

Речевое воздействие в политическом дискурсе приобретает специфику, определяемую лингвистическими характеристиками массовой перформансной коммуникации, и включает, как правило, манипулятивную составляющую. Так, О. Н. Мишук проводит анализ лингвистических подходов к изучению феномена речевого воздействия в российской научной традиции и приходит к выводу, что «речевое воздействие рассматривается в основном с позиций коммуникативно-прагматического подхода, но в разных аспектах – полидискурсивности, многофакторности, многоуровневости, многоканальности, аксиологии, моделируемости, когнитивного диссонанса, принципа релевантности, примата интерпретационности и других. Принципиальным является различие прямого и манипулятивного речевого воздействия» [5, с. 252]. Речевое воздействие реализуется в стратегиях и тактиках, которые в свою очередь раскладываются до конкретного набора языковых средств, исследуемых на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и т.п.; набора приемов влияния: идеологемы, прагмемы, эмоционально-оценочная лексика, тропы и т.п. Предположим, что речевое воздействие приобретет специфическую трактовку в зависимости от лингвистических параметров такого подвида политического дискурса как политический маркетинговый дискурс.

Проникновение маркетингового подхода в политическое пространство констатируется как отечественными, так и зарубежными исследователями [3, 2010; 4, 2016]. Это трактуется как «усиление влияния рыночных сил на гуманитарные и демократические ценности; коммерциализацию общественных услуг; проникновение рынка в социальную жизнь, меняющуюся социальность; появление новых идентичностей, форм гражданственности; маркетинговую политическое и общественное участие; искажение социальной справедливости и новый общественный договор и т.д.» [4, с. 114–115]. В политику проникает экономическая терминология. Так, в СМИ встречаются следующие примеры:

*Das Wahllokal wäre demnach eine Art **politischer Supermarkt** und wenn alle Waren liegen bleiben, wird sich der Greißler um ein neues Sortiment bemühen.*

*‘Избирательный участок станет своего рода **политическим супермаркетом**, и, если все **товары** никто не будет брать, то продавец попытается закупить новый ассортимент.’* [<https://www.arminwolf.at/2016/12/03/warum-weiss-waehlen-sinnlos-ist>, дата обращения: 22.05.2025].

Однако политический маркетинговый дискурс не ограничивается введением экономической лексики в коммуникативное пространство, но предполагает наличие определенных кодов, смыслов, их трансфер и специфическую актуализацию в политической деятельности. Как семиотическая система функционально-тематического типа политический маркетинговый дискурс обладает, с одной стороны, общими характеристиками, присущими маркетинговому коммуника-

циям, с другой – параметрами, специфическими для политической сферы с учетом диалогичности дискурсивных практик. К общим характеристикам, традиционно выделяемым для маркетинговых коммуникаций, будут относиться, на наш взгляд, поликодовость, мультимодальность, медиатизация и наличие пропаганды.

Поликодовость предполагает синтез вербальных и невербальных знаковых систем с целью усиления речевого воздействия. «Такие тексты, в кодировании которых использована комбинация естественного языка с элементами других, невербальных семиотических систем, также называют семиотически осложненными...» и определяются термином «поликодовый текст» [2, с. 301]. Так, например, выступление Аннелены Бербок на 27 конференции ООН, посвященной защите климата, сочетает в себе употребление образных языковых средств, в частности, метафор «*Denn die Klimakrise ist kein Sturm in der Ferne. Sie klopft nicht nur an unsere Haustür - sie ist längst in unserem Wohnzimmer*» – ‘Климатический кризис – это не шторм вдалеке. Он не стучится в нашу дверь – он уже давно у нас в гостиной’ и визуальную составляющую, например, одежда природных оттенков. Статистика озвучивается на фоне изображений тающих ледников и т.п. Мультимодальность определяется использованием различных каналов воздействия. Медиатизация политического маркетингового дискурса обуславливается сущностью маркетинговых коммуникаций, нацеленных на узнавание и продвижение продукта, а также потребностями политических акторов. Полагаем, что современная цифровизация будет способствовать еще большей медиатизации данной сферы. Пропаганда является сущностной характеристикой политического дискурса, поэтому политический маркетинговый дискурс, несомненно, перенимает этот параметр. Однако, в данном случае пропаганда будет пониматься в позитивном/нейтральном значении как система методов распространения идей и убеждений с целью конструирования установок у потребителей политического контента. Коммуникативные стратегии и тактики актуализируют средства речевого воздействия. Одним из эффективных средств речевого воздействия в политическом маркетинговом дискурсе является метафора, которая представляется нам емким носителем смыслов, наиболее подходящим для реализации коммуникативных целей в исследуемом типе дискурса.

Исследование политической метафорики широко представлено как зарубежными, так и русскими научными школами и насчитывают на сегодняшний день более тысячи исследований. Э. В. Будаев выделяет четыре основных направления сравнительных исследований метафор в политическом дискурсе: этнокультурное, социальное, диахроническое и мультимодальное [1, с. 11–14]. Нас интересует, прежде всего, социальное направление, в рамках которого различаются идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление. Идеологический критерий лежит в основе анализа дискурсивных практик политических акторов (групп, объединений, организаций), придерживающихся разных взглядов. Изучение идиолекта нацелено на изучение метафор, употребленных отдельными политиками или другими личностями. Гендерный аспект предполагает изучение метафор с учетом принадлежности политика к женскому/мужскому полу.

Изучение политического маркетингового дискурса будет лежать на пересечении социального и этнокультурного направления. Мы сконцентрировались на изучении маркетинговых метафор в немецком политическом дискурсе. При этом, следует отличать маркетинговую метафору от экономической метафоры. По определению А. П. Чудинова «экономическая метафора в политической речи – это сильное средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента политической действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к экономической сфере. В соответствующих ситуациях очень важен прагматический потенциал метафоры – ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира, к переносу рациональных и эмоциональных оценок с экономических феноменов на политические.» [6, с. 44]. Поскольку маркетинг ставит своей целью не распределение ресурсов, а создание, продвижение и поддержание спроса на продукты или услуги, то прагматическая направленность маркетинговой метафоры будет отличаться от экономической метафоры. Если финансовая метафора употребляется для трансляции смыслов, связанных с агрессивностью, опасностью, нарушением нравственных норм и традиций [тж., с. 45], то маркетинговая метафора концентрируется на позитивных посылах.

Так, метафора „*Modernisierungspaket*” – ‘*пакет модернизации*’ встречается в информационных материалах сразу нескольких партий Германии: СвДП «*Umfassendes Modernisierungspaket beschlossen*» [<https://www.fdp.de/umfassendes-modernisierungspaket-beschlossen>, дата обращения: 16.12.2024], СДПГ «*Modernisierungspaket für Klimaschutz und Planungsbeschleunigung*» [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/20230328_Koalitionsausschuss.pdf, дата обращения: 08.02.2023]. С помощью данной метафоры предлагается комплекс политических решений партии, связанных, как правило, с изменением транспортной и энергетической инфраструктуры, требующее больших финансовых вливаний из бюджета, а значит и одобрения общества. Данная политическая программа предлагается пакетом, что предполагает комплексное решение, поддержку, отсутствие забот.

Метафоры «*Startup-Nation Deutschland*» – ‘*немцы как стартап-нация*’, «*Start-up Kultur*» – ‘*стартап культура*’ появились в речи Кристиана Линднера, бывшего министра финансов Германии и представителя партии СвДП. Введение данных метафор в политической сфере свидетельствует о поддержке и внедрении новых технологий, а значит и улучшение условий в обществе. Таким образом, продвигается политика по созданию благоприятного будущего нации.

Метафора «*Klimaprämie*» – ‘*премия за сохранение климата*’ стала использоваться в политической коммуникации благодаря представителям правящей коалиции «Светофор», в первую очередь партии Союз 90/Зелёные, которые предложили выплату определенной суммы в качестве меры поддержки жителям Германии для нивелирования экономических эффектов от перехода на зеленую энергетику. Использование данной метафоры с компонентом «премия» нацелено на конкретизацию личных выгод от климатической политики. Премия – это вознаграждение за дополнительные усилия. Таким образом, мы наблюда-

ем попытку сфокусировать внимание реципиентов не на повышении цен на энергию вследствие политики правящих партий, а на получении бонуса от внедрения политических решений по климату.

Метафоры, концептуализирующие политику как место для продаж, а политические партии как поставщиков, политические решения как товары, а избирателей как потребителей, достаточно широко используются в немецкой политической коммуникации.

*Es galt als Aufgabe der sogenannten Volksparteien, einer breiten Schicht von Wählerinnen und Wählern ein Angebot zu machen. Während die kleineren Mitbewerberinnen als **politische Spezialitätenläden** fungierten, waren die Volksparteien eine Art **politischer Supermarkt**. Die Wählerinnen und Wähler konnten Grundlegendes von ihnen erwarten. Wem das zu wenig ambitioniert war, fand beim **kleineren Anbieter** Spezielleres.*

*‘Задачей так называемых основных партий являлось **сделать коммерческое предложение** широкому кругу избирателей. В то время как их более мелкие конкуренты функционировали как **специализированные политические магазины**, основные партии были своего рода **политическим супермаркетом**. Избиратели могли ожидать от них чего-то базового. Те, кто находил это не слишком амбициозным, могли найти что-то более специализированное у более **мелких поставщиков**.’* [<https://www.welt.de/debatte/kommentare/article231471897/Neue-Koalitionen-Moderne-Politik-funktioniert-auch-ohne-Volksparteien.html>, дата обращения: 13.05.2025].

Как мы видим, маркетинговая метафора активно используется в немецкой политической дискурсивной сфере, обладает широкими возможностями для трансляции прежде всего положительных эмотивных смыслов с целью продвижения и поддержания спроса на политические продукты и услуги, что позволяет заключить о значительном потенциале данной метафорической модели как эффективного средства речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Основные направления сопоставительных исследований метафор в политическом дискурсе // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1 – 3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2016. С.11 – 14.
2. Куликова Е. В. Прецедентные феномены в поликодовом рекламном тексте // Вестник ННГУ. 2014. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-polikodovom-reklamnom-tekste> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Люциньски К. Маркетизация политики в современном дискурсе политика – это маркетинг? // Kalba ir kontekstai / Language in different contexts 2010, t. 3, d. 2. P. 264-273. URL: <https://portalcris.vdu.lt/server/api/core/bitstreams/3428824a-0d78-4157-be58-521777fb3f93/content> (дата обращения: 25.06.2025).

4. Михайленок О. М. Маркетизация политического как адаптация к изменившимся социально-политическим отношениям // Россия реформирующаяся. 2016. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketizatsiya-politicheskogo-kak-adaptatsiya-k-izmenivshimsya-sotsialno-politicheskim-otnosheniyam> (дата обращения: 24.12.2024).

5. Мищук О. Н. Речевое воздействие в политическом дискурсе // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-vozdeystvie-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 01.07.2025).

6. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Магеррамова Севиндж Аббасгулу
профессор
г. Баку, Азербайджан
Бакинский государственный
университет
e-mail: samumtornado@gmail.com

Sevinj Abbasgulu Magerramova
Professor
Baku, Azerbaijan
Baku State University
e-mail: samumtornado@gmail.com

ИМПРЕССИВНАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА

В настоящей статье впервые выявляется и анализируется импрессивная доминанта в поэзии Ф.И.Тютчева- русского поэта-мыслителя, лирика, занимающего особое место в плеяде выдающихся мастеров слова XIX века. Данный тип доминанты присущ стихотворениям Ф.И.Тютчева, выполненным в волюнтаривном регистре; основная их особенность – выражение волеизъявления, побуждения к действию или выражение эмоционального состояния автора или лирического героя. В результате проведенного исследования установлено: в стихотворениях Ф.И.Тютчева импрессивная доминанта выражается следующими конструкциями: 1) глаголы в повелительном наклонении; 2) конструкции с междометием о; 3) конструкции с частицами "пусть" и "пускай".

В последнем случае побуждение к 3-му лицу выражается аналитической конструкцией «частица пусть/пускай + глагол в форме изъявительного наклонения». Импрессивная доминанта в поэзии Ф.И. Тютчева служит ярким и выразительным средством передачи эмоций, ассоциации, мгновенных впечатлений, а также использования всего богатства грамматических, лексических, стилистических средств для усиления эффекта.

Ключевые слова: Ф.И.Тютчев; стихотворения; импрессивная доминанта; волюнтаривный регистр; строфа; строка; императив.

THE IMPRESSIVE DOMINANT IN F. I. TYUTCHEV'S POETRY

The article for the first time identifies and analyzes the impressive dominant in the poetry of F.I. Tyutchev, a Russian poet-thinker and lyricist who occupies a special place in the pleiad of outstanding masters of the word of the 19th century. This type of dominant is inherent in the verses of F.I. Tyutchev, written in the voluntative register; their main feature is the expression of will, the impulse to action or the expression of the emotional state of the author or lyrical hero. As a result of the conducted research it was established that in the verses of F.I. Tyutchev the impressive dominant is expressed by the following constructions: 1) verbs in the imperative mood; 2) constructions with the interjection o; 3) constructions with the particles "пусть" and "пускай"- "let".

In the latter case, the urge to the 3rd person is expressed by the analytical construction "particles "пусть" and "пускай"- let + verb in the indicative mood". The impressive dominant in the poetry of F.I. Tyutchev serves as a bright and expressive means of conveying emotions, associations, instant impressions, as well as using the entire wealth of grammatical, lexical, stylistic means to enhance the effect.

Keywords: F.I. Tyutchev; verses; impressive dominant; voluntary register; stanza; line; imperative.

Тема и цель исследования. Тема настоящей статьи – импрессивная доминанта в лирике Ф.И. Тютчева. Целью исследования – определение особенностей реализации импрессивной доминанты в стихотворениях поэта, а также её функций в формировании эмоционально-смыслового пространства.

В настоящей статье впервые выявляется и рассматривается импрессивная доминанта в поэзии Тютчева. Отметим сразу, что за основу нами взята классификация доминант, предложенная Л.Г.Бабенко и Ю.В.Казариным в их учебнике «Лингвистический анализ текста» (1, с. 206): предметная, статальная, динамическая (статально-динамическая), качественная и импрессивная доминанты (1, с. 206).

Материалами и методами исследования послужили лирические произведения Ф.И. Тютчева, вошедшие в академические и школьные издания. Отбор текстов осуществлялся с учётом тематического и жанрового разнообразия, а также степени выраженности эмоционально-экспрессивной составляющей. Основным методом выступил лингвистический анализ текста по модели Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, ориентированной на выявление рематических доминант. Также применялись элементы стилистического, контекстуального и интерпретационного анализа. Особое внимание уделялось языковым средствам, передающим эмоциональные состояния и экспрессивные импульсы. Комплексный подход позволил проследить специфику функционирования импрессивной доминанты в поэтическом дискурсе Тютчева.

Основные результаты исследования. Импрессивная доминанта – один из способов выражения воли, желания, намерения автора посредством художественных средств. Волеизъявление поэта может проявляться в самых различных формах: прямой, пламенный призыв к действию, побуждение, неявное выражение настроения, убеждения, желания. Примеры, анализируемые в данной статье, взяты из следующего источника: «Ф.И.Тютчев. Сочинения в двух томах т.1. М.: Правда, 1980, 383 с. (6).

Рассмотрим конкретные примеры, в которых импрессивная доминанта выражена повелительным наклонением глагола в начале строк:

Последняя строфа из стихотворения «К оде Пушкина на вольность» (здесь и далее курсив выделен нами – С.М.):

...*Воспой* и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан *не смущай* покою
И блеска *не мрачи* венца,
Певец! Под царскую парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не *тревожь* сердца! (6, с. 40).

Первые две строфы из стихотворения «Олегов щит»:

«Аллах! *Пролей* на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой — Магомет!...».
«О наша крепость и оплот!
Великий Бог! *веди* нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!...» (6, с. 54)

В этом стихотворении поэт обращается к Аллаху с призывом.

Обращением поэта к Богу начинается и стихотворение «Пошли, господь, свою отраду...», состоящее из пяти строф (6, с. 117). Первая и последняя строфы начинаются синтаксической анафорой:

*Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду,
Бредет по жесткой мостовой...*

Последняя строфа:

*Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой... (6, с. 117)*

Следующее стихотворение Тютчева «Silentium» (в переводе с лат. молчание – С.М.) полностью построено на импрессивной доминанте:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне.
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.*

Отметим, что, каждая из трёх строф стихотворения заканчивается эпифорой «и молчи», выражающей импрессивную доминанту:

*...Питайся ими — и молчи...
...Внимай их пенью — и молчи!.. (6, с. 63).*

В предыдущих примерах импрессивная доминанта выражена в более мягкой форме, в последнем же примере – более резкий призыв-приказ, побуждающий к решительному действию.

В следующем лирическом стихотворении поэт обращается к юной деве, призывая её не верить поэту. Адресатом является Елена Денисьева – последняя любовь Тютчева, с которой он познакомился в 1850. Стихотворение входит в так называемый «Денисьевский цикл», в котором «поэт» смог открыть своё сердце и душу, поделиться самыми сокровенными переживаниями» (3, с. 580–582).

*Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страишься поэтовой любви
Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой... (6, с. 97)*

Первая строфа стихотворения «Живым сочувствием привета...»:

*Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта —
Не искушай его мечты... (6, с. 99)*

В последних двух примерах импрессивная доминанта выражена императивом в отрицательной форме.

В стихотворении «Рассвет» – семь глаголов в повелительном наклонении, в число которых входит лексическая анафора *вставай* (два раза): 1. три раза *вставай* (во второй и третьей строфе); 2. *раздайся*; 3. *огласися*; 4. *ополчися*; 5. *одень*.

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им *огласися!*..
Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися,
В доспехи веры грудь *одень*... (6, с. 109)

Стихотворение проникнуто интонацией призыва. Такую же функцию выполняет конструкция «*Не пора ль?*»:

...Уж не *пора ль*, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?...

Стихотворение «Не рассуждай, не хлопочи!...» полностью построено на импрессивной доминанте:

Не рассуждай, не хлопочи —
Безумство ищет — глупость судит;
Дневные раны сном *лечи*,
А завтра быть чему — то будет...
Живя, умей все пережить... (6, с. 118)

Полагая, что так можно сохранить душевное спокойствие и равновесие, Тютчев обращается с призывом и советом к адресату.

В стихотворении «Два голоса», состоящем из четырех строф, в первой и третьей строфах – синтаксическая анафора с инверсией:

Мужайтесь, о други, *боритесь* прилежно...,
...*Мужайтесь, боритесь*, о храбрые други....,

Вторая и четвёртая строфы начинаются словами «*пусть*» и «*пускай*».

...*Пусть* в горнем Олимпе *блаженствуют* боги:..
...*Пускай* олимпийцы завистливым оком..
Глядят на борьбу непреклонных сердец... (6, с. 120–121)

В стихотворении «Последняя любовь» лексические повторы усиливают импрессивную доминанту:

...*Сияй, сияй*, прощальный свет..
...*Помедли, помедли*, вечерний день,
...*Продлись, продлись*, очарованье... (6, с. 136).

В начале последней строфы:

...*Пускай* скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность... (6, с. 136)

Такие повторы служат средством усиления, актуализации и гармоничности поэтического текста.

Особо следует выделить четыре пейзажных стихотворения Тютчева, написанных в жанре лирического обращения и начинающихся глаголом в повелительном наклонении «*смотри*»: 1. «Смотри, как запад разгорелся...» (6, с. 95); 2.

«Смотри как на речном просторе ...» (6, с. 122); 3. «Смотри, как роща зеленеет...» (6, с. 146); 4. «Смотри, как облаком живым...» (6, с. 86).

В этих четырёх стихотворениях Тютчев использует оригинальный композиционный приём: начинает с призыва полюбоваться описываемым пейзажем, завершает же глубокой философской мыслью, составляющей поэтическую суть стихотворения.

В стихотворении «Князю П.А.Вяземскому», состоящем из четырех строф, во второй и третьей строфах лексическая анафора «*смотрите*»:

...*Смотрите*, на каком просторе
Она устроила свой пир —...
...*Смотрите*, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день... (6, с. 158)

В стихотворении «Играй, покуда над тобою еще безоблачна лазурь...» в первой строфе лексическая анафора «*Играй*» в первой и третьей строках:

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь —
Играй с людьми, *играй* с судьбою,
Ты — Жизнь, уж призванная к бою,
Ты — Сердце, жаждущее бурь... (6, с. 159)

В последних двух строках с синтаксической анафорой выражено эмоционально-оценочное отношение к адресату.

Стихотворение «Песнь скандинавских воинов» представляет собой боевой призыв, клич: здесь импрессивная доминанта выражена наиболее ярко, эмоционально:

...Дружина, *воспрянь*!
Вставайте, о други...
...*Мужайтесь*, о други, —
И вслед за грозой!..
Вихрем *помчимся*...
...в ряды врагов,
...*Прорвем* их и *стесним*!...

В четвертой и пятой строфах повторяется синтаксическая анафора «*Дружина, воспрянь!...*» (6, с. 239–240)

Стихотворение «Весеннее успокоение» состоит из двух строф. Импрессивная доминанта в первой строфе, озвучивающей просьбу поэта, выражена глаголом в повелительном наклонении в отрицательной форме:

О, *не кладите* меня
В землю сырую:
Скройте, *заройте* меня
В траву густую!..

Во второй строфе – желание поэта:

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую —

Свирель *поет* издавека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною... (6, с. 267).

Следует отметить, что два стихотворения Тютчева с импрессивной доминантой начинаются частицей *пускай*, выражающей уступительное и побудительное значение:

1. Стихотворение «Лебедь»:

Пускай орёл за облаками
Встречает молнии полёт... (6, с. 98).

2. Стихотворение «Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»;

Пускай от зависти сердца зоилов *ноют*,
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут... (6, с. 292).

Одно стихотворение «Листья» начинается частицей «*пусть*», выражающей побуждение, желание, разрешение и т.д.

Пусть сосны и ели
Всю зиму *торчат*,
В снега и метели
Закутавшись, *спят*, –... (6, с. 67)

Здесь частица *пусть* в сочетании с глаголами *торчат*, *спят* выражает желание поэта, направленное на объекты природы (*сосны*, *ели*).

Частица *пускай* является характерной особенностью стихотворений Тютчева с импрессивной доминантой и встречается не только в начале, но и в середине или конце строф, например, в начале последней строфы стихотворения «О вещая душа моя...»:

...*Пускай* страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые – ... (6, с. 144).

Следующие стихотворения Тютчева начинаются с импрессивной доминанты: «Байрон (отрывок)»:

Войди со мной – пуста сия обитель, (6, с. 269)
Друг, откройся предо мною... (6, с. 278)
Не говори: меня он, как и прежде, любит.. (6, с. 125)
О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из завидней часть моя... (6, с. 125)
О, не кладите меня в землю сырую:... (6, с. 267)

В последних двух примерах междометие *о* перед глаголами в повелительном наклонении в отрицательной форме усиливает эмоциональность импрессивной доминанты, побуждает к действию и добавляет интонацию в предложение. В стихотворениях Тютчева в этих случаях междометие *о* выполняет функцию побудительного слова.

В вышерассмотренных примерах рематически выделяются: 1) глаголы в повелительном наклонении; 2) конструкции с междометием *о*; 3) конструкции с частицами *пусть* и *пускай*. В последнем случае побуждение к 3-му лицу выражается аналитической конструкцией «частица *пусть/пускай* + глагол в форме изъявительного наклонения». Рассмотренные стихотворения Тютчева созданы в волюнтаривном регистре.

Заключение. Таким образом, любое художественное произведение, в том числе и стихотворение, состоит из различных элементов, и в этой совокупности элементов есть некоторый доминирующий элемент, который и определяет построение всей остальной части произведения. «Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты. Доминанта обеспечивает интегрированность структуры. Доминанта специфицирует художественное произведение» (8, с. 59).

Импрессивная доминанта в поэзии Тютчева служит ярким и выразительным средством передачи эмоций, ассоциации, мгновенных впечатлений, сосредоточенности на субъективном восприятии окружающего мира, а также использования всего богатства грамматических, лексических, стилистических средств для усиления эффекта.

Действительно, в поэзии Тютчева гармонично переплетаются: а) географическое и психологическое пространства; б) интерес к природе, любовь и глубокие философские размышления о жизни, смерти, любви, о человеке и мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста. Учебник Практикум. Второе издание. М.: Флинта, Наука, 2004. 496 с.
2. Голованевский А.Л. Место человека и природы в водной и воздушной стихии Ф. И. Тютчева <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-cheloveka-i-prirody-v-vodnoy-i-vozdushnoy-stihii-f-i-tyutcheva>
3. Заверюхина К.И. Особенности любовной лирики. Ф.И. Тютчева. // Молодой учёный, 2022, №48 (433). URL:<https://mouluch.ru/arhive/443/97117>
4. Касаткина В.Н. Поэзия Ф.И.Тютчева. М.: Просвещение, 1978. 175 с.
5. Тургенев И.С. Несколько слов о стихотворениях Ф.И.Тютчева. Сочинения в двенадцати томах. Т.IV, М.: Наука, 1980 С. 524–528
6. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах т.I. М.: Правда, 1980, 383 с.
7. Художественный мир Ф.И.Тютчева. Материалы Международного научного форума, посвященного 220-летию со дня рождения поэта (5 декабря 2023). Москва, Государственный Институту русского языка имени А.С.Пушкина, 2025, 196 с. <https://www.pushkin.institute/science/sborniki>
8. Якобсон Р. Доминанта/Пер И.Чернова//Хрестоматия по теоретическому литературоведению в 5 т.т.: т.I, Тарту: Тартуский государственный университет, 1976. С. 56–63

УДК 81'374

Маник Светлана Андреевна
доктор филологических наук
г. Иваново, Россия
Ивановский государственный
университет
e-mail: maniksa@ivanovo.ac.ru

Svetlana Andreevna Manik
Doctor of Philology
Ivanovo, Russia
Ivanovo State University
e-mail: maniksa@ivanovo.ac.ru

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

В статье рассматриваются ключевые тенденции развития политической лексикографии в XXI веке, обусловленные кардинальными изменениями в общественно-политической и медийной сферах. Актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления влияния процессов цифровизации, становления корпусной лингвистики и появления больших языковых моделей на теорию и практику создания политических словарей. Цель работы – выявить и систематизировать основные векторы, трансформирующие современную политическую лексикографию. На основе анализа российских и зарубежных лексикографических проектов автор выделяет четыре ключевых вектора развития: переход от статического формата к динамическим онлайн-ресурсам, утверждение дата-центричного подхода, автоматизация процессов с помощью ИИ и расширение объекта лексикографирования за счет мультимодальных знаков (мемов, хэштегов). В заключении констатируется становление интегральной политической лексикографии как сложной цифровой экосистемы, способной к оперативному анализу и описанию современного политического языка.

Ключевые слова: политическая лексикография; политический дискурс; векторы развития; цифровизация; корпусная лингвистика; большие языковые модели; мультимодальность; политический словарь.

DEVELOPMENT TRENDS IN POLITICAL LEXICOGRAPHY FOR THE 21ST CENTURY

The article examines the key development trends in political lexicography in the 21st century, driven by radical changes in the socio-political and media spheres. The significance of the research is determined by the need for a scholarly analysis of the impact of digitalization, the rise of corpus linguistics, and the emergence of Large Language Models (LLMs) on the theory and practice of political lexicography. The aim of the paper is to identify and systematize the main vectors transforming modern political lexicography. Based on an analysis of Russian and foreign lexicographical projects, the author identifies four key vectors of development: the transition from a static format to dynamic online resources; the consolidation of a data-driven approach; the automation of processes using AI; and the expansion of the object of lexicography to include multimodal signs (e.g., memes, hashtags). The paper concludes by positing the emergence of an 'integral political lexicography' as a complex digital ecosystem capable of real-time analysis and description of modern political language.

Key words: political lexicography; political discourse; development trends; digitalization, corpus linguistics; Large Language Models (LLMs); multimodality; political dictionary.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось серьезными трансформациями в глобальном общественно-политическом пространстве. Процессы глобализа-

ции, стремительное развитие информационных технологий и рост интенсивности политической медиакommunikации привели к значительным изменениям в языке политики. Политический дискурс стал более динамичным, гибридным и технологически опосредованным, что требует его своевременной и адекватной научной рефлексии и фиксации. В этих условиях особую актуальность приобретает политическая лексикография – теоретическая и практическая деятельность по созданию словарей и корпусов, отражающих лексико-семантическую систему политической сферы. Именно лексикографические справочники служат не только инструментом для понимания текущей политической повестки, но и ценнейшим источником для изучения языковой картины мира и идеологических и ценностных установок общества в определенный исторический период.

Развитие политической лексикографии неразрывно связано с достижениями политической лингвистики, которая в последние десятилетия стала одним из ведущих направлений современного языкознания. Работы А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.П. Чудинова, Э.В. Будаева, В.З. Демьянкова, И.В. Вольфсона, М.Р. Желтухиной, А.А. Романова, Н.А. Купиной, О.Л. Михалевой, Е.И. Шейгал, Р. Chilton, ван Дейка, внесли неоценимый вклад в понимание специфики политического языка, его метафоричности, оценочности и манипулятивного потенциала [1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 12, 13, 14, 15]. Особое внимание уделяется специфике политического дискурса и его влиянию на семантику лексических единиц [6, 7, 11, 16, 17, 18]. На основе этих исследований был создан значительный ряд разнообразных лексикографических трудов, в том числе словари политических метафор, эвфемизмов, неологизмов и терминов [10]. Однако, несмотря на значительное количество работ, посвященных отдельным аспектам политической лексики и созданию конкретных словарей, системный анализ векторов развития самой политической лексикографии как динамично меняющейся области лексикографии в условиях нового тысячелетия остается недостаточно освещенной задачей. Большинство исследований фокусируется на материале XX века или на отдельных лексических группах, в то время как комплексное осмысление влияния цифровизации, новых медиа и изменения самой природы политического дискурса на теорию и практику создания политических словарей требует специального рассмотрения.

Таким образом, научная проблема настоящей работы заключается в необходимости выявления и систематизации основных тенденций, определяющих облик современной политической лексикографии.

Объектом данного исследования является политическая лексикография как самостоятельная междисциплинарная область научного знания. Предметом выступают основные направления (векторы) ее эволюции в российском и мировом научном пространстве в период с начала 2000-х годов по настоящее время.

Цель статьи – выявить, описать и систематизировать ключевые векторы развития политической лексикографии в XXI веке, обусловленные как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

На основе лонгитюдного исследования политических словарей английского и русского языков (с 1995 г. по настоящее время) возможно выделить следующие характерные черты политических справочников [Маник 2019]:

- Динамичность и оперативность изданий. Политика – быстро меняющаяся сфера. Традиционные печатные словари не успевают фиксировать новые термины, мемы, сдвиги в значениях существующих слов, возникающие в политическом дискурсе. Онлайн-формат, в том числе словари в социальных сетях позволяют оперативно обновлять и дополнять словарные статьи, отражая актуальное состояние политического языка.

- Мультимедийность и контекстуализация. Необходимо подчеркнуть, что для понимания значения слова или выражения важна не только дефиниция, но и реальные примеры употребления из политических текстов (речей, интервью, дебатов, социальных сетей), поскольку политический язык часто сильно контекстуализирован. Поэтому цифровые политические словари часто включают ссылки на корпусные данные, аудио- и видеофрагменты выступлений политиков, скриншоты публикаций в социальных сетях, что существенно обогащает понимание.

- Интерактивность и аналитичность. Пользователи политических справочных изданий имеют возможность не просто читать словарные статьи, но и самостоятельно исследовать употребление политических терминов в корпусах, сравнивать их частотность в разных политических контекстах, анализировать семантические поля и идеологические коннотации.

- Многоаспектность и междисциплинарность. Политическая терминология тесно связана и переплетается с историей, правом, социологией, политологией, медициной, экологией и другими областями. Современные политические словари могут включать не только лингвистические дефиниции, но и исторические справки, юридические определения, социокультурные комментарии, отражающие многогранность политических понятий.

- Отражение идеологической и манипулятивной функций языка. Как известно, политический язык часто используется для убеждения, пропаганды, манипуляции. В этой связи политические словари часто включают в корпус слова с определенной идеологической окраской, регистрируют эвфемизмы, дисфемизмы, «слова-триггеры» и другие лингвистические средства воздействия.

- Нарративность и развлекательных формат. Многие политические словари трансформируются из издания для получения справки или консультации по интересующему вопросу в книгу для чтения, в том числе назидательного, развлекательного и художественного характера.

- Специализация и учет разных аудиторий. В свет выходят политические словари, ориентированные на разные группы пользователей: исследователей-политологов, журналистов, студентов, детей, широкую общественность, интересующуюся политикой. Кроме традиционных толковых политических справочников в свет выходят разнообразные издания новых жанров и форматов (словарь в социальной сети, календарь-справочник, иллюстративный словарь, ассоциативный словарь, словарь политических слоганов и т.п.).

Изучив многоплановый репертуар словарей политической сферы возможно констатировать, что современный этап развития политической лексикографии определяется тремя взаимосвязанными технологическими революциями: тотальной цифровизацией коммуникации, становлением корпусной лингвисти-

ки как индустриального стандарта и появлением мощных генеративных нейросетей (больших языковых моделей). Эти факторы не просто меняют инструменты лексикографа, но и фундаментально трансформируют сам объект, предмет и методологию его работы. Представляется возможным выделить следующие ключевые векторы этого развития.

1. Трансформация формата: от статического словаря к динамическому лексикографическому проекту

Традиционный (бумажный) словарь является законченным, статичным продуктом. Цифровизация разрушает эту парадигму, превращая словарь в постоянно развивающийся, обновляемый и интерактивный сервис. Так, электронные словари обновляются в режиме реального времени. Это довольно важно для лексики общественно-политической сферы, где неологизмы, окказионализмы и изменения в коннотациях слов появляются ежедневно (например, после громких политических событий, выступлений или в ходе предвыборных кампаний). Вместе с тем, словарная статья за счет гиперссылок на первоисточники выступлений, медиапубликации и политические документы перестает быть просто текстом. Более того, лексикографические справочники всеми силами вовлекают и стараются сохранить внимание пользователя, предлагая оставить комментарий, оценить релевантность информации и т.п.

2. Углубление эмпирической базы: корпусная и дата-центричная (data-driven) лексикография

Как отмечают многие исследователи, раньше лексикограф опирался на собственную языковую интуицию и ограниченную картотеку при составлении словаря. В настоящее время в распоряжении ученых находятся практически неисчерпаемые данные: многомиллиардные тексты разных жанров. Важно отметить, что работа ведется не с отдельными текстами, а с веб-корпусами (Web as Corpus), корпусами социальных сетей (Telegram, VK и др.) и специализированными политическими корпусами объемом в миллиарды словоупотреблений. Корпусные инструменты позволяют с высокой точностью определять частотность лексемы, ее коллокации (типичную сочетаемость), семантическую просодию (положительную/отрицательную окраску), выявлять диахронические сдвиги в значении. Например, можно проследить, как слово «emancipation» из нейтрального термина превратилось в лексему с преимущественно негативными коннотациями в определенных дискурсах. Корпусные менеджеры также позволяют довольно быстро находить термины и устойчивые сочетания, которые являются кандидатами на включение в словарь, контексты их употребления, что кардинально ускоряет процесс сбора материала.

3. Автоматизация и делегирование полномочий ИИ: роль больших языковых моделей

Появление моделей вроде GPT-4, YandexGPT, Deepseek, GIGA Chat и др. открывает принципиально новый этап, на котором искусственный интеллект становится не просто инструментом, а в некотором смысле соавтором лексикографа. Так, большие языковые модели на основе анализа значительного количества контекстов могут предложить проект словарного определения, сгенери-

ровать или предложить из своего загруженного корпуса релевантные, стилистически разнообразные и понятные примеры употребления. Они обучены определять стилистические пометы, кластеризовать лексику по темам. Все это трансформирует статус и функционал лексикографа: из «собирателя», описывающего язык, в эксперта-верификатора, менеджера и архитектора всей лексикографической системы, ставящего задачи ИИ, оценивающего и корректирующего, отвечающего за чистоту от «галлюцинаций» и предвзятостей модели.

4. Расширение объекта лексикографирования: от слова к мультимодальному политическому знаку

Политическая коммуникация, происходящая зачастую в медиапространстве сегодня, – это не только слова. Новые векторы требуют фиксации и описания новых типов знаков. Так, например, мемы стали полноценными единицами политического языка, обладающими значением, прагматикой и коннотациями. Политические плакаты, карикатуры, инфографика, стикеры также активно входят в политический язык и находят свое отражение в словарях. Хэштеги (#СвободуПолитзаключенным, #КрымНаш, #BlackLivesMatter, #keepamericagreat, #JeSuisCharlie, #Women2Drive) – это свернутые лозунги и идеологемы, которые нуждаются в лексикографическом описании. Их описание требует новых методик.

Важно подчеркнуть, что выделенные векторы взаимосвязаны и ведут к созданию интегральной политической лексикографии. Она будет представлять собой не просто словарь, а сложную цифровую экосистему, которая в режиме реального времени отслеживает, анализирует (с помощью корпусов и больших языковых моделей), описывает и представляет пользователю всю палитру знаковых средств современного политического дискурса – от традиционного слова до мультимодального мема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2008. 248 с.
3. Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6(60). С. 12–17.
4. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ., изд. стер. М. : Либроком, 2013. 344 с.
5. Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 125 с
6. Гришаева, Л. И. Реализация стратегии эвфемизации и вторичные номинативные средства // Материалы Международной научной конференции «От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов». 2023. С. 14–17.

7. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.
8. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с
9. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 144 с.
10. Маник С.А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2019. 572 с.
11. Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 2000. Вып. 2. 479 с.
12. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
13. Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. М.; Тверь, 2002. 191 с.
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2018. 256 с.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
16. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London, 2004. 241 p.
17. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication / Ed. by T. van Dijk. Berlin; New York: De Gruyter, 2011. 375 p.
18. Politics as Text and Talk. Analytic Approaches to Political Discourse / Ed. by P.Chilton, Ch. Schäffner. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 256 с.

УДК 378

Мелконян Ашхен Арутюновна

кандидат педагогических наук

г. Ростов-на-Дону

Российская Федерация

Южный федеральный университет

*e-mail: aamelkonyan@sfnedu.ru***Шапошникова Светлана****Николаевна**

кандидат филологических наук

Ростов-на-Дону

Российская Федерация

Южный федеральный университет

*e-mail: snsklyarova@sfnedu.ru***Ashkhen Arutunovna Melkonyan**

Cand. of Sc. (Pedagogy)

Rostov-on-Don

Russian Federation

Southern Federal University

*e-mail: aamelkonyan@sfnedu.ru***Svetlana Nikolaevna****Shaposhnikova**

Cand. of Sc. (Philology)

Rostov-on-Don

Russian Federation

Southern Federal University

e-mail: snsklyarova@sfnedu.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ INTERACTY В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

В статье представлен анализ исследования цифрового сервиса Interacty как инструмента, позволяющего оптимизировать процесс обучения иностранному языку, рассматривается его специфика и уникальные характеристики. Предлагаются практические рекомендации по внедрению и использованию цифровой платформы в учебно-методической практике преподавателей немецкого языка.

Ключевые слова: обучение иностранному языку; цифровые интерактивные технологии; цифровой образовательный инструмент; геймификация образовательного процесса.

DIGITAL TECHNOLOGIES OF LANGUAGE EDUCATION: METHODOLOGICAL ASPECTS AND RESULTS OF USING INTERACTY IN GERMAN LANGUAGE TEACHING

The article presents an analysis of the study of the digital service Interacty as a tool for optimizing the process of teaching a foreign language. Its specifics and unique characteristics are considered. Practical recommendations for the implementation and use of the digital platform in the teaching and methodological practice of German teachers are offered.

Key words: foreign language teaching; digital interactive technologies; digital educational tool; gamification of the educational process.

В условиях стремительного технологического развития важно регулярно модифицировать систему образования, учитывая современные тенденции и потребности всех участников образовательных отношений. Сфера языковой подготовки не является исключением.

Эффективное обучение иностранному языку студентов в вузе подразумевает формирование фундаментальных умений и навыков владения иностранным языком в рамках профессиональной коммуникации.

Лимит учебной нагрузки ограничивает область возможностей преподавателя в продуктивном профессионально-ориентированном иноязычном обучении. Исследование инновационных форм и приемов в области лингводидактики позволяет найти качественное решение текущих проблем и расширить горизонты в образовательном пространстве в процессе преподавания иностранного языка.

Цель данной научной статьи – теоретически обосновать целесообразность и эффективность интеграции цифровых технологий в процесс обучения немецкому языку на примере цифрового сервиса Interacty.

В задачу публикации входит изучение методических возможностей и потенциала цифровой платформы для оптимизации учебного процесса.

В ходе исследования был разработан интерактивный образовательный контент на платформе Interacty и встроен в программу обучения.

В перечень методов, примененных при проведении эксперимента, вошли: теоретический анализ научно-методической литературы, наблюдение за вовлеченностью и активностью студентов во время выполнения интерактивных заданий, обобщение педагогического опыта.

Актуальность выбранной темы определяется потребностью в совершенствовании методики использования современных цифровых технологий на учебных занятиях по иностранному языку, поскольку традиционные подходы к повышению качества языковой подготовки специалистов постепенно утрачивают свою значимость в условиях глобализации и цифровой трансформации общества. Необходимость формирования компетенций владения иностранным языком, способствующих успешной адаптации выпускников вузов к профессиональной деятельности, требует внедрения инновационных методов и инструментов, обеспечивающих оптимизацию образовательного процесса и развитие коммуникативной компетенции обучающихся.

В последние годы с этой целью активно используются цифровые интерактивные технологии обучения, задачей которых является организация более комфортной образовательной среды для обучающихся на занятиях по иностранному языку, повышение их уровня вовлеченности в процесс познания. Персональный вклад обучающихся и педагогических работников во время занятий нацелен на взаимную передачу знаний, обмен мнениями и идеями, увеличение заинтересованности в изучении иностранного языка, расширение доступа к информации и развитие активной образовательной позиции.

Под цифровыми интерактивными технологиями мы будем понимать обширный арсенал технических, методических и лингводидактических средств и приемов, используемых для интенсификации процесса обучения, который происходит на основе взаимодействия между педагогом и обучающимися.

«Создание цифровой среды в иноязычном образовании представляет собой совокупность ресурсов, обеспечивающих учебный процесс, что направлено на персонализированную образовательную деятельность, организуемую в цифровой образовательной среде, ключевыми компонентами которой являются данные в цифровом формате, обработка, обмен и результаты анализа которых, поз-

воляют достичь конкретной личности качественно новых результатов образования в конкретной жизненной ситуации» [1, с. 43].

В условиях цифровой трансформации системы иноязычного образования для преподавателя иностранного языка открывается доступ к большому ассортименту цифровых учебных материалов: от аудио- и видеоконтента, сервисов с интерактивными заданиями до интерактивных уроков и онлайн-курсов [2]. Разнообразный цифровой инструментарий в распоряжении педагога – неисчерпаемый ресурс для вдохновения, для организации и проведения информативных и вместе с тем увлекательных занятий.

Анализ литературы по проблематике исследования позволил выявить ключевые преимущества обучения иностранному языку с внедрением цифровых интерактивных технологий. Их использование в учебном процессе предоставляет возможность:

- Задействовать наибольшее количество каналов восприятия информации учащимися и расширить спектр рабочих материалов по иностранному языку: использовать не только печатные издания, но и материалы в звуковом, графическом и анимированном виде, что способствует усвоению предмета на более высоком уровне [3; 4];

- Автоматизировать процесс усвоения и осознания студентами учебного материала, его закрепления в памяти и применения на практике;

- Оптимизировать систему мониторинга обученности и оценивания знаний обучающихся, а также систему коррекции знаний [4; 5];

- Проводить дифференцированное обучение: создавать наиболее подходящие условия для обучения с разным темпом, интегрируя комплекс упражнений разной сложности и различные формы работы (групповая, парная, индивидуальная) [4];

- Организовать обучение иностранному языку на основе индивидуализации образовательного процесса [6];

- Развивать интерес к освоению иностранного языка, повысить мотивацию к изучению данной дисциплины, что также определяет качество обучения;

- Создать условия для развития учебной самостоятельности студентов в освоении материала [2];

- Сформировать информационно-коммуникативную культуру у учащихся.

Исследователи отмечают, что «основными вопросами при выборе преподавателем цифровых интерактивных технологий являются: что применять, как применять и, самое главное, зачем применять тот или иной ресурс» [7, с. 108]. Нужно исходить из поставленной цели, отобрать ресурсы и внимательно их изучить, продумав, как они могут быть использованы для достижения поставленной цели [5].

Вследствие этого становится актуальным выбор оптимального цифрового ресурса, позволяющего педагогу быстро создавать и систематизировать дидактические интерактивные задания различной языковой направленности.

Мы остановили свой выбор на ресурсе Interacty, который представляет собой инновационную онлайн-платформу с русскоязычным интерфейсом для генерации интерактивного контента. Цифровой сервис позволяет создавать раз-

нообразные интерактивные листы (с текстами, изображениями, видеофайлами, тестами и играми), которые обогащают формы работы на уроках, а процесс изучения иностранного языка становится более увлекательным и динамичным. Работа с платформой помогает преподавателю персонализировать обучение, экономить время и обеспечивает более эффективную и увлекательную рабочую обстановку.

Преимущество Interacty заключается еще и в простоте работы приложения: очень легко формировать разнообразный интерактивный контент. Образовательные проекты на платформе можно разработать с нуля или воспользоваться уже готовыми шаблонами. Чтобы поделиться авторским цифровым продуктом необходимо скопировать ссылку на проект или QR-код и отправить студентам. На платформе представлено около 90 шаблонов в разделе «Образование», которые можно использовать в готовом виде или наполнить своим содержанием.

Рассмотрим основные методические аспекты работы с данным сервисом:

1. Интерактивность и геймификация процесса обучения: платформа предлагает возможность создавать индивидуальные учебные траектории, адаптированные под уровень подготовки каждого учащегося. Уроки представлены в виде увлекательных заданий (например, «Интерактивная карта» или «Флип-карта», «Таймлайн», слайдшоу и др.) и игровых ситуаций (кресворды, викторины, квесты, игры: «Мемори», «До и после», «Найди пару» и др.), что повышает интерес студентов к процессу обучения.

2. Поддержка различных типов учебной деятельности: от аудирования и чтения до устной речи и письма. Сервис позволяет работать с аудиоформатами, в том числе записывать устную речь и добавлять её к рабочим листам. Можно также создавать игры, в которых нужно соотносить слово с его произношением. Interacty предлагает обширный набор упражнений, направленных на развитие всех аспектов владения языком: преподавателю доступны все имеющиеся ресурсы в виде готовых аутентичных текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов, презентаций и игр, как при использовании бесплатной версии, так и при расширенной подписке. Благодаря этому студенты могут практиковать каждую из компетенций отдельно либо комплексно, что делает обучение разнообразным и полноценным.

3. Адаптация материалов к индивидуальным потребностям: одной из ключевых особенностей платформы является адаптивная система обучения. Система отслеживает прогресс студента, предоставляя индивидуальные рекомендации и материалы соответствующей сложности, таким образом обеспечивая индивидуальный темп освоения программы. Такая персонализация способствует эффективному обучению даже при значительных различиях в уровне подготовленности обучающихся.

4. Обратная связь и оперативный мониторинг прогресса учащихся: преподаватели получают доступ к аналитике успеваемости каждого студента, что помогает своевременно выявлять проблемные зоны и корректировать образовательный процесс. Учащиеся же могут видеть собственный прогресс, анализировать допущенные ошибки и совершенствоваться.

Апробация цифрового образовательного инструмента Interacty проводилась на базе групп студентов 3-го курса бакалавриата и 1-го курса магистратуры Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в рамках преподавания дисциплины «Второй иностранный язык (немецкий)».

В ходе внедрения платформы была проведена серия интерактивных занятий, включающих использование различных заданий, таких как популярная игра «Мемори», викторина по страноведению «Знаешь ли ты достопримечательности Германии?», работа с интерактивной картой, а также грамматические тесты и рабочие листы.

На платформе Interacty нами была создана игра по теме «Немецкие ученые и их изобретения, которые изменили мир» (<https://interacty.me/projects/9a1b8d4544c396bb>). Играющий должен соотнести изображение предмета с именем его изобретателя. Игра способствует активному изучению лексики, освоению страноведческого материала и развитию памяти студентов посредством интерактивного сопоставления терминов и изображений. Можно предложить играть на скорость, т. е. студенты соревнуются, кто быстрее справится с заданием, что повышает мотивацию и динамичность учебного процесса.

Заинтересовала студентов также страноведческая викторина «Знаешь ли ты Германию?» (<https://interacty.me/projects/a56dba017f4df869>), представляющая собой интерактивное задание, в котором студентам предлагается определить верный вариант ответа из четырех. При выборе правильного ответа появляется дополнительная информация о соответствующей достопримечательности. Эта игра также способствует углублению знаний о немецком культурном наследии, истории Германии и совершенствованию страноведческой компетенции.

Результаты апробации показали:

- Высокий уровень вовлеченности студентов. Интерактивные игры способствовали активному участию и поддерживали интерес студентов на протяжении всего занятия;

- Повышение мотивации к изучению материала. Обучающиеся отмечали, что такой интерактивный формат урока делает процесс обучения более доступным и увлекательным;

- Улучшение усвоения знаний. Лексико-грамматические тесты и интерактивные рабочие листы позволили закрепить уже полученную информацию и проверить уровень понимания темы занятия;

- Развитие навыков самостоятельной работы и критического мышления. С помощью интерактивных заданий в форме тестов обучающимся смогли самостоятельно проверить свои знания и понять, над чем еще необходимо поработать. Использование разнообразных упражнений побудило студентов к анализу и способствовало систематизации их знаний.

Таким образом, интеграция платформы Interacty в систему обучения показала эффективность ее применения в образовательном процессе, существенно повысила вовлеченность студентов и способствовала более качественному усвоению материала, наряду с этим получила высокую оценку самих обучающихся.

Использование современных технологий позволяет сделать занятия интересными, практическими и ориентированными на конкретные потребности каждого учащегося, активизируя творческий потенциал обучающихся и развитие личностных качеств. Следует подчеркнуть, что только гармоничное сочетание цифровых интерактивных технологий с традиционными средствами позволяют достичь всех поставленных целей обучения, в том числе и на уроках немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Т. А. Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. 164 с.
2. Куликова Э. А., Мелконян А. А., Шапошникова С. Н. Использование интерактивного подхода в формировании иноязычной коммуникативной компетенции у студентов высших учебных заведений: применение диалоговых тренажеров (на примере немецкого языка) // Мир науки, культуры, образования. 2024. №1 (104). С. 107–111. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-107-111
3. Морозова О. Н. Использование средств цифровых технологий на занятиях по иностранному языку // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. Тамбовский государственный технический университет. Номер 2 (88). 2023. С. 143–151. DOI: 10.17277/voprosy.2023.02. Рр.143–151
4. Рыбакова М. В. Цифровая образовательная среда как фактор развития иноязычных компетенций // Перспективы науки и образования. 2021. №1 (49). С. 232–248. DOI: 10.32744/pse.2021.1.16
5. Никифорова И. Н. Позитивные и негативные тенденции использования цифровых технологий при обучении иностранному языку // Наука и школа. 2022. №6. С. 232-240. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-6-232-240
6. Мэн, Жоу. Интеграция цифровых ресурсов в методику интерактивного иноязычного обучения // Педагогическое образование в России. 2024. №6. С. 202–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-tsifrovyyh-resursov-v-metodiku-interaktivnogo-inoazychnogo-obucheniya> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Оксюта А. А. Использование цифровых ресурсов при обучении иностранному языку // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС: Сборник научных трудов по материалам Четвертой Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 19–20 февраля 2019 г.). Воронеж, 2019. С. 103–109.

УДК 37.022

Мыльцева Маргарита Викторовна

Кандидат педагогических наук

г. Москва, Россия

Российский университет дружбы

народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: myltseva-mv@rudn.ru

Margarita Viktorovna Myltseva

Cand of Sc (Pedagogy)

Moscow, Russia

RUDN named after Patrice Lumumba

e-mail: myltseva-mv@rudn.ru

ПСИХОНЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ CHATGPT

Дальнейшее развитие технологий способствуют стремительному возникновению и проникновению инноваций во все сферы современного общества, этот процесс несомненно ведет его к постоянному прогрессу. Инновационные технологии существенно обогащают и вносят разнообразие в преподавание иностранных языков. Автор рассматривает актуальные аспекты обучения общению на иностранном языке с использованием сгенерированного искусственным интеллектом чат-бота. Нейролингвистика – это сравнительно молодая наука, на стыке нейронаук и лингвистики, открытия в которой зависят от технологического прогресса. Нейролингвисты изучают мыслительные и речевые способности человека. Несмотря на множество исследований, проведенных за последние несколько десятилетий, нет полного понимания принципов работы мозга.

Автор проанализировал методы и технологии, применяемые при обучении ИЯ. Инновационные технологии, не исключая традиционные методы обучения, стали неотъемлемой частью современного образования. Обучение иноязычному общению с использованием ChatGPT формируют индивидуальные, творческие и познавательные способности обучающихся, стимулируют их к дальнейшему самостоятельному изучению языка.

Автором выявлено, что в процессе преподавания иностранных языков всё большее внимание уделяется внедрению инновационных методов и технологий обучения с целью повышения заинтересованности и вовлечения студентов в образовательный процесс, мотивируя их на более глубокое изучение иноязычного общения с использованием ChatGPT.

Ключевые слова: иноязычное общение; нейролингвистика; ChatGPT; творческие и познавательные способности; мотивация; инновационные технологии.

PSYCHONEUROLINGUISTIC ASPECTS OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION TRAINING USING CHATGPT

The further development of technology contributes to the rapid emergence and penetration of innovations into all spheres of modern society, this process undoubtedly leads it to constant progress. Innovative technologies significantly enrich and bring diversity to the teaching of foreign languages. The author examines the current aspects of a foreign language communication learning while using an artificial intelligence-generated chatbot. Neurolinguistics is a relatively young science at the junction of neuroscience and linguistics, which discoveries depend on technological progress. Neurolinguists study human thinking and speech abilities. Despite the many studies conducted over the past few decades, there is no complete understanding of how the brain works.

The author analyzed the methods and technologies used in a foreign language training. Innovative technologies, not excluding traditional teaching methods, have become an integral part of modern education. Teaching foreign language communication using ChatGPT forms the individual, creative and cognitive abilities of students, stimulating them to further independent language learning.

The author has revealed that in the process of teaching foreign languages, more and more attention is being paid to the introduction of innovative teaching methods and technologies in order to increase students' interest and involvement in the educational process, motivating them to learn more about foreign language communication using ChatGPT.

Keywords: foreign language communication; neurolinguistics; ChatGPT; creative and cognitive abilities; motivation; innovative technologies.

One of the teacher's tasks is to help the student perceive, process and memorize new information effectively, turning it into an active lifelong skill. Therefore, it is of great importance to understand how the human brain works, its reaction to the appearance (learning) of a second or third language, and even more. The purpose of this article is to determine how effective the use of psychoneurolinguistic aspects of teaching foreign language communication while using ChatGPT is, to show its advantages and identify the disadvantages of a neural network in the modern educational process (based on the example of 1-year bachelor students of Linguistics (B1 level)).

Teachers use the basic principles of neurolinguistics to influence students' brains in routine teaching activities. For example, it can be associative connections, gestures, visual perception and even drama. Understanding the principles of the brain will help the teacher build concrete steps to achieve the goal of effective foreign language teaching.

What happens to the brain when we speak, listen, see complex images, or engage in mental activity?

Thanks to neurolinguistics, dozens of types of testing have been developed that cover different areas: from pathological brain and speech disorders to marketing and advertising. Among Russian psychologists, the fusion of the two sciences was actively promoted by L. S. Vygotsky. Today, one of the most prominent professors in this field is Tatiana Chernihiv – Doctor of Philology and Biology. Thanks to her writings, scientific papers and lectures, neurolinguistics has become much more popular among Russian scientists. There is understanding of how a neural network can be used to learn a foreign language because it could adapt to the student and makes language learning process adaptive.

The neural network offers exercises that are most suitable for the student's level and hobbies, develops pronunciation and speaking skills can be improved as well. Moreover, it analyzes mistakes and helps to expand vocabulary, as well as find contextual meanings of words and phrases, helps to deal with complex topics. Neural networks don't just correct mistakes or translate words – they analyze the level of responses and make learning more effective. Though they can hardly replace teachers and live communication, since language is not just grammar.

The research material is the use of chatbots in learning English communication, which is increasingly being used in the educational environment. Their active involvement in learning English is largely justified, since artificial intelligence fully meets human expectations.

A comprehensive analysis of foreign and Russian publications on a relevant topic, as well as the practical application of the chatbot by 1st-year students of the Patrice Lumumba RUDN Research Institute (25 students, level B1) during the 1st se-

mester of 2024-2025 (17 weeks in general) and a comparative analysis of the students' results based on testing and a survey on the advantages and disadvantages of using a neural network showed that they are able to fully form students' linguistic competence (mastery of the phonetic, lexical and grammatical aspects of speech led to improved results of all 25 students), though speech competence – the ability to speak English – is being formed partially. Speech activities such as listening, reading and writing can develop, but not the main type – speaking (foreign language communication). Speaking can be developed through communication with another person, preferably with a native speaker [2, s.200-203]. In the context of Russian education, a teacher acts this role, as a rule.

It was revealed that with a higher level of language proficiency, it is possible to use the Internet communication environment (chat, forums, conferences, mail) to communicate with native speakers. The formation of speaking with minimal involvement of a teacher or other real interlocutor is one of the main problems in learning a foreign language using computer technology. Partially, the problem of developing speaking skills with the help of technical means can be solved at the pre-intermediate level, for example, teaching English using special programs, the so-called chatbots.

"Chatbots" – virtual interlocutors – are computer programs designed to simplify communication and the communication process, capable of maintaining a dialogue with a person using speech recognition technologies or working according to pre-configured "question-answer" scenarios [3, S. 64]. Chatbots are currently a very popular application that can perform completely different functions, such as entertainment and activity support on the company's page or acting as a consultant [4, S. 5].

As mentioned above, chatbots are computer programs that mimic human conversation, which have recently become a popular tool for learning a foreign language. Using a chatbot has confirmed its advantage when learning English. Chatbots give students the opportunity to practice their foreign language communication skills in a supportive and interactive environment. They can interact with the chatbot via text or voice, allowing students to practice speaking and writing in English, as well as receive feedback and pronunciation and grammar corrections – all 25 students responded.

Another advantage of using chatbots when learning English is their convenience and accessibility. Chatbots can be accessed round the clock from any device connected to the Internet, which allows students to practice foreign language communication additionally. This fact can be especially useful for underachieving students (25 students).

Besides, chatbots can be used on various devices, including smart phones and laptops, which makes it possible to learn English on the go (25 students).

Chatbots also provide an interactive and fun learning process, which is very positive for language learning. While using chatbots, students can practice a natural and conversational manner of communicating in English, which helps improve pronunciation (25 students).

Finally, using chatbots to learn English is effective and efficient. Chatbots use advanced algorithms and machine learning to track each student's progress and pro-

vide customized lessons to meet their individual needs. This means that students can make significant progress in a short period of time, allowing them to achieve their learning goals more effectively (25 students).

Even though chatbots offer many advantages such as convenience and personalized learning, the students-respondents have confirmed that chatbots also have some significant disadvantages that cannot be ignored. Therefore, it is necessary to consider and take into account the existing disadvantages when using chatbots to learn English communication, and why chatbots may not be the best option for all students.

One of the biggest disadvantages of using a chatbot to learn English is the lack of human interaction. Although chatbots can mimic human conversation, they cannot reproduce the nuances and emotions that are so important for effective language learning. (18 students).

In addition, most students (21bachelors) are sure chatbots cannot provide personal feedback and encouragement, which are so important for motivation and progress.

Another disadvantage of using chatbots to learn English communication is their limited vocabulary and grammar. Chatbots are programmed with a limited number of words and phrases, and they may not be able to recognize or respond to more complex language structures and expressions. This can lead to a limited learning experience, which may not be suitable for advanced students, as well as improper use of grammar and vocabulary, which can hinder progress (20 students).

Chatbots are also limited in their ability to simulate real-world situations that are necessary for effective language communication learning. More than half of the students (20 students) noted that chatbots can provide basic communication, but they cannot reproduce the complexity and variety of real-world situations such as negotiation, persuasion, or small talk. This means that students may not be prepared for the real-life situations they will face when using English, and it may be difficult for them to communicate effectively.

Another disadvantage of using chatbots to learn English communication is the lack of understanding of culture. Chatbots are programmed with a limited understanding of cultural norms and practices, which can lead to inappropriate or insensitive use of language. This can be especially problematic for language learners who are trying to learn English for international communication, as understanding culture is essential for effective communication in a global context (25 students).

Finally, chatbots have limited feedback and correction capabilities, which can lead to misuse of the language and hinder progress. Chatbots can provide basic feedback, but they cannot provide the subtle and personalized feedback that is so important for effective language learning. In addition, chatbots cannot correct pronunciation and intonation, which are important components of effective communication in English (20 students).

Thus, it can be summarized and noted that the disadvantages of using chatbots to learn English are obvious and cannot be ignored. Although chatbots offer many advantages such as convenience and personalized learning, they also have significant limitations that may not be suitable for all students. For those who want to learn Eng-

lish for real situations, or for those who need individual feedback and correction, chatbots may not be the best option. It is necessary to consider the disadvantages of using chatbots and find alternative methods, such as traditional language courses or language exchange programs, to achieve language learning goals. (21 students).

As a result, the most important advantage of using chatbots in teaching foreign language communication is to improve the results of 25 students. With the help of the chatbot, students gained access to a wide range of language resources, such as pronunciation guides, grammar explanations, which helped them make significant progress in learning English, namely foreign language communication. The interactive and engaging nature of the chatbot also helps to keep students motivated and interested in learning, increasing their confidence and language proficiency.

In addition, through the possibility of independent practice, a chatbot can help students identify and correct their own mistakes, leading to more effective and efficient learning. Neurolinguistic aspects have special significance in teaching foreign language communication. They help to overcome barriers in the learning process (special techniques and strategies improve communication and facilitate the assimilation of information); to adapt the educational material considering the psychophysical characteristics of students (for example, students with a leading left hemisphere are offered tasks for generalization and logic, while those with a right hemisphere are offered tasks for search and creativity); to increase the motivation of students (teaching techniques and techniques of neurolinguistic programming are based on a personality-oriented approach); to use all channels of information perception (auditory, visual, kinesthetic). This ensures the effective use of lexical and grammatical material in oral and written speech); to develop critical thinking (students learn to analyze and process information faster and more accurately)[11].

In conclusion, it is worth noting that this study highlights the importance of considering both the advantages and limitations of using chatbots in education, especially when it comes to learning foreign language communication based on psychoneurolinguistic aspects. While chatbots can certainly be a valuable tool, they should be used in conjunction with other learning methods rather than relying solely on them.

LITERATURE

1. Voronkova O. B. Informacionnye tekhnologii v obrazovanii: interaktivnye metody. – Rostov n/D: Feniks, 2021–120 s.
2. Solov'ev A. I. Sovremennye tekhnologii massmedia: posobie . Minsk: BGU, 2018 279 s.
3. Malygina L. E. «Virtual'nye sobesedniki»: perspektivy razvitiya televizionnogo promodiskursa // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 63–70.
4. Paraskevov A.V. Perspektivy i osobennosti razrabotki chat-botov // Nauchnyj zhurnal KubGAU, №130(06), 2017 S. 1–7.
5. Akulich M.V. Chat-boty: varianty i tendencii ispol'zovaniya. Golosovye boty. – Ekaterinburg // Izdatel'skie resheniya, 2022. 100 s.

6. Kulikova O. M. Rol' chat-botov v postroenii effektivnyh kommunikacij//Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 4–3 (55). S. 33–37.
7. Effektivnost' ispol'zovaniya chat-botov v obrazovatel'nom processe/B. S. Goryachkin, D. A. Galichij, V. S. Capij [i dr.] / E-Scio. 2021. № 4 (55). S. 529–551.
8. Chat-boty – kto oni i chto umeyut? [Elektronnyj resurs] – URL: <https://efsol.ru/articles/messendzhery-i-chat-boty-dlya-biznesadostavki.html> (data obrashcheniya: 14.05.2025).
9. ChatGPT: Optimizing Language Models for Dialogue. 2022. Available at: <https://openai.com/blog/chatgpt/>
10. Reshetnikova M. Chto takoe ChatGPT, i na chto on sposoben. 2023. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/63a192819a79478fae5762ad>
11. Priemy nejrolingvisticheskogo programmirovaniya pri obuchenii inostrannomu yazyku [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.teacherjournal.ru/categories/13/articles/8371> (data obrashcheniya: 4.06.2025)

УДК 811.112.2

Неборская Лариса Николаевна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: neborskaja@gmail.com

Larisa Nikolaevna Neborskaya
PhD in Philology
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: neborskaja@gmail.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
В ЖАНРЕ «ПУТЕВОЙ ОТЧЕТ» XVI–XVII ВВ.

Цель статьи – анализ темпоральных маркеров лексического уровня в текстах путевого отчета А.Дюрера „Tagebuch der Reise in die Niederlande“ (1520-1521) и Ф. Хайнхофера „Die Reise nach Innsbruck“ (1628) и „Die Reise nach Dresden“ (1629). Выявлены лексические единицы определенной и неопределенной темпоральной семантики, формирующие нарративную структуру текста.

Ключевые слова: жанр; путевой отчет; темпоральность; лексическая единица; нарратив.

LEXICO-SEMANTIC MEANS OF EXPRESSING TEMPORALITY IN THE
GENRE OF TRAVEL REPORTS IN THE XVI–XVII CENTURIES

The aim of this article is to analyze lexical-level temporal markers in the travel reports *Tagebuch der Reise in die Niederlande* (1520–1521) by A. Dürer, *Die Reise nach Innsbruck* (1628) and *Die Reise nach Dresden* (1629) by F. Hainhofer. The study identifies lexical units with definite and indefinite temporal semantics that contribute to the narrative structure of the text.

Key words: genre; travel report; temporality; lexical unit; narrative.

Универсальная понятийная категория времени, именуемая в лингвистике как категория темпоральности, представляет собой объективное множество знаний о реальности, преломляющихся в субъективном восприятии времени человеком и отражающих отношения между человеком, действительностью и языком. Согласно В.И. Карасику категория темпоральности характеризуется следующими свойствами: время линейно; время имеет направление; время измеряемо; время может быть реальным и воображаемым, при этом их характеристики могут не совпадать; события всегда предполагают фиксацию на временной шкале и соотносятся с наблюдателем; наблюдатель может быть активным или пассивным; пассивный наблюдатель фиксирует объективное время событий относительно некоторых условных точек отсчета; активный наблюдатель фиксирует объективное время событий относительно их взаимной последовательности либо относительно момента наблюдения; языковая фиксация времени осуществляется грамматическими, лексическими и функционально-стилистическими средствами, образующими целостную систему языковой темпоральности; главным средством языковой темпоральности является система видо-временных форм глагола [1, с. 168-169]. Кроме форм времени и наклонения категория темпоральности может выражаться лексически, любой частью речи: глаголы, имена прилагательные, имена существительные, предлоги и союзы.

Целью настоящей статьи является выявление и описание темпоральных лексических маркеров, формирующих нарративную структуру типа текста «путевой отчет».

В зарубежной германистике для обозначения «языковой фиксации реального путешествия» [2, S. 7] традиционно используется термин *Reisebericht* букв. ‘сообщение о путешествии’¹, который, с точки зрения некоторых исследователей [2, 3] является в сравнении с терминами *Reisebeschreibung* ‘описание путешествия’, *Reiseliteratur* ‘литература путешествия’ и *Reiseroman* ‘путевой роман’ наиболее удачным, поскольку характеризуется большей степенью объективности при описании путешествия. Автор обладает возможностью расположить излагаемые события между такими характеристиками, как аутентичность и фикциональность, которые варьируются в зависимости от исторического периода и индивидуальности автора.

Жанр путевых отчетов – это текст, в котором повествуется «о пути» в прозаической форме и излагаются впечатления и переживания автора, артикулируются отношения между авторским «Я» и миром через опыт осмысления чужого.

Жанрообразующими признаками путевых отчетов являются: 1) аутентичность описываемого путешествия. При этом важно отметить, что описание реальности зависит от индивидуального опыта автора. Б. Кортэ отмечает, что «при всей своей аутентичности путевые отчеты в конечном счёте всегда являются творческой реконструкцией лежащего в их основе путешествия. Это становится очевидным, например, в тех случаях, когда даже в отчётах, написанных спустя долгое время после поездки, подробно воспроизводятся диалоги между путешественником и другими лицами. [...] Кроме того, при написании отчётов создаются связи и структуры, которых не было в исходном опыте путешественника» [4, S. 14]. Получается, что аутентичный опыт, полученный во время реального путешествия, в процессе письменной фиксации обретает черты художественного вымысла, т. е. фикционализируется; 2) хронология путешествия, включающая четкую нарративную схему (начало, ход и завершение путешествия, описание маршрута); 3) гибридная природа жанра. Путевой отчет может сочетать в себе элементы смежных жанров – эссе, письмо, репортаж, дневник.

Традиция путевого отчета активно формируется в Западной Европе начиная с XIV века. Подавляющее большинство позднесредневековых отчетов о путешествии – это т. н. «паломнические отчеты», повествующие о путешествиях к святыням Испании и Ближнего Востока. В 30-х годах XV века под влиянием идей гуманизма жанр западноевропейских путевых отчетов трансформируется: паломничество уступает место путешествиям с целью образования или знакомства с историей, культурой и географией как своей страны, так и других европейских стран. Яркими образцами именно таких путевых отчетов являются свидетельства путешествия Альбрехта Дюрера и Филиппа Хайнхофера, тексты которых и послужили материалом настоящего анализа.

Дорожные дневники А. Дюрера „Tagebuch der Reise in die Niederlande“ (1520-1521) [5] и Ф. Хайнхофера „Die Reise nach Innsbruck“ (1628) [6] и „Die Reise nach Dresden“ (1629) [7] – примеры гибридного текста биографического

¹ Далее мы будем использовать термин «путевой отчет».

дискурса, сочетающего в себе свойства жанра путевого очерка (достоверные сведения о землях, народах) и жанра дневниковых записей (ежедневное документирование событий, мыслей, переживаний).

Если личность А. Дюрера, выдающегося художника-новатора эпохи Позднего Средневековья, не требует особого представления, то Ф. Хайнхофер не известен широкому кругу исследователей. А между тем, будучи купцом, банкиром, дипломатом и коллекционером, он оставил яркий след в истории своего времени. Получив юридическое образование в Сиене и Падуе, Ф. Хайнхофер овладел несколькими языками, стал экспертом в области искусства и коллекционером. Одним из самых значимых аспектов деятельности Ф. Хайнхофера была его коллекция т. н. кабинетов редкостей – *Kunstschränke*, ставшие важной частью культурного наследия Аугсбурга, Германии и Европы. Они представляют собой миниатюрные музеи, в которых расположено множество уникальных предметов: античные артефакты, произведения живописи, скульптуры, редкие книги и научные инструменты. Каждый кабинет отражал индивидуальный стиль и вкусы своего владельца, а также являлся символом статуса и образованности.

Ф. Хайнхофер также известен путевыми заметками, в которых он описывал свои путешествия по Европе и которые не только содержат записи о посещенных местах, но и описания культурных, социальных и экономических условий стран. Эти заметки, будучи ценными историческими документами, служат важным источником информации о времени, в котором жил Хайнхофер, о тех изменениях, которые происходили в европейском обществе в XVI–XVII веках.

Репрезентация категории темпоральности в тексте путевых отчетов осуществляется при помощи единиц различных языковых уровней, выстраиваемых по принципу функционально-семантического поля. Ядро функционально-семантического поля темпоральности – грамматическая категория времени, содержанием которой является «отношение сообщаемого события к моменту речи с точки зрения адресата» [8, с. 26]. Периферийная область поля включает средства лексического уровня, передающие различные оттенки темпоральных отношений эксплицитно через сему «время» в структуре лексической единицы.

Система временных глагольных форм в рассматриваемый период развития немецкого языка находится в процессе активного становления, именно поэтому целесообразным представляется выявление и описание темпоральной лексики, способствующей нарративной организации текстов рассматриваемого жанра.

Хронологию описываемого путешествия передает инвентарь темпоральных лексем – количественно-именные сочетания и существительные с временной семантикой, обозначающие число, месяц, год, день недели, время суток: *Am pfingstag nach Chilianj* ‘на троицу [четверг, 12 июля 1520] после дня святого Килиана [воскресенье, 8 июля 1520]’ / *Adi 12. Aprils* ‘в день [от лат. *ad diem*] 12 апреля’ / *Am Montag* ‘в понедельник’ / *Nachmittag vmb 2 vhren* ‘после обеда в 2 часа’ / *ain stund nach essens* ‘час после обеда’ / *Vor zway Jahren* ‘два года назад’ и т.д., маркирующих определенное время

– начала путешествия:

(1) *Am pfingstag nach Chilianj hab ich Albrecht Dürer, uff mein verkost und außgeben, mich mit meinem weib von Nürnberg hinweg in das Nederland gemacht* [5].

(2) *Adi 12. Aprils, bin ich mit meister Vrich Paumgartneren, küstlern, so disen schönen tisch gemacht hat und mit Hans Jacob Laßman, dieneren, und mit Jörg Reittern, gutscherren, im glait Gottes den güteren gefolget, nach Weilheim.* [6, S.34]

(3) *Adi 30. Aug, bin ich mit 3 dieneren, einem gutscherren über Freiberg, Dasingen, Aichen, Wittelsbach [...] nach Bürenbach, 2 mail, [...]* [7, S.142].

– завершения путешествия:

(4) *[...] Am montag frühe fuhren wir durch Gülch [Jülich], ein statt, und kamen gen Perckan [Bergheim], da aßen wir und verzehrten 3 stüber. Von dannen fuhrn wir gen Cöhl* [5].

(5) *Nachmittag vmb 2 vhren, sein wir, Gott sey ewiges lob und danckh, widerumb glücklich vnd wol bey den unseren zu Augspurg ankommen [...]* [6, S.111].

(6) *Vnd kehrten wir also vmb 8 vhren im namen Gottes, wider ad lares penates, id est nach haus, kamen gegen abend zeitlich gen Freyberg [...]* [7, S. 247].

3) приема пищи:

(7) *Nun bin ich am Montag nach Aegydy wieder zu Jobst Planckfelter eingezogen und hab diese eingezeichnete mahl gessen: 17 [mal]. Aber ich von neuen dießmahl mit dem Tomasin gessen: 13. Item die zween herrn von Rogendorff haben mich geladen, ich hab einmahl mit ihnen gessen und ich hab sein wappen groß auff ein holz geriessen, das mans schneiden mag* [5].

4) события и церемониальные мероприятия, которые сопровождают авторов в путешествии:

(8) *Item am 23 tag octobris hat man könig Carl zu Ach gecrönt, da hab ich gesehen alle herrlich köstlichkeit, deßgleichen keiner, der bey uns lebt, köstlicher ding gesehen hat* [5].

(9) *[...] vnd zu hauß sich Immer ain stund nach essens mit Ihren anderen herren brüderen im reissen und malen exerzieren sollen* [6, S.62].

5) описание архитектурных объектов, музейных экспонатов и произведений искусства:

(10) *Der Hauptaltar ist A 1560 de coena domini, vnd die communicanten von mann vnd weibspersonen in ihrer tracht gemahlet, wie sie damalen geklaidet gangen sein* [7, S. 150].

(11) *Vor ein 70 iahren hat man in Sibenbürgen ain gewelb gefunden, welches ain kläffteringen baum, der darauf gewachsen, im vmbfallen entblößt hat [...]* [7, S. 155]

(12) *Vor zway Jahren, alß man veber ainer contra Danum erhaltener Viktoria (bey Lauther) das grosse geschütz loßgebrent, [...]* [6, S.59]

(13) *Bei der Kirchen ist ein coemiterium oder creuzgang, welcher von der burgerschafft vor 5 Jahren gerenoviert und ietzt zu Sepulchris vnd epitaphijs geordnet worden ist* [7, S. 150]

(14) *Dieser löbliche Kayser Maximilianus solle 5 Jahr vor seinem tod, alß das schloß zu Ynsprugg gebawet ward [...]* [6, S. 105]

В текстовых фрагментах подобного содержания (описание предметов искусства и достопримечательностей) темпоральные лексические единицы могут обозначать неопределенное время: предложные конструкции и существительные временной семантики *nach sein todt* ‘после его смерти’ / *aine gute weil* ‘некоторое время’ /, придаточные с временными союзами *alß (als)*, *wann*, *wie*, *bis* ‘когда, как только’, темпоральные наречия *täglich* ‘ежедневно’, *entlich* ‘наконец’, *dahin dann* ‘после этого’:

(15) *Item des Raphaels von Urbins ding ist nach sein todt als verzogen, aber seiner discipuln einer, mit nahmen Thomas Polonier, ein guter mahler, der hat mich begerth zu sehn [...]* [5]

(16) *Noch hat es alhier S. Peter kirchen, die Nonnen, vnd vor dem thor St. Johann kirchen, in welchen man täglich alternatim prediget.* [7, S. 155]

(17) *[...] vnd sie entlich das wasser aus dem gewelb in grund gflösset [...]* [7, S. 155]

(18) *[...] vnd haben wir noch aine gute weil bey den liechtern dises stambuch besehen* [6, S. 62]

(19) *Dahin dann, alß ich wider zu Ihrer Drlt. komen, der schluß gangan.* [6, S. 38]

(20) *Wann man in disem obern saal speiset, so stellet man die musicanten auch in vndern saal [...]*. [7, S. 217]

(21) *Wie man den Kayser Matthia, König Ferdinandum, vnd Ertzherzogen Maximilianum auf der Münich wissen veber die Elbe empfienge, da waren die pastey und Lusthaus voll geschützt [...]*. [7, S. 218]

(22) *Adj 23. Aprilis, am H. Ostertag sein die fürsten personen alle, vnd die gantze hofstatt vmb 8 vhren in die kirchen gangen, [...]. [...] so biß nach 10 vhren gewehret [...]*. [6, S. 42]

(23) *Disen ganzen tag haben wir von dem iagen, zeug und gütterwägwn mit truhen vnd tamburren; vnd gutschen mit ministris sehen herein fahren. Zu abents zwischen 5 vnd 6 vhren sein Ihre Durchl: selbs mit der hofstatt durch den Churfürstlichen garten in folgender ordnung herein kommen.* [7, S. 156]

Семантика темпоральных маркеров актуализирует не только значение *определенное время/неопределенное время*, но и такие оттенки временного значения, которые содержат указание на следование событий друг за другом – *darnach ...*, *do ...* / *do ...* / *darauf ...* / *da dann* / *nach* / *hernach*; параллельное протекание событий во времени – *und*, *item*, *also*; скорость протекания действия – *nun*, *gleich*; повторяемость действий – *abermahl*, *wider*.

(24) *Darnach [2. August 1520] fuhren wir gen Antorff [Antwerpen], do kam ich in die herberg zum Jobst Planckfelt, und demselben abend ludt mich der Focker faktor, mit nahmen Bernhart Stecher, gab uns ein köstlich mahl, aber mein weib aß in der herberg. [...] Item am samstag nach St. Peters kettenfeuer [1. August] führt mich mein wirth in des burgermeisters hauß zu Antorff. [...] Item dem poten hab ich 3 stüber geben; 2 pfenning umb brodt, 2 pfenning für dinten. Und am sonntag, was auf Sanct Oswaldttag, da luden mich die mahler auff ihr stuben mit meinem weib und magd, [...] und do ich zu tisch geführt ward, do stund das volck auf beeden seyten, als führet man einen großen herren. [...] und als ich also bey verehrt also sas, da kam der herren von Antorff rathspoth mit zweyen knechten [...]. Darnach kam meister Peter, der statt zimmerman, und schencket mir zwey kannen wein, mit erbietung seinen willigen dienst. Also do wir lang frölich bey einander waren, [...], darauf würde man die kammerspiehl machen, [...]. Item hab abermahl mit dem Portugales gessen, [...]*. [5]

(25) *Zu nachts umb 9 vhren haben Ihre Drtl. laßen die mettin halten, wie man sie sonsten vmb mitternacht halten pfleget [...]. Wie nun Ihre Ddrkten auß der mettin gangen, vnd mich gefragt, ob ich weidlich gebettet, [...]. Adj. 23. Aprilis, am H. Ostertag sein die fürsten personen alle, vnd die gantze hofstatt vmb 8 vhren in die kirchen gangen, [...]. [...] so biß nach 10 vhren gewehret [...]. Wie man auß der kirchen gienge, sagten Ihre Drlt zu mir, [...]. [...] vnd gienge man von der kirchen gleich zur tafel, [...]. Nach der mahlzeit vmb 1 vhren sein Ihre Drtl. [...] kommen,*

[...]. Nach 2 Vhren hat man Ihrer Drtl. angesagt, das es predigt Zeit seye, da dann Ihre Drtl. der Ertzherzog nur allain in die predig gegangen [...]. Alß man das fräwlin wider hinweg getragen, haben Ihre Drtl. die 2 Großhertzen vnd Ihre fraw gemahlin in Ihr cabinet oder schreistüblin geführt, [...]. [6, S. 44]

(26) Adj 16 Sept: haben wir in der schloskirchen den Herren Dr. Hoë predigen hören. Nach dem essen hat vnß Herr Theodorus Hasel [...] die Kunst Cammer gewiesen, [...]. Hernach zum Brandenburgischen gemach kommen, die kammer, audienz und retirata zimmer besehen, [...]. Darnach der stainin saal, oder Türkische saal, dessen tapezereyen von Türcken sein. [...] Disen ganzen tag haben wir von dem iagen, zeug und gütterwägwn mit truhen vnd tamburren; vnd gutschen mit ministris sehen herein fahren. Zu abents zwischen 5 vnd 6 vhren sein Ihre Durchl: selbs mit der hofstatt durch den Churfürstlichen garten in folgender ordnung herein kommen. [7, S. 158]

Нарративная структура текста путевых отчетов, таким образом, маркируется темпорально-копулятивными лексическими единицами (наречиями, союзами, именами существительными или количественно-именными сочетаниями темпоральной семантики) определенной или неопределенной временной семантики.

Перспективным для дальнейшего изучения лексических маркеров темпоральности в текстах жанра путевого отчета представляется привлечение текстовых образцов более поздних хронологических срезов с целью диахронического сопоставления и выявления специфики становления лексико-семантической системы категории темпоральности в немецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты: Научные труды Центроконцепта. 1997. № 2 (2). С. 154–173.
2. Brenner P. J. Der Reisebericht in der deutschen Literatur. Berlin, New York: Max Niemeyer Verlag. 1990. 731 S.
3. Hupfeld T. Zur Wahrnehmung und Darstellung des Fremden in ausgewählten französischen Reiseberichten des 16. bis 18. Jahrhunderts. Göttingen: Universitätsverlag. 2007. 486 S.
4. Korte, B. Der englische Reisebericht. Von der Pilgerfahrt bis zur Postmoderne. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1996. 236 S.
5. Dürer A. Tagebuch der Reise in die Niederlande. URL: https://www.hsaugsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/16Jh/Duerer/due_ni07.html (дата обращения: 25.07.2025).
6. Hainhofer Ph. Innsbrucker Reise. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/17Jh/Hainhofer/hai_inns.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
7. Hainhofer Ph. Dresdener Reise. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/17Jh/Hainhofer/hai_dres.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
8. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. Москва: «Академия». 2003. 400 с.

УДК 81'243

Неборская Лариса Николаевна

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

*e-mail: neborskaja@gmail.com***Якубенюк Людмила Михайловна**

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

*e-mail: ludakub@tut.by***Neborskaya Larisa Nikolaevna**

PhD in Philology

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

*e-mail: neborskaja@gmail.com***Jakubyonok Lydmila Mickailovna**

PhD in Philology

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: ludakub@tut.by

ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию лингводидактических методов и приемов формирования компетенции применять знания об истории языка, общественно-политическом развитии немецкоговорящих стран, их актуальных социально-культурных реалиях при решении профессиональных задач преподавателя немецкого языка. Приводится сопоставительный анализ целей, задач и содержания ряда специальных дисциплин (история языка, страноведение, лингвострановедение), изучение которых способствует формированию и развитию навыков и умений осуществления межкультурной коммуникации. В качестве основного предлагается контрастивный метод, основывающийся на сопоставлении и анализе национального компонента в преподавании иностранного языка. Раскрывается лингводидактический потенциал фразеологический единиц, содержащих сведения об исторических лицах и событиях. Курс «Лингвострановедение» предназначен для развития культурно-исторического кругозора, формирования коммуникативной компетенции обучающихся. Отмечается, что, прививая уважение к чужой и своей культуре реализуется одна из важнейших функций образовательного процесса, а именно воспитательная функция.

Ключевые слова: язык; история; культура; страноведение; лингвострановедение; лингводидактика; немецкий язык.

LANGUAGE, HISTORY, CULTURE: A LINGUOCULTURAL APPROACH IN TEACHING GERMAN

The article describes linguodidactic methods and techniques for developing the competence to apply knowledge of language history, socio-political developments in German-speaking countries, and their current socio-cultural realities when solving professional tasks as a teacher of German. A comparative analysis is provided of the objectives, tasks, and content of several specialized disciplines (language history, cultural studies, and linguocultural studies), the study of which contributes to the formation and development of skills for intercultural communication. The contrastive method, based on the comparison and analysis of the national component in foreign language teaching, is proposed as the primary approach. The linguodidactic potential of phraseological units containing information about historical figures and events is explored. The *Linguocultural Studies* course is

designed to broaden students' cultural and historical horizons and develop their communicative competence. It is noted that fostering respect for both foreign and native cultures fulfills one of the most important functions of the educational process – namely, its formative role.

Key words: language; history; culture; cultural studies; linguocultural studies; linguodidactics; German language.

С момента становления языкознания как самостоятельной научной дисциплины неоднократно предпринимались попытки исследовать взаимосвязь языка, культуры и истории, и тем самым обосновать и сформировать историко-культурологическую базу лингвистической науки. В статье ставится цель представить методический опыт преподавания курса «Лингвострановедение», расширяющий знания о языке и формирующий коммуникативную компетенцию студентов лингвистического вуза.

Лингвистической основой лингвострановедческого подхода в преподавании немецкого языка является междисциплинарное историко-культурологическое направление языковых исследований, предполагающее описание «взаимосвязи вне- и внутрисистемных национально-культурных, социопрагматических, политических и иных факторов при описании конкретного языкового явления в его синхронии и диахронии» [1, с. 21]. В рамках данного подхода Х. Куссэ, например, выделяет два направления – гумбольдтианский и дискурсивно-ориентированный, – на которых основывается определение предмета изучения языка и культуры. В первом из них язык и культура понимаются в этнонациональном ключе. Соответственно, культура отождествляется с этнонациональной культурой, а язык – с этническим языком или национальным стандартом. Дискурсивно-ориентированный подход фокусируется «на сферах коммуникации и соответствующих дискурсах, а не на постулируемой этнической или национальной культуре в целом» [1, с. 25]. Такой интегративный подход отражает функционирование языка и культуры в повседневном употреблении, а, следовательно, демонстрирует преимущество историко-культурологического подхода на современном этапе развития не только лингвистической, но и педагогической науки.

Идея о том, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [2, с. 27] уже не обладает той новизной и оригинальностью, как это было в 90-е – 2000-е годы. В современных условиях актуальным становится представление на изучаемом иностранном языке национально-специфических культурных компонентов родного языка, родной культуры и истории. Ведь «в ситуации контакта представителей различных культур [...] языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур-коммуникантов [...] могут затруднить процесс межкультурного общения» [3, с. 77]. Именно поэтому актуальным можно назвать основанное на модели М. Байрама формирование компетенций межкультурной коммуникации, направленных на 1) развитие способностей интерпретировать чужие культуры в сопоставлении с родной культурой, 2) усвоение знаний о своей и чужой культуре и о процессах взаимодействия между этими культурами.

ми на индивидуальном и общественном уровнях, 3) развитие критического мышления, 4) развитие способности к самостоятельному обучению межкультурному общению [4].

Лингвистическая подготовка специалиста по немецкому языку – лингвиста, педагога, переводчика, специалиста по межкультурной коммуникации – традиционно состоит из ряда дисциплин в той или иной мере, с учетом тех или иных целей и задач, раскрывающих связь между языком, историей и культурой. Так, например, история немецкого языка, занимающаяся изучением процесса постепенного развития и совершенствования всех компонентов немецкого языка в их взаимосвязи и взаимообусловленности, внутренних закономерностей его развития, не оставляет без внимания и влияние внешних (экстралингвистических) факторов на становление и формирование языка немецкой народности и нации. В данном случае можно обратиться к т. н. «луковичной модели языковых уровней» (Zwiebelmodell), в которой фонология, морфология и синтаксис образуют ядро луковицы, вокруг концентрически располагаются уровни графики, лексики/семантики, текста и прагматики, опосредующие связь между ядром и различными релевантными аспектами внеязыковой действительности (культурно-исторические и социальные процессы, языковые контакты, языковая политика и т. д.) [5, с. 6].

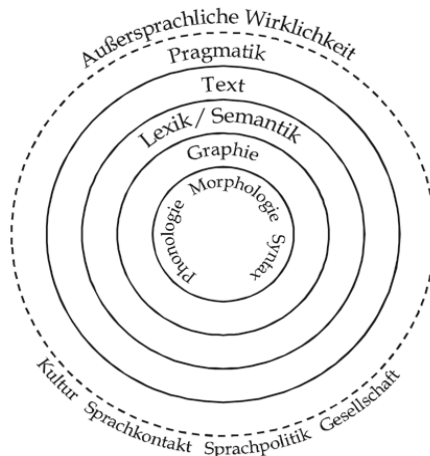

Рисунок 1 – «Луковичная модель языковых уровней»
(по Д. Нюблинг и Ф. Дебус)

Утвердившийся в преподавании иностранных языков в конце 1960-х годов страноведческий подход (или поворот) основывался изначально на знакомстве с современной социально-политической реальностью страны изучаемого языка, к содержательным аспектам которого относилась работа с реалиями и стереотипами в контексте стремящегося к глобализации мира.

Страноведение как учебная дисциплина является комплексной дисциплиной, так как в нее включены сведения об истории, литературе, географии, экономике, политике, искусствоведении и др.

С 1990 года страноведение обогащается идеями «межкультурной» педагогики, ключевыми ориентирами которой провозглашаются равенство всех людей независимо от происхождения, уважительное отношение к чужой культуре, формирование навыка к межкультурному пониманию и развитие способности к межкультурному диалогу [7, S. 20–21].

С общим страноведением соотносится и, одновременно, ему противопоставляется учебная дисциплина лингвострановедение, которое как термин впервые появляется и популяризируется в качестве перспективнейшего раздела методики преподавания русского языка как иностранного в 70-х годах в работах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [8]. Как отмечают авторы, проблематику лингвострановедения «составляют два больших круга вопросов – филологический (по преимуществу лингвистический) и лингводидактический (методический). Во-первых, предметом лингвострановедения является анализ языка [...] с целью выявления в нем национально-культурной семантики. Во-вторых, в предмет исследования входит поиск преподавательских приемов презентации, закрепления и активизации национально-специфичных языковых единиц и культуроведческого прочтения текстов на практических языковых занятиях» [8, с.7]. Таким образом, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, теория которых основывается на преподавании русского языка, предлагают следующее определение: «Лингвострановедением называется аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [8, с. 37].

На взаимодействие различных подходов, аккумулирующих цели, задачи и содержание вышеназванных учебных дисциплин (история языка, межкультурная коммуникация и общее страноведение) указывает определение цели лингвострановедения как «с одной стороны, знакомство обучающихся с фактами истории, культуры и современными реалиями страны изучаемого языка, с другой – формирование языковой и речевой компетенции, что в совокупности должно подготовить к межкультурной коммуникации» [9, с. 21]. Кроме того, лингвострановедческий подход, используемый в рамках лингвистической подготовки преподавателей иностранного языка, обеспечивает формирование компетенции применять знания об истории языка, общественно-политическом развитии стран изучаемого языка и ее современных социально-культурных реалиях при решении профессиональных задач. В результате изучения учебной дисциплины «Лингвострановедение» обучающиеся овладевают знаниями об 1) истории развития немецкого языка во взаимосвязи с культурно-историческим развитием немецкоговорящих стран; 2) основных этапах исторического, экономического, культурного и социального развития немецкоговорящих стран и характерных для них текстов; 3) путях лингвокультурного взаимодействия белорусского и немецкоговорящих народов. У обучающихся формируются навыки

и развиваются умения 1) анализировать тексты и/или языковые единицы, отражающие исторические, общественно-политические и социально-культурные реалии немецкоговорящих стран; 2) вести дискуссию на лингвострановедческую тематику; 3) использовать в практике преподавания немецкого языка знания об истории языка, историческом развитии страны и ее современных реалиях. В итоге обучающиеся овладевают 1) методами анализа текстовых материалов страноведческой тематики; 2) навыками выявления языковых закономерностей при рассмотрении исторических, общественно-политических, социально-экономических, культурных реалий; 3) основами устной и письменной коммуникации на иностранном языке по лингвострановедческой тематике.

Реализация вышеперечисленных компетенций, умений и навыков в процессе обучения иностранному языку и подготовке к межкультурной коммуникации на семинарских занятиях по лингвострановедению может осуществляться с использованием контрастивного (сопоставительного) метода: после изучения лексики по теме и ознакомления со страноведческой информацией обучающимся дается краткое обобщение материала в виде 5–7 предложений. Затем предлагается сравнить страноведческие факты в стране изучаемого языка и в родной стране в форме фронтального опроса, в группах или в парах. Знание необходимой лексики и образец в виде приведенной фразы позволяет продуцировать новые высказывания о положении дел в родной стране. Тем самым формируются речевая, лингвострановедческая и межкультурная компетенции.

Контрастивный метод может быть включен и в проектную работу, например, обучающиеся в паре готовят сообщения и презентации на темы „Das deutsche und das belorussische Staatssystem / Schulsystem“ или „Die Wahlen / das Studium / die medizinische Behandlung in Deutschland und in Belarus“. Подобные виды заданий служат не только закреплению языкового и страноведческого материала, но и способствуют осмыслению тенденций общественного развития в родной стране.

Контрастивный метод лежит также в основе таких заданий, как 1) пересказ фрагмента текста, например, на историческую тематику, с разных точек зрения участников ситуации: Stellen Sie sich vor, Sie werden durch die Zeitmaschine ins Jahr 1989 versetzt. Das ist die Zeit des politischen Umbruchs in der DDR und der BRD. Berichten Sie über die Wandlungsprozesse aus der Perspektive a) eines DDR-Bürgers; b) eines BRD-Bürgers; c) des Bundeskanzlers; d) eines Journalisten usw. ‘Представьте себе, что при помощи машины времени вы переместились в 1989 год. Это время политических преобразований в ГДР и ФРГ. Подготовьте краткое сообщение о ключевом историческом моменте с позиции а) гражданина ГДР; б) гражданина ФРГ; в) канцлера ФРГ; г) журналиста и т.д.’; 2) а) анализ универсальной и индивидуальной национально-культурной специфики в рекламе (например, сравнение рекламной компании одного продукта в Германии и Беларуси); б) разработка проспектов для рекламы товаров из Германии и Беларуси с учетом национально-культурной специфики; 3) сравнение аспектов повседневной жизни (жилье, покупки, отдых и т.д.) через мини-опросы носителей культуры немецкоязычных стран и Беларуси с использованием специально разработанных анкет.

Проектная деятельность и ролевые игры лежат в основе метода имитации реальных условий общения. Данный метод особенно эффективен для эмоционального вовлечения обучающихся в ситуации межкультурного взаимодействия. Кроме того, они позволяют исследовать и апробировать средства невербальной коммуникации в иной культуре. Здесь можно предложить следующие задания: 1) интервью со знаменитыми личностями; 2) разработка туристических маршрутов и виртуальных экскурсий в Германии и Беларуси; 3) разработка карты «По следам знаменитостей» и др.

Продуктивной на занятиях по лингвострановедению является работа с аутентичными текстами, например фрагментами из конституции, предвыборными плакатами, рекламными слоганами, театральными либретто, образцами экзаменационных заданий и др. После ознакомления с текстами обучающимся предлагается сформулировать комментарий, отражающий суть темы: государственное устройство, экономика, культура, образование и т.д.

Краткие видео по страноведческой тематике (рекомендуется серия видеоматериалов Easy German) разнообразят занятие, переносят в реальные сферы общения, дают повод для последующего обсуждения и дискуссии.

При знакомстве с формами существования немецкого языка целесообразной представляется демонстрация аудио- и видеозаписей речи носителей (песни, тосты, анекдоты), образцов молодежного языка (песни, фрагменты сериалов и художественных фильмов), фотографий местных вывесок и табличек, ресторанных меню для последующего обсуждения фонетических, лексических, орфографических и грамматических особенностей немецких диалектов, вариантов литературного немецкого языка (австрийский, швейцарский) и молодежного сленга.

При знакомстве с основными этапами исторического развития языка с целью ознакомления с процессом формирования немецкого национального языка представляется целесообразной работа с образцами различных типов текстов в тот или иной период культурно-исторического и социального развития общества и государства. Так, например, преемственность форм письменности и процесс нормализации национального языка, обусловленные экстралингвистическими факторами, можно проследить при сопоставлении исторических текстов: 1) Руническое письмо, готский алфавит и фрагмент Библии на готском языке (Тема 1. Общегерманский период); 2) Страсбургская клятва. Мерзебургские заклинания. Песнь о Хильдебранте (Тема 2. VII–XII вв.: история, письменность, языковые особенности); 3) Фрагмент текста «Песнь о Нибелунгах». Образцы придворной поэзии. Образец текста мистиков (Тема 3. XII–XIV вв.: социокультурные, исторические и языковые особенности); 4) Фрагменты переписки Мартина Лютера. Политические памфлеты и листовки. Канцелярские документы. Фрагмент народной книги о Тиле Уленшпигеле (Тема 4. XV–XVII вв.: социокультурные, исторические и языковые особенности); 5) Фрагменты уставов языковых обществ (Тема 5. XVII–XVIII вв.: социокультурные, исторические и языковые особенности); 6) Фрагменты работ о языке Гриммов и

В. Гумбольда. (Тема 6. XIX в.: социокультурные, исторические и языковые особенности. Завершение формирования немецкого национального языка); 7) Военные плакаты. Фрагмент конституции Веймарской республики. Фрагменты газет и рекламных текстов (Тема 7. 1900–1930 гг.: социокультурные, исторические и языковые особенности); 8) Фрагмент текста «Язык Третьего рейха» В. Клемперера (Тема 8. 1930–1945 гг.: социокультурные, исторические и языковые особенности); 9. Фрагменты газет и журналов ФРГ и ГДР. Фрагмент текста договора 2+4 (Тема 9. Вторая половина XX в.: социокультурные, исторические и языковые особенности).

Национальное своеобразие истории, культуры, социальной жизни, экономики, особенности природно-географических условий страны народа в концентрированном виде отражают фразеологические единицы. Знание фразеологизмов, содержащих лингвострановедческую информацию, способствует «расширению страноведческого кругозора студентов, знакомят их с иной культурой, повышают интерес к языку. [...] Страноведческие знания имеют не только общеобразовательное значение, они имеют выход в коммуникацию, т. к. обеспечивают адекватное понимание. Для реализации коммуникативного акта в процессе реального общения необходимо, чтобы понимание смысла высказывания коммуникантом было адекватным тому смыслу, который был заложен в момент порождения высказывания» [10, с. 16].

Многие исторические события зафиксированы в т. н. «фразеологизмах исторического происхождения» [10, с. 46]. Так, например, в немецком языке сохранились несколько выражений, описывающих особенности эпохи прусского короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740) и его преемника, прусского короля и курфюрста бранденбургского Фридриха II (Фридриха Великого) (1740–1786). В первую очередь, это вошедшее в широкое употребление прозвище Фридриха II Великого *der Alte Fritz* ‘старый Фриц’, в том числе в составе выражения *das ist für den alten Fritzen* ‘даром, напрасно, букв. это для старого Фрица’, значение которого основывается на характеристике курфюрста как «одного из самых воинственных и агрессивных прусских королей, однако в сражениях с русскими терпящего неоднократно поражения» [10, с. 51–52]. Для обозначения малооплачиваемой работы иронично используется выражение *für den König von Preußen arbeiten* ‘работать для прусского короля’, в котором речь идет о Фридрихе Вильгельме I и подчеркивается его скупость при оплате труда верноподданных.

Характеристика огромной и дорогостоящей армии, созданной прусским королем Фридрихом Вильгельмом I (1688–1740), отражена в высказывании *So schnell schießen die Preußen nicht* ‘так скоро это не делается, букв. так скоро пруссаки не стреляют’. Дело в том, что «несмотря на военные приготовления и угрозы по адресу других государств, король не торопился ввязываться в войну, что и дало повод для такого выражения» [10, с. 49].

Для обозначения подростков-акселератов иногда используется выражение *die langen Kerls* ‘букв. длинные парни’, отсылающее нас к лейбгвардии Фри-

Фридриха Вильгельма, состоявшей «из солдат очень высокого роста (минимальный рост = 1 м 88 см), которых прусский король покупал в разных странах» [10, с. 49–50].

Интерес для изучения данной эпохи представляет также обращение *alter Schwede* ‘разг. (старый) плут, дружище, букв. старый швед’. Как поясняет Д.Г. Мальцева, «великий курфюрст» Фридрих Вильгельм создал из крепостных крестьян и наемников сильную армию, в которой царила муштра и палочная дисциплина. Унтер-офицерами в его армии служили старые опытные шведские солдаты, которые очень хорошо умели муштровать. [...] Унтер-офицеры, как старослужащие, знали все тонкости солдатской службы и умели ими пользоваться в своих интересах [10, с. 50].

О периоде правления короля Фридриха Вильгельма I напоминают выражения *ein alter Zopf* ‘разг. пережиток прошлого, устаревший обычай, букв. старая коса’ и *den alten Zopf abschneiden* ‘порвать со старыми традициями, обычаями, букв. отрезать старую косу’. Прусский король «ввел в армии мужскую прическу с косичкой сзади. [...] Парик с косичкой на долгие годы остался символом косности, реакции, реставрации» (Мальцева, С. 50).

Предлагаемый обзор исторических фразеологизмов демонстрирует их лингводидактический потенциал для использования на семинарских занятиях в курсе «Лингвострановедение». В результате сложный и насыщенный фактами учебный материал можно сделать более образным, а, следовательно, более усвояемым.

Таким образом, лингводидактические методы и приемы на занятиях по лингвострановедению должны развивать культурно-исторический кругозор, формировать языковые и речевые навыки, формировать коммуникативную компетенцию обучающихся, что возможно и необходимо осуществлять, создавая на занятиях эффект присутствия, погружения в реальные условия общения. Следует также отметить, что, прививая уважение к чужой и своей культуре осуществляется одна из важнейших функций образовательного процесса – воспитательная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М: Слово, 2008. 264 с.
3. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 197 с.
4. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 2021. 192 p.
5. Nübling D., Dammel A., Duke A., Szczepaniak R. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. Tübingen: Narr 2008, 299 S.

6. Debus F. Onomastik. Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 187–198.

7. Auernheimer G. Einführung in die Interkulturelle Pädagogik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012. 178 S.

8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.

9. Мальцева, Д.Г. Лингвострановедческий аспект в процессе изучения и преподавания немецкого языка / Д.Г. Мальцева // Ярославский педагогический вестник. – 2000. – № 1(23). – С. 21–28.

10. Мальцева, Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.

Нестерук Ирина Федоровна

кандидат филологических наук, доцент

г. Брест, Беларусь

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

e-mail: irina.nif@yandex.by

Irina Nesteruk

PhD in Philology

Brest, Belarus

Brest State University named after A.S. Pushkin

e-mail: irina.nif@yandex.by

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию когнитивно-дискурсивного механизма текстовой деятельности изучающих иностранный язык, а именно обоснованию взаимосвязи когнитивных процессов и дискурсивных стратегий в процессе работы с текстом. Автор анализирует роль ментальных схем и концептов в порождении и интерпретации текстов, а также их влияние на формирование коммуникативной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный механизм; текстовая деятельность; языковое образование; ментальные репрезентации; дискурсивные практики.

COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF TEXTUAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF LANGUAGE EDUCATION

The article deals with the cognitive-discursive mechanism of textual activity in foreign language learners, specifically examining the relationship between cognitive processes and discursive strategies during text processing. The author analyzes the role of mental schemata and concepts in text production and interpretation, as well as their impact on the development of learners' communicative competence.

Key words: cognitive-discursive mechanism; textual activity; language education; mental representations; discursive practices.

*Текст оживает только в акте коммуникации,
становясь не только объектом анализа, но и средством диалога.*

И.А. Зимняя

Проблематика анализа текста исследовалась многими учеными в работах лингводидактического ракурса. В этой связи можно назвать такие имена, как Т.М. Дридзе, Н.А. Ипполитов, С.И. Львов, К.А. Филипов, К. Brinker, W. Heinemann, U.Fix, S. Habscheid и некоторые другие. Основываясь на достоверных примерах, авторы знакомят с теориями, терминами и методами исследования текста и дискурса, подвергают анализу существующие классификации и ведут предметные дебаты о роли текста в языковом образовании. Не вызывает сомнений тезис, выдвигаемый многими исследователями, о детерминирующей роли системной работы с текстом в процессе развития лингвистической компетенции обучающихся, поскольку данный вид деятельности обеспечивает формирование когнитивных механизмов восприятия и интерпретации устных и письменных дискурсивных практик, а также способствует овладению стратегиями продуцирования текстов. При этом

активизация логических операций мышления и усвоение нового материала происходит непосредственно в контексте ситуативно обусловленного применения лингвистических знаний. В ходе осуществления текстовой деятельности наблюдается развитие металингвистических и прагматических навыков обучающихся, сопровождающееся количественным и качественным расширением словарного запаса, что в совокупности детерминирует не только совершенствование лингвистической компетентности, но и поступательное когнитивно-стилевое развитие личности как активного субъекта интеракции. Вышесказанное подтверждает актуальность темы проводимого исследования.

В современных работах лингвистического ракурса наблюдается разное понимание текста и, как следствие, имеются различные определения текста, поскольку «при одностороннем подходе весьма затруднительно выявить его природу и лингвистическую сущность и, следовательно, невозможно дать его адекватное определение» [1, с. 68]. Уже в 1960-х годах академик Д.С. Лихачев отмечал отсутствие общепринятой дефиниции, которая бы всесторонне раскрывала и анализировала ключевую категорию – текст. На современном этапе развития науки даже в рамках отдельных дисциплин не выработано единого определения данного феномена ввиду существования множества методологических подходов к его изучению, а также дисциплин, в рамках которых текст является объектом изучения (философия, социология, юриспруденция, литературоведение, психология и др.).

Следует отметить, что текст как объект исследования не существует вне нашего сознания и неразрывно связан с процессами порождения и рецепции. Следовательно, текст по своей природе процессуален и динамичен, представляя собой продукт речевой деятельности. Среди наиболее авторитетных концепций, описывающих универсальные свойства текста, особое место занимает теория текстуальности. В рамках данной концепции текстуальность интерпретируется как «комплекс взаимосвязанных характеристик, определяющих природу текста как лингвистического и коммуникативного феномена: когезия (*Kohäsion*), обеспечивающая формальную связность текстовых элементов; когерентность (*Kohärenz*), отвечающая за смысловую целостность; интенциональность (*Intentionalität*), отражающая целеполагание автора; восприимчивость (*Akzeptabilität*), характеризующая установку на адресата; информативность (*Informativität*), связанная с содержательной насыщенностью; ситуативность (*Situationalität*), учитывающая контекстуальные условия; интертекстуальность (*Intertextualität*), проявляющаяся во взаимодействии с другими текстами; а также культуросообразность (*Kulturalität*), обусловленная социокультурными факторами» [3, с. 96]. Именно эти свойства лежат в основе определения текста.

М.В. Ляпон отмечает наличие четырех концепций текста: «результативно-статическая (текст как информация, отчужденная от своего носителя в виде последовательности высказываний, объединенных смысловой связью); процессуальной в отношении к своему производителю (текст как реализация речевой способности индивидуума); каузирующей (текст как продукт активной речевой деятельности человека); стратификационный (текст как наивысший уровень языковой системы)» [4, с. 26].

Следует отметить, что в немецкоязычной научной традиции последних двадцати лет наблюдается значительная активизация дискурс-исследований.

Синтез социогуманитарных и лингвистических методологий дал старт развивающемуся направлению, чье концептуальное и терминологическое многообразие осложняет его систематизацию даже для экспертов. Становление и углубление проблематики дискурс-анализа как сферы теоретико-эмпирических и практических исследований актуализирует проблему разработки концептуально-аналитического инструментария текстовой деятельности в контексте продуктивного языкового образования.

Метаязыковая репрезентация дискурса зависит от перспективы повествования. В рамках текстовой деятельности некоторую проблему для обучающихся создает смена перспективы повествования, происходящая в прямой, косвенной или несобственно-прямой форме в рамках одного текстового целого. В письменной форме для этого используются грамматические и графические средства (слова автора, кавычки, типичные союзы), тогда как в устной речи могут применяться другие сигналы структурирования (смена просодической тональности, использование грамматических конструкций и лексических единиц, характерных для устной формы общения в рамках повседневного дискурса).

В рамках данной работы мы не рассматриваем вопросы, связанные с обучением чтению в структуре текстовой деятельности. В основе предлагаемого материала находится теоретическое обоснование технологии текстовой деятельности, рассматриваемой в качестве когнитивно-коммуникативного процесса, представляющего собой сложный механизм интеллектуального освоения текста обучающимся, включающий определенные последовательные уровни: перцептивный (восприятие текстовой информации), когнитивный (понимание смыслового содержания) и интерпретационный (осмысление и преобразование полученных знаний в форме текстов). Вышесказанное позволяет обосновать и разработку комплексной модели текстовой деятельности, включающей не только процессуальные характеристики текста, но и когнитивные аспекты и ситуативно-коммуникативные маркеры и параметры.

В рамках данной статьи мы основываемся на точке зрения Тамары Моисеевны Дридзе (доктор психологических наук, профессор социологии, создатель семиосоциопсихологической концепции лингводидактики), разработавшей и обосновавшей теорию текстовой деятельности, которая акцентирует свое внимание на внутренней интенциональности и цельности текстовой организации знакового общения: «Текстовая деятельность является содержательным механизмом знакового общения и включает в себя действия порождения и интерпретации текстов» [5, с. 125]. Иначе говоря, в процессе текстообразования автор воплощает замысел посредством многоуровневой языковой организации и модальной маркированности. Соответственно, восприятие и продуцирование текста реципиентом должны происходить в парадигме естественной связности текста и его внутренней логической завершенности (когезии и когерентности), где интерпретационные стратегии детерминированы системой авторских интенций, что формирует диалогическую природу коммуникативного процесса как интенционально обусловленного взаимодействия. Любая коммуникация предполагает наличие определенного уровня коммуникативной компетенции и включает в себя индивидуально варьируемый объем содержания, а также фоновые знания и когнитивные способности как автора, так и реципиента.

Вместе с тем ряд исследователей подчеркивает необходимость концептуального переосмысления трактовки текста как исключительно продукта речевой деятельности, обращая внимание на позиции психолингвистического подхода, поскольку технология текстовой деятельности учитывает, как дискурсивные, так и когнитивные механизмы функционирования языка. «Aus neurobiologischer Sicht wird Textverstehen als ein komplexer Prozess der kognitiven Sinnentnahme berücksichtigt, der mindestens sechs linguistische Teilkompetenzen involviert, darunter die lexikalische, die semantische, die syntaktische, die sprachlautliche, die prosodische und die orthographische Kompetenz» (С точки зрения нейробиологии текстовая деятельность является сложным процессом когнитивного извлечения смысла, включающим по меньшей мере шесть языковых субкомпетенций, включая лексическую, семантическую, синтаксическую, речевую, просодическую и орфографическую компетенции) [6]. Соответствующие компетенции служат для извлечения из текста различных типов информации.

Учитывая вышесказанное, в этой связи следует обратиться к теории ментального пространства (mental space), обоснованной в работах Gilles Fauconnier: Mentale Räume sind ad hoc aufgebaute Wissensseinheiten, die abhängig von Kontext und situativem Kontext variieren. Sie werden durch sprachliche Einheiten (space builders) aufgerufen und sind über Gegenteiligkeit oder Identität anzeigende Konnektoren (counterpart, identity connector) miteinander verbunden [7]. На основе теории ментальных пространств Fauconnier и Turner (2002) разработали концептуальную теорию, призванную объяснить когнитивные механизмы возникновения нового знания, анализа и интерпретации полученной информации с учетом фреймовых структур. Концепт ментальных пространств нашел применение как в "дескриптивно" ориентированных когнитивных исследованиях дискурса, так и в лингводидактических исследованиях. Основываясь на одном из положений теории текстовой деятельности, сформулированной Т.М. Дридзе о том, что «предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция общающихся, т.е. не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением» [5, с. 57], можно утверждать, что текстовая деятельность основывается и на теории ментального пространства, поскольку при порождении и интерпретации текстов учитываются механизмы *когнитивных, аффективных и коннотативных установок. При этом текстовая деятельность включает в себя и процесс порождения "вторичного текста", содержащего личностный конструкт реципиента с набором определенных дескрипторов.*

В рамках современных лингвистических исследований целесообразно рассматривать "ментальность" текста не только на уровне национального языка, но и в аспекте историко-культурной обусловленности (эпоха, литературное направление, индивидуально-авторская картина мира и т.д.). Лексические единицы, обладающие высокой смыслообразующей значимостью, выполняют функцию текстовой концептуализации, что позволяет квалифицировать их как текстовые концепты.

В заключение отмечаем следующее: современная лингвистическая парадигма трактует дискурс как сложное единство текста и его ассоциативно-смыслового поля. При этом текст понимается как динамический процесс, в кото-

ром осуществляется не только актуализация событийного содержания, но и взаимодействие авторского и читательского мировосприятий. Таким образом, текст представляет собой функциональную систему, где языковые средства организованы в соответствии с коммуникативно-когнитивными задачами и демонстрируют вариативность, детерминированную этими задачами. И если для автора характерен вектор движения от концепта к тексту, то для реципиента – это обратная траектория: от текстовой реализации к концептуальному содержанию.

Тексты, обладая значительным исследовательским потенциалом и находясь на междисциплинарном пересечении лингвистики с другими областями научного знания (социологией, философией, психологией, антропологией), где ключевыми являются категории социума, индивида, речи и языка, формируют фундамент для продуктивной текстовой деятельности. Этот междисциплинарный характер текстового материала стимулирует исследовательский поиск и открывает новые перспективы научного познания. Формирование навыков текстовой деятельности, в свою очередь, способствует развитию компетентной языковой личности, обладающей способностью осуществлять коммуникацию в рамках кросскультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гераскевич Н.В., Самарцев В.Ю. Модель интерпретации аутентичной текстовой информации на основе самостоятельного комментирования в иноязычном школьном образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. №1 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-interpretatsii-autentichnoy-tekstovoy-informatsii-na-osnove-samostoyatel'nogo-kommentirovaniya-v-inoyazychnom-shkolnom/viewer> (дата обращения: 10.06.2025)
2. Нестерук, И. Ф. Текст в современной парадигме лингвистического исследования // Известия Смоленского государственного университета : ежеквартальный журнал №4 (36) – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. С. 145–153
3. Heinemann, M., Heinemann, W. Grundlagen der Textlinguistik. Tübingen: Max Niemermeyer Verlag, 2022. S.280
4. Селиванова, Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. К. Брама: Изд-во Вовчок О.Ю., 2024. 336 с.
5. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Изд-во «Наука»; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. 232 с.
6. Foschi Albert, M. Lesestrategien zur Ermittlung der Textkohärenz in fremdsprachigen Texten // Zeitschrift für den Interkulturellen Fremdsprachenunterricht 17, 2012. – S.25–39. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-17-1/beitrag/FoschiAlbert.pdf> (дата обращения: 22.01.2025)
7. DiskursNetz: Wörterbuch der interdisziplinären Diskursforschung. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. 560 S. URL: https://www.germanistik.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Philosophische_Fakultaet/Germanistik/Germanistische_Sprachwissenschaft/Dateien/Busse/Text/Busse-2014-01-04.pdf (дата обращения: 13.06.2025)

УДК 811.111.2

Палехова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук

г. Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский

государственный экономический

университет

e-mail: palekhova@mail.ru

Olga Palekhova

PhD in Philology

Saint Petersburg, Russia

Saint Petersburg State

Economic University

e-mail: palekhova@mail.ru

АЛЛЮЗИИ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТА ГЕРМАНИИ ФРАНКА-ВАЛЬТЕРА ШТАЙНМАЙЕРА

Настоящая статья посвящена частотным аллюзивным отсылкам в рождественских обращениях федерального президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера, апеллирующего к сплочению немецкого общества и опосредующего мнения и оценочные суждения, воздействуя на массового адресата через эмоциональную и когнитивную сферы посредством отсылок как к известным ситуациям и библейским текстам, так и к таким концептам, как доверие, свобода и ответственность.

Ключевые слова: аллюзия; массовый адресат; воздействие; рождественское обращение; политический и религиозный дискурс.

ALLUSIONS IN THE CHRISTMAS ADRESSES OF FEDERAL PRESIDENT FRANK-WALTER STEINMEIER

This article is devoted to the frequent allusive references in the Christmas addresses of the Federal President of Germany Frank-Walter Steinmeier, appealing to the cohesion of German society and mediating opinions and value judgments, influencing the mass addressee through the emotional and cognitive spheres by means of references both to well-known situations and biblical texts, and to such concepts as trust, freedom and responsibility.

Key words: allusion; mass addressee; impact; Christmas message; political and religious discourse.

Современный политический дискурс уже перестал быть монотематичным, всё чаще включая в себя элементы других актуальных дискурсов, как, например, экономического, экологического, медицинского, религиозного или медиадискурса. В рамках одного дискурсивного пространства – политического дискурса – элементы других типов дискурса взаимопроникают и дополняют друг друга, что позволяет говорить о полидискурсивности современного политического дискурса.

Особую разновидность политического дискурса представляет рождественское обращение федерального президента Германии, поскольку, с одной стороны, оно содержит отсылки к актуальной политической ситуации в Германии и мире, с другой, тесно переплетается с религиозным дискурсом, который, веками формировав менталитет того или иного лингвокультурного сообщества, также «прецедентен по своей сути, поскольку основан на Священном Писании» [1, с. 3-4]. Таким образом, через аллюзии к библейским сюжетам Франк-

Вальтер Штайнмайер, как федеральный президент, опосредует нужные установки и мнения относительно существующих на определенном этапе проблем в обществе. Так, в рождественском обращении 2020 года он метафорично сравнивает «крошечный вирус» со злом, перечеркнувшим планы и разрушившим мечты, но не разлучившим, а сплотившим «нас»:

(1) *Ein winziges Virus hat Besitz ergriffen von unserem Leben (...) hat Pläne durchkreuzt und Träume zerstört. (...) Das Virus treibt uns nicht auseinander. Im Gegenteil, es lässt uns zusammenrücken.*

Как показывают примеры, Штайнмайер постоянно использует в своих рождественских обращениях аллюзии к свету и надежде. Отсылка к концепту «свет» (Licht) неслучайна, так как в религиозном дискурсе свет является отсылкой к Богу. Однако данный концепт подвергается двойному кодированию: во-первых, как отсылка к Богу, во-вторых, как имплицитная отсылка к актуальным в текущий момент времени ситуациям или событиям, декодируемым массовым адресатом с опорой на фоновые знания [2, с. 94-95].

Часто используемое Штайнмайером в рождественских обращениях в разных политических контекстах метафорическое «свет во тьме» также является не чем иным, как аллюзией к Евангелию от Иоанна («свет во тьме светит, и тьма не обуяла его»): *die Fassade zum Leuchten gebracht, auf die Lichter schauen und nicht ins Dunkle, das lang ersehnte Licht am Ende des Tunnels (wird heller), ein Fest der Hoffnung, ein Licht der Hoffnung*. Аллюзией к библейскому тексту является и концепт «надежда», встроенный в политический дискурс («Христос как свет мира, несущий надежду»): *ein Licht der Hoffnung, (Ankunft des Kindes), das Hoffnung bringt in düstere Gegenwart*. Таким образом, в своем рождественском обращении Франк-Вальтер Штайнмайер имплицитно посредством ценностных доминант религиозного дискурса политические мнения и оценки. При этом в видеообращении его речь сопровождается жестами, отсылающими, во-первых, к символам Рождества (видимым: стоящей рождественской ели и подразумеваемым: украшенному огнями фасаду резиденции, дворца Бельвю – *hier draußen die Fassade vom Schloss Bellevue zum Leuchten gebracht*), во-вторых, схожими с таким невербальным ритуальным действием читающих проповеди и мессы священнослужителей, как воздеяние рук во время молитвы.

В рождественском обращении 2021 года содержится меньше аллюзий к библейским текстам, поскольку обращение детерминировано проблемами уходящего года – катастрофическим наводнением, выборами в бундестаг, новым штаммом коронавируса. К моменту рождественского обращения все эти значимые для Германии события уже перешли в разряд прецедентных феноменов, к которым Штайнмайер постоянно апеллирует через такие концепты, как «демократия», «доверие», «свобода», «ответственность». Как отмечают некоторые исследователи, «*Vertrauen*» (доверие) является одним из ключевых концептов немецкой лингвокультуры [3, с. 6], неразрывно связанным с такими основными элементами либерального общества, как «*Freiheit*» и «*Verantwortung*» (свобода и ответственность). Говоря о пандемии и протестах, федеральный президент сначала использует трансформированное прецедентное высказывание «*wir sind*

ein Land» (мы одна страна), побуждая тем самым массового адресата сплотиться, а потом рассуждает о доверии «компетентным советам» прививаться от вируса:

(2) *Was, zum Beispiel, bedeutet Vertrauen? Natürlich nicht „blindes Vertrauen“. Aber heißt Vertrauen nicht womöglich auch, dass ich mich auf kompetenten Rat verlasse?*

Рассуждая о свободе, он последовательно аргументирует необходимость соблюдения предписаний по дистанцированию (что также имплицитно отсылку к так называемому правилу 2G+) и отказу от протестов:

(3) *Oder Freiheit: Ist Freiheit der laute Protest gegen jede Vorschrift? Oder bedeutet Freiheit manchmal auch, mich selbst einzuschränken, um die Freiheit anderer zu schützen?*

Рассуждая об ответственности, Штайнмайер также выстраивает своё обращение в форме риторических вопросов, вовлекая тем самым массового адресата в рассуждение, хотя, как правило, риторический вопрос подразумевает отрицание содержащейся в нем пропозиции. Так, например, «Разве доверие не означает, что я могу положиться на компетентный совет?» декодируется как «да, значит» (см. пример (2)). Или:

(4) *Was bedeutet Verantwortung? Sagen wir einfach: „Das muss jeder für sich entscheiden“? Oder betrifft meine Entscheidung nicht in Wahrheit viele andere mit“?* (Что значит ответственность? Скажем просто: Каждый решает это для себя? Или моё решение на самом деле не затрагивает многих других?) также декодируется как «нет, не решает каждый для себя» и «да, моё решение затрагивает многих других».

Как уже упоминалось выше, одним из самых частотных концептов, к которым апеллирует в своих рождественских обращениях Штайнмайер, является демократия. В обращении отмеченного пандемией 2020 года он говорит о демократии как о том, чему можно доверять даже в периоды неуверенности, имплицитно, на наш взгляд, «доверять действиям правительства»:

(5) *In einer Zeit der Verunsicherung haben wir gelernt, dass wir unserer Demokratie vertrauen können.* При этом, в обращении 2021 года, после массовых протестов в обществе из-за коронавирусных ограничений, Штайнмайер, с одной стороны, говорит о демократии как о возможности высказывать своё мнение, которое может отличаться от других: *In der Demokratie müssen wir nicht alle einer Meinung sein.* С другой стороны, он призывает «думать о том: мы одна страна!»: *Aber bitte denken Sie daran: Wir sind ein Land!* Мы считаем, что «мы одна страна» является трансформированным прецедентным феноменом, аллюзией к политическому слогану, возникшему во время объединения Германии, а именно: *Wir sind ein Volk* «мы один народ». Трансформация политического слогана обусловлена тем, что сейчас речь не о восточных и западных немцах, а о всей Германии.

Так, например, при упоминании демократии в обращениях 2023 и 2024 годов, он отсылает к такому прецедентному событию, как предстоящий семиде-

сятипятiletний юбилей Конституции Германии, официально принятой в мае 1949 года, согласно которой ФРГ провозглашалась демократическим государством:

(6) *Im nächsten Jahr feiern wir den 75. Geburtstag unserer Demokratie. Unser Grundgesetz wird 72 Jahre alt* (2023).

(7) *Genauso bin ich überzeugt: Unsere Demokratie ist und bleibt stark. 75 Jahre hat sich das Grundgesetz jetzt bewährt. ... Diese kluge Verfassung wird uns auch in Zukunft tragen* (2024).

Как показывает анализ рождественских обращений Франка-Вальтера Штайнмайера за период с 2020 по 2024 год, самыми частотными религиозными аллюзиями, употребляемыми вместе с концептом «свет», являются метафоричные отсылки к «темным временам» («*düstere Zeiten*» ‘мрачные времена’ в 2022 году, «*dunkle Seite der Welt*» ‘темная сторона мира’, «*ins Dunkle schauen*» ‘смотреть в темноту’ в 2023 году, «*ein dunkler Schatten*» ‘темная тень’ в 2024 году), декодирующие каждый раз разные политические ситуации в Германии и мире. Так, например, отсылкой к «тёмным временам» в 2020 году стал ковид, «перечеркнувший планы и разрушивший мечты», в обращении 2021 года, помимо печальных событий в стране, Штайнмайер упоминает «о вернувшихся из Афганистана солдатах и о беспросветной нищете оставшихся там людей, при этом частичная отсылка к прецедентной ситуации (уходу США из Афганистана) является не просто апелляцией к «мрачной» резонансной ситуации, а имплицитной отсылкой к набору дифференциальных признаков данного прецедентного события. Далее, после отсылок к «мрачным временам» Франк-Вальтер Штайнмайер всегда говорит о свете, как обещании лучшего будущего: «*das lang ersehnte Licht am Ende des Tunnels*» ‘долгожданный свет в конце туннеля’ в 2020 году, «*ein Licht der Hoffnung*» ‘свет надежды’ в 2022 году и так далее.

Таким образом, ежегодное рождественское обращение федерального президента полидискурсивно и, будучи частью политического дискурса, обнаруживает в себе черты религиозного, христианского дискурса, а также элементы других дискурсов, что обусловлено актуальной ситуацией в Германии и мире. Полидискурсивность рождественского обращения проявляется также во множественных аллюзивных отсылках к конкретной ситуации через библейские метафоры и прецедентные события. Воздействие на массового адресата осуществляется также через активное использование таких концептов, как доверие, свобода, ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19. Волгоград. 2007. – 42 с.

2. Палехова О.В. Прецедентные феномены в немецких массмедиа // Язык и культура в эпоху глобализации: Сборник материалов III Всероссийской (нацио-

нальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 28–29 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 94–97.

3. Коновалова Т.В. Концепт VERTRAUEN в немецком языковом сознании : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Воронеж. 2006. 23 с.

Список использованных источников

4. Weihnachtansprache 2020 URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/weihnachtsansprache-2020-1832590> (дата обращения: 30.05.2025).

5. Weihnachtansprache 2021 URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/weihnachtsansprache-2021-1993868> (дата обращения: 30.05.2025).

6. Weihnachtansprache 2022 URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/weihnachtsansprache-2022-2155762> (дата обращения: 30.05.2025).

7. Weihnachtansprache 2023 URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/weihnachtsansprache-2023-2250910> (дата обращения: 30.05.2025).

8. Weihnachtansprache 2024 URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/weihnachtsansprache-2024-2328694> (дата обращения: 30.05.2025).

Паремская Светлана Витальевна
преподаватель
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

Sviatlana Vitalievna Paremskaya
Teacher
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В ВЫРАЖЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается роль немецких предлогов в выражении количественных отношений. В работе опираемся на концепцию, представленную в русской лингвистике, согласно которой предлоги обладают свойствами грамматических и лексических единиц. Установлено, что количественные отношения обозначаются с помощью исконных пространственных предлогов, что основывается на метонимическом переносе. Выявлены предлоги, выражающие количественную информацию в немецком языке (*ab, an, bei, gegen, pro, über, unter, um, zu, von, für über unter, zwischen*). Подчеркивается роль предлогов в структуре количественных отношений и демонстрируется принцип языковой экономии при использовании пространственных средств для обозначения количества.

Ключевые слова: немецкие предлоги; количество; количественные отношения; количественная информация; пространственные отношения; семантика предлогов; метонимический перенос; языковая экономия.

THE ROLE OF PREPOSITIONS IN EXPRESSING QUANTITATIVE RELATIONS

The article examines the role of German prepositions in expressing quantitative relations. The study is based on a concept developed in Russian linguistics, which holds that prepositions possess the properties of both grammatical and lexical units. It is established that quantitative relations are conveyed through native spatial prepositions, grounded in metonymic transfer. The prepositions expressing quantitative information in German (*ab, an, bei, gegen, pro, über, unter, um, zu, von, für, über, unter, zwischen*) have been identified. The article emphasizes the role of prepositions in structuring quantitative relations and demonstrates the principle of linguistic economy in the use of spatial means to denote quantity.

Key words: german prepositions; quantity; quantitative relations; quantitative information; spatial relations; prepositional semantics; metonymic transfer; linguistic economics.

Данная статья посвящена исследованию предлогов, выражающих количественные отношения в немецком языке. Целью исследования является выявление и анализ предлогов со значением количества, а также их семантических особенностей.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания грамматических и семантических аспектов предлогов в немецком языке. В современной лингвистике особое внимание уделяется исследованию механизмов выражения количественной информации, поскольку количественные отношения являются неотъемлемой частью коммуникации. Изучение немецких предлогов как средств выражения квантитативности важно для

осмысления языковых универсалий. Особенно значимо понимание того, как пространственные предлоги метонимически используются для передачи количественных смыслов, что демонстрирует экономию языковых средств и открывает новые перспективы для когнитивных исследований.

Научная новизна работы: выявлены и систематизированы немецкие предлоги, которые используются для выражения количественных отношений, что ранее не получало достаточного освещения в лингвистической литературе; обосновано, что механизм метонимического переноса играет ключевую роль в формировании количественных значений на базе пространственных значений предлогов, что расширяет представления о семантической многослойности немецких предлогов; полученные результаты позволяют по-новому рассматривать языковую экономию в немецком языке, а также способствуют межкультурному и межъязыковому анализу.

Методы исследования включали описательный метод; семантический анализ немецких предлогов на материале словарных статей, включающий выделение конструкций с количественными отношениями; сопоставительный анализ, направленный на сопоставление между пространственными и количественными функциями предлогов; применение принципов когнитивной лингвистики для объяснения механизмов метонимического переноса в значении предлогов; систематизация предлогов, используемых для передачи количественной информации, на основе анализа языковых примеров из современного словаря.

Объектом анализа являются предложно-падежные словосочетания, выражающие количественные отношения. Материалом для анализа в данной работе послужили лексикографические данные, полученные из авторитетных словарей немецкого языка: Словарь немецкого языка Wahrig [1] и Немецко-русский словарь трудностей. Предлоги [2]. Общий объем выборки составляет 150 предложных словосочетаний.

Количество, как категория, выражает внешние, формальные взаимоотношения предметов и их частей, а также свойств и связей, определяя их величину, число и степень проявления того или иного свойства. Первые попытки специального анализа проблемы количества восходят к пифагорейцам, которые изучали природу чисел и их влияние на мир. Р. Декарт рассматривал количество как реальную пространственную и временную определённую тел, которая выражается через число, меру и величину [3, с. 420]. Также количество становится важным аспектом не только в математике, но и в языке, где оно находит свое выражение через различные грамматические конструкции, включая предлоги.

Количество может передаваться в речи разными языковыми средствами. Основной частью речи, которая используется для передачи количественной информации, являются числительные, напр.: *zwei Kinder* 'два ребенка', *drei Bücher* 'три книги'. Кроме этого существуют некоторые другие языковые средства, способные передавать количественную информацию. К ним относятся так называемые детерминативы – артикли, а также указательные и неопределенные местоимения: *einige Studenten* 'некоторые студенты', *viele Äpfel* 'много яблок', *kein Mensch* 'никто'. Для этой цели служат также некоторые прилагательные: *wenige Besucher* 'немногие посетители', *zahlreiche Bücher* 'многочисленные книги'.

Наряду с числительными, детерминативами и прилагательными для выражения количественной информации могут использоваться и предлоги. Поскольку немецкий язык не выработал специальных предлогов для выражения квантитативных отношений, то в процессе своего развития приспособил для этих целей некоторые «гибкие» пространственные предлоги. Обозначение количественных отношений с помощью пространственных предлогов основывается на метонимическом переносе [4, S. 230]. Это связано с тем, что «количество это преимущественно пространственно-временные свойства предмета, которые обнаруживаются лишь в его взаимоотношении с другими предметами» [5, стр. 134].

Как показывает анализ словарных статей, исконно пространственные предлоги немецкого языка могут использоваться для выражения величины, числа и степени проявления того или иного свойства предмета.

В работе мы опираемся на концепцию, представленную в современной русской лингвистике, согласно которой предлоги – это служебные слова, выражающие отношения между двумя объектами, между объектом и действием, между объектом и признаком в составе словосочетания [6, с. 830]. В семантике предлогов органически слиты их лексические и грамматические значения. В немецком языке предлоги играют важную роль в организации синтаксических и семантических отношений (пространственных, временных, каузальных, модальных и т.д.) между элементами высказывания. Особый интерес представляет их способность выражать количественные отношения, что становится особенно актуальным в свете когнитивного подхода к языку, где смысловые структуры рассматриваются как отражение концептуализации мира носителей языка.

Для обозначения количества служат три предлога: *zu* 'к, в, на, за, по', *von* 'в, от, из' и *für* 'за, на'. Предлог *zu* связывается при этом с числительными (*zu dritt kommen* 'приходить втроем', *zu zweit arbeiten* 'работать вдвоем'), а *von* с именами существительными как уточнение имени: *eine Gruppe von 10 Mann* 'группа из 10 человек', *ein Beitrag von 50 Euro* 'взнос в размере 50 евро', *eine Entfernung von 3 Kilometer* 'расстояние 3 километра'. При определении цены эту функцию принимает на себя предлог *für* или чаще его латинский синоним *pro* 'на, за, с': *5 Euro für Liter* '5 евро за литр', *100 Euro pro Fass* '100 евро за баррель'.

Предлоги могут указывать не только точное количество или меру, но и давать приблизительное представление о количестве объектов или мере вещества. В этих целях используются предлоги *ab* 'начиная с, начиная от', *an* 'около', *bei* 'около, приблизительно', *gegen* 'около', *über* 'более, выше', *unter* 'ниже, меньше', *um* 'за', которые иногда находятся друг с другом в синонимических отношениях. Например, предлог *ab* указывает только начальную точку отсчета: *ab 100 Stück* 'от 100 штук' = *beginnend mit 100 Stück, mehr als 100 Stück* 'начиная со 100 штук, более 100 штук'. В этом значении ему синонимичен предлог *über*: *über 100 Stück* = *mehr als 100 Stück* 'более 100 штук'.

Следует отметить, что предлог *ab* не закреплен жестко за падежом и использованием артикля: он употребляется как с винительным, так и с дательным падежом. При его употреблении с количественной информацией наблюдается свободное использование артикля: образующее с ним словосочетание суще-

ствительное употребляется как с артиклем, так и без него. *ab fünftem Mai* = *ab fünften Mai* 'с пятого мая', *ab 50 Exemplaren* = *ab 50 Exemplare* 'от 50 экземпляров', *ab dem 18. Lebensjahr* = *ab 18. Lebensjahr* 'с 18 лет'. Сегодня такие формы воспринимаются как стилистические маркированные – устаревшие, высокопарные или поэтические.

Для выражения приблизительного количества служат предлоги *über*, *unter* и *zwischen* 'между'. При этом предлог *über* маркирует верхнюю границу количественной шкалы, а *unter* ее нижнюю границу: *unter 100 Stück* = *weniger als 100 Stück* 'менее 100 штук', *nicht mehr als 100 Stück* 'не более 100 штук'. Здесь ему синонимичен предлог *bis*: *bis 100 Stück* 'до 100 штук' = *nicht mehr als 100 Stück* 'не более 100 штук'. Предлог *zwischen* может очерчивать обе количественные границы, не указывая на точное число предметов или меру вещества: *zwischen 100 und 120 Stück* 'от 100 до 120 штук' = *mehr als 100 und weniger als 1020 Stück* 'больше 100 и менее 120 штук'.

Предлоги *an*, *bei*, *gegen* и *um* со значением 'около' также дают представление о примерном количестве предметов (немного больше или меньше): *um/ bei/ gegen/ an die 100 Stück* 'около 100 штук' = *mehr oder weniger als 100 Stück* 'больше или меньше 100 штук'.

Для обозначения величины изменений качеств или свойств объектов действительности используются парные предлоги *von ... auf* 'с ... до', *von ... zu* 'с ... до', *von ... bis auf* 'с ... до, на'. При этом направление изменений обозначается соответствующими глаголами (*anwachsen* 'расти', *steigen* 'расти', *erhöhen* 'увеличиваться', *fallen* 'падать'), но для величин изменений активно используются предлоги: *von Platz 3 auf Platz 5 steigen* 'подняться с 3-го на 5-е место', *die Sitzplätze von 1000 auf / zu bis zu 2000 erweitern* 'увеличить количество мест с 100 до 200', *den Preis von 500 auf 300 reduzieren* 'снизить цену с 500 до 300'. В таких случаях предлоги легко сочетаются друг с другом (*bis ... zu*, *bis ... auf* 'до', усиливая значение. Эта способность присуща прежде всего предлогу *bis*.

Таким образом, выполненное исследование показывает, как при отсутствии специальных единиц для определенных отношений в человеческой деятельности язык приспособливает единицы смежных отраслей для новых областей знаний, демонстрируя тем самым на примере предлогов закон экономии языковых средств.

Выводы по результатам исследования показывают, что немецкие предлоги выполняют важную функцию в выражении количественных отношений, выступая не просто как служебные элементы, а полноценные лексико-грамматические единицы с двойственной природой. Анализ подтвердил, что количественные значения у предлогов формируются через метонимический перенос, основанный на их исходных пространственных значениях. Анализ семантики предлогов показал, что большая группа первообразных предлогов (*ab*, *an*, *bei*, *gegen*, *pro*, *über*, *unter*, *um*, *zu*, *von*, *für*, *zwischen*) активно используются для передачи количественной информации в немецком языке. Данное исследование расширяет представления о семантике предлогов, подчеркивая их роль в структуре количественных отношений и демонстрируя принцип языковой экономии при использовании пространственных средств для обозначения количе-

ства. Таким образом, результаты работы способствуют более глубокому пониманию функциональной и семантической сложности предлогов и могут быть полезны для дальнейших лингвистических и переводческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh : Bertelsmann, 1974. 1270 S.
2. Рахманова Н. И., Цветаева Е. Н. Немецко-русский словарь трудностей. Предлоги. 2-е изд. М. : Рус. яз. : Дрофа, 2010. 397 с.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1973. Т. 12. 628 с.
4. Graff E. G. Die althochdeutschen Präpositionen: Ein Beitrag zur deutschen Sprachkunde und Vorläufer eines althochdeutschen Sprachschatzes nach den Quellen des 8. bis 11. Jahrhunderts. Königsberg : Gebrüder Bornträger, 1824. 330 S.
5. Краткий словарь по философии / под ред. И. В. Блауберга, П. В. Копнина, И. К. Пантина. 2-е изд. М. : Политиздат, 1970. 398 с.
6. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А. Н. Тихонова. Р. И. Хашимова. Т. 1. 2-е изд., стар. М. : ФЛИНТА, 2014. 840 с.

УДК 811.112.2'373

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: juliapetrakova0887@gmail.com

Julia Petrakova

PhD in Philology
Post-PhD Researcher: Department of
Theoretical and Applied Linguistics
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages,
e-mail: juliapetrakova0887@gmail.com

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье раскрываются особенности реализации словообразовательного потенциала среди единиц восьми лексических классов немецкого языка: наименований животных, растений, частей тела, жидкостей, металлов и горных пород, орудий труда, интеллектуальной деятельности, психических свойств. Результаты исследования свидетельствуют об асимметричном характере распределения словообразовательной нагрузки между производящими единицами в рамках единой семантической области. Применение методики ранжирования позволило установить, что все исследуемые лексические классы разделяются в зависимости от словообразовательной активности конститuentов на ядерную, околоядерную и периферийную зоны. Наименьшее количество лексических единиц сосредоточено в ядерной зоне, тогда как околоядерная зона занимает промежуточное положение, а максимальная концентрация производящих единиц наблюдается в периферийной зоне. На материале наименований животных продемонстрирована прямая корреляция между их словообразовательным потенциалом и социально-практической значимостью соответствующих референтов.

Ключевые слова: номинация; словообразование; производящая единица; производная единица; словообразовательная активность.

DISTRIBUTION OF WORD-FORMATION ACTIVITY OF LEXICAL UNITS

The article explores the peculiarities of the realization of word-formation potential among the units of eight lexical classes in the German language: names of animals, plants, body parts, liquids, metals and minerals, tools, intellectual activity, and mental properties. The results of the study indicate the asymmetric nature of the distribution of word-formation “load” among the base units within a single semantic domain. The application of a ranking methodology allowed for the identification of a division across all the analyzed lexical classes based on the word-formation activity of their constituents into three zones: the nuclear zone, the near-nuclear zone, and the peripheral zone. The smallest number of lexical units is concentrated in the nuclear zone, whereas the near-nuclear zone demonstrates intermediate levels of activity, and the highest concentration of underlying bases is observed in the peripheral zone. Using the example of animal names, the study demonstrates a direct correlation between their word-formation potential and the socio-practical relevance of the corresponding referents.

Key words: naming process; word-formation; base unit; derived unit; word-formation activity.

Язык как динамическая система постоянно адаптируется к изменяющимся требованиям коммуникации, оставаясь при этом ограниченным набором средств, которым приходится выполнять бесконечное множество функций.

Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд образно представляют лексикон языка как мозаичное полотно, которое «постоянно натягивается, чтобы покрыть больше, чем оно должно» («The lexical mosaic is constantly being stretched to cover more than it should») [1, p. 292]. Эта метафора точно отражает стремление человека использовать реестр имеющихся в его распоряжении слов как основу для создания новых единиц, необходимых для номинации результатов познавательной деятельности. Пластичность языка, его чуткость к разнообразным номинативным запросам человека находятся в диалектическом взаимодействии с тенденцией к экономному, оптимальному использованию языковых форм в качестве базы номинации. Одним из результатов такого взаимодействия является неодинаковая востребованность лексических единиц в номинативных процессах.

Предлагаемое исследование направлено на выявление закономерностей распределения словообразовательной активности единиц в немецком языке. Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях современной цифровой эпохи, характеризующейся стремительным развитием технологий обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP), особенно важным становится понимание того, как человек организует и использует свой внутренний (ментальный) лексикон. Системы машинного перевода, синтеза речи и анализа текстов, работающие с большими объёмами данных, требуют структурированного описания языковых процессов, дополненного предсказывающими моделями (predictive models). В контексте словообразовательных процессов это может означать создание баз данных наиболее активных производящих единиц с указанием семантических аспектов их деривационных моделей.

Во-вторых, определение производящего ядра, представленного наиболее активными в словообразовании лексемами, позволит выявить те концепты, которые чаще всего используются как опорные точки для конструирования связей с другими единицами знания, составляющими цель номинации. Иначе говоря, данные о производящих возможностях лексических единиц могут послужить основанием для характеристики когнитивной выделенности обозначаемых ими концептов. Это открывает перспективы сразу в нескольких направлениях, позволяя описывать роль ключевых концептов в рамках той или иной семантической категории на материале разных языков или в диахроническом аспекте.

Данное исследование проводится на материале имен существительных немецкого языка и их словообразовательных производных, охватывающих 1816 и 17050 единиц соответственно. При отборе исходных единиц учитывались их лексико-семантические характеристики, которые, как известно, играют важную роль в системном описании словообразования. Кроме того, данные психиатрической лингвистики об особенностях речи пациентов с афазией свидетельствуют о том, что связи между конститuentами семантического поля имеют психическую реальность и являются одними из самых прочных [2, p. 74–77]. Учитывая вышесказанное, объектом исследования выступают наименования восьми лексических классов – частей тела, животных, растений, психических свойств, интеллектуальной деятельности, металлов и горных пород, жидкостей и орудий труда.

При описании распределения словообразовательной активности указанных единиц мы использовали метод ранжирования, успешно апробированный в лингвостатистических исследованиях (см., например, [3]). Каждой единице лексического класса, используемой в словообразовании, присваивался ранг в зависимости от количества ее производных. В соответствии с этим, первую позицию занимает единица с наибольшим массивом производных, а последний ранг получает наименее активная в словообразовании лексема.

Согласно полученным данным, во всех исследуемых лексических классах распределение словообразовательной активности конstituентов не является равномерным. Выявленные тенденции продемонстрируем на примере наименований животных. Из 505 конstituентов данного объединения 346 наименований ($\approx 68.5\%$) не используются в качестве производящих баз. Результат ранжирования остальных единиц, участвующих в словообразовании, представлен на рисунке 1.

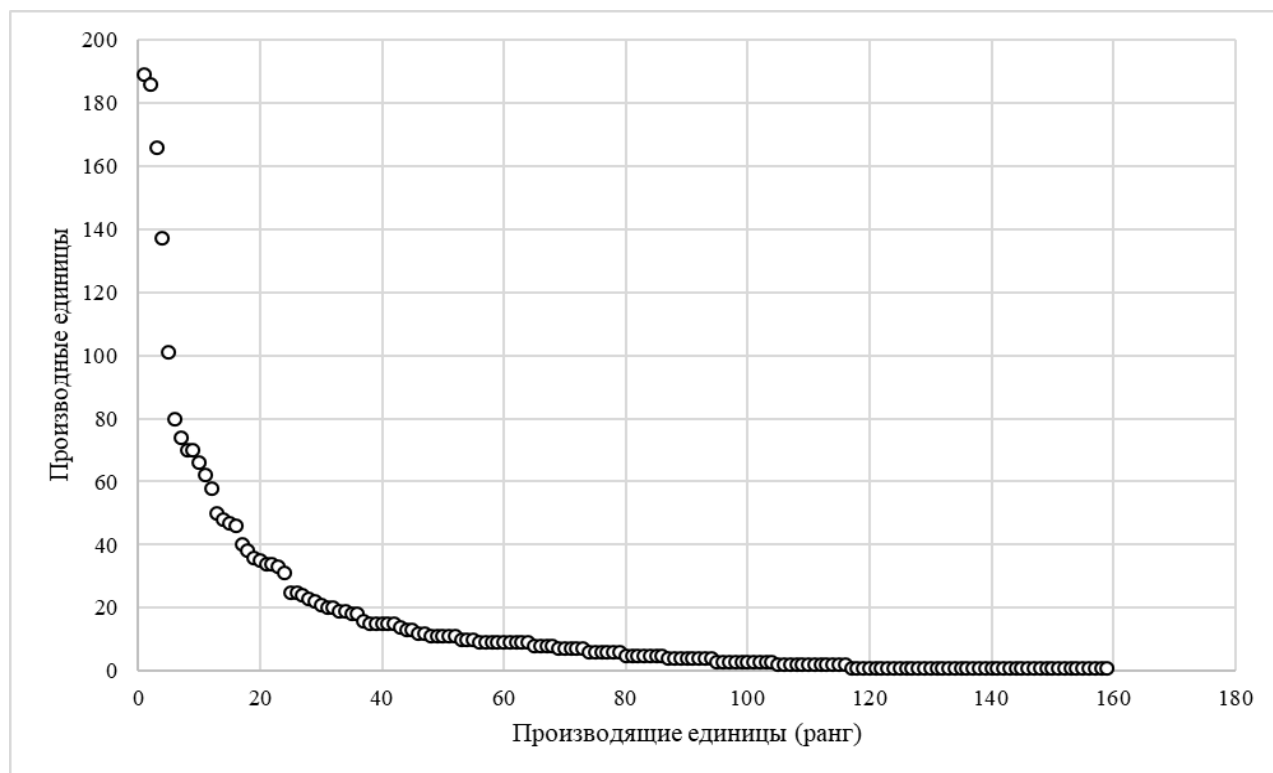

Рисунок 1 – Распределение словообразовательной активности наименований животных в немецком языке

Количественные показатели свидетельствуют об асимметричном распределении производящей активности наименований животных: наибольшая разреженность наблюдается на участке единиц, имеющих от 100 до 189 производных, затем с понижением количества производных постепенно возрастает количество исходных единиц. Распределение подобного рода зафиксировано и в других лексических классах, что свидетельствует об универсальном характере выявленной закономерности. В рамках каждого объединения, независимо от того, представлено ли оно конкретными, вещественными или абстрактными именами, имеется ограниченный перечень наиболее активных «словообразова-

тельных доноров» и множество периферийных элементов. Подобный тип организации семантической категории, обусловленный частотностью выбора производящих единиц, может быть интерпретирован как лингвистическое воплощение общекогнитивного механизма выделения значимого (фигуры) на фоне второстепенного и является одним из следствий селективности внимания имеющего субъекта.

Следующий шаг в исследовании словообразовательной активности указанных единиц предполагает введение критериев для выделения ядерных и периферийных участков лексического класса. Решение данной задачи осуществлялось с опорой на закон рассеяния информации, который был сформулирован библиографом С. Брэдфордом и позднее экстраполирован на иные области гуманитарного, в том числе лингвистического, знания (см., например, работы А. Барабаси, Л. Эгге, С. Шарофф, В. А. Яцко и др.). В соответствии с эмпирической закономерностью, выявленной С. Брэдфордом, весь массив данных (в нашем случае это количество производных единиц) должен быть разделен на три примерно одинаковых подмножества. Далее в каждом из подмножеств следует установить реестр источников данных (для производных единиц – их производящих баз) и на этом основании выделить ядро, околядерную и периферийную зоны. Необходимо, однако, сделать оговорку и указать, что подобное членение лексического класса отражает не бинарную («или-или»), а вероятностную модель распределения производящей активности. Это связано, во-первых, с диффузностью границ между отдельными зонами: лексическая единица может «мигрировать» из одной зоны в другую в разные периоды существования языка (сюда также можно отнести т. н. «эффект виральности» (*virality effect*), связанный с быстрым и массовым распространением языковых единиц в цифровой среде [4; 5]). Во-вторых, определение словообразовательной активности, проводимое с опорой на лексикографические данные, сталкивается с такими известными ограничениями, как невозможность или отсутствие необходимости фиксации в словаре абсолютно всех словообразовательных производных.

В соответствии с программой исследования, рассмотрим, какие единицы немецкого языка формируют производящее ядро, околядерную и периферийную зоны в лексическом классе наименований животных. Наиболее активными в словообразовательном отношении являются шесть лексем: *Hund* ‘собака’ (189 производных), *Pferd* ‘лошадь’ (186), *Vogel* ‘птица’ (166), *Fisch* ‘рыба’ (137), *Katze* ‘кошка’ (101), *Bär* ‘медведь’ (80). Все живые существа, обозначаемые ядерными единицами, играют важную роль в повседневной жизни и социальной практике пользователей немецкого языка, что сказывается не только на количестве производных, но и на их семантическом многообразии. Так, лексическая единица *Hund*, обозначающая собаку – первое одомашненное и прирученное человеком животное, служит в качестве производящей базы для множества дериватов, называющих разновидности собак в зависимости от выполняемых ими функций: *Begleithund* ‘собака-компаньон’, *Diensthund* ‘служебная собака’, *Kampfhund* ‘бойцовая собака’, *Sanitätshund* ‘санитарная собака (используемая для спасательных операций)’ и др. Аналогичная функциональная дифференци-

ация посредством словосложения характерна и для наименования *Pferd*: *Ackerpferd* ‘рабочая лошадь’, *Sportpferd* ‘спортивная лошадь’, *Therapiepferd* ‘лошадь, используемая в иппотерапии’, *Wagenpferd* ‘упряжная лошадь’. Конституенты производящего ядра имеют богатую культурную семантику, определяемую местом соответствующих животных в фольклоре и фиксируемую, например, в производных *Bärendienst* ‘медвежья услуга’, *bärenstark* ‘сильный как медведь’, *Hundearbeit* ‘собачья работа, каторжный труд’, *Hundewetter* ‘отвратительная, собачья погода’, *Katzenblick* ‘лживый, неискренний взгляд’, *Katzensilber* ‘«кошачье серебро» (в геологии: белая слюда, напоминающая серебро)’, *vogelfrei* ‘вне закона (букв.: свободный как птица)’, *Glücksvogel* ‘птица счастья’. Птица (*Vogel*) и рыба (*Fisch*) с древних времен выступали объектом охоты и потребления человека, что находит отражение в таких производных, как *Vogelbauer* ‘клетка для птиц’, *Vogelfang* ‘охота на птиц’, *Vogelschlinge* ‘соло для птиц’, *Vogelnetz* ‘сеть для охоты на птиц’; *Fischfang* ‘рыбная ловля’, *Fischkutter* ‘катер для рыбной ловли’, *Fischsuppe* ‘рыбный суп’ и др. Прототипическая сущность ядерных единиц проявляется и в их способности служить для номинации других представителей фауны: *Ameisenbär* ‘муравьед (букв.: муравьиный медведь)’, *Flusspferd* ‘бегемот (букв.: речная лошадь)’, *Heupferd* ‘кузнечик, саранча’, *Meerkatze* ‘мартышка (букв.: заморская кошка)’, *Seehund* ‘тюлень (букв.: морская собака)’.

Околоядерная (промежуточная) зона охватывает 14 лексических единиц, обозначающих животных, которые играют менее важную или ограниченную роль в социальной практике: *Fliege* ‘муха’, *Gans* ‘гусь’, *Käfer* ‘жук’, *Schlange* ‘змея’, *Schnecke* ‘улитка’ и др. Вместе с тем эти живые существа хорошо знакомы представителям немецкой лингвокультуры, что способствует активности соответствующих наименований в словообразовательном процессе: *Fliegendraht* ‘москитная сетка’, *Fliegenpilz* ‘мухомор’; *Gänsebraten* ‘жаркое из гуся’, *Martinsgans* ‘гусь, приготовленный на день святого Мартина’; *Blattkäfer* ‘жук-листоед’, *Nashornkäfer* ‘жук-носорог’; *schlangenartig* ‘змеевидный’, *Schlangenhaut* ‘змеиная кожа’; *Hörschnecke* ‘(анат.) ушная улитка’, *Schneckenpost* ‘медленная (букв.: улиточная) почта’.

Наибольший объем имеет периферийная зона, в которую входит 139 лексических единиц: *Ameise* ‘муравей’, *Biber* ‘бобер’, *Echse* ‘ящерица’, *Forelle* ‘форель’, *Igel* ‘еж’, *Meise* ‘синица’ и др. На основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что в периферийную зону входят наименования всех разновидностей рыб, почти всех видов птиц и насекомых, а также иных животных, с которыми человек редко взаимодействует напрямую. Таким образом, удельный вес ядерной, околоядерной и периферийной зон в лексическом классе наименований животных составляет 1,2 %, 2,8 % и 27,5 % от общего количества единиц соответственно.

Аналогичное распределение производящих участков наблюдается и в других лексических классах, однако подробное описание состава всех зон и словообразовательных дериватов потребовало бы значительного расширения объема данной статьи. Оставляя глубокий анализ зонального членения лексических классов для последующих работ, ограничимся краткими сведениями о произво-

дящем ядре, представленном наиболее востребованными в словообразовании единицами. Установлено, что в исследуемых лексических классах объем ядерной зоны не превышает 11 наименований, охватывает от 1,2 % до 5,6 % от общего количества конstituентов класса и представлен такими единицами, как *Baum* 'дерево', *Blume* 'цветок'; *Hand* 'кисть руки', *Herz* 'сердце'; *Gold* 'золото', *Eisen* 'железо'; *Gedanke* 'мысль', *Bewusstsein* 'сознание'; *Gefühl* 'чувство', *Seele* 'душа'; *Hammer* 'молоток', *Messer* 'нож'; *Blut* 'кровь', *Wasser* 'вода' и др. Даже предварительное рассмотрение исследуемых единиц позволяет убедиться в устойчивой зависимости между степенью словообразовательной активности лексических единиц и их когнитивной выделенностью в рамках соответствующей семантической категории.

Суммируя вышесказанное, отметим, что изучение деривационных связей между лексическими единицами является одним из множества путей к пониманию того, как человек структурирует полученный опыт, какие элементы этой мозаики он считает наиболее важными для взаимодействия с окружающим миром. Полученные данные о распределении словообразовательной активности лексических единиц позволяют спустя более чем полвека по-новому осмыслить идею В. В. Виноградова об основном словарном фонде, представляя убедительные доказательства тому, что языковая система служит не только средством коммуникации, но и инструментом познания, фиксирующим степень значимости тех или иных концептов и стратегии освоения и концептуализации окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Miller G. A., Johnson-Laird P. N. Perception and language. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 768 p.
2. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. Oxford : Basil Blackwell, 1989. 229 p.
3. Baayen R. H. Morphological productivity // Quantitative Linguistics / Ed. by R. Köhler [et al.]. Berlin : De Gruyter, 2005. P. 243–255.
4. Arumi S., Giyatmi G., Setiyono M. S. Linguistic forms and The Meaning of Viral Words on Instagram [Electronic resource] // Ethical Lingua. Journal of Language Teaching and Literature. 2022. Vol. 9, No. 1. P. 300–313. URL: <https://ethicallingua.org/25409190/article/view/344/220> (accessed: 25.05.2025).
5. Dembe T. The impact of social media on language evolution [Electronic resource] // European Journal of Linguistics. Vol. 3, No. 3. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.47941/ejl.2049>

УДК 811.112:659.1+316.658.4

Петрова Екатерина Игоревна
кандидат филологических наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
Южный федеральный университет
e-mail: eipetrova@sfedu.ru

Ekaterina Igorevna Petrova
Cand. of Sc. (Philology)
Rostov on Don, Russia
Southern Federal University
e-mail: eipetrova@sfedu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИРОДООХРАННОЙ ПРОПАГАНДЫ В РЕКЛАМЕ

Проанализированы основные языковые средства в рекламе на экологическую тему. Рассмотрена роль эксплицитных средств лексического и грамматического уровней языка в формировании природоохранной пропаганды и экологического сознания.

Ключевые слова: экологическая реклама; природоохранная пропаганда; языковая стратегия; эксплицитные языковые средства.

LANGUAGE STRATEGIES OF ENVIRONMENTAL PROPAGANDA IN ADVERTISING

The main language tools in advertising on an environmental topic were analyzed. The role of explicit means of lexical and grammatical levels of language in the formation of environmental propaganda and environmental consciousness is considered.

Key words: environmental advertising; environmental advocacy; language strategy; explicit language tools.

В последние годы тема защиты окружающей среды и бережного отношения к природе набирает всё большую популярность. Экологическая тематика активно внедряется в различные сферы человеческой жизни: медиа, политика, экономика и т. д. Распространение эко-повестки позволяет рассматривать немецкоязычную рекламу как важный носитель актуальных идей и принципов «зелёного» движения и средство создания природоохранной пропаганды.

Целью данной работы является анализ языковых стратегий формирования экологического сознания и пропаганды природоохранного движения в немецкоязычной рекламе.

Под языковыми стратегиями понимаются различные речевые приёмы и языковые средства – лексика, грамматические конструкции, стилистические средства, организация речи – для достижения коммуникативной цели.

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в социально-политической жизни Германии, а именно активным внедрением экологичного образа жизни, соответствующих моделей поведения и действий.

Материалом исследования послужили 60 текстов немецкоязычной рекламы на тему экологии и защиты окружающей среды, отобранных методом сплошной выборки из сети Интернет.

Для анализа отобранного материала были использованы методы статистического, лингвостилистического и лексико-семантического анализа.

Рекламный дискурс – один из наиболее активно развивающихся типов дискурса – связан с рекламным видом деятельности, главной целью которой является информирование аудитории о товаре или услугах. В немецкоязычной лингвистике применительно к рекламному дискурсу употребляется термин-эквивалент *Werbediskurs* или понятие *Werbesprache* ‘язык рекламы’ [1, S. 25]. Специфика рекламного дискурса находит отражение и в рекламном сообщении.

Реклама – это сообщение массового характера, созданное с целью привлечения внимания зрителей и/или потенциальных потребителей, сопровождающееся вербальным и невербальным компонентом [2; 3, с. 2424].

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет такой вид рекламы, как экологическая реклама или эко-реклама – это особое направление социальной рекламы, целью которого является продвижение идей и проектов защиты окружающей среды и природы [4]. Экологическая реклама призвана информировать общество о состоянии окружающей среды и пропагандировать специальные меры по охране и защите природы [5].

К функциям эко-рекламы относятся:

- 1) формирование мировоззрения о защите и охране окружающей среды;
- 2) воспитание гуманного отношения к природе и закрепление подобной модели отношения в качестве этической нормы;
- 3) популяризация эко-повестки, распространение знаний и интереса к проблемам окружающей среды как среди отдельных индивидуумов, так и в рамках всего общества в целом;
- 4) просвещение гражданского общества в области экологии и природоохраны;
- 5) генерирование новых экологически значимых тенденций в повседневной жизни адресата [6].

Важную роль в воспитании экологической грамотности, нравственных чувств и культуры поведения в природной среде играет пропаганда. Пропаганда представляет собой не абстрактную теорию, а своего рода синтез знаний и идей, образованных под влиянием общественного интереса; проявляется в форме неких убеждений, верований, установок на восприятие действительности и отношение к ней [7]. Природоохранная пропаганда мотивирует адресата переосмыслить и изменить модель своего поведения по отношению к природе, если она не соответствуют существующим и актуальным социальным нормам и ценностям, например, сократить потребление каких-то товаров или участвовать в экологических акциях. Ключевой функцией природоохранной пропаганды является не только информирование, но и мотивация, убеждение и формирование устойчивых моделей экологически ответственного поведения. Это делает природоохранную пропаганду одним из самых действенных инструментов рекламы для формирования экологического сознания [7; 8].

В рекламе на экологическую тему рекламодателем используется комплекс средств для достижения определённой коммуникативной цели – убеждения це-

левой аудитории в привлекательности рекламируемого продукта или идеи и побуждения её к совершению желаемого действия.

Формирование природоохранной пропаганды происходит посредством различных лингвистических средств, среди которых можно отметить лексико-семантические поля, эксплицитные и имплицитные языковые средства. Лексико-семантические поля помогают определить актуальные на данный момент экологические темы и проблемы, а имплицитные и эксплицитные средства используются в качестве инструмента прямого или косвенного убеждения адресата в необходимости изменить своё поведение.

В ходе рассмотрения данной темы мы остановимся на анализе эксплицитных языковых средств, т.е. слов и выражений, которые непосредственно указывают на объект или понятие, описывая его явно и прямо. Использование эксплицитных лингвистических средств в качестве способа формирования пропаганды указывает на открытое поощрение и/или порицание той или иной модели поведения, действия, качества, товара, услуги и т. д. Эксплицитные средства в эко-рекламе представлены прежде всего оценочной лексикой – положительной и отрицательной.

В проанализированных рекламных текстах была отмечена высокая частотность использования лексических единиц с положительной коннотацией, таких как имена существительные *Stärke* ‘сила’, *Zukunft* ‘будущее’, *Möglichkeit* ‘возможность’, *Chance* ‘шанс’, имена прилагательные: *liebe* ‘дорогой’ (в качестве обращения), *klug* ‘умный’, *fair* ‘справедливый’, *klimagerecht* ‘экологически чистый’, *gemeinsam* ‘вместе’, *nachhaltig* ‘устойчивый’, *grün* ‘зеленый’, *erneuerbare* ‘возобновляемый’, *sauber* ‘чистый’ и т.д., глаголы: *sparen* ‘экономить’, *verbessern* ‘улучшать’, *mitmachen* ‘присоединяться, принимать участие’, *kämpfen* ‘бороться’, *schützen* ‘защищать’, *helfen* ‘помогать’ и т.д.

Так, прилагательное *nachhaltig* ‘устойчивый’ встречается в сочетании с существительными *Zukunft* ‘будущее’, *Entwicklung* ‘развитие’, *Produktion* ‘производство’, что позволяет создать у потребителя представление о долгосрочной перспективе и ответственности рекламируемого продукта или услуги: *Professionelle Reinigungstextilien aus 100% recycelter Faser für eine nachhaltige Zukunft*.

Прилагательное *grün* ‘зелёный’ часто используется в метафорическом значении, обозначая не только цвет, но и экологическую чистоту и безопасность: *Eine grüne Zukunft braucht Haltung. Sei mutig.; Dein neuer Stromanbieter: wir alle. Regionale grüne Energie. Von allen, für alle*.

Глагол *sparen* ‘экономить’ используется в большинстве примеров в сочетании с существительным *Energie* ‘энергия’ (*Liebe Duschfans, ein Energiespar-Duschkopf spart 30% Energie für Warmwasser*) и актуализирует одно из основных достоинств в рамках экологичного образа жизни – экономии ресурсов и электроэнергии.

Единицы с положительной коннотацией используются, как правило, для создания положительного образа рекламируемого продукта или услуги. Основной акцент делается на экологичность товара, его экономичность и экономию ресурсов и энергии, что является важным фактором для потребителей, ориентированных на экологически ответственное потребление.

Анализ отобранных рекламных текстов выявился и присутствие оценочной лексики с отрицательной коннотацией, например, существительных *Krise* 'кризис', *Müll* 'мусор', *Verschmutzung* 'загрязнение' (*Wähl Klima statt Krise!*), глагола *gefährden* 'подвергать опасности' (*Energie-Sicherheit gefährden?*). Однако, частотность употребления этих единиц значительно ниже, чем частотность слов с положительной коннотацией. Это можно объяснить тем, что чрезмерное использование негативной лексики может вызвать у реципиента негативные эмоции, панику. В тоже время использование слов с отрицательной коннотацией позволяет обратить внимание на экологические проблемы и подчеркнуть необходимость принятия мер по защите окружающей среды.

В проанализированных нами текстах экологической рекламы 85% оценочной лексики составляют лексические единицы с положительной коннотацией и 15% – с отрицательной. Это свидетельствует о желании рекламодателя создать позитивный и привлекательный образ рекламируемого продукта, события или явления и побудить получателя рекламной продукции к действиям, направленным на защиту окружающей среды.

Отдельно стоит обратить внимание на использование эксплицитных средств на грамматическом уровне языка, а именно на повелительное наклонение глагола. Повелительное наклонение используется для призыва к экономии ресурсов, сортировке мусора, отказу от использования одноразовой упаковки и т.д. (*Geh mit uns den Mehrweg*). Наиболее часто в проанализированных примерах используется обращение во втором лице единственного числа (*du*), что создает ощущение личного обращения, вовлекает адресата в диалог и выступает средством побуждения к активным действиям и участия в экологическом движении (*Sei mutig. Be epic.*). Чрезмерное использование может быть воспринято, однако, как назойливость и вызвать негативную реакцию у потребителя рекламы, поэтому данное эксплицитное средство встречается в рекламе экологического характера довольно редко, вследствие чего мы рассматриваем именно оценочную лексику как основное эксплицитное средство формирования природоохранной пропаганды.

Таким образом, можно сделать вывод, что проанализированные эксплицитные языковые средства играют важную роль в формировании природоохранной пропаганды. Они воздействуют на адресата рекламного сообщения, создавая позитивные и негативные ассоциации и представления у аудитории, являются действенным способом формирования экологического сознания реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdallah M. Werbesprache im Deutschen und Arabischen und die kulturelle Problematik ihrer Übersetzung. Eine linguistisch-interkulturelle kontrastive Studie. Düsseldorf: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012. 295 S.

2. Грищева Е. С. Лингвистическая интерпретация рекламы: основные направления исследования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. №3 (28). С. 69–72.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 3322 с.
4. Драй Н. А. Особенности экологической рекламы, направленной на решение проблемы пластиковых отходов // Проблемы массовой коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2019. С. 47–49.
5. Шутова Н. М. Современная социальная реклама: проблемы перевода (на материале экологической рекламы) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. №12. С. 163–171.
6. Столярова В. В., Лукашик Е. Е., Пермяков А. В. Экология и реклама. Опыт России и других стран // Современные подходы к развитию агропромышленного, химического и лесного комплексов. Проблемы, тенденции, перспективы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Великий Новгород, 17 марта 2021 года. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021. С. 454–459.
7. Вечерская Е. С. О роли пропаганды и рекламы в формировании экологического сознания // Региональные проблемы. 2005. № 6–7. С. 190–192.
8. Некрасова М. А. Экологическая реклама в СМИ как социальный механизм обеспечения экологической безопасности // Коммуникология. 2014. Т. 8. № 6. С. 129–145.

Путаева Эльнара Эльдаровна
доктор философии по филологии
г. Баку, Азербайджан
Азербайджанский
Университет Языков
e-mail: putayeva.elnara@adu.edu.az

Elnara Eldar Putayeva
Doctor of Philosophy in Philology
Baki, Azerbaijan
Azerbaijan
University of Languages
e-mail: putayeva.elnara@adu.edu.az

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И НАВЫКОВ ПОНИМАНИЯ ПРОЧИТАННОГО В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

Настоящее исследование направлено на анализ взаимосвязи между навыками критического мышления и понимания прочитанного у студентов бакалавриата в одном из высших учебных заведений Азербайджана. В исследовании приняли участие 350 студентов с различным образовательным бэкграундом, преимущественно обучающихся на педагогических специальностях. Методология опиралась на качественный подход с использованием диагностических тестов на понимание текста и анкетирования. Результаты показали наличие значительного разрыва между положительным отношением студентов к чтению и их фактическими навыками критического анализа. Среди выявленных проблем – ограниченный словарный запас, недостаточные навыки академического письма, слабое использование технологий в учебной среде и низкий уровень чтения. Исследование подчёркивает необходимость комплексной педагогической стратегии, включающей развитие критического мышления, интеграцию цифровых ресурсов и стимулирование самостоятельного чтения. Сделанные выводы могут быть полезны для преподавателей и образовательных педагогических работников, стремящихся повысить когнитивную и академическую компетентность студентов.

Ключевые слова: критическое мышление; критическое чтение; аналитическое мышление, бакалавриат; интерпретация; навыки.

THE INTERPLAY OF CRITICAL THINKING AND READING COMPREHENSION SKILLS IN UNDERGRADUATE LEARNING

The present study aims to analyze the relationship between critical thinking skills and reading comprehension among undergraduate students at a higher education institution in Azerbaijan. A total of 350 students with diverse educational backgrounds, primarily enrolled in pedagogical programs, participated in the study. The methodology was based on a qualitative approach using diagnostic reading comprehension tests and surveys.

The results revealed a significant gap between students' positive attitudes toward reading and their actual critical text analysis skills. Identified issues included limited vocabulary, underdeveloped academic writing skills, insufficient use of technology in the learning environment, and a generally low level of reading engagement.

The study highlights the need for a comprehensive pedagogical strategy focused on developing critical thinking, integrating digital resources, and encouraging independent reading. The findings may be valuable for educators and educational policymakers aiming to enhance students' cognitive and academic competencies.

Key words: critical thinking; critical reading; analytical thinking; undergraduate; interpretation; skills.

Для критически мыслящего читателя любой отдельный текст представляет собой не более чем одну из возможных интерпретаций фактов, выражающую субъективную точку зрения на определённую тему. Такие читатели способны воспринимать не только содержание текста, но и способы, посредством которых автор формирует представление о предмете. Они осознают, что каждый текст является результатом индивидуального авторского подхода и отражает уникальное видение.

Несмотря на тесную взаимосвязь между критическим чтением и критическим мышлением, важно рассматривать их как автономные когнитивные стратегии. Критическое осмысление возможно лишь после тщательного прочтения и анализа текста: формирование аргументированной позиции или оценка авторской точки зрения невозможны без полного и глубокого понимания прочитанного. Этого можно достичь исключительно при помощи навыков критического чтения [1].

Цель исследования: Критическое мышление применяется для анализа, интерпретации и оценки представленных идей и информации. Оно способствует формированию обоснованных суждений о достоверности и приемлемости позиций, представленных в тексте. Критическое чтение, в свою очередь, осуществляется в процессе непосредственного восприятия текста и включает в себя целый ряд стратегий, направленных на выявление действительного содержания, интерпретацию авторской интенции, а также анализ предвзятости и глубинных смыслов.

Актуальность исследования: Ни один человек не действует полностью объективно и рационально. Повседневное поведение часто определяется личной заинтересованностью, стремлением подтвердить уже существующие представления, оправдать ранее принятые решения или укрепить сложившиеся убеждения. Однако, стремясь к эмоциональному удовлетворению, мы нередко ограничиваем собственные возможности для интеллектуального развития и роста. Хотя использование критического мышления не всегда является интуитивным или желанным, обладание соответствующими навыками необходимо, чтобы применять их в ситуациях, требующих осознанного анализа.

Чтение с целью извлечения информации – полезное умение, когда необходимо понять конкретное содержание. Однако во многих случаях чтение выполняет более сложные функции: оно необходимо для принятия решений, разработки стратегий, законодательных инициатив или творческих проектов. При этом требуется не просто понимание текста, а его осмысление в контексте имеющихся знаний и целей. Мы должны уметь определять, какие утверждения являются достоверными, а какие – нет, что заслуживает доверия, а что подлежит сомнению.

Следовательно, развитие продвинутых навыков критического мышления, включая всестороннюю оценку аргументов, становится важнейшей задачей образовательного процесса. Преподаватели, стремясь к повышению успеваемости и вовлечённости студентов, должны учитывать их потребности и ожидания. Только в этом случае возможно формирование у обучающихся устойчивых навыков постановки вопросов и критического осмысления, необходимых для

успешной жизни за пределами учебной аудитории. Таким образом, образование должно быть направлено на подготовку студентов к реальной жизни [2].

Обзор литературы

Согласно утверждению Дэвиса и Барнетта, развитие критического мышления у студентов приобретает всё большую значимость как в академических исследованиях, так и в образовательной политике высшего образования. В ряде исследований подчёркивается, что формирование соответствующих навыков критического анализа способствует профессиональному успеху выпускников, их активному участию в общественной жизни и способности к непрерывному обучению на протяжении всей жизни [3].

Преподаватели английского языка для академических целей могут эффективно использовать модель Дэвиса и Барнетта для систематизации и практического применения этих подходов. Первый из них – когнитивно-навыковый подход (skills perspective) – предполагает, что логические ошибки, внутренние противоречия и степень обоснованности аргументации могут быть выявлены и оценены путём структурного анализа аргументов. Данный подход направлен на выявление слабых мест в рассуждениях и оценку убедительности логической конструкции.

Второй подход – перспектива критичности (criticality perspective) – делает акцент на развитии способности к критическому мышлению как самостоятельного навыка, интегрированного в образовательный процесс.

Третий – подход критической педагогики (critical pedagogy) – сосредоточен на осмыслении социокультурных и властных структур, оказывающих влияние на общество и ограничивающих индивидуальные свободы [3]. Данный подход также рассматривается в работах Баржестех и Васеги (2012), где подчёркивается его значимость в формировании социальной осознанности обучающихся [4].

С учётом активного внедрения критического мышления в образовательные практики особое внимание уделяется вопросу о принципиальной возможности его преподавания. В научной литературе представлены разнообразные модели и методологические подходы, ориентированные на обучение, оценивание и интерпретацию критического мышления. В числе прочего исследователи обращаются к культурным, эмоциональным и обобщающим аспектам формирования этих компетенций.

В этом контексте критическое чтение рассматривается наряду с критическим мышлением как ключевой навык, необходимый выпускникам для эффективного функционирования на рынке труда [5].

Методология

Настоящее исследование носило качественный характер и проводилось на базе одного из высших учебных заведений в Баку (Азербайджан). В исследовательскую выборку были включены 350 студентов программ бакалавриата, преимущественно обучающихся на факультете преподавания английского языка. Участники обладали разнообразным образовательным опытом и представляли различные академические специализации. Студенты третьего курса бакалавриа-

та были представлены в выборке, которая формировалась методом случайной выборки в течение чётного семестра 2024–2025 учебного года.

Исследовательский инструментарий

В качестве основного инструмента были использованы задания на понимание прочитанного, варьирующиеся по уровню сложности, типологии лексики и структуре вопросов. Первый текст отличался повышенной сложностью лексического материала и значительным объёмом и сопровождался заданиями с выбором ответа. Второй текст был адаптирован для более лёгкого восприятия. Несмотря на различия, оба текста оценивались по единым критериям.

Студентам были предложены текстовые задания в двух вариантах. В каждом варианте предполагалась работа по критическому чтению двух различных отрывков текста. Первый текст в первом варианте состоял из 6 абзацев и 31 предложения. По этому тексту предусматривалась разработка 5 заданий с выбором ответа (multiple choice). Во втором тексте было оставлено 5 различных пропусков, для заполнения которых предлагались 6 различных предложений. Одно из представленных предложений считалось лишним. Второй текст состоял из 4 абзацев и 15 предложений.

Первый текст во втором варианте состоял из 9 абзацев и 38 предложений. По этому тексту также предусматривалась разработка 5 заданий с выбором ответа. Во втором тексте этого варианта также были оставлены 5 различных пропусков, и для их заполнения предлагались 6 различных предложений, одно из которых считалось лишним. Второй текст состоял из 4 абзацев и 26 предложений.

Обсуждение результатов

В результате проверки было установлено, что из 350 студентов 45 получили полный балл (20), 124 студента набрали от 16 до 18 баллов, 88 студентов – от 12 до 14 баллов, 50 студентов – от 8 до 10 баллов, и 43 студента – от 0 до 6 баллов.

Были выявлены следующие ключевые трудности, препятствующие эффективному критическому чтению:

Недостаточный объём когнитивного словаря;

Ограниченные навыки академического письма и стратегий обучения;

Слабая интеграция цифровых технологий в образовательный процесс;

Эти факторы оказали негативное влияние на когнитивную активность студентов и качество их аналитической деятельности. Исследование выявило прямую корреляцию между уровнем понимания прочитанного и способностью к критическому мышлению. Несмотря на положительное отношение студентов к чтению в целом, данные свидетельствуют о существенном разрыве между субъективной мотивацией и объективным уровнем критико-аналитических навыков.

Полученные результаты подчёркивают необходимость целенаправленного развития у студентов навыков критического мышления и глубокого понимания текста, а также формирования устойчивой культуры чтения ради интеллектуального и личностного удовольствия.

Отсутствие системного подхода в этих направлениях может привести к снижению академической успеваемости и ухудшению способности студентов к критическому мышлению как в учебной, так и в профессиональной сферах.

Рекомендации

Преподавателям следует стимулировать у студентов регулярную читательскую практику, в том числе за пределами учебного контекста. Последовательное чтение – первый шаг к формированию устойчивых когнитивных и аналитических навыков. Книги способствуют расширению словарного запаса и развитию критического мышления, так как, в отличие от цифровых источников, они, как правило, обладают более глубокой смысловой структурой.

Учебные материалы по английскому языку требуют актуализации с учётом возможностей современных технологий. Чтение ради удовольствия способствует формированию устойчивой концентрации внимания, улучшает речевую активность и развивает аналитическое мышление. Важно, чтобы студенты обладали универсальными навыками высокого порядка, применимыми в различных жизненных и профессиональных ситуациях. Соответствующие стратегии должны быть простыми в освоении и воспроизведении.

Выводы

Критическое чтение и критическое мышление – взаимодополняющие навыки, обеспечивающие глубокое понимание авторской позиции и её значимости. Эти инструменты позволяют читателю не только интерпретировать тексты, но и вступать в содержательный диалог с противоположными точками зрения. В условиях современного мира, характеризующегося идеологической фрагментацией, такие способности приобретают особую ценность, способствуя формированию уважительного, аргументированного и устойчивого общественного дискурса.

Рекомендации по развитию навыков критического чтения

Чтение без критического подхода позволяет лишь поверхностно усвоить содержание текста и воспроизвести представленную в нём информацию. Критическое чтение же представляет собой активный, аналитический процесс, требующий вдумчивого взаимодействия с материалом, а не простого пассивного восприятия. Важно учитывать авторство текста, его жанровую принадлежность и источник публикации, поскольку эти элементы существенно влияют на интерпретацию содержания.

Некритически мыслящий читатель может пересказать содержание, но, как правило, не способен оценить, как именно автор работает с информацией. Для углубления навыков критического чтения полезно использовать следующие стратегии:

Подчёркивание или выделение значимых фрагментов текста;

Составление кратких конспектов по разделам;

Анализ авторских целей на уровне отдельных абзацев;

Осмысленное включение авторской точки зрения в собственные тексты и рассуждения [6].

Критическое чтение требует интеллектуальных усилий, сосредоточенности и терпения, однако применение указанных методик обеспечивает глубокое понимание и способность к обоснованной оценке текста.

Рекомендации по развитию навыков критического мышления

Критическое мышление – логическое продолжение процесса критического чтения. После того как читатель осознал цель автора, распознал возможную предвзятость и определил тональность текста, наступает этап активного интеллектуального включения. Здесь важно проанализировать собственные предпосылки, опыт и знания, с которыми читатель подходит к тексту. На этом этапе осуществляется оценка обоснованности авторской позиции, выявляется степень согласия или несогласия с ней.

Критическое мышление требует способности оценивать достоверность информации, что, в ряде случаев, предполагает проведение дополнительных исследований. Необходимо учитывать, что некоторые тексты могут содержать лишь односторонние аргументы или использовать предвзятые источники. При анализе важно стремиться к учёту различных точек зрения, но признавать правомерными лишь те из них, которые подтверждаются аргументами и эмпирическими данными.

Одним из наиболее сложных, но в то же время важнейших аспектов критического мышления является интеллектуальная открытость. Способность принимать идеи, идущие вразрез с личными убеждениями, если они логично обоснованы, – важное условие интеллектуального роста и формирования более толерантного, аналитически мыслящего общества. При этом нельзя подменять аргументированность популярностью мнения: истина должна основываться на доказательствах, а не на количестве сторонников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wilson K. Critical reading, critical thinking: Delicate scaffolding in English for Academic Purposes (EAP) // *Thinking Skills and Creativity*, 2016, Vol. 22. P. 256–265.
2. Moore T. J. On the teaching of critical thinking in English for academic purposes. Essential competencies for English-medium university teaching, 2017. P. 19–35.
3. Davies M., Barnett R. (Eds.). *The Palgrave handbook of critical thinking in higher education*. Springer, 2015.
4. Barjesteh H., Vaseghi R. Critical thinking: A reading strategy in developing English reading comprehension performance // *Journal of Foreign Language Teaching and Translation Studies*, 2012, 1(2), P. 21–34.
5. Bråten I., Braasch J. L. Key issues in research on students' critical reading and learning in the 21st century information society // *Improving reading and reading engagement in the 21st century: International research and innovation*, 2017. P. 77–98.
6. Li C. S., Wan R. Critical reading in higher education: A systematic review. *Thinking Skills and Creativity*, 2022.

Рымкевич Ольга Евгеньевна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: rymkol@yandex.ru

Rymkevich Olga Evgenevna
Cand. of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: rymkol@yandex.ru

**МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**
(на материале немецкого языка)

Статья посвящена исследованию функциональной реализации модальных слов в современном немецкоязычном газетно-публицистическом дискурсе. Модальные слова регулярно участвуют в создании смысловой структуры публицистического дискурса. В контекстной реализации они обладают особыми семантическими и прагматическими характеристиками. Модальность приводит в действие коннотативный механизм кодирования информации. Модальное отношение сопровождает развитие дискурсивной ситуации и создает контекстные условия для прочтения и интерпретации информации ее получателем. Модальный аспект исследуемого типа текста носит, как правило, комплексный характер. Он складывается из целого ряда вариативно воплощаемых в тексте модально-семантических оттенков. Создаваемые модальные смыслы связаны с интенцией автора и в значительной степени определяют прагматический аспект текста.

Ключевые слова: публицистический дискурс; модальность; интенциональная категория; стратегия убеждения; модальные слова; сигнификативная семантика; декодирование информации; прагматическое воздействие.

**MODAL WORDS IN THE POLYCODE SPACE
OF JOURNALISTIC DISCOURSE**
(based on the material of the German language)

The article is devoted to the study of the functional implementation of modal words in modern German-language newspaper and journalistic discourse. Modal words regularly participate in the creation of the semantic structure of journalistic discourse. In contextual implementation, they have special semantic and pragmatic characteristics. Modality activates the connotative mechanism of encoding information. A modal attitude accompanies the development of a discursive situation and creates contextual conditions for the recipient to read and interpret information. The modal aspect of the text type under study is usually complex. It consists of a number of variably embodied modal-semantic shades in the text. The created modal meanings are related to the author's intention and largely determine the pragmatic aspect of the text.

Key words: journalistic discourse; modality; intentional category; persuasion strategy; modal words; meaningful semantics; information decoding; pragmatic impact.

Целью исследования является раскрытие семантических и прагматических особенностей модальных слов в немецкоязычном газетно-публицистическом дискурсе. Обращение к изучению функциональной семантики модальных слов представляется актуальным, поскольку они напрямую связаны с воплощением

интенции отправителя информации и участвуют в тексте в реализации механизма смыслоформирования и прагматического воздействия на адресата. Исследование проводилось на основе текстов немецкоязычной газетной публицистики. В качестве основных методов исследования послужили функционально-семантический и контекстуальный анализ.

Современный публицистический дискурс с его жанровой многоаспектностью и выразительным потенциалом правомерно в целом определить как поликодовое пространство, для которого в значительной мере характерна не только передача определенного информационного знания, но и перемещение тех или иных установок, намерений, мнений, отношений, складывающихся в своей совокупности в такую интенциональную категорию как модальность. Модальность приводит в действие коннотативный механизм кодирования информации, активизируя и настраивая определенным образом когнитивные планы адресанта и адресата, тем самым обеспечивая процесс когнитивной трансакции. Модальное отношение сопровождает развитие дискурсивной ситуации и создает контекстные условия, определяющие ракурс и глубину прочтения, равно как и возможности интерпретации информации ее получателем.

Упомянутые свойства в полной мере характеризуют модальные слова с их довольно подвижной сигнификативной семантикой, позволяющей отправителю информации осуществлять желаемый эффект воздействия на адресата, подчеркивая достоверность одних смыслов и ограничивая достоверность других, иными словами, активизируя у получателя информации созвучные с интенцией автора ассоциации. В процессе восприятия текста с помощью модальных маркеров происходит декодирование передаваемой текстом информации, при этом понимание коннотативной информации подобного рода допускает со стороны адресата и некоторую вариативность толкования, что в целом усиливает текстовую прагматику.

Модальный план текста носит, как правило, усложненный характер, поскольку он представлен разнообразными модальными смысловыми оттенками: возможности, необходимости, обязательности, сомнения, достоверности и др. Участвуя в текстообразовании, различные модальные средства не только формируют смыслы, но и, будучи связаны с интенциональным фактором, способствуют реализации прагматического воздействия на получателя информации. Насыщенность публицистического текста модальными оттенками отвечает его пониманию как репрезентации дискурса с воплощением целенаправленного социального действия. В соответствии с авторской интенцией в публицистическом тексте реализуется единая стратегия убеждения. Она «встраивается» в текст, как правило, через взаимодействие и интеграцию модальных смысловых элементов, точнее — через полимодальную когезию. Важным элементом конституирования модальных когезий являются, как правило, модальные слова, которые в контекстах реализации взаимодействуют с другими модальными маркерами. Например,

Gletschermann Ötzi hatte eine dunklere Haut als bisher angenommen und höchstwahrscheinlich eine Glatze. <...>

Als reifer Mann hatte Ötzi demnach mit hoher Wahrscheinlichkeit nicht mehr langes, dichtes Haupthaar, sondern höchstens noch einen schütterten Haarkranz. Seine Gene zeigten eine Veranlagung zur Glatzenbildung, was auch erklären könnte, "warum bei der Mumie fast keine Haare gefunden wurden", erklärt Mitautor Albert Zink vom Institut für Mumienforschung bei Eurac Research in Bozen in Südtirol. Zudem gingen die Forscher bislang davon aus, dass die Haut der Mumie während der Lagerung im Eis nachgedunkelt ist. Vermutlich sei dies aber "tatsächlich weitgehend Ötzis originale Hautfarbe", sagt Zink. Ebenfalls in Ötzis Erbanlagen lag ein erhöhtes Risiko für Übergewicht und Typ-2-Diabetes. Es hatte jedoch dank seines gesunden Lebensstils wahrscheinlich keine akuten Auswirkungen auf seine Gesundheit. <...>

Letzte Mahlzeit vor seinem Tod war höchstwahrscheinlich getrocknetes Steinbockfleisch [6].

В научно-популярной статье о новых результатах исследования генома мумии древнего человека Энци, обнаруженной в 1991 году в Альпах, четко прослеживается модальность гипотетичности в разной степени ее проявления. В создании модальной когезии участвуют в основном модальные слова, такие как *höchstwahrscheinlich* – ‘скорее всего’, *vermutlich* – ‘предположительно’, *tatsächlich* – ‘на самом деле’, *wahrscheinlich* – ‘вероятно’, а также другие средства модальности – *mit hoher Wahrscheinlichkeit* – ‘с высокой вероятностью’, *könnte* – ‘могло бы’ и др. В статье таким образом вариативно сублимируется модальный смысл различных оттенков вероятности – от самой высокой до предположительности, благодаря чему информация актуализируется и подается в необходимом с точки зрения автора ракурсе.

Модальные слова в немецком языке представляют собой лексико-семантическую группу единиц, характеризующихся, с одной стороны, уникальным семантическим значением, с другой стороны – особыми функциями в текстовом воплощении. Выделение в немецком языке модальных слов в качестве специфического класса восходит к традициям русистики. Одним из первых о природе модальных слов писал В. В. Виноградов, отмечая, в частности, тот факт, что «синтаксические функции и семантическая структура модальных слов – иного рода, чем у частей речи и таких частиц речи, как союзы и предлоги» [2, с. 77]. Различные аспекты модальных слов немецкого языка в целом ряде работ освещали такие исследователи-германисты, как В. Г. Адмони, Е. В. Гулыга, О. И. Москальская, Л. С. Ермолаева, С. Саидов, Н. Ф. Скutelъник, У. Шпрангер, Г. Хельбиг, К. Дилинг и другие. По мнению В. Г. Адмони, содержательно модальные слова отличаются от наречий, с которыми их часто отождествляют, тем, что они «обозначают не свойство процесса, а оценку содержания предикативного отношения со стороны говорящего» [1, с. 204].

Отметим, что эта оценка носит субъективно-модальный характер, может быть сопряжена с целым спектром оттенков значений – от сомнения до высокой степени уверенности адресанта – и вариативно маркировать высказывание по шкале «категорическая - проблематическая достоверность». Например, *bekanntlich* – ‘как известно’, *bestimmt* – ‘определенно’, *tatsächlich* – ‘действительно’, *vielleicht* – ‘может быть, возможно, пожалуй’, *wohl* – ‘пожалуй, вероятно’, *fraglich* – ‘проблематично’, *kaum* – ‘едва’ и др. Таким образом, в представлен-

ной в нашем случае довольно узкой интерпретации модальных слов роль семантически связующего звена выполняет значение достоверности высказывания с точки зрения отправителя информации. Спорным при этом остается вопрос об отнесении к разряду модальных слов и оценочных наречий, которые связаны с выражением экспрессии, чувств и эмоций человека. Например, *leider* – ‘к сожалению’, *glücklicherweise* – ‘к счастью’, *ärgerlicherweise* – ‘к огорчению’, *gottlob* – ‘слава богу’ и др. Думается, что семантическая природа данных слов все же отлична от подлинно модальных в строго логической интерпретации их значений. Впрочем, в контекстуальном воплощении наблюдается очевидное взаимодействие между собой различных модальных отношений, придающих таким образом высказываниям необходимую прагматическую глубину.

По своей сущности модальные слова представляют собой семантически «свернутые» предложения, что объясняет и большую подвижность модальных слов в формальной структуре высказывания. Например, модальное слово *hoffentlich* – ‘надо надеяться (что)’ легко трансформируется в главную часть сложного предложения: *Ich hoffe, dass ...* – ‘Я надеюсь, что...’. Модальные слова стоят как бы вне предложения и вносят в него дополнительный, субъективный момент. Появляясь позиционно в различных частях предложения и текста, модальное слово в большинстве случаев модифицирует не только эту часть, но и все высказывание либо весь текстовый фрагмент, придавая ему определенный оттенок субъективной оценки. Это становится возможным благодаря особенностям семантики модальных слов, а именно, ее динамичности, открытости относительно контекста, некоторой неопределенности и, как следствие, высокой контекстной чувствительности и гибкости. Так, например, модальному слову *wohl* присущи несколько семантических оттенков, реализуемых в зависимости от конкретных условий контекста: сомнение, неуверенность, уверенное предположение, вероятность.

Особая роль модальных слов как носителей субъективно-модального значения обусловлена их коммуникативно-прагматическим содержанием. Прагматика исследуемых лексических единиц проявляется в том, что посредством их адресант не просто передает свое отношение к высказыванию, но и особым образом воздействует на адресата, реализуя свои интенции, а в публицистическом дискурсе, прежде всего, интенцию убеждения. Иллокутивная семантика модальных слов, заключая в себе определенный прагматический потенциал, позволяет им выступать в качестве операторов перемещения знания, формировать мнения, убеждения, позицию и настрой адресата. Выступая в качестве субъективного комментария адресанта, модальные слова переводят пропозиции в оценочные выражения, расставляя при этом всякий раз прагматически заданные акценты и программируя соответственно декодирование адресатом полученной информации. Тем самым они маркируют процесс интеракции как такое взаимодействие между адресантом и адресатом, во время которого происходит сверка их эпистемических оценок и мнений, пресуппозиций, соотнесение и противопоставление разных утверждений и, вследствие этого, формирование у адресата определенного отношения к полученной им информации. Модальные слова оказываются вовлеченными в создание когерентности дискурса. Они, воплощая

интенции адресанта, участвуют в формировании метатекстового вторичного пласта отношений, обеспечивающего структурную организацию текста и его связность. Сущность когерентности заключается в том, что как "целостность схемы, существующей в сознании автора или адресата, она отражает связи соответствующего фрагмента действительности" [3, с. 49]. Решая в процессе порождения текста свои прагматические задачи, автор вариативно использует семантико-прагматический потенциал модальных слов. Они обращены к фоновым знаниям адресата и служат для активации той или иной модальной схемы референтной ситуации, являясь «маркером-подсказкой» возможного развития последней. Например,

Sicher, Europa zu „erleben“ scheint zunächst eine schier entmutigende Aufgabe. Schließlich ist es gerade die Vielfalt, die Europa einzigartig macht [4].

‘Конечно, „испытать“ Европу на себе кажется поначалу весьма непростой задачей. В конце концов, именно разнообразие делает Европу уникальной.’ (здесь и далее перевод примеров наш – О.Р.).

Модальное слово *sicher* с семантикой высокой степени уверенности адресанта в справедливости собственного мнения, появляясь в начальной позиции текстового фрагмента, с одной стороны, иррадирует свою семантику на посттекст, с другой стороны, перебрасывает логический «мостик» к предыдущему контексту, подводя итог сказанному ранее. Начальная позиция в целом предопределяет характер восприятия адресатом степени достоверности текстового фрагмента, а нередко – и последующих, в том числе дистантно расположенных. В текстах публицистики модальное слово *sicher* в препозитивном употреблении, как правило, предполагает уступительно-противительное логическое развертывание ситуации: адресат получает возможность прогнозировать дальнейший ход мысли отправителя информации, причем его прагматическое ожидание усиливается по мере увеличения дистанции между модальным словом и противительным элементом. Так, приведенный выше отрывок дистантно продолжается в тексте высказыванием с частицей *doch*:

Doch der Adrenalinspiegel, der beim Überqueren einer italienischen Straße in die Höhe schießt, wird schnell von einer Tasse wunderbar cremigen Cappuccinos gesenkt, den du langsam in der Sonne trinkst, ... [4].

‘Однако уровень адреналина, который резко повышается при переходе итальянской улицы, быстро снижается от чашки чудесного сливочного капучино, которую вы медленно пьете на солнце ...’

В подобной усложненной функции могут выступать и некоторые другие модальные слова с семантикой высокой степени достоверности, в частности, *natürlich* и *tatsächlich*. Появление же в контексте лексем, выражающих различные оттенки неуверенности или сомнения (*vielleicht*, *vermutlich*, *möglicherweise*), является для адресата прагматическим сигналом, побуждающим его к собственной интерпретации событий. Наиболее явно воздействующий потенциал модальных слов проявляется в текстах или текстовых фрагментах с комплексными модальными характеристиками. Например,

Wäre es möglich, dass, vielleicht in sechs Monaten oder in einem Jahr, ein Bankberater seinem Kunden hinter vorgehaltener Hand einen sensationellen Tipp

gibt für einen dieser köstlichen, ganz neuen, undurchschaubar derivatähnlichen, aber selbstverständlich völlig anders benannten Super-Wertpapiere aus Amerika? Oder aus China? Riesenrendite! Kaum Risiko! Für den Laien vielleicht ein wenig kompliziert, dafür mit schöner Provision für den Berater?

Natürlich wäre das möglich. Und, ist es vorstellbar, dass so ein Bankkunde dann tatsächlich noch einmal und schon wieder sagt: Also gut, wunderbar, bitte kaufen Sie mir das!? Selbstverständlich muss man sich das so vorstellen [5].

В данном контексте за счет многомерной субъективно-модальной насыщенности «внутреннего диалога» автора данный отрывок приобретает особую прагматическую значимость для получателя информации, позволяя ему следить за развитием авторской позиции от сомнения и предположения (модальные слова *vielleicht, kaum*) до полной уверенности (модальные слова *selbstverständlich, natürlich, tatsächlich*).

Таким образом, в заключение следует сказать, что модальные слова в текстах публицистического дискурса, включаясь в формирование модальных когезий, служат как для создания целостной смысловой структуры текста, так и для прагматического воздействия на адресата. Они способны модифицировать в заданном ключе смысловое пространство дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. Л. : Просвещение, 1972. 312 с.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. 558 с.
3. Карпилович Т. П. Когерентность дискурса в когнитивном аспекте // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. Минск : МГЛУ, 2004. № 4 (16). С. 46–51.
4. Internationale Politik. 2009. Nr. 6
5. Süddeutsche Zeitung. 2009. Nr. 51
6. Tagesschau. [Electronic resource]. URL: <https://www.tagesschau.de/wissen/oetzi-genomforschung-100.html> (accessed: 23.06.2025).

Садовникова Елена Викторовна

старший преподаватель

г. Москва, Российская Федерация

ФГБОУ ВО МГЛУ Московский

государственный лингвистический
университет

e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

Elena Viktorovna Sadovnikova

Senior Lecturer

Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University

e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

В представленном исследовании предпринята попытка выявить и описать лингвопрагматический потенциал заголовков немецкоязычных научных статей. Заголовок является неотъемлемым, институционально заданным элементом научной статьи, отличающимся относительной самостоятельностью и целостностью в структурном и текстовом плане и выполняющим важные функции в прагматическом плане. На практическом материале заголовков современных статей из немецкоязычных научных журналов лингвистической и лингводидактической проблематики анализируются языковые средства, используемые авторами для реализации определенных интенций на начальном этапе представления статьи научному сообществу, для решения поставленных задач, а также с целью воздействия на адресата - читателя. Устанавливаются лексические и грамматические средства, способствующие усилению лингвопрагматического потенциала заголовка в немецкоязычной научной статье.

Ключевые слова: лингвопрагматический потенциал; воздействие на читателя; заголовок; научная статья; немецкий язык.

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF HEADINGS OF GERMAN-LANGUAGE SCIENTIFIC ARTICLES

The presented study attempts to identify and describe the lingua-pragmatic potential of the titles of German-language scientific articles. The title is an integral, institutionally defined element of a scientific article, characterized by relative independence and integrity in structural and textual terms and performing important functions in pragmatic terms. Based on the practical material of the titles of modern articles from German-language scientific journals on linguistic and linguodidactic issues, the language means used by authors to implement certain intentions at the initial stage of presenting the article to the scientific community, to solve the tasks set, and also to influence the addressee - the reader are analyzed. Lexical and grammatical means that contribute to enhancing the lingua-pragmatic potential of the title in a German-language scientific article are established.

Key words: linguopragmatic potential; impact on the reader; title; scientific article; German language.

В центре внимания современных лингвистов находится не просто язык как система, а язык, используемый человеком в качестве инструмента планирования и организации своих речевых действий, для реализации интенций в процессе коммуникации, для воздействия на своего собеседника и принятия его ответной реакции. Научная коммуникация в различных формах своего существования как нельзя лучше иллюстрирует проявление в тексте как продукте научной

коммуникативной деятельности таких прагматических характеристик как ориентация на адресата, учёт и прогнозирование его реакций, диалогичность, воздействие. В этой связи особый интерес у лингвистов вызывает жанр научной статьи, характеризующийся, с одной стороны, опосредованным общением между коммуникантами-учёными, а с другой стороны, силой воздействия на читателя, что, безусловно, оказывает влияние на выстраивание автором научной статьи линии речевого поведения и выбора им языковых средств для достижения задуманного.

Цель статьи заключается в выявлении лингвопрагматического потенциала заголовков немецкоязычных научных статей и языковых возможностей его реализации. Прагматическому аспекту заголовков различных типов текста уделяется в последнее время немалое внимание. Большая доля исследований приходится на анализ газетных заголовков и описание их лингвопрагматических особенностей (А. Ю. Исаева; G. V. Basenko, G. I. Radchenko; В. Н. Бабаян, К. А. Мельникова и др.), проявляющихся не только в их способности кратко и лаконично передавать читателю суть опубликованного материала, но и воздействовать на читательскую аудиторию, формировать общественное мнение, вызывать эмоции, выражать оценки. Незаслуженно, с нашей точки зрения, остаются в стороне заголовки научных публикаций, в том числе научных статей, основным предметом исследований которых являются их структурные особенности и выполняемые функции [1]. Актуальность данного исследования определяется, таким образом, интересом к заголовку статей как к текстовому явлению в целом, а также необходимостью дальнейшего, более глубокого изучения заголовков в научных публикациях, в особенности в ракурсе лингвопрагматики.

Обратимся к важным теоретическим вопросам, связанным с подходами к изучению заголовков в лингвистике текста. Несмотря на то, что заголовок как элемент текста имеет давнюю историю изучения, вопрос о его статусе остается дискуссионным. Э. М. Рянская и Л. В. Алексеева указывают на две основные позиции, связанные с изучением заглавия. Ряд учёных-лингвистов определяют заголовок как самостоятельное речевое произведение, целостную единицу речи с формальной и функциональной точек зрения (В. М. Мужев, Ю. В. Трубникова, Н. Lenk и др.). Согласно другому подходу, заголовок рассматривается как обязательная структурная часть текста, представляющая собой имя текста, подготавливающая к его восприятию и управляющая вниманием читателя (А. С. Салманова, О. Ю. Богданова, Т. А. Филоненко и др.) [2, с. 16-18]. Лингвопрагматический ракурс изучения заголовка научной статьи предполагает, с нашей точки зрения, необходимость учёта в исследовании обоих подходов. Заголовок научной статьи – это её неотъемлемый, институционально заданный структурный элемент, называющий тему исследования, предвосхищающий содержание текста, дающий ключ к его пониманию и задающий его границы, характеризующийся при этом достаточной самостоятельностью в содержательном, оформительском и функциональном плане. Именно заголовок научной статьи, а не сама научная публикация является «представителем» текста в научном сообществе. Заголовок научной статьи создаётся по определённым, институционально заданным графическим и синтаксическим правилам.

Поэтому, безусловно, может быть проанализирован как самостоятельная языковая единица, как текст. Не вызывает сомнения и тот факт, что заголовок научной статьи выполняет иные функции по сравнению с самим научным текстом и реализует важные прагматические установки, поэтому может и в ряде случаев должен анализироваться с учётом содержания самой научной публикации, которую озаглавливает.

Для нашего исследования с помощью метода направленной выборки был сформирован корпус эмпирического материала, составляющий 100 заголовков научных статей из немецкоязычных журналов лингвистической и лингводидактической проблематики последних лет (*Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Informationen Deutsch als Fremdsprache, Forum Sprache, Zeitschrift Schreiben, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht, Der Deutschunterricht, Linguistik online*). Для достижения поставленной цели, а именно для анализа функционирования заголовков немецкоязычных научных статей и выявления их лингвопрагматического потенциала были использованы методы контекстуального и компонентного анализа, описательный метод, а также такие общенаучные методы как сравнение, обобщение и систематизация.

Специфику заголовков в целом определяет, прежде всего, их коммуникативная направленность, адресованность к читателю [3]. Являясь «визитной карточкой» научной статьи, заголовок обращен к читателю, ориентирует и направляет его в огромном потоке научных публикаций, называя точно, лаконично и информативно объект, предмет и материал исследования. Характерной чертой немецкоязычных заголовков является также указание на методологическую основу исследования:

- *Der geschlechtsspezifische Zugriff auf Lesestrategien – Ergebnisse einer Untersuchung im Rahmen unterrichtsdidaktischer Forschung. 'Гендернообусловленный подход к обучению стратегиям чтения – результаты исследования в рамках педагогического дидактического исследования'*

- *Semantische Besonderheiten phraseologischer Ausdrücke – korpusbasierte Analyse. 'Семантические особенности фразеологических выражений – корпусный анализ'*

- *Redewiedergabe in Online-Presstexten – kontrastiv. 'Воспроизведение речи в интернет-пресс-релизах – контрастивное исследование'*

Заголовки немецкоязычных научных статей имеют определенные общие принципы построения заглавий, характеризуюсь номинативной структурой предложения, но нередко отражают культурную специфику синтаксического построения:

- *Zur Semantik pränominaler onymischer Genitivattribute. 'К вопросу о семантике преноминальных онимических признаков, выраженных в генитиве'*

- *Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen. 'К вопросу о синтаксисе гипотетических сравнительных предложений в немецком языке'*

- *Zur Wahrnehmung des generischen Maskulinums in Erstgliedern von Komposita und maskuliner Epizöna. 'К вопросу о восприятии мужского рода в первых компонентах сложных слов и гендерно-нейтральных существительных мужского рода'*

Примеры иллюстрируют использование предлога *zu* в сочетании с определенным артиклем (в слитной форме с предлогом) и существительным, обозначающим предмет или объект исследования. Данная семантико-грамматическая конструкция является своеобразным связующим элементом между новым научным знанием, предлагаемым в статье, и существующим научным дискурсом в целом. Эта мысль находит отражение в словах Т. ван Дейка о том, что «...заголовки помогают нам активизировать релевантные знания о специфических событиях, и мы не только получаем некоторую общую характеристику новых событий, но и мощный стимул для восстановления в памяти прежних моделей» [4, с. 46]. Автор статьи как бы указывает на то, что его публикация – это ещё один шаг к познанию изучаемых в научном сообществе явлений.

С помощью заголовка автор научной статьи имеет возможность корректировать степень обращенности к своему адресату и ориентировать текст на «узкого читателя», специалиста, погруженного в узкоспециальную тему, или «широкого читателя», учёных-коллег, работающих в различных научных областях. Рассмотрим примеры.

- *Der umstrittene Kolonialzeit-Roman Imperium von Christian Kracht als Gegenstand im DaF-Unterricht. 'Дискуссионный роман колониальной эпохи «Имперium» Кристиана Крахта как предмет изучения на уроках немецкого языка как иностранного'*

- *Narrative Mikrostruktur. Ror Wolf durch die linguistische Brille gelesen. 'Нарративная микроструктура: лингвистическое чтение Рора Вульфа'*

Авторы упомянутых научных статей сужают круг своих читателей, указывая на конкретные имена или названия. При этом следующие заголовки скорее всего привлекут внимание более широкого круга читателей, лингвистов, психологов, социологов или специалистов междисциплинарных областей – психолингвистов, социолингвистов, когнитологов и т. д.:

- *Konzepte des Lügens. 'Концепции лжи'*
- *Stadt als Protestraum. 'Город как пространство для протеста'*
- *Über nein. 'О категории нет'*

Характерной особенностью таких заголовков является их краткость, номинальная структура, и как следствие – многозначность интерпретации, которая снимается лишь в процессе или после прочтения научной статьи.

Лингвопрагматическая сущность заголовка научной статьи проявляется также в его способности оказывать определенное воздействие на читателя. Как справедливо отмечает Т. А. Филоненко, сознание человека настроено только на одну «информационную» волну, при этом эмоциональная сфера «настолько широка, что включает реакции на множество факторов иррационального характера» [5, с. 291]. Имея целый арсенал средств воздействия, автор научной статьи может не только мотивировать адресата к прочтению статьи, но и установить с ним контакт, вызвать у читателя сомнения, и даже высказать свою точку зрения на проблему, инициировав начало научной дискуссии с оппонентами. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

- «*Die Prinzessin küsst den Prinz*» – *Fehler oder gelebter Sprachwandel? '«Die Prinzessin küsst den Prinz» – ошибка или изменение языка?*

Читатели-грамматисты, безусловно, сразу обращают внимание на ошибку, допущенную в первой части заголовка. Уже с первых строк автор вовлекает читателя в процесс исследования нового явления, все чаще встречающегося в современном немецком языке, а именно опущение падежных окончаний у существительных слабого типа склонения. Намеренно допустив ошибку в заголовке статьи, автор воздействует на любознательную природу своего читателя и с помощью второй части заголовка – вопроса – мотивирует его принять участие в совместном поиске истины.

Создать интригу в заголовке, а следовательно, воздействовать на эмоциональную сферу читателя и выделить статью среди других публикаций по теме могут специально отобранные автором лексические средства:

- *использование в заголовке антонимов*

Das deutsche Progressiv: neue Struktur in altem Kontext. 'Немецкий прогрессив: новая структура в старом контексте'

- *использование английских «модных» заимствований*

Die sogenannte i-Derivation in der deutschen Gegenwartssprache. Ein Fall für outputorientierte Wortbildung. 'Так называемая i-деривация в современном немецком языке. Случай output-ориентированного словообразования'

- *использование эмоционально окрашенных слов, создание игры словосочетаний с использованием разнородных понятий*

Von toxischen Substanzen und toxischer Männlichkeit. Eine korpuspragmatische Studie zur Erschließung eines Gegenwartsphänomens. 'О токсичных веществах и токсичной мужественности. Корпусно-прагматическое исследование для изучения современного явления'

- *фрагментарное использование претекстов для порождения новых смыслов*

Jenseits des Alphabets – Kommunikation mit Emojis. 'По ту сторону алфавита – коммуникация с помощью эмодзи'

Посеять сомнения у учёного-читателя в истинности общепринятого мнения и «намекнуть» на новую точку зрения, которую автор планирует отстаивать в своей научной публикации, помогают заголовки-вопросы. Автор научной статьи вовлекает читателя в дискуссию, но при этом задаёт своему оппоненту необходимое направление мысли:

- *Wie schwer ist die deutsche Sprache wirklich? 'Насколько на самом деле сложен немецкий язык?'*

Lesen dualer Untertitel beim Ansehen von Videos – ein nützliches Verfahren für den Fremdspracherwerb? 'Чтение двойных субтитров во время просмотра видео – полезный метод изучения иностранного языка?'

Несмотря на примеры, иллюстрирующие адресатоориентированность современных немецкоязычных заголовков научных статей, в собранном нами корпусе эмпирического материала присутствуют названия статей, отражающие такую коммуникативно-прагматическую установку как адресантоцентричность, столь характерную для немецкоязычного научного дискурса. Автору немецкоязычной научной статьи важно донести в своей публикации само знание, причем уже имеющееся в данной области [6, с. 41]. Образ автора, его настойчивая позиция нередко проявляет себя уже в заголовке к научной статье. Приведем несколько примеров:

• *Analepsen mit Topik-Drop. Zur Notwendigkeit einer diskurssemantischen Perspektive.* 'Аналепсы с тематическим спуском: о необходимости дискурсивно-семантической перспективы'

• *Die Historische Syntax des Deutschen braucht die Sprachtypologie – und umgekehrt.* 'Исторический синтаксис немецкого языка нуждается в типологии языка – и наоборот'

Уже в названии к статье автор с помощью слов с семантикой «необходимости» довольно чётко заявляет о своей позиции в рамках исследуемого явления, «навязывая» её читателю. Сильная позиция автора как исследователя может находить своё отражение в указании на новую методику, новый подход, разработанный автором:

• *Die Didaktik des wissenschaftlichen Schreibens: Möglichkeiten der Umsetzung.* 'Дидактика научного письма: возможности реализации'

• *Schreiben, Denken, Sprechen: in der Fremdsprache. Ein Neuansatz.* 'Письмо, мышление, говорение: на иностранном языке. Новый подход'

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что заголовки немецкоязычных научных статей обладают необходимым лингвопрагматическим потенциалом, направленным на реализацию успешной коммуникации между автором и читателем научного текста. Используя различные языковые способы воздействия на адресата, автор научной публикации уже на предтекстовом уровне ориентирует читателя в мире научного дискурса, мотивирует к прочтению статьи, управляет вниманием и ходом мысли своего оппонента, отстаивает свою точку зрения. Перспективными видятся при этом вопросы культурно-языковой специфики оформления научных публикаций, а также вопрос тенденций развития в немецком научном письме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов В. С. Структурная и функциональная специфика заголовков письменных текстов // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1 (60). С. 377–384.

2. Рянская Э. М. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории): монография. Нижневартонск: Нижневартонский государственный университет, 2020. 99 с.

3. Новикова К. А. Типы заголовков в немецкоязычных авторских энигматических текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 64–72.

4. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Б : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

5. Филоненко Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». 2008. № 2. С. 290–296.

6. Трошина Н. Н. Моноязычие современного научного дискурса и изменения в немецком научном когнитивном стиле // Этнопсихолингвистика. 2021. №4 (7). С. 36–45.

Салимова Севиндж Ибадулла кызы
кандидат филологических наук
г. Баку, Азербайджан
Азербайджанский Университет Языков
e-mail: salimovasevinc00@gmail.com

Sevinge Ibadulla Salimova
PhD in Philology
Baku, Azerbaijan
Azerbaijan University of Languages
e-mail: salimovasevinc00@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Цель исследования – определить некоторые особенности кулинарных терминов, их происхождение, спектр употребления как в английском так и в азербайджанском языках. Как мы знаем кулинария является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. У каждого народа есть свои национальные блюда и блюда, рецепты которых взяты из других стран. Кулинарию можно назвать целым искусством приготовления пищи. Названия разных блюд, термины, употребляемые в кулинарии того или иного народа в первую очередь отражают историю народа, его культуру и обычаи. Таким образом, кулинарные термины это не только слова, а это отражение истории и развития целого народа и целой страны. Например в английском языке можно встретить много заимствованных слов, которые относятся к кулинарии. Даже слово 'cuisine' (кухня) перешло в английский язык через французский язык. Но даже во французском языке это слово является заимствованным из латинского языка (на латинском 'coquere' - 'coquina'. В азербайджанском языке под понятием кулинария подразумевается слово 'mətbəx'. Опять же это слово заимствовано с арабского языка и употребляется в двух значениях: 1. Комната в доме для приготовления пищи 2. Совокупность рецептов и блюд. Интересно что в английском языке есть два отдельных слова 1 'kitchen' (кухня, комната для приготовления пищи) 2. 'cuisine' (кухня, т.е. блюда, рецепты и т.д.) – оба слова заимствованы из других языков. В данной статье автор анализирует некоторые термины, их этимологию в обоих языках и приводит примеры перевода кулинарных терминов на русский язык. **Научная новизна** заключается в том, что автор старается дать сопоставительный анализ кулинарных терминов как в английском так и в азербайджанском языке, сравнивая их этимологию, способы образования данных слов, также экстралингвистические факторы, которые повлияли их образованию в данных языках. **В результате исследования** было определено изучение кулинарных терминов имеет важное значение; эти термины взаимосвязаны с историей, бытом, культурой того или иного народа. Изучая их мы можем так же узнать большее про данный народ, про его историю, быт и культуру.

Ключевые слова: термины; заимствованные слова; кулинария; этимология; рецепты.

SOME FEATURES OF CULINARY TERMS IN ENGLISH AND AZERBAIJANI LANGUAGES

The aim of the research is to determine certain features of culinary terms, their origin, and the range of usage in both English and Azerbaijani languages. Cooking is an integral part of our daily lives. Each nation has its own national dishes and dishes, the recipes of which are taken from other countries. Cooking can be called a whole art of cooking. The names of different dishes, terms used in the cuisine of a particular people primarily reflect the history of the people, its culture and customs. Thus, culinary terms are not only words, but a reflection of the history and development of an entire nation and a whole country. For example, in English you can find many borrowed words that relate to cooking. Even the word 'cuisine' passed into English through French. But even in French, this word is borrowed from Latin (in Latin 'coquere' - 'coquina'. In the Azerbaijani language, the

term 'culinary' is understood through the word 'mətbəx'. This term is again borrowed from the Arabic language and is used in two meanings: 1. A room in a house for cooking 2. A collection of recipes and dishes. It is interesting to note that in the English language, there are two separate words: 1. 'kitchen' (a room for cooking) and 2. 'cuisine' (referring to dishes, recipes, etc.) – both words are borrowed from other languages. In this article, the author analyzes certain terms, their etymology in both languages, and provides examples of the translation of culinary terms into Russian. **The scientific novelty** lies in the fact that the author attempts to provide a comparative analysis of culinary terms in both English and Azerbaijani, comparing their etymology, the ways these words are formed, as well as the extralinguistic factors that influenced their formation in these languages. **As a result of the study**, it was determined that the study of culinary terms is of great importance; these terms are interconnected with the history, daily life, and culture of a particular nation. By studying them, we can also learn more about this nation, its history, daily life, and culture.

Key words: terms; borrowed words; culinary; etymology; recipes.

Введение

Темой и целью нашего исследования являются особенности кулинарных терминов как в английском, так и в азербайджанском языках. Как мы знаем термины являются важной составляющей частью словарного запаса языка. Само слово термин (лат. *terminus*) – означает лексическую единицу, используемую в речи различных специалистов и профессионалов. Термины используются в основном в научных трудах и в научных публикациях. В языке могут существовать слова, которые используются только как термины. Например, фиксация, метонимия, аквариумы, метафоры, синтетика и так далее. Но могут быть и слова, которые используются и как термин, и как общеупотребительное слово. Например: в русском языке – сила, мощь, угол, энергия, оболочка и так далее; на английском языке – *power, might, corner, energy, surface*, etc; на азербайджанском языке – *güc, güvvət, künclər, enerji, səth və sair*.

Проблема терминов изучалась различными учеными на протяжении многих лет (С. В. Гринев, В. М. Лейчик, В. А. Татаринев, В. П. Даниленко). Многие ученые старались классифицировать пути и механизмы образования новых терминов. Основными структурными способами образования новых терминов можно считать семантический (т.е. употребление в качестве термина слова или словосочетания, взятых из общеупотребительного языка; морфологический (образование нового термина путем использования различных аффиксов; морфолого-синтаксический (создание нового термина путем сложения корней слов; а также синтаксический способ.

Кулинарные термины занимают особое место среди других терминов, потому что кулинария – это целое искусство, которое может объединить людей разных национальностей по всему миру. Все это придает особенную актуальность нашему исследованию, потому что эти термины не только просто относятся к кулинарии, но и отображают историю, культуру, обычаи целых народов.

В нашем исследовании были использованы **материалы** на основе английского и азербайджанского языков: термины, связанные с кулинарией; способы их образования и употребления в обоих языках; категории кулинарных терминов. Так же в исследовании были применены описательный, типологический, сравнительно – исторический **методы** языкознания.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания английского и азербайджанского языков, при разработке и чтении теоретических и практических курсов по терминологии, культуре, теории и практики перевода общего и сравнительного языкознания.

Как в английском так и в азербайджанском языках кулинарные термины можно разделить на следующие категории: 1. Глаголы, описывающие разные методы приготовления пищи (на англ. *cook, bake, mince*, etc., на азерб. *bişirmək, qızartmaq, pörtmək* və s.) 2. Посуда и кулинарные принадлежности (на англ. *pot, pan, whisk*, etc., на азерб. *qazan, tava, boşqab* və s.) 3. Продукты питания и их ингредиенты (на англ. *flour, cheese, meat*, etc., на азерб. *ət, yağ, un* və s.) 4. Описание вкусов и текстур (на англ. *salty, sour, creamy*, на азерб. *duzlu, dadlı, turş, şirin* və s.) 5. Типы блюд и кулинарные категории (на англ. *fish and chips, shepherd's pie*; на азерб. *yalançı dolma, gürzə*) 6. Методы приготовления и техника готовки (на англ. *saute, braise, poach*; на азерб. *marinada qoymaq, qatılaştırmaq* və s.) В английском языке есть много заимствованных терминов из французского, итальянского, немецкого и других языков, которые получили широкое употребление. Например: *casserole* 'запеканка', *sauté* 'обжаривать быстро на сильном огне', *braise* 'тушить', *A la carte* 'блюда на выбор', *prix fix* 'меню по фиксированной цене', *garnish* 'гарнир', *entrecote* 'антрекот', *carrot* 'морковь' (от фр. *carotte*) *entrée* 'название основного блюда' (США), *chef's special* 'фирменное блюдо от шеф-повара'.

Арнольд И.В. в своей книге «Лексикология английского языка» отмечает, что заимствования в английском языке непосредственно отражают историю Англии. По мнению ученого есть ряд внешних нелингвистических причин, которые сыграли роль в заимствованиях [1 : 58].

Если внимательно просмотреть заимствованные кулинарные термины в английском языке, то можно заметить, что большинство из них французского происхождения. Прежде всего это связано с историческими событиями в Великобритании. Например, Нормандское завоевание Англии (1066-1071) оставило свой след как в истории Англии так и в его языке. Британский прозаик, писатель, поэт Вальтер Скотт неоднократно в своих произведениях говорил о роле французского языка в жизни в Великобритании. В своем произведении «Айвенго» писатель отмечает что слова, которые используется для названия домашнего скота, в английском языке являются англо-саксонскими (например, *sheep* – «овца», *pig* – «свинья», *cow* – «корова»), а для обозначения блюд приготавливаемых из них в английском языке применяются заимствованные из французского слова: *mutton* – «баранина», *pork* – «свинина», *beef* – «говядина» и т.д.). В английском языке даже есть выражение “*return to our muttons*”, которое является дословным переводом французского идиома «*revenons a` nos muttons*»- дословно вернемся к нашим баранам т.е. вернемся к теме разговора.

В английском языке много кулинарных терминов германского и англо саксонского происхождения. Например: *feast, noodle, marzipan, hamburger, pretzel*, etc. Из этого можно сделать заключение, что на первый взгляд вроде кажущимися простыми кулинарные термины неразрывно связаны с культурой, историей того или иного народа.

Так же в английском языке есть заимствования с арабского и персидского языков, хотя по сравнению например с французским их количество не так уж велико. Например, слово *'candy'* конфета, сладости происходит от арабского слова, означающего сахар. Такие слова как *aubergine* 'баклажан', *'calabash'* 'вид тыквы, тыква', *'julep'* джулеп (вид напитка)', *kabob* 'шашлык', *galangal* галангал (растение похожее на имбирь) имеют персидское происхождение.

В английском языке существует так же ряд тюркизмов, связанных с кулинарными терминами. Например: в произведении Джордж Байрона «Абидосская невеста» и «Гяур» можно встретить такие слова как *yogurt*, *bergamot*, *kumis/koumiss*, *pictachio*, *saffron*, *rahat lokum*, etc.

Наряду с заимствованиями в английском языке есть исконно английские блюда и их названия. Например, *shepherd's pie* 'пастушья запеканка', *roastbeef* 'ростбиф', *Yorkshire pudding* 'Йоркширский пудинг', *the ploughman's lunch* 'обед пахаря', это блюдо состоит из хлеба, сыра, маринованного лука, а так же помидоров.

Упомянув британскую кухню, невозможно не упомянуть всем знакомый сэндвич (*sandwich*). Сэндвич – это два куса хлеба, обычно намазанные маслом, сыром с наполнителем посередине. Эта закуска получила название от имени Джона Монтегю, или четвертого графа Санвичского (1718-1792). Само слово сэндвич происходит от названия местечка на юго-востоке Англии. Сам Джон Монтегю был азартным картежником и чтобы не отрываться от игры и не отвлекаться на обед, ел только мясо, которое было положено между двумя кусочками хлеба.

Названия некоторых английских блюд могут ввести в заблуждение. Например, *plum pudding* – вовсе не сливовый (*plum* на английском означает слива), а изюмный пудинг; *biscuits* – это не бисквит, а обычное сухое печенье, *black pudding* "черный пудинг" – это вовсе не пудинг, а кровяная колбаса, которая популярна на севере Англии.

Названия некоторых кулинарных терминов можно встретить в английских пословицах и поговорках. Например: *It's no use crying over spilt milk* – слезами горю не поможешь; *An apple a day keeps the doctor away* – Ешь яблоку по день и врач не понадобится; *You cannot eat your cake and have it* – Один пирог два раза не съешь [2; 179-181].

Названия экзотических фруктов и продуктов питания перешли в английский язык со своими оригинальными названиями, иногда немного потерпев изменений или без изменений вообще. К ряду таких слов можно отнести такие слова в английском языке как *banana*, *mango*, *grapefruit*, *cocoa*, *chocolate*, etc. [3; 110]

В азербайджанском языке есть много общих с другими языками тюркских слов, относящихся к кулинарии. Например: слово *qazan* 'казан' встречается не только в азербайджанском языке но и в других языках тоже. В азербайджанском языке можно встретить такие кулинарные термины как *'kotlet'*, *borş*, *puding*, *sup*, *salat*, *paşet* и так далее – эти слова являются интернациональными и встречаются не только в азербайджанском но и в других языках. Можно смело сказать, что во всех языках мира существуют заимствования из других языков. Исторически так сложилось что чем ближе разные народы живут друг к

другу, тем большее влияние они оказывают друг другу, тем чаще происходит смешение языков.

Наряду с интернациональными словами в азербайджанском языке есть слова, перешедшие с арабского и персидского языков. В первую очередь появление этих слов в азербайджанском языке связано с историческими событиями. Например, длительное время Азербайджан был в составе Арабского халифата, территория современного Азербайджана входила в состав Сасанидской империи и государства Сефевидов, соответственно в этом языке появились слова арабского и персидского происхождения, в том числе связанные с кулинарией. Например: названия некоторых фруктов в азербайджанском языке имеют персидские корни. В этот список входят такие слова как *gavalı* `слива`, *alça* `алыча`, *şaftalı* `персик`. Кроме этого названия некоторых кулинарных предметов и блюд тоже имеют персидские и арабские корни. К этой категории можно отнести такие слова как ` *fisincan* / *fisincan plov*`, ` *plov*`, ` *şərbət*`, ` *badə*`, ` *badəm* / *badam*`, ` *şərab* ` *səbzı*`, *doşab*, ` *kəbab* ` и так далее.

Арабские заимствования тоже распространенное явление в азербайджанском языке. Например, такие слова как *zəfəran*, *təam*, *şəkər*, *qəhvə*, *limon*, *qənd*, *qənnad*, *gülab* və sair.

В азербайджанском языке есть целый ряд фразеологизмов и идиом, в состав которых входят кулинарные термины. Например: *qazan asmaq* `готовить обед` *qazan örtülü qaunamaq* `делать что-то скрытно` *qazan qaunatmaq* `специально нагнетать обстановку, что-то делать исподтишка`.

Наряду с заимствованными словами в азербайджанском языке есть огромное количество кулинарных терминов и блюд тюркского происхождения. Например такие слова как *tava kababı*, *dolma*, *qovurma*, *xaş*, *kəlləpaça*, *ayran*, *utac*, *bəyimçörəyi*, *küftəbozbaş*, *bozbaş*, *çobansalatı*, *cobanbozartması*, *çölməkəbab* и так далее имеют тюркские корни. Хотя большинство кулинарных терминов в азербайджанском языке являются простыми (*xaş*, *qəlyə*, *qovut*, *qurut* və s.) или производными существительными (*pörtəmə*, *yaxmanc*, *döymə* və s.) некоторые из них по своему строению являются сложными существительными. Например: *ayrançilo* (*ayran* + *çilo*), *badamaşı* (*badam* + *aşı*), *xanəhmədi* (*xan* + *Əhmədi*), *qəndab* (*qənd* + *ab*)

Заключение

Основные результаты исследования приводят к выводу что изучение кулинарных терминов имеет важное значение; эти термины взаимосвязаны с историей, бытом, культурой того или иного народа. Изучая эти слова, мы можем так же узнать большее про данный народ, про его историю, быт и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Лексикология английского языка. М. : Флинта, Наука, 2012. 374 с.
2. Quliyeva A. English proverbs and sayings . Baku. : Mutarjim , 2018.196 p.
3. Hacıyeva A. English Lexicology (textbook) Baku.: Elm və Təhsil , 2011. 248 p.

УДК 811.581'373.612.2+003.212

Серова Ангелина Сергеевна
магистр переводоведения
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: Angelina_Serova@hotmail.com

Angelina Sergeevna Serova
Master in Translation
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: Angelina_Serova@hotmail.com

СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИИ, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ «ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ЗНАК 给 ‘ДАВАТЬ’ + ЗНАКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДУХОВНЫМ МИРОМ ЧЕЛОВЕКА»

В данной статье анализируется семантический состав метафорических сочетаний китайского языка, построенных по модели «иероглифический знак 给 ‘давать’ + знаки, связанные с духовным миром человека». Материалом исследования послужили 86 сочетаний с иероглифическим знаком 给 ‘давать’, отобранные методом сплошной выборки из Национального корпуса китайского языка BCC 语料库 (BLCU Corpus Center), объект в которых относится к семантическому типу «Духовный мир человека». В результате анализа идентифицируются семь основных макроструктур (给 + Or / Os + O, 给 + 个 + O, O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os), 给与, 给 + O, Sr / Ss + 给 + Or / Os + O, Sr / Ss + 给 + O) с соответствующими микро-структурами, описывается их частотность и особенности употребления. Делается вывод о том, что исследуемые метафорические сочетания образуют стройную систему, где структурные модели связаны с семантикой и стилистической окраской. Вариативность структур отражает их широкую функциональную нагрузку в различных коммуникативных контекстах, что позволяет рассматривать их как важный инструмент языковой концептуализации внутреннего мира человека.

Ключевые слова: метафорическое сочетание; иероглифический знак 给 ‘давать’; макро-структура; микроструктура; модель; семантический тип; китайский язык.

THE SPECIFICS OF CHINESE METAPHORICAL PHRASES FOLLOWING THE MODEL "THE CHARACTER 给 ‘TO GIVE’ + CHARACTERS RELATED TO THE HUMAN SPIRITUAL WORLD"

This article analyzes the semantic composition of metaphorical phrases in the Chinese language constructed according to the model "the character 给 ('to give') + characters related to a human's spiritual world." The research material consisted of 86 phrases containing the character 给 ('to give'), selected by continuous sampling from the National Corpus of the Chinese Language BCC 语料库 (BLCU Corpus Center), in which the object belongs to the semantic type "Human Spiritual World." As a result of the analysis, seven main macrostructures (给 + Or / Os + O, 给 + 个 + O, O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os), 给与, 给 + O, Sr / Ss + 给 + Or / Os + O, Sr / Ss + 给 + O) with corresponding micro-structures are identified, and their frequency and usage features are described. It is concluded that the studied metaphorical phrases form a coherent system where structural patterns are connected with semantics and stylistic coloring. The variability of the structures reflects their broad functional load in various communicative contexts, allowing them to be considered an important tool for the linguistic conceptualization of a person's inner world.

Key words: metaphorical phrase; Chinese character 给 ('to give'); macrostructure; microstructure; model; semantic type; Chinese language.

Метафорические конструкции являются особым пластом лексического состава любого языка, поскольку не только обогащают сам язык, но и формируют в сознании его носителей особые концепты, которые в том числе формируют их культурную идентичность. Именно поэтому образные сочетания всегда представляли собой актуальную тему для исследований ученых по всему миру, что способствовало появлению многочисленных подходов к их интерпретации. Начиная от семантического (Э. Ортони [1], Н. Д. Арутюнова [2]) и прагматического подхода (Ч. Пирс и Ч. Моррис [3], В. Н. Телия [4]) изучение метафоры перетекло в лоно когнитивного подхода (А. Ричардс [5], К. Бюлер [6], Дж. Лакофф и М. Джонсон [7], Шу Динфан (束定芳) [8], Ли Чжаоин (李兆英 [9])), который по сей день остается наиболее популярным, поскольку глубоко отражает сущность метафоры. Метафора представляется не столько языковым явлением, сколько фундаментальным феноменом мышления человека и познания им окружающей реальности, ключевым элементом, позволяющим осознать непознанное через знакомое поле образов. Изучение метафоры как основополагающей составляющей мыслительного процесса, представленной в форме языковых структур, особенно актуально в связи с необходимостью совершенствовать процессы искусственного порождения речи в век процветания технологии искусственного интеллекта. Заложенные в образных сочетаниях смыслы, свернутые до минималистичных структур, требуют от лингвистов корректного описания и интерпретации, чем объясняется актуальность данного исследования.

Методом сплошной выборки из Национального корпуса китайского языка BCC 语料库 (BLCU Corpus Center) [BCC 语料库] [10] нами было отобрано 312 сочетаний с процессуальным знаком 给 'давать', например, 不给主力位置 'не давать место в основном составе', 给不了你完美的工作 'не мочь дать идеальную работу', 给个拥抱 'подарить объятья', 给一次犯规 'дать одно нарушение'. На основании семантического словаря Н. Ю. Шведовой [11] данные сочетания были проанализированы с точки зрения их семантической составляющей. В результате нами были определены одиннадцать возможных семантических типов единиц, с которыми сочетается изучаемый процессуальный знак. Наиболее продуктивным оказался семантический тип «Духовный мир человека», представленный 86 лексемами (27,56%). Данный семантический тип состоит из 5 подтипов: «Чувства, эмоциональные состояния и их проявления» (12,18%, например, 感觉 'чувство', 快乐 'веселье', 幸福感 'чувство счастья', 爱 'любовь'), «Сознание» (7,05% например, 智慧 'мудрость', 意见 'мнение', 理解 'понимание'), «Психика» (4,17%, например, 失望 'разочарование', 信任 'доверие', 期待 'ожидание'), «Внутренние регуляторы поведения и сознания» (2,24%, например, 知识 'знания', 经验 'опыт', 公平 'справедливость', 追求 'стремление'), «Поведение» (1,92%, например, 反应 'отклик', 犯规 'нарушение пра-

вил’). Сочетания процессуального знака 给 ‘давать’ с лексемами данного семантического типа и послужили материалом для исследования.

Целью данного исследования является структурный анализ метафорических сочетаний с лексемами семантического типа «Духовный мир человека» и описание основных моделей их построения.

В китайском языке метафорические конструкции с процессуальным знаком 给 ‘давать’ в сочетании с лексемами, относящимися к духовной сфере человека, демонстрируют сложную систему синтаксических моделей, отражающих особенности передачи абстрактных понятий. Наиболее продуктивной является модель 给 + Or / Os + O (34,6%) (см. Таблица), в которой процессуальный знак 给 ‘давать’ сочетается с одушевленным/неодушевленным косвенным объектом и прямым объектом действия, например, 给世界革命人民极大的鼓舞 ‘вселить огромное вдохновение в революционные народы мира’, 给世界一个惊喜的想法 ‘подарить миру удивительную идею’. В зависимости от семантического подтипа прямого объекта сочетание может выражать разного рода воздействие на косвенный объект: эмоциональное, например 给他人一丝温暖 ‘подарить другому каплю тепла’, 给朋友关注 ‘уделить другу внимание’; психическое, например, 给卑微者一颗高贵的灵魂 ‘дать униженным благородную душу’; воздействие на уровне сознания, например, 给世人形象 ‘дать миру образ’.

Таблица 1 – Структурные модели метафорических сочетаний, построенных по схеме «иероглифический знак 给 ‘давать’ + знаки, связанные с духовным миром человека»²

№ п/п	Структурные модели метафорических сочетаний, построенных по схеме «иероглифический знак 给 ‘давать’ + знаки, связанные с духовным миром человека»	Количество, %
1	给 + Or / Os + O	34,9
1.1	给 + Or + (Mo 的) + O	19,8
1.2	(Mv) + 给 + Or + C + L + (Mo 的) + O	6,97
1.3	(Mv) + 给 + Os + (C + L) + (Mo 的) + O	5,81
1.4	给 + C + L + Or + Mo 的 + O	2,32
2	给 + 个 + O	25,6
2.1	给 + 个 + O	23,25
2.2	给 + 个 + Mo 的 + O	2,32

² Условные обозначения:

Sr – субъект действия, обозначающий живых существ
 Ss – субъект действия, обозначающий неживых существ
 A – косвенный объект действия (адресат)
 Or – одушевленный косвенный объект
 Os – неодушевленный косвенный объект
 O – прямой объект действия

Mv – процессуальный модификатор
 Mo – объектный модификатор
 C – числительное
 L – счетное слово
 () – вариативность

3	O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os)	13,95
3.1	O + (Sr) + (Mv) + 给 + (Mv) + (C + L) + Or + (了)	6,97
3.2	O + Sr/Ss + Mv + 给	3,5
3.3	C + L + O + 也不给	1,16
3.4	连 + (Mo 的) + O + (Mv) + 给 + (Mv)	1,16
3.5	把 + O + 给 + Or	1,16
4	给与	8,13
4.1	(Sr / Ss) + Mv + 给与 + (Or) + (Mo 的) + O	5,81
4.2	Sr + 给与 + 了 + (Mo 的) + O	2,32
5	给 + O	8,13
5.1	(Mv) + 给 + C + L + (Mo 的) + O	5,81
5.2	给不给 + O	1,16
5.3	给 + C + O	1,16
6	Sr / Ss + 给 + Or / Os + O	5,81
6.1	Sr/Ss + 给 Mv + Or + (C+L) + (Mo 的) + O	5,81
7	Sr / Ss + 给 + O	3,48
7.1	Sr / Ss + 给 Mv + O	2,32
7.2	Sr / Ss + (Mv) + 给 + C + L + (Mo 的) + O	1,16

Макроструктура 给 + Or / Os + O представлена четырьмя микроструктурами: 1) 给 + Or + (Mo 的) + O (19,8%), в которой возможен объектный модификатор, уточняющий характеристику объекта (给他最满满的温柔 ‘подарить ему всю полноту нежности’); 2) (Mv) + 给 + Or + C + L + (Mo 的) + O (6,97%) и 3) (Mv) + 给 + Os + (C + L) + (Mo 的) + O (5,81%), в которых наряду с объектным модификатором может задействоваться процессуальный модификатор, а также числительно-счетная группа, указывающая на количество объекта (给上海女排多一点关心 ‘проявить немного больше внимания к женской волейбольной команде Шанхая’); 4) 给 + C + L + Or + Mo 的 + O (2,32%), в которой с помощью числительного со счетным словом уточняется одушевленный косвенный объект действия (还给两个陈家公平 ‘обеспечить справедливость для обеих семей Чэнь’).

Второй по частотности макроструктурой является 给 + 个 + O (25,6%), по большей степени сочетающаяся с объектами семантического подтипа «Сознание» группы «Мысль, точка зрения» в выражениях типа 给个好评 ‘оставить хороший отзыв’, 给个大拇指 ‘поставить палец вверх (лайк)’, 给个意见 ‘высказать мнение’, 给个评价 ‘написать отзыв’, 给个四星 ‘дать четыре звезды’. Данная структура широко используется в неформальном, разговорном стиле речи, который характеризуется легкой, непринужденной интонацией, что достигается с помощью счетного слова 个. Прямой объект в данной макроструктуре может быть распространён объектным модификатором (给 + 个 + Mo 的 + O),

например, 给个好梦 ‘подарить хороший сон’, 给个浪漫的恋爱 ‘подарить романтические отношения’, однако процент подобных сочетаний составляет всего 2,32%.

Прямой объект действия может выноситься в начало предложения для актуализации темы предложения и достижения соответствующей экспрессивной окраски, реализуя макроструктуру с инверсией $O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os)$ (13,95%). Передаваемое образным сочетанием значение влияния на духовный мир человека сохраняется, например, 失望我不想给 ‘разочарование – я не хочу приносить’, 但爱只会给一个人 ‘любовь можно дать лишь одному человеку’. Возможные модели построения данной макроструктуры определяются следующими факторами: наличие/отсутствие глагольных модификаторов и косвенного субъекта действия ($O + (Sr) + (Mv) + 给 + (Mv) + (C + L) + Or + (了)$, $O + Sr/Ss + Mv + 给$, например, 希望也给不了 ‘надежду тоже не мочь дать’, 心只须给一个人就好 ‘[свое] сердце нужно подарить только одному человеку’); наличие числительно-счётной группы перед вынесенным прямым объектом действия ($C + L + O + 也不给$, например, 一点儿信任也不给 ‘даже немного доверия не мочь дать’); наличие усиливающих экспрессивность вспомогательных частиц/предлогов перед прямым объектом действия ($连 + (Mo 的) + O + (Mv) + 给 + (Mv)$, $把 + O + 给 + Or$, например, 连真心都给不起 ‘даже честность не мочь дать’, 把问题给谁 ‘проблему – кому поручить?’).

Лексемы семантического типа «Духовный мир человека» могут встречаться в официальных контекстах. Об этом свидетельствует встречающаяся в 8,13% случаев макроструктура с двусложным процессуальным знаком 给与 ‘давать’, употребляемым в китайском языке в официально-деловом и публицистическом стилях. Например, 应该给与更多的理解 ‘необходимо проявить больше понимания’ ($(Sr / Ss) + Mv + 给与 + (Or) + (Mo 的) + O$, 5,81%), 你给与了悲伤痛苦 ‘принести горе и страдания’ ($Sr + 给与 + 了 + (Mo 的) + O$, 2,32%).

Среди метафорических сочетаний, построенных по модели «процессуальный знак 给 ‘давать’ + знаки, связанные с духовным миром человека» также встречаются конструкции с явно выраженным субъектом действия. Наиболее распространённой является макроструктура $Sr/Ss + 给 + Or/Os + O$ (5,81%), представленная единственной микроструктурой $Sr/Ss + 给 Mv + Or + (C+L) + (Mo 的) + O$, где субъект (одушевлённый или неодушевлённый) передаёт косвенному объекту (также одушевлённому или неодушевлённому) некоторый абстрактный прямой объект, воздействуя на него, как в примере 失利给了我一次耻辱 ‘поражение принесло мне позор’. Процессуальный модификатор в данной микроструктуре уточняет способ передачи, а числительное со счётным словом и объектный модификатор конкретизируют объект, например: 别人给你一些经验 ‘другие дают тебе опыт’, 你给不了我这种感觉 ‘ты не можешь дать мне это чувство’, 我给不了他想要的 ‘я не могу дать ему то, что он хочет’.

Наименее распространена макроструктура с опущенным косвенным объектом $Sr/Ss + 给 + O$ (3,48%), где фокус смещается на субъект действия, подчер-

живая его значимость, как в примере 单身给不了幸福 ‘холостая жизнь не приносит счастья’. Процессуальный модификатор в составе данной модели обычно выражен единицами 不了/不起, передающими невозможность совершения действия (时光也给不起忧伤 ‘времени не под силу утолить скорбь’). Прямой объект может быть распространён числительно-счетной группой и объектным модификатором (大人给一个小小的人情 ‘старшие оказывают небольшую услугу’).

Проведенный анализ показал, что метафорические сочетания с процессуальным знаком 给 ‘давать’ в сочетании с лексемами семантического типа «Духовный мир человека» образуют систему, в которой структурный компонент может влиять на смысловые и экспрессивные оттенки высказываний. Наиболее распространены модели с явным указанием адресата и объекта действия, которые позволяют выразить и подчеркнуть различные виды воздействия на косвенный объект действия – от эмоционального до интеллектуального. Особую роль в составе подобных структур играют модификаторы, которые уточняют степень такого воздействия (процессуальные модификаторы), и его характер (объектные модификаторы). В случае если адресат отсутствует, смысловой акцент сочетания смещается на субъект действия, где потенциальная возможность воздействия на объект становится его признаком (单身给不了幸福 ‘холостая жизнь не приносит счастья’, особенность холостой жизни в том, что она не может принести счастья, другими словами, не может эмоционально воздействовать на духовный мир человека).

Модели, построенные по схеме «иероглифический знак 给 ‘давать’ + знаки, связанные с духовным миром человека» обладают стилистической гибкостью, т.к. могут употребляться как в разговорном (макроструктура 给 + 个 + O, инверсивная макроструктура O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os)), так и в формальном (макроструктура с 给与 ‘давать’) контекстах.

Продемонстрированная вариативность моделей построения метафорических сочетаний с процессуальным знаком 给 ‘давать’ и единицами семантического типа «Духовный мир человека» отражает их широкое употребление в различных коммуникативных контекстах, что характеризует их как важный инструмент концептуализации внутреннего мира человека и его взаимодействия с окружающим миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ortony A. Why Metaphors Are Necessary and Not Just Nice // Educational Theory. 1975. №1(25). P. 45-53.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе : дис. ... доктор фил. наук : 10.02.19. М., 2022. 480 с.

4. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте : коллективная монография / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф]; отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988. С. 26–52.

5. Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры: [сборник] / сост. Н. Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 44–67.

6. Бюлер К. Теория языка : Репрезентатив. функция яз. М.: Прогресс: Универс, 1993. 501 с.

7. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М. : УРСС, 2004. 252 с.

8. 束定芳. 隐喻学研究 / 束定芳. 北京 : 外语教育出版社. 2000. 231 页

9. 李兆英. 概念隐喻理论在大学英语词汇教学中的应用研究 / 李兆英. 现代商贸工业. 2025. №5. 231-233 页.

10. ВСС语料库 (BLCU Corpus Center). URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh>. (дата обращения: 08.05.2025).

11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003.

Силкович Лилия Александровна

доктор педагогических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков,

e-mail: silkovichl@mail.ru

Silkovich Liliya Alexandrovna

Doctor of Sciences in Pedagogy

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages,

e-mail: silkovichl@mail.ru

КРОСС-КУЛЬТУРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье раскрывается сущность кросс-культурности как приоритетного методологического принципа современного языкового образования, приводится толкование и интерпретация понятия *межкультурная коммуникативная компетенция*, описываются существенные трансформации, происходящие в теории и методике обучения иностранному языку в разрезе кросс-культурного языкового образования.

Ключевые слова: кросс-культурность; методологический принцип; межкультурная коммуникативная компетенция; личностное развитие обучающегося.

CROSS-CULTURALITY AS A METHODOLOGICAL PRINCIPLE OF MODERN LANGUAGE EDUCATION

The article reveals the essence of cross-culturalism as a foreground methodological principle of modern language education, provides an explanation and interpretation of the concept of intercultural communicative competence, and describes the significant transformations occurring in the theory and methodology of teaching foreign languages in the context of cross-cultural language education.

Key words: cross-culturality; methodological principle; intercultural communicative competence; personal development of the student

Инновационные модели обучения иностранным языкам обусловлены в последние десятилетия радикальными изменениями в представлениях исследователей о сущности общения коммуникантов-инофонов в современной поликультурной и мультилингвальной среде. Прежний монокультурный характер речевого взаимодействия, когда участники придерживались норм и правил той культуры, на языке которой осуществлялся диалог, окончательно уступил место кросс-культурной и поликультурной коммуникации, в ходе которой каждый коммуникант позиционирует себя как личность, обладающую национальным самосознанием, стремлением к самоактуализации в рамках родной культуры и самодетерминации в глобальном мировом пространстве.

Кросс-культурность традиционно понимается как взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение языков и культур, не разобщение, а совмещение общего и специфичного по законам синархии и комплементарности. Данная категория предполагает отказ от абсолютизации любой культуры и обращение к наднациональным, общечеловеческим ценностям.

Как отмечает К. Ясперс, полноценный диалог невозможен и в условиях отрицания чужого, и в условиях миссионерского, или патерналистского, отношения к другой культуре [1]. Процесс кросс-культурного диалога начинается с признания важности, в том числе необходимости взаимодействия с другой культурой. А результатом кросс-культурного диалога является появление и рост интереса к другой культуре и языку, преодоление этноцентричной установки и более глубокое понимание собственной культуры.

Специфика кросс-культурного диалога раскрыта в научных исследованиях, что позволяет рассматривать его в качестве приоритетного методологического принципа современного поликультурного и мультилингвального формата языкового образования, обеспечивающего гуманитарно-ориентированное овладение иностранным языком и культурой, «преобразование» себя путем вхождения в иную культуру, присвоения ее традиций, признание культурного плюрализма, осознания себя как части многополярного мирового сообщества. При этом важно подчеркнуть, что образ-модель планируемого образовательного результата присваивается каждым личностно. Образовательный продукт – это то, что сумел присвоить, сделать личностно значимым субъект образовательной деятельности. Фундаментальное изучение языка как кода культуры, кода нации выводит на первый план человека, которому предстоит научиться взаимодействовать с представителями иных национальных традиций.

Переориентация лингводидактики на культуросообразные модели открывает инновационные возможности не *обучения*, а именно *языкового образования*, в котором заложены огромные воспитательные, мировоззренческие, социально значимые цели, среди которых следует особо выделить развитие субъектности, или индивидуальности обучающегося как человека, готового к бесконфликтному позитивному паритетному взаимодействию с представителями разных лингвокультурных сообществ.

Как известно, долгие годы процесс обучения иностранному языку рассматривался через призму дихотомий “язык-речь”, “мышление-речь”. Однако “мифологема рационального мышления”, опирающаяся преимущественно на рассмотрение речи как механизма, который обеспечивает мыслительный процесс, и рассмотрение языка как системы, подчиняющей себе человека, продемонстрировала свою несостоятельность. Лингвообразовательная подготовка не может осуществляться в отрыве от культуры, поскольку обучающийся должен уметь принимать своего партнера по общению как субъекта особой национально-культурной принадлежности, а также должен уметь посвятить инофона в глубины своей культуры, транслировать собственные взгляды и ценности средствами иностранного языка. Обучающийся оказывается в постоянном лингвокультурном (само)развитии, предполагающем «развитие способности субъекта творчески осваивать языковое и культурное многообразие современного мира на фоне все более расширяющихся межличностных и межкультурных взаимосвязей и взаимодействий в реальном и виртуальном коммуникативном пространстве» [2, с. 7].

Заметим, что те процессы, которые происходили в языковом образовании, часто напоминали «вестернизацию». Как отмечает В.В. Сафонова, при выборе

конкретных ценностей как объектов языкового образования длительное время доминировал евро-атлантический центризм. Превалировали такие явления как чрезмерная идеализация культурно-языковых традиций стран со-изучаемого языка и культур, их ценностных ориентиров; необоснованное преувеличение их вклада в мировой фонд культуры, науки и технологии; гиперболизация безупречности их историко-культурного пути развития в ущерб собственной культуре обучающихся; отсутствие установки на ценностно-ориентированное обучение языкам [3].

Вместе с тем национальные культурные ценности, особенности их интерпретации, занимающие в жизни любого народа важнейшее место, с наибольшей силой аккумулируются в контексте кросс-культурного формата лингводидактики. Сегодня все более настойчиво звучит мысль об огромной важности и значимости иностранного языка как “мягкой силы” в деле формирования личности обучающегося новой формации, обладающей разносторонними интересами и знаниями, осознающей и принимающей многообразие мира (*international mindedness*), способной взаимодействовать с представителями иных культур и языков, занимающей активную гражданскую позицию, обладающей критическим и системным мышлением, постоянно стремящейся к саморазвитию и самосовершенствованию.

В связи со сказанным становится очевидным, что современная лингводидактика перемещает вектор внимания с процесса формирования у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции (как способности общаться на иностранном языке) на овладение *межкультурной коммуникативной компетенцией*, предполагающей паритетное взаимодействие субъекта – носителя своей лингвокультуры с представителем иного лингвосоциума, обладающего иной национально-культурной спецификой. И если иноязычная коммуникативная компетенция охватывает языковые и речевые способности личности, то межкультурная коммуникативная компетенция, как способность осуществлять эффективную коммуникацию в межкультурном контексте, многомерна по своей природе, в ней тесно переплетаются компоненты иноязычной коммуникативной компетенции и межкультурной компетенции, что делает ее значительно сложнее обеих и по содержанию и по объему. Владея данной компетенцией, субъект кросс-культурной коммуникации использует свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции, одновременно пытается учесть не только иной языковой код, но и иные обычаи и нормы социального поведения, осознавая при этом факт их чужеродности.

В структуре межкультурной коммуникативной компетенции выделяют мотивационные факторы, факторы знаний и факторы навыков [4].

Мотивационные факторы – это потребности участников общения, а также желание вступить в коммуникацию, открытость для новой информации. Факторы знаний включают ожидания, знание альтернативных интерпретаций, а также знание сходств и различий культур. К факторам навыков относится способность сопоставлять и оценивать культуры; осознавать, что плохих культур не бывает; находить точки соприкосновения культур; преодолевать кросс-культурный шок; «прочитывать» лингвистические лакуны и избегать межлич-

ностных конфликтов; проявлять эмпатию (ощущать эмоции и переживания другого человека, встав на его точку зрения); быть толерантным к многозначности; адаптировать коммуникацию; видоизменять поведение и собирать нужную информацию.

Таким образом, межкультурную коммуникативную компетенцию обучающихся можно рассматривать на трех уровнях: когнитивном, аффективном, коммуникативно-деятельностном, или коммуникативно-поведенческом. Отсюда очевидна личностная заостренность образовательного процесса по обучению иностранным языкам, направленного на подготовку учащихся к межкультурной коммуникации. Основные методы-способы обучения в рамках новой социокультурной образовательной модели, по мнению Н. Д. Гальсковой, «должны носить интерактивный характер <...>, отличаться креативностью и импровизацией, редуцировать симуляции иноязычного общения в пользу аутентичного общения на изучаемом языке» [5, с. 7].

Подготовку к кросс-культурному диалогу следует осуществлять сразу на нескольких уровнях:

- культурном (сведения об истории, культуре, обычаях стран изучаемого языка);
- психологическом (готовность соприкоснуться с незнакомыми реалиями жизни, при необходимости снятие психологических барьеров и стереотипов, связанных с представлениями о стране изучаемого языка, приемы адаптации);
- социальном (информация о специфике сферы социальной коммуникации: поведение в отеле, банке, транспорте и пр.; предупреждение типичных ошибок, которые можно совершить; информация о том, где и как можно получить поддержку в критических ситуациях);
- языковом (усвоение языковых средств кросс-культурного общения).

Качественно новые, крайне сложные лингводидактические задачи подготовки учащихся к кросс-культурному общению в условиях современного противоречивого глобализованного мира требуют смещения акцентов с преподавательской деятельности на деятельность обучающегося. Обучающийся как активное действующее лицо мобилизует все свои ресурсы (когнитивные, эмоциональные, лингвистические и культурные) для решения стоящей перед ним социально значимой коммуникативно-когнитивной задачи, действуя в стратегической манере. Учебная деятельность коммуникационного плана на иностранном языке, по мнению Б. Норта и Э. Пиккардо, должна демонстрировать: 1) намеренность: наличие хотя бы частично плана действия, необходимого для достижения цели, который будет корректироваться с учетом новой информации и опыта; 2) предусмотрительность: рассмотрение последствий определенных действий, предвидение результатов, выбор действий на основе опыта их успешного применения; 3) саморегуляционные процессы, то есть постоянное отражение и переоценка стратегий и предпринятых действий по мере продвижения; 4) саморефлексия правильности предложенных идей, понятий, действий в сравнении с успешностью результатов [6, р. 30]. Это предполагает принципиально новые функции преподавателя иностранного языка, которые состоят не в том, чтобы быть информатором, источником достоверных знаний о культуре,

быте, традициях, особенностях образа жизни и поведения иноязычного собеседника, а, главным образом, в том, чтобы научить учащихся добывать эти знания, исследовать то или иное социокультурное явление, делать самостоятельные выводы, а приобретенные знания и умения применять в жизни.

По мнению зарубежных ученых (W. Hackl, M. Langner, H. Simon-Pelanda), преподаватель выступает модератором, который интегрирован в учебную группу как культурный посредник, предоставляет свои знания, собственный опыт, чтобы привести в движение самостоятельное познание и рефлексия учащихся. На передний план выдвигается «инсентивная» (термин А. А. Реана) функция преподавателя, которая проявляется в побуждении обучающихся к определенной деятельности, когда он не дает ответы, а стимулирует задавать вопросы, сравнивать, самостоятельно добывать информацию, искать свой собственный путь решения проблемы, интегрировать новое знание в уже имеющуюся схему, способствуя тем самым самостоятельному продвижению в понимании специфики чужой культуры и осознанию себя как носителя определенной культуры. Преподаватель участвует как равноправный член группы, предлагает, привлекает внимание, возбуждает интерес, направляет совместный поиск, создает атмосферу сотрудничества, сотворчества. Обучающийся при этом выступает как активный творческий «создатель» и преобразователь учебных ситуаций, он включен в конструирование содержания своего кросс-культурного языкового образования.

Таким образом, кросс-культурность как основополагающий методологический принцип современного языкового образования призван снять основное противоречие традиционной методики обучения иностранному языку – «столкновение культур», задает новые направления для исследований, нацеленных на обеспечение личностного развития обучающихся средствами иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М., 1994. 90 – с.
2. Гальскова, Н.Д. Современное лингвообразование в социокультурном и аксиологическом измерениях // Иностранные языки в школе. 2019. №8. С. 4–10.
3. Сафонова, В.В. Российское ценностно-ориентированное языковое образование в условиях постглобального мира: социокультурный контекст проектирования // Иностранные языки в школе. 2022. №9. С. 18 – 27.
4. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.
5. Гальскова, Н. Д. Основные парадигмальные черты современной методической науки / Н. Д. Гальскова // Иностр. языки в школе. – 2011. – № 7. – С. 2–11.
6. Council of Europe. Enriching 21st century language education. The CEFR Companion volume in practice. Strasbourg. Council of Europe Publishing, 2022 / ed. by B. North [et al.]. – Strasbourg Council of Europe Publishing, 2022.

УДК 811.112/2 '373.222 '371

Симакова Марина Григорьевна

кандидат филологических наук

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: mari.bryl@yandex.ru**Нефедов Евгений Александрович**

выпускник

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: evgen.njf. mail@mail.ru**Marina Simakova**

PhD in Philology

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: mari.bryl@yandex.ru**Yauheni Niafedau,**

graduate student

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: evgen.njf. mail@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются особенности семантической деривации зоонимов как продуктивного способа вторичной номинации в немецком языке. В результате исследования установлены типы полисемии – радиальная, цепочечная, радиально-цепочечная, и определены мотивировочные признаки. Метафора и метонимия выступают основными механизмами семантической деривации зоонимов в современном немецком языке.

Ключевые слова: семантическая деривация; вторичное значение; зооним; полисемия; механизм семантической деривации; мотивировочный признак.

SEMANTIC DERIVATION OF GERMAN ZOONYMS

The article discusses the features of semantic derivation of zoonyms as a productive way of secondary nomination in German Language. As a result, the types of polysemy are established – radial, chain, radial-chain, and the motivational feature are determined. Metaphor and metonymy are the main mechanisms of semantic derivation of zoonyms in modern German Language.

Key words: semantic derivation; secondary meaning; zoonym; polysemy; mechanism of semantic derivation; motivating feature.

Учёные занимались изучением деривационных процессов в языке еще задолго до появления дериватологии как самостоятельной науки. Вопросы образования языковых единиц рассматривались, в частности, в трудах Платона, Аристотеля, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева, С.О. Карцевского, А.А., Потебни, Г. Пауля и др.

Семантическая деривация предполагает изменение семантической структуры слова вследствие появления новых значений, при этом форма слова сохраняется. Семантической деривацией следует считать процесс или результат образования в языке любого вторичного знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную.

Добавление новых значений к уже существующим словам может быть связано не только с необходимостью называть новые объекты и события, но также с желанием выразить различные эмоциональные и экспрессивные нюансы.

Важной предпосылкой вторичного использования языкового знака в номинативной функции являются ассоциативные связи носителя языка между называемым и уже названным объектами.

К.Г. Крушельницкая выделяет два типа ассоциативных отношений – по сходству и по смежности. При этом ассоциации по смежности признавались наиболее важным механизмом в формировании значения слова. Ассоциативные связи слов связаны с частотностью их появления в речи [1, с. 382].

Р. Драгичевич утверждает, что сходство между исходным и крайним предметом никогда не является абсолютным, оно основывается на каком-то общем компоненте, например, функция, форма, цвет, положение, происхождение и тому подобное [2, с. 78].

Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, дополнительных значений, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма, результатом которого является появление так называемой полисемии [3, с. 204].

Актуальность работы обусловлена тем, что семантическая деривация наряду со словосложением и заимствованием играет важную роль в обогащении лексики немецкого языка. Наименования животных (зоонимы), являясь одним из древнейших слоев лексики, активно вовлекаются в номинативные процессы и в результате семантической деривации служат для обозначения человека, явлений и артефактов.

Целью исследования является установление основных типов полисемии и определение особенностей механизмов и мотивировочных признаков семантической деривации зоонимов в современном немецком языке.

Для рассмотрения явления семантической деривации зоонимов был использован лексический материал из словаря Ф. Дорнзайфа. При отборе материала мы обратились к тематической группе «Животный мир» [4]. Определение семантической структуры выделенных слов проводилось с опорой на онлайн-словарь «DWDs» [5] и толковый словарь немецкого языка «Duden. Universalwörterbuch der deutschen Sprache» [6].

В результате анализа языкового материала было установлено, что из 485 наименований животных разного класса и вида, только 66 лексических единиц оказались многозначными.

Важно подчеркнуть, что большинство многозначных зоонимов являются частотными словами. Высокая частотность является важным условием развития семантической структуры слова, что также подтверждают и наши данные.

Количественный анализ вторичных значений зоонимов немецкого языка демонстрирует общую закономерность развития полисемии, согласно которой многозначное слово редко имеет более 2–3 значений: 39 лексических единиц имеют только 2 лексических значения, 14 зоонимов – 3 значения, 8 слов имеют 4 значения, и еще 5 – пять и более лексических значений. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что количественные показатели семантической деривации зоонимов редко превышают 2–3 вторичных значения для одной производящей единицы.

Однако стоит заметить, что при выборе производящих баз для семантической деривации предпочтение отдается общим наименованиям животных

(*Spinne* ‘паук’, *Schlange* ‘змея’, *Bär* ‘медведь’ и т.д.), а также наименованиям тех животных, которые встречаются человеку чаще всего, нежели названиям редко встречающихся животных или конкретным видовым зоонимам (*Heimchen* ‘сверчок домовый’ и т.д.).

Тот факт, что названия животных часто имеют несколько значений, обусловлен прежде всего экстралингвистическими причинами. Домашние животные важны для человека, так как они верно служат ему на протяжении многих тысячелетий. Характер животных, их поведенческие особенности стали причиной появления многих ассоциаций. Животное для человека было не просто источником еды и одежды, но и мерой многих человеческих качеств – физических и моральных. Поэтому многие «дополнительные» значения слова связаны с особенностями диких и домашних животных, птиц, насекомых, рыб.

Результаты анализа языкового материала показывают, что в 96% случаев встречается радиальный тип полисемии, поскольку большинство вторичных значений образуются от исходного значения, расширяясь на разные денотативные области. Например, слово *Hering* ‘сельдь’:

1. *Dünner, schmaler Mann* ‘Худой мужчина’; 2. *Zeltpflock* ‘Колышек для палатки’.

Объяснить высокую частотность радиального типа полисемии можно, думается, тем, что при порождении новых наименований человеку проще всего обращаться к исходному значению производящей единицы как содержательно-му конструкту, наиболее доступному и удобному для производства новых наименований.

Смешанный или радиально-цепочечный тип полисемии отмечается незначительной количественной представленностью (4%):

Krebs ‘Рак’ → 1. *Sternbild* ‘Созвездие’ → 2. *Jemand, der im Zeichen des Krebses geboren ist* ‘Тот, кто родился под знаком рака’ → 3. *Krankheit* ‘Болезнь’ → 4. *Melodie, die Ton für Ton die rückläufige Form einer anderen Melodie ist* ‘Мелодия, которая является ретроградной формой другой мелодии’ → 5. *Remittende* ‘Бракованный экземпляр (о типографической продукции, книгах)’. Семантическая структура данной лексической единицы образуется радиальной связью ЛСВ 1, ЛСВ 3, ЛСВ 4, ЛСВ 5, а ЛСВ 1 и ЛСВ 2 связаны цепочечными отношениями.

Цепочечный тип полисемии, при котором каждое из последующих значений связано только с ближайшим предшествующим значением, является достаточно редким и в корпусе нашего материала исследования не представлен.

Следующим этапом исследования является определение механизмов семантической деривации и мотивировочных признаков.

Наиболее частотным механизмом семантической деривации является метафора, результатом которой стали 111 вторичных значений, или 94 % от общего количества лексико-семантических вариантов.

При метафорическом переносе частотными являются мотивировочные признаки «форма» (42%), «особый внешний признак» (18%), «поведение» (20%). Мотивировочные признаки «оценка» (6%), «цвет» (6%), «размер» (4%), «функция» (2%), «звук» (1 %), скорость (1%) отмечаются незначительным количеством.

Переходя к подробному описанию того, как мотивировочный признак связывает исходное и вторичное значение слова, следует обратиться не только к

словарной дефиниции, но и к исторической справке о происхождении слова, поскольку есть случаи, когда мотивирующий признак может и не входить в состав основных семантических компонентов лексического значения производных слов.

Слово *Igel* 'ёж', имеет несколько вторичных значений:

1. *Der einseitige Hackpflug mit Messern und Zinken zur Bodenlockerung* 'Односторонний мотыжный плуг с лопастями и зубьями для рыхления почвы';
2. *Das mit Mandelstiften bestecktes Gebäck in Igelform* 'Печенье в форме ежика, усыпанное кусочками миндаля';
3. *Die Frisur* 'Причёска определенного типа'.

Первое и третье значения были образованы на основе внешнего сходства с острыми иглами ежа, второе значение слова – на основе внешнего сходства с ежом.

Слово *Hirsch* 'олень' получило в результате метафорического переноса следующие вторичные значения:

1. *Könnner* 'Эксперт';
2. *Der betrogene Ehemann* 'Муж, переживший измену';
3. *Das Mottorad* 'Мотоцикл'.

В случае, когда слово *Hirsch* 'олень' употребляется в значении «эксперт» мы ссылаемся на берлинский диалект, так как слово *Könnner* 'эксперт' является регионально обусловленным и употребляется преимущественно в Берлине. Как известно, олени живут в определённых лесных районах и хорошо знают места, где можно найти еду, или спрятаться от хищника, что позволяет им выживать в условиях дикой природы. Эксперт – это человек, хорошо знающий своё дело, разбирающийся в нём. Предполагается, что эта топографическая особенность и опыт животного послужили основой для метафорического переноса и образования нового значения.

Второе значение носит оценочный характер и было мотивировано внешним видом оленя. Обратившись к исторической справке, стало известно, что мужчины получали статус «рогоносца» из-за событий, происходивших когда-то в Византии. Согласно версии, император Андроник Комнин мужей своих любовниц в качестве компенсации одаривал оленьими рогами, которые давали их владельцам ряд привилегий в обществе (например, право охотиться в царских владениях). Соответственно, самих мужей стали называть обладателями рогов – рогоносцами. С тех пор выражение укоренилось во многих культурах.

Способ обозначения мотоцикла посредством употребления слова *Hirsch* 'олень' является устаревшим и происходит на основе установления внешнего сходства руля и ручек мотоцикла с рогами оленя.

Поведенческий признак как мотивировочный признак можно рассмотреть на примере слова *Schwalbe* 'ласточка'.

Ласточка известна своей быстротой и ловкостью, способностью стремительно взлетать. В немецком футболе слово *Schwalbe* 'ласточка' обозначает намеренное падение игрока с целью симуляции фола или пенальти. Эти качества можно метафорически перенести на движения игрока, который ловко падает, чтобы обмануть судью. Слово *Schwalbe* используется как игроками, так и болельщиками для обозначения неспортивного поведения.

Метонимический перенос представлен лишь 8 случаями образования вторичного значения (6%): четыре значения образованы метонимическим переносом на основе временной связи и четыре значения – как перенос «часть – целое» т.е. синекдоха.

Проследим метонимический перенос на основе временной связи на примере слова *Skorpion* ‘скорпион’.

Слово *skorpion* имеет следующие вторичные значения:

1. *Sternbild* ‘созвездие’;
2. *Jemand, der im Zeichen des Skorpions geboren ist* ‘человек, родившийся в знаке скорпиона по календарю Зодиака’;

В первом случае вторичное значение образуется посредством метафорического переноса на основе внешнего сходства, а во втором лексико-семантическом варианте чётко прослеживается связь новоприобретенного значения слова с календарными датами: в астрологии считается, что Солнце находится в знаке Скорпиона с 23 октября по 21 ноября.

Второй тип метонимической связи основан на переносе имени по принципу «часть – целое» (синекдоха), реализацию которого можно установить на примере единиц *Biber* ‘бобёр’ и *Fuchs* ‘лиса’.

Слово *Biber* ‘бобёр’ может употребляться не только в значении ‘*грызун*’, но также в значении ‘*шкурка бобра*’. Вторичным значением слова *Fuchs* ‘лиса’ также является лексико-семантический вариант ‘*шкурка лисы*’. В обоих случаях наблюдается процесс, при котором название целого объекта используется применительно лишь к его части.

Таким образом, семантическая деривация зоонимов в немецком языке представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий богатую культурную и историческую традицию. Метафора и метонимия выступают основными механизмами формирования вторичных значений зоонимов. Метафорический перенос основывается на разнообразных мотивировочных признаках: форма, цвет, размер, звук, скорость, оценка, поведение. Семантическая деривация наименований животных приводит к формированию новых слов и значений, что делает их важным объектом для лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крушельницкая К. Г. Проблема взаимосвязи языка и мышления // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебрянникова. М. : Наука 1970. 520 с.
2. Драгичевич, Р. Медиалингвистика. Белград: РИНЦ, 2016. 112 с.
3. Новиков, Л. А. Основы семантики // Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. Москва : РУДН, 2001. 661 с.
4. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. Berlin : De Gruyter, 1965. 1140 S.
5. DWDS [Electronic resource]. Mode of access : <https://www.dwds.de>. – Date of access : 31.03. 2024.
6. Duden. Universalwörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. Mode of access : <https://duden.de>. Date of access : 13.03.2024.

Солонович Людмила Владимировна

кандидат филологических наук

г. Минск, Республика Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: solonovich-lv@mail.ru

Liudmila Uladzimirauna Salanovich

PhD of Philology

Minsk, Republic of Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: solonovich-lv@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Статья представляет собой комплексный анализ словообразовательных моделей глаголов зрительного восприятия в немецком языке. Цель исследования – выявить основные способы образования лексических единиц, обозначающих перцептивный зрительный процесс, и описать семантические сдвиги в производных единицах. На материале глаголов, отобранных из словаря Duden, методом компонентного анализа установлено, что деривационный потенциал ГЗВ неравномерен. Наибольшим деривационным потенциалом обладают базовые глаголы, образующие дополнительные значения с помощью отделяемых и неотделяемых формантов. Стилистически маркированные и региональные глаголы проявляют меньшую активность и разнообразие моделей, включая суффиксацию и словосложение. Ключевым словообразовательным механизмом является префиксация. Делается вывод об избирательности словообразования в данной группе и семантическом разнообразии производных форм.

Ключевые слова: словообразование; префиксация; немецкий язык; зрительное восприятие; семантика.

DERIVATIONAL POTENTIAL OF GERMAN VERBS OF VISUAL PERCEPTION

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of word-formation patterns of verbs of visual perception in the German language. The aim of the study is to identify the main methods of forming lexical units denoting the visual perceptual process and to describe the semantic shifts in derived units. Based on verbs selected from the Duden dictionary and analyzed using componential analysis, it was found that the derivational potential of these verbs is uneven. The basic verbs possess the highest derivational potential, forming additional meanings through separable and inseparable formants. Stylistically marked and regional verbs exhibit lower activity and a narrower variety of patterns, including suffixation and compounding. Prefixation is identified as the key word-formation mechanism. The conclusion highlights the selectivity of word formation in this group and the semantic diversity of derived forms.

Key words: word formation; prefixation; German language; visual perception; semantics.

Зрительное восприятие, будучи ведущей сенсорной системой, является предметом исследования различных дисциплин. Интерес исследователей к данному феномену обусловлен также антропоцентрической направленностью восприятия. Таким образом, актуальность исследования определяется ведущей ролью зрительной перцепции, а также необходимостью анализа глаголов зрительного восприятия, которые являются основным средством актуализации перцептивного процесса.

Целью настоящей статьи является выявление основных способов образования глаголов зрительного восприятия и описание семантических сдвигов производных единиц.

Материалом исследования послужили глаголы зрительной перцепции, отобранные методом сплошной выборки из Немецкого универсального словаря редакции Дуден (*Deutsches Universalwörterbuch*) [1] были отобраны субъектно-ориентированные глаголы, в которых субъект перцептивного процесса занимает позицию подлежащего. Объектно-ориентированные структуры, в которых субъект выражен имплицитно (например, *виднеться*), анализу не подвергались. Данная группа насчитывает около 135 немецких глаголов зрительной перцепции [2, с. 106]. Для проведения анализа изменений значений глагольных единиц используется компонентный анализ.

Доминантными глаголами, обозначающими зрительную перцепцию в немецком языке, являются лексемы *sehen*, *blicken*, *schauen*, *gucken*. Данные глаголы обладают наибольшим словообразовательным потенциалом. Рассмотрим основные словообразовательные средства, характерные для базовых репрезентантов анализируемой лексико-семантической группы.

Как показывает анализ, ведущую роль в словообразовании ГЗВ занимают приставки и предложно-наречные компоненты. Основным способом образования производных глаголов является префиксация при помощи предложно-наречных компонентов. Они достаточно широко представлены и включают в себя как простые (*an-*, *auf-*, *zu-*), так и сложные префиксы (*herein-*, *hinweg-*, *umher-*). Простые отделяемые форманты изменяют значение производного глагола и дополняют значение такими семантическими признаками как *aufmerksam*, *prüfend* (*ansehen*), *genau*, *betrachtend* (*zusehen*), *wartend oder suchend* (*ausblicken*), *prüfend*, *eingehend* (*angucken*).

Предложно-наречные компоненты также трансформируют значение непроизводного глагола и зачастую дополняют его семантическими признаками, характерными для того или иного компонента, например, *zurückblicken* «nach hinten blicken», *hinwegsehen* «nicht sehen».

Характеризуя словообразовательную активность отдельных префиксов, отметим, что к глаголу *sehen* могут присоединяться все предложно-наречные компоненты (за исключением *herum-*, *hinterher-*) и большинство неотделяемых префиксов, за исключением приставок *miss-*, *ent-*, *emp-*, *zer-*. Как отмечалось выше, производные лексемы с предложно-наречными компонентами, как правило, дополняют глагол значением, присущим самому компоненту. Например, *zurücksehen* «nach hinten, besonders in Richtung auf etwas, was man soeben verlassen hat, blicken», *hineinsehen* «ins Innere sehen, in etwas sehen», *entgegensehen* «in Richtung auf jemanden, etwas [Herankommendes] sehen». Приставки конкретизируют значение непроизводного глагола, например, *besehen* «betrachten, genau ansehen», *ansehen, sich* «etwas [aufmerksam, prüfend] betrachten (um es kennenzulernen)». Неотделяемые приставки могут полностью менять значение непроизводного глагола и приобретать значение движения, например, *hineinsehen* «(umgangssprachlich) zu jemandem, in etwas mit bestimmter Absicht kurz hineingehen, -kommen», *vorbeisehen* «einen kurzen [zwanglosen] Besuch machen». По-

сколькx глагол *sehen* является многозначным и используется в качестве синонима лексемы *понимать*, то и производные единицы имеют схожее значение, например, *sich vorsehen* «sich in Acht nehmen, sich hüten», *einsehen* «sich von den Argumenten eines andern überzeugen lassen, die Richtigkeit seiner Handlungsweise erkennen», *durchschauen* «verstehen, begreifen». Глагол *versehen* «dafür sorgen, dass jemand etwas bekommt, hat; versorgen» также утратил значение зрительного восприятия.

Схожую тенденцию демонстрируют глаголы *blicken*, *schauen*, *gucken*, словообразовательные возможности которых распространяются на большинство префиксов. Деривационная активность базовых глаголов зрительного восприятия представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Словообразовательный потенциал базовых глаголов зрительного восприятия (префиксация)

	an-	aus-	durch-	hinein-	herein-	herum-	umher-	nach-	drein-	entgegen-	vorbei-	zurück-	zu-	auf-	hin-	weg-	um-	be-	er-	hervor-	hinter-	ab-
sehen	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
blicken	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	
schauen	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
gucken	+	+	+	+		+		+					+	+	+	+	+	+		+		+

Глаголы со значением зрительного восприятия, не являющиеся базовыми в силу их отнесенности к региональным и/или стилистически окрашенным единицам, характеризуются значительно меньшей деривационной активностью. К данной группе относятся единицы *kieken*, *lauern*, *luchsen*, *gaffen*, *stieren*, *starren*, *glotzen*, *linsen*, *spähen*, *lügen*, *mustern*. Указанные глаголы имеют от одной до трех производных лексем. Наиболее активными префиксами являются приставки *an*, *be-*, например, *bekieken* «(norddeutsch) genau betrachten», *angaffen* «(abwer-tend) neugierig, aufdringlich anstarren». Подробный анализ данной группы представлен в таблице 2.

Таблица 2. – Словообразовательный потенциал региональных и стилистически окрашенных глаголов зрительного восприятия (префиксация)

	an-	aus-	durch-	hinein-	herein-	herum-	umher-	nach-	drein-	entgegen-	vorbei-	zurück-	zu-	auf-	hin-	weg-	um-	be-	er-	hervor-	hinterher-	ab-
luchsen																		+				
gaffen	+																	+				
stieren	+																					
starren	+													+	+							
glotzen	+																	+				
linsen	+																					
spähen		+																+				
lügen		+																				
mustern	+																	+				
spionieren																					+	

Следующим способом образования глаголов зрительного восприятия является суффиксация. Основными репрезентантами в анализируемой группе являются суффиксы *-el-*, *-er-*, *-s-*, *-ieren*. Например, *äugeln* «heimliche, verstohlene Blicke werfen», швейцарский вариант глагола *spähen sperbern* «forschend, suchend blicken», суффикс *-s-* в словах *linsen* «(umgangssprachlich) verstohlen blicken; spähen», *luchsen* «angespannt, aufmerksam spähend schauen, nach jemandem, etwas ausschauen», суффикс *-ieren* в единицах *spionieren* «heimlich und ohne dazu berechtigt zu sein, [herum]suchen, aufpassen, Beobachtungen machen oder lauschen, um etwas herauszufinden», *observieren* «Personen, Gebäude o. Ä. über einen längeren Zeitraum [zu einem bestimmten Zweck] beobachten», *perzipieren* «(Philosophie, Psychologie) [sinnlich] wahrnehmen», *taxieren* «umgangssprachlich) prüfend, kritisch betrachten, um sich ein Urteil zu bilden», *visionieren* «(umgangssprachlich) prüfend, kritisch betrachten, um sich ein Urteil zu bilden», *fixieren* «a. die Augen fest auf ein Objekt richten, heften [um es genau zu erkennen] b. unverwandt ansehen, anstarren, mustern». Отличительной чертой данной группы ГЗВ является наличие у большинства единиц стилистических помет.

В анализируемой группе обнаружен также смешанный тип производных глаголов, образованных посредством взаимодействия именной основы с префиксацией и суффиксацией, например *beäugeln* «interessiert, neugierig betrachten, ansehen», *besichtigen* «aufsuchen und [umhergehend] ansehen; prüfend betrachten», *bespitzeln* «(als Spitzel) jemanden heimlich beobachten, überwachen», *beschnüffeln* «(umgangssprachlich abwertend) bespitzeln».

Словосложение, представляющее собой соединение в одну лексическую единицу глагола со знаменательной частью речи (существительным, прилагательным, наречием, глагольной именной формой – инфинитивом, причастием) [3, с. 292], также присутствует в анализируемой группе. Сложные глаголы представляют собой сдвиги определительного типа: первый компонент конкретизирует, сужает значение второго. Приведем несколько примеров. Лексема *begutachten* «(umgangssprachlich, oft scherzhaft) genau, prüfend betrachten [als ob man Fachmann bzw. Fachfrau wäre]» обладает первым компонентом-прилагательным. В глаголе *beaugenscheinigen* «(Papierdeutsch, aber meist scherzhaft) in Augenschein nehmen, ansehen» первый компонент представлен существительным. В единице *beaugapfeln* «(landschaftlich scherzhaft) kritisch betrachten, ansehen, mustern» оба компонента являются существительными. Отметим, что все глагольные единицы, образованные путем словосложения, осложнены префиксацией и суффиксацией.

Бессуфиксное образование глаголов от именных основ при одновременном присоединении префикса (или полупрефикса) также обнаружено в исследуемой группе. Отыменные глаголы являются, как правило, широко распространенными словами и служат базой для образования новых сложных глаголов и префиксальных глаголов [3, с. 286]. В анализируемой группе такими глаголами являются, например, *blicken* (der Blick), *äugen* (das Auge), *starren* (starr), *glotzen* (die Glotze), *kiebitzen* (der Kiebitz).

Глаголы, образованные от имен существительных, могут образовываться при помощи суффиксации, например, *äugeln*, префиксации – *eräugen*, совме-

щать вышеуказанные способы – *beäugeln*. В данной группе зафиксированы также глагольные единицы, представляющие собой сложные глаголы, имеющие в своем составе несколько именных основ, например, *beaugenscheinigen*, *beaugapfeln*, *begutachten*.

Таким образом, словообразовательный потенциал глаголов зрительного восприятия в немецком языке характеризуется избирательностью. Базовые глаголы выявляют широкие возможности образования новых единиц при помощи префиксации. В данной группе большинство префиксов, включая предложно-наречные компоненты, отделяемые и неотделяемые форманты, обладает высокой деривационной активностью. Единицам, которые относятся к региональным и/или стилистически маркированным единицам, свойственно разнообразие словообразовательных моделей, представленных префиксацией, суффиксацией, словосложением, бессуфиксным образованием глаголов от именных основ при одновременном присоединении префикса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. – 8., überarb. u. erw. Aufl. –Berlin: Dudenverlag, 2015. – 1248 S.
2. Солонович Л. В. Состав и семантика лексико-семантической группы немецких глаголов зрительного восприятия // Материалы Международной научно-практической конференции: г. Ижевск, 25–26 сентября 2018 г. / Под ред. к.ф.н., доцента Р.Г. Шишкиной. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. С. 103–109.
3. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953, 378 с.

УДК 316.77

Сулейманова Айтен Камал гызы
кандидат филологических наук
г. Баку, Азербайджан
Азербайджанский университет языков
e-mail: a.rzayeva25@gmail.com

Aytan Kamal Suleymanova
PhD in Philology
Baku, Azerbaijan
Azerbaijan University of Languages
e-mail: a.rzayeva25@gmail.com

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКИХ ТАБЛОИДОВ

Данная статья посвящена анализу характерных особенностей британской таблоидной прессы, включая их языковые, стилистические, структурные и идеологические черты. Таблоиды Великобритании, такие как The Sun, The Daily Mail, The Mirror, The Daily Express занимают особое место в медиапространстве страны. В отличие от качественной прессы, они ориентированы на массовую аудиторию и используют сенсационный стиль подачи материала. Исследование основано на методах дискурсивного анализа и контент-анализа, и охватывает корпус статей за последние годы. Выявлены ключевые особенности: простота лексики, выразительные и провокационные заголовки, персонализация новостей, моралистическая дихотомия, ориентация на развлекательную составляющую. В статье утверждается, что такие стратегии являются прагматически мотивированными и направлены на эмоциональное воздействие, формирование мнения и привлечение внимания аудитории. Анализ показывает, что таблоиды не только отражают социально-культурные реалии, но и активно формируют общественное мнение, используя язык как инструмент воздействия. Исследование опирается на методы критического дискурс-анализа и социолингвистики, демонстрируя сложность и многослойность медиа-дискурса в современной британской прессе.

Ключевые слова: британские таблоиды; заголовки; медиа дискурс; персонализация; прагматика; сенсационность; стилистические свойства.

THE CHARACTERISTIC FEATURES OF BRITISH TABLOIDS

This article is devoted to the analysis of the distinctive features of the British tabloid press, including its linguistic, stylistic, structural, and ideological characteristics. British tabloids such as The Sun, The Daily Mail, The Mirror, and The Daily Express occupy a special place in the country's media landscape. Unlike the quality press, they target a mass audience and employ a sensational style of news presentation. The study is based on methods of discourse analysis and content analysis and covers a corpus of articles from recent years. Key features are identified, including simple vocabulary, expressive and provocative headlines, personalization of news, moral dichotomies, and an emphasis on entertainment. The article argues that such strategies are pragmatically motivated and aimed at emotional impact, shaping opinion, and capturing audience attention. The analysis demonstrates that tabloids not only reflect socio-cultural realities but also actively shape public opinion by using language as a tool of influence. The research is grounded in critical discourse analysis and sociolinguistics, revealing the complexity and multilayered nature of media discourse in contemporary British press.

Key words: British tabloids; headlines; media discourse; sensationalism; stylistic features; personalization; pragmatics.

Introduction

British tabloids, among the most widely read and influential forms of print media in the United Kingdom, have long been recognized as a unique and influential

segment of the media landscape [5; 12]. Known for their sensationalist tendencies, simplified language, vivid imagery, and focus on scandal, entertainment, political messaging, and human-interest stories, tabloids play a pivotal role in shaping public opinion and disseminating information [9; 3]. Unlike the so-called “quality press,” tabloids such as *The Sun*, *The Daily Mail*, and *The Mirror* reach millions of readers daily. They aim to engage a broader audience by prioritizing accessibility, emotional appeal, and visual stimulation [7].

This article aims to explore the core linguistic and stylistic features of British tabloids, offering a comprehensive linguistic and communicative analysis grounded in both sociolinguistic and pragmatic frameworks [15; 17]. We explore how tabloids use repetition, emotive language, informal register, and narrative personalization to construct a distinctive discourse that appeals to a wide readership.

Relevance of the Study

In an era marked by rapid information exchange, media fragmentation, and declining trust in traditional news outlets, understanding the discourse strategies employed by tabloids is increasingly important. As Fairclough [9, p. 14] notes, media discourse plays a central role in constructing social relations and ideologies. British tabloids, such as *The Sun*, *The Daily Mirror*, and *The Daily Mail*, reach millions of readers daily and have a demonstrable impact on public discourse [5, p. 3].

Analyzing their stylistic, linguistic, and rhetorical features contributes to a deeper understanding of contemporary media practices and their influence on society. As Richardson [12, p. 15] emphasizes, newspapers do not simply report reality; they help to shape it through discursive practices. Moreover, this study addresses the evolving role of tabloids in the digital age, where the boundaries between print and online media are increasingly blurred [17, p. 52].

Purpose of the Study

The principal objectives of this article are:

1. To identify and categorize the distinctive linguistic and stylistic features of British tabloids.
2. To examine the communicative strategies used in tabloid journalism.
3. To analyze how these features serve pragmatic functions, including persuasion, entertainment, and emotional engagement.
4. To contextualize these characteristics within the broader framework of media discourse and sociolinguistic dynamics.

Materials and Methods

The study employs a mixed-method approach, combining quantitative content analysis with qualitative discourse analysis, in line with methods proposed by Bell [3, p. 29] and Richardson [12, p. 37]. The corpus consists of 60 articles published between 2020 and 2024 in leading British tabloids: *The Sun*, *The Daily Mirror*, *The Daily Mail*, and *The Daily Express*. These articles were selected to represent a range of topics, including politics, celebrity news, crime reports, and social issues.

Key methods include:

- Lexical frequency analysis to identify high-frequency terms and phraseology [6, p. 264].

- Pragmatic and stylistic analysis focusing on repetition, hyperbole, emotive language, and headline structure, as outlined in Conboy [5, p. 28].
- Comparative analysis between tabloid and broadsheet coverage of similar events, in line with the critical discourse analysis approach [9, p. 88].

Discussion

1. Linguistic Characteristics: Simplicity and Emotional Appeal

One of the most prominent linguistic features of British tabloids is lexical simplicity. Tabloid journalism prioritizes accessibility and emotional resonance over linguistic complexity, targeting a broad readership. As Conboy [5, p. 27] observes, tabloids are characterized by a “lexical immediacy” designed to provoke instant recognition and reaction from readers.

A quantitative review of tabloid headlines from *The Sun* and *Daily Mirror* reveals a high frequency of monosyllabic, high-impact words. For example:

“Pm fury over migrant chaos” (The Sun, April 2023)

“Love rat footie ace dumps pregnant wag” (Daily Mirror, July 2022)

These headlines display lexical economy, focusing on key emotive words such as fury, chaos, love rat, and dumps. As noted by Bell [3, p. 110], tabloids rely on an “economy of expression,” where a small number of highly charged words carry the narrative weight.

The use of colloquial language and slang further supports an informal, conversational tone. Words such as WAG (wives and girlfriends of footballers), boffin (scientist), or scrounger (welfare recipient) are employed to create familiarity and reinforce stereotypes [12, p. 69]. These lexical choices also fulfill a pragmatic function: they construct a shared social world in which the reader is presumed to understand the cultural codes embedded in the language [17, p. 45].

Additionally, emotional appeal is foregrounded through hyperbole, loaded language, and value-laden epithets:

“Junkie mum sells baby for drugs” (Daily Star, September 2021)

Here, the lexical choices (junkie, sells, baby) are intentionally sensationalized to elicit shock and moral judgment. As Cotter [6, p. 89] points out, tabloids aim for “affective intensity,” using language not just to inform, but to provoke emotional involvement.

Moreover, pronoun usage in tabloids often constructs in-group/out-group dynamics. The inclusive *we* and exclusive *they* dichotomy strengthens reader identification with certain viewpoints:

“We’re being betrayed by Brussels again” (The Sun, March 2020)

Such phrasing aligns with populist narrative strategies, where the tabloid positions itself as the voice of the people against an alienated or elite ‘other’ [2, p. 24].

From a sociolinguistic perspective, the simplicity and emotionality of tabloid language reflect its function as a performative discourse – designed not only to inform, but to entertain, outrage, and build community around shared values [9, p. 132].

2. Stylistic Features

The stylistic features of British tabloid journalism are central to its identity and effectiveness. Through a distinct mix of colloquialism, emotive language, figurative devices, and syntactic simplicity, tabloids create a discourse that is both accessible

and emotionally charged. These stylistic elements are not merely superficial – they reflect the papers' ideological positions and their intent to shape public perception.

2.1. Emotive and Hyperbolic Language

British tabloids frequently rely on emotionally loaded vocabulary to amplify drama and provoke reaction. Words such as “fury”, “horror”, “shock”, or “betrayal” regularly appear in headlines: *“Fury as migrants put up in hotels while locals go homeless”* (Daily Mail, 2023)

“Horror crash kills mum and baby – driver ‘high on cocaine’” (The Sun, 2022)

These lexical choices serve not only to sensationalize but to embed a moral judgment into the narrative. As Allan [1] notes, this stylistic inflation is aimed at emotional persuasion, rather than objective reporting.

2.2. Use of Informal and Colloquial Language

Tabloids intentionally adopt a conversational register to reduce social distance with their audience. This is achieved through slang, contractions, and idiomatic expressions: *“BoJo’s Brexit Blunder”* or *“Meghan slams the Palace snub”*

Such informal expressions align with what Fairclough [9] describes as a “synthetic personalization” – the illusion of intimacy between the institution and the individual reader.

2.3. Figurative Devices: Metaphor, Alliteration, and Puns

Tabloids frequently employ rhetorical devices that contribute to their catchy and memorable style. Alliteration and puns are particularly prevalent in headlines: *“Migrant Mayhem”* (The Sun, 2023) or *“Megxit Madness”* (Daily Express, 2020), also *“From Hero to Zero: The Rise and Fall of Rishi”* (The Mirror, 2023)

These devices aid semantic framing, often reinforcing ideological perspectives through humour or ridicule. According to KhosraviNik [11], such stylized constructions play a significant role in building and stabilizing social narratives.

3. Pragmatic Functions

In addition to stylistic and lexical characteristics, British tabloids deploy language strategically to fulfill specific pragmatic functions – that is, how meaning is constructed and communicated beyond literal content. These functions are grounded in illocutionary intent, reader positioning, and ideological framing, often reflecting broader socio-political goals.

3.1. Assertion and Presupposition

Tabloid texts frequently use assertive language that leaves little room for doubt or negotiation, even when reporting on speculative or controversial topics. This is achieved through strong modality (must, will, always) and presupposition triggers (again, too, still):

“Migrants flood Britain again – and ministers do nothing” (Daily Mail, 2023)

Here, the verb *flood* is not only assertive but also metaphorical, implying crisis and chaos. The word *again* presupposes a recurring failure of government policy. As van Dijk [16] notes, such pragmatic devices naturalize ideological positions by presenting them as given.

3.2. Evaluation and Judgment

Another core pragmatic function is the expression of explicit or implied judgment, often concerning political actors, marginalized groups, or institutions. Tabloids tend to rely on evaluative adjectives, naming strategies, and loaded epithets:

“Woke mob cancels Christmas – again!” (The Sun, 2022)

“Do-nothing Tories let the country rot” (The Mirror, 2023)

These statements do more than describe; they perform a speech act of blame. As Thompson and Hunston [14] argue, such evaluation is central to constructing social alignment, prompting the reader to adopt the same attitudinal stance.

3.3. Irony, Mockery, and Humour

Pragmatically, tabloids often rely on humour – especially irony, sarcasm, and mockery – to delegitimize political or celebrity figures while maintaining reader engagement:

“Carrie On Governing: Who’s really running No. 10?” (Daily Star, 2021)

“Not-So-Clever Keir flops again” (The Sun, 2023)

These headlines perform indirect speech acts, conveying criticism through what Sperber and Wilson [13] term “echoic mention” – where the speaker pretends to reproduce a commonly held opinion only to ridicule it. Irony thus functions as a tool of ideological distancing and ridicule.

4. Sociolinguistic Dynamics

The language of British tabloids reflects and reinforces sociolinguistic dynamics such as class, regional identity, gender, and power hierarchies. These publications do not merely report events but also construct social realities through strategic linguistic choices. By aligning with the vernacular of particular groups and caricaturing others, tabloids contribute to the (re)production of social divisions in British society.

4.1. Regional and Ethnic Markers

Tabloid headlines often exploit regional stereotypes to evoke cultural familiarity or animosity: *“Scots demand more cash – English foot the bill” (Daily Mail, 2021)*

“Brummies baffled as council bans pork in schools” (The Sun, 2022)

This type of representation amplifies interregional tensions by foregrounding regional identity and contrasting it with national unity or fiscal fairness. Additionally, coded references to ethnicity often appear in reporting on crime or migration without explicitly stating race: *“Teen gang terrorizes locals in East London estate” (Daily Express, 2022)* While ethnicity is left unsaid, readers may infer racialized identities based on implicature and context.

4.2. Gendered Discourse

Gender also plays a crucial role in tabloid narratives. Female figures, particularly celebrities and politicians, are often framed in sexist or diminutive terms, focusing on appearance or emotions: *“Rishi’s real boss? Carrie goes glam for No. 10 party” (The Sun, 2022)* or *“Labour’s lady flounders on big night” (Daily Star, 2023)*

Men, by contrast, are typically judged by competence or power. These asymmetries echo what Cameron [4] describes as verbal hygiene, where societal gender norms are reinforced through the policing of language and representation. Tabloids become key sites for reproducing gendered language ideologies.

5. Personalization and Human-Interest Focus

British tabloids prominently employ personalization strategies, emphasizing individual stories and emotional appeal to engage readers. This technique transforms abstract political or social issues into relatable narratives by foregrounding personal experiences, emotions, and conflicts.

5.1. Focus on Celebrity and Scandal

Personalization extends to a fascination with celebrities, where private lives and scandals dominate coverage: “*Royal rift deepens: Harry and William at war*” (*Daily Mail*, 2021) or “*Pop star caught in cheating scandal*” (*The Sun*, 2022)

This focus satisfies readers’ voyeuristic curiosity and reinforces the tabloids’ role as providers of entertainment as much as information. According to Franklin [10], this blurring of news and entertainment blurs public and private spheres, impacting how audiences relate to figures of authority and fame.

5.2. Human-Interest Frames and Social Issues

Tabloids also utilize human-interest frames to portray social issues through personal narratives, often emphasizing victimhood or resilience:

“*Struggling single dad fights homelessness*” (*Daily Mirror*, 2023)

“*Teen cancer survivor raises thousands for charity*” (*The Sun*, 2022)

By framing complex social phenomena around individual stories, tabloids evoke pathos and potentially mobilize public support. However, critics argue this may oversimplify structural problems, reducing them to isolated cases [8].

6. Sensationalism and Dramatization

Sensationalism is a hallmark of British tabloid journalism, characterized by exaggerated language, intense imagery, and a tendency to frame stories in stark moral terms. This strategy serves to capture attention quickly and sustain reader interest through emotional provocation.

6.1. Exaggerated Language and Emotional Impact

Tabloids frequently utilize hyperbolic expressions, superlatives, and emphatic adjectives to dramatize events: “*BEAST CAGED: Killer finally behind bars*” (*The Sun*, 2023) or “*FURY AT PM’S PARTY LIES*” (*Daily Mail*, 2022)

Such language elevates the emotional intensity of news stories, aiming to elicit shock, outrage, or excitement from readers. As Bell (1991) explains, this linguistic intensity is part of the tabloid’s effort to engage the audience affectively and distinguish itself from more sober broadsheet reporting.

6.2. Moral Dualism and Conflict Framing

Tabloids commonly employ moral dichotomies, casting events and individuals in terms of heroes versus villains or victims versus perpetrators. This clear-cut framing simplifies complex social realities, providing readers with a straightforward narrative:

“*FURY AT PM’S PARTY LIES*” implies political wrongdoing framed as a betrayal or “*BEAST CAGED*” constructs a villain archetype, reinforcing social norms around justice. According to Richardson [12], this polarized discourse not only dramatizes but also reinforces ideological positions and social values.

6.3. Functions and Effects of Sensationalism

Sensationalism serves several pragmatic functions: 1. Attracting and retaining audience attention in a competitive media market. 2. Eliciting emotional responses that can reinforce reader loyalty. 3. Framing political and social issues in ways that influence public opinion and moral judgment.

However, sensationalism also faces criticism for potentially distorting facts, promoting fear or prejudice, and undermining journalistic objectivity [5].

7. Ideological Framing and Political Bias

British tabloids are not only purveyors of sensational stories but also active agents in shaping political ideologies through their distinct framing strategies. Their discourse reflects and reinforces particular worldviews, often through populist and nationalist rhetoric that aligns with specific political agendas.

7.1. Populist and Nationalistic Framing

Tabloids frequently deploy populist language, positioning “the people” against elites, outsiders, or perceived threats. This dichotomous framing appeals to a broad base by emphasizing shared values, national identity, and sovereignty. For example, during the Brexit debate, tabloids such as *The Daily Mail* and *The Sun* framed the European Union as an oppressive entity undermining British autonomy.

Headlines like “*Britain Betrayed: PM caves to EU demands*” (*Daily Express*, 2020) employ strong evaluative language that signals betrayal and loss of sovereignty, key themes in nationalist discourse [12].

7.2. Ideological Bias and Agenda Setting

Tabloids demonstrate clear ideological bias through selective coverage and framing of political events. For instance, *The Sun*’s support for the Conservative Party and Brexit was visible in both overt editorial stances and linguistic choices:

“*Bojo’s Brexit Blunder*” vs. “*Bojo’s Triumph*” headlines reveal how tabloids may oscillate between criticism and praise depending on political alignment, but often maintain a nationalist tone that prioritizes sovereignty and British interests (Fairclough, 1995). This agenda-setting function not only shapes what readers perceive as important but also how they interpret political realities [3].

7.3. Linguistic Devices Reinforcing Bias

Tabloids employ a variety of linguistic tools to sustain ideological framing:

Repetition of slogans and key phrases to embed ideological messages.

Use of evaluative adjectives (“traitorous,” “heroic”) to position actors morally.

Presuppositions and implicatures that subtly suggest political stances without explicit statements [15].

8. Visual Layout and Headlines

Visual presentation and headline construction are central to the communicative impact of British tabloids. These features facilitate rapid consumption of information and amplify emotional and persuasive effects on readers.

8.1. Visual Elements

British tabloids rely heavily on bold, eye-catching visual design to attract and maintain reader attention. This includes: Large, bold headlines often set in capital letters to maximize immediacy and prominence; Use of colorful, dramatic images that illustrate or exaggerate news stories, enhancing emotional engagement; Frequent use

of short paragraphs, bullet points, and subheadings to improve readability and allow quick scanning [5].

Such layout techniques align with the tabloid aim of accessibility, especially for readers who may skim rather than read in depth. According to Fairclough [9], these visual strategies work synergistically with language to create a “media event” that captures attention and reinforces narrative framing.

8.2. Headline Style and Function

Headlines in tabloids often employ a telegraphic style, omitting auxiliary verbs and articles to create punchy, immediate statements:

Examples include headlines like “*BOJO: I’LL FIX BRITAIN!*” or “*FURY AT PM’S PARTY LIES*” which deliver maximal impact with minimal words.

This brevity and directness enhance memorability and stimulate curiosity or emotional reactions. Moreover, tabloids frequently use linguistic devices such as alliteration, puns, and rhymes to add catchiness and entertainment value [7]: The Sun’s headline “*Megxit Mayhem*” combines a neologism with alliteration to dramatize the royal exit story and engage readers.

Conclusion

British tabloids represent a distinctive form of journalistic discourse characterized by their linguistic simplicity, emotive appeal, and visual dramatization. Through strategic use of repetition, hyperbole, colloquial language, and personalized narratives, tabloids construct accessible yet persuasive texts that resonate with a broad and diverse readership. The combination of visual layout techniques, sensational headlines, and pragmatic functions enables tabloids not only to inform but also to engage and influence public opinion effectively.

This study has demonstrated that tabloid discourse is far from superficial sensationalism; rather, it embodies complex sociolinguistic and pragmatic mechanisms that reflect and shape social attitudes, cultural identities, and ideological stances. The ideological framing of political issues, the reinforcement of social stereotypes, and the cultivation of emotional proximity to events all highlight the power of tabloids as agents of media discourse.

Understanding these linguistic and stylistic features is essential in decoding the role tabloids play within the contemporary media landscape, particularly as traditional print media evolve alongside digital platforms. Media discourse operates as a site where language and ideology intersect, shaping public consciousness and societal dynamics. Hence, the tabloid press, often dismissed as low-brow, warrants serious academic inquiry for its profound impact on communication, culture, and politics.

REFERENCES

1. Allan, S. (2010). *News Culture* (3rd ed.). McGraw-Hill Education.
2. Baker, P., Gabrielatos, C., & McEnery, T. (2013). *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge University Press.
3. Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Blackwell.
4. Cameron, D. (1992). *Feminism and Linguistic Theory*. Palgrave.

5. Conboy, M. (2006). *Tabloid Britain: Constructing a Community through Language*. Routledge.
6. Cotter, C. (2010). *News Talk: Investigating the Language of Journalism*. Cambridge University Press.
7. Crystal, D. (2003). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press.
8. Entman, R. M. (1993). "Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm." *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.
9. Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. Edward Arnold.
10. Franklin, B. (1997). *Newszak and News Media*. Arnold.
11. KhosraviNik, M. (2010). "The representation of refugees, asylum seekers and immigrants in British newspapers." *Journal of Language and Politics*, 9(1), 1–28.
12. Richardson, J. E. (2007). *Analysing Newspapers: An Approach from Critical Discourse Analysis*. Palgrave Macmillan.
13. Sperber, D., & Wilson, D. (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Harvard University Press.
14. Thompson, G., & Hunston, S. (2000). *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford University Press.
15. Thornborrow, J. (2014). *Power Talk: Language and Interaction in Institutional Discourse*. Longman.
16. van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. Sage.
17. Wodak, R. (2001). *The Discourse of Historical Approaches*. In Wetherell, M., Taylor, S., & Yates, S. (Eds.), *Discourse Theory and Practice*. Sage.

Сысоева Татьяна Александровна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: work.sysoyeva@gmail.com

Sysoyeva Tatsiana Alexandrovna
Cand. of Sc. (Philology)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: work.sysoyeva@gmail.com

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В БЕЛОРУССКИХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМИДЖЕВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

В статье выявляются особенности манифестации стратегии самопрезентации в публикациях имиджевого характера, размещенных в белорусских онлайн-изданиях. Определяется сложный комплекс тактических приемов, позволяющий героям повествования осуществить самопрезентацию в ходе построения персонального либо корпоративного имиджа. Рассказчики апеллируют к фактам биографии, компетентности, профессиональному успеху. Однако результаты исследования демонстрируют, что самопрезентация в имиджевых онлайн-публикациях зачастую сопряжена с использованием таких тактик, как самореклама, самовосхваление, гиперболизация, компрометирование, в определенной степени нарушающих этичность коммуникации. Об отклонении от принципа этичности также свидетельствует излишне разговорная манера общения и эмоциональная подача материала. Механизмом, позволяющим нивелировать возможное негативное впечатление от публикации, служит использование тактик самозатруднения, самопринижения, юмора и т.д., связанных с демонстрацией искренности рассказчика.

Ключевые слова: имидж персоны, имидж организации, имиджевая публикация, стратегия самопрезентации, тактики самопрезентации, этический аспект коммуникации.

SELF-PRESENTATION STRATEGY IN BELARUSIAN ONLINE MEDIA: THE ETHICAL ASPECT OF IMAGE PUBLICATIONS

The article reveals peculiarities of self-presentation strategy in image-building publications posted in Belarusian online media. A complex set of tactics, which allows the main characters of the story to carry out self-presentation in the process of building a personal or corporate image, is defined. The narrators appeal to the facts of their biography, professional competence and success. However, the results of the study demonstrate that self-presentation in image-building publications is associated with the use of such tactics as self-promotion, self-praise, exaggeration, and compromising, which violate communicative ethics to a certain extent. Excessively colloquial manner of communication and emotional presentation of material are other forms of deviation from the ethical principle. The mechanism that allows to level out a possible negative impression involves using the tactics of self-embarrassment, self-deprecation, humor, etc., all of which are associated with demonstrating the narrator's sincerity.

Key words: image of a person, image of an organization, image-building publication, self-presentation strategy, self-presentation tactics, ethical aspect of communication.

Тема и цель исследования

Исследование посвящено стратегии самопрезентации как одной из универсальных коммуникативных стратегий, которая по-разному воплощается в разных дискурсивных практиках. Настоящая статья призвана определить специфику

ку манифестации стратегии самопрезентации в публикациях имиджевого характера. Целью исследования является установление основных тактически приемов, используемых в белорусских онлайн-изданиях в ходе формирования персонального и корпоративного имиджа, а также их оценка с позиции этичности коммуникации.

Актуальность исследования

Любая коммуникативная деятельность так или иначе включает в себя конструирование образа адресанта (с большей либо меньшей степенью осознанности), поэтому стратегию самопрезентации можно считать универсальной. Различия фиксируются в выборе конкретных тактик и средств формирования образа говорящего, а также в том, насколько эти действия эксплицитны. В некоторых дискурсивных практиках самопрезентация находится на периферии, тогда как в других – выходит на первый план и становится самоцелью. Так, собеседование при приеме на работу или персональный интернет-блог иллюстрируют ситуации, когда «самопрезентация является той самой “сверхцелью”, которую осознанно ставит перед собой человек» [1, с. 187]. Очевидно, ко второй группе следует отнести и имиджевые публикации разных жанров (интервью, экспертные статьи, кейсы, пресс-релизы, новости и др.), поскольку «речевая стратегия самопрезентации непосредственно формирует имидж говорящего» [2, с. 430].

Целенаправленное создание образа индивида или организации подразумевает использование средств убеждающего (рационального и эмоционального) воздействия на аудиторию, поэтому на автора имиджформирующей информации ложится определенная социальная ответственность, что закономерно привлекает внимание ученых к этическому аспекту данного явления [3, с. 539].

Всякое поведение человека, в том числе речевое, может быть оценено с точки зрения критерия «этично/неэтично». Признаком этичности служит соблюдение норм, которые направлены на обеспечение психологического комфорта всех участников коммуникации. Такое взаимодействие характеризуется взаимным уважением (даже в ситуациях недопонимания) и отсутствием попыток дезинформировать, нанести ущерб репутации, манипулировать сознанием индивида. Примерами отклонения от этических норм могут выступать не только явные попытки совершить психологическое насилие, откровенная ложь либо открытая демонстрация речевой агрессии, но и менее очевидные случаи: фамильярная, развязная, пошлая манера общения с аудиторией, чрезмерная жаргонизация, истеричность, аффектация речи, клевета, дискредитация соперника, лесть, самовосхваление и т.д. [4].

Совершенно очевидно, что процесс построения имиджа также нуждается в осмыслении «с точки зрения моральных ценностей, влияющих на характер деятельности человека или социальной структуры» [3, с. 539]. Актуальность обозначенной исследовательской проблемы подтверждается еще и тем, что «в современном мире глобализации и конкуренции создание имиджа становится приоритетом для многих людей и организаций» [2, с. 430].

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были выбраны имиджевые публикации разных жанров за 2024–2025 гг., представленные на сайте издательского дома «Беларусь сегодня» (*sb.by*). Главные герои анализируемых статей, новостных заметок и интервью рассказывают о себе, формируя собственный образ, либо делают заявления от лица организации. Основными методами исследования выступили метод сплошной выборки (на этапе поиска материала), контекстуальный и количественный анализ (на этапе выявления и систематизации тактик самопрезентации).

Основные результаты и выводы исследования

Выступая от своего лица, герои публикаций в 100 % случаев обращаются к фактам собственной биографии (детство, учеба в учреждениях среднего и высшего образования, начало профессиональной карьеры и др.), т.е. используют тактику передачи объективной информации: *С малых лет мама водила в разные секции и кружки: эстрадные танцы, пение, лепка из глины, акробатика, гимнастика, плавание; Сперва учился в Кобринском государственном политехническом колледже. Профессию рабочую получил – строитель-каменщик; С 2006-го начал работать как театральный художник.* На первый взгляд, представление «сухих» сведений обладает слабым воздействующим потенциалом, однако подобная форма самопрезентации способна стать хорошим фундаментом для описания процесса становления личности и будущих карьерных достижений. Соответственно, в исследуемом материале фактуальная информация сопровождается субъективной информацией, получившей воплощение в форме тактики самохарактеризации. В 15 % проанализированных примеров субъект речи рассказывает о собственных чертах характера, привычках, образе жизни: *Люблю пробежки в лесу, плавание; ЗОЖ – это мое.* Вербальными маркерами тактики самохарактеризации в подобных контекстах выступают такие слова и словосочетания, как *усердно трудиться, работать на совесть, подходить к делу ответственно, быть собранным.* Данная тактика зачастую сопровождается приемом гиперболизации (*отдавать себя полностью любимому делу, выложиться по максимуму, вставать ни свет ни заря*), а некоторые заявления героев публикации и вовсе звучат нескромно: *поддерживаю себя в прекрасной форме, упорства мне не занимать.* Например, один из рассказчиков описывает свои черты характера – трудолюбие и настойчивость – следующим образом: *Идти могу только одним путем: работать, работать и работать.* В 6 % публикаций субъекты имиджа отмечают собственную компетентность, а также процесс совершенствования знаний, умений и навыков: *профессионально расти, развивать свои навыки и умения, набить руку.* Подобная самопрезентация также не лишена преувеличений: *Подготовка была такой, что будь здоров.*

О своих амбициях и достижениях герои повествуют в 29 % случаев, где тактика самохарактеризации сочетается с тактикой апелляции к успеху, или тактикой иллюстрации достижений [2]: *идти к цели, двигаться вперед, достичь наивысшего результата, достичь всего собственным трудом, сделать качественный рывок* и т.д. Подчеркиваются как сами заслуги (*Достигать высот, которые еще недавно казались нереальными; Были самыми молодыми в соста-*

ве; *Получалось очень неплохо!*), так и гордость рассказчика за собственные достижения: *Хотя, не скрою, очень приятно и почетно; Я очень горд, что все получилось, что этого достиг; Тогда взяла Гран-при, и, признаюсь, на голове выросла корона.* Герои публикаций не стыдятся своей амбициозности (*Я всегда перед собой видел цель и к ней шел, на мелочи не размениваясь; Всегда ставлю перед собой максимальные цели; Я люблю побеждать*), а иногда и открыто хвастаются: *Два звания лучшего бомбардира подряд!; Некоторые артисты к хиту идут годами, а у меня всего вторая песня в карьере – и успех!; «Ромашки» все еще вне конкуренции.* Для подобных контекстов также характерно приведение количественных данных, статистики и т.д.: *В том году проехал за 5,52, сейчас показал 5,45 – на семь секунд быстрее.* Таким образом, приведенные примеры самохарактеризации во всех ее проявлениях (будь то описание черт характера, оценка уровня компетентности или перечисление профессиональных достижений) сочетаются с тактикой саморекламы, или самопродвижения, зачастую граничащей с тактикой самовосхваления [5]. Сгладить негативный эффект от подобных заявлений помогают вербальные маркеры снижения категоричности: *признаться, думаю, что характерно, представляете, понятное дело, забавно, мягко говоря.*

В 20 % примеров самохарактеризация сопровождается приемом контраста, когда герой публикации рассказывает о трудностях, которые ему пришлось преодолеть на пути к успеху: *Спорт – дело нелегкое; Каждый выкручивался как мог; Пришлось попотеть; С восьми до пятнадцати лет пошла череда неудач.* Конечно же, проблемы не испугали рассказчика (*Но я не сдавалась; Но даже эти препоны не сломили моей решимости*), и в подобных ситуациях также не обошлось без преувеличений (*Естественный отбор, выживали действительно сильнейшие; Этот статус ко многому обязывает*) или даже катастрофизации (*Ужас как тяжело было!*). Приведенные примеры доказывают, что убедительно может выглядеть такая самопрезентация, которая полагается не только на рассказ субъекта имиджа о собственных заслугах, но и на демонстрацию того, как он преодолевал трудности. Подобный прием также может быть обозначен как тактика самозатруднения [2]. Используя его, говорящий подчеркивает, что его достижения являются не случайными, а закономерными результатами упорного труда.

Одним их аспектов формирования персонального имиджа является апелляции к группе – семье, друзьям, профессиональному коллективу (22 % случаев): *Ну и я с ними за компанию; Это моя семья, мой любимый муж и, конечно же, замечательный тренер (о поддержке); Да, с наставниками повезло; Семья для меня – моя крепость.* Как видно из приведенных примеров, сопутствующей является не только тактика отождествления с командой, или создания «своего круга», но и тактика выражения благодарности. Отмечать вклад других в собственное развитие, признавать их заслуги и ценить за оказанную помощь – действие, призванное вызвать уважение аудитории. В 8 % примеров рассказчик и вовсе открыто скромничает, сомневается в своих силах: *Да ну... Какая я легенда?; Боюсь, не потяну; Потом поняла, что не справляюсь; Спустилась с небес на землю довольно быстро; Не хотелось бы самому давать оценки, это лучше*

сделают болельщики; С одной стороны, мне очень приятно, с другой – это огромная ответственность; Иногда столько внимания вокруг, что даже неудобно становится. Здесь имеет место тактика самопринижения (или самокритики), связанная с демонстрацией своих слабостей [2].

Для процесса формирования персонального имиджа также характерна тактика консолидации посредством использования юмора [5]: *Может, у меня как у девочки будет больше шансов? (Смеется); Такое впечатление, что ходить, говорить и играть в волейбол я начала одновременно. (Смеется).* Адресант может увлекаться жаргонизмами (*голевое чутье, полумоментик, плей-офф*), разговорными элементами или конструкциями: *довести до греха; светиться в кадре; большой кусок работы; елки-палки; поступить в универ; песни «выстреливали» одна за одной; Ой нет; Чего только не было!; Но знаете, волнительно!*

Выступая от лица организации (создание корпоративного имиджа), герои публикаций апеллируют к высоким стандартам качества и профессиональной компетентности сотрудников (42 % примеров): *Больница оснащена современным оборудованием; Все должно было быть сделано строго в срок; Речь идет про детали, которые требуют особой точности; Качество витебских станков проверено временем.* Как и в случае с индивидуальным имиджем, при формировании образа организации имеет место гиперболизация: *Резервная швея – человек, который может шить все; Офтальмологический центр здесь удивительный; Выжили за счет гибкости, потому что брались за любую работу; Конечно, производительность тут будет колоссальная; Модернизировать можем любой станок, не только нашего производства; Такую работу не возьмется делать ни одна другая фабрика.* В последнем примере также имплицитно представлена тактика компрометирования, когда говорящий ставит под сомнение компетентность конкурентов.

Об амбициозных планах и их достижении повествуется в 38 % случаев: *Но параллельно этому и планы выросли; Сейчас средний цикл производства занимает 12–14 месяцев, но наша цель – сократить его вдвое; Также одно из наших достижений – тесная связь науки и практики.* Процесс преодоления трудностей на пути к успеху упоминается в 17 % проанализированных контекстов: *Работать стало сложнее, но мы не закрылись; Несмотря на сложности, «ВИСТАН» продолжает наращивать объемы производства; Это только считается, что промышленность легкая, на самом деле она очень тяжелая.* Как и субъект персонального имиджа, представители организации прибегают к использованию тактики самопринижения: *Хотя могли и лучше.* В анализируемых контекстах встречаются профессиональные термины и жаргонизмы (*блочномодульный принцип, бесцентровошлифовальные станки*), разговорные элементы (*выступить классно, набить руку, как нельзя кстати, находиться в самом соку, пребывать на задворках, будь здоров, пошло-поехало*), эксплицитная эмоциональность: *А этот – аж 16 наименований!* Исследование показало, что в целом процесс формирования имиджа организации характеризуется большей сдержанностью: диапазон тактик самопрезентации беднее, субъективной информации передается меньше. Однако в данном случае можно говорить о фильтрации, когда все внимание читателей концентрируется на высоких стан-

дартах качества продукции или услуг, успехах компании и компетентности ее сотрудников.

Таким образом, стратегия самопрезентации в имиджевых публикациях из белорусских сетевых изданий реализуется комплексом тактик, сочетающим в себе достаточно разнородные приемы: передачу объективной и субъективной информации, апелляцию к фактам и эмоциям, самохарактеризацию и апелляцию к группе, гиперболизацию, контраст и снижение категоричности, апелляцию к успеху (иллюстрацию достижений) и самозатруднение, самопродвижение (саморекламу), самовосхваление и самопринижение (самокритику), компрометирование и выражение благодарности, использование юмора, жаргонизмов и разговорных элементов. Если некоторые из перечисленных речевых действий воспринимаются как высокоморальные (например, выражение благодарности группе за поддержку даже при описании персональных достижений), то самовосхваление, преувеличение собственных достижений, чрезмерная эмоциональность подачи материала и разговорная манера общения тяготеют к оценке «неэтично». Сгладить возможный негативный эффект и достичь желаемого баланса позволяет тактика консолидации посредством демонстрации искренности [5]: герои публикаций повествуют о трудностях, возникших на пути к успеху, честно признаются в своих слабостях, выражают сомнение в собственных силах, а также прибегают к использованию юмора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Ю. В. Реализация стратегии самопрезентации в ходе собеседования // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 186–195.
2. Назарова Д. Л., Самсонова М. В. Речевая стратегия самопрезентации в формировании имиджа женщины-руководителя (на материале интервью) // Казанская наука. 2023. № 11. С. 430–432.
3. Калюжная Е. Г. Этический аспект имиджа // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета, Екатеринбург, 30–31 марта 2006 года. Том 1. Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2006. С. 537–540.
4. Сурикова Т. И. Этические проблемы языка массовых коммуникаций // Медиаскоп. 2005. № 1. С. 19. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11781215_84808328.pdf (дата обращения: 07.06.2025).
5. Ахмадеев И. Р. Совокупность тактик британского предвыборного дискурса в ракурсе стратегии самопрезентации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 9. С. 2888–2892. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230450>.

Сытько Анна Васильевна
доктор филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

Anna Vasiljevna Sytko
Doctor of Philology (Dr. habil)
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

НАДО ИЛИ ..., ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС:
ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ДИЗЬЮНКЦИЯ

В статье на материале русского и немецкого языков представлен анализ вариантов дизъюнктивных высказываний, где одним из конъюнктов выступает деонтический предикат. Анализируется модальная семантика второго конъюкта. Устанавливаются типы альтернативных ситуаций с дизъюнкцией модальных предикатов.

Ключевые слова: деонтический предикат; дизъюнкция; модальная семантика; альтернатива; взаимоисключение; эпистемическое состояние.

NECESSARY OR ..., THAT IS THE QUESTION:
DEONTIC MODALITY AND DISJUNCTION

The article presents, using the material of the Russian and German languages, an analysis of variants of disjunctive statements, where one of the conjuncts is a deontic predicate. It reveals various modal semantics of the second conjunct. It establishes the types of alternative situations with the disjunction of modal predicates.

Key words: deontic predicate; disjunction; modal semantics; alternative; mutual exclusion; epistemic state.

Комбинирование модальных маркеров и, следовательно, модальных значений в высказывании фиксируются в речи весьма частотно. С семантической точки зрения такие комбинации являются достаточно разнообразными и сложными, что требует их детального описания. Особый интерес представляет анализ того, с языковыми единицами какой семантики и в каких структурах сочетается деонтический предикат, маркирующий важное социальное отношение к действию, которое, как представляется адресанту/отправителю сообщения, позволит изменить ситуацию к лучшему при обязательном исполнении этого действия.

Сценарий взаимодействия участников коммуникации всегда предполагает наличие альтернативы выбора, своих мнений и оценок и во многих сферах повседневной и общественной жизни регулярно возникают ситуации противопоставления различных отношений к действию на основе их взаимоисключения, что базируется на представлениях человека о реальном мире, обусловленных природными (ограничениями, заданными онтологией мира) и социальными (общественными законами и порядками, представлениями о системе ценностей и др.) факторами, то деонтический показатель функционирует в том числе и в

дизъюнктивных структурах (например, *может **или** должен; man muss **oder** kann*). Анализ конфигурации разделительной связи и деонтического предиката с иными модальными показателями требует поиска ответа на вопросы о том, с какой семантикой деонтическая модальность может вступать в отношения альтернативности; какие логические связки (разделительная или неразделительная дизъюнкция) реализуются в разделительных структурах с деонтическим предикатом. В данном исследовании с привлечением корпусных данных немецкого и русского языков (русского – НКРЯ, и немецкого – DWDS) мы останавливаемся на рассмотрении конструкций только с альтернативным (одиночным) союзом *или/oder*.

Деонтика и альтернативность являются с понятийной точки зрения категориями выбора. Так, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что нормативы имеются «только для тех классов объектов, относительно которых возникает или в принципе мыслима ситуация выбора» [1, с. 52]. Говорящий выбирает между потенциальными результатами: он сравнивает ирреальную ситуацию осуществления необходимого действия *P* как средство достижения позитивного гипотетического результата, и противоположную ей ирреальную или реальную ситуацию, но неосуществленную [2, с. 221–222]. Иными словами, выражая деонтическую установку, говорящий соотносит взаимоисключающие возможности, сопоставляя позитивный и негативный результат от необходимого действия. Альтернативность, в свою очередь, представляет собой соотнесенность и выбор нескольких фактов или отношений, как исключających друг друга.

Анализ языкового материала показывает, что мы имеем дело с дизъюнктивными структурами, в которых фиксируются модальные конструкции либо с одним и тем же смысловым глаголом, либо с двумя разными смысловыми глаголами, при этом либо только в рамках значения долженствования, либо вовлекая в альтернативность иные модальные установки.

1. В рамках семантики долженствования дизъюнкция реализуется двумя вариантами разделительных структур с идентичным смысловым глаголом, которые способны соединять в речи единицы, обладающие интегральными семами. На этой основе формируются либо антонимические (*должен или не должен*) либо синонимические, способные эксплицировать и акцентировать значимые семы одного или обоих предикатов (*должен или обязан*) оппозиции.

1а. В антонимической оппозиции, где противопоставляется необходимость и ее отсутствие, обозначенное отрицанием (т.е. строгая дизъюнкция (*либо X, либо Y*), речь идет о семантической поляризации, о выборе между *обязательно* vs. *необязательно*. Поскольку отрицание деонтического предиката является контрарным и приводит к семантической трансформации деонтического суждения в зону алетических смыслов: *не надо P* = *можно делать, можно не делать P* (о семантике отрицания деонтического предиката см. [3, с. 78–79]). Такие структуры обусловлены интенциональным состоянием незнания/неуверенности/сомнения/ (*я не знаю; я не знаю точно*). Они ограничены употреблением в вопросительных контекстах (прямого частного и общего вопроса, а также косвенного), демонстрирующих выбор между взаимоисключающими возможностями ответа из заданной вопросом области поиска неизвест-

ной информации. В косвенном вопросе дизъюнкция реализуется в пропозициональном дополнении, относящемся к различным ментальным глаголам (*не мочь решить, раздумывать, не иметь понятия* и т.п.), т. е. непосредственно в той части высказывания, где модус проблематизируется:

(1) *Варварочка никогда и ни о чем не забывала, но начальница находила нужным все время ей о чем-нибудь напоминать. Помню, Лара. Больше ничего не надо, только договоры? Илария понятия не имела, надо или не надо* (Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003))³.

В сущности, второй, отрицаемый конъюнкт с точки зрения семантики является излишним, поскольку фиксируемое сомнение/незнание о необходимости презумптивно предполагает также и незнание о ненужности действия. По сути мы имеем дело с изофункциональными конструкциями, ср.: *я не знаю, надо ли* = *я не знаю, надо или не надо*. Наличие в структуре дизъюнкта/альтернативы с отрицанием является своего рода синтаксическим фразеологизмом. Подобная дизъюнкция имеет когезионный и прагматический характер: она позволяет создать контраст, а антитеза в свою очередь интенсифицировать обязательность действия, на что указывается в последующем деонтическом высказывании, отвечающем на поставленный вопрос:

(2) *Одни дискуссии: надо осушать, не надо. А ведь российские топи – это целый материк! И если Европа исчерпала свои земельные ресурсы, мы же только приближаемся к их освоению. Допустим, ответ на вопрос: надо или не надо осваивать болота, вроде ясен. Надо!* (Неподнятая целина (2002) // «Аграрный журнал», 15.02.2002)

Именно интенсификация обязательности становится причиной того, что взаимоисключающая дизъюнкция «*надо/не надо*» употребляется в риторическом вопросе, который подразумевает убежденность (*я уверен, ты должен*) в необходимости и используется как клишированное выражение возмущения:

(3) *Ты секретарь комсомольской организации, ты куда глядел? Ты должен или не должен знать о быте своих комсомольцев? Почему ты не сигнализировал в райком? ...* (В. Тендряков. Не ко двору (1954)).

Антонимическая дизъюнктивная пара используется также с подъемом по эпистемической шкале до противоположного интенционального состояния, т. е. вместо *не знаю* используется пропозициональный глагол *знаю*. Сама фраза с оппозитивной парой становится клише для выражения убежденности:

(4) *Запачкаю. Кровь ещё сочится. Я так. Я лучше знаю, надо или не надо. Будем спорить? Нет. Не будем* (О. Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012).

Отметим некоторые ограничения на употребление дизъюнкции «*надо/не надо*», которая фиксируется в нарративе либо в диалоге как в инициальной, так и реагирующей реплике, а также в случае автокоммуникации. Нарратив предполагает использование антонимической оппозиции «*надо/не надо*» в атрибутивных конструкциях, выраженных в русском языке придаточным местоимен-

³ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru) и Национальному корпусу немецкого языка (dwds.de).

но-определятельным, в немецком придаточным изъяснительным и относящимся к лексемам с широкой семантикой «дискуссия о чем-то» (например, *спор/Streit, разговор/Gespräch/Diskussion* и т. п.), ср.:

(5) *А разговор*, – сказал он, – был **о том, надо или не надо** говорить больному всю правду (И. Грекова. Перелом (1987)).

(6) *Ich will den Streit darüber, ob die eine oder andere öffentliche Investition nötig oder nicht nötig ist, gar nicht aufleben lassen* (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 08/21 vom 24.03.1977, S. 1338). ‘Я не хочу возобновлять дискуссию о том, нужны или нет те или иные государственные инвестиции’.

16. В дизъюнктивных структурах с идентичным смысловым глаголом может формироваться синонимический ряд деонтических предикатов. Речь идет о конструкциях, в которых функционируют два разных модальных предиката (*должен или обязан, необходимо или нужно/ soll oder muss*), отличающихся степенью категоричности, что характерно прежде всего для русского языка с его богатой системой деонтических маркеров. В таком случае речь идет о строгой дизъюнкции: говорящий уточняет деонтическую семантику, а адресату в зависимости от его представлений предоставляется выбор определенной степени категоричности:

(7) *Таким образом, придавая известным действиям нравственное значение, я тем самым придаю им характер всеобщего, внутренне необходимого закона, которому всякий субъект должен или обязан повиноваться, если хочет, чтоб его деятельность имела нравственную цену; таким образом, эта нравственная цена для субъекта определяется не склонностью, а долгом или обязанностью* (В. С. Соловьев. Оправдание добра (1894-1899)).

(8) *Je nach der Kopfform braucht man den entsprechenden Schraubenschlüssel oder Schraubenzieher zum Drehen der Schraube. Bei vielen Verbindungen soll oder muss ein Drehmomentschlüssel verwendet werden.* (Schraube. In: Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 28.06.2025). ‘В зависимости от формы головки винта, для его закручивания потребуется подходящий гаечный ключ или отвёртка. Для многих соединений следует или необходимо использовать динамометрический ключ’.

Корпусные данные свидетельствуют о том, что подобные примеры характерны для модальных высказываний с обобщённым субъектом в различных сферах институциональной коммуникации.

2. Наличие в разделительной структуре разных деонтических предикатов требует, однако, различения дизъюнкции предикатов и дизъюнкции смысловых глаголов, предлагающей выбор из двух взаимоисключающих друг друга необходимых действий:

(9) *В частности, разногласия имеются не только относительно характера этих изменений и кандидатуры нового премьера, но и по вопросу, следует ли вообще стремиться к компромиссу или нужно добиваться выборов* (В. Сычева. Сильвио Берлускони под следствием // «Коммерсантъ-Daily», 18.01.1996).

В таком случае указывается на эпистемическое состояние незнания, что маркируется интенциональным (*узнать, выяснить*), а также иллокутивным глаголом/существительным (*вопрос, расспросить, уточнить*). Использование во

втором дизъюнкте иного деонтического маркера обусловлено как стилистически, так и структурно. Так, если речь идет о косвенном частном вопросе, то используется только один деонтический маркер:

(10) *Он смотрел на нее и все не мог **сообразить**, что ему сейчас **надо делать или говорить*** (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 3 (1978)).

3. Дизъюнкция разных семантик реализуется разнообразными модальными оппозициями. Прежде всего соотносятся темпоральные и модальные характеристики, а именно: «реальность/необходимость (ирреальность)». В рамках общей семантики потенциальности/ирреальности сопоставляются модальные пары: «возможность / необходимость», «волитивность / необходимость» «футуральность / необходимость». Кроме этого противопоставляются «рационально-эмоциональная оценка / необходимость» (*интересно или нужно*), в альтернативные отношения вступают также компоненты разных семантических категорий: деонтическая и количественная (*достаточно или надо*). С точки зрения типа логической связки данная дизъюнкция также является строгой: адресат ставится перед выбором, что обуславливает функционирование разделительных конструкций в вопросе.

При дизъюнкции реальность/необходимость, где в первом дизъюнкте используется настоящее конкретное, фиксирующее текущее исполнение, или прошедшее время, указывающее на завершенность, деонтическая семантика переносится в сферу футуральности и маркирует предположение о том, что действие может быть не осуществлено, но требует обязательного выполнения, т. е. речь идет о ситуации обусловленности (*если не X, то надо Y*):

(11) *Ну какие, прости Господи, «ставки минимальной оплаты труда литератора»? в каких таких зарплатных ведомостях **числится или должен числиться** писатель?* (А. Привалов. О безделицах // «Эксперт», 2015)

(12) *При страховании САТ по риску «Повреждение» страховым убытком является реальный ущерб, нанесенный застрахованному САТ, т.е. расходы, которые Страхователь (Выгодоприобретатель) **произвел или должен будет произвести** для восстановления поврежденного САТ* (Правила страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности при эксплуатации средств автотранспорта (2004)).

Аналогичную ситуацию обусловленности отражает противопоставление «футуральность / необходимость» (*если не будет сделано, то надо*), а также деонтического и количественного значения (*если не будет достаточно, то надо*), в том числе с разными смысловыми глаголами:

(13) *"Ja!", rief er beifällig. "Werden Sie uns jetzt **freilassen**, oder **muss** ich erst meinen Anwalt anrufen?"* (Berliner Zeitung, 11.06.2005) ‘ «Вы отпустите нас сейчас или мне сначала позвонить своему адвокату?»’

(14) *Also eine Spinne? **Genügt** es, Fäden zu spinnen, oder **muss** man Haare auf dem Rücken haben, um eine Spinne zu sein?* (Berliner Zeitung, 26.01.2005)

(15) ***Хватит** ли нам этих инструментов или **надо** разрабатывать новые для понимания произошедших изменений – это уже наша забота* (Т. Панфилова. Глобализация в свете философии истории: разработки К. Маркса и современные проблемы // «Век глобализации», 2019).

В разделительной конструкции «возможность или необходимость» противопоставляется *необязательное* (в том числе разрешенное) vs. *обязательное* выполнение, поскольку в ситуации возможности допустимо в равной степени как осуществление, так и неосуществление перехода нефактического действия/состояния в фактическое, а в ситуации необходимости требуется обязательное превращение потенциального в актуальное (подробнее см. [4]). Семантика возможности в таких структурах, как отмечает А. Киклевич, реализуется дважды: с одной стороны, она заключена в содержании разделительной связи; с другой стороны, возможность отдельно выражается алетическим маркером [5, с. 450]: *возможно, можно, и, возможно, нужно*. Подобная дизъюнкция чаще всего используется в вопросе для фиксации эпистемического состояния незнания, при этом второй дизъюнкт парцеллируется:

(16) ... я сердечно прошу Вас не отказаться любезно дать нам эти советы, которые, как мне кажется, сведутся к ответам на следующие вопросы: К кому следует Совету Физического Общества обратиться? **Можно** ли рассчитывать на постоянную, т. е. ежегодную, хотя бы и небольшую субсидию? Или **следует** просить о единовременной субсидии? В каких размерах **следует или можно** просить о том или другом? Какая мотивировка представлялась бы наиболее целесообразной? Надеюсь на любезный ответ (О.Д. Хвольсон. Письма (1910))

Вторая альтернатива с деонтическим предикатом может использоваться в уточняющей конструкции и презумптивно предполагает показатель самой высокой степени чего-либо (*возможно, можно, или, даже, возможно, нужно*). При этом уточняющая конструкция может иметь форму вопроса:

(17) Однако, **следует ли из этого, что философию и науку можно, или нужно, попросту оставить вне синтеза, и восстановить систему Аквината или восточную патристику?** (Г. Флоровский. Пути русского богословия (1936))

(18) Во-первых, «Пуха» **можно (или нужно?)** рассматривать не как детскую литературу, а как образец вполне взрослого модернизма! (В.С. Вахрушев. В.П. Руднев. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты // «Волга», 1999)

Повествовательные структуры с дизъюнкцией возможность/необходимость являются крайне маргинальными и ограничены сферой институционального дискурса:

(19) Чиновник **не имеет права** занимать должность, на которой он **может или обязан** принимать решения, способные принести личную выгоду ему, его родственникам, близким прямо или через организации, в которых у него есть свои интересы (В. Южаков. Кто защитил недобросовестных чиновников от народа? // «Красноярский рабочий», 2003).

Оппозиции «волитивность / необходимость» и «рационально-эмоциональная оценка / необходимость» (*интересно или нужно*, где оценка пересекается с семантикой волитивности) указывают на ситуацию уточнения, подчеркивая разные ее аспекты:

(20) *Für Unmut sorgen zwei weitere Aspekte. Wer per Kreditkarte **zahlen will oder muss**, kann das nur mit der des WM-Sponsors Mastercard* (Berliner Zeitung, 31.03.2005).

(21) *Очень полезен был бы специальный словарь тех слов и грамматических форм, написание которых с буквой ё **обязательно или желательно*** (Н. Еськова. И ещё раз о букве Ё // «Наука и жизнь», 2008).

(22) *Я право не знаю, кому назначить экземпляры оттисков: давайте всем, кому **интересно или нужно**, не стесняясь количеством; мне в Москву нужно их немного* (П. Н. Милюков. Письма (1890)).

Таким образом, отношения альтернативности функционируют либо в рамках гомогенной модальной семантики, т. е. только долженствования, приводя к определенной модификации смысла высказывания, либо деонтической установке противопоставляются различные модальные и немодальные категории, либо происходит соотнесение не модальных предикатов, а двух необходимых действий, т. е. смысловых глаголов. Во всех случаях логической связкой становится разделительная (строгая) дизъюнкция, иными словами, в высказывании связываются установки, взаимоисключаемые в конкретной ситуации. Деонтический показатель функционирует в дизъюнктивных структурах в коммуникативных ситуациях, связанных с выбором или недостаточным знанием, что обуславливает употребление разделительных конструкций в вопросах. При этом ситуации альтернативности в случае противопоставления разных модальных семантик в зависимости от того, какие значения соплагаются, не являются эквивалентными: различаются ситуации обусловленности, выбора и уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1988. 338 с.
2. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 399 с.
3. Шатуновский, И. Б. Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания) // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 71–83.
4. Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в сематической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 123–126.
5. Kiklewicz, A. О конъюнктивном употреблении разделительных союзов (на материале польского и русского языков): About conjunctive use of disjunctive conjunctions (based on Polish and Russian languages) // Przegląd Wschodnioeuropejski, 12 (2), 2021. С. 433–458. <https://doi.org/10.31648/pw.6891>

УДК 811.11

Теселкина Ольга Евгеньевна
старший преподаватель
г. Ростов-на-Дону, Россия
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»
e-mail: oteselkina@sfnedu.ru

Olga Evgenievna Teselkina
Senior Lecturer
Rostov-on-Don, Russia
Southern Federal University
e-mail: oteselkina@sfnedu.ru

ЦЕННОСТНАЯ КОНСТАНТА *NACHHALTIGKEIT* В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В настоящей статье представлен описательный конструкт понятийного пространства лингвокультурной константы *NACHHALTIGKEIT* как ценностного ориентира культур немецкоязычного социума стран Австрии, Швейцарии и Германии на современном этапе развития общества. Представлены результаты семантического анализа синонимического ряда понятийного поля константы на основе кластерной технологии и сравнительного контекстуального анализа текстов политического дискурса для определения национальной специфики репрезентации данной ценностной константы и наполнения её понятийного пространства.

Ключевые слова: лингвокультурная константа; *NACHHALTIGKEIT*; кластерный анализ; национальная специфика; социокультурная сфера.

THE VALUE CONSTANT *NACHHALTIGKEIT* IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT

This article presents a descriptive construct of the conceptual field of the linguocultural constant *NACHHALTIGKEIT* as a value cultural orientation of the German-speaking socium of Austria, Switzerland and Germany at the current stage of society development. The results of semantic analysis of synonymous series of the constant's conceptual field based on the cluster-technology and the comparative contextual analysis of the political discourse texts for the identification of the national specifics of this value constant representation and its conceptual content are presented.

Key words: linguocultural constant; *NACHHALTIGKEIT*; cluster analysis; national specifics; social-cultural sphere.

Введение

Константы гуманитарного знания определяются многими исследователями как значимый ориентир в рамках культуры определённого социума, который, с одной стороны, играет роль идентификатора отдельных социокультурных реальностей (Й. Л. Вайсгербер, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, А. В. Ленец, С. В. Лурье, Ю. С. Степанов, Б. Л. Уорф, М. Eichenauer, К.-Р. Konerding), а с другой – являются культурным феноменом социального процесса передачи накопленного знания от поколения к поколению [1, с. 117]. В процессе эволюции социума ценностные константы, однако, подвержены периферийным трансформациям в синхронии и диахронии, поскольку находятся на «перекрёстке смыслов и отношений», поэтому необходим процесс адаптации смыслового наполнения константы в данном конкретном периоде развития культуры социума [2, с. 71].

Актуальность данного *исследования* обусловлена пристальным вниманием к смысловому наполнению лексической единицы *NACHHALTIGKEIT* в научных, политических, экономических и общественных кругах. Но именно лингвистика и смежные с ней дисциплины, такие как, например, лингвокультурология и антропологическая лингвистика, имеют в распоряжении инструментарий, способный соединить все структурные компоненты константы, определяющие её значение в определённой точке развития социума и в диахронии [3, с. 289].

Целью статьи является описание лингвокультурной константы *NACHHALTIGKEIT* как ценностного ориентира культур немецкоязычного социума стран Австрии, Швейцарии и Германии на современном этапе. В рамках поставленной цели представляется необходимым решение следующих *задач*: 1) выявить понятийные компоненты смыслового наполнения константы *NACHHALTIGKEIT* в сфере социокультуры; 2) описать национально-специфические особенности восприятия понятийного поля данной константы.

Материалом исследования для семантического анализа синонимического ряда понятийных кластеров константы послужили лексикографические источники: толковый словарь Duden, электронные толковые словари *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS), *Gabler Wirtschaftslexikon* (GABW), *Lexikon für Betriebswirtschaftslehre* (BWL-Lexikon); словари родственных по значению лексических единиц *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen* (F. Dornseiff), *Meyers großes Taschenlexikon* (MTL), а также электронные словари синонимов *Woxikon* и *Open Thesaurus* (DWDS). Для выявления национально-культурных особенностей в качестве материала исследования послужили тексты нормативных и программных документов, размещённые в цифровом пространстве политических структур Австрии: Bundesministerium Klimaschutz, Umwelt, Energie, Mobilität, Innovation und Technologie ‘*Федеральное министерство охраны климата, окружающей среды, энергии, мобильности, инноваций и технологий*’ (<https://www.bmk.gv.at/>); Германии: Parlamentarischer Beirat für nachhaltige Entwicklung des Bundestages ‘*Парламентский совет Бундестага, ответственный за устойчивое развитие*’ (<https://www.bundestag.de>;) и Швейцарии: Bundesamt für Raumentwicklung ‘*Федеральное ведомство территориального развития*’ (<https://www.are.admin.ch/>).

Методы исследования выбраны в соответствии с поставленными задачами и служат для создания «описательного конструкта» смыслового пространства константы *NACHHALTIGKEIT* [4, с. 190-191]: 1) семантический анализ синонимического ряда понятийного поля константы на основе кластерной технологии; 2) сравнительный контекстуальный анализ национальной специфики репрезентации данной ценностной константы и наполнения её понятийного пространства.

Результаты исследования

В результате семантического анализа синонимического ряда лексической единицы *NACHHALTIGKEIT*, в процессе которого было проанализировано свыше 900 словарных единиц указанных выше словарей, был сформирован описательный конструкт смыслового наполнения исследуемой константы, ак-

туализующейся в социокультурной сфере. Данный конструкт включает понятийные кластеры, характеризующие индивида как члена социума и социум как окружение индивидов – представителей одной культуры: **AUSDAUER** ‘выносливость’, **QUALITÄT** ‘качество’, **TEILNAHME** ‘участие’, **GÜTE** ‘положительная сторона’. Кластеры в свою очередь разделяются на субкластеры, вербализующие различные аспекты этих характеристик: **GÜTE** ‘положительное качество’; **DURCHHALTEVERMÖGEN** ‘выдержка’; **ENERGIE** ‘энергичность’, ‘энергия’; **UMWELT** ‘окружающая среда’; **KONSTANZ** ‘константность’, ‘неизменяемость’; **BESTÄNDIGKEIT** ‘постоянство’, ‘устойчивость’; **NACHHALTIGE ENTWICKLUNG** ‘устойчивое развитие’; **BEHARRLICHKEIT** ‘выдержка’, ‘устойчивость’; **ZUKUNFTSFÄHIGKEIT** ‘перспективность’, ‘устойчивое развитие’.

Каждый субкластер объединяет в себе различные лексические единицы в зависимости от того, компонентом какого кластера он является. Приведём несколько примеров отличий и пересечений семантических рядов как структурных элементов кластерного конструкта. Лексические единицы, входящие в состав субкластера **KONSTANZ** в рамках кластера **GÜTE** вербализуют **индивидуальные характеристики личности** с семантикой, основывающейся на смыслах внутренней формы лексемы *Konstanz* – **постоянство** – и имеющей **положительную** коннотацию:

Gelassenheit ‘невозмутимость’, ‘беспристрастность’;

Überstehen ‘стойкость’, ‘выдержка’;

Beständigkeit ‘упорство’, ‘постоянство’;

Zuverlässigkeit ‘благонадёжность’, ‘обязательность’;

Loyalität ‘лояльность’, ‘преданность’;

Treue ‘верность’, ‘надёжность’;

Gewissheit ‘уверенность’, ‘убеждённость’;

Geradlinigkeit ‘последовательность напр. в действиях’, ‘прямолинейность’;

Unbeugsamkeit ‘несгибаемость’, ‘непреклонность’;

Unerschütterlichkeit ‘непоколебимость’, ‘стойкость’.

Субкластер **GÜTE** в составе кластера **GÜTE** вербализует **положительные черты характера** индивида **по отношению к другим** индивидам и социуму:

Aufmerksamkeit ‘внимательность’, ‘предупредительность’;

Geduld ‘терпение’ как качество личности, ‘терпеливость’;

Zuwendung ‘расположение’, ‘любящее внимание’;

Zuneigung ‘благосклонность’, ‘симпатия’;

Wohll wollen ‘расположение’ к кому-л.;

Entgegenkommen ‘любезность’, ‘предупредительность’;

Hilfsbereitschaft ‘отзывчивость’, ‘услужливость’.

Этот же субкластер в составе кластера **TEILNAHME** включает лексемы, номинирующие **взаимодействие индивидов** в социуме с ярко выраженной положительной коннотацией:

Hilfe 'помощь', 'поддержка';
Mitarbeit 'сотрудничество', 'участие';
Mitwirkung 'взаимодействие', 'включённость';
Beitrag 'вклад', 'пожертвование'.

В составе кластера **TEILNAHME** субкластер **UMWELT** вербализует **различные уровни социальной общности**, устоявшиеся в национальной культуре:

Gesellschaft 'общество', 'социум';
Volk 'народ', 'нация';
Öffentlichkeit 'общественность', 'гласность';
Menschen 'люди', 'человеческие личности';
Publikum 'публика', 'общественная аудитория';
Teamarbeit 'взаимодействие', 'совместные усилия';
Leute 'люди', 'народ';
Nachbarschaft 'соседство', 'близость';
Atmosphäre 'среда', 'дух' напр. нации.

Таким образом, понятийная плотность константы **NACHHALTIGKEIT**, актуализующаяся в социокультурной сфере, включает кластеры, номинирующие 1) **положительные черты** характера отдельного индивида, определяющиеся **стойкостью** и **открытостью** для общения; 2) **характеристику отношений** между индивидами; 3) **причастность** индивида к различным **социальным группам** и **национальной** социокультуре.

В целях определения национальных отличий репрезентации ценностной константы **NACHHALTIGKEIT** проанализированы тексты политического дискурса, поскольку политика является своего рода регулятивом жизненных сценариев социумов, формируя в определённой мере их национальную культуру, и во многом определяет семантическое наполнение исследуемой константы. «(Этно)языковая картина мира» того или иного национального социума определяет его культуру и понимается в лингвокультурологии и лингвокогнитологии как «совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка» [5, с. 17]. Важность ценностных культурных констант как специфических идентификаторов внутри «своей» культуры заключается в их способности закреплять национальную картину мира, претерпевающую естественные трансформации в процессе эволюции общества и формировании сценариев жизнедеятельности согласно картине мира, специфичной для каждой социокультуры [6, с. 159].

Германия является первоисточником литературного немецкого языка *Hochdeutsch* и первоисточником заглавной константы **NACHHALTIGKEIT**, поэтому трёхмерная модель принципа *Nachhaltigkeit* „Ökologie – Ökonomie – Soziales“, созданная Райсом в 2003 г. [7, с. 21], является базисом для репрезентации принципа *Nachhaltigkeit* и его понятийных компонентов во всех странах немецкоязычного ареала. Сравнительный анализ материала выявил следующие сходные и отличительные особенности репрезентации константы **NACHHALTIGKEIT** в сфере социокультуры:

1. В *Австрии* принцип „*Nachhaltigkeit*“ совпадает с традиционной немецкой трёхмерной моделью. Но из семи задач австрийской стратегии устойчивого экологического развития, поставленных перед министерством ÖSTRAT, пять затрагивают социальную сферу. Данная стратегия рассматривается как включённый в современное развитие общества процесс и вербализована в номинациях *integrativer, moderner gesellschaftlicher Prozess* ‘интегрирующий, современный общественный процесс’; *sozialer Zusammenhalt* ‘социальное единство’; *soziale Sicherheit* ‘социальная защищённость’; *individueller Wohlstand* ‘индивидуальное благосостояние’.

2. Традиционное для *немецкой* лингвокультуры представление трёхкомпонентной структуры исследуемой константы как *Öko-Öko-Soziales* во многом определяет распределение по степени важности входящих в неё сфер актуализации константы *NACHHALTIGKEIT*. Первым уровнем здесь выступает экономика (*ökonomische Dimension* ‘уровень экономики’), за ней следует социальная сфера (*Sozialbilanz* ‘социальный баланс’) и затем экология (*Ökobilanz* ‘экологический баланс’). Контекстуальный анализ выявил следующие лексико-семантические поля в когнитивном пространстве константы *Nachhaltigkeit*: значение социальной сферы разделено на глобальную (*heute lebende Menschen* ‘живущие сегодня люди’; *zukünftige Generationen* ‘будущие поколения’) и индивидуальную (*das Handeln jedes Einzelnen* ‘поступки каждого в отдельности’).

3. Определение принципа *Nachhaltigkeit* *швейцарскими* государственными нормативами содержит лишь латентное упоминание экономики и сконцентрировано на социальном и экологическом аспекте. Традиционная трёхуровневая модель представлена первоначально с акцентом на социальную сферу. Контекстуальный анализ выявил следующие номинации в когнитивном пространстве константы *NACHHALTIGKEIT*, определяющие социокультурную сферу и вербализующиеся лексемами: *sozialer Zusammenhalt* ‘социальное единство’; *kulturelle Entfaltung* ‘культурная эволюция’; *gesellschaftliche Solidarität* ‘общественная солидарность’; *Sozialversicherung* ‘социальная защищённость’.

Подводя итог, 1) определим понятийное наполнение константы *NACHHALTIGKEIT*, актуализующейся в социокультурной сфере и вербализующей ценностный ориентир социокультурных отношений, как *характеристику различных форм устоявшихся социальных структур и отношений внутри одной культуры, где такие качества индивида, как стойкость, благосклонность и отзывчивость конвенционально определены как положительные характеристики индивида*, но в зависимости от ситуативных переменных (контекст, эмоциональный компонент, дискурс, социокультурная ситуация) могут варьировать в семантике, эмоциональной составляющей и индивидуализированном процессе продукции и перцепции речи. 2) Культурно-специфические особенности восприятия понятийного поля константы в странах немецкоязычного культурного ареала имеют неярко выраженный характер и отличаются распределением приоритетности некоторых аспектов понятийного пространства константы, входящего в кластер *TEILNAHME*: в австрийском и швейцарском понимании социальной сферы четко прослеживается национальная общность, вербализованная в социальной солидарности (*sozialer Zusammenhalt* Австрии и *gesellschaftliche*

Solidarität Швейцарии). В Германии акцент делается на индивидуализированную мораль экологичного образа жизни и глобальную в мировом масштабе ответственность, что предполагает наличие не каждого из описанных выше субкластеров в составе данного кластера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луков В. А., Культурные константы: тезаурусный подход // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2014. № 2(10). С. 111-119.
2. Ленец А. В., Овсиенко Т. В., Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 71. С. 70-90.
3. Schwegler C., Mattfeldt A., Nachhaltigkeit und Linguistik. Sprachwissenschaftliche Innovationen im Kontext einer globalen Thematik // Deutsche Sprache Jg.49, 2021. Nr.4. S.289-290
4. Карасик, В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма. 2007. 520 с.
5. Воркачев С. Г., Лингвокультурная концептология и ее терминотерминологическая система (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3(49). С. 12-20.
6. Лурье, С. В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13, № 2. С. 152-167.
7. Reis, O. Forum und Sozialkultur. Münster: LIT Verlag, 2003. 549 S.

УДК 811.112.2

Фирсова Екатерина Васильевна

кандидат филологических наук

г. Ростов-на-Дону, Россия

Южный федеральный университет

e-mail: efirsova@sfedu.ru

Ekaterina Vasiliewna Firsova

PhD in Philology

Rostov on Don, Russia

Southern Federal University

e-mail: efirsova@sfedu.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХЕДЖИРОВАНИЯ И ИХ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается реализация стратегии хеджирования в немецкоязычных научных статьях, в части, посвященной описанию процедуры лингвистического анализа и интерпретации результатов. Научная этика и сущность науки как непрерывного процесса познания требуют от авторов научных статей особого подхода к изложению своих рассуждений, сочетающего некатегоричность и убедительность высказываемых утверждений. В рамках данного подхода авторы статей вербализуют как признание наличия альтернативных путей решения изучаемой проблемы, так и намерение быть правильно понятым адресатом. Вербализация данных намерений осуществляется за счёт использования различных хеджей и хеджинговых конструкций, среди которых, в первом случае, лексико-грамматические средства со значением «возможности» (модальные глаголы, модальные слова, сослагательное наклонение, конструкция *sein + zu + Infinitiv* и др.), а также различного рода аппроксиматоры (кванторные слова); а во втором, лексические и синтаксические средства спецификации исследования и уточнения.

Ключевые слова: хеджирование; некатегоричность; иллокутивная сила; прагматическая функция; немецкий язык.

LEXICAL AND GRAMMATICAL HEDGES AND THEIR PRAGMATIC FUNCTIONS IN GERMAN SCIENTIFIC TEXT

In the article is considered the implementation of the hedging strategy in german scientific articles, in the part devoted to the description of the procedure of linguistic analysis and interpretation of the results. Scientific ethics and the essence of science as a continuous cognitive process require the authors of a scientific articles to take a special approach to presenting their reasoning, combining non-categorical and persuasive way of speaking. Using this approach, the authors of articles verbalize both the recognition of the existence of alternative solutions to the problem under study and the intention to be correctly understood by the recipient. The verbalization of these intentions is carried out by various hedges and hedging constructions, among which, in the first case, are lexical and grammatical means with the meaning of “possibility” (modal verbs, modal words, subjunctive mood, the construction *sein + zu + Infinitiv*, etc.), as well as various kinds of approximators (quantifier words); and in the second, lexical and syntactic means of specification of research and clarification.

Key words: hedging; hedges; non-categorical way of speaking; illocutionary force; pragmatic funktion; German.

Успешное развитие науки на современном этапе предполагает непрерывный обмен научной информации между учёными, осуществляемый в большинстве случаев опосредованно в процессе ознакомления с результатами исследований, изложенными в письменных научных текстах. Адресат данных текстов

ожидает не только приобретения новых знаний, но и оригинальных подходов со стороны автора текста к интерпретации уже известных или только полученных научных фактов, предполагая при этом, что авторские рассуждения могут заставить его либо согласиться с ними, либо оспорить их. Задача же автора научного текста, особенно в области гуманитарных наук, не просто описать или объяснить результаты исследования, а сделать это, с одной стороны, обоснованно и убедительно, с другой стороны, ненавязчиво и коммуникативно корректно. Соблюдение данных условий изложения научного материала требует от автора текста владения коммуникативно-прагматической компетенцией, включающей в том числе и знания об языковых средствах, позволяющих выразить свою мысль менее категорично. Описание именно таких языковых средств, именуемых в современной лингвистике хеджами или хеджинговыми конструкциями, а также их прагматического потенциала в немецких научных статьях являются целью данной статьи.

Несмотря на то, что изучение хеджирования как лингвистического феномена началось в 1990-х гг. с работ таких учёных, как Дж. Лакофф, Г. Майерс, Б. Фрейзер, К. Хайланд и др. на материале английского языка, в последнее десятилетие наблюдается рост интереса к данному явлению, особенно к его проявлению в научном тексте [1; 2; 3; 4; 5; 6], что и определяет актуальность данного исследования. К тому же появляется всё больше исследований, направленных на изучение хедж-маркеров в других языках, в том числе и немецком [5; 6; 7]. Интерес к использованию хеджей в научном дискурсе можно объяснить антропоцентрическим подходом в лингвистике, под влиянием которого научный текст, сохраняя объективность как основную стилевую черту, перестаёт считаться полностью обезличенным, а его автор рассматривается как активный субъект речи, реализующий различные коммуникативно-прагматические стратегии для достижения своих целей. К таким стратегиям относят и хеджирование, определяемое как стратегия ослабления или смягчения иллюкутивной силы высказывания [1, с. 20; 8, р. 29] или некатегоричности [2, с. 7], в том время как хеджи участвуют в реализации в научном тексте и таких стратегий как деперсонализации, субъективизации, снижения определённости, контактоустанавливающей стратегии [4, с. 16]. Такой широкий прагматический функционал средств хеджирования в научном дискурсе обусловлен особенностями письменной научной коммуникации и многообразием научных жанров.

В данной статье прагматические функции лексико-грамматических средств хеджирования рассматриваются на материале пяти немецкоязычных научных статей из сборника, посвящённого рассмотрению дискурсивных маркеров в немецком языке. Выбор научной статьи в качестве материала исследования продиктован такими жанрообразующими признаками данного жанра как диалогичность и дискуссионный характер, детерминированные освещением, как правило, либо результатов ранее не опубликованных исследований, либо критического переосмысления известных научных концепций. Как диалогичность, так и полемичность научного изложения требуют от автора научной статьи умения вести заочную беседу с читателем, предвосхищать его возможную реакцию на излагаемые в тексте утверждения, убедить адресата в правильности или хотя

бы в праве на существование авторской позиции. Особенно сложно отстаивать свою точку зрения в рамках гуманитарных наук, в том числе и лингвистике, так как данные науки, не располагая большим количеством точных инструментов исследования, часто опираются на спекулятивные методы и интроспекцию, что всегда чревато обвинением в чрезмерной субъективности научных положений автора или ненадёжности полученных результатов. Поэтому автор научной статьи именно гуманитарной направленности, как никто другой, вынужден выбирать для выражения своих воззрений такие языковые средства, которые, с одной стороны, актуализировали бы объективность и достоверность сообщаемых фактов, с другой, оставляли бы пространство для минимизации вышеназванных рисков, что достигается также за счёт реализации стратегии хеджирования. Исследование прагматического потенциала хеджей в научных статьях на немецком языке проводится с использованием таких методов как контекстуальный и лингвистический анализ, позволяющих определить лингвистический статус хеджа и прагматическую функцию в конкретном контексте.

Использование хеджирования как коммуникативно-прагматической стратегии в научном тексте, с одной стороны, обусловлено научной этикой, которая имеет как универсальные признаки, характеризующие коммуникацию среди учёных независимо от их принадлежности к определённой культуре, так и специфичные социокультурные компоненты, отличающие употребление хеджей в разных национальных научных сообществах [4]. С другой стороны, лингвистическое хеджирование предопределяется самой наукой, которая, представляя собой непрерывный процесс получения новых знаний, не предполагает категоричного утверждения окончательных результатов какого-либо исследования, так как всегда существует вероятность открытия или обнаружения научных фактов, которые могут вступить в противоречие с уже имеющимися или их опровергнуть. Два данных фактора – следование научной этике и учёт специфики изложения научной информации – являются основными в реализации стратегии хеджирования и определяют широкий спектр прагматических функций хеджей. Несмотря на то, что оба фактора тесно взаимосвязаны друг с другом, остановимся в данной статье, на прагматических функциях, выполняемых хеджами при описании авторами научных статей по лингвистике конкретных результатов исследования и их интерпретации. Ещё раз подчеркнём, что помимо общенаучной тенденции некатегоричного изложения информации, детерминированного относительностью научного знания, лингвистические исследования довольно часто строятся на опыте и наблюдениях самого исследователя либо его коллег, либо испытуемых, что и приводит к ещё более частому обращению к хеджам во избежание возможной критики в необъективности выводов исследования.

Взятые для исследования статьи содержат анализ устной речи (диалогов и монологов) с целью выявления функций дискурсивных маркеров, используемых говорящими и включают приведение примера с дальнейшим описанием коммуникативной ситуации, представленной в примере, а также определение статуса рассматриваемой языковой единицы либо как дискурсивного маркера (и в этом случае описание его функции), либо как другого языкового средства.

Прежде чем перейти к непосредственному описанию хедж-маркеров и их прагматических функций, хотелось бы обратить внимание на следующее: использование хеджей часто рассматривается как желание смягчить иллокутивную силу высказывания со стороны пишущего в силу тех или иных его намерений, при этом считается, что адресат правильно считывает все интенции адресанта, т.е. перлокутивный эффект, оказываемый хеджами на адресата, соответствует ожиданиям автора научного текста. Однако, как показало исследование Р.°Хампп [6], это не всегда так. Вероятно, поэтому в работах, посвященных использованию хеджей в описание их функций в научном тексте включаются такие как выражение уклончивости, ухода от ответственности, неуверенности, что на наш взгляд, не может являться намерением настоящего учёного, публикующего результаты своего исследования, а как раз выступает показателем того, как воспринимает адресат использование хеджей. В связи с этим в данной статье была выбрана более узконаправленная часть научных статей – анализ и интерпретация результатов исследования, которая будет рассмотрена с позиции автора текста, цель которого продемонстрировать полученные данные, на основании которых делаются обоснованные, но небезапелляционные утверждения. Используя при этом лексико-грамматические хедж-маркеры, автор реализует различные намерения, среди которых важное место занимает признание наличия альтернативных путей решения изучаемой проблемы или интерпретации излагаемых фактов.

Выражение альтернативности собственному мнению безусловно смягчает категоричность высказывания, поскольку тем самым автор научной статьи не только демонстрирует понимание того, что его мнение не истина в последней инстанции, но и допускает наличие других точек зрения, а иногда и приводит их. Демонстрация вариативности излагаемых суждений рассматривается как иллокутивно необходимая осторожность на пути модификации имеющегося знания [5, S. 11], а также как один из видов алетической модальности [1, с. 22], когда автор указывает на то, что представляемая им позиция лишь один из возможных вариантов.

Упоминание возможных вариантов интерпретации результатов исследования осуществляется в проанализированных научных статьях на немецком языке за счёт использования таких лексико-грамматических средств как модальный глагол *können* ‘мочь’ в форме настоящего времени, модальных слов *möglicherweise* ‘возможно’, прилагательного *möglich* ‘возможный’, глагола *ausschließen* ‘исключать’ с отрицанием *nicht* ‘не’ в страдательном залоге, конструкцией *sein + zu + Infinitiv* (данная конструкция переводится как ‘может быть + краткое причастие’). Указание на другие варианты может осуществляться автором эксплицитно, и в таком случае использование данных средств может сопровождаться синтаксическими конструкциями с союзами *oder* ‘или’, *entweder ... oder* ‘или ... или’, *zwar ... aber* ‘хотя ... но’, *nicht nur ... sondern auch* ‘не только ... но и’, *sowohl ... als auch* ‘как ... так и’, *aber auch ...* ‘а также’.

К более осторожному выражению вариативности собственных утверждений также относится выражение предположения, но в данном случае под предположением понимается допущение автором другого варианта развития ситуа-

ции. Предположение выражается глаголом *annehmen* ‘предположить, допустить’, *vermuten* ‘предположить’ и соответствующими производными существительными *Annahme* / *Vermutung*, *scheinen* ‘казаться’, сослагательного наклонения со значением возможности (Konjunktiv II), модальными словами *mutmaßlich* ‘предположительно, вероятно’, *vermutlich* ‘предположительно’, а также речевые клише типа *Es sei aber gesagt* ‘однако следует сказать’.

Особым случаем вариативности интерпретации можно рассматривать использование сослагательного наклонения при передаче косвенной речи при описании коммуникативной ситуации, когда речевые действия говорящих не просто описываются, а объясняются как актуализация их мотивов и намерений.

Специфичным средством указания автором статьи на то, что он не претендует на абсолютную правоту или всеобъемлющий охват всех возможных вариантов, является использование средств лингвистической аппроксимации (квантитативной и квалитативной) [4, с. 22], к которым относятся наречия меры и степени, темпоральные наречия, указывающие на нерегулярность проявления признака [1, с. 24]. В проанализированных статьях при описании практической части исследования авторы статей использовали различные группы аппроксиматоров (кванторных слов), среди которых можно выделить кванторы с семой «большинство», обозначающие более высокую степень, вероятность, частность и т.д.: *viel* ‘много’, *im wesentlichen* ‘в основном, главным образом’, *überwiegend* ‘преимущественно’, *eher* ‘скорей’, *zumeist* ‘в большинстве случаев’, *häufig* ‘часто’, *oft* ‘часто’, *oftmals* ‘зачастую’, *fast immer* ‘почти всегда’, *vielmehr* ‘скорее’, *weitaus weniger* ‘гораздо меньше’, *überaus* ‘в высшей степени’, а также кванторы, указывающие на неопределённую часть или количество: *etwa* ‘примерно’, *zum Teil* ‘частично’, *mehr oder weniger* ‘более или менее’, *teilweise* ‘частично’, *ungefähr* ‘приблизительно’.

Ещё одним релевантным для автора намерением при реализации стратегии хеджирования выступает намерение быть правильно понятым, которое осуществляется за счёт спецификации исследования и уточнений конкретных высказываний. Термин спецификация заимствован из работы Р°Хампп [6], в которой под этим термином понимается уточнение подходов, методов, терминов в рамках проводимого исследования. Автор статьи, конкретизируя определённые моменты, исключает возможность экстраполяции своих утверждений на другие области исследования, не отвечающие заданным требованиям, и соответственно их неверную интерпретацию. Средствами спецификации выступают такие лексические средства *hier* ‘здесь’, *hierbei* ‘в этой связи’, *im Sinne* ‘в смысле’ (*in diesem Sinne* ‘в этом смысле’, *im weiten Sinne* ‘в широком смысле’, *im engeren Sinne* ‘в более узком смысле’), *je nach* ‘в зависимости’. К средствам уточнения относятся на лексическом уровне *also* ‘итак’, *d. h.* ‘т. е.’, *beispielweise* ‘например’, *und zwar* ‘а именно’, на синтаксическом – парантезы, особым случаем которой является включение уточнения в скобки. Для уточнения и подтверждения своей позиции в некатегоричной форме немецкие авторы даже при собственном анализе и интерпретации результатов исследования дают ссылки на других лингвистов или самих себя, предлагая читателю имплицитно, а иногда и эксплицитно за счёт сокращения *vgl.* (*vergleichen Sie* ‘сравните’) сравнить свою и чужую точку зрения на изучаемое языковое явление.

Подводя итоги исследованию актуализации стратегии хеджирования авторами научных статей в их практической части, отметим, что выделенные нами прагматические функции хеджей как средств, позволяющих автору как продемонстрировать допустимость альтернативных подходов к изучаемому явлению и тем самым готовность к возможной дискуссии, так и реализовать своё желание быть правильно понятым, не исчерпывают всего прагматического потенциала хеджей даже в таком частном случае, в связи с чем дальнейшее исследование представляется перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богинская О. А. Языковые актуализаторы хеджирования в научных статьях по гуманитарным наукам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-2-19-30>
2. Викторова Е. Ю. Хеджинг-стратегия в оценочном научном дискурсе: междисциплинарное исследование // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2024. №1. С. 5–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hedzhing-strategiya-v-otsenochnom-nauchnom-diskurse-mezhdistsiplinarnoe-issledovanie> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Машкова Е. В. Модальные слова как средство хеджирования в научном дискурсе / Е. В. Машкова // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : Сборник трудов Пятдесят первой международной научно-практической конференция, Белгород, 24 октября 2022 года. – Белгород: ООО ГиК, 2022. – С. 421–425.
4. Светайлов Б. В. Хеджирование в научной статье экономической тематики: социокультурные нормы и смыслообразовательные особенности в разнотипных языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 5.9.8. Ставрополь, 2024. 33 с.
5. Graefen G. „Hedging” als neue Kategorie? Ein Beitrag zur Diskussion // Europa Universität Viadrina, Kulturwissenschaftliche Fakultät (eds.). Hedging und Diskurs. 2000.
6. Hampp R. Hedging: Zum kommunikativen Verständnis zwischen schreibenden Wissenschaftler* innen und rezipierenden Student* innen // Zeitschrift für interdisziplinäre Schreibforschung, 2022, 6. Jg., S. 81–96.
7. Сытько А. В. Хеджирование в деонтических высказываниях (на материале немецкого и русского языков) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. № 13 С. 392–412. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hedzhirovanie-v-deonticheskikh-vyskazyvaniyah-na-materiale-nemetskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Fraser, B. Pragmatic competence: The case of hedging // *New approaches to hedging*, 2010, Vol. 9. P. 15–34. URL: https://www.researchgate.net/publication/285760188_Pragmatic_Competence_The_Case_of_Hedging (дата обращения: 17.06.2025)

УДК 811.112.2`342.415

Чигирь Антон Владимирович
аспирант
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: anton.chyhir@gmail.com

Chyhir Anton Vladimirovich
PhD Student
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: anton.chyhir@gmail.com

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье проводится комплексный анализ средств выражения категории собирательности в современном немецком языке. Рассматриваются морфологические и лексические маркеры значения собирательности. Особое внимание уделяется словообразовательным формантам. Приводятся примеры местоимений, числительных и глаголов с семантикой собирательности.

Ключевые слова: категория собирательности; немецкий язык; собирательные существительные; словообразование.

THE MEANS OF THE CATEGORY OF COLLECTIVITY IN MODERN GERMAN

This following article provides a comprehensive analysis of the means of the category of collectivity in the modern German language. Morphological and lexical markers of the meaning of collectivity are considered. Special attention is paid to the word-formation elements. Examples of pronouns, numerals and verbs with collective semantics are given.

Key words: category of collectivity; the German language; collective nouns; word formation.

Несмотря на то, что категория собирательности представлена во многих языках мира, ни ее статус, ни средства ее выражения до сих пор не имеют четкого определения и классификации. Исследуемая нами категория по своей сути является категорией понятийной, которая находит свое отражения в языке, демонстрируя специфический способ концептуализации множества как единого целого [1, с. 473].

Особую сложность в исследовании данной категории представляет тот факт, что средства выражения категории собирательности значительно варьируются в различных языках. Маркеры значения собирательности в разнородных языках отличаются различной степенью грамматикализации, что затрудняет их классификацию и определение их принадлежности тому или иному уровню языка.

Современный немецкий язык, обладая развитой морфологической системой и множеством способов словообразования, представляет огромный интерес для исследования способов выражения собирательного значения. Несмотря на наличие ряда работ, посвященных отдельным аспектам передачи семантики собирательности, целостный анализ разноуровневых языковых средств, входящих в категорию собирательности, остается актуальной задачей современной лингвистики.

Данная статья посвящена комплексному описанию основных способов передачи значения собирательности в современном немецком языке. Целью нашего исследования является выявление и анализ средств, служащих для выражения данной категории, на морфемном и лексическом уровнях. Комплексный подход к изучению средств выражения категории собирательности позволит уточнить ее статус в системе немецкого языка и выявить специфику передачи данного значения на различных уровнях языка.

В первую очередь необходимо отметить, что основным средством выражения категории собирательности в немецком языке являются собирательные существительные, которые можно разделить на две группы: в первую группу входят имена существительные с грамматикализованными маркерами собирательности, а в рамках второй группы объединяются существительные, не имеющие в своем составе морфем с собирательным значением и выражающие собирательность на лексическом уровне [2, с. 20].

Рассматривая собирательные имена существительные первой группы, представляется возможным выделить ряд словообразовательных формантов, передающих значение собирательности. К ним относятся префикс *ge-*, некоторые суффиксы, например, *-tum*, *-schaft*, *-ik*, а также полуаффиксы, такие как *-werk*, *-zeug*, *-welt* и другие [3, с. 180].

Префикс *ge-* является одним из наиболее распространенных грамматикализованных способов выражения категории собирательности. В первую очередь, он выражает значение объединенности и совокупности, например, в словах *das Gebein* ‘кости, останки’ и *das Gewölk* ‘облака’. Однако данный префикс встречается также в словах, обладающих определенными негативными коннотациями. Так, существительные *das Gebrüll* ‘рев, крик’ и *das Geklingel* ‘звон’ называют действия с пренебрежительным оттенком, а лексемы *das Gelaufe* ‘беготня’ и *das Getue* ‘суета, возня’ передают повторяющиеся действия с оттенком осуждения и презрения. Следует также указать на то, что в современном немецком языке префикс *ge-* часто встречается в словах вместе с суффиксом *-e*, к примеру, *das Gebirge* ‘горы’ и *das Getreide* ‘зерновые’.

В своей работе, посвященной диахроническому анализу собирательных существительных немецкого языка, Л. М. Голубенко отмечает, что семантика собирательности также может передаваться с помощью приставки *mit-*, к примеру, в формах множественного числа немецких существительных *die Mitbürger* ‘сограждане’ и *die Mitmenschen* ‘окружающие’ [2 с. 21–22].

В «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка» можно обнаружить более двадцати суффиксов, обладающих семантикой собирательности, однако лишь шесть из них являются продуктивными. К ним относятся немецкие суффиксы *-ei/-erei*, *-keit/-igkeit*, *-tum*, *-schaft*, а также заимствованные *-alien* и *-ik*. Необходимо отметить, что немецкие существительные, образованные с помощью суффиксов *-igkeit* и *-alien* выражают значение собирательности только во множественном числе, например, *die Süßigkeiten* ‘сладости’ и *die Archivalien* ‘архивные документы’ [3, с. 180].

М. Д. Степанова также указывает на то, что в словообразовании немецких собирательных существительных также участвуют полуаффиксы. Автор определяет их как особые словообразовательные элементы, занимающие промежуточное положение между аффиксами и самостоятельными лексемами. М. Д. Степанова подчеркивает, что полуаффиксы могут сочетаться с любыми

производящими основами [4, с. 61]. К полуаффиксам с собирательным значением относится целый ряд морфем, например, *-werk* (*das Schuhwerk* ‘обувь’), *-zeug* (*das Bettzeug* ‘постельные принадлежности’), *-kram* (*der Trodelkram* ‘ветошь’) [3, с. 180].

Л. М. Голубенко также отмечает роль ныне непродуктивного полуаффикса *zusammen-* в процессе образования собирательных существительных немецкого языка, что можно проиллюстрировать на примере лексемы *das Zusammengebrachtes* ‘сбор, налог’ [2, с. 21].

Описывая морфологические признаки собирательных существительных современного немецкого языка, необходимо подчеркнуть, что большинство лексем со значением собирательности, имеющие грамматикализованные показатели категории собирательности, женского и среднего рода [5, с. 13–15]. Родовые характеристики собирательных существительных во многом зависят от словообразовательного форманта, с помощью которого они были образованы, например, уже упомянутые нами суффиксы *-ei/-erei*, *-keit/-igkeit*, *-schaft* и *-ik* участвуют в образовании существительных женского рода, а с помощью суффикса *-tum* и полуаффиксов *-zeug* и *-werk* образуются собирательные существительные среднего рода.

Обращаясь ко второй группе собирательных существительных современного немецкого языка, не имеющих в своем морфемном составе словообразовательных аффиксов и полуаффиксов со значением собирательности, становится очевидным отличие морфологических характеристик данной группы существительных.

Собирательные имена существительные, выражающие собирательность только на лексическом уровне, зачастую являются корневыми словами, что можно увидеть на примере лексем *die Jugend* ‘молодежь’ и *der Kram* ‘хлам’ [6, с. 85]. Семантику собирательности также передают существительные, обозначающие совокупность физически связанных предметов, к примеру, *das Bund* ‘связка’ и *der Stoß* ‘стопка’, а также имена существительные, называющие упорядоченную или хаотично организованную совокупность одушевленных и неодушевленных предметов и действий: *die Truppe* ‘отряд’, *die Sammlung* ‘коллекция’, *die Delegation* ‘делегация’, *der Auflauf* ‘толпа’, *der Haufen* ‘куча’ [7, с. 110].

Особый интерес в современном немецком языке представляют собирательные существительные, получившие значение собирательности в результате метафорического или метонимического переноса [3, с. 179]. К примеру, лексема *das Hollywood* ‘Голливуд’, изначально называвшая район Лос-Анджелеса, знаменитый развитой индустрией кино и развлечений, на сегодняшний день зачастую употребляется в качестве указания на американскую киноиндустрию в целом. Благодаря метафорическому переносу значение собирательности приобрело слово *die Reihe* ‘ряд, очередь’.

Многие лингвисты указывают на то, что вне зависимости от того, обладает ли собирательное существительное грамматикализованными признаками исследуемой категории или нет, для него может быть характерно как наличие только формы единственного или множественного числа, так и полной парадигмы числа. Данные особенности собирательных существительных в немецком языке можно проиллюстрировать следующими примерами: лексема *das Vieh* ‘скот’ употребляется только в единственном числе, а существительное *die*

Musikalien ‘нотные издания’ имеет только форму множественного числа, в то время как слово *das Gebirge* ‘горы’ может употребляться как в единственном, так и во множественном числе [8].

Наряду с собирательными существительными в современном немецком языке также присутствуют другие средства выражения значения собирательности. В частности, некоторые лингвисты подчеркивают роль неопределенных местоимений для указания на приблизительное количество, а также обращают внимание на то, что некоторым из них присуща семантика собирательности. К таким местоимениям можно отнести *alles* ‘все’, *einige* ‘некоторые, несколько’, *etliche* ‘некоторые, несколько’, *mehrere* ‘некоторые, несколько’, *sämtlich* ‘все’, *viel/viele* ‘много, многие’, *wenig/wenige* ‘немного, немногие’ и др. Примечательно, что большинство вышеперечисленных местоимений способны замещать имя существительное, а не только сопровождать и определять его. Именно одиноким вариант употребления неопределенных местоимений, на наш взгляд, наиболее ярко раскрывает их собирательное значение, к примеру: *Alles einsteigen!* ‘Всем зайти в транспорт’ [9, с. 238-241]. *Mehrere [Mitglieder] stimmten dagegen* ‘Многие [участники] проголосовали против’ [10].

Неопределенно-личное местоимение *man* используется для указания на совокупность людей, которая может включать в себя неограниченное число участников. Члены указанной совокупности являются либо неизвестными собеседникам, либо говорящие предпочитают не называть их в контексте разговора. При переводе на русский язык местоимение *man* традиционно опускается или же замещается пассивной конструкцией: ср. *Man hat ihm den Koffer gestohlen* ‘У него украли чемодан’ и ‘Его чемодан был украден’.

Для указания на неизвестный неодушевленный предмет в современном немецком языке используются неопределенные местоимения *etwas/irgendetwas* и *was/irgendwas* ‘что-то’. Несмотря на то, что зачастую они называют единичный объект, не исключено их контекстуальное употребление с указанием на совокупность нескольких элементов. В качестве примера можем привести предложение *Etwas hat auf dem Bett gelegen* ‘Что-то лежало на кровати’, в котором неопределенность исчезнувших вещей может указывать как на один предмет, так и на несколько [11, с. 132-134].

Имена числительные занимают особое место среди маркеров значения собирательности. Анализирую полевою структуру данного разряда слов, Р. З. Мурясов отмечает необходимость разграничения собственно числительных и нумеративных конструкций, в которых помимо имен числительных присутствуют иные лексические средства, служащие уточнению семантики нумератива. В современном немецком языке роль собирательных числительных выполняет конструкция *zu* + порядковое числительное, например, *zu zweit* ‘вдвоем’ и *zu dritt* ‘втроем’ [12, с. 121-122].

Л. М. Голубенко высказывает предположение, что немецкие глаголы с первым компонентом *zusammen* ‘вместе’ также могут выступать в роли средств выражения категории собирательности, поскольку означают общие действия, а также действия, направленные на объединение, например, *zusammenkommen* ‘собраться’ или *zusammentragen* ‘сносить, собирать’ [2, с. 21].

Таким образом можно заключить, что современный немецкий язык имеет широкий спектр средств для выражения категории собирательности. На морфемном уровне ключевую роль для передачи значения собирательности играют

словообразовательные форманты: различные суффиксы, префикс *ge-* и некоторые полуаффиксы, которые придают производным существительным значение исследуемой категории. На лексическом уровне семантика собирательности передается как существительными, изначально обладавшими собирательным значением, так и получившими его в результате метафорического или метонимического переноса. Помимо собирательных имен существительных категориальное значение собирательности в современном немецком языке передается неопределенными и неопределенно-личными местоимениями. К синтаксическому уровню выражения собирательности можно отнести нумеративные конструкции с *zu* + порядковые числительные.

Вышеперечисленные средства выражения категории собирательности демонстрируют разнообразие возможностей современного немецкого языка в передаче значения собирательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярцева В. Н. Собирательности категория II Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) I под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Голубенко Л. М. Діахронічне дослідження іменників зі значенням збірності в німецькій мові // Записки з романо-германської філології. 2018. № 1 (40). С. 18–24.
3. Яценко Н. В. Компаративный анализ собирательных имен существительных русского, немецкого и английского языков и их передача с русского языка на немецкий и английский языки в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 178–187.
4. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М. : URSS, 2007. 344 с.
5. Васильева М. М. Практическая грамматика немецкого языка. М. : Гардарики, 1999. 238 с.
6. Махмудова С. С. Категория собирательности в таджикском и немецком языках: сопоставительный аспект // Вестник педагогического университета. 2021. № 6. С. 84–87.
7. Акуленко В. В. Категория количества в современных европейских языках. Киев : Наук. Думка, 1990. 284 с.
8. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1971. 518 S.
9. Тагиль И. П. Грамматика немецкого языка. С.-Пб. : Капо, 2010. 496 с.
10. „mehrere“, in: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1964–1977), kuratiert und bereitgestellt durch das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/mehrere> (abgerufen am 11.06.2025).
11. Зими́на Н. В. Особенности семантики неопределенных местоимений немецкого языка // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 131–135.
12. Мурясов Р. З. Полевая структура числительных в языковой системе // Вестник Башкирского университета. 2021. № 1. С. 120–124.

Чопсиева Гюльсум Мамед кызы
кандидат филологических наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
Южный федеральный университет,
Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации
e-mail: chopsieva@sfedu.ru

Giulsum Mamed kyzy Chopsieva
PhD in Philology
Rostov-on-Don, Russia
Southern Federal University, Institute of
Philology, Journalism and Intercultural
Communication
e-mail: chopsieva@sfedu.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРИЧИН МИГРАЦИИ В НОМИНАЦИЯХ МИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В настоящей статье проанализированы номинации мигрантов в немецком языке на материале статей федеральных и региональных медиаизданий Германии. На основе лексико-семантического анализа выявлены ключевые маркеры номинаций мигрантов согласно причинам их миграции: образовательный, трудовой, поиск убежища, военно-политический, экономический и экологический. В статье приведены примеры с номинациями мигрантов и контекстами их употребления в статьях СМИ. Проанализирован прагматический потенциал исследуемых номинаций. Выявлено, что указание на причины миграции способствует развитию в обществе более толерантного отношения к мигрантам, а также созданию более эффективных подходов к управлению миграционными потоками.

Ключевые слова: номинация; лексико-семантический анализ; мигрант; медиадискурс; медиаобраз мигранта.

VERBALIZATION OF MIGRATION REASONS IN THE NOMINATIONS OF MIGRANTS IN GERMAN MEDIA DISCOURSE

This article analyzes the nominations of migrants in the German language based on articles from federal and regional media publications in Germany. Key markers of migrant nominations were identified according to the reasons for their migration with the help of lexical and semantic analysis: educational, labor, asylum seeking, military-political, economic and environmental. The article provides examples of migrant nominations and the contexts of their usage in media articles. The pragmatic potential of the nominations is analyzed. It is revealed that indicating the reasons for migration contributes to the development of a more tolerant attitude towards migrants in society, as well as the creation of more effective approaches to managing migration flows.

Key words: nomination; lexical-semantic analysis; migrant; media discourse; media image of a migrant.

В последние десятилетия наблюдается рост миграционных движений в Европу, в особенности в Германию. Согласно статистическим данным, спектр причин миграцию в Германию был и остается довольно широким: поиск убежища, получение образования, возвращение этнических немцев на родину и т.д. Однако в немецком обществе наблюдается различное отношение к тем или иным группам мигрантов, которое формируется в первую очередь под влиянием СМИ. Причины миграции определяют дальнейший процесс интеграции мигрантов в новое общество [1, с. 168] и, как следствие, играют важную роль в конструировании образа мигрантов в принимающем обществе. В связи с этим

актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения лексико-семантических средств конструирования образа различных групп мигрантов, в т.ч. номинаций мигрантов в текстах СМИ. **Цель настоящего исследования** заключается в анализе ключевых номинаций мигрантов в медиадискурсе Германии, содержащих в себе указания на причины миграции и способствующих формированию в немецком обществе определённых представлений о различных группах мигрантов.

Материалом исследования выступают номинации мигрантов, представленные в глоссариях миграционных процессов „*Neue deutsche Medienmacher*innen*” (далее – NdM) и в статьях о миграции в федеральных изданиях „*Süddeutsche Zeitung*” (далее – SDZ), „*Die Zeit*” (далее – DZ) и региональной газете „*Rheinische Post*” (далее – RP), представленных в немецком корпусе COSMAS II за период с 2016 по 2023 гг.

Основные результаты и выводы. Анализ статей федеральных и региональных газет позволил выделить лексико-семантические группы номинаций мигрантов, категоризирующие их согласно причинам миграции, обозначенных нами как следующие маркеры: образовательный, трудовой, поиск убежища, военно-политический, экономический и экологический. Рассмотрим их на конкретных примерах.

В связи с тем, что Германия входит в тройку самых привлекательных стран для обучения, в стране растёт уровень образовательной миграции и, как следствие, количество иностранных студентов, которые составляют особую группу мигрантов. Образовательная цель миграции выражена, как правило, в номинациях с помощью существительного *Student* ‘студент’ и его определения *ausländisch* ‘иностранный’ (*ausländische Studenten*) или словосочетаний с предлогом, указывающих на континент или страну происхождения (*Studenten aus Asien* и др.). В примере ниже приведена численность студентов иностранного происхождения в Берлине, что подтверждает востребованность немецких вузов:

In diesem Jahr sind an deutschen Hochschulen zum ersten Mal mehr als 355 000 ausländische Studenten eingeschrieben (SDZ, 13.07.2017). ‘В этом году впервые в немецких вузах зарегистрировано более 355 000 иностранных студентов’.

Как правило, при описании представителей образовательной миграции имеются в виду молодые люди, которые являются самой мобильной группой населения. Цель этой группы мигрантов – получение профессионального образования и / или повышение квалификации. Данная категория мигрантов является одной из наиболее желательных, т.к. молодые люди, готовые обучаться в другой стране, способны быстро адаптироваться и интегрироваться в принимающее общество [2, с. 124].

История миграции в Германию тесно связана с трудовыми отношениями в немецком обществе, что отражается в номинациях мигрантов. Высокие размеры социальных пособий и заработных плат, хорошее образование объясняют выбор граждан других стран Германии как страны для миграции [3, с. 20]. Ввиду того, что такие лексические единицы, как *Fremdarbeiter* ‘иностраный рабочий’, *Gastarbeiter* ‘гастарбайтер’ являются устаревшими, появляются новые обозначения для мигрантов, прибывших в Германию с целью трудоустройства:

Arbeitseinwanderer, Arbeitsmigrant, ausländische Arbeitskräfte и др. (,трудовые мигранты‘/,иностранные рабочие‘). В данном примере подчёркивается, что немецкие компании нацелены на обучение и интеграцию иностранной рабочей силы, что является показателем привлекательности Германии для трудовых мигрантов:

*Die **Arbeitsmigranten** füllen Lücken, die der Fachkräftemangel offenlässt und die Betriebe unternehmen große Anstrengungen, sie zu integrieren und ihr Qualifikationsniveau zu heben. (SDZ, 24.01.2017).* ‘Трудовые мигранты заполняют пробелы, образовавшиеся из-за нехватки квалифицированных рабочих, и компании прилагают большие усилия для их интеграции и повышения уровня их квалификации‘.

Следующим важным маркером каузального параметра являются лексические единицы, номинирующие «поиск убежища» и содержащие компонент „Asyl-“ (‘убежище’) или „Schutz-“ (‘защита’), что свидетельствует о выделении группы мигрантов, нуждающихся в защите и поддержке, в отдельную категорию. Последняя представлена следующим синонимическим рядом: *Asylbewerber, Asylsuchende, Schutzsuchende, Zufluchtsuchende* и др.:

*275 **Asylsuchende** leben derzeit dauerhaft auf das ganze Stadtgebiet verteilt, teilte die Stadtverwaltung mit. Nicht eingerechnet ist in diese Zahlen die Unterbringung im ehemaligen Finanzamt am Mühlenturm, das als Notunterkunft des Landes Nordrhein-Westfalen betrieben wird (RP, 10.05.2016).* ‘По данным городской администрации, в настоящее время в городе постоянно проживают 275 просителей убежища. Эти цифры не включают размещение в бывшем налоговом управлении в Мюлентурм, которое используется в качестве экстренного размещения земель Северный Рейн-Вестфалия’.

В примере выше проиллюстрировано, что в одном из городов федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия организованы временные убежища (*Notunterkunft*) для лиц, ищущих убежище, что являлось одной из важнейших задач Германии во время Европейского миграционного кризиса.

Военно-политический маркер является следующим значимым маркером каузального параметра категоризации мигрантов. Данная группа включает в себя мигрантов, вынужденных покинуть свою страну проживания из-за военных действий в стране и, как следствие, угрозы их жизни или преследования со стороны государства за политические убеждения. Лексико-семантическая группа номинаций мигрантов, переселившихся по военным причинам, представлена рядом существительных, содержащих компонент *Krieg* ‘война’: *Bürgerkriegsflüchtling, Kriegsflüchtlinge* и др.:

*Ebenso wie die meisten anderen Parteien fordert auch die FDP ein Einwanderungsgesetz: Es müsse klar zwischen individuell **politisch Verfolgten, Kriegsflüchtlingen** und dauerhaften Einwanderern unterschieden werden. Für Kriegsflüchtlinge soll ein eigener Status geschaffen werden (RP, 16.09.2017).* ‘Как и большинство других партий, СвДП призывает к принятию закона об иммиграции: он должен четко различать преследуемых по индивидуальным политическим причинам, военных беженцев и постоянных иммигрантов. Для военных беженцев следует создать отдельный статус‘.

В примере выше указывается, что для военных беженцев в Германии необходим особый статус, отличающий их от других групп мигрантов. Кроме того, в примере подтверждается различие между вынужденной миграцией, которая связана с обстоятельствами, угрожающими жизни (*Kriegsflüchtlinge*), и принудительной миграцией (*politisch Verfolgten*) [4, с. 95]. Принудительными причинами являются изменения политического строя, противоречащего гражданской позиции мигранта, угроза жизни и изгнание [5, с. 80]. На принудительность миграции указывают такие лексические маркеры как префиксы *aus-* и *ver-*, где *aus-* указывает на направление движения, т.е. «из» родной страны, а префикс *ver-* имеет значение отдаления или изгнания: *Ausgebürgerter*, *Ausgewiesener*, *Verbannter*, *Vertriebene* ('изгнанный/сосланный').

Экономический маркер характеризуется признаком, указывающим на факт «побега от бедности». Люди в поисках реализации покидают свою страну вследствие низкого уровня оплаты труда и отсутствия перспектив улучшения жизненных условий. Данный маркер представлен лексическими единицами с компонентом *Armut-* (бедность) и *Wirtschaft-* (экономика): *Armutsflüchtling*, *Armutsmigrant*, *Armutszuwanderer*, *Wirtschaftsflüchtling* и др. Однако данная категория мигрантов описывается в СМИ негативно [6, с. 608], о чём свидетельствует пример ниже:

»*Wirtschaftsflüchtling*« ist längst ein Schimpfwort und die Einwanderung Unqualifizierter ein Synonym für »Illegalität« geworden (DZ, 30.12.2020). '«Экономический беженец» давно уже стало ругательством, а иммиграция неквалифицированных рабочих стала синонимом «нелегальности»'.

Мигранты также бывают вынуждены покинуть своё постоянное место проживания из-за угрозы жизни и здоровью вследствие природных катаклизмов, экологических катастроф и техногенных разрушений. Климатические изменения, экстремальные погодные условия вынуждают людей менять место проживания на территории с более благоприятными условиями [7, с. 156]. Номинации, вербализирующие вышеуказанные причины относятся к экологическому маркеру категоризации мигрантов. Лексические единицы данного маркера содержат в составе компонент *Klima* (климат) и *Umwelt* (окружающая среда): *Klimaflüchtling*, *Umweltflüchtling*. В настоящий момент данный маркер выражен в текстах СМИ незначительно.

Таким образом, указание причин миграции играет особую роль при категоризации мигрантов, т.к. знание причин позволяет коренным жителям прийти не только к пониманию действий мигрантов, обстоятельств их пребывания в Германии, но и на основании этого знания сформировать то или иное отношение к группам мигрантов. Знание причин миграции способствует развитию в обществе более толерантного отношения к мигрантам, а также созданию более эффективных подходов к управлению миграционными потоками. Понимание того, что миграция часто вызвана экономическими, политическими или социальными факторами, помогает принимающему обществу осознать, что мигранты не «вторженцы», а люди, ищущие лучшей жизни из-за сложных жизненных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамне А. Н. Влияние причин миграции на миграционно-правовую политику государства // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72–6. С. 166–169.
2. Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 3. С. 123–134.
3. Рязанцев С. В., Русу С. В., Медведь В. А. Факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015–2016 годов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 19–28.
4. Звягина Д. А. Миграция населения: факторы, причины, последствия // Социально–гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Ч. III. – Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 95–97.
5. Костева В. М. Энциклопедия «Миграция в Европе с XVII века по настоящее время» как источник для исследований миграционной лингвистики // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 76–84.
6. M. C. Wyszynski, R. Guerra, K. Bierwiazzonek Good refugees, bad migrants? Intergroup helping orientations toward refugees, migrants, and economic migrants in Germany // Journal of Applied Social Psychology. Vol. 50. 2020. P. 607–618.
7. Ленец А. В. Чопсиева Г. М. Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2(33). С. 152–160.

УДК 81'44

Ширинова Айшан Ибад гызы

аспирант

г. Баку, Азербайджан

Азербайджанский университет языков

e-mail: sev_h@bk.ru

Shirnova Ayshan Ibad

PhD student

Baku, Azerbaijan

Azerbaijan University of Languages

e-mail: sev_h@bk.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ (АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ): СТРУКТУРА И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ

В представленной статье рассматривается структура категории отрицания и способы её реализации в азербайджанском и английском языках. При этом отмечается, что категория отрицания всегда находится в единстве с категорией утверждения, они существуют вместе, и эта взаимосвязь важна. Также приводятся примеры, соответствующие теме, как из азербайджанского, так и из английского языков.

Ключевые слова: категория отрицания, категория утверждения, средства реализации отрицания, отрицательное значение, усиление значения

THE NEGATION ACROSS LANGUAGES (ENGLISH AND AZERBAIJANI): STRUCTURES AND INTERPRETATIONS

This article examines the structure of the category of negation and its implementation in Azerbaijani and English. It notes that the category of negation is always united with the category of affirmation; they exist together, and this relationship is important. Examples relevant to this topic are also provided from both Azerbaijani and English.

Key words: category of negation, category of affirmation, means of implementing negation, negative meaning, intensification of meaning

It is quite obvious that the concepts of affirmation and negation are of great importance in the field of linguistics. Most linguists considered the categories mentioned in their writings as the first categories to arise since the emergence of the conscious form of man. Examples include Getmanova A.D., Bakharev A.I. and others. They also viewed these categories as “existence” and “non-existence”. In addition, in this regard, we can mention Aristotle, one of the most famous philosophers of antiquity. So, in his opinion, negation is a logical category and is considered as “absence”, “negative expression”.

The novelty of our research lies in studying the means of expressing the semantics of absence and deficit in modern Azerbaijani and English languages based on the field method as a system with examples based on the structure of both languages, as well as in revealing the communicative and pragmatic perspectives of private verbs and private verb phraseology and studying the features of their use in terms of stylistic expediency.

Undoubtedly, we cannot talk about negation without the existence of the category of affirmation. Thus, the essence of the category of statement is the presence of a certain characteristic of an object, meaning, and in denial, the absence of these char-

acteristics is “asserted”. Logically, negation occurs during the transition from state A to state not-A [3].

Negation is also considered an “affirmation” of a false idea. Here is an example from the linguist whose name we mentioned above: “The moon is a satellite of the Earth” (a sentence or idea in the affirmative form) and “It is not true that wood is metal” (a sentence or idea in the negative form, but “claims” that this information is false). Since there are no clear, confirmed ideas in linguistics regarding the explanation of the categories of affirmation and negation, research in this area is still relevant. Because the problem of negation is one of the important problems of general linguistics [7]. Thus, it is argued that these categories belong not only to linguistics, but also to psychology. According to some linguists, negation is a product of human psychology, since sometimes negation, expressed by prosodic means, can “prove” this. Sometimes it is also noted that denial is an expression of the speaker’s feelings for another person.

To a certain extent, we agree with the views expressed. Thus, the use of the category of negation is understood as the expression of thoughts about a person, an object, a situation, and in this expression human feelings also come into play [8]. Therefore, the study of negation in psycholinguistics is important. In addition, we note that proponents of the psychological concept of denial consider it a “product” of the human psyche. From this point of view, they (O. Jespersen, G. Paul, J. Ginneken) consider denial to be purely subjective and assess it as “a purely subjective state of the human psyche”. Representatives of the psychological field O. Jespersen, H. Pound, V. Havers consider denial as an expression of a sense of resistance, as well as an expression of the attitude of the positive side, thoughts of prohibition, rejection, rejection [6].

The structure and forms of expression of the categories of affirmation and negation are different in each language. In this short study, we will look at the use of this expression in Azerbaijani and English. In Azerbaijani, negation is more often expressed using “deyil, yox(dur),-ma,-mə, nə, nə də, nə də ki”, and in English – using the particle “not” and negative pronouns. Let us look at some examples:

In Azerbaijani:

*Şimşəklər çaxar, doymaz,
Dağ-daşı yaxar doymaz.
Nə könlüm səndən dönər,
Nə gözüüm baxar, doymaz.*

*Dağ başın duman almaz,
Yar yarı dərdə salmaz.
Yar mənə bir dərd verib
Nə ötməz, nə sağalmaz*

İkrəmov başqa məsələlərdə nə qədər ürəyi yumşaq idisə, hirsli soyuyandan sonra nöqsanlara, yol verilmiş nalayiq hərəkətlərə təbii səbəb axtarır, qəhabət etmiş adama haqq qazandırmağa səy edirdisə də, özünü şirin salmağı xoşlamırdı. Tamahkarlara bəraət qazandırmırdı. Birinin ayrılıyından xəbər tutanda, ürəyinə dərd edirdi, öz-

özünə danışır, deyinirdi. İkrəmov üçün rüşvət, bir işi düzəltmək üçün pul ummaq heç bir qəbahətlə müqayisə olunmazdı. O söylənirdi ki, bu gün bir ehtiyat hissəsini rüşvətlə alan adam sabah pul gücünə haqqı-ədaləti tapdalayacaq, hər şeyə alver gözü ilə baxacaq... Cəlal əmi məsləhət gördü ki, bəlkə işi yoğunlatmayaq [4, p.323].

The sentences *O, kitab oxumur; Biz heç vaxt səhər yeməyi yemirik, Sən bunu bilmirsən* etc. are modified with negative words such as “deyil”, “-mir”, “yoxdur”. *Özünü elə aparırdı ki, guya bu him- cimin, çəkçevirin ona heç bir daxli yoxdur* (B.Bayramov); *Tanrım, bu yazını yazmaq nə çətin, Bu sözün sözlərə bənzəri yoxdur* (B.Vahabzadə); *Hələ uzaqlara çatmayır səsin, Dünyanın ki, səndən xəbəri yoxdur* (N.Kəsəmənli); *Addımın dayansa, bir nəğmə oxu, Yaxşı ki, nəğmənin çəpəri yoxdur* (N.Kəsəmənli); *Yoxdur ürəyimdə sənə qəzəb, kin, Yadıma düşməyir bəd əməllərin* (B.Vahabzadə). *Ömrüm boyu belə gəlib mənimki, əvvəldən biri vardı, biri yox* (N.Kəsəmənli); *Çarə yox dünyanın olacağına, Bir gün xəzan dəysə ömrün bağına* (Adil Cəmil. «Ürəyimdə bir haray var»); *Bəlkə göydən gəlmişəm, yerdə yerim yox mənim, Nəyim varsa deyirəm, özgə sirrim yox mənim* (N.Kəsəmənli. «Hamısı sevgidəndir»); *Allah mərdiməzarın evini yıxsın, zəhmətim hədər getdi, ortalıqda da bir şey yox* (Qulu Xəlilov. «Həyatdan gələn səslər»); *Bir gör ov kim, ovçu kimdi?- Ovçudan fayda yox sənə* (Firuzə Məmmədli. «Məni mənə bölən dünya»); *Tut ovçunu kəpəyinə, Unundan fayda yox sənə* (Firuzə Məmmədli).

As mentioned above, one of the special grammatical categories is the category of negation. Denial is a broad concept. In fact, since negation is the opposite of affirmation, it applies to all names and signs. If something, a sign, a quality is asserted, then it can also be denied. For example, this book is not a book, it's good, it's not good. This is dialectal negation and is directly related to thinking. One problem regarding this issue should also be noted. A similar antonym can also be shown for affirmation and negation. For example, it's good – it's not good, therefore it's bad. Of course, this is a type of cognitive denial. The category of negation refers to the morphological sign of verb negation.

While this category is expressed with a special form in some languages, in others it is expressed with a special preposition expressing negation.

In Azerbaijani, the category of negation is formed by adding *-ma*, *-mə* to the affirmative form of the verb: *get-getmə, oxudum-oxumadım, biləcəyəm-bilməyəcəyəm*. In English:

One, Wilson, the white hunter, she knew she had never truly seen before [2, p.304].

To those who have never wavered in conscience, the predicament of the individual whose mind is less strongly constituted and who trembles in the balance between duty and desire is scarcely appreciable, unless graphically portrayed. Those who have never heard that solemn voice of the ghostly clock which ticks with awful distinctness, “thou shalt”, “thou shalt not”, “thou shalt”, “thou shalt not”, are in no position to judge. Not alone in sensitive, highly organised natures is such a mental conflict possible. The dullest specimen of humanity, when drawn by desire toward evil, is recalled by a sense of right, which is proportionate in power and strength to his evil tendency. We must remember that it may not be a knowledge of right, for no knowledge of right is predicated of the animal's instinctive recoil at evil. Men are still

led by instinct before they are regulated by knowledge. It is instinct which recalls the criminal - it is instinct (where highly organised reasoning is absent) which gives the criminal his feeling of danger, his fear of wrong.

...To those who have never experienced such a mental dilemma, the following will appeal on the simple ground of revelation [5, p.297].

As can be seen from the examples, the means of implementing negation in both languages were used correctly and served to understand the meaning. In addition, both affirmation and negation are reinforced or intensified by various linguistic means. As noted in the linguistic literature, there is no consensus among linguists as to what intensification (reinforcement) refers to in this sense: the meaning of negation or the means of expressing negation. It can be assumed that negation and affirmation can be expressed with varying degrees of expressiveness in each language. Of course, strengthening negation can be considered as a means, and this leads to the fact that the sentence acquires negative content to one degree or another.

If we consider this issue in the compared languages, then in English the predicate of sentences with the words “never, nothing, nowhere” is affirmative, although the content and sentence as a whole are negated, and the rhematic negation leads to an increase in the affirmative effect. In the Azerbaijani language, when using the word “heç” in negative sentences expressing confidence, the predicate is also used in negation, and a double negation is created, but when repeating the conjunction of negation, the content is generally affirmative, although the predicate is affirmative.

REFERENCES

1. Abdullayev S.Ə. Müasir alman və Azərbaycan dillərində inkarlıq kateqoriyası. Bakı, “Maarif”, 1998. 278 s.
2. American short stories the XX century. Moscow, Raduga, 1989. 589 p.
3. Бахарев А. И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов, Изд-во Саратовского УН-та, 1980. 77 с.
4. Əlibəyov C. Mənim analı dünyam / C.Əlibəyov. Bakı, Yazıçı, 1988. 703 s.
5. Dreiser Th. Sister Carrie / Th.Dreiser. Moscow, 1968. 593 p.
6. Qinneken J. Principes de la linguistique psychologique, Paris, 1907. 552 p.
7. Süleymanova V.M. Müasir ingilis dilində privativ feillər və onların semantik-üslubi səciyyəsi. 10.02.04 – German dilləri. Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı, 2012. 28 s.
8. Xəlilov B. Müasir Azərbaycan dilinin morfolojiyası. I hissə. Bakı, 2000. 280 s.

УДК 811.112. 2'42'37

Шевцова Валентина Анатольевна

кандидат филологических наук

Минск, Беларусь,

Белорусский государственный уни-

верситет иностранных языков

e-mail: schewzowa_w@mail.ru

Shevtsova Valentina Anatolyevna

Cand. of Sc. (Philology)

Minsk, Belarus

Belarusian State University of Foreign

Languages

e-mail: schewzowa_w@mail.ru

ВАРИАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ реализации оценочной и стилистической функций соматических фразеологизмов с компонентом *Auge* в газетном дискурсе. Установлено, что большинство фразеологизмов используются для выражения негативной оценки и служат оценочным усилителем в контексте по параметру «Неспособность». Стилистическая функция фразеологизмов используется для передачи эмоции «удивление» и направлена на создание образности в контекстах газетного дискурса.

Ключевые слова: фразеологизм; соматизм; газетный дискурс; оценочная функция; стилистическая функция.

VARIABLE FUNCTIONS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN GERMAN NEWSPAPER DISCOURSE

The article presents an analysis of the implementation of the evaluative and stylistic functions of somatic phraseological units with the *eye* component in newspaper discourse. It has been established that most phraseological units are used to express a negative assessment and serve as an evaluative amplifier in the context of the "Inability" parameter. The stylistic function of phraseological units is used to convey the emotion of "surprise" and is aimed at creating imagery in the contexts of newspaper discourse.

Key words: phraseological unit; somatism; newspaper discourse; evaluative function; stylistic function.

Фразеологические обороты, как и слова, являются воспроизводимыми устойчивыми единицами, выполняющими номинативную и коммуникативную функции. При этом, роль фразеологизмов в тексте не ограничивается только их универсальными и константными функциями. Использование в конкретном контексте или тексте воспроизводимых в готовом виде языковых формул помогает автору не только ярко, образно и эмоционально, но и более убедительно донести информацию до адресата.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки вопросов использования фразеологической номинации, связанных с функционированием в тексте определенных групп фразеологизмов, в состав которых входят лексемы с высокой языковой частотностью. К таким словам относятся цветообозначения, соматизмы, зоонимы, онимы, числительные и др., которые характеризуются фразеологической активностью, т.е. выступая в качестве опорного слова, образуют целый ряд фразеологических моде-

лей с данными компонентами. Фразеологическая частотность устойчивых единиц, как правило, коррелирует с их употребительностью в тексте: чем большее количество фразеологизмов с конкретным словом-компонентом зафиксировано во фразеологических словарях, тем чаще употребляется данный фразеологизм в тексте и речи. В этой связи встает вопрос, почему, с какой целью и в какой коммуникативной ситуации адресант использует тот иной фразеологический оборот.

Исследования, посвященные функционированию языковых единиц в тексте, начали проводиться еще в прошлом столетии, не утратив своей актуальности и в настоящее время. Это связано, с одной стороны, с появлением интернет-коммуникации, и, соответственно, новых жанров и типов дискурса, а, с другой стороны, с отказом от структурализма и переходом к активному применению в исследованиях функционального и корпусного подходов.

Цель данного исследования заключается в установлении особенностей функционирования соматических фразеологизмов с компонентом *Auge* в газетном дискурсе с точки зрения употребления в вариативных функциях – оценочной и стилистической. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: определить вариативные функции соматических фразеологизмов в тексте; установить параметры усиления оценочности соматических фразеологизмов, реализующих оценочную функцию; выявить особенности реализации стилистической функции соматических фразеологизмов с точки зрения эмоциональной и образной составляющей.

Методология и материал исследования. Функциональный подход в настоящем исследовании рассматривается как инструмент для определения функций фразеологизма, которые он реализует в конкретном тексте. Одним из базовых и наиболее дискуссионных терминов функциональной лингвистики, не получившим однозначного толкования, является «функция». В нашей работе мы исходим из понимания, что «функция – это не роль, назначение, особенности использования языковой единицы (или категории) в границах другой языковой единицы (либо подсистемы единиц) более высокого уровня, а назначение языковых единиц в составе речевой организации для наиболее целесообразной и эффективной реализации коммуникативного задания в конкретной сфере общения» [1, с. 21–22].

Исследования, посвященные анализу функционирования фразеологизмов в тексте, проводятся на материале разных типов дискурса, разных языков и разных фразеологических групп. Для определения функций фразеологизмов в тексте мы используем классификацию А.В. Кунина, согласно которой, все фразеологизмы выполняют в языке четыре важные функции: номинативную (называют явления), коммуникативную (упрощают общение), оценочную (выражают отношение) и стилистическую (делают речь ярче) [2, с. 58].

Для выполнения исследования применялась также методика М. Беднарек, согласно которой фразеологизмы усиливают авторскую оценку в тексте по пяти оценочным параметрам: «Способность/Неспособность», «Правдивость/Неправдивость», «Решительность/Нерешительность», «Этично/Неэтично», «Обычно/Необычно» [3, р. 190–196]. Такой комплексный подход позволил бо-

лее глубоко посмотреть на коммуникативную роль соматических фразеологизмов в газетном дискурсе.

Эмпирической базой для проведения данного исследования послужил немецкий корпус текстов «Korpora in DWDS»⁴, который включает электронную версию газеты «Der Tagesspiegel» с общим количеством вхождений более миллиона (1 206 064 вхождений на 21.06.2025). Для проведения исследования был сформирован корпус (196 контекстов) онлайн-версии указанного издания, в которых употребляются немецкие фразеологизмы с компонентом *Auge* ‘глаз’ за период с 2004 по 2024 годы. Выбор данной соматической группы фразеологизмов не случаен: лексема *Auge* является очень активной и в повседневном общении, и в письменной речи, благодаря своему основному значению – ‘орган зрения’.

Оценочная функция соматических фразеологизмов с компонентом *Auge*. Наиболее частотной во фразеологии, по мнению Д. О. Добровольского, является именно «отрицательная оценка, что объясняется когнитивной спецификой восприятия: негативная информация воспринимается и кодируется глубже и дифференцированнее. Особенно это заметно в медийных текстах, где отрицательно окрашенные идиомы используются для усиления иронии, насмешки, сатиры» [4, с. 179]. Данное утверждение находит свое подтверждение в исследуемом материале: отрицательная оценочная функция немецких фразеологизмов с компонентом *Auge* выявлена в большинстве контекстов, что составляет 60% выборки.

В результате проведенного анализа было установлено, что соматические оценочные фразеологизмы могут служить для усиления оценочности в конкретном контексте по всем указанным параметрам. При этом, большинство соматических фразеологизмов с компонентом *Auge* служат для усиления оценки в анализируемых контекстах по оценочному параметру «Неспособность». Так, например, фразеологический оборот *jmdm. unter die Augen kommen* ‘быть замеченным кем-либо’ служит для усиления негативной характеристики лица (наряду с лексемами с отрицательной денотативной семантикой – *vinovat*, *плохой* и лексемой с отрицательной коннотативной оценочностью – *кощунственный*). Фразеологизм выступает в данном контексте в значении ‘упущение’, подчеркивая неспособность объекта оценивания – писательницы – привлечь внимания немецкоязычной публики к своим произведениям:

(1) *An der Tatsache, dass Amerikas **lästerlichste** Kolumnistin 70 Jahre alt werden konnte, ohne dass den Deutschen auch nur eine Zeile von ihr **unter die Augen kam**, wo sonst oft schon ein Probekapitel **dürftiger** Creative-Writing-Prosa meistbietend über den Teich geht, trifft sie selbst zumindest eine Mitschuld* ‘Она сама, по крайней мере, отчасти виновата в том, что самой кощунственной колумнистке Америки исполнилось 70 лет, и немцы не заметили ни одной ее строчки, в то время как в иных случаях образцовая глава плохой творческой прозы часто становится самым дорогим товаром по ту сторону пруда’⁵ (Der Tagesspiegel, 23.03.2022).

⁴ URL: <https://www.dwds.de/d/korpora>

⁵ Здесь и далее перевод наш – В.ИИ.

Фразеологизм *mit offenen Augen schlafen* ‘не обращать внимание’ используется для усиления негативной оценки деятельности администрации президента Буша (что подкрепляется лексемой *обвинить*) также по параметру «Неспособность», поскольку отсутствует навык осуществлять контроль в финансовой сфере:

(2) [...] *Obama wichtige Posten für die Finanzkontrolle besetzt. Zugleich warf er der scheidenden Regierung von George W. Bush vor, hinsichtlich der Kontrolle des Finanzsystems in den USA „mit offenen Augen geschlafen“ zu haben* ‘[...] Обама занял важный пост в сфере финансового контроля. В то же время он обвинил уходящую администрацию Джорджа Буша-младшего в том, что она «не следила» в плане контроля над финансовой системой США’ (Der Tagesspiegel, 19.12.2008).

Фразеологизм *jmdm. etw. aufs Auge drücken* ‘навязывать кому-л. что-л.’ используется для усиления негативной оценки по параметру «Неэтично» (второй по количеству употребления), поскольку, по мнению автора, проводимая федеральная политика не учитывает финансовые возможности местных властей, что противоречит моральным нормам:

(3) [...] *wuchs sogar von 5,6 auf 27,5 Milliarden Euro. Die Sozialausgaben werden den Kommunen oft durch die Gesetzgebung des Bundes aufs Auge gedrückt, ohne dass die finanzielle Kompensation immer stimmt. So etwa beim Ausbau der Kinderbetreuung.* ‘[...] даже выросли с 5,6 до 27,5 миллиардов евро. Социальные расходы часто навязываются местным властям федеральным законодательством без должной финансовой компенсации (Der Tagesspiegel, 10.03.2010).

Положительная оценочная функция немецких фразеологизмов с компонентом *Auge* реализуется чаще всего по параметру «Правдивость», например, фразеологизм *die Augen öffnen* усиливает положительную оценку ситуации по данному параметру, так как общественности представлена достоверная информация:

(4) [...] *komparatistischen Projekt arbeitet, taugt das alles nicht mehr zur Provokation. Hierzulande, zumal in der Stadt des geplanten Humboldt-Forums, könnte es Ratlosen die Augen öffnen* ‘[...] работают над сравнительным проектом, все это уже не провокация. В этой стране, особенно в городе планируемого Форума Гумбольдта, он может открыть глаза недоумевающим’ (Der Tagesspiegel, 19.07.2015).

Стилистическая функция с компонентом *Auge*. Стилистическая функция устойчивых единиц подразделяется на эмоционально-экспрессивную (фразеологизм позволяет выразить чувства) и экспрессивно-образную (автор передает читателю образ). Количество фразеологических единиц, выполняющих эмоционально-экспрессивную стилистическую функцию, составило одну треть. Почти 70 % т.н. стилистических фразеологизмов используются для иллюстрации авторской экспрессии и наглядной образности в тексте. Эмоционально-экспрессивные соматические фразеологизмы в газетных текстах призваны выражать определённые эмоции. Эмоция «удивление» выступает в качестве базовой во многих контекстах, что можно объяснить семантикой основного компонента – лексемы *Auge* ‘глаз’. В ходе исследования была выявлена разная сте-

пень эмоции «удивление» – от ее сочетания с другими эмоциями (низкая степень), только данная эмоция (средняя степень) до очень сильного удивления (сильная степень):

- удивление, огорчение, утешение:

(5) *Eine der schönsten Passagen in der Bibel ist, wo Jesus eine Notsituation sieht*

und es heißt: Ihm gingen die Augen über. Jesus weint, das tröstet mich beim Zweifeln. ‘Один из самых красивых отрывков в Библии – это место, где Иисус видит чрезвычайную ситуацию, и там говорится: «Он был ошеломлён». Иисус плачет, и это утешает меня, когда я сомневаюсь’ (Der Tagesspiegel, 21.04.2019).

- сильное удивление:

(6) *“Ich bin auch Jude”. Woraufhin Tony große Augen machte: „But you‘ re not rich! Du bist nicht reich!“* ‘Я тоже еврей. После этого Тони удивился: «Но ты же не богат! Ты не богат!»’ (Der Tagesspiegel, 10.09.2024).

- очень сильное удивление (на грани смертельного шока):

(7) *Die Veröffentlichung der Skandalbilder sei ein Angriff auf die Armee. Er habe seinen Augen nicht trauen können, berichtete der Chefredakteur der liberalen Zeitung „Radikal“, Ismet Berkan, am Freitag: „Als wäre Hrant noch einmal ermordet worden“, schrieb Berkan* ‘Публикация скандальных фотографий – это нападение на армию. Он не мог поверить своим глазам, сообщил в пятницу главный редактор либеральной газеты «Радикал» Исмет Беркан: «Как будто Гранта снова убили», – написал Беркан’ (Der Tagesspiegel, 03.02.2007).

В ходе анализа было также замечено, что экспрессивно-образная функция соматических фразеологизмов подкрепляется еще одним приемом – стилистической конвергенцией. Довольно часто для создания яркого образа авторы прибегают одновременно к нескольким стилистическим средствам, например, эпитетам *lästerlichst, dürftig* в примере (1), повторам, восклицаниям в примере (6), перечислениям в следующем примере:

(8) *[...] was passiert, wenn Städter nach Körzin, ins Beelitzer Bullerbü herkommen. Da gehen die Augen auf, da rennen Kinder durch die Ställe, über die Köpfe der Besucher düsen die Mauersegler. Man darf frische Milch probieren, viele Fragen stellen, hausgemachten Blechkuch[...]* ‘[...] что происходит, когда городские жители приезжают в Кёрзин, в Белитц Буллербю. Прозревают, дети бегут по конюшне, стрижи летают над головами посетителей. Вы можете попробовать свежее молоко, задать множество вопросов, отведать домашние пироги и[...]’ (Der Tagesspiegel, 07.06.2018).

Заключение. Анализ немецких газетных контекстов с соматическими фразеологизмами с точки зрения реализации их вариативных функций подтвердил известный тезис о том, что устойчивые единицы в тексте используются чаще всего для выражения оценочности, а, именно, негативной оценки.

Отличительной коммуникативной чертой оценочных соматических фразеологизмов в исследуемом материале является их ведущая роль как усилителя авторской оценки по отношению к объекту оценивания. Среди пяти типов оценочных параметров наиболее частотным оказался параметр «Неспособность»

для выражения негативной оценки. Для демонстрации положительной оценки авторы чаще всего выбирают оценочный параметр «Правдивость».

Соматические фразеологизмы с компонентом *Auge* реализуют стилистическую эмоционально-экспрессивную функцию в контекстах с выраженной эмоционально-чувственной семантикой, при этом ведущей эмоцией выступает удивление. Для создания яркого и запоминающего образа автор прибегает к целому комплексу стилистических средств, активно используя прием стилистической конвергенции: эпитеты, повторы и восклицания удачно сочетаются с соматическими фразеологизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина Н. М. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвистики и ее основные категории. Пермь : ПГУ, 1983. С. 15-23.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Феникс, 1996. 381 с.
3. Bednarek M. Evaluation in media discourse. Analysis of a newspaper corpus. London / New York : Continuum, 2006. 272 p.
4. Добровольский Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков): дис. ... д-ра филол. наук. М. : 1990. 441 с.

УДК: 811.111

Ширзадова Лятифа Вугар кызы
аспирант
г. Баку, Азербайджан
Азербайджанский университет языков
e-mail: shirzadovalatifa5@gmail.com

Latifa Vugar Shirzadova
PhD student
Baku, Azerbaijan
Azerbaijan University of Languages
e-mail: shirzadovalatifa5@gmail.com

РОЛЬ СИНОНИМИИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Данная статья исследует ключевую роль синонимии в семантической структуре текстов. Синонимы рассматриваются не как простые взаимозаменяемые единицы, а как фундаментальный лингвистический механизм, жизненно важный для достижения семантической ясности, стилистического разнообразия, когезии и когерентности дискурса.

Основная цель – доказать, что синонимия не является тривиальной лексической заменой, а является основой семантической плотности текста.

В статье используется метод Дескриптивного и Сравнительного Лингвистического Анализа, который включает следующие этапы:

- Определение неабсолютной синонимии: оспаривается идея полных эквивалентов, поскольку все синонимы различаются по коннотации, регистру или контексту.
- Идентификация источников: Классификация их происхождения на Лексическое Заимствование (например, романские vs. исконные термины) и Лингвистическое Развитие.
- Анализ функциональных различий: Разграничение общих и контекстуальных синонимов, которые служат конкретным стилистическим целям (например, эмфазе или избеганию избыточности).
- Интеграция текстовой лингвистики: Рассмотрение синонимии как формы реинтерпретации (повторного наименования), которая строит лексическую когезию и обеспечивает общую когерентность текста.

Синонимия – это основополагающий текстообразующий ресурс, выполняющий важнейшие коммуникативные и эстетические функции.

Выбор синонима всегда уточняет смысл: исконные термины (*motherhood*) несут эмоциональные ассоциации, тогда как заимствованные (*maternity*) более нейтральны/клиничны. Писатели стратегически используют расхождения в тоне (*dad* vs. *father*) для создания риторических эффектов и избегания повторов. Синонимы создают лексическую когезию, которая необходима для поддержания логической последовательности. Они являются неотъемлемыми единицами, обеспечивающими выразительную многосторонность языка.

Ключевые слова: лексическая семантика; диахроническая лингвистика; языковая вариативность; экспрессивный язык; семантический нюанс; литературный стиль; кросс-лингвистический анализ.

THE ROLE OF SYNONYMY IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF A TEXT

This article investigates the essential role of synonymy in the semantic structure of texts, asserting that synonyms function not merely as interchangeable lexical units but as significant tools for semantic clarity, stylistic nuance, and expressive variation. The primary aim of the article is to establish that synonymy is not trivial lexical interchangeability, but a core linguistic mechanism vital for semantic density, stylistic variety, and the achievement of cohesion and coherence in discourse.

The article uses a Descriptive and Comparative Linguistic Analysis method, proceeding through the following steps:

- Defining Non-Absolute Synonymy: Challenging the notion of perfect equivalents by noting that all synonyms diverge in connotation, register, or context.
- Identifying Sources: Classifying the origins of synonymy into Lexical Borrowing (e.g., Romance vs. Native English terms) and Linguistic Development (e.g., semantic broadening, analogical extension).
- Analyzing Functional Differences: Distinguishing between general equivalents and Contextual Synonyms that are only synonymous in specific settings to achieve stylistic goals (e.g., emphasis, redundancy avoidance).
- Integrating Text Linguistics: Placing synonymy within the framework of cohesion (specifically as reiteration which builds lexical cohesion) and coherence (the resulting semantic unity).

The article concludes that synonymy is a fundamental text-building resource that serves crucial communicative and aesthetic functions. Native terms (motherhood) carry emotive/cultural associations, while Romance-derived terms (maternity) are more clinical/restricted, proving that synonym selection refines meaning. Writers strategically exploit the divergence in emotional valence and tone (e.g., dad vs. father) to create rhetorical effects and avoid repetition, as seen in literary examples like Dickens's use of notoriously and immortal. Synonyms create lexical cohesion - a form of reiteration, which is essential for maintaining the coherence and logical sequence of the text (e.g., using important and necessary across sentences to link ideas). Synonyms are integral lexical units that help maintain a language's unique characteristics and offer considerable expressive versatility.

Key words: lexical semantics; diachronic linguistics; linguistic variation; expressive language; semantic nuance; literary style; cross-linguistic analysis.

Synonyms are lexical units that reflect nuanced semantic distinctions within a shared core meaning. In English, as in most natural languages, absolute synonymy is virtually nonexistent. Even when two lexemes enter the language independently to denote the same referent, diachronic semantic evolution invariably leads to subtle divergences in connotation, register and contextual appropriateness.

The emergence of synonymy can be primarily attributed to two overarching linguistic processes:

1. Educational and Cognitive Expansion: As scientific inquiry and human cognition advance, language incorporates new terms to accommodate increasingly abstract or refined conceptualizations.

2. Lexical Borrowing: Foreign lexemes are assimilated into the native lexicon as a result of socio-historical interactions such as conquest, trade or intellectual exchange.

In the formative stages of linguistic development, a tendency toward expressive diversification emerges, typically through three mechanisms:

a) semantic broadening

Originally monosemous lexemes frequently evolve into polysemous entities, acquiring multiple related meanings. This semantic expansion, while enriching expression, can introduce ambiguity, thereby necessitating the development of new lexemes or the narrowing of existing ones. For instance, the Old English word *dumb* initially denoted *stupid*, but gradually came to signify individuals who refrained from speech in public, and eventually those physically incapable of speaking. In contemporary English, *dumb* may also convey voluntary silence or emotional restraint. The semantic field of dumbness now includes associations such as quiet, uncomplaining, indifferent, forbearing, and forgiving, illustrating how a word's denotative meaning can shift toward an array of connotative interpretations.

b) analogical extension

Lexical items often undergo metaphorical or functional extension. For instance, while *middle* designates the center of a physical object, *heart* is metaphorically construed as the emotional or spiritual core - yielding idiomatic expressions like the heart of England. Similarly, *brightness*, which literally refers to visual luminosity, is metaphorically employed to denote intellectual acumen, establishing functional synonymy with intelligence. Such analogical transformations are especially characteristic of the English linguistic psyche.

c) associative shift

Words may acquire novel meanings through socio-cultural and contextual association. A king, for example, wears a crown and sits on a throne, allowing these symbols to metaphorically represent monarchical authority - as in expressions like loyalty to the crown. Similarly, the literary figure Lothario, originating from Nicholas Rowe's "The Fair Penitent" has become emblematic of a seductive libertine, owing to narrative association [1, p. 15].

Synonymy is fundamentally motivated by the pursuit of stylistic richness and lexical variety. Modern English exhibits an especially dense synonymic network, facilitating the articulation of refined semantic nuances. This is especially salient in the distinction between emotionally resonant and technically precise vocabulary. Consider the contrast between native English terms such as *motherhood*, *fatherly*, and *manly*, which carry emotive and cultural associations, and their Romance-derived counterparts *maternity*, *paternal*, *parental*, *male* and *masculine* which are generally more clinical and restricted in usage. For example, while *motherhood* connotes nurturing and emotional bonding, *maternity* is typically limited to biological childbirth. Similarly, *fatherly* implies kindness and moral presence, whereas *paternal* relates to legal responsibility or lineage.

These distinctions underscore the necessity for precise synonym selection in discourse, as different terms carry divergent stylistic, cultural and emotional implications. A notable trend in modern English prose is the preferential use of Romance-origin synonyms over native alternatives. However, language purists caution that such choices may undermine clarity and alienate readers unfamiliar with foreign-derived terminology, since native lexemes tend to resonate more directly with the linguistic intuition of the average speaker.

Therefore, synonymy is not merely a linguistic ornament but a core mechanism for semantic enrichment. Given that no pair of synonyms is truly interchangeable across all contexts, synonym selection demands heightened linguistic sensitivity and contextual awareness. Comparative literary analysis across languages - such as English and Azerbaijani - further demonstrates the cultural embeddedness of synonymic usage and the necessity of cross-linguistic understanding in semantic interpretation.

Language, being inherently dynamic, perpetually oscillates between form and meaning. If we consider the lexical field of *sad*, *encompassing sorrow*, *gloom*, *tragedy*, and *despair* or the semantic network surrounding *love*, *including charity*, *friendship*, *affection*, *passion*, *tenderness*, *devotion*, *amour* and *lust* we may see each term introduces a distinct emotional or stylistic shade and none can serve as a perfect sub-

stitute for another. Writers skillfully leverage this semantic range to enrich their textual expression [3, p. 156].

For example, the poet Robert Herrick's line - "*Bid me to live, and I will live, thy Protestant to be*" - deploys Protestant in a singular, poetic context that defies synonymic replacement. Likewise, Charles Dickens's phrase - "*as though they themselves were notoriously immortal*" - exploits the ironic juxtaposition of notoriously and immortal, creating a rhetorical effect unattainable through more neutral alternatives [7, p. 61].

Moreover, synonyms may exhibit divergence in stylistic tone and emotional valence. When differences in register or nuance are pronounced, such terms are classified as stylistic synonyms. Among these, contextual synonyms hold particular significance. Unlike dictionary-defined equivalents, contextual synonyms acquire synonymic function only within specific discursive settings. Context confers unique emotional and evaluative undertones upon a word, elevating its pragmatic function and facilitating both semantic precision and stylistic variety. This mechanism aids in avoiding redundancy and allows for more nuanced expression of the author's stance.

Contextual synonymy manifests through various stylistic devices. Synonym pairs frequently observed in English, they are employed for emphasis and rhetorical amplification. Additionally, synonymous clusters may appear within a passage, a technique known as semantic reinforcement. Writers also utilize synonymous variation, which permits differentiated articulation of concepts without repetition and even non-synonymous terms may acquire temporary synonymy in specific contexts, enriching the text's expressive depth [7, p. 125].

Strategic synonym use is especially encouraged in stylistic domains where personal expression and creativity are foregrounded such as literary prose, journalism and narrative nonfiction, though it is less applicable in rigid genres like scientific or legal discourse.

The abundance of synonymous resources in English enables authors to navigate multiple dimensions of meaning with precision and aesthetic sensitivity. Beyond the lexical level, syntactic synonymy further enhances expressive capacity, as varied syntactic constructions allow for flexible rephrasing of ideas. Poetic devices such as metaphor and personification often give rise to stylistic synonymy, especially within literary texts. For instance, describing flames rising toward the sky as reaching like a pole transforms a simple physical phenomenon into a vivid, figurative expression [2, p. 63].

Stylistic synonyms, while semantically proximate, differ in pragmatic, emotional and connotative dimensions. They are context-dependent rather than interchangeable and their inappropriate substitution may result in communicative distortion. For example, the lexical pairs *children* - *infants* or *dad* - *father* illustrate how choice of synonym can signal different levels of formality, intimacy or cultural framing.

Text is not only composed of sentences, text is also the unity of cohesion and coherence. If coherence and cohesion do not exist in the text, it can absolutely not be understood. If we look at I. R. Galperin's explanation of cohesion: "Cohesion is one of the rich and various means in literary works. The logical, psychological, and formal -structural types of cohesion are so numerous that in some texts, it is difficult to

give them a taxonomic character. To fully reveal the difference of cohesion in a literary text, it is first necessary to separate it into its components. Distant cohesion, in general, is characteristic only of literary works” [4, p. 75].

Cohesion, while based on formal relations between words and sentences, is divided into two groups: lexical and grammatical. M.A.K. Halliday and R. Hasan divide grammatical cohesion into four classes. These are: reference, substitution, ellipsis, conjunction [5, p. 4].

Reference itself is divided into two types: endophora and exophora. Endophora relates to the situation, exophora relates to the text. Endophora also has two types: anaphora and cataphora. Anaphora is a reference to the preceding text, cataphora is a reference to the following text. As an example:

/The girl is cooking /// She is 18 years old // In the given example, the pronoun “she” in the second sentence refers to the word “the girl” in the previous sentence, and for this reason, it is called anaphoric reference. Let’s look at another example:

/After her arriving home, my sister cooked a cake// in this sentence, “her” is considered a cataphoric reference, because it refers to the phrase “my sister”.

Substitution is the replacement of one word with another, and ellipsis is the omission of words. For example, in English, /one/, /ones/, /same/, /do/, /did/, /so/, /not/ can be classified as substitution:

- Which flowers do you like? - The red ones.

“A large caravan was moving ahead of them - carriages, and many people walking behind the carriages”.

Conjunction arranges the elements in the text in logical sequence. The role of conjunction in creating cohesion is more significant.

Common nouns, reiteration and other lexical connections used to create cohesion are classified as lexical cohesion. Common nouns have references to the main noun class as small groups. As an example, the words /human/, /place/, /fact/ can be shown.

In general, one of the forms of lexical cohesion related to the repetition of lexemes, the use of common nouns for reference to the previous lexeme, and the use of synonyms is reiteration. Let’s look at the examples:

/There were lots of colourful flowers in her garden//

/One day she picked all pink flowers//

/Education is important for our future//

/It is necessary to study//

The word “flowers” is a repetition, and the synonyms “important, necessary” in the given examples play a role in the creation of lexical cohesion. If one lexeme refers to another lexeme it is related to by being a general referent, this is reiteration.

However, lexical cohesion is not only achieved through two lexemes with the same referent. For example,

/This child is very curious//

/Children like watching TV//

/On Sundays children play in the yard//

The words /child/ and /children/ in the given examples do not have the same referent. As can be seen, lexical cohesion is achieved with comparative reference.

Coherence, defined as the deep-seated semantic and conceptual connectivity of a text, encompasses both linguistic and substantially extralinguistic dimensions. It consistently manifests at the surface level through explicit linguistic markers. Under appropriate contextual conditions, even a seemingly disjointed sequence of words and sentences may be interpreted as a coherent discourse by the recipient, thereby facilitating its meaningful perception. Coherence is also the continuum and logical sequence in the text. The general principle of the interpretation of language in context is coherence. Coherence refers to the semantic unity created between the ideas, sentences, paragraphs, and sections in the writing and allows the reader to understand the text. Coherence is the semantic relation that is formed by the interpretation of each sentence in the discourse, which involves the connection between the text, the writer, and the reader, being consistent with the interpretation of the other sentences.

In textual composition, the realization of cohesion is contingent upon the dynamic interaction between cohesive devices and coherence, shaped by the communicative intent of the author. The structural components of a text maintain reciprocal connections, contributing to its overall unity. Within the domain of text linguistics, scholarly attention predominantly centers on the mechanisms that integrate individual elements into a cohesive and coherent whole.

In modern linguistics, every linguistic code is analyzed from the perspective of its communicative function. As a result, text is viewed not as a static unit, but as a communicative unit with shifting boundaries.

Every text has a manner in which it is written, and this is its style. Texts are clothed in a stylistic mantle. The problem of functional styles began to attract attention as a special direction in linguistic research from the beginning of the 20th century in the works of I.A. Baudouin de Courtenay, E.D. Polivanov, V.V. Vinogradov, L.P. Yakubinsky, and others. Work on functional styles was carried out as a result of the idea of the theory of language functional styles in the research of I.R. Galperin, I.V. Arnold, O.S. Akhmanova, V.A. Kukharensky, O.G. Rizel, M.N. Kozhina, and other linguists. The functionalization of language in various spheres of society's activities has become the subject of many recent studies, and the problem of differentiating the division of language into functional styles has been central to many works. Alongside this, a number of studies on style were conducted in the 20th century, and it was approached from the viewpoints of monism, dualism, and pluralism. Among these approaches, style - as "the dress of thought" and style - as a method of expression generate particular interest. The metaphor /Dress of thought/ generates interest. S. Wesley presents it like this:

"Style is the dress of thought, a modest dress" [8, p. 18].

Synonymy is not the trivial notion of lexical interchangeability, it is a fundamental linguistic process that facilitates semantic density, stylistic variation and communicative specificity. It is essential to the build-up of layered textual meaning, the transmission of cultural nuance and the establishment of reader engagement.

Finally, synonyms, as integral lexical units that form the foundation of a language's vocabulary and embody its unique characteristics, play a pivotal role in maintaining linguistic identity. They offer considerable expressive versatility – minimizing redundancy, enhancing semantic precision, eliciting emotional or stylistic

resonance, and clarifying nuanced meanings. Evidently, lexical synonymy occupies an essential place in the organization and stylistic enrichment of literary texts, underscoring its indisputable contribution to textual cohesion and expressive depth.

REFERENCE

1. Baker M. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2019. 698 p.
2. Chung Siaw-Fong. A corpus-based analysis of “create” and “produce” // Journal of Humanities and Social Sciences. 2011. № 4 (2). P. 399-425.
3. Cutting J. Pragmatics and Discourse. London: Routledge, 2002. 256 p.
4. Galperin, I. R. English Stylistics. M.: Higher School Publishing House, 1981. 334 p.
5. Halliday, M. A. K., Hasan, R. Cohesion in English. London: Longman. 1976. 180 p.
6. Jackson H., Amvela E.Z. Words, meaning and vocabulary: An introduction to modern English lexicology. London: Continuum, 2000. 256 p.
7. Laufer, B. Words you know: How they affect the words you learn. Amsterdam: John Benjamins, 1990. Vol.30. P. 573–593
8. Wesley, S. An Epistle to a Friend Concerning Poetry, USA: Hard Press, 1700. 58 p.

Шиш Полина Сергеевна

преподаватель

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: polina8sh@gmail.com

Palina Siarheeuna Shysh

teacher

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: polina8sh@gmail.com

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ И СЕМАНТИКА НЕОБХОДИМОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании рассматриваются семантические варианты модальности необходимости (целесообразной, каузированной, деонтической, запланированной и закономерной) и средства её актуализации в политическом (в выступлениях немецких политиков) и академическом (видеозаписи лекций на немецком языке по переводоведению и медицинской химии) немецкоязычном дискурсе. Описываются средства актуализации частных значений, проводится сравнение частных значений и средств их реализации в двух дискурсах. Устанавливается соотношение частных значений необходимости. Определяется зависимость реализации семантики необходимости от лингвопрагматических свойств дискурсов.

Ключевые слова: модальность; необходимость; частная семантика; политический дискурс; академический дискурс.

MEANS OF ACTUALISATION AND SEMANTICS OF NECESSITY IN POLITICAL AND ACADEMIC GERMAN DISCOURSE

The study examines semantic variants of the modality of necessity (expedient, causal, deontic, planned, and regular) and the means of its actualisation in political (in speeches by German politicians) and academic (video recordings of lectures in German on translation studies and medicinal chemistry) German discourse. The means of actualising specific meanings are described, the comparison of specific meanings and the means of their realisation in two discourses is made. The correlation between specific meanings of necessity is established. The dependence of the realisation of the semantics of necessity on the linguistic-pragmatic properties of discourses is determined.

Key words: modality; necessity; specific semantics; political discourse; academic discourse.

Изучение модальности имеет давние традиции в лингвистике (Н. Д. Арутюнова, Е. И. Беляева, И. Б. Шатуновский, С. Н. Цейтлин и др.) и сохраняет свою актуальность в настоящее время, поскольку как квалификационная категория модальность участвует в актуализации ценностной системы, позволяют человеку ориентироваться в окружающей среде, давать оценку социальной действительности, регулировать деятельность.

Цель исследования заключается в выявлении семантических вариантов необходимости и средств её актуализации в политическом и академическом немецкоязычном дискурсе. Материалом анализа являются выступления немецких политиков, тексты которых представлены на сайте Федерального правительства Германии (bundesregierung.de), а также видеозаписи лекций на

немецком языке по переводоведению и медицинской химии, размещённые на видеохостинге YouTube. Общий объём анализируемых текстов составляет около 23 000 словоформ для каждого дискурса, количество высказываний со значением необходимости оказалось следующим: 127 – в политическом дискурсе, 75 – в академическом. В исследовании используются методы семантического, контекстуального и структурного анализа.

Значение необходимости в зависимости от детерминирующего фактора охватывает ряд частных значений. В работе мы опираемся на классификацию И. Б. Шатуновского, который выделяет следующие семантические варианты модальности необходимости: 1) абсолютная необходимость, которая не зависит ни от каких условий; 2) деонтическая необходимость, следуемая из правил, законов, этических норм, распоряжений; 3) запланированная необходимость, вытекающая из заранее составленного плана; 4) запроектированная необходимость, обусловленная проектом, замыслом; 5) закономерная необходимость, формирующаяся из зафиксированной умом человека закономерности; 6) утилитарная необходимость, связанная с соображениями пользы, блага или предотвращения вреда для субъекта; 7) условная необходимость, возникающая при определенных условиях; 8) каузированная необходимость, вызванная определенными обстоятельствами [1, с. 227–246].

Политический дискурс ориентирован на социально неоднородную аудиторию и связан с определением и выражением интересов субъектов политики в рамках их деятельности, борьбы за политическую власть. Основная функция политического дискурса – воздействие на аудиторию – реализуется разными способами: аргументацией, манипулятивными тактиками и стратегиями, направленными на формирование определенной политической картины мира у реципиента [2, с. 89].

Среди частных значений семантики необходимости в выступлениях политиков преобладает **целесообразная** необходимость (43% от общего числа высказываний со значением необходимости в политическом дискурсе), которая позволяет дать обоснование определенным действиям, подчеркнуть их важность: *Wenn wir moderne Mobilität wollen – und das wollen wir –, dann müssen wir die dazu notwendigen Rohstoffe so fördern und verarbeiten, dass sie uns tatsächlich den Weg zu CO2-neutraler Mobilität ermöglichen* [Scholz, 08.10.2024]. – ‘Если мы хотим достичь современную (устойчивую) мобильность – а мы хотим этого, – то мы должны добывать и перерабатывать необходимое сырье таким образом, чтобы оно действительно создавало условия для углеродно-нейтральной мобильности’.

Вторую позицию занимает констатация взаимосвязи между объективными факторами и совершением действия, что осуществляется с помощью **каузированной** необходимости (33,5%): *Heute zwingt die Klimakrise Millionen von Menschen weltweit in die Flucht* [Baerbock 09.09.2024]. – ‘Сегодня климатический кризис вынуждает миллионы людей по всему миру покидать свои дома’.

Детерминирующим фактором употребления семантики **запланированной** необходимости (15,5%) в текстах политического дискурса является план,

определенная стратегия, на что указывается в контексте: *Die Wirtschaftsvereinigung Stahl hat sich zum **Ziel** gesetzt, dass die deutsche Stahlindustrie bis 2045 klimaneutral produzieren **soll**, um damit ein Drittel der gesamten industriellen Treibhausgasemissionen einzusparen* [Hoffmann 08.11.2024]. – ‘Федерация стали Германии поставила перед собой цель достичь климатически нейтрального производства в немецкой сталелитейной промышленности к 2045 году, чтобы таким образом сократить на треть общий объем промышленных выбросов парниковых газов’.

В своей речи политики используют **деонтическую** необходимость (8%), обусловленную требованием закона, социальными установками, этическими нормами, моральным долгом, правилами поведения: *Ihre Stimme, Ihre Erfahrungen und Ihre Wünsche **müssen** Richtschnur sein für unsere Verhandlungen und Entscheidungen hier in Berlin – getreu dem Grundsatz, der auch dem Übereinkommen über die Rechte von Menschen mit Behinderungen vorsteht: „Nichts über uns ohne uns“* [Scholz 02.04.2025]. – ‘Ваши голоса, Ваш опыт и Ваши пожелания должны служить ориентиром для наших обсуждений и решений здесь, в Берлине, в соответствии с принципом, который также является ключевым в Конвенции о правах инвалидов: «Ничего о нас без нас»’.

Академический дискурс является продуктом профессионально ориентированного взаимодействия в академической среде. Главная цель лекции, как ядерного жанра данного дискурса, заключается в передаче информации по конкретной теме дисциплины, при этом обязательно обеспечивается понятность содержания. В связи с этим в текстах лекций могут сочетаться характеристики научного текста и элементы бытовой коммуникации [3].

В немецкоязычном академическом дискурсе высокая частотность **каузированной** (45% от общего числа высказываний со значением необходимости в академическом дискурсе) и **целесообразной** (30,5%) необходимости: *Wir waren spätestens seit 2017 mit solchen Technologien konfrontiert, andere Disziplinen **müssen im Angesicht aktueller Large-Language-Models** nun erst nachziehen* [Krüger, 08.02.2024]. – ‘Мы столкнулись с такими технологиями не позднее 2017 года, другие дисциплины теперь должны последовать этому примеру в свете современных крупных языковых моделей’; *Merken sie sich diese Kombination, α -L und β -2, weil das sind die Integrine, die die Leukozyten **brauchen** für die Rekrutierung* [Huber, 31.03.2020]. – ‘Запомните эту комбинацию, α -L и β -2, потому что именно эти интегрины нужны лейкоцитам для рекрутирования’.

Каузированная необходимость в текстах лекций также связана с использованием клишированных фраз – метатекстовых компонентов, которые позволяют управлять вниманием аудитории, расставлять акценты, структурировать речь: *ich **soll** das noch einmal ausführlich erklären* ‘мне следует объяснить это еще раз подробно’, *ich **muss** vielleicht ganz kurz erklären, dass ...* ‘я должен, наверно, кратко объяснить, что...’, *ich **sollte** noch erwähnen, dass...* ‘я должен еще упомянуть, что...’, *was sie sich merken **sollen*** ‘что вы должны запомнить’, *was ich gleich beantworten **soll*** ‘на что я сразу должен дать ответ’.

Для описания эксперимента, проведения исследования используется **запланированная** необходимость (13,5%): *Die haben zu jedem Kompositum vier Bilder zur Auswahl angezeigt bekommen und **sollten** auf das Bild klicken, das das*

Kompositum darstellt [Hansen-Schirra, 28.12.2022]. – ‘Им предлагалось на выбор четыре изображения для каждого сложного существительного, и они должны были нажать на изображение, соответствующее данному сложному существительному’.

Закономерная необходимость (11%) в академическом дискурсе позволяет лектору сообщить о законах объективной реальности: *Das Genom muss dupliziert werden und muss zu gleichen Teilen auf die Tochterzellen aufgeteilt werden* [Huber, 31.03.2020]. – ‘Геном должен быть продублирован и должен быть поделен поровну между дочерними клетками’.

Семантика необходимости в выборке политического и академического дискурсов актуализируется с помощью разнообразных языковых средств (см. табл. 1).

Таблица 1 – Средства актуализации частных значений необходимости в политическом и академическом дискурсе, %

Значение необходимости	Политический дискурс					Всего
	<i>müssen</i>	<i>sollen</i>	Полнозначный глагол	Прилагательное	<i>haben/ sein + zu + Infinitiv</i>	
Целесообразная	20	4	9	7	3	43
Каузированная	27	0	4	1,5	1	33,5
Запланированная	9	5	0	0	1,5	15,5
Деонтическая	5	1,5	0	1,5	0	8
Итого:	61	10,5	13	10	5,5	100
Значение необходимости	Академический дискурс					Всего
	<i>müssen</i>	<i>sollen</i>	Полнозначный глагол	Прилагательное	<i>sein + zu + Infinitiv</i>	
Каузированная	24	9	9	0	3	45
Целесообразная	12	1,5	13	4	0	30,5
Запланированная	0	12	0	0	1,5	13,5
Закономерная	11	0	0	0	0	11
Итого:	47	22,5	22	4	4,5	100

В политической речи преобладают модальные глаголы *müssen* и *sollen* (61% и 10,5% соответственно от общего числа высказываний со значением необходимости в политическом дискурсе), наряду с которыми используются полнознаменательные глаголы *brauchen* ‘нуждаться’, *zwingen* ‘вынуждать’, *bedürfen* ‘требовать, нуждаться’ (13%), прилагательные *notwendig* ‘необходимый’, *erforderlich* ‘необходимый, обязательный’, *unabweisbar* ‘неизбежный, неотложный’ (10%), а также модальной конструкции «*haben/sein + zu + Infinitiv*» (5,5%). В выборке академического дискурса семантика необходимости актуализируется также чаще всего с помощью модальных глаголов *müssen* и *sollen*, однако с другим соотношением (47% и 22,5% соответственно), полнознаменательных глаголов *brauchen* ‘нуждаться’, *benötigen* ‘требовать, нуждаться’, *verpflichten* ‘обязывать’ (22%), прилагательных *erforderlich* ‘необходимый, обязательный’, *nötig* ‘необходимый’ (4%), грамматической конструкции «*sein + zu + Infinitiv*» (4,5%).

Модальный глагол *müssen* является главным средством реализации всех наблюдаемых частных значений необходимости в выступлениях немецких политиков, модальный глагол *sollen* – для актуализации запланированной, целесообразной и деонтической необходимости: *Deshalb arbeiten wir an der Nationalen Kreislaufwirtschaftsstrategie. Bis Ende des Jahres soll sie verabschiedet werden* [Scholz 21.10.2024]. – ‘Поэтому мы работаем над Национальной стратегией циркулярной экономики. Она должна быть принята до конца года’. Для актуализации семантики целесообразной и каузированной необходимости помимо модальных глаголов в выборке политического дискурса используются полнозначительные глаголы в форме изъявительного наклонения *brauchen* ‘нуждаться’, *zwingen* ‘вынуждать’, *bedürfen* ‘требовать, нуждаться’: *Auch für die sichere Versorgung mit Halbleitern gilt: Wir brauchen in der Europäischen Union ein koordiniertes Vorgehen* [Merz, 10.06.2025]. – ‘В отношении надежного снабжения полупроводниками нам также необходимо принять скоординированные меры на уровне Европейского союза’. В немецкоязычных текстах политических выступлений частные значения целесообразной, каузированной и деонтической необходимости выражаются также с помощью предикативов-прилагательных *notwendig* ‘необходимый’, *erforderlich* ‘необходимый, обязательный’, *unabweisbar* ‘неизбежный, неотложный’: *Wir haben lange gerungen um das, was im Bereich Kinder und Schule notwendig ist* [Merkel, 19.01.2021]. – ‘Мы долгое время обсуждали, что необходимо сделать в отношении детей и школ’. Реализуемое значение конструкции «haben / sein + zu + Infinitiv» является контекстозависимым: она используется для актуализации целесообразной, запланированной и каузированной необходимости: *Und wir wissen, was wir zu tun haben. Wir müssen vor allem die Wettbewerbsfähigkeit unseres deutschen Standortes durchgreifend verbessern* [Merz, 23.06.2025]. – ‘И мы знаем, что нам нужно делать. Прежде всего, мы должны радикально повысить конкурентоспособность нашего немецкого рынка’.

Необходимость в жанре лекций на немецком языке чаще всего выражается с помощью модальных глаголов *müssen* (каузированная, целесообразная, закономерная) и *sollen* (запланированная, каузированная, целесообразная) в формах изъявительного и сослагательного наклонения. Следует отметить, что использование глагола *müssen* для актуализации закономерной необходимости обусловлено констатацией законов и фактов, а реализация частного значения запланированной необходимости с помощью модального глагола *sollen* объясняется сочетанием в его семантике как необходимости, так и футуральности. Средством актуализации целесообразной и каузированной необходимости являются также полнозначительные глаголы *brauchen* ‘нуждаться’, *benötigen* ‘требовать, нуждаться’, *verpflichten* ‘обязывать’ в форме изъявительного наклонения активного или страдательного залога: *Beide Signalwege, Rho- und Rac-Signalwege, werden bei der Zellenmigration sequentiell benötigt* [Huber, 31.03.2020]. – ‘Оба сигнальных пути, сигнальные пути Rho и Rac, необходимы последовательно для миграции клеток’. Реализация целесообразной необходимости в анализируемых текстах лекций осуществляется с помощью прилагательных *erforderlich* ‘необходимый, обязательный’, *nötig*

‘необходимый’: *Moderne generative KI-Technologien, wie Multimodal Large Language Models sind besser, als frühere Technologien, dazu in der Lage verschiedene der Faktoren, die für situierte Translationen **erforderlich sind**, zu erfassen* [Krüger, 08.02.2024]. – ‘Современные генеративные технологии искусственного интеллекта, такие как мультимодальные большие языковые модели, лучше предыдущих технологий могут учитывать различные факторы, необходимые для ситуативных переводов’. Частные значения каузированной и запланированной необходимости, актуализируемые грамматической конструкцией с модальным значением «*sein + zu + Infinitiv*», в текстах академического дискурса позволяют выделить важную информацию в речи и сфокусировать внимание аудитории: *Unter den sekundären Zielgruppen sehen wir Analphabetismus, Deutsch als Zweitsprache, das heißt Deutschlerner – hier **sind** vor allen Dingen Menschen mit Migrationshintergrund **zu benennen*** [Hansen-Schirra, 28.12.2022]. – ‘Как мы видим, вторичные целевые группы включают неграмотных, изучающих немецкий как второй язык – прежде всего, следует назвать людей с миграционным прошлым’.

Таким образом, частная семантика необходимости определяется лингво-прагматическими свойствами дискурса. Воздействующая функция политического дискурса и нацеленность на постановку оправданных целей и задач в контексте достижения конечного результата определяет доминирование целесообразной необходимости. В академическом дискурсе, который отличается сочетанием функций передачи информации, с одной стороны, и управления вниманием аудитории, с другой, преобладает каузированная необходимость. Доминирование модального глагола *müssen* для актуализации семантики в обоих типах дискурсов объясняется его употребительностью в немецком языке в целом.

ЛИТЕРАТУРА

5. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М. : Языки рус. культуры, 1996. 400 с.
6. Чикилева Л. С. Прагмалингвистический аспект политического медиадискурса как средства формирования ценностей нации // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 1. С. 82–94.
7. Воротникова Ю. С. О лингвистическом статусе лекционного дискурса // Филологические науки: язык, речь, речевая коммуникация. 2009. URL: https://rusnauka.com/24_PNR_2009/Philologia/50796.doc.htm (дата обращения 30.06.2025).

Эйвазлы Гюнель Имрановна
доктор философии по филологии
старший преподаватель
г. Баку, Азербайджан
Азербайджанский Университет Язы-
ков
e-mail: e.n.g.i@rambler.ru

Eyvazli Gunel Imran
Doctor of Philosophy in Philology sen-
ior lecturer
Baku, Azerbaijan
Chair of European Languages, Azerbai-
jan University of Languages
e-mail: e.n.g.i@rambler.ru

КОНТЕКСТ КАК ТОЧКА СБЛИЖЕНИЯ ПРАГМАТИКИ И АНАЛИЗА ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Прагматика и анализ дискурса часто рассматриваются как взаимосвязанные дисциплины с множеством общих черт, настолько, что их можно считать родственными областями лингвистики. Цель данного исследования – изучить связь между этими направлениями, выявив как общие, так и отличительные особенности. Основное внимание уделяется роли контекста в процессе прагматического понимания, а именно – тому, как контекст влияет на интерпретацию значений в коммуникации. Анализ таких понятий, как импликатура, дейксис, пресуппозиции и речевые акты, демонстрирует, каким образом участники общения извлекают смысл на основе контекстуальных сигналов. При анализе дискурса необходимо учитывать контекст, поскольку без него многие языковые элементы не могут быть поняты. В дискурсивном анализе контекст рассматривается как внешняя и неизменная реальность, тогда как в прагматике – как динамическая, создаваемая участниками в процессе диалога. Результаты подтверждают, что контекст – это активный компонент коммуникации, особенно важный в межкультурном взаимодействии. Работа подчёркивает динамичную природу контекста и его ключевую роль в прагматике, предлагая полезные выводы для преподавания языков межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: прагматика; дискурс; анализ; контекст; прагматическая интерпретация; речевой акт.

CONTEXT AS A POINT OF CONVERGENCE BETWEEN PRAGMATICS AND DISCOURSE ANALYSIS: A THEORETICAL PERSPECTIVE

Pragmatics and discourse analysis are often seen as interconnected disciplines with many shared features, to the extent that they can be considered related fields within linguistics. The aim of this study is to explore the relationship between these two approaches by identifying both commonalities and distinctive characteristics. The main focus is on the role of context in the process of pragmatic interpretation – specifically, how context influences the understanding of meaning in communication. The analysis of concepts such as implicature, deixis, presupposition, and speech acts demonstrates how participants in communication derive meaning based on contextual cues.

When analyzing discourse, it is essential to take context into account, as many linguistic elements cannot be understood without it. In discourse analysis, context is often viewed as an external and fixed reality, whereas in pragmatics, it is seen as dynamic and co-constructed by the participants in the course of dialogue. The findings confirm that context is an active component of communication, especially important in intercultural interaction. The study emphasizes the dynamic nature of context and its crucial role in pragmatics, offering useful insights for language teaching and intercultural communication.

Key words: pragmatics; discourse; analysis; context; pragmatic interpretation; speech act.

Введение:

Согласно Су Цзянли, прагматика исследует использование языка в конкретных ситуациях [1]. Это направление лингвистики изучает, как значение формируется не только с помощью грамматики и словарного запаса, но и благодаря контексту, намерениям говорящего и восприятию слушающего [2]. Контекст играет важнейшую роль в понимании высказываний, позволяя выйти за рамки буквального смысла и уловить скрытые послания. Исследование сосредоточено на взаимодействии контекста и прагматической интерпретации, показывая, как смысл формируется и определяется в процессе общения [3].

Прагматика и анализ дискурса объединяются интересом к изучению языка в его реальном употреблении, особенно в условиях, когда значение зависит от контекста. Баррон и Шнайдер (2014) утверждают, что дискурс можно рассматривать как часть прагматики, а не как отдельную область. Таким образом, прагматика дискурса и прагматика высказывания отражают разные уровни анализа: первая охватывает широкий контекст общения, в то время как вторая фокусируется на отдельных речевых актах [3].

Мей (2001) подчеркивает, что прагматика должна учитывать пользователей языка в их социальных реалиях, а не ограничиваться грамматическим контекстом [4]. Прагматика стремится расширить традиционные рамки лингвистики, включая множество аспектов, связанных с языком в действии [5].

Цель исследования:

Цель данного исследования – проанализировать роль контекста как ключевого компонента прагматической интерпретации высказываний, выявив, каким образом он способствует формированию смысла в процессе коммуникации. Особое внимание уделяется точке пересечения прагматики и анализа дискурса, где контекст выступает связующим элементом между уровнями языкового взаимодействия. Исследование стремится показать, как прагматические механизмы – такие как импликатура, дейксис, пресуппозиции и речевые акты – функционируют в зависимости от коммуникативной ситуации и социального окружения.

Актуальность исследования:

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к реальному употреблению языка в различных культурных и социальных контекстах. В современных условиях глобализации и межкультурной коммуникации понимание прагматических аспектов языка приобретает особую значимость. Это делает исследование контекста не просто теоретически важным, но и практически значимым – особенно в сферах преподавания языков, перевода и межкультурной коммуникации.

Обзор литературы:

Проблема прагматического толкования давно является предметом изучения в лингвистике, поскольку она касается взаимодействия между структурой языка, намерениями говорящего и контекстом. Бах и Харниш (1979) подчеркивали, что понимание высказываний требует выхода за рамки словесного значения и включает распознавание коммуникативных целей [6]. Это привело к более детальному изучению роли контекста в различных ситуациях общения.

Эффективное общение – ключевая цель при изучении языка. В преподавании английского языка рекомендуется включать элементы прагматики, так как она помогает учащимся понимать значения в зависимости от ситуации. Одной из основополагающих концепций в прагматике является импликатура, введенная Грайсом (1975), согласно которой говорящие часто передают дополнительный смысл косвенно [7].

Карстон (2002) дополнила теорию Грайса, утверждая, что контекст влияет на формирование импликатур, а также связывая этот процесс с когнитивными механизмами мышления [8].

Работы Хуана (2014) показывают, что контекст имеет сложную структуру и включает лингвистические, когнитивные, культурные и ситуационные компоненты, что делает его ключевым элементом для межкультурной коммуникации и образования [9].

Анализ дискурса:

Термин «дискурс» используется в различных значениях: он может обозначать как длинные отрывки текста, так и темы публичных обсуждений, например, «дискурс о правах человека» [10]. При анализе дискурса необходимо учитывать контекст, поскольку без него многие языковые элементы не могут быть поняты. Контекст и намерение – два важнейших понятия в прагматике. В дискурсивном анализе контекст рассматривается как внешняя и неизменная реальность, тогда как в прагматике – как динамическая, создаваемая участниками в процессе диалога.

Прагматика также требует учета намерения: понимание высказывания невозможно без осознания того, что хотел выразить говорящий. Грайс различал значение говорящего (т.е. его намерение) и значение предложения (грамматическую форму) [7].

Результаты и обсуждение:

Результаты анализа подтверждают активную роль контекста в процессе понимания смысла. Люди опираются на невербальные и контекстуальные сигналы, особенно когда слова недостаточны.

Например, фраза «Ты можешь подать это?» приобрела значение просьбы передать книгу только благодаря жесту, указывающему на неё. В другом случае участник сказал: «Что-то холодно», и это было воспринято как просьба закрыть окно – пример импликатуры.

Как пишет Оллот (2010), без контекста невозможно понять, что именно имел в виду говорящий. Контекст помогает устранить неоднозначности, уточнить ссылки и интерпретировать косвенные значения [11].

Грайс делит импликатуры на конвенциональные и разговорные: первые не зависят от ситуации, вторые – меняются в зависимости от контекста. Прагматика интересна тем, что язык предоставляет бесконечные средства выражения благодаря грамматике [7].

Заключение:

Исходя из анализа, можно сделать следующие выводы:

Прагматика изучает те аспекты языка, которые изменяются в зависимости от контекста. Анализ дискурса также сосредоточен на языке в употреблении, но делает акцент на структуре и больших текстах.

Понятие контекста позволяет отличить прагматику от анализа дискурса: в прагматике контекст динамичен и связан с личностью говорящего, тогда как в дискурсе – это внешние условия, такие как место и время.

Намерение – ещё один разграничивающий фактор: прагматик стремится понять смысл через намерения говорящего, тогда как дискурсивный аналитик рассматривает текст в его языковом измерении.

Контекст активно участвует в формировании значения, особенно при наличии таких явлений, как дейксис, импликатура и пресуппозиции. Участники общения строят понимание совместно, используя не только слова, но и общие знания, социальные роли и окружающую обстановку.

Таким образом, контекст – не просто фон, а важнейший элемент коммуникации, особенно в межкультурной среде и в развитии технологий искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Jiangli, S. Context and pragmatics // *Education Quarterly Reviews*, 2021. 4(4), 392–396. <https://doi.org/10.31014/aior.1993.04.04.401>
2. Levinson, S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.
3. Yule, G. *The Study of Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985.
4. Mey, J. *Pragmatics: An Introduction*. Oxford: Blackwell, 2001.
5. Horn, L. and Kecskes, I. *Pragmatics, Discourse, and cognition*. Yale University. 2013. <https://doi.org/10.1017/S0022226798217361>
6. Bach, K., & Harnish, R. M. *Linguistic communication and speech acts*. MIT Press. 1979,
7. Grice, H. P. *Logic and conversation*. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.) // *Syntax and Semantics*, 1975. Vol. 3, p. 41-58.
8. Carston, R. *Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication*. Blackwell. 2002.
9. Huang, Y. *Pragmatics*. Oxford University Press. 2014.
10. Fetzer, A. *Conceptualizing Discourse*. In Bublitz, W, Jucker, A. and Schneider, K. (Eds.) *Pragmatics of Discourse*. Berlin: Walter de Gruyter. 2014.
11. Allott, N. *Key Terms in Pragmatics*. London: Continuum International Publishing Group. 2010.
12. Culpeper, J., & Haugh, M. *Pragmatics and the English language*. Bloomsbury Publishing. 2014.
13. Song, L. *The Role of Context in Discourse Analysis* // *Journal of Language Teaching and Research*, 2010, Vol. 1, No.6, p. 876-879.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ,**
посвященный памяти доктора филологических наук,
профессора Тамары Степановны Глушак

УДК 811.112.2'42

Афанасенко Кристина Александровна

выпускник

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: kristina123767@.com

Kristina Alexandrowna Afanasenko

Graduate

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages,

e-mail: kristina123767@.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Проанализированы средства выражения предположения в немецкоязычных публицистических и художественных текстах, выявлены особенности их функционирования.

Ключевые слова: модальность предположения; микрополе уверенности; микрополе неуверенности; микрополе сомнения.

THE FUNCTIONING OF THE MEANS OF EXPRESSING ASSUMPTIONS IN GERMAN-LANGUAGE JOURNALISTIC AND ARTISTIC TEXTS

The means of expressing assumptions in German-language journalistic and artistic texts are analyzed. Their main features of functioning are revealed.

Key words: modality of the assumption; confidence microfield; uncertainty microfield; doubt microfield.

Обширная семантическая категория, которая в лингвистике охватывает множество значений, связанных с тем, как содержание предложения соотносится с реальностью, а также с отношением говорящего к своему высказыванию называется модальность [1, с. 242].

В семантическую категорию модальности включают:

- *объективную модальность*, под которой понимается отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения адресанта. Адресат может мыслить сообщаемое им содержание либо как реальное, либо как только предполагаемое, либо как желаемое. Для выражения этих значений используются противочлены грамматической категории наклонения.

- *субъективную модальность*, под которой понимают отношение адресанта к содержанию его высказывания. Сюда относят значения предположения, удовлетворения, сожаления, сомнения и т.п. [1, с. 242].

Каждое предположение содержит модальность – отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего [2, с. 75].

Целью исследования является выявление особенностей функционирования средств выражения модальности предположения в немецкоязычных художественных и публицистических текстах. В статье представлены стилистические особенности и закономерности использования этих средств, а также описан их вклад в понимание роли модальности предположения в формировании

текста. Актуальность же данного исследования обусловлена недостаточной изученностью аспекта функционирования языковых средств выражения модальности предположения в различных сферах коммуникации.

Материалом для исследования особенностей функционирования средств выражения модальности предположения в художественных текстах послужили романы „Die Mittagsfrau“ Юлии Франк, „Der Turm“ Уве Теллькампа и „Engel des Vergessens“ Майи Хадерлап. Выборка из публицистических текстов представлена статьями онлайн-изданий «DER SPIEGEL», «DIE WELT» и «ZEIT ONLINE».

В качестве основных методов были использованы: метод текстовых проб, метод лингвистического наблюдения и описания, индуктивно-эмпирический метод, метод контекстуального анализа и интерпретации, сопоставительный метод, метод количественных подсчетов.

Согласно О.И. Москальской, грамматическая категория модальности образует ядро, вокруг которого группируются различные другие средства выражения модальности. Вместе они образуют так называемую модальную систему или, как ее часто называют в последнее время, модальное поле [3, с. 122].

Поле предположения, в свою же очередь, включает все намерения говорящего и связанные с ними грамматические и лексические средства речи, которые выражают степень достоверности высказывания, от уверенности до сомнения [4, S. 308]. В свою очередь модальность предположения подразумевает под собой особый вид модальности, который выходит за пределы реальности/нереальности [2, с. 102]. Согласно Й. Буша в поле предположения различают следующие микрополя: микрополе **уверенности**, микрополе **неуверенности** и микрополе **сомнения** [4, S. 308]. Каждое из этих микрополей имеет языковые средства, входящие в категорию модальности предположения и принадлежащие к грамматическому и лексическому уровням языка.

Если речь идет о микрополе **уверенность**, то здесь говорящий уверен, что содержание высказывания соответствует действительности. Возможна разная степень уверенности (полностью уверен, недостаточно уверен), а также разные основания (субъективные, внешние-объективные, объективные) для его предположения.

В свою очередь микрополе **неуверенности** объединяет языковые средства, которые выражают неуверенность говорящего в том, что содержание высказывания соответствует действительности. Однако говорящий считает, что соответствие возможно при определенных обстоятельствах.

Что касается микрополя **сомнения**, то в этом случае говорящий выражает вполне обоснованные колебания в содержании высказывания. У него есть аргументы, причины, которые подтверждают его сомнения, и таким образом он предполагает, что содержание высказывания не соответствует действительности.

Языковые средства, которые входят в категорию модальности предположения в современном немецком языке, представлены разнообразно и принадлежат к грамматическому и лексическому уровням языка. На грамматическом

уровне предположение выражается повествовательными предложениями с футурум I / II, модальными глаголами и словами, частицей *wohl* и конструкциями *scheinen / glauben + zu + инфинитив*. Лексический уровень представлен такими частями речи, как существительные, прилагательные, глаголы и устойчивыми выражениями).

Частотность употребления средств выражения предположения в проанализированных художественных и публицистических текстах представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Средства выражения предположения

Средства выражения предположения			Число употреблений в художественных текстах		Число употреблений в публицистических текстах	
			Абсолютное	Относительное (%)	Абсолютное	Относительное (%)
Грамматические	Футурум I/II	с/без модальным словом	5	2,84%	32	20,12%
	Модальные слова	bestimmt, offenbar, vielleicht, sicher и др.	80	45,45%	46	28,93%
	Модальные глаголы	müssen, können, dürfen	18	10,22%	19	11,94%
	Частица	wohl	14	7,95%	7	4,40%
	<i>glauben+zu+инфинитив</i>		5	2,84%	-	-
	<i>scheinen+zu+инфинитив</i>		10	5,68%	4	2,51%
Лексические	Существительные: Ansicht, Auffassung Meinung, Sicherheit		6	3,40%	5	3,14%
	Прилагательные: sicher, möglich, klar и др.		2	1,13%	13	8,17%
	Глаголы: denken, meinen, glauben, anzweifeln и др.		36	20,45%	33	20,75%
	Устойчивые выражения		-	-	-	-

В результате проведенного исследования было выявлено, что в текстах обоих функциональных стилей грамматические языковые средства преобладают над лексическими. В художественном стиле их соотношение 75% к 25%, а в публицистическом – 67,92% к 32,07% соответственно.

В проанализированных художественных и публицистических текстах в основном используются грамматические и лексические конститuenty *микрoполя уверенности*.

Самыми употребительными средствами выражения предположения на грамматическом уровне в двух типах текстов являются *модальные слова*, на лексическом же уровне – *глаголы* с семантикой предположения.

Der Bahnsteig hatte sich geleert, vermutlich waren die verbliebenen Wartenden in die Bahnhofshalle gegangen. 'Платформа опустела, вероятно, оставшиеся ожидающие ушли в вестибюль вокзала.'

Offensichtlich wollte der rot-grüne Senat die absehbaren Preissteigerungen aber aus dem Bürgerschaftswahlkampf heraushalten, gewählt wurde in Hamburg am 2. März. *‘Очевидно, что красно-зеленый Сенат хотел исключить ожидаемое повышение цен из избирательной кампании граждан, выборы в которой состоялись в Гамбурге 2 марта.’*

Er **vermutet** auch eine Beteiligung des US-Auslandsgeheimdienstes CIA. *‘Он также подозревает причастность ЦРУ к внешней разведке США.’*

Vielleicht wolle jemand über Nacht bleiben, man müsse ein paar zusätzliche Schlafplätze bereithalten, **meint** sie. *‘Возможно, кто-то захочет остаться на ночь, нужно подготовить несколько дополнительных спальных мест, думает она.’*

Средство выражения предположения *футурум I/II* с/без модальным словом в публицистических статьях встречается в разы чаще, чем в проанализированных романах. Частица же *wohl*, наоборот, в отобранных статьях встречалась в 2 раза реже.

Mein werter Mann hegt **wohl** nicht das nötige Vertrauen in meine Niederlassung. *‘Мой уважаемый муж, вероятно, не питает должного доверия к моему отделению.’*

Linnemann verzichtet auf ein Amt, das er **wohl** gar nicht bekommen hätte. *‘Линнеманн отказывается от должности, которую, возможно, вообще не получил бы.’*

Sicherlich werde die Straßenbahn bald **kommen**, sie werde es allein zurück schaffen, nicht wahr? *‘Конечно, скоро придет трамвай, она вернется одна, не так ли?’*

Wahrscheinlich wird es an Dobrindt **liegen**, eines von Merz' zentralen Wahlversprechen einzulösen – eine Migrationswende samt Zurückweisungen von Schutzsuchenden an Deutschlands Außengrenzen. *‘Вероятно, Добриндту придется выполнить одно из главных предвыборных обещаний Мерца – миграционный поворот и отказ от лиц, ищущих убежища, на внешних границах Германии.’*

Наименее употребительным средством выражения предположения на грамматическом уровне в художественных текстах является конструкция *glauben+zu+инфинитив* (в публицистическом стиле не представлена).

Ich spiele im Namen der Keuschler, deren Kinder mit mir die Schule besuchen und die ich **zu kennen glaube**. *‘Я играю от имени целомудренных людей, чьи дети ходят со мной в школу и которых я, кажется, знаю.’*

На лексическом уровне в обоих стилях наименее частотными оказались – *существительные*.

Wilhelm **war der festen Überzeugung**, dass erst der Dienst an der Waffe einen Mann zum Mann werden ließ. *‘Вильгельм был твердо убежден, что только служение оружию позволяет мужчине стать мужчиной.’*

Die CDU/CSU-Bundestagsfraktion soll **nach Ansicht** ihres Parlamentarischen Geschäftsführers keine AfD-Abgeordneten zu Ausschuss-Vorsitzenden im Bundestag wählen. *‘Парламентская фракция ХДС / ХСС в Бундестаге, по мнению ее исполнительного директора, не должна избирать депутатов от АдГ председателями комитетов в Бундестаге.’*

Выявленные в результате проведённого анализа количественные расхождения можно объяснить прагматикой исследуемых функциональных стилей: часто авторы художественных текстов стремятся вызвать у читателя определенные эмоции и создать атмосферу, где уверенные высказывания помогают установить более сильную связь с читателем, создавая ощущение правдоподобия. А в публицистике, где важно донести информацию и повлиять на формирование общественного мнения, использование убедительных формулировок помогает создать образ авторитетного источника, что повышает доверие читателя к представленным аргументам и фактам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: Учеб. для студ. вузов / Б. А. Абрамов ; под ред. Н. Н. Семенюк, О. А. Радченко, Л. И. Гришаевой. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 288 с.
2. Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. 84 с.
3. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. Заведений / И. О. Москальская. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
4. Buscha J. Grammatik in Feldern // Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortschritte / J. Buscha. – München : Druckerei Schoder, Gersthofen, 1998. 336 S.

Бинкевич Юлия Николаевна

студент

г. Брест, Беларусь

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина

e-mail: kilcom9@gmail.com

Yulia Nikolaevna Binkevich

student

Brest, Belarus

Brest State A.S. Pushkin University

e-mail: kilcom9@gmail.com

РОЛЬ ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ С. ЦВЕЙГА

Данная статья представляет собой комплексное исследование функционально-стилистических особенностей перечислительных конструкций в художественном тексте и их ключевой роли в формировании уникального идиостиля Стефана Цвейга. На материале оригинального текста «Шахматной новеллы» автор подробно анализирует семантику, синтаксическую организацию и прагматический потенциал перечислений, демонстрируя, как они становятся мощным инструментом психологизма, драматизации повествования и создания напряжённой интеллектуальной атмосферы. Исследование подчёркивает, что Цвейг использует эти конструкции не только как средство текстообразования, но и как способ глубокого раскрытия внутреннего мира персонажей, передачи сложных эмоциональных состояний и нагнетания кульминационного напряжения. Практический анализ контекстов доказывает, что специфика употребления перечислений является важной чертой авторского почерка Цвейга, связывая лингвистический уровень текста с его литературной интерпретацией.

Ключевые слова: текстообразование; идиостиль; художественный текст; перечислительные конструкции; Стефан Цвейг; психологизм; лингвистический анализ.

THE ROLE OF ENUMERATIVE CONSTRUCTIONS IN SHAPING STEFAN ZWEIG'S INDIVIDUAL AUTHORIAL STYLE

This article provides a comprehensive study of the functional and stylistic features of enumerative constructions in literary text and their pivotal role in shaping the unique individual style of Stefan Zweig. Using the original text of «Die Schachnovelle» («The Royal Game») as a corpus, the author meticulously analyzes the semantics, syntactic structure, and pragmatic potential of enumerations, demonstrating how they serve as a powerful tool for intensifying psychological depth, dramatizing the narrative, and creating a tense intellectual atmosphere. The research emphasizes that Zweig employs these constructions not merely for text formation but as a means to delve into the characters' inner worlds, convey complex emotional states, and build up climactic tension. The practical analysis of textual contexts proves that the specific use of enumeration is a significant hallmark of Zweig's authorial fingerprint, effectively bridging the linguistic level of the text with its literary interpretation.

Key words: text formation; individual style; literary text; enumerative constructions; Stefan Zweig; psychologism; linguistic analysis.

Художественный текст представляет собой комплексную структуру, которая выступает результатом взаимодействия множества лингвистических и внеязыковых факторов. Его создание и восприятие основаны на связи ключевых явлений: культуры, мышления и языка, что требует комплексного анализа с учетом их единства. Среди средств структурно-синтаксической организации

художественного текста особое место занимает прием перечисления. Данный прием известен давно, и активно использовался как в устных, так и письменных текстах. Одним из приемов структурно-синтаксической организации художественного текста признается прием перечисления (нем. *die Aufzählung*).

В рамках данного исследования под перечислением понимается «универсальный синтаксико-семантический прием организации трех и более функционально однородных элементов любого уровня (от слова до крупных структурно-композиционных единиц) в составе микро- или макротекста посредством их контактного (реже дистантного) взаиморасположения, сочинительной связи, специфической перечислительной интонации» [1, с. 460]. Э. Ризель и Е. Шендельс под перечислением понимают «*das Nacheinander von gleichartigen Bezeichnungen der Gegenstände, Handlungen, Merkmale, durch oder ohne Konjunktionen verbunden*» [2, с. 245]. Все элементы перечислительного ряда относятся к одному логико-понятийному классу (предметов, признаков, действий и т. п.) и равно соотнесены с неким понятием более высокого уровня абстракции. Это понятие представляет собой обобщающее слово, которое открывает либо завершает перечислительный ряд. При этом важно отметить, что обобщающий компонент может быть лексически выражен или нет, но он является обязательным и связующим в рамках перечислительного ряда.

Как указывает исследователь Д.В. Беляев, «к приему перечисления прибегают при классификации, обобщении, характеристике, детализации, уточнении. При этом в приеме перечисления сочетаются высокая степень информативности и лаконичность. Порядок взаиморасположения элементов ряда, как правило, мотивирован, т. е. зависит от историко-хронологической достоверности, соположения предметов мысли в реальной действительности, их масштабом и значимостью, а также позицией автора речи (его творческим «я») и перспективой восприятия» [3, с. 89]. Таким образом, можно утверждать, что основу перечисления составляет семантический процесс расширения, т.е. «добавления к некоторой содержательной единице других содержательных единиц такого же синтаксического статуса под общей синтаксической связью в структуре предложения» [4, с. 166]. Н. Н. Чайко уточняет, что перечисление как средство особой ритмизации обеспечивает высказыванию «заряд эмоциональной действенности. Экспрессивный эффект такого риторического (непрямого) способа окрашивания предложения основан на выделении наиболее важных компонентов, подчеркивании наиболее значимого» [5, с. 160].

В рамках интерпретации текста перечислительные конструкции формируют идиостиль писателя, отражая культурные установки, расставляя авторские акценты или ключевые мотивы. В тоже время выбор перечисляемых элементов может раскрывать точку зрения автора через мировоззрение персонажа.

Материалом в рамках данного исследования выступили контексты, содержащие перечислительные конструкции, отобранные методом сплошной выборки из оригинального текста произведения австрийского писателя С. Цвейга “*Die Schachnovelle*” [6]. Отобранный и проанализированный материал позволил классифицировать группы перечислительных конструкций по следующим па-

раметрам: по наличию / отсутствию обобщающего слова, по морфологическому признаку, по выполняемой в тексте функции.

По параметру наличия или отсутствия обобщающих слов в рассматриваемом художественном тексте представлены следующие группы перечислений:

1) Перечисления с обобщающим словом. Приведем следующий пример:

«Czentovic hatte sich vor etwa einem Jahr mit einem Schläge neben die bewährtesten Altmeister der Schachkunst, wie **Aljechin, Capablanca, Tartakower, Lasker, Bogoljubow**, gestellt» [6, с. 4]. В препозиции к выделенным компонентам перечислительного ряда употребляется обобщающее словосочетание *Altmeister der Schachkunst*, уточняющее их тематическую отнесенность.

2) Перечисления без обобщающего слова.

«*Er tat nichts ohne besondere Aufforderung, stellte nie eine Frage, spielte nicht mit anderen Burschen und suchte von selbst keine Beschäftigung, sofern man sie nicht ausdrücklich anordnete*» [6, с. 5]. В данном примере перечисления представлены без обобщающего слова, которое в данном случае подразумевается.

Согласно количественным данным, доминирующим типом перечислительных конструкций по параметру наличия/ отсутствия обобщающих слов выступает группа контекстов, в которых обобщающее слово отсутствует (47 перечислительных конструкций, или 94% от общего количества проанализированных контекстов). Перечисления с обобщающим словом оказались менее репрезентативными (3 примера, или 6%).

Далее перейдем к рассмотрению типов перечислительных конструкций по морфологическому признаку:

1) В структуре перечислительного ряда автор использует именные перечисления (субстантивные или адвербиальные). В приведенном примере представлено перечисление имен прилагательных, которые характеризуют объект – *Schaftstiefeln* – по параметрам веса и высоты: «*Es erregte bei der ansässigen Runde nicht geringes Staunen, als der Pfarrer den fünfzehnjährigen strohblonden und rotbackigen Burschen in seinem nach innen getragenen Schafspelz und **schweren, hohen** Schaftstiefeln in das Kaffeehaus schob, wo der Junge befremdet mit scheu nieder geschlagenen Augen in einer Ecke stehenblieb, bis man ihn zu einem der Schachtische hinrief*» [6, с. 7]. Важно отметить, что в качестве компонентов перечислительных конструкций автор использует, прежде всего, качественные прилагательные, благодаря чему обеспечивается описательный характер при представлении героев произведения и описываемых ситуаций.

С помощью перечислительных конструкций, содержащих имена существительные, обеспечивается реализация характеризующей функции. В следующем примере, перечисляя имена известных людей, автор дает характеристику герою произведения – шахматисту Мирко Чентовичу: «*Und dann, ist es nicht eigentlich verflucht leicht, sich für einen großen Menschen zu halten, wenn man nicht mit der leisesten Ahnung belastet ist, dass **ein Rembrandt, ein Beethoven, ein Dante, ein Napoleon** je gelebt haben?*» [6, с. 11]. Следует отметить, что для авторского стиля С. Цвейга характерно использование существительных – имен собствен-

ных, благодаря чему обеспечивается определенный характер повествования, позволяя автору детализировать контекст.

В группу именных конструкций также входят перечисления, компонентами которых выступают числительные, благодаря которым достигается динамика повествования и усиление эмоционального или драматического воздействия на читателя: *...einen Menschen, einen geistigen Menschen, der, ohne wahnsinnig zu werden, **zehn, zwanzig, dreißig, vierzig** Jahre lang die ganze Spannkraft seines Denkens immer und immer wieder an den lächerlichen Einsatz wendet, einen hölzernen König auf einem hölzernen Brett in den Winkel zu drängen!* [6, с. 14]

3) В анализируемом произведении автор прибегает к использованию глагольных перечислений, а именно глаголов действия, благодаря чему достигается динамизм повествования. В контексте ниже выделенные компоненты перечислительного ряда выступают средством создания атмосферы движения, царящего на причале перевод отходом большого пассажирского корабля: ***Gäste vom Land drängten durcheinander, um ihren Freunden das Geleit zu geben, Telegraphenboys mit schiefen Mützen schossen Namen ausrufend durch die Gesellschaftsräume, Koffer und Blumen wurden geschleppt, Kinder liefen neugierig treppauf und treppab, während das Orchester unerschütterlich zur Deckshow spielte*** [6, с. 4].

Еще один пример приведен ниже, подтверждающий функцию динамики восприятия текстовой информации:

*Der Knabe **starrte** scheu **auf**, **nickte** dann und **setzte sich** auf den Platz des Pfarrers* [6, с. 6].

3) Как показывает проведенный анализ, в качестве компонентов перечислительного ряда могут выступать и наречия. В примере ниже представлен адвербиальный перечислительный ряд, который используется для характеристики манеры игры героя произведения, создавая эффект погружения в описываемую автором ситуацию: *«**Er spielte zäh, langsam, unerschütterlich, ohne ein einziges Mal die gesenkte breite Stirn vom Brette aufzuheben**»* [6, с.7].

4) Особое место в произведении занимают смешанные перечислительные ряды, состоящие из словосочетаний, фраз или предложений. В примере в качестве компонентов смешанного перечислительного ряда выступают глагольно-номинативные словосочетания: *«**Er tat gehorsam, was man ihm gebot, holte Wasser, spaltete Holz, arbeitete mit auf dem Felde, räumte die Küche auf und erledigte verlässlich, wenn auch mit verärgernder Langsamkeit, jeden geforderten Dienst**»* [6, с. 5].

Согласно полученным данным, ведущим типом перечислительных конструкций по морфологическому признаку в тексте новеллы является именной перечислительный ряд (37 примеров, или 74%), компонентами которого являются имена существительные, прилагательные или числительные. Второй по репрезентативности группой в выборке оказалась группа «смешанных» перечислений (8 примеров, или 16%), компонентами которой выступают словосочетания, фразы и предложения. Невысокая частотность характерна для глагольных перечислительных рядов (4 примера, или 8%). Наименее репрезентативной

в корпусе фактического материала оказалась адвербиальная перечислительная конструкция, представленная единичным примером (2%).

Можно предположить, что в рамках данного произведения при помощи именного перечислительного ряда автор передаёт монотонность и психологическое состояние героя, выделяя важные для контекста темы и детали. Возрастающие элементы именного перечислительного ряда создают градацию и контраст. Именной перечислительный ряд также придает живописность, формирует образы окружения или дает детальную характеристику персонажам.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что перечислительные конструкции являются характерной чертой индивидуально-авторского стиля С. Цвейга и служат инструментом не только выражения авторских интенций, психологизма и эмоциональной нагрузки описываемых событий, но и выполняют когезивную функцию, создавая логические связи и усиливая целостность текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под общим руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М. : Флинта, 2007. 840 с.
2. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. М.: Высшая школа, 1975. 314 с.
3. Беляев Д. В. Перечислительные ряды в речевом жанре *Buttenrede* // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. №22 (239). С. 88–90.
4. Шитикова И. В. Классификация перечислений по их отраженности в текстах немецкого языка / И. В. Шитикова // Вестник Могилевского филиала БИП: Право. Политика. Экономика / БИП – Институт правоведения; под ред. А. А. Скикевича. Вып. 8. Могилев: МФ ЧУО БИП, 2009. С. 195–200.
5. Чайко Н. Н. Амплификация как средство интенсификации поэтической выразительности речи // Современные исследования социальных проблем 2023. Том 15. № 3. С. 155–166.
6. Zweig, S. Die Schachnovelle / S. Zweig [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lugiland.de/wp-content/uploads/2019/05/schachnovelle.pdf>. – Дата доступа: 12.06.2025.

УДК 81'25

Войтович Юлия Николаевна

студент магистратуры

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный университет иностранных языков

e-mail: w.jula.11.11.2002@gmail.com**Julia Nikolaevna Voitovich**

Master's student

Minsk, Belarus

Belarusian State University of Foreign Languages

e-mail: w.jula.11.11.2002@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОТРИЦАНИЯ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Проанализированы основные морфологические, лексические и синтаксические средства выражения отрицания в немецком и русском языках. Выявлены особенности передачи семантики отрицания при переводе с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: отрицание; монологичность; полинегативность; немецкий язык; русский язык; перевод.

FEATURES OF TRANSLATING NEGATION FROM GERMAN INTO RUSSIAN

The main morphological, lexical, and syntactic means of expressing negation in German and Russian are analyzed. The specific features of conveying the semantics of negation when translating from German into Russian are identified.

Key words: negation; mononegation; polynegation; German language; Russian language; translation.

Целью данного исследования является выявление особенностей и закономерностей перевода отрицания немецкого языка на русский язык.

Актуальность данной темы заключается в том, что отрицание в немецком языке – это многогранное, требующее постоянного осмысления явление, изменяющееся вместе с развитием языка, сложность которого для изучения и понимания главным образом состоит в расхождении с русским языком. Это обуславливает необходимость тщательного анализа и сопоставления языковых средств выражения отрицания, а также поиска оптимальных переводческих решений для сохранения семантики исходного высказывания.

Материал для анализа был отобран из национального корпуса русского языка, его параллельных русско-немецких подкорпусов, которые содержат художественные произведения как немецкоязычных, так и русскоязычных писателей и переводы данных текстов. Методом сплошной выборки для анализа было отобрано 1330 предложений, содержащих средства выражения отрицания.

Методами исследования являются сопоставительный, сравнительный, описательный, количественный, а также методы сплошной выборки и контекстного анализа. Также использована корпусно-ориентированная методика анализа языкового материала.

Отрицание – это тот элемент, который присутствует во всех языках и может в корне изменить смысл высказывания. Отрицание связано с логикой и занимает важное место в системе языка, так как может выражаться на морфологиче-

ском, деривационном, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Несмотря на то, что само понятие категории отрицания есть во всех языках, выражается она по-разному.

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее толкование термина «категория»: «Категория языковая – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (например, «категория падежа», «категория одушевлённости / неодушевлённости», «категория вида», «категория глухости / звонкости») [2, с. 215]. К одной из таких категорий относится категория отрицания, которая является исходной, семантически неразложимой смысловой категорией, не поддающейся определению через более простые семантические элементы.

Отрицание является одним из ключевых понятий не только в лингвистике, но и в философии, логике. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой дает следующую интерпретацию отрицания: «отрицание – выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует [1].

В теории функциональной грамматики категория отрицания рассматривается как функционально-семантическая, объединяющая средства разных уровней языка, выполняющих общую функцию – выражение отрицания.

Таким образом, в данном исследовании отрицание рассматривается как многоаспектная категория со сложной семантикой и разнообразными средствами выражения. Средства выражения отрицания морфологического уровня в немецком языке представлены достаточно богато. Как в случае общего, так и частного отрицания в первую очередь следует говорить о частице **nicht**, которая при общем отрицании будет стоять в самом конце предложения или перед второй частью сказуемого, возможна также постановка перед отделяемой приставкой: *Der Tourist war lange nicht in Paris.* 'Турист давно не был в Париже'. В случае частного отрицания частица будет стоять перед той частью речи, которую она призвана негировать, кроме существительных: *Der Tourist war nicht lange in Paris.* 'Турист пробыл в Париже недолго'. Следующим средством выражения отрицания морфологического уровня будет служить отрицательный артикль **kein**, который является соответствием неопределенного артикля *ein* и, как следствие, будет сопровождающим словом к существительному: *In dieser Ortschaft gibt es keinen Fluß.* 'В этом поселке нет реки'. К средствам морфологического уровня также можно отнести отрицание **nein**, которое стоит в оппозиции к *Ja* и является ответом на вопрос. Своеобразной формой «положительного» отрицания в немецком будет являться слово **doch**. Оно употребляется в случаях, когда субъект хочет позитивно ответить на негативный вопрос, то есть «проотрицать» отрицание. Некоторые исследователи также указывают на полуотрицательные возможности слова **kaum**, которое «служит для ослабления утверждения», например: *Wir haben kaum etwas verstanden.* 'Мы едва ли что-то поняли'. (Мы почти ничего не поняли).

Отрицание могут выражать частицы **fast, beinahe**: *Er wäre beinahe ertrunken.* 'Он чуть было не утонул'. *Ich wäre fast eingeschlafen.* 'Я чуть было не уснул'.

Основным средством выражения грамматического отрицания в русском языке является частица **не** и **ни**, употребляющаяся при любом знаменательном члене предложения, напр.: *Я не знаю. Ни разу не был.*

Средствами выражения отрицания на деривационном уровне являются:

1. Словосложение: отрицательные составные слова образуются путем объединения отрицательных частей речи с другими словами, например: *Nichtleiter* 'непроводник', *Nichtraucher* 'некурящий', *nichtberufstätige Frauen* 'не работающие женщины'.

2. Деривационные префиксы: отрицательные префиксы добавляются к корням слов для выражения отрицания. Примеры префиксов: **un-, miss-, in-, a-, ir-, dis-, des-, de-**, например: *unehrlich* 'нечестный', *missverstehen* 'неправильно понимать', *irrational* 'иррациональный'.

3. Деривационные суффиксы: отрицательные суффиксы добавляются к корням слов для образования новых слов с отрицательной окраской. Примеры суффиксов: **-frei, -los, -leer**. Например: *hoffnungsfrei* 'безнадежный', *liebelos* 'безлюбовный', *wasserleer* 'пустой'.

Одним из распространенных средств выражения отрицания в русском языке являются отрицательные аффиксы типа **не-, ни-, без- (бес-), недо-, а-, анти-, де-, дез-, ин-, им-, ир-**, например: неудача, ничегошеньки, безработный, бесполезный, недоразумение, аморальный, антиобщественный, дезинформация, инертный, иррациональный.

На синтаксическом уровне выделяются следующие средства выражения отрицания: двойные союзы **weder ... noch** и **nicht ... sondern** в простых и сложных предложениях, инфинитивные конструкции **ohne ... zu, statt ... zu** и союзы сложноподчиненных предложений **ohne dass, statt dass, als dass**.

В русском языке выделяются следующие отрицательные союзы: **не ... а, а не, не ... но, но не, не ... да, да не, не ... зато, не ... так, не столько ... сколько, если не ... то, не ... а (и), не то что ... а, не то что ... но, не то чтобы ... а, не то чтобы ... но, а не то что, не так ... как, ни ... ни, не то ... не то, не только ... но** и др.

К лексическим средствам выражения отрицания в немецком языке относятся отрицательные наречия и некоторые другие местоимения: **keiner, niemand, nichts, nie, niemals, nimmer, nimmermehr, nirgends, nirgendwo**.

В русском языке к средствам лексического уровня, выражающим отрицание также относятся глаголы, существительные, местоимения **никто, ничто, ничей, некого, нечего и никакой** и наречия **некогда, нисколько, негде, некуда, никогда, незачем**.

В ходе анализа способов передачи отрицания в переводе с немецкого на русский язык выявлены определенные закономерности.

Для отрицательного подлежащего *niemand, keiner, nichts* доминирующим способом является использование прямых русских эквивалентов с частотностью до 61%, например:

Niemand kann sagen, wie groß der Schaden ist, den das Insektizid schon angerichtet hat. 'Никто не может сказать, насколько велик ущерб, который уже нанес инсектицид.'

*Bis Anfang dieser Woche wollte sich **keiner** daran stören, dass der Mann aus Nordossetien...* 'До начала этой недели **никто и не** думал мешать представителю Северной Осетии...'

***Nichts** schien ihm zu entgehen und egal um welche Uhrzeit: Mr Bernhard war immer präsent.* '**Ничто**, кажется, от него **не** ускользало: в любое время, что бы ни случилось, мистер Бернхард всегда был на месте событий.'

При этом наблюдается значительное применение синтаксических трансформаций, таких как переход от двусоставных к односоставным предложениям и замена падежей, что связано с характерным в первую очередь для синтаксиса немецкого языка признаком номинативности, например:

*Damals gab es kein Fernsehen für schnelle Meldungen, zumindest hatte **niemand** in unserer Bekanntschaft einen Fernsehapparat.* 'Тогда еще не было телеканалов для экстренных сообщений, да и телевизора **ни у кого** из наших знакомых **не** было.'

*Von denen sieht aber **keiner** so aus, als wäre er lose.* 'Но **ни один** из них не выглядит расшатанным.'

*Von der Geschwulst war **nichts** mehr zu sehen, nur eine kleine rötliche Narbe hatte die Operation zurückgelassen.* 'От опухоли **не осталось** следа. – Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.'

Отрицательные дополнения niemanden, nichts в 60 % случаев переводятся с помощью соответствующих отрицательных местоимений и наречий «никого не», «ничего не» и их падежных форм, например:

*Meggie war fort, und es gab **niemanden**, der ihm erzählen konnte, ob sie ihren Vater noch lebend angetroffen hatte.* 'Мегги не было, и **никто не** мог ему рассказать, застала ли она отца в живых.'

*Der Bürgermeister, bei dem der verzweifelte Künstler vorsprach, meinte lakonisch: «Ich kann **nichts** machen.»* 'Мэр, к которому обратился отчаявшийся скульптор, лаконично ответил: «**Я ничего не** могу поделать.»'

При этом переводчики часто используют грамматические трансформации, включая смену падежа и замену дополнения подлежащим, а также применяют перефразы и опущения (до 22%), например:

*Mehr als ein Dutzend waren es, bedeckt mit hastig hingeschriebenen Worten – Satzsetzen, Fragen, Gedankenschnipseln, die vermutlich für **niemanden** Sinn ergaben außer für ihren Verfasser...* 'Целая стопка, не меньше дюжины, исписанные торопливым почерком, – обрывки фраз, вопросы, заметки, понятные, вероятно, только тому, кто их написал...'

*Davon wußte Tante Jenny **nichts**, ...* 'Тетя Йенни об этом **не** знала, ...'

Отрицательные обстоятельства (наречия nie, niemals, nimmer, nimmermehr, nirgends) в 54% случаев передаются через аналогичные русские наречия «никогда», «нигде», например:

*Warum? Diese Frage ist einstweilen nicht zu beantworten, sie wird es womöglich **nie** sein.* 'Почему? На этот вопрос пока ответа нет и, возможно, не будет вообще **никогда**.'

*Da gab es Bilder von Inhaftierten, die **nie** etwas getan hatten und dann gefoltert wurden.* 'Там были фотографии узников, которые **не** сделали **ничего** плохого, но подвергались пыткам.'

*Das Mittel ist in Deutschland nicht zugelassen und hätte Experten zufolge **nie-**
mals auf den Markt gelangen dürfen.* ‘Применение инсектицида в Германии за-
прещено и, по мнению экспертов, **никогда не** должно было выйти на рынок.’

Однако значительная часть переводов (до 31%) связана с использованием переводческих трансформаций.

Отрицание сказуемого с частицей *nicht* в 92% случаев передаётся конструкцией *ne* + глагол, остальные 8% составляют лексико-грамматические и синтаксические трансформации, например:

*Damit hatte der Kreml **nicht** gerechnet und zeigte sich zunächst auch ge-
sprächsbereit.* ‘Кремль на это **не рассчитывал** и поначалу выразил готовность
к диалогу.’

*Dazu muss ich vorausschicken, dass ich die Beweislage **nicht** kenne.* ‘Сразу
скажу, что доказательная база **мне неизвестна**.’

Двойные отрицательные союзы *weder... noch* и *nicht ... sondern* в 80% слу-
чаев переводятся как *ни ... ни ... и не ... а ...*, *не только..., но и ...*, *не только ...*
а, например:

*Dieses Wasser allerdings kommt **nicht** aus der Ukraine, **sondern** aus den Bergen
im Süden der Krim und aus den Wasserläufen der unmittelbaren Umgebung.* ‘Но
эта вода поступает **не** с Украины, **а** с гор на юге Крыма, а также из гидрока-
налов в непосредственной близости от города.’

*Sie werden sehen, was Sie unternehmen können, um **nicht nur** im Alter würdig
zu leben, **sondern** so bald wie möglich.* ‘Вы увидите, какие меры можно принять,
чтобы вести достойную жизнь **не только** в старости, **но и** в ближайшем бу-
дущем.’

*Ich wusste **weder**, warum ich weinte, **noch**, wohin ich eigentlich rannte.* ‘Я не
могла сказать **ни** почему я плачу, **ни** куда я бегу.’

Анализ перевода немецких предложений с отрицанием на русский язык
выявил тенденцию к использованию прямых русских эквивалентов для переда-
чи отрицательных местоимений и наречий: «никто», «никого», «ничего», «нико-
гда», «нигде», а также отрицательных союзов и частицы «не» при переводе гла-
голов. Такой подход позволяет точно и понятно передать отрицательный смысл,
что соответствует языковым нормам русского языка.

Вследствие полинегативной природы русского языка, в отличие от мо-
нонегативного немецкого, в переводах часто наблюдается множественное отри-
цание.

Различия в синтаксических нормах и валентности глаголов двух языков, а
также стремление к достижению естественности и адекватности перевода, обу-
славливают необходимость синтаксических и грамматических трансформаций,
таких как изменение падежной формы, замена личных предложений безличными
конструкциями, использование инфинитивных оборотов и перефразирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова.
– М. : Совет. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) /
В.Н.Ярцева, Н. Д. Арутюнова, В. А. Виноградов [и др.]; под ред. В.Н.Ярцевой. –
М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Воробьева Юлия Андреевна
студент
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: miss_chudo2002@mail.ru

Vorobyova Yulia Andreevna
student
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: miss_chudo2002@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СО СРАВНИТЕЛЬНЫМИ ОБОРОТАМИ

(на материале аудиокниги романа Эриха Марии Ремарка
«Im Westen nichts Neues»)

Работа посвящена выявлению закономерностей просодического оформления сравнительных оборотов в немецкоязычном художественном тексте и их связи с семантикой, синтаксисом и эмоциональной экспрессией речи. Устанавливаются мелодические и паузальные характеристики фраз со сравнительными оборотами с союзами *wie* и *als*. Описываются их фонетико-структурные модели в художественном произведении.

Ключевые слова: устная речь; просодия; мелодика; паузация; структура; сравнительный оборот.

PROSODIC CHARACTERISTICS OF GERMAN COMPARATIVE CONSTRUCTION

(based on the audiobook of Erich Maria Remarque's novel
«Im Westen nichts Neues»)

The paper explores the prosodic patterns of comparative phrases in German-language literary texts and their relationship to the semantics, syntax, and emotional expression of speech. The study establishes the melodic and pausal characteristics of phrases containing comparative phrases with the conjunctions "wie" and "als". It describes their phonetic structure in literary work.

Key words: oral speech; prosody; melody; pausing; structure; comparative phrase.

Интерес ко смысловым нюансам, передаваемым языковыми средствами, определяет актуальность обращения к супrasegmentным характеристикам речи. Этот интерес связан с общелингвистической ориентацией исследований на коммуникативную сторону общения. Именно коммуникативное намерение говорящего определяет характер актуализации языковых моделей в речи и, соответственно особенности просодического оформления высказывания.

Данная работа посвящена проблеме взаимодействия просодических и лексико-грамматических средств, актуальность которой объясняется важностью раскрытия языковых закономерностей в звучащей речи. Современная концепция о системности супrasegmentных средств позволяет трактовать вопрос взаимоотношений просодии и синтаксиса как соотношение языковых единиц различных уровней (подсистем), обладающих структурной и функциональной спецификой.

В фонетической структуре речи просодия организует линейное протекание высказывания и сигнализирует о синтаксических границах. Согласно трудам ученых П. Эйзенберга, Ф. Кубе и О. Ладефогед, именно просодические признаки позволяют выделить интонационные фразы и определить коммуникативную структуру предложения. При этом просодические характеристики различных синтаксических конструкций в немецком языке остаются сравнительно малоизученной областью. При этом именно мелодия, ритм и паузация обеспечивают восприятие звучащего текста как связного и эмоционально насыщенного целого, выполняют не только структурную, но и смысловозначительную и выразительную функцию, помогая слушателю интерпретировать отношения между частями высказывания.

Цель настоящего исследования состоит в установлении мелодических и паузальных характеристик сравнительных оборотов в немецкоязычной речи.

Сравнительный оборот представляет собой синтаксическую конструкцию со сравнительными союзами, которая основывается на сопоставлении двух и более предметов и употребляется для того, чтобы ярче, нагляднее охарактеризовать предмет или его признак (качество, свойство, действие). Сравнительные обороты могут быть *простыми*, т.е. без использования глагола и построения придаточного предложения: *Sie kocht die Suppe **genauso wie ihre Mutter***, а также *сложными*, когда союз *wie* выполняет функцию подчинительного союза и глагол после него находится в конце придаточной части: *Er ist so reich, **wie wir vermutet haben***. Союз *wie* используется, если речь идет об одинаковых событиях, качествах и явлениях и служит для сравнения внутреннего, эмоционального состояния говорящего с описываемыми предметами/событиями. Денотативная область в таком обороте может обладать не только конкретными, наглядными характеристиками, но и абстрактными, например: *Ich fühle mich **wie im Paradies; in einem Küfig***. Данный союз функционирует также с конструкции с *so ... wie*. Союз *als* используется в том случае, когда речь идет о разнице между событиями, качествами или явлениями.

В качестве источника материала для исследования использовано художественное произведение «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues»). Роман является ярким примером антивоенной литературы, описывающим ужасы и абсурдность Первой мировой войны глазами молодого солдата. Материалом послужили фразы со сравнительными оборотами из аудиокниги романа Эриха Марии Ремарка «Im Westen nichts Neues».

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на **простых сравнительных оборотах**, поскольку они являются наиболее употребительными в речи. Методом сплошной выборки в равном соотношении отобраны 50 конструкций со сравнительных оборотов с *wie* и с *als*. Отобранные обороты базируются как на логическом, так и на образном сравнении.

Сравнительные обороты в романе «На Западном фронте без перемен» помогают создать натуралистичную картину войны, подчеркивают её жестокость и передают атмосферу и употребляются писателем для усиления эффекта воздействия на читателя, для того, чтобы показать эмоциональную окраску и всю мрачность темы произведения. Обобщая, сравнительные обороты используются для:

- создания ярких образов: помогают читателю визуализировать и ощутить ужас тех действий, используя знакомые образы из повседневной жизни (животные, предметы быта, природа);
- передачи эмоций и настроения: страх, ужас, отчаяние, тоску, юмор и другие эмоции, испытываемые героями;
- критического отношения к войне: выражают протест против абсурдности и бессмысленности войны;
- характеристики персонажей: помогают раскрыть характеры героев, их взгляды на мир и отношения друг с другом.

Анализ проводился в два этапа. На первом этапе выполнялся слуховой анализ отобранных фраз для определения длительности пауз, направления мелодии и акцентной структуры. На втором этапе инструментальным методом проведен акустический анализ с использованием программы Praat, позволяющая определить темпоральные и частотные параметры.

Сравнительные обороты чаще всего (67%) являются нераспространёнными, т.е. представляют модель «союз+1 фонетическое слово (опорное понятие с проклитикой в виде предлога или артикля), например: ... *nicht viel **mehr** / **als ein Kind***. Распространённые обороты представляют модель «союз + 2 фонетических слова (наречие/прилагательное + существительное)»: *Er ... **steht dick / wie eine schwangere Wanze** / wieder auf*.

На основе слухового анализа выявлено, что перед сравнительным оборотом реализуется пауза:

*'Unter den 'Nägeln ξ sitzt der 'Schmutz des "'Grabens ξ, er sieht **'blauschwarz aus** ξ^{пауза 1 сек} **wie 'Gift**↓.*

Чем больше количество слогов в сравнительном обороте, тем больше воспринимаемая длительность паузы перед ним:

*Ich 'war ein 'Soldat, ξ und 'nun bin ich 'nichts **mehr** ↑ ξ^{пауза 1 сек} **als "'Schmerz um 'mich**, → ξ^{пауза 0,5 сек} **um meine 'Mutter**, → ξ^{пауза 0,5 сек} **um 'alles**, ξ was so 'trostlos ξ→ und ohne 'Ende ist ↓.*

Расстановка пауз и их градация по степени длительности являются важными как для восприятия, так и для создания выделенности. Паузы перед сравнительными оборотами могут быть двух типов. Первый тип представлен структурными пазами, которые соответствуют синтаксическому членению предложения. Пример данной паузы в предложении из выборки, например:

*Wir 'mußten erkennen, ξ→ daß 'unser "Alter **'ehrlicher** war **als das "'ihre**↓.*

Такие паузы необходимы для грамматической и синтаксической ясности. Они помогают слушателю правильно воспринимать членение предложения. Длительность таких пауз обычно составляет 0,2–0,5 секунды. Максимально краткие паузы фиксируются в оборотах с компаративом:

*Wie 'arm sie in ihrem "Bette 'liegt, ξ→^{пауза 1 сек} 'sie, die 'mich "'liebt, ξ→^{пауза 0,2 сек} **mehr als alles**. ↓*

Второй тип пауз представлен интонационно-смысловыми, которые служат для усиления выразительности, акцента на сравнении. Длительность таких пауз может варьироваться от 0,5 до 1 секунды, например:

*Ich 'war ein 'Soldat, ξ und 'nun bin ich 'nichts **mehr** ↑ ξ^{пауза 1 сек} **als "'Schmerz um 'mich**, ξ→^{пауза 0,5 сек} **um meine 'Mutter**, ξ→^{пауза 0,5 сек} **um 'alles**, ξ was so 'trostlos ξ→ und ohne 'Ende ist ↓.*

Sie 'sehen noch 'gutmütiger "aus[↑] ↗ пауза 0,5 сек als 'unsere "'Bauern in 'Friesland. ↓

Слуховой анализ фиксирует небольшое тональное повышение в синтагме перед сравнительным оборотом, которое отмечается в немецком языке в случае сверхкратких пауз между частями фразы, когда в предыдущей части последним является ударный слог. Отметим, что сравнительный оборот всегда начинается с безударного союза, что при краткости паузы создает на уровне перцепции достаточно эффект повышения тона за счет тонального перепада (ударного vs безударного слога). Иными словами, восприятие мелодии как восходящей обусловлено структурными факторами – отсутствием безударных слогов в предшествующем сравнительному обороту ритмическому такту:

Die 'Augen stehen halb "'offen → ξ, 'sie sind 'gelb[↑] ξ пауза 0,5 сек wie alte "'Hornknöpfe. ↓

Franz Kemmerich 'sah beim Baden "klein und "schmal 'aus[↑] ξ ↗ пауза 0,2 сек wie ein "'Kind. ↓

Выявлено, что перед неожиданным сравнительным оборотом (т.е. при сопоставлении двух совершенно несвязанных, неассоциируемых вещей или явлений) реализуется удлинённая пауза (от 0,5 до 2 сек.), а также отмечается замедление произнесения лексемы перед сравнительным оборотом:

Wir 'lernten ξ, daß ein 'geputzter "Knopf 'wichtiger ist ξ пауза 1 сек als 'vier 'Bünde "'Schopenhauer. ↓

Определено, что в устойчивых фразеологизированных сравнениях пауза не реализуется:

Er 'war zwar 'fett wie ein "'Winterhamster. ↓

Отметим, что при инициальной позиции сравнительного оборота пауза после него отсутствует:

Wie ein "'Komet 'stürzt es in einer "'Rauchfahne abwärts. ↓

В случае развернутого сравнения каждая из которых членится просодически на несколько логических (паузами и легким повышением тона):

Er ist nicht 'bewusstξ, er ist viel 'schneller[↑] ξ пауза 0,5 сек, viel 'sicherer[↑] ξ пауза 0,5 сек, viel "unfehlbarer[↑] пауза 0,5 сек ξ als das "'Bewußtsein. ↓

Таким образом, сравнительный оборот в немецком языке представляет собой не только синтаксическую конструкцию, обладающую собственной интонационной организацией. Просодические характеристики являются важным компонентом выразительной структуры высказывания со сравнительным оборотом. Ключевым просодическим средством оформления фразы со сравнительным оборотом в речи художественного произведения является паузация. Пауза выполняет как структурную, так и экспрессивную функцию, выделяет сравнение как важный элемент смысловой композиции, а также усиливая экспрессивность художественного текста. При этом длительность паузы определяется именно семантической насыщенностью оборота. В устойчивых конструкциях, напротив, пауза отсутствует, что свидетельствует о потере просодической автономии вследствие идиоматизации.

Просодический анализ сравнительных оборотов позволяет глубже понять, каким образом интонация и ритм речи участвуют в создании образной структуры художественного текста.

Германова Полина Александровна

студент

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: germanovapolina04@gmail.com

Polina Alexandrovna Germanova

student

Minsk, Belarus

Belarusian State University of Foreign

Languages

e-mail: germanovapolina04@gmail.com

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ ДЖ. РОУЛИНГ «HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS» И ИХ ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена комплексному анализу способов передачи антропонимов в романе Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets» при переводе на немецкий язык. Рассматривается частотность употребления антропонимов, модели образования данной группы имен собственных. Важным аспектом исследования является определение языковой принадлежности имен и фамилий, что позволяет судить о национальной и социальной характеристике персонажей. Детально анализируется значение антропонимов, раскрывается их внутренняя форма, связь с характером, судьбой или функцией героя, а также их роль в создании особого смысла. Основу работы составляет анализ способов передачи имен и фамилий в произведении «Harry Potter and the Chamber of Secrets» при переводе на немецкий язык. Оценивается степень сохранения значения антропонимов в тексте перевода. В заключении подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы.

Ключевые слова: имя собственное; антропоним; «говорящие» имена собственные; способы перевода; фэнтези; роман Дж. К. Роулинг.

ANTHROPONYMS IN J. K. ROWLING'S NOVEL «HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS» AND THEIR TRANSLATION INTO GERMAN

This article presents a comprehensive analysis of the methods used to translate anthroponyms in J.K. Rowling's novel «Harry Potter and the Chamber of Secrets» into German. The study examines the frequency of anthroponyms in the original text, word-formation patterns characteristic of this category of proper names. An important aspect of the research involves determining the linguistic origin of the names and surnames, which provides insights into the national and social characteristics of the characters. The meaning of the anthroponyms is analyzed in detail, revealing their inner form, their connection to a character's personality, destiny, or role, as well as their function in creating specific semantic layers in the narrative. The core of the study is an analysis of the translation strategies used to translate anthroponyms in «Harry Potter and the Chamber of Secrets» into German. The degree of preservation of the meaning of anthroponyms in the translation text is assessed. In conclusion, the results of the research are summarized, and key conclusions are formulated.

Key words: proper name; anthroponym; speaking names; translation methods; fantasy; J.K. Rowling's novel.

Целью настоящего исследования явился анализ способов перевода антропонимов в романе Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets» на немецкий язык, что обусловлено необходимостью углубленного изучения специфики функционирования антропонимов в художественных произведениях, представляющей значительный интерес для современной лингвистики и пере-

водоведения. Материалом исследования явились антропонимы, отобранные в количестве 70 единиц. Источником материала исследования послужил роман Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets», а также его перевод на немецкий язык, выполненный К. Фритцем. В ходе исследования в соответствии с поставленной целью использовались различные методы исследования: при сборе материала – метод сплошной выборки, при анализе материала и представлении результатов – количественный метод, описательный метод, сопоставительный метод и метод контекстуального анализа.

Традиционно в лингвистике под термином «оним» (или имя собственное, в дальнейшем – ИС) понимается слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации. Наиболее распространённой является классификация онимов, основанная на значении именуемых ими объектов. Согласно этой классификации, имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы людей обозначаются термином «антропонимы», например, *Ron Weasley*, *Gilderoy Lockhart*, *Severus Snape*, *Neville Longbottom*.

Антропонимы играют ключевую роль в художественных текстах, являясь важным инструментом в руках автора для создания необходимого эстетического воздействия на читателя. В произведениях жанра фэнтези данные онимы не только характеризуют персонажей, но и передают уникальность и самобытность созданного автором мира, что создает особые трудности при переводе. Настоящее исследование посвящено анализу способов передачи антропонимов в романе Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets» при переводе на немецкий язык.

На первом этапе исследования был проведен количественный анализ антропонимов в романе Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets». Имена и фамилии являются самой частотной группой ИС в данном романе: в произведении насчитывается 70 онимов данного вида (например, *Severus Snape*, *Rubeus Hagrid*, *Colin Creevey*, *Albus Dumbledore* и др.), поскольку персонажи играют ключевую роль в развитии сюжета, а события книги разворачиваются вокруг конкретных людей (учеников, учителей), их взаимоотношений и поступков. Следовательно, потребность в именах персонажей закономерно высока. Кроме того, Дж. Роулинг в своём произведении наделяет имена героев особой смысловой нагрузкой, использует антропонимы в качестве средств характеристики персонажей, наделяя их ассоциативными связями и различной имплицитной информацией, что в свою очередь также повышает частотность употребления этой группы ИС. Помимо этого, большое количество антропонимов в тексте создает основу для эмоциональной связи, позволяя читателям сопереживать героям, идентифицировать себя с ними.

Все имена и фамилии в книге «Harry Potter and the Chamber of Secrets» можно разделить на несколько групп:

– реально существующие имена и фамилии. Их существование проверялось в таких источниках как словари личных имен и фамилий английского языка А. И. Рыбакина [1], а также словарь «The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland». [2] К реально существующим именам относятся:

Harry, George, Charlie, Colin, Katie и др. Реально существующие фамилии: *Johnson, Patil, Binns, Mason* и др.

– вымышленные имена и фамилии, созданные по моделям реально существующих (в дальнейшем – полуреальные имена и фамилии): *Petunia, Lavender* – эти имена были созданы по аналогии с другими именами, обозначающими цветы (*Rose, Daisy, Jasmine*). К полуреальным фамилиям принадлежат: *Goshawk* – фамилия соответствует традиции превращать названия животных в фамилии (напр., *Fox, Wolf, Hawkins*). *Borgin* – напоминает фамилии, оканчивающиеся на *-in* (напр., *Godin, Colvin*). *Sprout* – представляет собой модель прямого заимствования нарицательного существительного без изменений – типично для английских фамилий (ср. *Green, Hill*). *Pince* – структура фамилии соответствует односложным английским фамилиям.

– вымышленные имена и фамилии, необходимые для создания нереального художественного образа. Для вымышленных имен служат примером следующие имена: *Rubeus, Albus* – заимствование латинских названий с целью охарактеризовать героев. *Severus* – восходит к прилагательному *severe*, значения которого перекликаются с характером персонажа. *Gilderoy* – производное от двух английских слов (*to gild* и *royal*), делающих данное имя «говорящим». Вымышленными фамилиями являются: *Malfoy* – содержит французские *mal* и *foi*, наделяющие эту фамилию значением. *Gryffindor* – происходит от англ. *griffin* ‘грифон’ и фр. *d’or* ‘золотой’. *Slytherin* – созвучна с глаголом *to slither*, при этом может происходить от *sly* и *there in*.

Особый интерес вызывают имена и фамилии основателей факультетов Хогвартса. Все имена волшебников-основателей являются реальными. 3 из 4 имен восходят к древним именам (например, *Godric* – имеет древнеанглийское происхождение и происходит от сочетания слов *God* ‘Бог’ и *ric* ‘сила’/ *rich* ‘богатый’; *Helga* – от древнескандинавского слова *heilagr*; *Rowena* – латинизированная форма древнегерманского имени). Выбор таких имен для основателей школы сразу же создает ощущение долгой и богатой истории Хогвартса. Это подчеркивает, что магия имеет глубокие корни и связана с прошлым. Имя четвертого основателя является отсылкой к исторической личности (*Салазар* – отсылка к португальскому диктатору Антониу ди Оливейра Салазару, который проповедовал крайне жесткие политические убеждения и управлял страной на протяжении двух десятков лет). Таким образом выбор имени сообщает значение о характере героя.

Наряду с реальными именами все четыре фамилии основателей факультетов в Хогвартсе являются вымышленными. Это помогает четко обозначить индивидуальность каждого факультета, связав их с определенными качествами, ценностями и даже символами. Например, Грифон – мифологическое существо с туловищем льва и головой орла, отсюда лев – символ факультета Гриффиндор. Грифон в древней мифологии считался самым главным противником змей. Змея – символ факультета Слизерин.

Особое внимание было уделено языкам происхождения имён и фамилий. Для авторских имен и фамилий определялась языковая принадлежность тех

слов, на основе которых они были созданы. Соответствующая статистика представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Языковая принадлежность имен и фамилий в романе Дж. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets»

Язык	Имена	Фамилии
Английский	29	47
Французский	4	2
Латинский	8	0
Другой язык	13	6
Всего	54	55

В процессе выборки имен и фамилий было выявлено, что они преимущественно были взяты из английского (29 из 54 имен и 85% фамилий), что можно объяснить несколькими причинами. Книги о Гарри Поттере были написаны для англоязычной аудитории, в частности для детей и подростков в Великобритании. Использование английских имен и фамилий обеспечивает непосредственную узнаваемость и близость к миру, в котором живут читатели. Помимо этого, действие романа происходит в Хогвартсе – британской школе, поэтому мир волшебников в целом тесно связан с британской культурой, историей и фольклором. Использование имен, восходящих к латинскому и другим мертвым языкам (древнегреческому, древнескандинавскому) создает у читателей ощущение древности волшебного мира и подчеркивает его связь с древними мифами и легендами, а также с традициями и знаниями прошлого.

Важно отметить, что Дж. Роулинг наделяет большинство имен и фамилий в тексте особым, символическим значением, следовательно, они являются «говорящими», т.е. они выражают определенный смысл, характеризующий героя и указывающий на его качества. Таким образом, имена и фамилии в романе могут указывать на:

– Внешность персонажа, например, *Vernon* – от фр. *vergne* ‘ольха’. Плоды ольхи – маленькие, толстые шишки. *Professor Binns* – сокращение от *binoculars* ‘бинокль’, сленговое название очков. Профессор носил очень толстые очки;

– Характер и личностные качества: *Minerva* – означает ‘мудрая», римское имя Афины, греческой богини мудрости, стратегии, войны, храбрости и справедливости. *Malfoy* – от фр. *mal* ‘плохой, злой’, и *foi* ‘убеждение, вера’. Фамилия также имеет общие корни с латинским словом *Maleficus* ‘делающий зло’. *Crabbe* – от англ. *crab* разг. ‘ворчун, брюзга, вечно недовольный, раздражительный человек’;

– Профессиональную деятельность, к примеру, *Mr. Mason* – богатый строитель, от англ. *to mason* ‘класть камни/кирпичи’. *Professor Sprout* – профессор травологии, от англ. *sprout* ‘посток, побег’. *Professor Sinistra* – преподаватель астрономии, от латинского *sinister* ‘левый, с направлением влево’. Большинство планет солнечной системы вращаются против часовой стрелки. *Cornelius* – ми-

нистр магии, имя связано с Корнелиями – древнеримским родом, из которого вышли многие полководцы и государственные деятели;

– Происхождение, например, *Granger* – соотносится с англ. *granger* ‘работник фермы’, подчеркивает простое происхождение. *Seamus Finnigan* – показывает ирландское происхождение героя. *Parvati Patil* – подчеркивает принадлежность к индийской национальности;

– Роль в сюжете: *Harry* – восходит к древнеанглийскому *Hereweald*, производное от *here* ‘армия, войско’ и *wealdan* ‘править, управлять’, намекает на лидерскую позицию Гарри и его ключевую роль в борьбе со злом. Вторая версия: *Harry* – усеченная форма от имени *Henry*, означающего ‘могущество, хозяин дома, своей земли’. *Ron* – от скандинавского имени *Ragnvald*, видоизмененная форма древнескандинавского *Ragnvaldr* или германского *Raginwald*, состоящего из скандинаво-германских *rögn* или *regin* ‘боги, высшие силы’, и *valdr* ‘властелин, правитель’, что можно обозначать как ‘советник князя’, указывает на то, что Рон – верный друг;

– Связь с мифами и легендами, например, *Percy* – краткая форма имени Персиваль, так звали одного из рыцарей Круглого стола в легендах о короле Артуре. *Argus* – в древнегреческой мифологии Аргусом звали стоглазого недремлющего стража. Множество глаз, часть которых спала, а другая бодрствовала, делала его идеальным стражем.

Представленные примеры демонстрируют, что имена и фамилии в тексте могут обладать самым разнообразным значением, поэтому при их передаче на другой язык важно сохранить игру смыслов и культурные отсылки, зашифрованные в них.

На втором этапе исследования был проведен анализ способов передачи имен и фамилий при переводе на немецкий язык. В результате было установлено, что практически все (65 из 70) имена и фамилии были переданы на немецкий язык путем прямого переноса, т.е. без изменений. Стоит отметить, что без изменений были переданы и реально существующие, и полуреальные (созданные по моделям реальных), и вымышленные имена и фамилии. Например, англ. *Mr. Vernon Dursley, Dudley, Ron Weasley, Celestina Warbeck, Rubeus Hagrid* – нем. *Mr. Vernon Dursley, Dudley, Ron Weasley, Celestina Warbeck, Rubeus Hagrid*. Таким образом, смысл полуреальных и вымышленных имен и фамилий был утрачен, значение реальных имен и фамилий сохранилось в некотором объеме, поскольку их этимология всё ещё прослеживается.

Исключение при переводе составили лишь некоторые имена и фамилии (5 из 70). Так, имя одной из главных героинь романа *Hermione* было передано на немецкий язык как *Hermine*, что в значительной степени изменило этимологию имени (*Hermione* – женский вариант имени *Hermes*, бог в древнегреческой мифологии, *Hermine* – женская форма имени *Herman*, происходит от древнегерманских слов *heri* ‘армия’ и *man* ‘человек’). Полуреальная фамилия *Hopkirk* (от англ. *hop* ‘надежда’ и шотландского *kirk* ‘церковь’) была переведена способом калькирования, при этом первоначальное значение фамилии было сохранено. Вымышленная фамилия *Goshawk* (англ. *goshawk* ‘ястреб-тетеревятник’) при передаче на немецкий язык была заменена эквивалентом *Habicht* (нем. *Habicht*

‘ястреб-тетеревятник’). При переводе антропонимов *Madam Z. Nettles of Topsham* и *O’Flaherty* были опущены некоторые элементы (нем. *Madam Z. aus Topsham* и *Flaherty*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из-за использования прямого переноса для передачи имен собственных значение реальных имен и фамилий сохранилось лишь частично, что связано с тем, что перевод имен собственных является сложным и многогранным процессом, требующим от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания авторского стиля, игры слов и культурных отсылок. Очевидно, что передача имен собственных при переводе это больше чем просто перевод, это попытка сохранить атмосферу художественного произведения и позволить читателям прочувствовать его многослойность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1989. 224 с.
2. Hanks P., Coates R., McClure P. The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland. New York : Oxford University Press, 2016. 2992 p.
3. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London : Bloomsberry Publishing Plc, 1998. 257 p.
4. Rowling, J. K. Harry Potter und die Kammer des Schreckens : aus dem Englischen von Klaus Fritz. Hamburg : Carlsen Verlag, 2006. 363 S.

Иванькова Екатерина Сергеевна

студент

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: eivankova562@gmail.com

Ivankova Ekaterina

student

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: eivankova562@gmail.com

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ

Работа посвящена рассмотрению явлений фонетической редукции в речи персонажей немецкоязычных мультфильмов, ориентированных на разные детские возрастные группы. Выявляются структура фраз, их темпоральные характеристики и зависимость редукции от темповых и ритмических особенностей фразы.

Ключевые слова: устная речь; фонетическая редукция; норма; темп.

PHONETIC TRANSFORMATIONS IN GERMAN-LANGUAGE ANIMATED FILMS

The paper examines phonetic reduction in the speech of characters in German-language cartoons aimed at different age groups. It identifies phrase structure, their temporal characteristics, and the relationship of reduction to tempo and rhythmic features.

Key words: oral speech; phonetic reduction; norm; tempo.

Феномен мультипликации / анимации все больше привлекает внимание ученых различных гуманитарных областей, в том числе и лингвистов. Мультфильм как медийный жанр – это фильм, созданный при помощи мультипликации, то есть покадрового запечатления произведённых художником-мультипликатором объёмных и плоских изображений или объектов предметно-реального мира на кино – и видеоплёнке или на цифровых носителях. Как пишет И.В. Чельшева: «Мультипликация – один из излюбленных видов аудиовизуальных медиатекстов аудитории самых разных возрастов, уровней медиавосприятия и эстетических вкусов» [1, с.27].

Особенно значима роль мультипликационных фильмов в формировании языковой личности ребенка, поскольку часто именно образы героев мультфильмов становятся первыми аудиовизуальными образами воображаемых миров. К числу исследователей, рассматривающих дискурсивное пространство анимационного фильма, относятся У.В. Дидик, связывающий культуру речи детей и мультипликацию [2].

По своим развивающим и воспитательным возможностям данный медийный жанр близок живому человеческому общению, с одной стороны. С другой стороны, мультфильм привлекателен для детей яркостью, зрелищностью, образностью и простотой. Будучи продуктом медиа, мультфильм нацелен на формирование определенных принципов и норм, в том числе речевых. Мультфильм

обуславливает поведение, ментальные и эмоциональные характеристики ребёнка, то есть оказывает непосредственное влияние на формирование, развитие и становление его как языковой личности. Анимационные фильмы, ориентированные на детскую аудиторию, являются одной из моделей спонтанной устной речи и образцом для пассивного формирования перцептивных и произносительных умений и навыков у детей, что делает обращение к анализу звучащей речи в мультипликационных фильмах актуальным.

Устная речь любого носителя языка характеризуется рядом особенностей, к наиболее ярким из которых относятся фонетическая редукция, неотъемлемая черта беглой разговорной речи. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования на материале различных языков, в которых отмечается, что в устной речи около 20–25% всех словоформ обычно подвергается редукции [3; 4]. Цель данного исследования состоит в выявлении фонетической редукции в речи персонажей немецкоязычных мультфильмов, ориентированных на разные детские возрастные группы.

Редукция в широком смысле – это процесс упрощения языковых единиц на различных уровнях языка, ослабление или изменение звучания безударных гласных и согласных. Она включает в себя изменения в произношении, грамматике и лексике, которые направлены на экономию усилий при производстве речи, а также на адаптацию языковых единиц к ритмическим и интонационным требованиям. К процессам редукции языковых единиц относятся: элизия, выпадение гласных и согласных звуков в быстром потоке речи, выпадение гласных и согласных в сильных и слабых формах служебных слов. В работе под редуцированными словоформами понимаются «словоформы, которые на сегментном уровне представлены меньшим количеством элементов, чем в полном, предусматриваемом нормами кодифицированного литературного языка варианте» [3, с. 66].

Отметим, что часть редуцированных реализаций может храниться в ментальном лексиконе в готовом виде (см. обсуждение этого вопроса для русского языка в [5]). Поэтому обращение к выявлению редуцированных единиц в устной разговорной немецкоязычной речи (сокращение звуков, слогов, словоформ), предложенной для детской аудитории авторами анимационных фильмов в реализации носителей языка, должно способствовать пониманию путей вхождения редуцированных единиц в ментальный лексикон человека.

Источником материала послужили мультфильмы «Peppa Witz. Matschepampe», «Die etwas trotzige Prinzessin. Ich will nicht essen!» и «Die Schlümpfe. Ranking der Schlumpf-Gerichte nach Enkel-Faktor», каждый ориентирован на детей иного возраста: 1–3 года, 3–4 года и 3–10 лет. Отметим, что возраст 4–6 лет является периодом основного овладения языком как системой, в стадии речевого онтогенеза до 3 лет формируются перцептивные и произносительные навыки отдельных фонем, а также навыки восприятия моделей слогов и их произнесения. Такой подбор материала позволяет провести сравнительный анализ и выявить, как меняется фонетическое оформление речи в зависимости от способностей восприятия детей разного возраста.

Установлено, что фразы в мультфильмах характеризуются простой синтаксической структурой, являются короткими, составляя для возраста 1–3 года от 1 до 12 слов, от 3 до 4 лет – от 1 до 16 слов, от 3 до 10 лет – от 1 до 19 слов, при этом 36% составляют фразы с 3–4 словами. В зависимости от возраста целевой группы средний темп произнесения варьируется: для возраста от 1 до 3 лет он составляет 2,4 сл./сек., для детей от 3 до 4 лет – 3,03 сл./сек, для группы от 3 до 10 лет – 3,4 сл./сек. Важным просодическим параметром является наличие и длительность пауз как межфразовых, так и на стыке ритмических тактов: в случае ориентации на возраст до 3 лет в речи мультперсонажей отмечаются короткие, чётко выраженные паузы между ритмическими тактами, с увеличением возраста целевой группы межфразовые паузы реализуются четко, а паузы либо отсутствуют, либо сокращаются до сверхкратких, плохо воспринимаемых на слух, что требует от зрителя более развитых навыков аудирования.

Определена корреляция между функционированием фонетической редукцией и возрастом целевой аудитории мультфильмов: при увеличении возраста целевой группы количество случаев редукции возрастает. С увеличением возраста целевой аудитории увеличивается слоговой состав фраз и количество фраз в мультфильмах. Процессы редукции выполняют несколько важных задач в речи персонажей мультфильмов: упрощение восприятия на слух произносимого материала, создание естественной атмосферы и динамичности диалогов.

В исследуемом материале были выявлены как нормативные случаи редукции, так и случаи, характерные именно для разговорной речи.

Так, независимо от целевой аудитории мультфильма во всех случаях отмечается нормативная редукция в безударных приставках [bə'gɪnt], [gə'dʊlt] и в словах, заканчивающихся на -e [ə] (wahrt[ə], trotzig[ə], all[ə]), а также реализация редуцированного [v] в приставках и окончаниях слов: [li:bɐ], [fɛg'gis], [vaɪtɐ], [du: 'li:bɐ ''him], [ʊnt fɛg'gis dɪ ''ro:smarɪn nɪçt]. Использование слоговых сонорных [ŋ] и [m] в суффиксах глаголов и окончаниях существительных и прилагательных: ['zy:siçkaɪtŋ], [gartŋ], [ha:bm] является сегодня нормированным.

Особый интерес представляют случаи редукции в слабых формах, прежде всего, в артиклях и служебных словах. В качестве одной из основных причин возникновения редукции выступает частотность словоформ, которыми в немецком языке выступают именно артикли. С полной редукцией реализуются слабые формы в мультфильмах для детей от 3 до 10 лет, а именно: артикли [de]/[dɪ], например: [kaɪnə 'kraɪt 'hatə di: 'ɛtvas 'trɔʃɪgə prɪntʃəsɪn, dəsve'gɪ 'mostə dɛ 'hont zi: ''tra:gɪ], [ʊnt jɛʃt 'kɔmt di gla'zu:r fy'ɐ dɪ ''ku:xn], [ɛk 'ʃɛlənt ɪn dɛ ta:t]; [ʊnt ɪç 'ma:k ''braʊnəz, di: 'ʃmɛkn zo' fə'n ''ʃlʊmpfɪç, di: 'kəntə ɪç dɪ 'ganʃn ta:k ''ʃlɪpfn].

Выявлено, что независимо от целевой возрастной группы на стыке слов происходит сильное укорочение фазы реализации первой вершины согласного в мультфильмах, что происходит как при наличии фразового ударения, так и без, ср.: "'Komm mit, George! – [kɔmt]; 'Süßigkeiten nur nach dem "'Essen – ['zy:siçkaɪtnuɐ].

В слабых формах, таких как служебные слова *und*, *nicht* происходит элизия смычно-взрывного согласного во всех мультфильмах, что является одной из самых распространённых черт устной бытовой речи: [*ʊn aɪn*, *ʊn ʃsvaɪ*, *ʊn ʃfertɪç*], [*nɪç ʔaɪnfaɪx*], [*ʊn ʔzo:gaɪ de ʔʔhont*], [*das ʃmɛkt ʔʔaləs nɪç!*]. В мультфильмах для возраста от 1 до 3 лет это явление наблюдается несколько реже. В подобных случаях можно говорить также и о качественной редукции, т. е. о потере взрыва, который фиксируется в случаях, когда за смычно-взрывными глухими согласными [*p*, *t*] следует носовой сонант [*m*], [*n*]: [*ʊnt nɪçt ʔesn*], [*kəmt ʔmaɪnə*], [*ʊnt ʔmɪnfte:*], [*mit ʔʔpʊpɪ ʃpi:lɪn*].

Для речи мультперсонажей характерно также явления элизии окончания глагола в 1-м л. ед.ч., а также во 2-м л. ед.ч. императива [*max ɪç*, *mama!*]; [*ʔʔpa:pa*, *ʔʔpa:pa*, *ra:t ma:l*]; [*ɪç ʔha:p ʔhɔŋɐ*]; [*na dan ʔes ɪç ʔʔga:ɪ nɪçʃs*]; [*das ʔes ɪç ʔʔnɪçt!!!*]; [*ʔja, ɪç ʔvɔlt zo:vi:zo:*].

Таким образом, речь персонажей немецкоязычных мультфильмов, которая не всегда является орфоэпическим образцом обиходно-бытовой речи, поскольку имеет театрализованный утрированный характер, демонстрирует нормативные явления фонетической редукции, прежде всего количественной редукции в безударных слогах, а также выпадение редуцированного *ə* в окончаниях, свойственное современной немецкой речи. Кроме того, широко распространены явления элизии смычно-взрывных после сонорных в служебных словах для создания соответствующего ритма, редукции взрыва и редукции фазы геминации. Наличие и употребительность данных видов редукции связаны с возрастной группой, на которую ориентирован мультфильм, что свидетельствует об адаптации речи персонажей под перцептивные и рецептивные возможности детей, которые совпадают с базовыми механизмами овладения естественной устной речью (дети в возрасте 4–6 лет уже тоже владеют этими фонетическими стратегиями).

Использование указанных фонетических преобразований продиктовано не только коартикуляционными процессами и необходимостью поддержания естественного для носителя языка темпа речи, но и прагматическими задачами создания динамичного, ритмически организованного звукового ряда, соответствующего восприятию целевой аудитории. Количественная редукция и элизия способствуют поддержанию заданного ритма и темпа, редукция взрыва и редукция фазы геминации обусловлены как коартикуляционными причинами, так и темпом речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чельшева, И.В. Анализ медиа-текстов на занятиях в студенческой аудитории в рамках деятельности научно-образовательного центра «Медиаобразование и медиакомпетентность» при Таганрогском государственном педагогическом институте // Медиаобразование. 2010. № 3. С. 25–77. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/82350.PDF> (дата обращения: 09.08.2025)

2. Дидик, У.В. Мультфильмы в детском дискурсе // Вестник Актюбинского университета им. С. Баишева. 2013. URL: <https://articlekz.com/article/12254>. (дата обращения: 09.08.2025)
3. Риехакайнен Е.И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. 270 с.
4. Johnson K. Massive Reduction in Conversational American English // Spontaneous Speech: Data and Analysis. Proceedings of the 1st Session of the 10th International Symposium / K. Yoneyama, K. Maekawa (eds.). Tokyo: The National International Institute for Japanese Language, 2004. P. 29–54.
5. Raeva O., Riekhakaynen E. Frequent Word Forms in Spontaneous Russian: Realization and Recognition // *Linguistica Lettica*. 2016. V. 24. P. 122–139

УДК 811.112.2

Комисарчук Илария Сергеевна

студент

г. Брест, Беларусь

Брестский государственный

университет им. А.С. Пушкина

e-mail: ilkomisarchuk@mail.ru**Ilyaria Sergeevna Kamisarchuk**

student

Brest, Belarus

Brest State A.S. Pushkin University

e-mail: ilkomisarchuk@mail.ru

СТРУКТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена выявлению взаимосвязи между синтаксической структурой заголовков и их способностью реализовывать ключевые функции медиа-дискурса. Теоретической основой выступает трактовка медиа-дискурса как динамичной, социально-регулятивной системы коммуникации, обладающей целенаправленным характером. Подчеркивается ключевая роль заголовка и его структуры как элемента, предвещающего текст, привлекающего внимание читателя и несущего значительную прагматическую нагрузку.

Ключевые слова: газетный заголовок; медиа-дискурс; структурные модели; простое предложение; именное словосочетание; сложное предложение; немецкоязычные СМИ.

STRUCTURAL-PRAGMATIC POTENTIAL OF HEADLINES IN GERMAN-SPEAKING MEDIA

The article deals with the relationship between the syntactic structure of headlines and their ability to fulfill key functions of media discourse. The theoretical framework is based on the interpretation of media discourse as a dynamic, socially regulatory communication system with a purposeful nature. The study emphasizes the pivotal role of the headline as an element that precedes the text, captures the reader's attention, and carries significant pragmatic weight.

Key words: newspaper headline; media discourse; structural models; simple sentence; nominal phrase; complex sentence; German-language media.

Целью данного исследования является анализ структурных особенностей и определение прагматического потенциала газетных заголовков, отобранных по материалам немецкоязычных СМИ. Материалом исследования выступили 50 заголовков из Интернет-версий немецкоязычных СМИ: Focus, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Spiegel.

Медиа-дискурс представляет собой форму коммуникативной деятельности, реализуемой субъектами массовой коммуникации, и, как следствие, обладает целенаправленным характером, определяющим его содержательные особенности. В зависимости от целевой установки, медиа-дискурс может выполнять различные функции, такие как представление/описание реальности, интерпретация событий, регуляция поведения аудитории, влияние на её сознание,

а также оценка и прогнозирование социальных процессов. Цели медиа-дискурса также реализуются в собственно коммуникативном плане и конкретизируются в коммуникативных характеристиках. Статусно-ролевые и ситуативные особенности участников общения, условия передачи и получения медийных сообщений, стратегии общения, способы коммуникации – все это, с одной стороны, влияет на интерпретацию сообщений, но с другой стороны, является частью смысловой структуры медийной коммуникации [1].

Н.В. Чичерина трактует медиа-дискурс как «продукт медиа-культуры в совокупности его сущностных характеристик, к которым относятся многомерность и многоплановость, языковое наполнение, динамический характер, социально-регулятивная природа» [2, с. 26]. Динамический характер медийного дискурса находит свое выражение в незавершенности, предрасположенности к обновлению и разворачиванию в пространстве и времени. Изменение медиа-дискурса указывает на многоаспектность взаимодействия автора и аудитории, сосуществование с другими текстами медийной культуры [3].

Основными классифицирующими параметрами текстов СМИ выступают: способ производства (авторский, коллегиальный); форма издания (устная, письменная); форма воспроизведения (устная, письменная); канал распространения (печать, радио, телевидение, интернет); функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама); тематическая доминанта. Исследователи публицистического стиля (З.С. Смелкова, Л.В. Ассуирова, М.Р. Савова) склонны выделять 3 основные группы газетных жанров. Среди них можно назвать следующие:

«Информационные жанры (заметки, интервью, отчеты, репортажи и др.) фокусируются на определенном событии. Они, как правило, представляют первичную, «свежую» информацию и преследуют основную цель быстро, четко, логично и последовательно сообщить о фактах, происходящих событиях. Аналитические жанры публицистики представлены статьями, корреспонденцией, комментариями, журналистскими расследованиями, обзорами и т.д. Характерной чертой жанра этого вида выступает всестороннее исследование ситуаций и их объективный анализ. Художественно-публицистические жанры включают в себя зарисовки, беседы, исповеди, очерки, фельетоны, памфлеты, пародии, эпиграммы и т.д. Особенностью этих жанров признается использование стилистических и языковых средств для создания эмоциональной образности» [4, с. 76].

Благодаря обширному охвату целевой аудитории средства массовой информации способны оказывать сильное манипулятивное влияние на общественное мнение и на мировоззрение реципиентов. Средства массовой коммуникации оказывают также значительное воздействие на состояние общественного сознания, поскольку большинство своих представлений о мире человек получает из газет, журналов и телепередач. Тексты массовой информации, или медиа-тексты, являются одной из самых распространенных форм повседневного языка. К языку современных масс-медиа предъявляются особые требования, что обуславливает формирование установки максимального эффекта воздей-

ствия, повышение и привлечение внимания читательской аудитории, формирование установок, убеждений. Важная роль в этом отводится заголовку.

«Заголовок – неотъемлемая часть газетной публицистики. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании публицистического произведения. В то же время заглавия газетной полосы, газетного номера имеют эмоциональную окраску, возбуждают читательский интерес, привлекают внимание» [5, с. 3]. При классификации заголовков текстов СМИ, по мнению А.Е. Разиной, важнейшими основаниями выступают прагматика (целестановка), стилистические и структурные особенности, способы привлечения внимания читателей, т. е. и содержательные, и формальные показатели. Исследователь предлагает выделять заголовки с информативной установкой, побудительные и проблемные (парадоксальные) заголовки.

А.М. Горлатов выделяет следующие основные типы заголовков рекламных текстов по функциональному признаку: провоцирующие заголовки, информационные заголовки, вопросительные заголовки и императивные заголовки [6]. Данная типология может быть применена и к газетно-публицистическим текстам.

1) Провоцирующие заголовки призваны вызвать любопытство и содержат намеки на уникальность.

2) Информационные заголовки фокусируют внимание потенциальных реципиентов текстов на теме статьи уже в самом начале. В таких заголовках содержится информация о содержании последующей за ним статьи в сжатой форме.

3) Вопросительные заголовки призваны привлекать внимание читателя к статье за счет постановки актуального вопроса.

4) Императивные заголовки относятся к речевому акту побуждения и призваны побудить потенциального читателя к определенным ответным действиям.

Структура большинства газетных заголовков дублирует структуру известных синтаксических моделей. В качестве газетных заголовков используются номинативные структуры, свободные синтаксические и примыкаемые формы. Таким образом, газетный заголовок можно назвать системой, где все элементы связаны друг с другом и взаимообусловлены [6].

Нами были отобраны и проанализированы заголовки текстов немецкоязычных изданий Focus [7], Frankfurter Allgemeine Zeitung [8], Spiegel [9]. Методом сплошной выборки с рейтинговых сайтов нами было отобрано 50 примеров заголовков статей. В результате проведенного анализа нами были выделены 3 структурные модели заголовков, наиболее часто встречающихся в текстах вышеуказанных изданий: именное словосочетание, простое и сложное предложения. В ходе анализа было выявлено, что при написании текстов авторы в качестве заголовка чаще всего используют синтаксическую модель простого предложения, что обеспечивает точность при передаче темы текста и одновременно подготавливает читателя к восприятию информации, о которой будет говориться в статье. Данная модель заголовка четко определяет основ-

ную мысль, методы или результат, представленные в тексте. Приведем следующие примеры:

Europa will eine starke Rolle beim Wiederaufbau [8],

China wird Europa nicht helfen [9],

Und plötzlich bricht im Weißen Haus Panik aus [8].

Далее по частоте употребления в нашем рейтинге следуют лаконичные заголовки-словосочетания, где самая используемая модель существительное + существительное. Словосочетания зачастую содержат в себе ключевые термины и помогают читателям быстро понять содержание статьи ещё до прочтения. Приведенные примеры подтверждают сказанное выше:

Die Strategie der Infokrieger [9],

Ein fast perfektes Fußballspiel [8],

Trumps Revolverdiplomatie [9].

Модель сложного предложения в заголовках в рамках выборки данного исследования используется намного реже, что может быть объяснено сложностью восприятия и необходимостью более детального анализа реципиентом предлагаемого зачина и, следовательно, временных затрат. Сложные предложения могут «перегружать» реципиента и поэтому реже используются в запросах при поиске информации.

Es ist verrückt, dass einige schon wieder Nord Stream 2 vorantreiben [9]

In ARD-Talk wird klar, dass Deutschland jetzt am Kindertisch der Weltpolitik sitzt [7]

Weißes Haus behauptet, US-Gerichte würden »Verfassungskrise« auslösen [9].

В количественном отношении репрезентативность выделенных заголовков материалов немецких СМИ можно проиллюстрировать в виде следующей диаграммы, где простое предложение составляет 58%, именное словосочетание – 24%, сложное предложение – 14%.

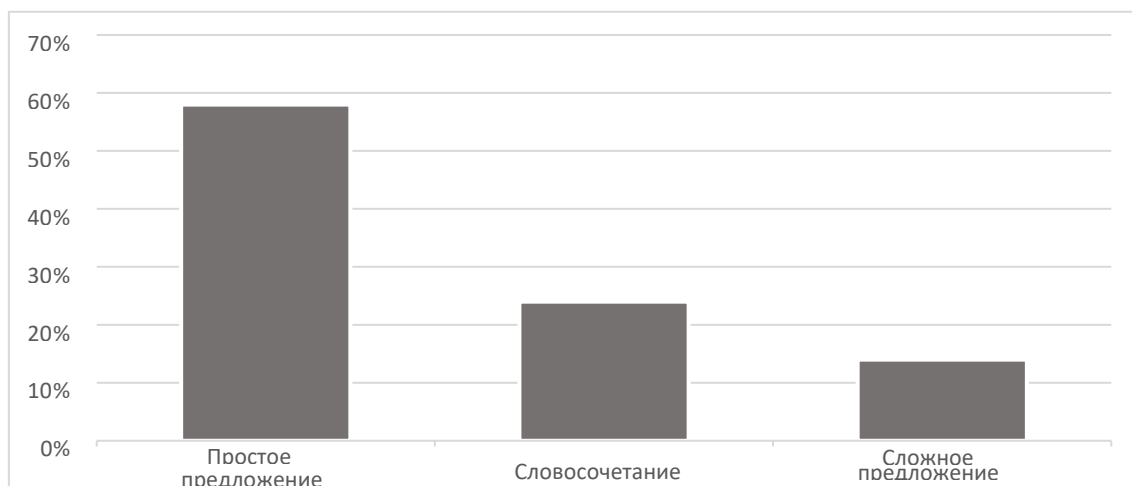

Рисунок 1 – Представленность структурных моделей заголовков текстов немецкоязычных СМИ

Согласно количественным данным, доминирующей моделью заголовка публикаций в немецких СМИ выступило простое распространённое предложе-

ние. Журналисты активно обращаются к данной модели для характеристики и описания событий, происходящих в различных сферах жизнедеятельности человека (политика, экономика). Второй по репрезентативности моделью в выборке является именное словосочетание. Наименее репрезентативной оказалась модель заголовка, оформленная сложным предложением.

Проведенный в работе анализ показал, что для оформления заголовков журналисты немецких СМИ используют в основном такие синтаксические модели, как словосочетание, простое и сложное предложения. Заголовок, как правило, отражает **основную мысль** статьи, содержит определенную **информацию**, но не раскрывает ее сразу, а также учитывает **целевую аудиторию**. Таким образом, структура заголовков в СМИ – это баланс между информативностью, привлекательностью и этичностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта; Наука, 2008. – 203 с.
2. Чичерина, Н. В. Концепция формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов на основе иноязычных медиатекстов: автореферат дис. докт. педагог. наук / Н. В. Чичерина. – СПб., 2008. – 51 с.
3. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие. – СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – С. 125–168.
4. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1963. – 336 с.
5. Разина, А. Е. Классификационная модель заголовков в средствах массовой информации / А. Е. Разина // Ratio et Natura. – 2023. – № 1 (7) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rationatura.ru/sites/default/files/2023-06/klassifikacionnaya-model-zagolovkov-vsredstvakh-massovoy-informacii.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).
6. Горлатов, А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке: Монография / А. М. Горлатов. – Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2002. – 256 с.
7. Fokus [Электронный ресурс]. – URL: www.fokus.de (дата обращения: 08.06.2025).
8. Frankfurter Allgemeine Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: www.faz.net (дата обращения: 08.06.2025).
9. Spiegel [Электронный ресурс]. – URL: www.spiegel.de (дата обращения: 08.06.2025).

Пилипенко Даяна Викторовна
студент
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail:
day.pilipenko.dayana@gmail.com

Pilipenko Dayana Viktorovna
student
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail:
day.pilipenko.dayana@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассматривается функционально-семантический аспект заимствований в современном английском газетно-публицистическом тексте. Исследование направлено на выявление функций заимствованной лексики, её влияния на восприятие текста, особенностей семантической и прагматической адаптации в английском языке. Актуальность темы обусловлена усилением процессов проникновения иностранной лексики в медиадискурс, в результате чего наблюдаются языковые изменения и происходит межкультурное взаимодействие. Исследование проводилось на примерах из ежедневной газеты «The Guardian», тексты которого содержат заимствования из латинского, французского, немецкого, испанского, итальянского, японского, греческого и голландского языков. В статье рассматриваются понятия «заимствование», «газетно-публицистический стиль», а также способы обогащения словарного запаса английского языка. Приводятся примеры функций заимствований – номинативная, экспрессивная и интегрирующая. Заимствования в исследуемых текстах подвергаются полной или частичной адаптации, сохраняя свои первоначальные характеристики из языко-донора. Уделено внимание процессу изменения заимствований с точки зрения их семантики.

Ключевые слова: заимствования; функции заимствований; газетно-публицистический текст; семантика.

FUNCTIONAL-SEMANTIC ASPECT OF BORROWINGS IN MODERN ENGLISH JOURNALESE TEXT

The article examines the functional and semantic aspect of borrowings in the Modern English journelese text. The study is aimed at identifying the functions of borrowed vocabulary, its influence on the perception of the text, the features of semantic and pragmatic adaptation in English. The relevance of the topic is due to the increased penetration of foreign vocabulary into media discourse, resulting in linguistic changes and intercultural interaction. The study was conducted using examples from the daily newspaper *The Guardian*, the texts of which contain borrowings from Latin, French, German, Spanish, Italian, Japanese, Greek and Dutch. The article discusses the concepts of "borrowing", "newspaper and journalistic style", as well as ways to enrich the vocabulary of the English language. Examples of borrowing functions are given – nominative, expressive and integrating. Borrowings in the studied texts undergo full or partial adaptation, while retaining their original characteristics from the donor language. Attention is paid to the process of changing borrowings in terms of their semantics.

Key words: borrowings; functions of borrowings; journelese text; semantics.

Настоящая статья посвящена исследованию заимствований в современном газетно-публицистическом тексте с точки зрения их функционально-семантической роли.

Цель исследования является выявление и анализ функций заимствований в тексте, их влияния на восприятие текста. Также уделяется внимание семантике заимствований, прагматической нагрузке, степени адаптации к нормам английского языка.

Актуальность темы обусловлена ростом заимствований в СМИ в условиях глобализации. Исследование данной темы актуально в контексте изучения языковых изменений, влияния глобальных культурных процессов на лексику и способов речевого воздействия на массового адресата. СМИ способствуют распространению и адаптации заимствований.

Материалом исследования стали публикации онлайн-версий газеты «The Guardian» [3], в выборку включены тексты, содержащие заимствованную лексику из французского, немецкого, испанского, латинского, голландского, греческого, итальянского, японского языков.

В ходе исследования использовались описательный, аналитический, классификационный методы, метод сравнительно-сопоставительного анализа, индуктивно-дедуктивный метод.

Заимствование лексики является естественным и важным процессом развития языка. Данное явление в разных языках оказывает различное влияние на пополнение лексического состава. В лингвистике термин «заимствование» описывает процесс, в ходе которого язык-реципиент полностью или частично копирует лингвистическую особенность другого языка [2, р. 3]. Э. Хауген отмечает, что заимствование это «процесс, когда говорящий пытается воспроизвести в одном языке модели, ранее обнаруженные в другом» [5, р. 81].

Заимствования проникают в язык-реципиент письменным и устным способами. При первом способе заимствования слов новая лексика дольше сохраняет изначальные фонетические, грамматические и орфографические характеристики. В этом случае слова переходят через литературные, научные или религиозные произведения. В ходе контакта между народами через живое общение, заимствованная лексика, такая, как предметы быта, быстрее адаптируется к фонетическим и грамматическим нормам языка-реципиента [5, с. 9].

Лексика из различных языков, проникающая в английский, проходит процесс адаптации, в результате которого иностранные слова становятся либо полностью ассимилированными, либо частично, что подразумевает сохранение какой-либо характеристики иностранного слова (произношение, семантика и др.) [9, с. 230-231].

Публицистический и газетно-публицистический стили являются синонимами, однако главное различие между ними состоит в том, что термин «газетный» указывает на основную сферу применения – периодическую печать. Тексты данного стиля информируют читателя и воздействуют на него, нередко выражая при этом мнение автора, они выполняют функцию оперативного сообщения о тех или иных фактах и событиях в мире. Как известно, сферой реализации газетно-публицистического стиля являются средства массовой информа-

ции – радио, телевидение, пресса, интернет. Специфика данного стиля заключается в том, что в нем используются приёмы и средства научного, официально-делового и художественного стилей – в зависимости от жанровой принадлежности текста. Такой широкий жанровый диапазон данного стиля выделяет следующую черту – «пакетную», которая собирает в «один стилистический «пакет» все газетные жанры» [1, с. 11-12].

В ходе анализа было отобрано около 200 заимствований из 10 статей. При этом «вклад» латинского языка составил – 46,15%, французского – 39,37%, греческого – 4,52%, итальянского – 4,07%, испанского – 2,71%, немецкого – 1,36%, голландского – 0,91%, японского – 0,91%. Большая часть заимствованной лексики полностью адаптировалась к нормам английского языка, например, *sector* ‘сектор’, *climate* ‘климат’, *fungi* ‘грибы’ – данные термины были адаптированы с минимальными изменениями в написании и произношении по сравнению с языком-донором. В среднем в статье встречалось от 70% до 74% заимствований от общего числа слов. В основном объём статьи составляет от 800 до 1500 слов. Большинство слов уже не воспринимаются как иностранные, так как они были заимствованы давно и полностью ассимилировались в языке. Материал исследования показал наличие в текстах как прямых, так и косвенных заимствований, в основном через французский язык из латинского.

На примере лексемы *technology* ‘технология’ виден долгий процесс ее семантического изменения. Слово известно в английском языке с 1610-х г.г. как «рассуждение или трактат об искусстве или искусствах», от латинизированной формы греческого *tekhnologia* «систематическое изложение искусства, ремесла или техники». Значение «изучение механического и промышленного искусства» как отрасли знаний было зафиксировано в 1859 году. К 1956 году данное значение слова расширилось до понятия *high technology* ‘передовая технология’ [10].

Слово *system* ‘система’ появилось в английском языке в начале 17 века через французский язык, куда пришло из латинского. Изначально термин использовался в философском и астрономическом контекстах, обозначая упорядоченную совокупность элементов. К 19 веку область его использования расширилась на техническую, биологическую и социальную сферы [10].

Слово *gas* ‘природный газ’ известно в английском языке с 17 века, заимствовано из голландского, где его впервые использовал химик Ян Баптист ван Гельмонт. Вероятнее всего, оно было создано при помощи греческого *chaos* ‘хаос’, для обозначения нового агрегатного состояния вещества. Изначально термин использовался только в физико-химической сфере. В 20 веке стал использоваться как сокращение *gasoline* ‘бензин’ [10].

Анализ показал, что доминирующей функцией заимствованной лексики является номинативная (79,09%). Данная функция позволяет называть общие понятия, категории, признаки понятий, отношения в различных сферах человеческой деятельности [6, с. 64]. В основном такую функцию выполняют существительные, например, *the political and legal assault could hardly have come at a worse time for American journalism, either, which is assailed by economic headwinds that would be challenging even under a more friendly administration*

‘политическое и юридическое **посягательство** едва ли могло произойти в худшее время для американской **журналистики**, которая сталкивается с экономическими трудностями, которые были бы трудными при более дружелюбной **администрации**’, *pet ownership has been linked to a positive **influence** on cognitive **functioning** and cognitive decline in late adulthood* ‘наличие домашних животных было связано с положительным влиянием на когнитивные **функции** и снижением когнитивных способностей в пожилом возрасте’ [3].

В вышеуказанной функции широко представлены заимствования из латинского (*habitat* ‘место обитания’, *area* ‘область, территория’, *phosphate* ‘фосфат’, *media* ‘медиа’ и др.); французского (*tax* ‘налог’, *tolerant* ‘терпимый’, *program* ‘программа’, *chief* ‘начальник’ и др.); греческого (*technology* ‘технология’, *phone* ‘телефон’, *topic* ‘тема’); немецкого (*snorkel* ‘трубка для подводного плавания’, *ecologist* ‘эколог’, *geek* ‘ботаник’); испанского (*cay* ‘риф’, *cockroach* ‘таракан’, *chocolate* ‘шоколад’). Здесь можно также выделить семантические группы «названия животных» – *elephant* ‘слон’, *alligator* ‘аллигатор’, *llama* ‘лама’, *scorpion* ‘скорпион»; «болезни» – *malaria* ‘малярия’, *eczema* ‘экзема’, *fever* ‘лихорадка», «бизнес и финансы» – *company* ‘компания’, *financial* ‘финансовый’, *investment* ‘инвестиция’.

Среди заимствований была выявлена интегрирующая функция (16,9%). По мнению Ю. О. Журавлевой, «заимствования международных явлений и понятий являются более предпочтительными, чем их перевод» [7, с. 3]. Они представляют единицы мирового межкультурного общения и интегрируют различные явления, например, *meanwhile, make up the sushi seasoning by mixing a teaspoon of salt with four tablespoons of **sushi** rice vinegar* ‘тем временем приготовьте приправу для **суши**, смешав чайную ложку соли с четырьмя столовыми ложками рисового уксуса’, *the day after that **fiasco**, the Iranian handlers told the recruit to go back to the Weizmann and take more photos* ‘на следующий день после этого **фиаско** иранские кураторы сказали новобранцу вернуться в институт Вейцмана и сделать ещё несколько фотографий’ [3].

Экспрессивная функция заимствований (4,01%) способствует привлечению внимания читателей, вызывает у них определённые эмоции. Лексика при этом несет в себе эмоционально-экспрессивную окраску [8, с. 42]. В подобных случаях заимствованная лексика создаёт экспрессию в высказывании и тексте в целом. Например, используя слова с отрицательной коннотацией, такие как *horrible* ‘ужасный’, *vile* ‘гнусный’, *crisis* ‘кризис’, журналисты имеют возможность представить описываемое явление с худшей стороны что вызывает соответствующий эмоциональный отклик у аудитории. Авторы включают в текст эмоционально и экспрессивно окрашенную лексику для того, чтобы оказать влияние на читательскую аудиторию и настроить ее соответствующим образом, например, *The Guardian has spoken to five creators with a combined audience of millions who have all experienced degrees of workplace stress or **fatigue*** ‘«The Guardian» поговорил с пятью авторами, аудитория которых насчитывает миллионы человек, все они испытывали стресс или **сильную усталость**’, *about 34 **tornadoes** were reported across the region on Wednesday, according to the Storm*

Prediction Center ‘по данным центра прогнозирования штормов, в среду по всему региону было зарегистрировано около 34 **торнадо**’ [3].

Таким образом, в результате анализа статей из газеты «The Guardian» были выявлены три наиболее встречающиеся функции заимствований, а именно, номинативная, интегрирующая и экспрессивная. Согласно материалу исследования, основными языками донорами стали латинский и французский языки (85,52% от общего количества заимствованной лексики). Заимствования в медиадискурсе играют важную роль в создании точных обозначений, создании эмоционально-экспрессивного эффекта и интеграции мировых концептов. Лексика, как правило, полностью адаптируется под нормы английского языка или интегрируется в язык, сохраняя свой международный характер. Анализ показал, что целый ряд лексических единиц проходит при этом долгий процесс семантических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казак М. Ю. Язык Газеты. Белгород : Белгород, 2012. 120 с.
2. Durkin P. Borrowed Words: A History of Loanwords in English Oxford-New York : Oxford University Press, 2014. 491 p.
3. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed: 19.06.2025).
4. Гарник А. В. Греческие лексические заимствования в латинском языке. Минск : БГУ, 2015. 56 с.
5. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford : Stanford University Press, 1972. 392 p.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Журавлева Ю. О. Функции лексических заимствований в англоязычных СМИ // Огарёв-Online. 2022. № 7 (176).
8. Ильина О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций (на материале газетных текстов 1990-1995 гг.) // Межвузовский сборник научных трудов. 1998. Т. 2. С. 41-48.
9. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М : Флинта, 2012. 376 с.
10. Etymonline [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 24.06.2025).

УДК 811.112.2

Пожарицкая Екатерина Викторовна

студент

г. Минск, Беларусь

Белорусский государственный

университет иностранных языков

e-mail: katyapogarickaya@gmail.com

Yrkaterina Pozharizkaya

student

Minsk, Belarus

Belarusian State University

of Foreign Languages

e-mail: katyapogarickaya@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЕВ К ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОСТАМ В ИНСТАГРАМ

В статье представлены результаты исследования синтаксических особенностей немецкоязычных комментариев к психологическим постам в социальной сети Instagram. На материале 248 комментариев проведен детальный анализ синтаксических структур, определяющих специфику данного вида интернет-коммуникации. Установлено, что синтаксис комментариев характеризуется упрощенной, но детализированной структурой, что позволяет балансировать между спонтанностью общения и необходимостью точного выражения мыслей. Выявленное доминирование простых распространенных двусоставных полных личных предложений отражает стремление пользователей к ясному и детализированному изложению личного опыта. Отсутствие обобщенно-личных и противительных конструкций свидетельствует о специфике коммуникативных стратегий в психологическом дискурсе социальных сетей, где доминирует рефлексивное изложение индивидуального опыта.

Ключевые слова: синтаксис; интернет-комментарии; Инстаграм; психологический дискурс; цифровая коммуникация.

SYNTACTIC FEATURES OF GERMAN-LANGUAGE COMMENTS ON PSYCHOLOGICAL POSTS ON INSTAGRAM

The article presents the results of a study of the syntactic features of German-language comments on psychological posts on Instagram. Using 248 comments, a detailed analysis of the syntactic structures defining the specifics of this type of online communication was conducted. It was found that the syntax of comments is characterized by a simplified yet detailed structure, which allows for a balance between the spontaneity of communication and the need for precise expression of thoughts. The identified dominance of simple, common, two-part complete personal sentences reflects users' desire for a clear and detailed presentation of personal experience. The absence of generalized personal and adversative constructions testifies to the specificity of communicative strategies in psychological discourse on social networks, where a reflexive presentation of individual experience predominates.

Keywords: syntax; Internet comments; Instagram; psychological discourse; digital communication.

Современные цифровые коммуникации оказали значительное влияние на языковые процессы, изменяя способы взаимодействия, выражения мыслей и структурирования высказываний. Одним из таких феноменов являются интернет-комментарии, в частности, оставляемые пользователями под психологическими постами в социальной сети Инстаграм. Эти комментарии представляют собой особый вид письменного общения, характеризующийся специфическими синтаксическими особенностями, влияющими на восприятие и интерпретацию

текста. Задачей настоящего исследования явился анализ синтаксической структуры комментариев к психологическим постам в Инстаграм на немецком языке.

Материалом исследования послужили 248 немецкоязычных комментариев к психологическим постам. Анализ языкового материала выявил ряд характерных особенностей синтаксической организации комментариев к психологическим постам в Инстаграм. Наиболее яркой чертой исследуемого вида текстов стало доминирование простых предложений, составляющих 54,8%, что объясняется тем, что в спонтанной письменной речи (особенно в соцсетях) люди склонны использовать короткие, ёмкие фразы. Это требует меньше когнитивных усилий и быстрее передаёт мысль. Особого внимания заслуживает тот факт, что 91,2% простых предложений являются полными. Это соответствует требованиям письменной коммуникации, где отсутствует возможность опереться на невербальные сигналы и контекст устного общения. Примечательно, что подавляющее большинство этих конструкций (86%) являются распространёнными, что свидетельствует о стремлении пользователей к достаточно подробному, в ряде случаев даже детализированному выражению мысли, например: *"Ich arbeite daran, mit mir und anderen geduldiger zu sein"*, где наблюдается сочетание двусоставной основы с развёрнутой инфинитивной группой, или *"Unsere Zufriedenheit wird deutlich durch den sozialen Vergleich beeinflusst"*, демонстрирующее использование обстоятельства образа действия для уточнения высказывания.

Кроме того, 89,6% предложений носят личный характер, акцентируя индивидуальный опыт комментаторов, что видно на примере: *«Ich bin dankbar für deine Gedanken»*. Безличные же предложения (8,7%) используются преимущественно для описания универсальных психологических состояний, например: *"Es ist normal, unzufrieden zu sein"*, что соответствует научно-популярному характеру обсуждаемого контента. Заметной особенностью является отсутствие обобщённо-личных, что связано с тем, что обобщенно-личные конструкции предполагают универсальные истины, а психологические комментарии ориентированы на персональный опыт.

Доля сложных синтаксических конструкций в комментариях существенно ниже, однако они выполняют важные коммуникативные функции. В частности, сложноподчинённые предложения, составляющие 23,4% от общего количества, преимущественно используются для аргументации позиции и уточнения высказываний. По синтаксической функции придаточных наиболее распространёнными являются придаточные дополнения: *"Nur dann werden wir wissen was uns glücklich macht und was wir für unser Glück tun können."* и определительные придаточные: *"Es gab eine Zeit, in der sich die meisten Menschen weitgehend selbst versorgten."* Придаточные места, цели, сравнения и уступки практически не встречаются, потому что либо их функции заменяются более простыми конструкциями, либо они нерелевантны для абстрактных рассуждений о психологическом состоянии.

По виду связи преобладают союзные (50%) и относительные (44,8%) конструкции, поскольку в письменной речи, особенно в комментариях, люди стремятся к максимальной понятности: *«Es ist normal, dass wir Unzufriedenheit*

projizieren». Бессоюзные же конструкции встречаются крайне редко (5,2%), что объясняется их требовательностью к языковой компетенции участников общения.

Анализ позиции придаточных предложений выявил, что в 75,9% случаев они следуют после главного, что соответствует естественному ходу мысли: «*Ich erkenne, dass ich bewusster sein muss*». Такое расположение отражает типичную для письменной речи последовательность: сначала формулируется основная мысль, затем следуют уточнения.

Количество стяженных предложений составило 14,1%. С их помощью достигается естественность устной речи, так как в живом общении люди часто "сшивают" разные типы связей в одном предложении. "*Vielen Menschen geht es genauso – sie fühlen intuitive, dass etwas nicht gut ist, aber wissen nicht, was es ist und erst recht nicht, wie sie sich selbst helfen können.*"

В то же время сложносочинённые предложения (7,7%) встречаются значительно реже, причём большинство из них являются асиндетическими (73,7%), что отражает спонтанность и неформальность онлайн-общения: "*Schöner Artikel, danke!*" Противительные конструкции сложносочинённых предложений отсутствуют, потому что противительные конструкции обычно выражают конфликт или противопоставление, а в исследуемых текстах комментаторы чаще дополняют мысли друг друга, не противореча.

По коммуникативной структуре комментариев к психологическим постам анализ выявил преобладание повествовательных предложений (89,1%), что соответствует рефлексивному характеру обсуждений: пользователи склонны делиться личным опытом, анализировать переживания и формулировать развернутые суждения: «*Ich arbeite daran, mit mir und anderen geduldiger zu sein*». Вопросительные конструкции (6,45%) используются нечасто, причем 62,5% из них – общие вопросы, что отражает стремление к философскому диалогу, а не к конкретным ответам: «*Können wir das Glück überhaupt verstehen?*». Восклицательные предложения (4,03%) и побудительные (0,4%) конструкции практически не используются. Это обусловлено тем, что даже если комментатор взволнован, он скорее опишет состояние, чем будет кричать.

Таким образом, синтаксис комментариев к психологическим постам в Инстаграм характеризуется упрощённой, но при этом детализированной структурой, что позволяет балансировать между спонтанностью онлайн-общения и необходимостью точного выражения мыслей. Преобладание простых распространённых двусоставных предложений свидетельствует о стремлении комментаторов к ясному и детализированному изложению. Преобладание придаточных дополнительных и определительных свидетельствует о стремлении пользователей к аргументированному изложению своей позиции. А отсутствие определенных типов предложений (обобщенно-личных, противительных) указывает на специфику коммуникативных стратегий в данной сфере.

Селиверстов Илья Михайлович
выпускник
г. Таганрог, Российская Федерация
Южный Федеральный Университет
e-mail: seliverstofi@yandex.ru

Ilya Mikhailovich Seliverstov
graduate
Taganrog, Russian Federation
Southern Federal University
e-mail: seliverstofi@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МИФОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В НАСТОЛЬНО РОЛЕВЫХ ИГРАХ

В данной работе исследуются особенности перевода мифонимов с английского языка на русский на материале книг правил и дополнений для настольно ролевой игры «Cyberpunk 2020». Единицей анализа в рамках данного исследования является мифоним, который рассматривается как лексическая единица, обозначающая субъект и/или объект, не существующий в реальности, соотносённый с современными мифами, и актуализирующий мифологемы – концепты мифологической картины мира. Поскольку план содержания таких единиц в английском языке нельзя соотнести с определённым лексическим понятием в русском языке, то их можно рассматривать в качестве безэквивалентной лексики. В рамках исследования были проанализированы переводческие решения при передаче мифонимов с английского на русский язык, а также выявлены особенности перевода мифонимов в интерактивной литературе для НРИ в жанре киберпанка. На основании полученных в ходе исследования результатов был сделан вывод о том, что при переводе мифонимов с английского языка на русский характерны метод транскрибирования и семантический перевод. Описательный перевод не характерен по причине многословности и громоздкости. При переводе мифонимов в НРИ переводчику нужно учитывать контекст, специфику жанра, лексическую, грамматическую и стилистическую сочетаемость языковых единиц, расширять кругозор, быть осведомлённым в тонкостях соответствующей игровой вселенной.

Ключевые слова: мифонимы; интерактивная литература; методы перевода; настольно ролевые игры.

FEATURES OF MYTHONYMS TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN IN TABLETOP ROLE-PLAYING GAMES

This paper examines the features of mythonyms translation from English into Russian based on the rulebook and add-on books for the tabletop role-playing game «Cyberpunk 2020». The unit of analysis in the framework of this study is a mythonym, which is considered as a lexical item denoting a subject and/or object that does not exist in reality, correlated with modern myths, and also actualizing mythologems – concepts of the mythological world image. Since the content plane of such units in English cannot be correlated with a specific lexical concept in Russian, they can be considered as non-equivalent vocabulary. This paper analyses translations solutions for the transfer of mythonyms from English into Russian, and reveals the features of translating mythonyms in interactive literature for TRPG in the cyberpunk genre. Based on the results obtained during the study, it was concluded that the transcription method and semantic translation are typical for mythonyms translation from English into Russian. Descriptive translation is not typical in this case because of the verbosity and cumbersomeness. When translating mythonyms in TTRPG, the translator needs to consider the context, the genre specifics, the lexical, grammatical and stylistic compatibility of linguistic units, broaden his horizons, and be aware of the subtleties of the appropriate game universe.

Key words: mythonyms; interactive literature; translation methods; tabletop role-playing games.

Видение мира в определенную эпоху отражается помимо всего прочего в мифологии, важной части национальной языковой картины мира, посредством специфических лексических единиц – мифонимов. В связи с формированием современных мифов мифонимы как актуализаторы неомифологической картины мира, создаваемой в настольно ролевых играх, и особенности их перевода с английского языка на русский представляются актуальными и важными для изучения.

Целью данного исследования является выявление особенностей перевода мифонимов в интерактивной литературе для настольно ролевых игр (далее НРИ) с английского языка на русский. Источником практического материала послужили книги правил и дополнений к НРИ «Cyberpunk 2020», в текстах которых мифонимы были выделены методом сплошной выборки. В ходе исследования также применялись метод анализа научной литературы, метод синтеза полученной информации, описательный метод.

Книги правил и дополнений прилагаются к НРИ наряду с другими игровыми инструментами (кубиками, картой вымышленного мира и пр.). С одной стороны, они представляют собой систему правил, определяющую параметры персонажей игроков и результаты тех или иных действий; с другой стороны, книга правил обозначает параметры повествования (narratives Setting), направление повествования, в рамках которого создается вымышленный мир [1, р. 32; 2, р. 29]. Книга правил дает игрокам возможность самим создавать свою историю, свой мир и его контролировать.

Единицей анализа в рамках данного исследования является мифоним, который рассматривается как лексическая единица, обозначающая субъект и/или объект, не существующий в реальности, соотносительный с мифами, в нашем случае с современными мифами, и актуализирующие мифологемы – концепты мифологической картины мира. При этом речь идет о неомифологической картине мира как совокупности представлений современных авторов интерактивной литературы жанра киберпанка, основанной на современных мифах, таких как «апокалипсис», «мировое зло» и пр.

Мифонимы в НРИ в жанре киберпанка отличаются тем, что они абстрагированы от культуры и истории автора-носителя языка, обусловлены тревогами и проблемами современного общества и придумываемого, отчасти прогнозируемого мрачного будущего.

Мифонимы, как языковые единицы, обозначающие выдуманные авторами субъекты и объекты действительности, значит, существующие в языке оригинала и отсутствующие в языке перевода, представляют особый интерес с позиции переводоведения и непростую задачу для переводчика, например, с английского на русский язык, что важно для данного исследования, хотя актуально и для других пар языков.

Поскольку план содержания таких единиц в английском языке нельзя соотнести с определенным лексическим понятием в русском языке, то их можно

рассматривать в качестве безэквивалентной лексики. Так, безэквивалентными называют Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями... Такие слова ... непереводаемы» [3, с. 77]. Авторы отмечают, что безэквивалентная лексика, как правило, заимствуется из одного языка в другой. Однако если заимствования не происходит, то переводчику не удастся подобрать точное соответствие (эквивалент), придется это лексическое понятие описывать. Непереводаемость в данном случае подразумевает отсутствие возможности передать единицу языка оригинала в языке перевода «слово в слово», что, однако, не исключает передачу этого понятия в целом, а указывает лишь на то, что переводчику необходимо прибегнуть к тому или иному переводческому приему.

Решения, принятые в ходе работы над переводом мифонимов, выделенных в текстах книг правил и дополнений к НРИ «Cyberpunk 2020», представим далее.

При переводе мифонимов применялись следующие методы и приемы:

- транскрибирование;
- транслитерация;
- калькирование;
- прием смыслового развития (модуляция);
- конкретизация;
- добавление;
- семантический перевод;
- морфограмматическая модификация;
- замена грамматической формы части речи;
- перестановка;
- прямой графический перенос;
- смешанная форма перевода.

При переводе мифонимов-аббревиатур использовались:

- полное заимствование в латинских буквах;
- перевод полной формы и создание на его основе сокращения буквами русского алфавита.

В общем объеме выделенных единиц анализа большую часть составили названия корпораций, городов, фракций, социальных групп, криминальных группировок, технических средств и имена персонажей. Метод транскрибирования был выбран в качестве наиболее подходящего при передаче почти 40% единиц, например, названий мегакорпораций *Arasaka* ‘Арасака’, *Militech* ‘Милитех’, *Biotechnica* ‘Биотехника’ и мн. др. Такой высокий показатель связан с тем, что традиционно прием транскрибирования широко применяется при переводе имен собственных, которых среди выявленных в исследуемом материале мифонимов оказалось абсолютное большинство.

Несмотря на то, что англоязычные мифонимы актуализируют нереальную картину существующего исключительно в фантазиях автора НРИ мира, в русском языке есть слова – абсолютные эквиваленты английским, которые точно передают значение мифонима. Подобрать точные с позиции семантики единицы в языке перевода удалось в каждом четвертом случае. В качестве примера

приведем *International Electric Corporation – IEC* ‘Международная Электрическая Корпорация – МЭК’. МЭК – является европейским конгломератом, связанным со множеством отраслей промышленности. Метод семантического перевода в данном случае выбран как с целью обеспечения благозвучия, так и в связи с наличием близких эквивалентов для всех компонентов мифонима в языке перевода, которые наиболее четко передают их значение в контексте.

В практике перевода реалий для достижения необходимого уровня эквивалентности и адекватности перевода зачастую требуется использовать комбинацию переводческих приемов, мифонимы также не стали исключением. Так, название города *Newer Orleans* невозможно передать, сохранив грамматическую форму оригинала, так как исходя из контекста становится ясно, что речь в тексте оригинала идет о реально существующем Новом Орлеане, который был переименован, если перевести буквально на русский язык, в ‘Более новый Орлеан’ вследствие глобальной перестройки, вызванной борьбой с последствиями природной катастрофы. В существующей литературе, посвященной миру *Cyberpunk 2020*, этот город упоминается как с новым названием, так и со старым, отсылая к одному и тому же контекстуально, поэтому вариант ‘Новый Орлеан’ представляется более подходящим.

Некоторые приемы перевода, например, прием перестановки и замена грамматической формы части речи, применялись при переводе только в комбинации с другими, чаще всего с приемом транскрибирования. Например, *Bes Isis* ‘Исида Бесс’ – бывшая клавишница популярной рок-группы «Самурай», и на момент событий 2020-х годов в мире *Cyberpunk* заметная фигура в сфере исследовательской журналистики. Одна часть ее имени, *Isis*, является отсылкой к имени богини Древнего Египта Исиды, и переводится за счет сложившейся традиции при переводе данного имени, в то время как вторая, *Bes*, переводится приемом транскрибирования.

Так как анализируемый в рамках исследования материал по своей жанровой принадлежности близок к научной фантастике, в общем объеме выделенных мифонимов присутствовали лексические единицы, описывающие технологии будущего, процедуры или технические средства, которым в настоящий момент нет аналогов в реальном мире, а значит, и в языке. При переводе такого рода единиц применялся прием калькирования или буквальный перевод, например, *Smartweapon* ‘Умное оружие’.

Некоторые из этих мифонимов, по аналогии с реально существующими образцами технических средств, имели собственные аббревиатуры, которые переводились на русский язык в полной форме с созданием на основе этой формы русского сокращения, например, *SIN (System Identification Number)* – ‘СИН (Системный идентификационный номер)’.

Применялись также приемы смыслового развития, дополнения и конкретизации, так как при переводе некоторых мифонимов требовалось заменить или добавить слово, подчеркивающее значение, заложенное автором, или для достижения грамматической корректности при переводе на русский язык. Например, *Shop*, чаще всего переводимый на русский язык словом «магазин», в оригинальном тексте описывается как уже несуществующая «в стиле фильмов о

Джеймсе Бонде, высокотехнологичная, суперсекретная исследовательская организация» [4, р. 80], поэтому было принято решение использовать прием конкретизации и перевести название как 'Цех'. Это обусловлено контекстом, согласно которому можно предположить, что организация занималась производством и разработкой хай-тек оборудования, а «цех» как термин, обозначает отделение фабрики или завода занятого частью производственного процесса.

На основании полученных в ходе исследования результатов можно прийти к выводу о том, что при переводе мифонимов с английского языка на русский в НРИ в жанре киберпанка характерны метод транскрибирования и семантический перевод точно так же, как при переводе безэквивалентной лексики. Но другие, типичные для безэквивалентной лексики способы, такие как создание авторского неологизма, описательный перевод, транскрибирование, применялись редко или не применялись вообще. Можно предположить, что описательный перевод – наименее подходящий вариант для книг правил и дополнений к НРИ по причине многословности и громоздкости, которые не типичны для такого рода литературы, сочетающей в себе свойства справочной литературы наряду с характеристиками художественной литературы. При необходимости, лучше пояснение к тому или иному мифониму оформить в виде сноски или переводческого комментария. При переводе мифонимов переводчику часто приходится комбинировать разные методы, чтобы обеспечить адекватную передачу отдельно взятых языковых единиц в общем контексте произведения.

С точки зрения переводоведения мифонимы, как единицы, план содержания которых в языке оригинала далеко не всегда можно, а чаще невозможно, соотнести с определенным лексическим понятием в языке перевода, следует отнести к разряду безэквивалентной лексики или реалиям. В арсенале переводчика достаточно способов, позволяющих передать значение реалий, значит, и рассматриваемых в данной работе мифонимов.

При переводе мифонимов в интерактивной литературе для НРИ в жанре киберпанка с английского языка на русский переводчику нужно учитывать контекст, специфику жанра, лексическую, грамматическую и стилистическую сочетаемость языковых единиц, расширять кругозор, быть осведомленным в тонкостях соответствующей игровой вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meier, J.N., Preußner U. Mit Würfel und Stift – Das Pen-and-Paper-Rollenspiel und seine Potenziale für medienübergreifendes literarisches Lernen // MiDU – Medien im Deutschunterricht Jg. 1, 2019. H. 1. S. 31–42.
2. Mackay D. The Fantasy Role-Playing Game. A New Performing Art. Jefferson, N.C. : McFarland & Company, 2001. 215 p.
3. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
4. Winn R., Oppen E. Neo Tribes: The Nomads of North America. Kirkland, King County, Washington : R. Talsorian Games Inc, 1995. 96 p.

УДК 81

Собянина Валентина Александровна

д. филол. н., профессор

г. Москва, Россия

ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (МГПУ), Институт Иностранных языков

*e-mail: sobyaninava@mgpu.ru***Росинская Валерия Михайловна**

магистрант

г. Москва, Россия

ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (МГПУ), Институт Иностранных языков

*e-mail: rosinskayavm676@mgpu.ru***Sobyagina Valentina Aleksandrovna**

Dr. of Sc. (Philology), professor

Moscow, Russia

Moscow City Pedagogical University (MGPU), Institute of Foreign Languages

*e-mail: sobyaninava@mgpu.ru***Rosinskaya Valeria Mikhailovna**

master's student

Moscow, Russia

Moscow City Pedagogical University (MGPU), Institute of Foreign Languages

e-mail: rosinskayavm676@mgpu.ru

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)**

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности культурно-маркированной контаминированной лексики немецкого языка. В контексте теории прецедентности автор раскрывает функциональный потенциал данных единиц на материале примеров, взятых из текстов коммерческой рекламы на немецком языке.

Ключевые слова: контаминация; лексическая контаминация; прецедентность; прецедентный феномен; коммерческая реклама.

**LEXICAL CONTAMINATION AS A MEANS OF MANIFESTATION
OF THE CATEGORY OF PRECEDENCE (ON THE EXAMPLE
OF GERMAN-LANGUAGE COMMERCIAL ADVERTISING TEXTS)**

The article deals with the structural and semantic features of the lexical contamination containing cultural components of the German language. In the context of the theory of precedence, the author reveals the functional potential of these units on the basis of examples from the texts of commercial advertising in German language.

Key words: blending; lexical contamination; precedence; precedent phenomenon; commercial advertising.

На сегодняшний день в условиях высокой конкуренции создатели рекламных сообщений стремятся овладеть вниманием потенциального покупателя с помощью использования различных вербальных средств. **Цель данного исследования** состоит в выявлении особенностей и функций культурно-маркированных лексических контаминантов в текстах немецкоязычной коммерческой рекламы. **Актуальность исследования** обусловлена активным появлением контаминированных производных в немецком языке и их использованием в различных видах текстов, в том числе, в текстах коммерческой рекла-

мы. Более того, многие контаминированные образования, изначально носящие окказиональный характер, зачастую закрепляются в языке с их дальнейшей кодификацией, что подчеркивает значимость данных единиц в формировании словарного состава языка. И, поскольку на язык рекламы влияют и экстралингвистические факторы, значительное число контаминантов, использующихся в немецкоязычной рекламе, является культурно-маркированными единицами, значение которых связано с доминантами как общекультурного, так и национально-культурного немецкоязычного пространства. Все данные факторы обуславливают необходимость рассмотрения контаминированной лексики в качестве инструмента языкового влияния на покупательское поведение потребителей и исследования как самого явления контаминации, так и его продуктов. **Материалом данного исследования** являются содержащие продукты контаминации немецкоязычные рекламные сообщения, представленные на официальных веб-сайтах товаров и услуг, а также в открытом Интернет-пространстве. **Методом** сплошной выборки был произведен отбор эмпирических данных на основе материала немецкоязычных рекламных текстов. Автором использовались описательный метод, включающий в себя описание, обобщение, систематизацию и интерпретацию собранных данных, структурный метод, который позволил выявить и проанализировать структуру рассматриваемых языковых единиц, интертекстуальный метод, с помощью которого был произведен анализ лингвокультурологической составляющей культурно-маркированных контаминантов с точки зрения категории прецедентности.

Основные результаты исследования

Обратимся к определению термина «контаминация». Под контаминацией в лингвистических исследованиях понимают процесс образования новых языковых единиц путём объединения элементов двух или более исходных компонентов в общую производную. Впервые на необходимость исследования такого способа словообразования указал немецкий младограмматик Г. Пауль, который ввел термин «Kontamination» ('контаминация') в научный обиход и сформулировал его следующим образом: «Под контаминацией я понимаю процесс, при котором синонимичные формы выражения одновременно всплывают в сознании, причем влияние ни одной из этих форм на формирование значения нового слова не выражено ясно и очевидно: появляется новая форма выражения в результате слияния элементов двух других» [Цит. по: 1, с. 305]. На основе данного определения стоит отметить, что предпосылкой объединения мотивирующих единиц контаминанта является наличие ассоциативной близости (в том числе, семантической) его исходных компонентов, актуализирующейся в сознании адресата при обнаружении контаминированной единицы, а также наличия между ними структурного (формальной близости) и функционального сходства [2, с. 238]. Что касается типологизации контаминации, стоит отметить, что довольно распространенной является классифицирование данных единиц, в зависимости от уровней языка, на основе чего принято выделять такие ее виды, как лексическая, фразеологическая, морфологическая, синтаксическая контаминация [3, с. 15–16]. Анализ образцов немецкоязычной рекламы показал, что видом конта-

минации, активно используемым в рекламных текстах на немецком языке, является лексическая контаминация. Данное явление мы трактуем как процесс образования нового слова путём объединения частей двух или более полных слов, как правило, имеющих семантические ассоциативные связи друг с другом или близких по звучанию. В процессе образования новой единицы исходные компоненты лексического контаминанта могут взаимодействовать друг с другом путем скрещивания (взаимообмена компонентов исходных единиц), наложения основ слов при наличии у них общего компонента (с последующим сокращением одной или всех исходных основ, либо же с их последовательным чередованием без усечения их состава), «вставки», т.е. включения одной единицы в состав другой [1, с. 305].

Рассматривать контаминацию с точки зрения лингвокультурологической составляющей контаминированных единиц позволяет теория прецедентных феноменов (далее – ПФ), разработанная отечественными лингвистами Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой. В рамках данной теории исследуются значимые для определенной лингвокультуры концепты, обращение к которым постоянно воспроизводится в новых контекстах, причем отсылки к данным доминантам должны быть понятны среднестатистическому представителю определенного сообщества (как члену конкретного национально-лингвокультурного сообщества, так и участнику общемирового когнитивного пространства в определенный момент времени). Учеными были выделены тематические группы ПФ по различным критериям, а также виды структурных трансформаций ПФ, одной из которых является контаминация, поскольку ПФ обычно не включаются в новые контексты при помощи прямого цитирования, а, как правило, подвергаются модификации. Предпосылкой к употреблению термина «прецедентность» в лингвистических исследованиях стало введение Ю. Н. Карауловым термина «прецедентный текст», под которым ученый понимал тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Говоря о прецедентных текстах, Ю. Н. Караулов также отмечал, что данное понятие не подразумевает исключительно тексты художественной литературы, поскольку прецедентными текстами могут выступать мифы, предания, устно-поэтические произведения, библейские тексты, публицистические произведения [Там же] – пояснение, являющееся для нас чрезвычайно важным в связи с возможностью применения теории прецедентности к рассмотрению текстов рекламы. Перечислим существующие тематические группы ПФ, согласно критерию их соотнесенности с первоисточником, и проиллюстрируем их примерами контаминантов, взятых из немецкоязычных рекламных текстов и содержащих в своей семантике лингвокультурные компоненты значения:

Прецедентный текст (далее – ПТ) – это определенный тип текстов какой-либо лингвокультуры, известных широкому кругу ее представителей без до-

полнительного объяснения их содержания и смысла. Отсылки и обращение к данным текстам постоянно осуществляются в рамках определенного лингвокультурного сообщества, поскольку данные единицы считаются ее неотъемлемыми компонентами. В качестве примера контаминанта, включающего в себя отсылку к определенному ПТ немецкоязычной лингвокультуры, можно привести название десерта в форме елки от немецкого производителя *Dickmann's Oh Tannenschaum* [1]. В данном случае контаминант *Tannenschaum* (сложение единиц *Tannenbaum* 'елка' и *Schaum* 'пена' (имеется в виду обозначение десерта *Schaumkuss* 'суфле')) производится на основе изменения компонентного состава сложного слова *Tannenbaum* путем замены его второй части на новую единицу) содержит в себе название известной немецкой рождественской песни *O Tannenbaum* 'О, елочка', отсылка к которой, как и значение контаминанта и рождественская направленность данного продукта, понятна представителям немецкой лингвокультуры или изучающим ее особенности индивидам;

Прецедентное имя (далее – ПИ) – имя собственное, широко известное представителям того или иного лингвокультурного сообщества. ПИ обладает вторичной номинацией и используется в тексте не для непосредственного обозначения определенного лица, а в качестве культурного знака, отождествления совокупности определённых качеств и свойств, чаще всего, эталонных и идеальных, с которыми связано данное имя в сознании адресата. Например, название берлинского кафе *Freddy MehrCurry* (*Mehr* 'больше' + *Curry* 'карри') [2] происходит от имени легендарного британского рок-певца *Freddie Mercury* ('Фредди Меркьюри'), которое в данном случае выступает в качестве прецедентного и вызывает ассоциации с чрезвычайной популярностью и уникальностью этого исполнителя. Использование данного имени может также подразумевать и музыкальную концепцию кафе и быть призвано привлечь внимание потенциальных клиентов заведения. Смешение частей слов в одну единицу в данном случае осуществляется на основе омофонического подобия исходных компонентов (*Mehr* + *Curry* / *Mercury*). Еще один пример культурно-маркированного контаминанта-ПИ можно обнаружить в рекламном баннере британского производителя смузи и соков *innocent: Der Beercules der Smoothies* [3]. Контаминированной единицей в данном рекламном сообщении является слово *Beercules* (*Beere* 'ягода' + *Herkules* 'Геркулес'), образованное путем наложения его исходных единиц на стыке общего компонента. Данный контаминант содержит имя известного своей силой героя римской мифологии Геркулеса, которое следует рассматривать как ПИ, способное указать адресату на прилив силы и витаминов, которые он получит при употреблении данного напитка;

Прецедентная ситуация (далее – ПС) – некоторая эталонная ситуация, связанная с определенными культурными, историческими или социальными контекстами того или иного лингвокультурного сообщества и включающая в себя определенные характеристики данного события и его участников. В качестве ПС предлагаем рассмотреть карьеру футболиста Криштиану Роналду как ситуацию, связанную в сознании индивидов с такими характеристиками, как высо-

кий профессионализм, успех и большое количество достижений. Можно утверждать, что и карьера футболиста, и его имя обладают всеми признаками прецедентности, что, в свою очередь, подтверждается случаями их использования в новых контекстах: например, в рекламном сообщении *Du bist der Rohr'naldo unter den Installateuren* (*Rohr* 'труба' + *Ronaldo* 'Роналду') [4] немецкой сантехнической компании через концепт успеха футболиста путем наложения одинаковых элементов двух слов-основ контаминанта *Rohr'naldo* подчеркивается профессионализм и мастерство ее сантехников, что должно вызывать положительные ассоциации у потенциальных потребителей;

Прецедентное высказывание (далее ПВ) – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [5, с. 46]. Источником ПВ обычно выступает ПТ, однако, при потере связи с текстом-первоисточником ПВ может стать автономным и не связанным с ним в сознании адресата, например, в случае фразеологизмов. В качестве примера культурно-маркированного контаминанта-ПВ приведем рекламный заголовок сети ресторанов *Hans im Glück BARFÖG FÜR ALLE!* [5]: контаминант *BARFÖG* образован путем наложения компонентов *BAföG* (*Bundesausbildungsförderungsgesetz*) 'федеральный закон «О поддержке высшего образования»' и *Bar* 'бар' на основе их одинакового стыкующегося звена. В семантическом плане в данном случае следует обратить внимание на включение в состав контаминанта названия данной стипендии, поскольку смысл рекламного сообщения состоит в предложении второго напитка из бара студентам в подарок. Вместе с тем, в данном заголовке можно найти и отсылку к требованию всеобъемлющей поддержки немецкого студенчества *BAföG für Alle!* 'государственная стипендия для всех' [6]. За счет известности и воспроизводимости в новых контекстах можно утверждать, что данное высказывание входит в состав прецедентных в немецкоязычном пространстве.

Исходя из того, что коммерческая реклама направлена на продвижение товаров и услуг с целью воздействия на целевую аудиторию и достижения взаимодействия потенциального покупателя с рекламируемым продуктом, на основе проанализированных примеров использования культурно-маркированных контаминантов выделим функции, реализуемые контаминантами в рекламных текстах. К таковым следует отнести следующие функции: аттрактивная функция, поскольку данные единицы могут привлечь внимание реципиента к рекламируемому объекту и выделить рекламное сообщение среди остальных рекламных текстов, выступая в качестве ай-стоппера; информирующая функция: контаминанты объединяют в своей структуре значения исходных слов и, поэтому, способны передавать сложные смыслы в компактной форме и нести информацию различного рода, например, об отличительных характеристиках продукта, о его пользе для покупателя и др.; идентифицирующая функция контаминантов проявляется в том, что использование оригинальной и запоминающейся контаминированной единицы в составе рекламного сообщения помогают потребителю отличить определенный продукт от аналогичных предложений на

рынке, а производителю – повысить узнаваемость товара и, в перспективе, сформировать устойчивую клиентскую базу, которая будет целенаправленно стремиться приобрести продукцию данного бренда; суггестивная функция контаминантов связана с потенциалом данных единиц оказать воздействие на эмоциональную сферу адресата, вызвать определенные чувства и ассоциации, причем, положительные. В частности, в качестве распространенного приема данной функции мы выделяем обращение к системе ценностей адресата, упоминание доминант, отражающих лингвокультурные составляющие определенного общества.

Выводы исследования

Таким образом, по результатам нашего исследования нами был сделан вывод о том, что контаминация является распространенным языковым явлением в текстах немецкоязычной рекламы. Многие контаминанты, функционирующие в лингвокультурном контексте немецкоязычных стран, содержат в себе лингвокультурологический компонент значения, в связи с чем декодирование и правильная интерпретация данных единиц обуславливает необходимость достаточной культурной осведомленности реципиента и их дополнительного исследования. Вместе с этим, вовлечение контаминантов в структуру рекламных текстов может повысить интерес потенциальных потребителей к продвигаемому товару или услуге, привлечь внимание реципиента и сделать рекламный продукт более заметным среди конкурентов путем создания яркого, краткого и привлекательного рекламного текста, который останется в памяти адресата, вызовет положительные ассоциации с рекламируемой продукцией в сознании потребителя и, в перспективе, приведет к дальнейшему взаимодействию потребителя с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Искандарова Г. Р. Структурные типы контаминированных образований в современном немецком языке // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. № 7. С. 304–309. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-tipy-kontaminirovannyh-obrazovaniy-v-sovremennom-nemetskom-yazyke?ysclid=m5v36lsnd0358724381> (дата обращения: 26.06.2025).
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
3. Ефанова Л. Г. Контаминация (материалы к словарю лингвистических терминов). Часть 1. Широкое и узкое понимание термина «контаминация» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2 (34). С. 14–22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontaminatsiya-materialy-k-slovaryu-lingvisticheskikh-terminov-chast-1-shirokoe-i-uzkoe-ponimanie-termina-kontaminatsiya?ysclid=m5v2aty7uc445345582> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.

5. Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация. 2000. № 12. С. 46–53.

Список использованных источников

1. Dickmann's Oh'Tannenschaum [Электронный ресурс] // Amazon.de. URL: <https://www.amazon.de/Dickmanns-OhTannenschaum-Schaumkuss-Tannen-Vanillekipferl-Geschmack/dp/B081L4D2GK> (Дата обращения: 24.06.2025).
2. Freddy Mehr Curry [Электронный ресурс] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/funny/comments/3d8lle/freddy_mehr_curry/?rdt=63837 (Дата обращения: 24.06.2025).
3. Beerkules by Innocent [Электронный ресурс] // Abillion. URL: <https://www.abillion.com/products/beerkules-10605980> (Дата обращения: 22.06.2025).
4. Du bist der Rohr'Naldo unter den Installateuren [Электронный ресурс] // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/ich_iel/comments/wnfs6p/ichiel/ (Дата обращения: 23.06.2025).
5. Über uns [Электронный ресурс] // Hans im Glück. URL: <https://hansimglueck-burgergrill.de/ueber-uns/> (Дата обращения: 24.06.2025).
6. „BAFÖG FÜR ALLE“ – AKTIONSTAG UND DEMO IN HAMBURG [Электронный ресурс] // FINK.HAMBURG. URL: <https://fink.hamburg/2024/07/bafoeg-fuer-alle-aktionstag-und-demo-in-hamburg/> (Дата обращения: 14.06.2025).

Сокол Карина Андреевна

магистрант

Минск, Беларусь

Белорусский государственный
университет иностранных языков,

e-mail:

sokolkarina2523656@gmail.com

Karyna Adreyevna Sokal

Master student

Minsk, Belarus

Belarussian State University
of Foreign Languages,

e-mail:

sokolkarina2523656@gmail.com

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЛОРУССКИХ ПОТАМОНИМОВ И ЛИМНОНИМОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

С опорой на классификацию имен собственных по А.В. Суперанской выделены отдельные классы имен собственных, выполнен анализ способов перевода наименований рек, озер и водохранилищ с белорусского и русского языков на немецкий язык. Установлены экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на выбор исходящего языка перевода в условиях двуязычия в современной Беларуси. Проанализированы культурно-исторические факторы, обуславливающие закрепление в немецком языке заимствований в качестве традиционных соответствий. Результаты исследования демонстрируют необходимость разработки единых стандартов перевода белорусских географических наименований.

Ключевые слова: топонимия; перевод; потамонимы; лимнонимы; транслитерация; транскрипция; калькирование.

TRANSLATION SPECIFICS OF BELARUSIAN POTAMONYMS AND LIMNONYMS INTO THE GERMAN LANGUAGE

Using A.V. Superanskaya's classification of proper names, the main ways of translating the names of rivers, lakes and reservoirs from Belarusian and Russian into German are analyzed. Extralinguistic factors influencing the choice of the source language for translation in the bilingual context of modern Belarus are identified. The cultural and historical factors that led to the adoption of borrowings as established traditional equivalents in the German language are analysed. The results demonstrate the need for developing unified standards for translating Belarusian geographical names.

Key words: toponymy; translation; potamonims; limnonyms; transliteration; transcription; tracing.

Одним из проблемных вопросов в сфере перевода на сегодняшний день остается достижение адекватности при передаче на иностранный язык безэквивалентной лексики, к которой, среди прочего, относятся имена собственные (онимы). Согласно классификации А.В. Суперанской, к данной категории наименований относятся:

- **Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:** антропонимы (наименования людей; в т.ч. надивидуальные и групповые; например, *Иван Иванович Иванов, Зайцевы, Габсбурги, Радзивиллы*); зоонимы (наименования животных: *Граф, Мурзик, Кеша*); мифонимы («именования людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п., в действительности никогда не существовавших»: *Атлантида, Афродита, Древо Жизни*);

• **Именования неодушевленных предметов:** космонимы и астронимы (наименования космических объектов: *Венера, кратер Томсон*); фитонимы (наименования растений: *Царский дуб*); хрематонимы («собственные имена отдельных неодушевленных предметов (оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов и т.п.)»: *бриллиант «Куллинан», автомат Калашникова*); названия средств передвижения (*крейсер «Аврора», космический корабль «Союз-9»*); сортовые и фирменные названия (*автомобиль «Волга», виноград «Рислинг»*), топонимы (географические наименования);

• **Собственные имена комплексных объектов:** названия предприятий, учреждений, обществ, объединений (*Большой театр Беларуси, Белорусский республиканский союз молодёжи, Минский автомобильный завод*); названия органов периодической печати (*журнал «Алеся», газета «Правда»*); хрононимы («обозначение определенных отрезков и точек времени»: *Средневековье, Каменный век*); названия праздников, юбилеев, торжеств (*Иван Купало, Радоница, фестиваль «Славянский базар»*); названная мероприятий, кампаний, войн (*Ливонская война, операция «Багратион»*); названия произведений литературы и искусства (*повесть «Знак беды», фильм «Белые Росы», картина «Над городом»*); документонимы («названия документов, актов, законов»: *Договор о Евразийском экономическом союзе, Всеобщая декларация прав человека*); названия стихийных бедствий (*циклон «Хавьер», ураган «Катрина»*), фалеронимы (названия наград (орденов, медалей, знаков отличия): *орден «За укрепление мира и дружбы», медаль «За отвагу»*) [1, с. 173].

Объектом настоящего исследования являются топонимы, к которым относятся:

- **оронимы** – названия гор и возвышенностей (*Гора Дзержинская, Белорусская гряда, Альпы*);
- **спелеонимы** – названия пещер, гротов и подземных систем (*Кунгурская ледяная пещера, грот Гуэй ди Эр*);
- **дримонимы** – названия лесных массивов (*Красный Бор, Налибокская пушча*);
- **ойконимы** – названия населенных пунктов: а) **астионимы** – названия городов (*Минск, Дрезден*); б) **комонимы (хорионимы)** – названия сельских поселений (*Заболотье, Осиновка*);
- **урбанонимы** – названия улиц и др. объектов внутри населенных пунктов (*улица Мира, проспект Независимости, площадь Победы*);
- **дромонимы** – названия путей сообщения и маршрутов (*трасса М1, Транссибирская магистраль*);
- **хоронимы** – названия больших областей (географических, экономических, исторических; *Беловежская пушча, Минская область, Аукуштайтия*);
- **гидронимы** – названия водных объектов: а) **пелагонимы** – названия морей (*Чёрное море, Балтийское море*); б) **лимнонимы** – названия озёр (*озеро Нарочь*,

Кастийское море); в) *гелонимы* – название болот (*Ельня, Юховичский мох*); г) *потамонимы* – названия рек (*Березина, Дунай*).

Целью настоящего исследования является анализ переводов потамонимов и лимнонимов с русского и белорусского языков на немецкий. Его актуальность обусловлена необходимостью систематизации знаний о переводе данных классов наименований для его дальнейшей стандартизации. Источниками материала послужили немецкие и белорусские атласы [2, 3], туристические путеводители [4], а также справочник «Водные объекты республики Беларусь» [5] и энциклопедия «Все озёра Беларуси» [6]. Согласно описаниям, имеющимся в теоретической литературе, к основным способам перевода топонимов относятся:

1. *Транслитерация* – переводческий прием, заключающийся в передаче звучания (фонетического облика) слова на иностранный язык;

2. *Транскрипция* – переводческий прием, заключающийся в передаче графического облика слова на иностранный язык;

3. *Калькирование (буквальный перевод)* – переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода [7, 8].

Данная тенденция прослеживается и на материале нашего исследования, в ходе которого были проанализированы переводы 98 наименований рек и 36 наименований озёр Беларуси. В большинстве случаев переводчики отдавали предпочтение приёмам транскрипции либо транслитерации как в случае с потамонимами (93%), так и в случае с лимнонимами (81%). Это, вероятно, связано с тем, что большинство гидронимов на современном этапе развития языка утратили ясность своей этимологии, а также с тем, что данный способ передачи реалий на иностранный язык позволяет достаточно легко понять исходное наименование в различных контекстах. Кроме того, стоит отметить тот факт, что при данном способе передачи гидронимов на немецкий исходным языком может являться белорусский (*Ваўчанка – Wautschanka; Дрысвяты – Dryswjaty*) либо русский (*Новято – Novjato; Ловать – Lowat*), либо оба языка сразу (*Бярэзіна, Березина – Beresina, Bjaresina, Biarezina; Западный Буг, Заходні Буг – Bug, Sahodni Buh, Sapadny Bug; Ислач, Исlochь – Islatsch, Islotsch*). Возможно, подобная закономерность связана с исторически сложившейся практикой, унаследованной от советской эпохи, когда доминирующим языком картографии был русский. Также достаточно широко при переводе с белорусского в немецко-язычных источниках представлены варианты переводов по международному стандарту ISO 9 (*Гаўя – Haija; Гальшанка – Halšanka; Арышыца – Aršyca; Браслаў – Braslaj; Воласа (Паўднёвы і Паўночны) – Volasa (Pajdniovy + Rajnočny); Золава – Zolava*), что позволяет сохранить аутентичность наименований и обеспечить их понимание максимально большим кругом реципиентов, вне зависимости от языка, которым они владеют как родным. Калькирование было использовано для лимнонимов в 19% случаев, в то время как для потамонимов данный способ перевода практически не используется (таким образом был осуществлен перевод лишь 1 потамонима: *Западная Дзвіна – Westliche Dwina*), что объясняется более прозрачной семантикой отдельных наименова-

ний озёр, в большинстве случаев связанной с цветом либо формой (*Доўгае – Langer See; Чырвонае возера – Roter See; Чорнае – Schwarzer See*). Одной из особенностей перевода наименований рек Беларуси на немецкий язык является использование так называемых дублетов (*Сіняя, Сінія – Zilupe; Заходняя Дзвіна – Diina, Daugawa; Бабёр – Biebrza; Вілія – Neris; Нёман – Memel*). Возникновение подобных пар наименований может объясняться тем, что реки исторически служили важными водными путями сообщения и объединяли сразу несколько стран, что отразилось на процессе номинации данных водных объектов в других языках. Так, одно из немецких названий Западной Двины, впадающей в Дунай и являвшейся важной частью торгового пути «из варяг в греки», связано как с латышским историческим названием этой реки – *Dyna*, использовавшимся в период существования Пруссии, так и с ее современным названием – *Daugawa*. Из латышского также были заимствованы названия рек Синей (*Zilupe*) и Нёман (*Memel*), из литовского в немецкий перекочевало местное название реки Виля (Neris), а из польского – обозначение реки Бобёр (*Biebrza*), впадающей в Вислу. То есть немецкие версии наименований рек Беларуси, протекающих через соседствующие с ней государства, не являются прямыми переводами, а их, скорее, следовало бы отнести к категории экзонимов, которые в том числе служат свидетельством более ранних контактов с людьми, населявшими территорию современной Германии. Озёра, в отличие от рек, как правило, находятся в пределах одной страны и не представляют собой важных водных путей сообщения и, вероятно, поэтому не имеют альтернативных традиционно закрепившихся названий в других языках.

В общем виде приведенные выше тенденции наглядно представлены на диаграмме 1:

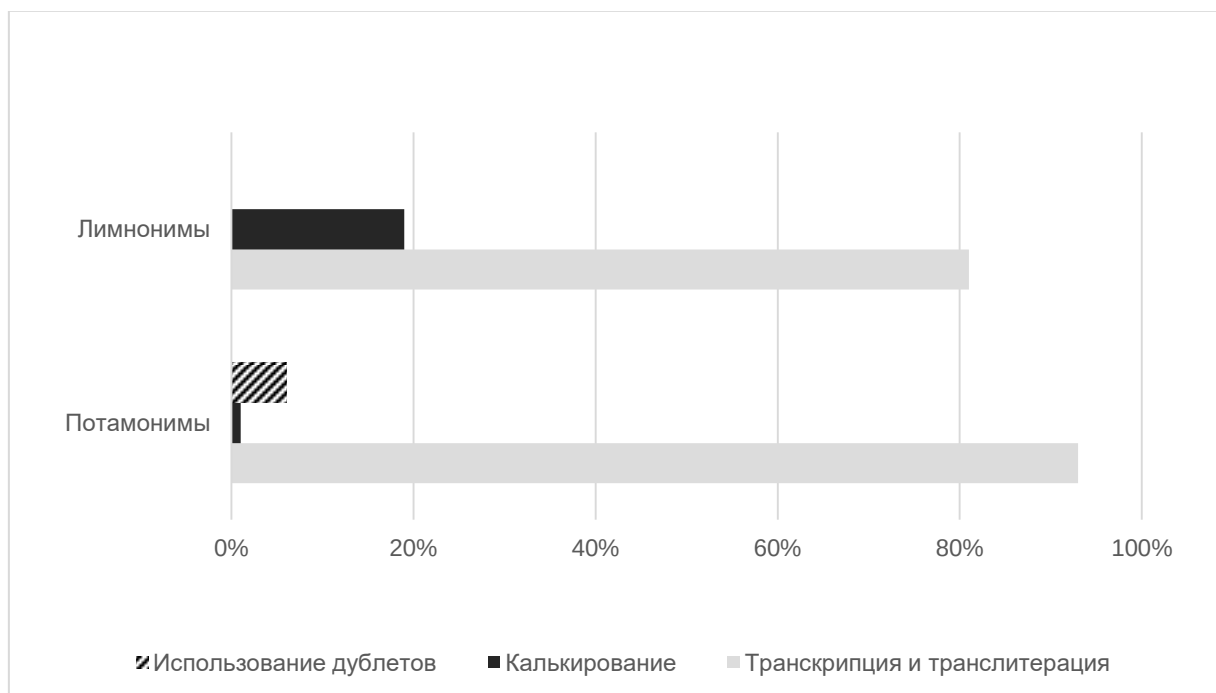

Рисунок 1 – Переводы потамонимов и лимнонимов

Таким образом, при переводе потамонимов и лимнонимов Беларуси на немецкий язык, помимо сложившихся лингвистических принципов передачи топонимов и общемировых стандартов, необходимо учитывать историко-культурный контекст, приводящий к конкуренции двух исходных языков, а также нашедший отражение в традиционно закрепившихся названиях белорусских рек в немецком языке. Результаты исследования также подчеркивают необходимость разработки четких и единообразных рекомендаций по передаче белорусских географических наименований на другие языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Meyers grosser Weltatlas [Карты] / herausgegeben vom Geographisch-Kartographischen Institut Meyer unter der Leitung von Adolf Hanle. – 5., verbesserte und erweiterte Aufl. – Mannheim [etc.]: Meyers Lexikonverlag, 1993. – 538 S.
3. Нацыянальны атлас Беларусі [Карты] / складзены і падрыхтаваны да друку Рэспубліканскім унітарным прадпрыемствам "Белкартаграфія" ў 2024 г. – Мінск : Белкартаграфія, 2024. – 348 с.
4. Weissrussland: mit Minsk, Brest, Hrodna, Homiel, Mahilio und Viciebsk / André Böhm, Maryna Rakhlei. – 2., aktualisierte und erweiterte Aufl. – Berlin : Trescher, 2019. – 489 с.
5. Водные объекты Республики Беларусь: справочник URL: <https://ecoportal.gov.by/upload/iblock/080/080bc903171c69f903c04b04e8122ad3.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Иванов-Смоленский В.Г. Все озера Беларуси: справочник. Минск : Рифтур Принт, 2013. – 751 с.
7. Коваленко Н.В., Кохнович Л.И. Анализ способов перевода немецких географических наименований на русский язык. Минск: БГУ, 2018.
8. Фоменок Е. Г. Специфика перевода немецких топонимов // Материалы научно-практической конференции «Современные исследования социально-экономических и гуманитарных проблем» (Минск, 26 апреля – 6 мая 2011 г.). Мн.: Женский институт «Энвила», 2011. С. 89–90.

УДК 811.112.2

Тенигина Анастасия Александровна
студент
г. Самара, Россия
Самарский государственный
социально-педагогический университет
e-mail: teniginanastia@gmail.com

Anastasiya Aleksandrovna Tenigina
Student
Samara, Russia
Samara State University
of Social Sciences and Education
e-mail: teniginanastia@gmail.com

ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА В РОМАНЕ КОРНЕЛИИ ФУНКЕ «ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»

Статья включает в себя теоретическое обоснование понятия «говорящие имена» в контексте лингволитературного анализа. Проанализированы говорящие имена собственные в романе Корнелии Функе «Чернильное сердце», используемые для создания многослойности значений антропонимов, а также для раскрытия способностей персонажей мира фэнтези.

Ключевые слова: говорящие имена; чернильное сердце; интерпретация; символизм имен; имена собственные.

TALKING NAMES IN CORNELIA FUNKE'S NOVEL "INKHEART"

The article provides a theoretical justification for the concept of "speaking names" in the context of linguistic and literary analysis. It analyzes the speaking proper names in Cornelia Funke's novel "The Inkheart," which are used to create layers of meaning in anthroponyms and to reveal the abilities of the characters in the fantasy world.

Key words: talking names; inkheart; interpretation; symbolism of names; proper names.

Имена собственные являются одной из главных единиц литературных произведений. В художественном тексте имена собственные не просто идентифицируют литературного персонажа, но и являются образом, который создает писатель. Во многих литературных произведениях писатель дает главным героям не просто имена, а имена, которые описывают суть героя, его характер [1].

Имена собственные в литературном произведении напрямую связаны с авторским замыслом произведения, с авторским видением реального мира. Именно поэтому имена собственные, которые отражают действия, характер и «суть» героя, называют «говорящими именами». Благодаря внедрению говорящих имен в произведение автор старается добиться определённой атмосферы, которой хотел бы наделить данное произведение. Кроме этого, такие имена способствуют обогащению фантазийного мира автора, добавляя ему новые значения и ассоциации. Таким образом, читатель глубже погружается в созданную автором реальность, а также ощущает заложенную автором многогранность произведения.

К произведениям, которые наделены множеством говорящих имен, относится и произведение К. Функе «Tintenherz». В романе «Чернильное сердце» говорящие имена, которыми наделены многие герои играют огромную роль в понимании содержания произведения. Они помогают читателям понять, какими

свойствами К. Функе хотела наделить свой собственный волшебный мир. Без понимания, почему автор наделил произведение таким большим количеством говорящих имен, невозможно понять всю глубину произведения, которую К. Функе хотела передать нам. **Актуальность** нашего исследования состоит в раскрытии концептуальной сущности говорящих имен.

Целью работы является выявление особенностей использования говорящих имен в романе «Чернильное сердце». В работе используются различные **методы исследования**, в том числе контекстуальный, когнитивно-символический и культурно-исторический типы анализа. **Материалом исследования** является оригинал романа К. Функе «Чернильное сердце» и его переводы на русский язык.

Имя одного из главных героев романа – *Staubfinger* состоит из двух частей *Staub-* ‘пыль, прах’ и *-finger* ‘палец’. Когнитивный анализ имени связан с его ролью в концептуальном осмыслении автором сюжета произведения. В романе дается расшифровка данного имени в главе «Feuer und Sterne». Тётя Элинор сообщает своим гостям о том, что в ее доме действует правило «никакого огня», т.к. огонь может погубить всю ее богатую библиотеку. Однако, именно в этот момент *Staubfinger* начинает играть со спичками. Хотя Элинор и неодобрительно смотрит на него, он сообщает ей, что у нее неправильное представление о спичках. В приведенном ниже отрывке *Staubfinger* сообщает о том, что огонь возможно приручить, как любого зверька. В следующий момент он поджигает спичку, кладет ее себе в рот и затем достаёт ее потухшую.

»Ich glaube, hier hat jemand ein ganz falsches Bild vom Feuer«, sagte er. »Ich gebe zu, es kann ein bissiges kleines Tier sein, aber man kann es zähmen.« Und mit diesen Worten zog er ein Streichholz aus der Schachtel, zündete es an und schob sich die Flamme in den offenen Mund» [2].

В следующую же ночь *Staubfinger* устроил для Мегги целое представление с огнём: он «изрыгал» огонь из своего рта, проводил горящим факелом по своему телу, жонглировал несколькими факелами одновременно. Казалось, он является укротителем огня и искрометателем.

Er nahm einen Schluck aus der Flasche mit dem eingesperrten Mondlicht und spuckte etwas Weißliches in die große Vase. Danach tauchte er die Fackel, die er in der Hand hielt, in den Eimer, zog sie wieder heraus und hielt ihren tropfenden, wattenwickelten Kopf an eine ihrer brennenden Schwestern. Das Feuer loderte so plötzlich auf, dass Meggie zusammenfuhr. Staubfinger aber setzte die zweite Flasche an die Lippen und füllte sich den Mund, bis seine narbigen Backen prall waren. Dann holte er tief, tief Luft, spannte den Körper wie einen Bogen und spuckte, was immer da in seinem Mund war, über der brennenden Fackel in die Luft [2].

Когнитивная интерпретация имени предполагает интерпретацию скрытых смыслов его компонентов. Если рассматривать имя собственное как «текстовое сообщение», то составная часть имени с семантикой «прах» может быть истолкована как «результат разрушения». В концепции О.К. Мжельской «все имена собственные, имеющие символическое значение, располагаются между двумя полюсами – добром и злом (Богом и Дьяволом)» [3: 171]. На наш взгляд, компонент *Staub-*, имплицитно разрушительную силу, ассоциируется с антипо-

дом Творца, а компонент *-finger* получает метафорический смысл «контейнер» (ср. [4]), вмещающий в себя разрушителя. Таким образом, персонаж получает глубокий концептуальный смысл: «тот, кто легко, с помощью пальчика, может все разрушить».

В переводах на русский язык последний компонент имени называется «-рука», что уменьшает дьявольскую силу персонажа. Первый компонент по-разному передаются в двух вариантах русского перевода: в варианте перевода Н. Гладилиным, М. Сокольской и И. Сотниковым – «Сажерук» [5], и в варианте перевода А. Кряжимской, Н. Кушнир и Н. Хакимовой «Пыльнорук» [6]. В первом случае переводчики использовали другой образ разрушения – разрушение с помощью огня, оставляющего черные следы сажи, что конкретизирует метафорический смысл имени собственного. В русском языке это имя получает более яркий образный смысл, чем имя Пыльнорук.

Методы, которыми действует персонаж, наделенный дьявольской силой, раскрываются в его прозвищах. Главная героиня даёт Сажеруку прозвище *der Fuchsbart* (дословно «лисы борода»). Впервые встретив Сажерука на пороге своего дома, Мегги сразу же обратила внимание на внешность героя. Вокруг его губ была рыжеватая щетина, которая напоминала героине шерсть бездомной кошки.

Die Bartstoppeln um den schmallippigen Mund waren rötlich wie das Fell der streunenden Katze, der Meggie manchmal ein Schälchen Milch vor die Tür stellte. Auch auf seinen Backen sprossen sie, spärlich wie der erste Bart eines jungen Mannes [2].

Слово «лиса» у многих народов, в том числе и у немецкого, ассоциируется с хитростью. Исходя из содержания книги, можно понять, что Сажерук был очень хитрым человеком. Именно он рассказал Басте, где находится Мо, что привело к похищению отца Мегги. В тот момент, когда Мегги заметила пропажу папы, она зарыдала и стала искать его. Именно в этот момент автор уже самостоятельно, не через слова Мегги, сравнивает Сажерука с лисой, говоря, что ночь поглотила его, как «разбойничью лису»:

Die Nacht verschluckte ihn wie einen räuberischen Fuchs [2].

Другое прозвище Сажеруку даёт тётя Мегги, Элино́р. Она называет его *Streichholzfräser* («Глотатель спичек»).

Du gibst viel zu viel auf das, was dieser Streichholzfräser erzählt. [2]

Когнитивная интерпретация этого прозвища раскрывается в следующем контексте. Во время первой встречи Сажерук с тётей Мегги они сидели за столом вместе с Элино́р, которая не может терпеть, когда кто-то играет со спичками, т.к. огонь может сжечь все ее богатство, библиотеку. А Сажерук же, наоборот, обожает игру со спичечным коробком и делает это назло женщине. В тот момент, когда она указала ему на это, Сажерук зажгёт спичку и засунул себе в рот, а после вынул и бросил на тарелку уже потушенной. Таким образом, он показывает, что может легко обуздать огонь, что в представлении Элино́р получает метафорическую интерпретацию «Глотатель спичек». Ср.:

Und mit diesen Worten zog er ein Streichholz aus der Schachtel, zündete es an und schob sich die Flamme in den offenen Mund. Meggie hielt den Atem an, als seine

Lippen sich um das brennende Hölzchen schlossen. Staubfinger öffnete den Mund wieder, zog das erloschene Streichholz heraus und legte es lächelnd auf seinen leeren Teller. [2]

Следующим говорящим именем, которое мы обнаружили в тексте, является прозвище Мо, *Zauberzunge*, которое ему дал Сажерук. Антропоним содержит в себе следующие компоненты: *Zauber*- ‘магия’ и *-zunge* ‘язык’. В переводе на русский язык Н. Гладилин, М. Сокольская и И. Сотникова именуют героя как «*Волшебный язык*» [5]. Расшифровку прозвища мы получаем не сразу: Сажерук называет так Мо еще в самом начале книги, а понимание его значения мы прочитываем только через несколько глав. В тот момент, когда Мо разговаривает с Элино́р, он раскрывает ей свой секрет: при чтении вслух он может «вытаскивать» героев из книги, а в книгу «затаскивать» персонажей из реальной книги.

»Ich habe immer schon gern vorgelesen, schon als Junge, und einmal, als ich einem Freund Tom Sawyer vorlas, lag plötzlich eine tote Katze auf dem Teppich, steif wie ein Brett. Dass dafür eins meiner Stofftiere verschwunden war, habe ich erst später gemerkt. Ich glaube, uns ist beiden fast das Herz stehen geblieben, und wir haben uns geschworen und den Schwur mit Blut besiegelt, wie Tom und Huck, dass wir niemandem je von der Katze erzählen würden [2].

Прозвище «Волшебный язык» Мо получил от Каприкорна в связи с тем, что именно Мо помог вывести его и других персонажей из книги «Чернильное сердце» в реальный мир.

»Ja, sie halten mich immer noch für einen Zauberer«, sagte Mo gerade. »Sie haben mir diesen lächerlichen Namen gegeben - Zauberzunge. Und Capricorn ist der festen Überzeugung, dass ich es wiederholen kann, jederzeit, mit jedem beliebigen Buch.« [2].

Прозвище имеет метафорический смысл, наделяя язык (в значении «орган тела») магической способностью оживлять персонажей книг.

Мы считаем необходимым включить в группу говорящих антропонимов и имя дочери Мо, *Meggi (Meggie)*. Этот антропоним можно отнести к паронимам, фигурам речи, использующим в стилистических целях звуковое уподобление. Если мы уберем одну букву из слова и заменим корневой гласный -е- на -а-, то у нас вместо *Meggie* получится *Magie*, т.е. ‘магия, волшебство’. Такое имя автор не зря дал главной героине книги: оно указывает на волшебный дар девочки, который передался ей по наследству от отца. В главе «*Leise Worte*» Мегги, читая вслух книгу «Питер Пэн» несколько раз остановилась на имени Динь-Динь, имени феи, которая является персонажем книги. Мегги мечтала о ней, она хотела стать ею. После того, как она несколько раз «посмаковала» имя феи у себя на губах, она заметила, что в ее комнате что-то засветилось. Как оказалось, это и была фея Динь-Динь, которую Мегги смогла «вытащить» из сказки.

Meggie schüttelte den Kopf, als könnte sie so die Gedanken vertreiben, die sich wieder hineingeschlichen hatten, »Tinker Bell sagte, dass sich Peters Schatten in der großen Kiste befände«, wisperte sie. »Sie meinte die Kommode und Peter sprang in die Schubladen und verstreute ihren Inhalt mit beiden Händen auf dem ...«

Meggie hielt inne. Da war etwas Helles im Zimmer. Sie knipste die Taschenlampe aus, doch das Licht war immer noch da ... tausendmal heller als die Nachtlichter.

»Und wenn es für eine Sekunde zur Ruhe kam«, flüsterte Meggie, »hast du gesehen: Es war eine ... « Sie sprach das Wort nicht aus. Sie folgte dem Licht nur mit den Augen, wie es hin und her schwirrte, hastig, schneller als ein Glühwürmchen und viel größer [2].

Другим говорящим именем в романе является антропоним *Каприкорн*, который принадлежит отрицательному персонажу. В оригинале имя этого героя звучит как *Capricorn*, и оно несёт в себе много скрытых смыслов. *Capricorn* переводится на русский язык как ‘козерог’, т.е. имя персонажа было дано ему в честь знака зодиака.

Und gearbeitet haben diese Männer vermutlich für einen Mann, der sich Capricorn nennt. Bedeutet das nicht »Steinbock«? Herrgott, Mädchen.« [2]

Каприкорн обладал высоким ростом и выглядел так, как будто бы был изможден. Кожа его была очень светлой, как будто бы белый лист, она туго обтягивала его кости. У него были бесцветные глаза.

Der Sessel schien zu klein für ihn, Capricorn war ein großer Mann, hager, als hätte man ihm die Haut zu straff über die Knochen gezogen. Seine Haut war blass wie unbeschriebenes Papier, das Haar auf seinem Kopf büstenkurz. Meggie hätte nicht sagen können, ob es grau oder weißblond war [2].

Кроме этого, у Каприкорна были рога, именно поэтому ему и дали такое имя. Ведь у знака зодиака «Козерог» тоже есть рога.

Teufelshörner saßen auf dem Kopf des Engels, wie Kinder sie sich zum Karneval aufs Haar klemmen, zwischen ihnen schwebte noch der Heiligenschein [2].

Позже, из рассказа Фенолио, мы узнаём, что Каприкорн – это не настоящее имя персонажа. Он его выдумал в пятнадцать лет, а свое настоящее забыл так же, как и забыл всю свою историю происхождения. Свое «новое» имя он придумал не из воздуха: он родился под знаком зодиака Козерог. Люди, или существа как в нашем случае, родившиеся под знаком зодиака Козерог, обладают следующими качествами: они неприступные, непостижимые, ненасытные, любят играть в Бога или дьявола, в зависимости от обстоятельств.

»Natürlich hat er noch einen anderen Namen, aber nicht einmal er selbst erinnert sich an ihn. Capricorn nennt er sich, seit er fünfzehn ist, nach dem Sternzeichen, unter dem er geboren wurde. Capricorn, der Unnahbare, der Unergründliche, der Unersättliche, der gern Gott spielt oder den Teufel, je nachdem. Aber hat der Teufel eine Mutter?« Zum ersten Mal sah Fenoglio Capricorn wieder in die Augen. »Du hast eine.« [2]

Таким образом, в романе содержится большое количество имен собственных, которые несут в себе скрытые смыслы. Большинство из проанализированных нами говорящих имен имплицитно означает «магические таинства», которые может совершать литературный персонаж. Тем самым, говорящие имена концептуализируют авторский замысел, согласно которому магические действия относятся к числу дьявольских. К таким именам собственным в первую очередь принадлежит имя *Staubfinger*, т.к. оно напрямую указывает, что его обладатель умеет превращать окружающие его вещи в пыль, т.е. разрушает их. Прозвища персонажей показывают магические/дьявольские способы действия:

использование в разрушительных целях огня, знаков зодиака, использование языка в целях создания виртуальной/мистической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогалев, А. Ф. Литературная ономастика: практическое пособие / А. Ф. Рогалев; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 46 с.
2. Funke C. Tintenherz / C. Funke. – II. – Hamburg: Cecilie Dressler Verlag, 2003. – 569 с.
3. Мжельская О.К. Библейские антропонимы как феномен предельного текстового сообщения //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 11. 2009. С. 171-176.
4. Lakoff, G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 pp.
5. Функе К. «Чернильное сердце» [Текст] / К. Функе; пер. с нем. Н. Гладилина, М. Сокольской, И. Сотникова. – Москва: Росмэн, 2005. – 589 с
6. Функе К. «Чернильное сердце»: роман-фэнтези / Корнелия Функе; перевод с немецкого А. Кряжимской, Н. Кушнира, Н. Хакимовой; рисунки автора. – Москва: Махаон: Азбука-Аттикус, 2024. – 494 с.

УДК 811.112.2

Шкурко Ирина Владимировна
студент
г. Минск, Беларусь
Минский государственный
университет иностранных языков
e-mail: shkurko.04@bk.ru

Irina Vladimirovna Shkurko
student
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: shkurko.04@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РУССКОГО ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В ходе исследования на материале параллельного корпуса художественных текстов были выявлены и систематизированы основные способы перевода русских конструкций с двойным отрицанием на немецкий язык. Анализ 1000 примеров, сгруппированных по 10 ключевым моделям, показал, что выбор переводческого решения детерминирован синтаксической функцией отрицательного элемента. Установлено, что отрицательные местоимения в функции подлежащего («никто не», «ничто не») в большинстве случаев (до 86%) передаются прямыми аналогами (*niemand, nichts*). В то же время при переводе других синтаксических функций наблюдается значительное возрастание доли переводческих трансформаций. К наиболее частым трансформациям относятся: использование усилительных частиц, лексические замены, в том числе с применением словообразовательных средств, синтаксические перестройки и полное перефразирование. Полученные данные демонстрируют, что при переводе художественного текста дословная передача уступает место стратегиям, направленным на достижение естественности и сохранение стилистических нюансов целевого языка.

Ключевые слова: двойное отрицание; художественный перевод; сопоставительная лингвистика; полинегативность; русско-немецкий перевод.

FEATURES OF TRANSLATING THE RUSSIAN DOUBLE NEGATION INTO GERMAN IN LITERARY TEXTS

This study identifies and systematizes the primary strategies for translating Russian double negation constructs into German, based on an analysis of a parallel corpus of literary texts. The examination of 1,000 examples, categorized into 10 key patterns, reveals that the choice of translation strategy is determined by the syntactic function of the negative element. The findings indicate that negative pronouns in the subject function (*никто не, ничто не*) are most frequently translated using direct analogues (e.g., *niemand, nichts*), with this approach accounting for up to 86% of cases. In contrast, the translation of other syntactic functions shows a significant increase in the use of translation transformations. For instance, this rate reaches 83% for adverbial constructions like *ни-как не*. The most frequent transformations include the use of intensifying particles, lexical substitutions—often involving derivational means, syntactic restructuring and complete paraphrasing. The results demonstrate that in literary translation, a literal rendering is often subordinated to strategies aimed at achieving linguistic naturalness and preserving stylistic nuances in the target language.

Key words: double negation; literary translation; contrastive linguistics; polynegation; Russian-German translation.

Данная работа посвящена исследованию особенностей перевода множественного отрицания русского языка на немецкий язык. В работе проводился

анализ передачи различных средств выражения отрицания в художественной литературе при переводе.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что категория отрицания является одной из фундаментальных лингвистических категорий, играющих важную роль в коммуникации. Особый интерес представляет множественное отрицание в русском языке и его передача на немецкий язык, поскольку один из этих языков – русский – является полинегативным, а второй – немецкий, соответственно, – мононегативным. Изучение данной проблемы важно для теории и практики перевода, а также для сопоставительной лингвистики. Проблема отрицания рассматривалась в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Однако вопросы перевода множественного отрицания с русского на немецкий язык остаются недостаточно исследованными, что определяет научную новизну данной работы.

Материалом для исследования послужил параллельный немецко-русский корпус Национального корпуса русского языка, включающий художественные тексты и их переводы.

В ходе написания данной работы использовались традиционные для лингвистики методы, такие как сопоставительный анализ, корпусный анализ, контекстуальный анализ и метод механической выборки.

Отрицание – ключевая особенность языка, используемая для отображения реальности и имеющая большое значение в коммуникации. Специалисты в области лингвистики тщательно исследуют это явление, поскольку не существует общепринятого определения. В русском и немецком языках способы выражения отрицания отличаются друг от друга. Русский язык допускает использование сразу нескольких отрицательных конструкций в одном высказывании, в то время как в немецком языке такая конструкция недопустима, предпочитается использование только одного средства выражения отрицания. Соответственно целью настоящего исследования стало выявление способов передачи многократного отрицания в русских предложениях при переводе на немецкий язык в художественных текстах. В процессе исследования были проанализированы по 100 примеров для 10 случаев двойного отрицания, извлеченных из параллельных текстов русского и немецкого языков, в результате чего были выявлены следующие закономерности перевода конструкций с двойным отрицанием:

1. Никто не

Анализ показал, что в 86% случаев предложения с *никто не* переводятся на немецкий язык аналогичным отрицательным местоимением *niemand* (63%) или *keiner* (23%), при этом отрицательная частица не опускается: *Жду день, два, за мной никто не едет.* – ‘*Ich wartete einen Tag, zwei Tage, doch niemand kam mich abholen.*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

В остальных случаях (14%) переводчик прибегал к синтаксической трансформации. Один из примеров – использование отрицания *nicht*: *А проводить нас никто не может? Работник ваш, к примеру?* – ‘*Könnte uns nicht jemand den Weg zeigen? Ihr Geselle zum Beispiel?*’ (Владимир Сорокин. Метель (2010))

2. Ничто не

Для *ничто не* в немецком языке также есть аналогичное отрицательное местоимение *nichts*, с помощью которого и переводилось большинство предложений (73%): *Меня и правда ничто здесь не держало.* – ‘*Ehrlich gesagt hielt mich in meiner Welt nichts.*’ (Макс Фрай. Чужак (2004))

Часть предложений передавалась при помощи отрицательного местоимения *niemand* (5%), если из контекста было понятно, что речь идёт об одушевлённых существительных: *У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет,* – *ответил мастер,* – *ничто меня вокруг не интересует, кроме нее,* – *он опять положил руку на голову Маргариты,* – *меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.* – ‘*"Ich habe keine Träume und keine Inspiration mehr", antwortete der Meister, "niemand interessiert mich außer ihr. "Er legte Margarita wieder die Hand auf den Kopf. "Man hat mich zerbrochen, ich langweile mich und möchte in den Keller."*»’ (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940))

В остальных случаях были задействованы переводческие трансформации – 22%, которые, например, включают в себя лексические средства, уже содержащие негацию в своей семантике: *Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло.* – ‘*Alle Bemühungen Christos, seinen Bruder von dieser fixen Idee abzubringen, waren vergebens.*’ (Александр Беляев. Человек-амфибия (1928))

3. Ничего не

Русское двойное отрицание *ничего не*, так же как и *ничто не* чаще всего на немецкий язык передаётся через аналогичное отрицательное местоимение *nichts* – 60%: *У нее с собой ничего не было: ни мешка, ни сетки – так она сняла с себя комбинацию.* – ‘*Sie hatte nichts bei sich, keinen Sack, kein Netz – da hat sie ihre Wäsche ausgezogen.*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

Встречаются также случаи передачи через отрицательное местоимение *nix* – 2%: *Он ничего не понимает,* – *сказал другой китаец.* – ‘*»Der kapiert nix«, sagte der andere Chinese.*’ (Владимир Сорокин. Метель (2010))

Довольно часто используются переводческие трансформации – 38%. Они выражены, например, подчинительными союзами, в т.ч. *bevor*. Эти трансформации также активно выражаются средствами словообразовательного уровня, прежде всего суффиксом *-los*:

- Ничего не говоря – ‘*wortlos*’;
- Ничего не весила – ‘*schwerelos*’;
- Ничего не выражающее лицо – ‘*ausdrucksloses Gesicht*’.

4. Никому не

Анализ показал, что в 77% случаев предложения с *никому не* на немецкий передаются с помощью отрицательных местоимений *niemand* (49%) и *keiner* (29%). При этом они могут употребляться в любом падеже, кроме генитива: *И историю эту, по вполне понятным причинам, никому не рассказывает.* – ‘*Und erzählt die Geschichte vermutlich auch niemandem.*’ (Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1993))

Среди синтаксических трансформаций – передача отрицания посредством *nicht*, вместо активной конструкции предложения переводчик отдавал предпо-

чение пассивную, чтобы акцентировать внимание читателя на сказуемом: *Никому другому она дверь открывать не собиралась.* – ‘*Und einem anderen gedachte Natalja nicht zu öffnen.*’ (Александра Маринина. Украденный сон (1994))

5. Никого не

Посредством анализа мы определили, что двойное отрицание *никого не* на немецкий язык в большинстве случаев переводится с помощью отрицательных местоимений *niemand* (63%) и *keiner* (7%), которые употребляются во всех падежах, кроме генетива: *Мама сошла с ума, она никого не узнавала, даже меня.* – ‘*Mama wurde verrückt, sie erkannte niemanden mehr, nicht einmal mich.*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

Оставшиеся 30% – переводческие трансформации: *Звонил однажды, когда больше никого дома не было.* – ‘*Er hat einmal angerufen, als ich allein zu Hause war.*’ (Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998)) *Никого я не обманывала, – с милой улыбкой ответила Ирина.* – ‘*»Ich habe nicht vor, jemanden zu betrügen«, antwortete Irina mit einem sanften Lächeln.*’ (Сергей Лукьяненко. Спектр (2002))

6. Никогда не

С помощью анализа было выявлено, что русское отрицание *никогда не* в 80% случаев на немецкий язык передаётся при помощи отрицательного наречия *nie* (59%) и *niemals* (21%): *Нас никогда столько не обнимали и не целовали, как в этот день.* – ‘*Nie waren wir so viel umarmt und geküsst worden wie an diesem Tag.*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

В 4 раза реже (20%) использовались переводческие трансформации. Они вводились при помощи противоположных по значению лексических средств или с помощью синтаксических трансформаций с *nicht*: *Я еще никогда не слышал, как трещат человеческие кости...* – ‘*Ich hörte zum ersten Mal, wie menschliche Knochen krachen...*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

7. Никак не

Русское двойное отрицание *никак не* при переводе на немецкий язык в некоторых случаях передаётся через немецкие отрицательные наречия *niemals* (2%), *keinesfalls/keineswegs* (5%), *nie* (6%) и отрицательное местоимение *nichts* (4%): *Имя было тем, что он никак не мог простить родителям.* – ‘*Der Name war das, was er seinen Eltern niemals verzeihen würde.*’ (Сергей Лукьяненко. Спектр (2002))

В большинстве же случаев это отрицание передаётся через переводческие трансформации – 83%: *Никак не могла найти ей место на елке.* – ‘*Ich suchte lange nach einem passenden Platz dafür am Baum.*’ (Светлана Алексиевич. Последние свидетели (1985))

Среди трансформаций отдельно можно выделить отрицание *nicht* с такими усилительными элементами, как *einfach, überhaupt, jedoch, gar*: *Вот чего я понять никак не могу: астрономия с астрологией, конечно, науки великие, но при чем здесь телескоп?* – ‘*Was ich überhaupt nicht verstehen kann. Astronomie hin, Astrologie her, das sind großartige Wissenschaften, aber was braucht es dazu ein Fernrohr?*’ (Владимир Сорокин. День опричника (2006))

А также активно используются лексические средства типа *in keiner Weise, unter keinen Umständen, auf keinen Fall*: Он никак не прореагировал на появление доктора. – ‘*Auf des Doktors Erscheinen reagierte er in keiner Weise.*’

8. Ничем не

Анализ показал, что *ничем не* на немецкий язык переводится в 35% случаев через немецкое отрицательное местоимение *nichts* (34%) и отрицательное наречие *keineswegs* (1%): Лошади ничем не отличались от людей. – ‘*Die Pferde unterschieden sich in nichts von den Menschen.*’ (Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1967))

В остальных 65% переводчики прибегали к переводческим трансформациям, среди которых также можно выделить отрицание *nicht* с усилительными частицами *einfach* и *gar*, а также лексические средства типа *in keiner Weise*: И не можем мы ничем помочь им. – ‘*Und ach, wir können ihnen so gar nicht helfen...*’ (Владимир Сорокин. День опричника (2006))

9. Никакой не

Частым немецким соответствием для русского отрицания *никакой не* является отрицание *kein* + существительное – 52%: И в вещах девушки он не нашёл никакой зацепки. – ‘*Auch in Irinas Sachen hatte er keinen Hinweis entdecken können.*’ (Сергей Лукьяненко. Спектр (2002))

В 10% случаев переводчики употребляли *keinerlei* + существительное: И защиты от них нет никакой. – ‘*Und es gibt keinerlei Schutz vor ihnen.*’ (Александра Маринина. Украденный сон (1994))

В некоторых случаях (4%) отрицание *никакой не* передавали с помощью немецкого отрицательного местоимения *nichts*: Извини, у меня еды никакой нет, могу предложить только бутерброд с сыром. – ‘*» Entschuldige, ich habe überhaupt nichts zu essen da. Ich kann dir nur ein Käsebrot anbieten.*’ (Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995))

И в оставшихся 34% были задействованы переводческие трансформации: Никакой злобы ко мне у него и в помине нет, конечно же. – ‘*Gegen mich persönlich hatte er natürlich nicht das Geringste.*’ (Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998))

10. Нисколько не

С помощью анализа было установлено, что переводчики в некоторых случаях – 8% для передачи русского двойного *нисколько не* используют немецкое отрицательное наречие *keineswegs*: Однако эта досадная шалость природы нисколько не испортила общего впечатления. – ‘*Doch diese ärgerliche Laune der Natur verdarb den Gesamteindruck keineswegs.*’ (Борис Акунин. Алмазная колесница (2003)) В абсолютном большинстве они прибегают к различным переводческим трансформациям, среди которых отдельно можно выделить *nicht im geringsten* (21%) и *nicht im mindesten* (2%): Она нисколько не выглядела смущенной. – ‘*Sie wirkte nicht im geringsten verlegen.*’ (Борис Акунин. Алмазная колесница (2003))

Также активно применяются лексические средства, например, *in keiner Weise*: Стройность процесса нисколько не нарушает и защита: – ‘*Die elegante*

Vollkommenheit des Prozesses wird auch durch die Verteidigung in keiner Weise gestört.' (Александр Солженицын. Архипелаг Гулаг (1973))

Кроме этого, часто употребляются инфинитивные конструкции с *ohne ... zu*: *Бежала легко, размеренно, нисколько не участвуя дыхания.* – '*Sie lief mühelos, gleichmäßig, ohne zu keuchen.*' (Борис Акунин. Алмазная колесница (2003))

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: способ перевода русского отрицательного элемента на немецкий язык в художественных текстах определяется в первую очередь его синтаксической функцией. Если отрицание в предложении выступает в роли подлежащего, то при переводе в большинстве случаев оно передается на немецкий язык аналогичной отрицательной конструкцией. Это можно объяснить тем, что подлежащее является ядром предложения, которое важно сохранить при переводе. Трансформации же применяются из стилистических соображений и контекстуальных нюансов, что во многом обусловлено художественным стилем исследованных текстов. Передача дополнений осуществляется также в большинстве случаев аналогичным отрицательным местоимением, при этом отмечается существенно более высокая доля трансформаций, что может быть обусловлено тем, что переводчики смещают акцент с отрицания на действие: *Уйдет, бывало, никому ничего не скажет, а является в час ночи.* – '*Sie ging weg, ohne Bescheid zu sagen, und kam oft erst nachts um eins nach Hause.*'

При передаче двойного отрицания в функции обстоятельства отмечено, что обстоятельства времени переводятся в абсолютном большинстве аналогичными немецкими наречиями, в то время как остальные виды обстоятельств не столь универсальные, как в русском языке и для их передачи прибегают к трансформациям. Передача двойного отрицания в функции определения коррелирует с его местоположением, в частности нейтральное определение при существительном передается аналогичными конструкциями, а если контекст требует эмфазы или стилистической адаптации, то переводчик использует лексические замены, усилительные конструкции или вообще полное перефразирование.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Барабашёва Ирина Владимировна ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	3
Безменова Елизавета Сергеевна «I WILL KILL YOU»: МЕНАСИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГРОЗЫ В НАРРАТИВЕ	9
Беляева Мария Вячеславовна ТОПОНИМИКА БЕРЛИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	15
Богданова Наталия Альбертовна РОЛЬ КОЭФФИЦИЕНТА ДАЙСА И КОЛЛОКАЦИОННОЙ ЧАСТОТНОСТИ ДЛЯ РАСЧЕТА ИНДЕКСА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОСОДИИ СЛОВА	20
Будько Антонина Филипповна Курьян Владимир Владимирович ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ УЧИТЕЛЕМ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ	26
Булгакова Марина Павловна Кураш Алина Андреевна ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	32
Внук Татьяна Владимировна ИГРА СЛОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	37
Гарифуллина Альбина Фатиховна Кобызева Светлана Владимировна ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ	43
Гарифуллина Альбина Фатиховна Ковшечникова Вероника Александровна ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ	48
Горожанов Алексей Иванович ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ WESTDEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG)	53

Григорьева Маргарита Алексеевна АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ	58
Задворная Елена Геннадиевна МОТИВИРОВОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	63
Задворная Елена Геннадиевна Пурмале Диана Александровна СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ УСЛОВИЯХ	69
Зохраб-Меджид Месма Якуб кызы ВУЛЬГАРНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	75
Зуевская Елена Викторовна ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТРЕВЕЛ-БЛОГАХ	82
Ильянкова Дарья Олеговна ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАКАТОВ ПАРТИЙ)	87
Кондракова Светлана Викторовна ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВИРОВАННОГО ИНФИНИТИВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ	91
Кондратьева Елизавета Михайловна ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА	96
Конькова Алина Сергеевна ПРИЕМЫ АДРЕСАЦИИ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	99
Кострова Ольга Андреевна КОНСТРУКЦИЯ <i>OB ÜBERHAUPT</i> В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	105
Курбаленко Наталия Валериевна Шабунь Ярослава Валерьевна ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛЕВОГО, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ТИПОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ КАУЗАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	111

Куров Александр Станиславович ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ «ПОТЕРЯ ВЗРЫВА» И СПОСОБЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	118
Куценко Надежда Владимировна ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ УГРОЗЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	122
Левкович Анна Дмитриевна ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ	128
Ленец Анна Викторовна ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	134
Лесняк Марина Валерьевна СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ	141
Магеррамова Севиндж Аббасгулу ИМПРЕССИВНАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА	147
Маник Светлана Андреевна ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	154
Мелконян Ашхен Арутюновна Шапошникова Светлана Николаевна ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ INTERASTY В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ	160
Мыльцева Маргарита Викторовна ПСИХОНЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СНАТGPT	166
Неборская Лариса Николаевна ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ «ПУТЕВОЙ ОТЧЕТ» XVI–XVII ВВ.	172
Неборская Лариса Николаевна Якубенко Людмила Михайловна ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	178
Нестерук Ирина Федоровна КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	187

Палехова Ольга Владимировна АЛЛЮЗИИ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТА ГЕРМАНИИ ФРАНКА- ВАЛЬТЕРА ШТАЙНМАЙЕРА	192
Паремская Светлана Витальевна РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В ВЫРАЖЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	197
Петракова Юлия Игоревна РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	202
Петрова Екатерина Игоревна ЯЗЫКОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИРОДООХРАННОЙ ПРОПАГАНДЫ В РЕКЛАМЕ	208
Путаева Эльнара Эльдаровна ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И НАВЫКОВ ПОНИМАНИЯ ПРОЧИТАННОГО В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА	213
Рымкевич Ольга Евгеньевна МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале немецкого языка)	219
Садовникова Елена Викторовна ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ	225
Салимова Севиндж Ибадулла кызы НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ	231
Серова Ангелина Сергеевна СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИИ, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ «ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ЗНАК 给 ‘ДАВАТЬ’ + ЗНАКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДУХОВНЫМ МИРОМ ЧЕЛОВЕКА»	236
Силкович Лилия Александровна КРОСС-КУЛЬТУРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	243
Симакова Марина Григорьевна Нефедов Евгений Александрович СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЗООНИМОВ	248
Солонович Людмила Владимировна СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ	253

Сулейманова Айтен Камал гызы ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКИХ ТАБЛОИДОВ	258
Сысоева Татьяна Александровна СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В БЕЛОРУССКИХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМИДЖЕВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ	267
Сытько Анна Васильевна <i>НАДО ИЛИ ...</i> , ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС: ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ДИЗЬЮНКЦИЯ	273
Теселкина Ольга Евгеньевна ЦЕННОСТНАЯ КОНСТАНТА <i>NACHHALTIGKEIT</i> В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	280
Фирсова Екатерина Васильевна ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХЕДЖИРОВАНИЯ И ИХ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	286
Чигирь Антон Владимирович СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	292
Чопсиева Гюльсум Мамед кызы ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРИЧИН МИГРАЦИИ В НОМИНАЦИЯХ МИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	297
Ширинова Айшан Ибад гызы РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ (АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ): СТРУКТУРА И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ	302
Шевцова Валентина Анатольевна ВАРИАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ	306
Ширзадова Лятифа Вугар кызы РОЛЬ СИНОНИМИИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА	312
Шиш Полина Сергеевна СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ И СЕМАНТИКА НЕОБХОДИМОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	319
Эйвазлы Гюнель Имрановна КОНТЕКСТ КАК ТОЧКА СБЛИЖЕНИЯ ПРАГМАТИКИ И АНАЛИЗА ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС	325

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ,
посвященный памяти доктора филологических наук,
профессора Тамары Степановны Глушак**

Афанасенко Кристина Александровна ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	330
Бинкевич Юлия Николаевна РОЛЬ ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ С. ЦВЕЙГА	335
Войтович Юлия Николаевна ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОТРИЦАНИЯ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	340
Воробьева Юлия Андреевна ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СО СРАВНИТЕЛЬНЫМИ ОБОРОТАМИ (на материале аудиокниги романа Эриха Марии Ремарка «Im Westen nichts Neues»)	345
Германова Полина Александровна АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ ДЖ. РОУЛИНГ «HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS» И ИХ ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	350
Иванькова Екатерина Сергеевна ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ	355
Комисарчук Илария Сергеевна СТРУКТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	360
Пилипенко Даяна Викторовна ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	365
Пожарицкая Екатерина Викторовна СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЕВ К ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОСТАМ В ИНСТАГРАМ	370

Селиверстов Илья Михайлович ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МИФОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В НАСТОЛЬНО РОЛЕВЫХ ИГРАХ	373
Собянина Валентина Александровна Росинская Валерия Михайловна ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)	378
Сокол Карина Андреевна СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЛОРУССКИХ ПОТАМОНИМОВ И ЛИМНОНИМОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	385
Тенигина Анастасия Александровна ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА В РОМАНЕ КОРНЕЛИИ ФУНКЕ «ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»	390
Шкурко Ирина Владимировна ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РУССКОГО ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	396

Функциональная лингвистика и коммуникация: вызовы и перспективы

Научное издание

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА И КОММУНИКАЦИЯ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статьи по результатам международной научной конференции

Минск, 17–18 октября 2025 г.

Сетевое электронное издание

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Е.В. Зувеская*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.